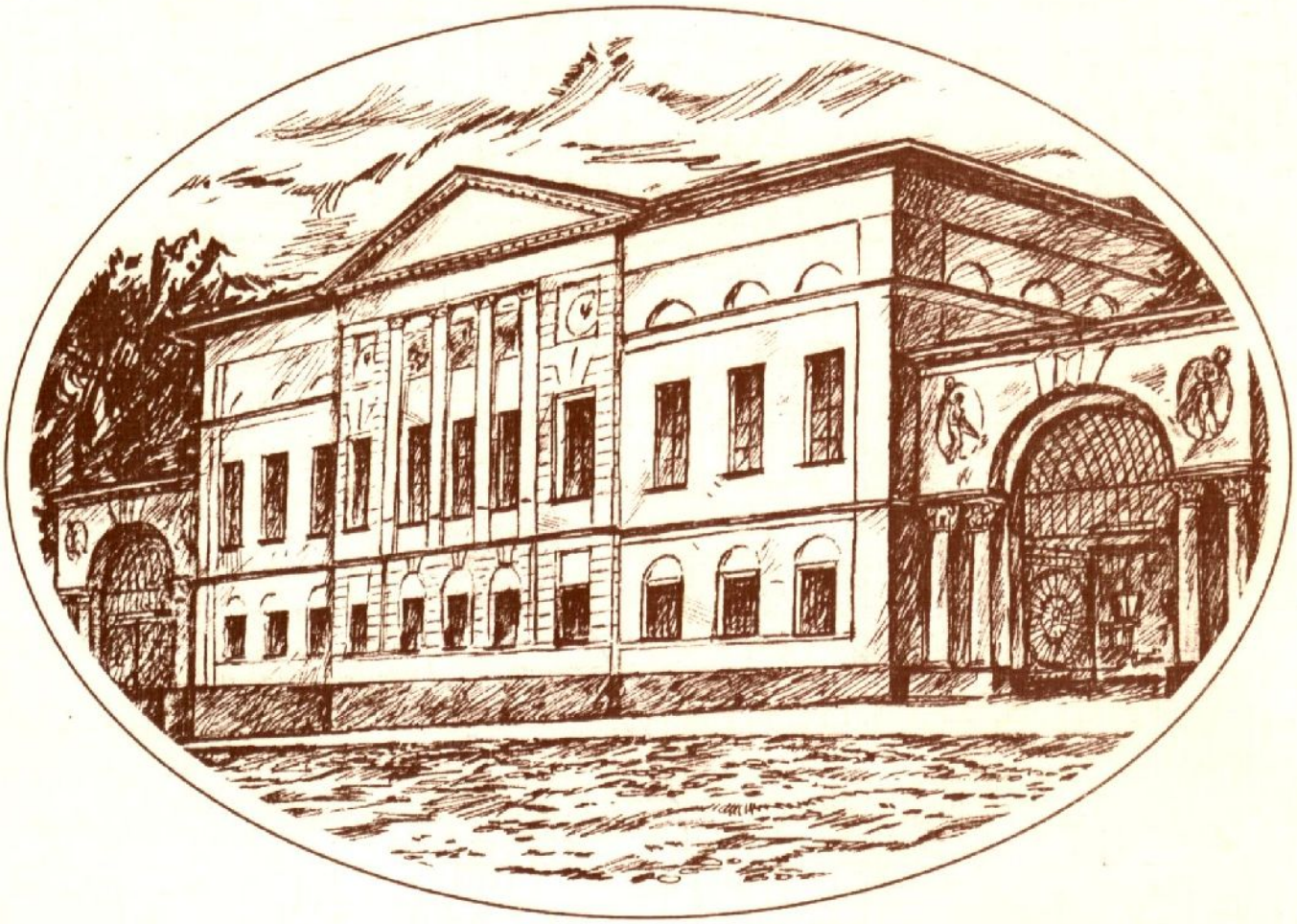


ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Министерство культуры Калужской области

Государственное учреждение культуры
«Калужский областной краеведческий музей»

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XIII Всероссийской научной конференции,

посвященной 200-летию Н.В.Гоголя

Калуга — 2009

ББК 63.А(2)
В748

Художник В.М. Типикин

В748 Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7-9 апреля 2009 г. — Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. — 412 с.

ISBN 978-5-93999-347-0

Сборник включает материалы XIII Всероссийской научной конференции, проходившей 7 —9 апреля 2009 г. в Калужском областном краеведческом музее и посвящен результатам исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63.А(2)

ISBN 978-5-93999-347-0

© ГУК «Калужский областной краеведческий музей»
© Авторы публикаций

Глубокоуважаемые коллеги!

Сегодня мы открываем XIII Всероссийскую научную конференцию «Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья», уже третий раз проходящую в ранге всероссийской. Идея проведения первой подобной конференции принадлежит сотрудникам Института археологии Российской академии наук, в 1986 году совместно с Калужским областным краеведческим музеем организовавшими конференцию «Вопросы древней истории Верхнего Поочья». На ней прозвучало пятнадцать докладов, в основном посвященных вопросам изучения археологии региона.

Организатором двенадцати последующих конференций выступает Калужский областной краеведческий музей — ведущее учреждение в нашей области в координации краеведческих исследований.

В этом году музей созвал под свои стены научных работников, преподавателей, студентов и краеведов из Калуги и Калужской области, Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Тулы, Орла, Брянска, Нижегородской области.

На конференции прозвучат 117 докладов, поднимающих вопросы методологии научных исследований, связанные с изучением памятников истории и культуры, методов изучения источников и отдельных природных объектов и комплексов Верхнеокского региона и сопредельных территорий.

Примечательно, что на протяжении последних десяти лет Калужский областной краеведческий музей стал играть роль регионального научного и методического центра, формируя и решая проблемную базу региональных краеведческих исследований.

Открываемая сегодня конференция посвящена 200-летию Николая Васильевича Гоголя, оставившего свой след на Калужской земле. Мы будем сегодня говорить о пребывании Гоголя в Калуге, о его философских исканиях. Эта конференция — завершающий этап большой двухнедельной программы мероприятий, проведенных музеем к юбилею писателя.

Позвольте пожелать Вам хорошей и плодотворной работы на конференции, творческих успехов. Мы ждем вас на наших конференциях и в дальнейшем!

Министр культуры Калужской области — А.И. Типаков

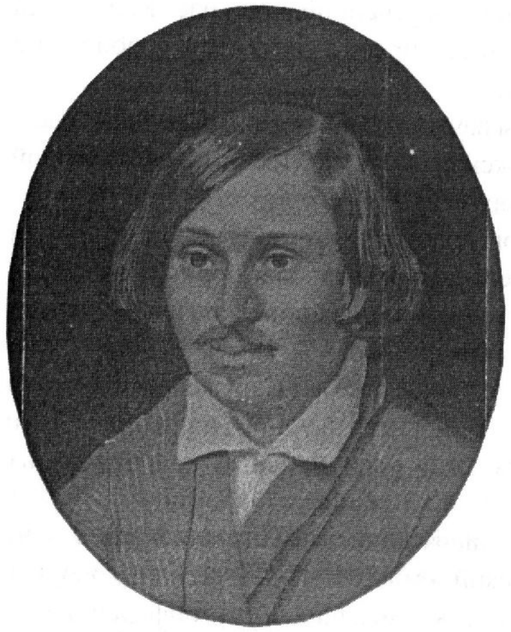
КАЛУЖСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Н.В. ГОГОЛЯ

***Г.И. Роянова**, заслуженный работник культуры РФ,*
Калужский областной краеведческий музей

Еще одна черта именно сегодняшнего понимания Гоголя — ощущение его всемирного значения.

Ю.В.Манн.

Как и 100 лет тому назад, к 200-летнему юбилею Николая Васильевича Гоголя, выдающегося писателя XIX века, проникшего в глубину украинской и русской действительности, давшего миру «Тараса Бульбу», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизора», многие другие произведения и свои знаменитые «Мертвые души», приобщилась и Калуга. Калуге и Калужскому краю по праву принадлежит памятное место в недолгой, но замечательной жизни великого художника русского слова, которым он соединил два издревле исторически единых народа, о чем он сам писал 24 декабря 1844 года Александре Осиповне Смирновой-Россет: *«Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую»*[1]. И народ ответил ему «от стен старого Кремля до стен недвижного Китая», повторяя тысячу раз имя Гоголя и во всевозможных лекциях и кантатах, и в посвященных его памяти юбилейных журналах, многочисленных исследованиях о его жизни и творчестве. Уже состоялись конференции в Полтаве и Крыму, с 1 по 5 апреля в Москве в Доме Гоголя работала Международная конферен-ция, которая завершила свою работу 5 апреля на Калужской земле.Участники конференции посетили памятные места, связанные с пребыванием Н.В.Гоголя: музей-усадьбу Полотняный Завод, Калужский областной краеведческий музей, монастыри — Козельскую Введенскую Оптину пустынь и Шамордино.



Н.В. Гоголь. Литография 1841 г.

Вопрос о месте Калуги в жизни и творчестве Н.В.Гоголя не впервые поднимается и рассматривается в научных и краеведческих исследованиях. В начале XX столетия вышли статьи Н.П. Авраамова «Гоголь в Калуге» (1910 г.); в сборнике «Подвижник Слова» Ив. Щеглова были опубликованы ряд статей о пребывании Н.В.Гоголя в Калуге (1909 г.), в Калужском издании церковного историко-археологического общества «Калужская старина» в 1902 году были опубликованы ряд статей Д. Закса, П.Г. Воскресенского, М.Ченцова и

[1]Гоголь Н.В. ПСС.Л.,1952. Т.12. С.419.

В.Покровского о жизни, поэзии и духовном творчестве Н.В.Гоголя; в 1909 году в «Калужской Старине» вновь появились статьи уже других авторов о пребывании Н.В.Гоголя в Калуге и Оптиной пустыни; в Известиях Калужской Ученой архивной комиссии в 1903 году были опубликованы сведения о пожертвованиях в 1902 году в Калужский губернский исторический музей гравюры, изображающей Н.В.Гоголя, сжигающего свои произведения, художника Солоницкого, и, ранее, — перо Гоголя, которым он писал незадолго до смерти. *«Честь сохранения этого пера принадлежала графине Анне Георгиевне Толстой, а после ее смерти ее душеприказчику М.А.Нарышкину»*. С тех пор перо Гоголя не меняло место своего пребывания [2].

А.О. Смирнова-Россет. 1850-е гг.

В средине XX столетия (1952 г.) к дням Памяти Н.В.Гоголя в Калуге в издательстве газеты «Знамя» вышла небольшая брошюра кандидата исторических наук В.В. Киршмана «Калуга в жизни и творчестве Н.В.Гоголя», который, на наш взгляд, коротко, но по содержанию достаточно глубоко определил цель и творческий интерес писателя к губернской жизни XIX века. В.В. Киршман назвал свою работу очерком, на который редко ссылаются последующие авторы в исследования жизни и творчества Н.В.Гоголя на Калужской земле. А между тем ему принадлежит роль в введении в данную тему термина или словосочетания «калужский период» и расширения временных рамок «калужского периода», начиная его с материалов заочного знакомства с Калугой и губернией (по переписке) Н.В. Гоголя и А.О.Смирновой-Россет, как начала, но до конца «неосуществленного путешествия писателя по России» [3]. Позже появились публикации Н.М. Маслова, Н.Н. Анисимова и В.Н. Сорокина, А.С. Пехтерева, В.А. Пухова, А.В. Евгина и автора данной статьи.

Наш интерес к жизни и творчеству Н.В.Гоголя был продиктован необходимостью уточнения фактов пребывания писателя на калужской земле в связи с построением музейной экспозиции в Оптиной пустыни в 80-х годах прошлого столения. В результате исследований документов ГАКО (ф.33), ЦГАЛИ (ф.1337), Летописи скита Оптиной пустыни (ф.214) удалось уточнить временные рамки и места посещения Гоголем Калужской губернии и установить объекты творческого интереса писателя [4].

Ныне возвращение к данной теме обусловлено продолжением изучения эпистолярного наследия Н.В.Гоголя периода 1845—1848 (периода заочного знакомства с Калужской губернией), которое подтверждает факт интереса знаменитого писателя к жизни российской провинции при сборе фактического материала для создания второго тома «Мертвых душ». Адресатами Н.В.Гоголя в письмах, в которых упоминается Калуга, Малоярославец, Оптина пустынь, были большей частью А.О. Смирнова-Россет, Л.О. Россет, В.А. Жуковский, А.С.Данилевский, М.И.Гоголь, А.М.Виельгорская, С.М.Сологуб, П.А.Грогоров (о.Порфирий),

[2]Известия КУАК. Калуга, 1903.

[3]Киршман В.В. Калуга в жизни и творчестве Н.В. Гоголя. Калуга, 1952.

[4]Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья.Калуга,1991. С.51—54; Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья.Калуга,1993. С.77—79.

Перо Н.В. Гоголя.
КОКМ Кл 703.

о.Филарет, о.Макарий. Таким образом, источниковедческая база позволяет разделить «Калужский период» 1845—1851 годы на две части. Первая часть — это время изучения Калужской губернии из «прекрасного далека» 1845—1848г. и вторая часть — непосредственное посещение Калуги и Калужской губернии Н.В.Гоголем в 1849, 1850, 1851 годах. Калугу Гоголь посещал, останавливаясь и проездом, 4 раза, в Малоярославце был дважды, в Оптиной пустыни — трижды; разовыми посещениями отмечены Бегичево, Полотняный Завод (в XIX веке Медынского уезда) и Долбино (в XIX веке Лихвинского уезда Калужской губернии). Если вторая часть «калужского периода» достаточно изучена, то первая, непосредственно переписка, используется в отдельных выдержках исследователей ряда писем и не подвергалась обобщению. Значение этой части «калужского периода»в жизни Н.В.Гоголя представлено в очерке В.В.Киршмана: «Интерес писателя к Калуге, проявлявшийся еще задолго до его приезда в этот город, а затем внимание, уделявшееся ей, конечно, нельзя считать случайностью»[5].

Еще в 1844 году А.О.Смирнова отправила Н.В.Гоголю письмо (все письма датируются н.с.), предполагая, что ее мужу — Н.М.Смирнову — будет уготована участь стать губернатором предположительно в одной из северных губерний. На что в мае 1844 года Николай Васильевич ответил ей из Франкфурта: *«на письмо ваше скажу вам только то, что дорога, предстоящая вам, и даль, и север, и губернаторство, и тоска, будут очень, очень, очень нужны душе вашей: а как, и что, и почему, и каким именно образом, об о всем этом поговорим. Припомните, что я вам всегда говорил, что между нами и неначинались еще настоящие разговоры. Теперь наступило их время. Итак, веселей, тверже, и отважней в дорогу жизни! За все потом вы возблагодарите бога, и не будет конца признательным и сладким слезам вашим. Затем досвидания. Прощайте, прекрасный брат мой! Весь ваш Г.»*[6]. В июне следующего года тайный советник, чиновник министерства иностранных дел, 37-летний Николай Михайлович Смирнов был назначен в Калугу гражданским губернатором. 28 августа он вступил в должность; поздней осенью 1845 года по «шоколадной размазне» в Калугу приезжает Александра Осиповна Смирнова-Россет. Ей предстояло около шести лет прожить в провинции, которой на протяжении всех этих лет будет интересоваться Н.В.Гоголь. В 1845 году он отправил Смирной 11 (опубликованных в ПСС Н.В.Гоголя) писем. Одно из них он сам называл *«длинное и большое по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных»*. Важно отметить, что Гоголь оценивал письма как *«дневник мыслей, чувств и ощущений, живое понятие о всех людях»*. В письме от февраля 1845 года к тому же адресату писатель пишет: *«ничто не пропадет в ваших письмах безответно. И так знайте это и никогда не уставайте писать мне: это обоюдно нужно нам»* [7]. Впервые о Калуге Н.В Гоголь узнает от Смирновой из письма от 19 июня 1845 года и отвечает ей: *«Наконец судьба Николая Михайловича решилась; ему досталась на долю Калуга. Что ж это хорошо: Калуга близко от Москвы и не так далеко от Петербурга. В Москву вам нужно иногда наведоваться для освещения, а иногда для переговоров с людьми, в Петербург вам нужно наведоваться собственно для одной царской фамилии, которой вы будите необходимей и нужней, чем далее и более... Не смущайтесь перед предстоящими благотворительными обществами и приютами, какие ныне требуются от губернаторш»*. С этого времени начинается активная обоюдная переписка. В них наставления калужской губернаторше и убедительные просьбы описывать калужские события. 28 июля того же года Гоголь уточняет роль губернаторши в губернском городе:

[5]Киршман В.В. Калуга в жизни и творчестве Гоголя.Калуга, 1952.
[6]Гоголь Н.В. ПСС.Л.,1952. Т.12. С.31.
[7]Там же. Т.12. С.459.

Город Калуга.

«Ваше влияние в губернии гораздо значительние, нежели вашего мужа, а может быть, и генерал-губернатора. Губернаторша как бы то ни было первое лицо в городе. Благодаря нынешнему направлению обезьянства, с вас будут брать и заимствовать все до последней безделицы» [8]. А далее в письме просьба: *«Прежде всего познакомьтесь с теми женщинами, которые поумнее других, расспросите у них обстоятельно и хорошо о всех других, которые поглупее, не упуская ничего, до самых пустых привычек и мелочей. Вы же владеете искусством распрашивать и разведывать»* [9]. В письме Гоголь намеревается заехать в Калугу, если позволит здоровье *«и верно, свидание наше будет радостней и плодотворнее для душ наших, чем когда-либо дотоле»*.

На всем протяжении 1845 года в письмах Н.В.Гоголь то утешает Смирнову, для которой Калуга становится «трагедией»: *«утешитесь! ваша будущность светла. В Калуге она начнется...», «Калуга будет ваш лазорет»*, то вновь обращается к ней с просьбой: *«Жду с нетерпением описания вашего приезда в Калугу, до малейших подробностей, которые все до единой мне нужны»*. Соответствующие ответы А.О. Смирновой-Россет мы находим и в ее записках и воспоминаниях. В конце 1845 года она описывает Гоголю систему губернского правления: *«на другой день Николай Михайлович посвятил меня в компликтацию служебной иерархии, я не подозревала, что огромная Россия поддерживается такими тузами, как председатель гражданской, Уголовной, казенной палат, что есть такое судилище, как губернаторское правление, что есть совестный судья, пробирмейстер, врачебная управа, которая отличается во время рекрутского набора и набивает себе карманы. Мелкопоместные дворяне тоже украшают своим присутствием город и селятся на Московской улице. На день мне дали лист и послали меня делать визиты по иерархическому порядку. Первый визит, конечно, был к архиерею преосвященному Николаю. Я поехала с матушкой, которая не выходила. Мне казалось, что меня подводили к заднему крыльцу. Эти визиты нагнали на меня скуку и тоску. Я все это описала Гоголю, и он остался очень доволен моими сведениями»* [10]. Данное описание было, видимо, отправлено письмом от 19 декабря, а ответ на него отправлен в Калугу Гоголем из Рима 27 января 1846 года. Письмо довольно обстоятельное с просьбой: *«определите мне характеры всех находящихся в Калуге; не пропускайте мелочей и*

[8]Там же. Т.12. С.509.
[9]Там же. Т.12. С.511.
[10]Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С.227.

Город Малоярославец. Черноостровский Николаевский монастырь.

подробностей, вы знаете, что я до них охотник... Уведомляйте меня также о всех толках, какие ни занимают город, о всех распоряжениях, какие ни делают в губерниях, и о всех злоупотреблениях, какие ни открываются» [11].

И калужская губернаторша живо интересовалась правлением калужских губернаторов, правивших до Н.М.Смирнова, и событиями, поразившими всех в их правление. В своих воспоминаниях она упоминает и Никиту Кузьмича Омельяненко (1816—1825), и Иллариона Михайловича Бибикова (1831—1837). Среди значимых событий прошлых лет она отмечает приезд царя: *«Никто не знает, какую тревогу поднимает приезд царя. Губернатор рыщит по городу с полицмейстером верхом, и все в галоп, дома белят, заборы облекают в серую краску, гарнизонная крманда облекается в новые мундиры. Крыши красили зелеными, и красенькой краской, звонили в колокола, делали репетицию, архиерей написал краткое, но выразительное слово приветствия жданному и желанному царю, и потом только молились и говорили: «Прониси, господи, грозу». После счасливого обхода государем Калуги дождь смыл серую краску; после крыши, крытые какой-то странной, зато дешевой краской, стали похожи на вытертую енотовую шубу. Чиновники успокоились, надели старые сапоги с заплатами, а кто с дырками, начались пикники и любительские спектакли»* [12].

За 1846 год Н.В.Гоголем было отправлено в Калугу 7 писем (опубликованных) на имя Смирновой-Россет и два письма на имя ее брата А.О.Россет. Писатель интересовался раскольниками *«какие находятся в Калужской губернии, а именно 1-ое каких из них больше, 2-ое в чем их раскол и в каком он теперь состоянии, 3(ие) каковы они в жизни, в работе, в трудах, как в крестьянском, так и в купеческом или в мещанском состоянии сравнительно с православием»* [13]. Письмо датируется февралем—мартом 1846 года. Из него калужские краеведы и исследователи чаще используют другую часть: *«Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещением о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно не показалось»* [14].

Особое внимание из писем 1846 года привлекает письмо, датируемое 6 июня из Праги,

[11]Гоголь Н.В. ПСС.Л.,1952. Т.13. С.31.
[12]Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания М.,1989. С.228.
[13]Гоголь Н.В. ПСС.Л.,1952. Т.13. С. 42—43.
[14]Там же.

Сохранившиеся здания усадьбы Смирновых в с. Бегичево (современный Дзержинский район). *Фото 2007 г.*

предназначенное Александре Осиповне: *«Из ваших ответов я вижу, что вы немало сделали кое-чего хорошего для начала(если бы не слишком торопились, вышло бы еще больше»* [15]. Сведения о жизни в Калуге доходили до Гоголя и из других источников: *«О вас (о Смирновой — Г.Р.) уже распространились слухи вне Калуги; кое-что из них уже дошло и до меня»*, — пишет он Смирновой, а далее в письме подробное изложение того, что должна описать Гоголю о жизни в губернии калужская губернаторша. Если сопоставить вопросы Н.В.Гоголя с автобиографическими записками Смирновой-Россет, то можно с полной уверенностью сказать, что она успешно справлялась с этой довольно трудной задачей. *«Вы должны*, — пишет Гоголь, — *ради меня начать вновь рассмотрение вашего губернского города. Во первых, вы мне должны назвать все главные лица в городе по именам, отчествам и фамилиям, всех чиновников до единого. Во-вторых, вы должны мне написать, в чем именно должность каждого. Все это вы должны узнать лично от них самих, а не от кого другого, узнавши, отправляйтесь к себе в комнату и тот же час все это на бумагу для меня»* [16]. И Смирнова описывает представителей калужского общества во всех мелочах, что супруг госпожи Еленевой *«был чиновником губернского правления, известный Фаня; по причине супружницы он пользовался благоговением губернатора и уважением всего города; он мог даже покупать все в кредит у рядовичей. Щедрый губернатор все платил, у его жены явилась даже красная турецкая шаль с иголочки»*, и далее — *«Иван Давыдович Делянов называл Семена Яковлевича (Унковского — Г.Р.) калужским Песталоцци. У него был странный домрез, висящий очень высоко, качался как люлька, а окна были с переплетом, как в домах»*. Александра Осиповна описала и блюда, подаваемые на ужин: *«За ужином подавали холодное мясо, телятину, обливную рыбу с желеем, на заедки и десерт были слоеные пирожки, груши, яблоки»*. Из журнала губернской девицы «на рыбака рыба» она описывает Гоголю: *«Ах, губернские барышни! Как вы милы, вы приезжаете на бал с стоптанными башмаками, которые привязываете грязной ленточкой то и дело, чтоб идти в уборную губернаторши, где берете ее гребни, помаду, духи и одеколон; даже просите ее старых башмаков, и все это чтобы потанцевать с пробирмейстером Бранденбургом или Петром Петровичем Гильфердингом, а может, о счастье, с красивым Александром Кояндером, а может с Жабововым»* [17]. В конце

[15]Там же. Т.13. С.67—80.
[16]Гоголь Н.В. ПСС. Л., 1952. Т. XIII. С. 70.
[17]Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С.227—228.

1846 года Н.В.Гоголь в письмах жалуется Смирновой, что она *«замолкнула»*, что ему *«скучно без ее писем». «Зачем вы замолчали?»*, — спрашивает он. 9 ноября 1846 года датируется последнее из опубликованных писем Гоголя к Смирновой. В 1847 году 20 апреля Н.В.Гоголь отвечает на письмо Александры Осиповны, отправленному ему из Калуги. В это время и на протяжении всего 1847 года Гоголь уже не дает заданий калужской губернаторше. Он сам находится в переживаниях о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В 1847 году они были опубликованы и принесли череду неприятностей писателю. Всем хорошо известен текст письма В.Г.Белинского, известного литературного критика,где он выступает с резкой критикой данного произведения. Но мало кто обращает внимание на ответ, отправленный Белинскому Гоголем. 10 августа 1847 года Гоголь пишет второе письмо Белинскому: *«Бог весть, может быть в словах ваших есть часть правды.Скажу вам только, что я получил более пятидесяти разных писем по поводу моей книги, но ни одно из них не похоже на другое;нет двух человек, согласных во мнениях об одном и том же предмете; что отвергает один, то утверждает другой. И между тем навсякой стороне есть ровно благородные и умные люди, но мне показалось только непреложной истиной, что я вовсе не знаю России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что нынче нужно почти сызнова узнавать все то, что есть в ней теперь, а вывод из этого я вывел для себя тот, что не следует выдавать в свете ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то не было писания, покуда пожывши в России, не увижу многого собственными глазами и не поцупаю собственными руками»* [18]. Это стало главным намерением Н.В.Гоголя — вернуться в Россию. А Смирнова-Россет в 1847 году в который раз готовилась стать матерью и у нее были хлопоты личного здоровья.10 и 20 мая Н.В.Гоголь вновь пишет Смирновой в Калугу, она отвечает ему 22 мая из Калуги, что у них все идет своим порядком, но вице-губернатор поссорился с губернатором. 8 июля в очередном письме Н.В.Гоголь поздравляет ее с рождением сына Михаила (Михаил Николаевич Смирнов родился 30 мая 1847 года в г. Калуге). *«Николаю Михайловичу передайте поклон, мисс Овербек* (Мария Яковлевна — гувернантка детей Смирновой — *Г.Р.*) *благодарность за известие, а деток всех перецелуйте»* — это последние строки данного письма. В ноябре того же года Гоголь и Смирнова обменялись письмами, но в них только благодарность за молитвы и *«всегдашнюю память»*. В 1848 году они почти не переписывались или письма не сохранились. В этот год Н.В.Гоголь вернулся в Россию и теперь мог надеяться на личную встречу со Смирновой в Калуге. В ноябре 1848 года он пишет: *«Ехать в Калугу недостает силы воли. Мне представилось, что я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу»*; поездка откладывается на весну 1849 года, а затем на летние месяцы, когда Николай Васильевич вновь обретает силы для продолжения работы над вторым томом «Мертвых душ». Вывод, который делает сам Н.В.Гоголь той работе (получение информации для работы писателя над 2 томом «Мертвых душ» — *Г.Р.*), которую для него проделала А.О.Смирнова-Россет, он излагает в письме к А.М.Виельгорской (Вьельгорской) 29 октября 1848: *«Много сторон русской жизни еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство. ...Если будете видеться с Александрой Осиповной, говорите с ней только о России: в последнее время она много увидела и узнала из того, что делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен»* [19]. Кроме того, как утверждает С.В.Житомирская в приложении к автобиографическим запискам Смирновой-Россет, для Смирновой имело особое значение чтение глав второго тома «Мертвых душ», в том числе, и в Калуге.В слышанных ею главах, по ее словам (Смирновой-Россет — *Г.Р.*), одно лицо было *«удивительно хорошо отделано»*, — эмансипированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проводившая свою молодость в столице при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию, ей уже за

[18]Гоголь Н.В. ПСС. Л.,1952. Т.13. С.360—361.
[19]Гоголь Н.В. ПСС. Т.XIV. Л., 1952. С.93—94.

тридцать пять, она начинаети это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В образе этой женщины Смирновой нетрудно было узнать свои черты. Таким образом, «калужский период» имел немаловажное значение в творческой работе и жизни великого писателя XIX века Н.В.Гоголя, каким он остается и поныне.

Многие из писем Н.В.Гоголя были известны и опубликованы в конце XIX века В.И.Шенроком; изучение черновиков писем продолжалось в XX веке: в 1952 году в Полном собрании сочинений писателя было опубликовано много новых текстов и ранее неизвестных писем. Они содержат существенные смысловые варианты и имеют большое значение для изучения работы Н.В.Гоголя над его произведениями.

КАЛУЖСКИЕ ЧИНОВНИКИ — СОВРЕМЕННИКИ Н.В. ГОГОЛЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК НОСИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

***В.А. Иванов**, к.и.н., доц.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Колоритные и неповторимые образы отдельных представителей чиновничьего мира российской провинции дореформенного времени предстают перед нами на страницах бессмертных произведений классиков русской литературы Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, известного публициста и поэта, одного из лидеров славянофильства И.С. Аксакова. Но то, что ценно в художественной литературе, все-таки не может заменить точное знание исторических реалий.

Имеющийся в нашем распоряжении документальный материал, дополненный сведениями из источников личного происхождения, позволяет воссоздать облик калужского чиновничества второй половине 40-х—начала 50-х гг. XIX в. В этот период, в губернаторство Н.М. Смирнова, Калугу посещали многие российские знаменитости, в том числе и Николай Васильевич Гоголь, юбилей которого отмечается в эти дни.

В рассматриваемое время в комплектовании штатов гражданских учреждений участвовали различные слои населения: дети потомственных и личных дворян, духовенства, купцов, мещан, чиновников и т. д.

В калужской администрации доля потомственных дворян по происхождению среди чиновников была небольшой — около 28 %. Дворяне численно уступали недворянам в преобладающей части канцелярий разных ведомств. Однако, все руководящие посты в системе управления губернией (губернатора, вице-губернатора, руководителей губернских палат, судей, городничих, становых приставов и т. д.) были преимущественно в руках или под контролем представителей дворянского сословия. В высшем звене управления (чиновники IV—V классов) дворян было 67 %; в среднем (VI—VIII классы) — 55 %. Зато среди мелких чиновников (IX—XIV классы) и канцелярских служителей, дворяне были уже в явном меньшинстве. Здесь на их долю приходилось только 29 %.

Основную массу чиновников составляли лица недворянского происхождения, которым разрешалось поступление на государственную службу по праву происхождения или образованию. Главным источником, подпитывавшим местное управление, была духовная среда. В калужских присутствиях выходцев из семей духовенства, порвавших со своим сословием (сыновей священников, дьяков, протоиереев) было 33 %, детей чиновников IX—XIV классов и не имевших классных рангов канцелярских служителей — 31 %. Сыновей купцов, мещан, выходцев из прочих социальных групп в структурах провинциальной власти насчитывалось около 7 % .

Таким образом, мы видим, что управленческий аппарат губернии состоял как из потомственных дворян, так и из социально активных элементов из недворянской среды,

Ил. 1. Н.М. Смирнов. Э.А. Беккер. Бумага, акварель. 1849 г.

что свидетельствует о неоднородности его социального состава. Дворяне, несмотря на свое меньшинство, прочно удерживали в своих руках командные посты в местной администрации. Это достигалось с помощью системы, прежде всего, законодательных мер, предоставлявшей дворянству привилегии при прохождении службы, по сравнению с выходцами из социальных низов, например, в чинопроизводстве.

Приведем данные об образовательном уровне калужских чиновников. Сведения по этому показателю охватывают около 81 % их учтенного числа.

Высшее и среднее, т. е. систематическое образование (закончили университеты, Училище правоведения, медико-хирургические, духовные академии, гимназии, пансионы, семинарии, институты и т.д.) получили 17% чиновников, начальное (окончили духовные уездные и народные училища) — 41 %. Около 14 % имели домашнее образование, которое по своему уровню было различным, поскольку в первую очередь зависело от материального достатка семьи. Приблизительно 9 % чиновников по разным причинам (неуспеваемость, материальные трудности) не смогли закончить начальные учебные заведения, т. е. не получили никакого, из существовавших в то время видов, образования.

Приведенные цифры показывают, что более половины личного состава губернии ограничилась лишь элементарными знаниями, которые давали гражданские учебные заведения различных типов и образование, полученное в доме родителей. Это, видимо, соответствовало минимальным требованиям, предъявляемым законодателем к поступавшим на гражданскую службу по «праву происхождения», от которых требовалось лишь умение правильно читать, писать, знание основ грамматики и арифметики[1].

Ил. 2. И.С. Аксаков, фотография 1850-х годов.

Самый высокий удельный вес чиновников с высшим и средним образованием зарегистрирован в двух учреждениях: канцелярии губернатора (82 %) и среди чиновников, служивших в Калужской врачебной управе. В канцелярии губернатора, ввиду ее особого статуса, сосредоточивалась наиболее образованная часть провинциального чиновничества, чаще всего подобранная лично начальником губернии в соответствии с его взглядами, интересами, отношением к службе. Не последнюю роль в подборе кадров играли служебные, личные и родственные связи. Здесь едва ли не каждый четвертый чиновник имел высшее, преимущественно университетское, образование. Среди выпускников университетов преобладали лица, включая самого губернатора, получившие дипломы об окончании Московского университета.

Медицинские чиновники (городские и уездные врачи) имели дипломы об окончании только высших учебных заведений.

Из чиновников названных учреждений заслуживают быть отмеченными несколько особ. В первую очередь, это гражданский губернатор, действительный статский советник Николай Михайлович Смирнов.

Как известно, губернатор являлся первым лицом в губернской администрации, в руках которого сосредоточивалась вся полнота реальной власти. Он определял стиль поведения и нравы всего местного общества. Внимательный и беспристрастный наблюдатель окружающего И.С. Аксаков, прослуживший несколько лет чиновником в Калуге и Ярославле, хорошо знавший быт провинциального общества, по этому поводу заметил, что образ жизни губернаторов *«...оказывает сильное действие на образ жизни даже не служащих членов общества. Если, например, губернатор расточителен, любит роскошь, увеселения, не совсем приличную свободу обращения с дамами и т. п., губернское общество мигом отразит на себе вкусы и привычки его превосходительства. Его превосходительство, хотя бы и в высшей степени не пользовался искренним расположением жителей, тем не менее, служит для них нравственным авторитетом и дает тон всему окружающему»*[2].

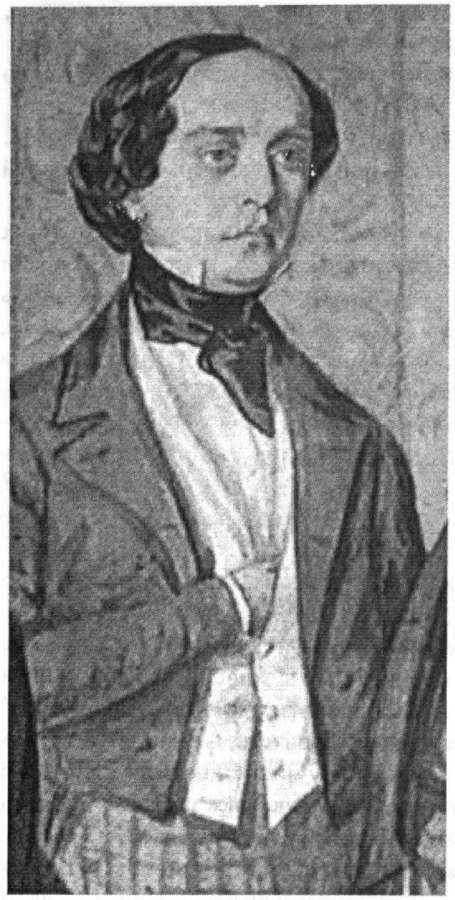
Имя Смирнова было широко известно не только в чиновничьих, но и в литературных кругах России XIX в., а также среди коллекционеров произведений живописи.

Смирнов родился 14 мая 1807 г.[3] в семье гвардейского офицера. Его отец, Михаил Петрович, служил в кавалергардском полку при Екатерине II, дослужившись до полковника. Мать будущего чиновника, Феодосия Петровна, происходила из старинного дворянского рода Бухвостовых. Сдав экзамен на чин в Московском университете, Смирнов 17-летним юношей, владея иностранными языками, поступил на службу чиновником в Московский архив Министерства иностранных дел. Служил при русских посольствах во Флоренции (1825—1828 гг.), в Берлине (1835—1837 гг.). В феврале 1842 г. по прошению он был переведен на службу в МВД, а через три года назначен калужским гражданским губернатором. Смирнов имел придворные звания, обозначавшие официальное положение лиц, состоявших при дворе российских императоров: камер-юнкера (1829 г.), церемониймейстера (1839 г.) и камергера (1845 г.). В 1828 г. Смирнов, по его собственному признанию, познакомился с А.С. Пушкиным и вскоре стал одним из его близких знакомых[4]. Не владея пером, он в 1834 г. написал записки, на основании которых позднее, в 1842 г., были подготовлены более развернутые воспоминания[5]. В них Смирнов нарисовал психологический портрет поэта, осветил некоторые факты его биографии. Смирнову принадлежит утверждение, что *«Пушкин был одним из самых значительных русских людей, свидетельствующее, по мнению специалиста, о понимании им значения и величия поэта, что было доступно не всем лицам, знавшим Пушкина в 1837 г.»*[6]

В 1832 г. Смирнов женился на Александре Осиповне Россет, известной фрейлине императрицы Александры Федоровны — жены императора Николая I, знакомой А.С.Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского.

Почти 6-летнее губернаторство Смирнова в Калуге было отмечено всплеском культурной жизни в губернском центре. Гостями Смирновых, прежде всего благодаря известности в придворных и в столичных литературных кругах супруги губернатора, были: Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, А.К. Толстой, М.С. Щепкин. Постоянным посетителем дома губернатора являлся Аксаков, служивший в 1845/47 гг. товарищем председателя Калужской уголовной палаты. Здесь начинающий писатель и поэт читал свои стихи и главы из написанной пьесы «Присутственный день в уголовной палате».

Современниками, а вслед за ними и многими исследователями, Смирнов характеризуется как *«добрый малый»*, *«человек большого образования и золотого сердца»*[7] и т. д. Справедливость требует отметить, что Смирнов *«не обладал ни большим умом, ни какими-либо дарованиями»*[8]. Так, 21-летний Аксаков, описывая свою первую встречу с губернатором по прибытии в Калугу, писал: *«Он принял меня чрезвычайно ласково...говорил про свои затруднения, не очень доволен Калугой...Не знаю, что он будет, видно, что он не далек...»*[9]. Не прошло и двух месяцев после начала общения Аксакова с губернатором, как он убеждается, что



Ил. 6. Баталин Василий Александрович. Правитель канцелярии губернатора. Бумага, акварель.1850—51гг. (фрагмент).

«губернатор чрезвычайно глуп», поскольку доверяет мошенникам и мерзавцам, играющим в провинции, ввиду отсутствия общественного мнения, важную роль[10].

Среди увлечений, которым предавался на протяжении всей своей жизни Смирнов, была игра в карты и коллекционирование произведений живописи русских и западноевропейских художников. Карты его захватывали настолько, что он не замечал, что происходило вокруг. Обладая большим состоянием (в 1849 г. за Смирновым числилось почти 4 тыс. родовых душ крестьян в Московской, Тульской, Калужской, Тамбовской и Псковской губерниях)[11], он за один вечер проигрывал 700—800 руб. серебром[12]. Это почти половина годового губернаторского жалованья. В своих воспоминаниях Смирнова-Россет рассказывает, что муж играл в карты даже во время ее первых тяжелых родов, по привычке возвратившись домой под утро — часов в пять. Присутствовавший при родах Смирновой-Россет немец доктор, пораженный поведением ее мужа, сказал: *«Я впервые вижу такое бесчеловечное обращение мужа с женой»*[13]. По свидетельству современников, половина огромного состояния Смирнова была проиграна в карты[14].

Собиранием картин Смирнов начал заниматься, находясь еще на службе в Италии. К концу жизни он стал обладателем большой картинной галереи, которая была распродана после его смерти. Достоверно известно, что при приобретении картин Смирнов подчас прибегал к разного рода ухищрениям и обману. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы, обнародованные А.И. Герценом и Н.П. Огаревым на страницах газеты «Колокол»[15], в бытность Смирнова петербургским губернатором.

Касаясь взглядов Смирнова на некоторые злободневные вопросы российской действительности, нельзя не сказать о том, что он, как и его супруга, придерживались ортодоксально-монархических воззрений, были поклонниками царствующей семьи. При этом, еще задолго до отмены крепостного права, Смирнов, в отличие от большинства своих современников, считал необходимым отменить крепостное состояние. Приветствуя попытки некоторых сановников в 1820-е гг. освободить своих крестьян и противодействие этому со стороны всесильного А.А. Аракчеева, Смирнов писал в своих записках, что *«...если бы во всей России было бы уничтожено рабство, без всякого внутреннего волнения, одним влечением человеколюбивого патриотизма, иностранцы не могли бы нам упрекать сей остаток варварства, и история Александра, приобрела бы прекрасную страницу, едва ли не прекраснейшую изо всех прекрасных»*[16].

Указ об увольнении Смирнова с должности калужского губернатора последовал 14 марта 1851 г. Основанием для отставки послужила проведенная ревизия присутственных мест губернии и расследование по жалобе московского помещика Ершова, на будто бы незаконные действия губернатора[17].

После Калуги Смирнов служил петербургским губернатором (1855—1861 гг.), сенатором Уголовного департамента (до 1867 гг.) в Москве. Последние годы жизни он проводил в Петербурге и в своем подмосковном имении. Скончался бывший калужский губернатор 4 марта 1870 г. в столице. Похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве.

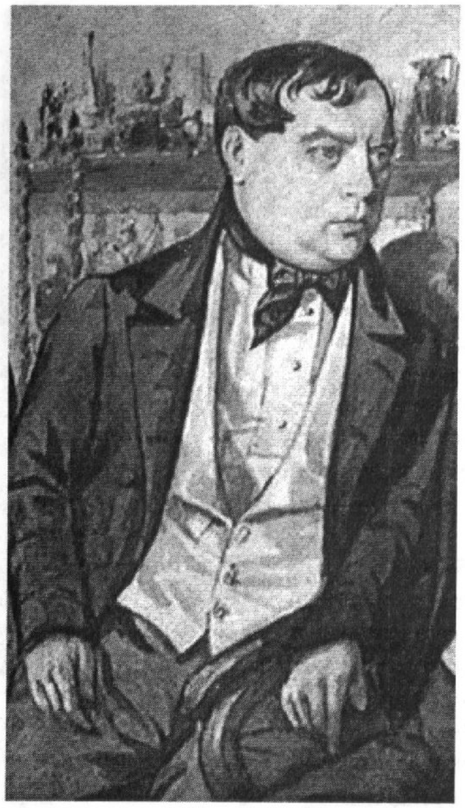
Правителем губернаторской канцелярии при Смирнове, входившем в круг его ближайшего

окружения, был титулярный советник Василий Александрович Баталин, начавший службу канцелярским чиновником в Московской удельной конторе в 1842 г. по окончании философского факультета Московского университета в звании действительного студента. Через несколько месяцев после начала службы он перевелся на должность столоначальника в Калужское губернское правление, затем служил здесь переводчиком. В 1849 г., замеченный губернатором, 28-летний чиновник, незадолго до этого произведенный за отличную службу в титулярные советники, был назначен на должность правителя его канцелярии[18]. Современникам Баталин был известен как автор материалов историко-краеведческого содержания, публиковавшихся на страницах газеты «Калужские губернские ведомости» в 1846 г. Ему принадлежат статьи о Калужском театре и игре на его сцене актеров П.С. Мочалова и М.С. Щепкина, о старинных рукописях, хранящихся в монастырях и церквях Калужской губернии, и историко-статистический очерк о городе Малоярославце[19].

Ил. 7. Быковский Василий Яковлевич. Инспектор Врачебной управы, акварель.1850—51гг. (фрагмент).

В должности инспектора Калужской врачебной управы в губернаторство Смирнова состоял статский советник Василий Яковлевич Быковский. Окончив Новгород-Северскую гимназию, он продолжил обучение на медицинском факультете Московского университета, откуда был выпущен в 1825 г. в Московский военный госпиталь. В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. Быковский находился при госпиталях русской армии в Дунайских княжествах Молдавия и Валахия, где исполнял разные поручения по ликвидации инфекционных болезней. В 1832—1844 гг. Быковский последовательно занимал должности акушера Калужской врачебной управы, старшего врача Калужских богоугодных заведений и приказа общественного призрения. В 1838 г. им была успешно проведена операция по удалению камня из желчного пузыря семилетнего мальчика, о которой сообщалось на страницах местной печати[20]. В ноябре 1845 г. после вступления Смирнова в должность калужского гражданского губернатора, Быковский был назначен инспектором Врачебной управы.

Особый интерес представляет личность еще одного чиновника, служившего непродолжительное время при губернаторе Смирнове, снискавшего известность не на служебном поприще, а как человек, непосредственно общавшийся с Гоголем, оставивший о нем интересные воспоминания. Речь идет о сводном брате жены губернатора, Льве Ивановиче Арнольди. По окончании курса наук в Харьковском университете в 1844 г. 22-летний Арнольди поступил на службу в Ведомство иностранных дел. С ноября 1845 г. служил чиновником особых поручений калужского губернатора, а с июля следующего года — секретарем Калужского губернского правления. В августе 1847 г. он перешел на службу в канцелярию московского губернатора И.В. Капниста. В июне 1849 г. Арнольди познакомился у своей сестры в Москве с Гоголем[21], а в июле того же года совершил с ним поездку в город Калугу. В своих воспоминаниях «Мое знакомство с Гоголем», впервые опубликованных в 1862 г. [22], Арнольди рассказывает о визите писателя в Калугу и чтении им в загородном доме калужского губернатора восьми глав из сожженного впоследствии второго тома «Мертвых душ». В мемуарах содержится описание забавного эпизода, произошедшего у города Малоярославца. Тарантас, в котором ехали путешественники, сломался. Пока кузнецы, по распоряжению городничего, устраняли неисправность, голова уездного города проявил неподдельный интерес к личности одного из путешественников. Узнав, о том, что им был Гоголь, тот час же попросил Арнольди познакомить его с писателем, при этом заявив, что читал все его произведения, и что особенно ему понравился «Ревизор», где *«так верно описан наш брат городничий»*. По словам Арнольди, Гоголь вступил в разговор с городничим и впился в него *«как пиявка, и не уставал расспрашивать его обо всем, что его занимало»*. Общавшимся с Гоголем образованным городничим, знакомым с его произведениями, оказался барон майор Семен Федорович Эльснер, выпускник Дерптского университета, участник Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой



Ил. 8. Яковлев Александр Иванович. Председатель уголовной палаты (1845—63 гг.).
И. Алексеев. Бумага, акварель. 1850—51 гг. (фрагмент).

войны 1828—1829 гг., назначенный малоярославецким городничим в 1846 г.[23].

Среди представителей чиновного мира губернии, служивших в губернаторство Смирнова, встречались весьма колоритные личности, имевшие основательные познания в различных отраслях знания, обладавшие компетентностью и профессиональным, а не рутинным подходом к работе. Одним из них был выпускник словесного отделения Московского университета, отставной штабс-капитан Александр Иванович Клементьев, с 1845 г., после увольнения из армии, служивший мещовским уездным судьей. Из письма Смирновой-Россет к Гоголю от 21 февраля 1846 г. мы узнаем, что губернатор Смирнов вызвал Клементьева накануне в Калугу для того, чтобы, как выразилась губернаторша, *«сблизить»* и *«примирить»* его с губернским прокурором, который *«его немножко прижимал»*. Должность губернского прокурора тогда исполнял состоявший при Министерстве юстиции, имевший диплом Московского университета, коллежский советник Федор Петрович Миотийский. Выпускник Училища правоведения Аксаков, служивший, как уже было сказано, по судебному ведомству в Калуге, в письмах к родным так описал этого чиновника: *«Это человек лет 35, низенького роста, жиденький, с гладко приглаженными, короткими волосами, физиономия смугло-лакейского цвета, не совсем приятная. Учтив, говорит тихо, разборчиво и осторожно, словом, человек воспитанный петербургскою службою... Малообразован. Удивительно невзрачный «душою и телом чиновник»*[24]. А вот как Смирнова-Россет охарактеризовала в указанном письме оппонента губернского прокурора уездного судью Клементьева: *«Обедал у нас судья мещовский некто Клементьев, человек лет сорока* (Клементьеву шел 31-й или 32-й год — *В.И.*) *женатый и очень, очень небогатый... Лицо у него спокойное, взгляд ясный, хотя несколько меланхолический; одет он так, что в Петербурге его не впустили бы в переднюю к Воронцову. За столом коснулись мы литературы... Перечитал он бездну: всего Байрона, и Шекспира по-английски, Шиллера и Гете по-немецки, знает и французскую литературу, говорил удивительно просто, делал замечания самые верные и меткие...Потом коснулись судебной части, сравнивая наше образование судебной части с английской и французской формой, он и тут показал, хотя очень скромно, как следует перед губернатором, свое знание, говорили о врачебной управе и вообще о медицине, он и тут говорил хорошо; особенно поразила меня его скромность, обстоятельность в разговоре и ясность»*[25]. К сожалению, образованные и достойные люди, подобные Клементьеву, в провинции составляли редкое исключение. Они, по справедливому замечанию Аксакова, *«...сами постоянно чувствуют свое одиночество и вовсе не протестуют против современного направления провинциальных обществ»*[26].

Важно отметить, что Гоголь очень высоко оценил факт приглашения Смирновым и его супругой Клементьева, видя в этом действенное нравственное средство борьбы со взяточничеством. В произведении «Выбранные места из переписки с друзьями», в очерке «Губернаторша», писатель, обращаясь к Смирновой-Россет, заметил: *«Ваш поступок...с уездным судьей..., которого вы нарочно вызвали в город с тем, чтобы примирить его с прокурором, почтить его радушным угощением и дружеским приемом за прямоту, благородство и честность, — поверьте, сделал уже свое действие. Мне нравится при этом случае то, что судья (который, как, оказалось, был просвещеннейший человек) одет был таким образом, что его, как вы говорите, не приняли бы в переднюю петербургских гостиных. Хотел бы я в эту минуту поцеловать полу его заношенного фрака. Поверьте, что наилучший образ действий в нынешнее время — не вооружаться жестоко и жарко против взяточников и дурных людей и не преследовать их, но стараться вместо того выставлять на вид всякую честную черту, дружески, в виду всех, пожимать руку прямого, честного человека. Поверьте, что как только будет узнано во всей губернии, что губернатор поступает действительно так, — все дворянство уже будет на его стороне»*[27].

Для большинства провинциального дореформенного чиновничества, независимо от ведомственной принадлежности учреждения, был характерен не только низкий уровень общеобразовательный, но и специальной подготовки. В учреждениях ощущался недостаток в образованных юристах, межевиках, инженерах, специалистах по финансовым и экономическим вопросам.

Преобладающее число чиновников деловую квалификацию, профессиональный опыт администрирования приобретали в течение многолетнего периода служебной деятельности на разных должностях.

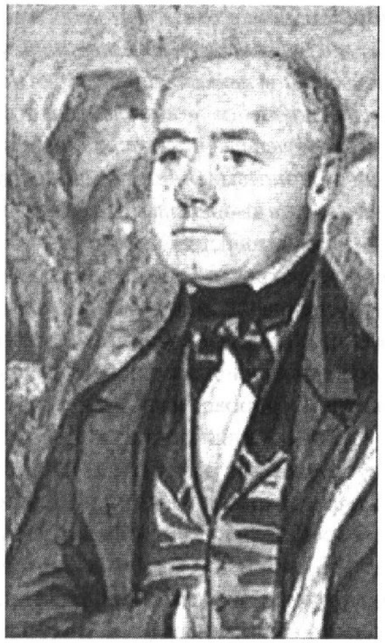
Подчас на руководящих постах находились люди не только малообразованные и профессионально неподготовленные, но и вовсе непригодные. Одним из них был председатель уголовной палаты отставной поручик Александр Иванович Яковлев, который, не обучавшись в учебных заведениях, занимал почти 18 лет (1845—1863 гг.) выборный пост председателя палаты, требовавший больших юридических познаний. Аксаков, служивший под его началом, следующим образом охарактеризовал этого чиновника: *«Ограничен, дело смыслит плохо, но довольно, кажется, оборотлив, картежник, сделал себе состояние женитьбой (что очень не нравится Смирнову, как мне Смирнов же говорил). В палате, кажется, играет он пустую роль...»*[28]. Точность данного свидетельства подтверждает умный и осведомленный мемуарист, граф М.Д. Бутурлин, служивший чиновником особых поручений при одном из преемников Смирнова. Бутурлин считал Яковлева человеком феноменальной неспособности и тупоумия[29].

Примечательно, что Яковлев своей необразованностью и некомпетентностью в вопросах судебного управления не составлял исключения среди руководящего звена губернских учреждений Министерства юстиции. В 1851 г. в губернии состоялись выборы председателя палаты гражданского суда. Дворяне, которые выбирали на эту должность своего представителя, забаллотировали, в частности, предложенную Смирновым кандидатуру князя Андрея Васильевича Оболенского, 25-летнего юриста, незадолго до этого окончившего Училище правоведения, отдав свои голоса за Ивана Сидоровича Толмачева[30] — 60-летнего отставного военного, получившего образование в кадетском корпусе, участника Отечественной войны 1812 г. *«Лицо это, — как вспоминал один из современников, — было известно в Калуге своею простотою, доходившею до невозможности, а об образовании и знании судебного дела и говорить было нечего»*[31].

Факты избрания Яковлева и Толмачева на командные судебные посты показывают полное безразличие калужских дворян к носителям судебной власти в губернии.

В нравственном отношении калужские чиновники ничем не отличались от своих коллег в других губерниях страны. В их среде имели место факты массового мздоимства, казнокрадства, медлительность и волокита при рассмотрении дел, нежелание добросовестно исполнять возложенные по службе обязанности, а также пьянство. Вот, например, как характеризовал масштабы чиновничьего беззакония в Калужской губернии в начале 50-х гг. XIX в. вдумчивый современник: *«...Закон был в полнейшем попрании. Им пользовались лишь как средством для вящего взяточничества и произвола. Взяточничество было сплошное, повальное. Не брал только ленивый... Вообще губерния представляла завоеванную страну, отданную на разграбление завоевателям...»*[32]. В этих словах нет никакого преувеличения. Об этом же рассказывает Аксаков. По прибытии в Калугу начинающий чиновник был поражен тем, как хозяйка квартиры, вдова армейского офицера, оценив важность и выгодность занимаемого им служебного места, зная, кто и сколько в городе берет, начиная с вице-губернатора, определила размер его внеслужебных доходов, т. е. взяток, в 10 тыс. руб. (для сравнения: годовой оклад по должности составлял 700 руб. в год). Почувствовав неудобство положения, Аксаков заверил хозяйку, что он взяток не берет, на что она ему ответила, что это он так говорит, поживет здесь и привыкнет[33].

Одной из причин, способствовавшей распространению среди разных групп провинциального чиновничества многих порочных явлений, были тяжелые условия материальной жизни, отсутствие достаточных средств к существованию. Об этом говорят следующие данные. В предреформенное время окладное содержание получали 89% чиновников. Остальные, служившие сверх штата, никакого жалованья не получали. Содержание одного холостого чиновника в губернии исчислялось в 125 руб. серебром, а семейного, имевшего не более четырех детей— в 200 руб. серебром в год. Из получавших содержание только 37%, т. е. чуть более 1/3, имели оклады, соответствовавшие прожиточному минимуму[34]. Остальным государство не могло обеспечить элементарные условия существования. Справедливости ради следует заметить, что небольшая часть чиновников являлись помещиками, некоторые из которых могли покрывать жизненные потребности доходами с имения.



Ил. 9. Кабрит Андрей Федорович, председатель казенной палаты. И. Алексеев. Бумага, акварель. 1850—51 гг. (фрагмент).

По свидетельству очевидцев, отдельные чиновники были не свободны не только от чиновничьих, но и от, так сказать, человеческих слабостей. Например, опытный чиновник, председатель Калужской казенной палаты, главного в губернии учреждения финансового ведомства, Андрей Федорович Кабрит, получив домашнее образование, дослужившийся до чина действительного статского советника, награжденный орденами и знаками отличия за усердную службу, как пишет в своих воспоминаниях Смирнова-Россет, *«...был постоянно пьян, что весьма некстати для председателя казенной палаты»*. К тому же, по ее словам, *«он покрал большие деньги и подвел под пьяную руку; «а у Кабрита кубышечка полна, а этого никто не знает»»*[35]. Аксаков отзывается о Кабрите как о человеке, очаровавшем по приезде *«ловкостью и приятностью своего обращения»*[36].

Среди подчиненных губернатора встречался распространенный тип чиновника, не обременявшего себя фактическим исполнением служебных обязанностей. Его олицетворял руководитель Калужской полиции — К.М. Воцкой. После увольнения с военной службы в 1834 г., на которой Воцкой находился почти 20 лет, дослужившись до чина штабс-ротмистра, он состоял в должности городничего в разных городах страны, в том числе, в Малоярославце и Медыни. В октябре 1845 г. Воцкой получил повышение, став полицмейстером г. Калуги[37]. Однако, по свидетельству того же Аксакова, не доверять которому нет никаких оснований, калужской полицией управлял не Воцкой, а его жена, Екатерина Ивановна. *«...Весь город знает Катерину Ивановну,* — пишет об известном калужанам факте Аксаков, — *потому что Катерина Ивановна держит в руках мужа своего, полицмейстера, и вместо него управляет полицией. Прежде она была городничихою в Малоярославце, учреждала налоги и собирала подати с города, наконец, мужа ее повысили в полицмейстеры, а услышав о назначении нового губернатора, Катерина Ивановна съездила в Петербург и заблаговременно выхлопотала мужу еще хлебнейшее местечко»*[38].

Из всего вышесказанного можно заключить, что чиновничий корпус губернии комплектовался из разных по социальному происхождению, образовательному уровню, деловым и личным качествам, способностям, наконец, по отношению к службе, людей. Низкий профессиональный и нравственный уровень, а также недостаток средств существования подавляющего большинства чиновников, пренебрежительное отношение части из них к гражданской службе, должностные злоупотребления, отсутствие необходимого контроля со стороны высших и центральных органов, оказывали негативное влияние на функционирование аппарата управления, о чем свидетельствуют материалы сенаторской ревизии деятельности возглавляемой губернатором Смирновым администрации.

Ссылки и примечания

[1]Свод законов Российской империи. Т. 3. Кн. I. СПб., 1842. С.10.

[2]Аксаков И.С. Об общественной жизни в губернских городах // Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 40.

[3]Эта дата рождения Смирнова приводится в подлинниках документов, переданных в журнал «Русский архив» П.В. Жуковским. (Из писем Н.М. Смирнова к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1899. № 4. С. 623. Примеч.).

[4]Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. Л., 1988. С. 404.

[5]Смирнов Н.М. Из памятных заметок Н.М. Смирнова // Русский архив. 1870. № 2. С. 227—244.

[6]Богаевская К.П. Из записок Н.М. Смирнова // Временник Пушкинского Комиссии. 1967—1968. [Вып. 6.] Л., 1970. С. 13.

[7]Там же. С. 10.

[8]Там же.

[9]Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991. С. 148.

[10]Там же. С. 161—162.

[11]РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7760. Л. 1 об.

[12]Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 170.

[13]Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С.484 и Примеч. 2.

[14]Рассказы А.О. Смирновой в записи Я.П. Полонского // Голос минувшего. 1917. № 11/12.С. 145.

[15]Воровство — мошенничество чиновника Арбеньева с участием гражданского губернатора Смирнова // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. 4. М., 1962. Л. 95. 1 апреля. 1861. С. 801—802.

[16]Цит. по: Богаевская К.П. Указ. соч. С. 12.

[17] См. об этом : Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова с 1816-го года // Русская старина. 1891. № 7. С. 144—146.

[18] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3780. Л. 19 об.—24.

[19] Баталин В. Нечто о Калужском театре и об игре П.С. Мочалова и М.С. Щепкина в Калуге // Калужские губернские ведомости. 1846. № 23 (ч. неофиц.); Он же. Статистический очерк Малоярославца в 1777 году и в настоящее время // Там же. № 24, 25 (ч. неофиц.); Он же. О старинных роукописных памятниках, хранящихся при монастырях и церквах Калужской губернии // Там же. № 28 (ч. неофиц.).

[20] Калужская энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга, 2005. С. 69.

[21] Там же. С.27.

[22] Арнольди Л.И. Мое знакомство с Гоголем // Русский вестник. 1862. № 1.

[23] См. о нем: Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. Малоярославчане — участники антинаполеоновских войн // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 172—174.

[24] Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 150, 224.

[25] Переписка Н.В. Гоголя. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 182. Позднее, 18 февраля 1851 г. Смирнова-Россет писала Гоголю: *«У нас были в Калуге выборы, я увиделась с мещовским судьей Клементьевым; он всему уезду показался так горек, что его чуть не заболлотировали, однако, он удержался на своем месте. Он любит свою должность, ею дорожит и говорит, что без нее не может жить...»* (Цит. по: Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. М., 1994. Комментарии. С. 452).

[26] Аксаков И.С. Об общественной жизни в губернских городах... С. 40—41.

[27] Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. С. 97.

[28] Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 148.

[29] Бутурлин М. Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2-х т. Т. 2. М., 2006. С. 309.

[30] Булычов Н. И. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Калужской губернии (по 1-е октября 1908 года). Калуга, 1908. С. XXIV.

[31] Колмаков Н.М. Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. 1886. № 12. С. 521.

[32] Иванов В.А. Калужские губернаторы (Из воспоминаний Н.В. Сахарова) // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996. С. 34.

[33] Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 164.

[34] Для сравнения: окладное содержание губернатора равнялось 3432 руб. в год, вице-губернатора — 2580 руб., управляющего палатой госимуществ — 2287 руб. Размер оклада служащих губернского правления, включая канцелярских служителей, составлял от 72 до 903 руб., палаты госимуществ — от 79 до 840 руб.

[35] Смирнова-Россет А.О. Указ соч. С. 228.

[36]Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 211.

[37] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3454. Л. 38 об.—44.

[38]Аксаков И.С. Письма из провинции. С. 154.

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

***А.П. Черников**, д.ф.н., профессор,*
Калужский госмударственнй педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Многие русские писатели смотрели и смотрят на человека и жизненные обстоятельства, озаряя их светом Евангельской истины. Это довольно точно отметил известный философ русского зарубежья Н. Бердяев: *«Вся наша литература ищет спасения, избавления от зла, страдания для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской истины»* [1]. В XIX столетии эта особенность русской литературы наиболее отчетливо и последовательно проявилась в творчестве Гоголя.

Н.В. Гоголь — одна из самых сложных фигур нашей литературы. Вся его жизнь была исполнена непрерывным стремлением восхождения к высотам духа. Но об этой стороне его личности знали только близкие к нему духовные лица и некоторые из друзей. В сознании большинства читателей от XIX века и до сего дня Гоголь предстает в основном как классический тип писателя — критического реалиста, обличителем социальных и человеческих пороков, блестящим сатириком и юмористом. Гоголя в другом его качестве, как самобытного продолжателя святоотеческой традиции в русской литературе, выдающегося православного мыслителя, мы по-настоящему начинаем узнавать только сегодня.

Как не раз признавался сам писатель, его произведения непосредственным образом связаны с его духовным воспитанием и образованием.

Николай Гоголь был испрошен у Господа к земной жизни горячей молитвой его матери: перед тем у Марии Ивановны двое детей умерли, едва появившись на свет. Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед по отцу был священником, дед окончил Киевскую духовную академию, отец — Полтавскую семинарию. Глубокой набожностью отличалась его мать. Именно в семье Гоголь получил первые уроки православного мирочувствования, которое укреплял, утверждал в себе всю жизнь. Любимый его учитель в Нежинской гимназии— протоиерей Павел Волынский.

Господь судил Гоголю стать не священнослужителем, а писателем. Как известно, подлинным его литературным дебютом, принесшим автору заслуженную славу, стал сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1832). Читатели сразу же обратили внимание на такую особенность гоголевской поэтики, как искрометный юмор. В «Вечерах..» проявилась еще одна особенность его творчества — внимание к нечистой силе. Это отмечают все исследователи, по-разному трактуя эту устремленность образного видения писателя. Порою в этом усматривают едва ли не болезненность душевного настроя Гоголя. Стремясь объяснить обилие нечистой силы в своих ранних произведениях, автор писал: *«Уже с давних пор я только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения человек вволю посмеялся над чертом»* [2]. Действительно, писатель обращает против сил тьмы самое мощное оружие — смех как средство борьбы со злом, наследуя в этом плане традиции устного народного творчества, прежде всего поэтику волшебных сказок.

Но есть в этом сборнике и произведение, где мы не найдем фольклорных элементов — в нем торжествуют быт и современность. Это повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», в которой изображено обывательское существование людей. Повесть явилась связующим звеном со следующей книгой Гоголя — «Миргород» (1835). Здесь писатель освещает разные стороны жизни, рассматривая их с религиозных позиций. В повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», развивая мысль о пошлости пошлого человека, он показывает, что пошлость — понятие безблагодатное. Апостол Павел в послании к колоссянам призывал: *«Итак, облектесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу. Как Христос простил вас, так и вы»* (Кол. 3, 258). Гоголевские персонажи нарушают эти заповеди, тем

самым совершая богоотступничество. Ссора двух приятелей превратилась в содержание и смысл всей их жизни. Поэтому закономерен авторский вывод, венчающий произведение: *«Скучно на этом свете, господа!»*. В другой раз, но по этому же поводу Гоголь воскликнет: *«Соотечественники! Страшно!»* (VI, 11).

Страшен этот мир безблагодатной пошлостью бытия. Страшен он и бесовщиной, которой не в силах противостоять семинарист Хома Брут из повести «Вий», ибо сам погряз во грехах.

Говоря о «Вие», следует отметить еще одну, заложенную здесь мысль: Гоголь предвосхитил Достоевского, показав двойственную природу красоты. Красота панночки-ведьмы не из тех, что спасет мир, а из тех, что может погубить его: *«Такая страшная, сверкающая красота»* (II, 345).

Полной противоположностью пошлости и безблагодатности существования является повесть «Старосветстские помещики» — согретое теплом авторское повествование о жизни двух стариков: Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича. Два принципа определяют их жизнь: большая, верная, не знающая громких слов, привязанность друг к другу, жизнь друг для друга и отсутствие стяжательства, меркантилизма, душевная щедрость.

Главное произведение сборника — повесть «Тарас Бульба», повествование о сильных и мужественных людях, о величии народного подвига, православное понимание воинского долга. Основная мысль произведения — на чем стоит и что значит в русской земле товарищество, о котором вдохновенно говорит полковник Тарас Бульба в своем знаменитом монологе. Идея товарищества очень близка православному учению о соборности, которое позже было разработано А.С. Хомяковым. Разумеется «товарищество» не идентично соборности, оно есть своего рода низшая ее ступень, но глубокое и правильное осмысление гоголевского произведения возможно лишь с учетом этой категории. Критерием Истины здесь служат слова из Нагорной проповеди: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15, 14). *«Нет силы сильнее веры»*, — утверждает автор.

Опираясь на евангельскую мудрость, он пророчит душам погибших за православную веру и Отечество великое утешение. Вот его размышление о погибшем в бою атамане Кукубенко: *«И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там.*

— Садись, Кукубенко, одесную Меня! — скажет ему Христос. — Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и оберегал мою Церковь» (II, 295—296).

Выход же из соборного товарищества, забвение этого принципа оборачивается трагедией для человека. Такова судьба Андрия, младшего сына Тараса Бульбы.

Тему человеческой жизни в религиозном ее понимании писатель развивает в произведениях, известных под общим названием «Петербургские повести» (1835—1842). Два человеческих типа — художника-романтика Пискарева и пошляка поручика Пирогова воссоздает он в «Невском проспекте». Губительность превращающейся в самоцель жажды наживы, писатель обличает в повести «Портрет». О фальши современной цивилизации, где основная ценность — не человек, а его чин, не душа человеческая, а служебный мундир, а то и нос, пишет Гоголь в своей повести «Нос», вновь давая простор своей изощренной фантазии.

По-новому стоит взглянуть на повесть «Шинель». Писатель не только стремится пробудить здесь сочувствие к социально угнетенному, задавленному внешними обстоятельствами «маленькому человеку», заставляя читателя сопереживать его судьбе. Акакий Акакиевич Башмачкин — жертва не только внешних, социальных обстоятельств, но и собственной никчемности и сомнительной страсти. Шинель для него выше и драгоценнее всего, даже духовных ценностей. На это обратил внимание критик Ап. Григорьев еще в 1847 году. *«В образе Акакия Акакиевича,* — писал он, *— поэт начертал последнюю грань обмеления божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником для беспредельной радости и уничтожающего горя, до того, что шинель делается трагическим документом в жизни существа, созданного по образу и подобию Вечного...»* (III, 468). Ап. Григорьев обратился к религиозному аспекту осмысления темы и проблемы темы, и в этом он, безусловно, прав. Сопоставим это опять-таки с настоятельным советом Христа: *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе»* (Мф. 6, 19).

6 Зак. 2219

Противоборство двух раздирающих душу и сердце человека стремлений — к сокровищам земным и сокровищам небесным — и есть, по существу, главная проблема всей русской литературы. Одним из первых наших писателей Н.В. Гоголь отразил ее в своих произведениях. В «Шинели» писатель по-христиански сострадает «маленькому человеку», который не реализовал себя как творение Божие.

В знаменитой комедии «Ревизор» слышна боль писателя, православного христианина, за своих соплеменников, презревших спасительный долг служения «Богу и Отечеству». Основную авторскую мысль Гоголь позднее сформулировал в статье «Развязка «Ревизора» (1846): *«Всмотритесь-ка пристально в этот город, который был выведен в пьесе!.. Это же наш душевный город, и сидит он у всякого из нас», а чиновники, изображенные в пьесе — «это наши страсти». Ревизор же в пьесе — «наша проснувшаяся совесть»* (IV, 462—463). Это обстоятельство, разумеется, не отменяет рассмотрения критического пафоса произведения, но предполагает дополнение анализа социально-нравственных проблем, отраженных в пьесе, осмыслением духовного падения персонажей, их апостасийности, т.е. отпадения от Бога, от христианских истин.

Название пьесы, как указывал ее автор, полисемантично. Это и конкретный ревизор, которого есть за что бояться провинциальным чиновникам. Но это и тот Ревизор, т.е. Господь, Которому каждый даст в свой срок отчет, как ты жил.

Столь же многозначно и название повести-поэмы «Мертвые души» (1842). Внешний ее сюжет связан с конкретными обстоятельствами авантюры Чичикова и с изображением нравственно и духовно омертвевших помещиков. Смысл внутренний этого произведения раскрыт Гоголем в предсмертной записке: *«Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, перелезающий иначе, есть тать и разбойник»* (VI, 392). Поставлена, как видим, та же проблема: путь ко Христу и путь богоотступнический, апостасийный.

Если в «Ревизоре» показан, говоря словами автора, душевный город, то в «Мертвых душах» возникает целая душевная страна. Гоголевские типы это и конкретные, живые типы, и одновременно персонификация дурных черт человеческого характера. Писатель изображает почти монстров, надеясь на то, что читатель, ужаснувшись подобного зла, вытравит его из своей души.

Замысел Гоголя был грандиозен: первый том «Мертвых душ» должен был показать, по его словам, *«всю глубину настоящей мерзости»*, второй том — путь к высокому и прекрасному, доступный всякому, в ком жива душа. Третий том должен был изобразить это прекрасное.

Этот замысел, как известно, был осуществлен лишь частично. Устоявшееся мнение: автор сжег второй том в припадке безумия. Это не так. Главы второго тома Гоголь уничтожал дважды: в 1845 году и перед смертью, и это было не проявлением душевной болезни, а фактом жесткого требования к себе гениального художника слова. О причинах сожжения второго тома в 1845 году автор сказал вполне определенно: *«Не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно путей и дорог к нему всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе «Мертвых душ», а оно должно быть едва ли не главнее, а потому он и сожжен»* (V, 276). Это не было отчаянием творческого бессилия. Дошедшие до нас главы второго тома, в том числе и те, которые автор читал своим слушателям в Калуге, убеждают: талант Гоголя не иссяк. Но невозможно земному человеку изобразить рай без точного знания о нем. А это знание придет, да и то далеко не к каждому, лишь в мире горнем, после завершения земной жизни. Всякие фантазии на сей счет — грех, впадение в прелесть, в искушение. Рай не есть предмет земного искусства. В этом убеждают творческие попытки не только Гоголя, но и Достоевского, и Шмелева.

То же можно сказать и об изображении в художественном произведении так называемого рая на Земле. Да и может ли он вообще быть, если человеческая природа изначально повреждена первородным грехом. Не раз человечество заявляло о стремлении его создать. Особенно усердствовали российские устроители райской жизни в начале и к конце XX столетия. В результате мы сейчас имеем то, что имеем.

Как человек, Н.В. Гоголь, разумеется, отдавал себе отчет в том, что рай не есть предмет

земного искусства. Но как писатель он был удручен невозможностью осуществить чаемое. Этим, как мне представляется, и объясняется его душевный кризис 40-х годов. Этим же во многом объясняется и то, что, не утратив силы великого таланта, Гоголь за десять последних лет своей жизни не написал ни одного художественного произведения и обратился к созданию исключительно духовной литературы.

Работая над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь параллельно задумывает книгу, в которой хотел в эпистолярно-публицистической форме высказать свои суждения о жизни, о человеческой душе, о религии, об искусстве. Так в самом начале 1847 года появилась его своеобразная книга «Выбранные места из переписки с друзьями». Это прямая попытка осмыслить жизнь через призму Православия и святоотеческих наставлений. Гоголь приходит к выводу, что просвещенное русское общество, формально православное, от истинного Православия далеко. *«Все, что не от Бога, не есть истина», «найди только ключ к собственной душе, когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех»*, — пишет он, обращаясь к своим читателям.

К сожалению, читатели эту книгу отвергли. Крайне негативную точку зрения на нее высказал, как известно, атеист В.Г. Белинский. Были и прямо противоположные суждения, в первую очередь со стороны духовных лиц: святителей Филарета, Иннокентия, Игнатия Брянчанинова, архимандрита Федора и других. Очень высокую оценку дал книге друг А.С.Пушкина, профессор П.А. Плетнев. *«Она есть начало собственно русской литературы... Ты первый,*— писал он Гоголю, — *со дна почерпнул мысли и бесстрашно вынес их на свет»* [3]. Но общего негативного отношения к этой книге подобные отзывы не изменили. Почему? Многие поучения в «Выбранных местах…» выглядят как подражания Апостолам и отцам Церкви. А писал книгу вовсе не Апостол, не святой, а обыкновенный человек, пусть талантливый и воцерковленный. Не любят люди поучений и пророческих наставлений со стороны своих ближних, не любят еще больше, нежели высмеивания и даже обличения. В этом видится мне причина негативного отношения к гоголевскому произведению.

С начала 40-х годов Гоголь испытывает острую потребность как можно глубже и полнее постигнуть суть и дух русского Православия. Он читает и перечитывает святоотеческую литературу, общается со множеством духовных лиц, совершает паломничество в Иерусалим и Троице-Сергиеву лавру, начинает работу над своим важнейшим духовным сочинением «Размышления о Божественной Литургии».

Все сильнее зреет у него желание уйти от мирской суеты и стать смиренным иноком. *«Нет выше звания как монашеское,*— убежден Гоголь, — *и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь ризу чернеца, так желанную душе моей»* (VI, 85).

Трудно переоценить паломничество Гоголя в Оптину пустынь в июне 1850 и в сентябре 1851 годов. Уже в первый свой приезд в обитель 17 июня 1850 г. он знакомится со знаменитым старцем Макарием, с игуменом Моисеем, иеромонахом Филаретом, с насельником монастыря Петром Григоровым, участвует во всенощном бдении, во время которого, по воспоминаниям монахов, *«молился весьма усердно и с сердечным умилением»*. 19 июня Гоголь и его спутник М. Максимович уехали в имение И. Киреевского Долбино. Посещение монастыря произвело на писателя глубочайшее впечатление. *«Ради самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет*, — пишет он 20 июня игумену Филарету.— *Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо... Мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте моего странствия быть в Оптиной пустыни»* (IX, 482).

Благодатью повеяло на Гоголя от Оптиной и во время второго его посещения обители 1—3 июня 1851 г. *«Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия»*, — записал в своем дневнике оптинский иеромонах Евфимий [4].

Во время третьего посещения монастыря Гоголь, по свидетельствам старца Варсонофия и сестры писателя Анны Васильевны, просил отца Макария принять его в монастырь. Макарий ответил уклончиво. *«Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?»* — сокрушался Гоголь. Преподобный Варсонофий объяснил причину этого отказа следующим образом: *«Отец Макарий не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни»* [5].

Была, думается, еще одна причина отказа мудрого старца Гоголю в монашестве: став насельником обители, Гоголь должен был бы полностью оставить свое писательство, что явилось бы большой потерей для русской культуры. Старец Макарий это прекрасно понимал. Да и для самого Гоголя отказ от дела, которому он посвятил всю жизнь, был бы не по силам. Не изнемог ли он в этой внутренней борьбе? За три недели до смерти Гоголь пишет В.А. Жуковскому: *«Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был устроен пропеть гимны Красоте Небесной»* [6]. То есть едва ли не до последнего вздоха Гоголь живет мыслью о своем писательском служении.

Издавна бытует версия о всплеске душевной болезни писателя незадолго до кончины. Исследования последних лет (работы М. Дунаева, В. Воропаева, И. Виноградова) убедительно доказывают: никаких признаков душевного расстройства у Гоголя перед смертью не было.

Все будущие жизнеописания Гоголя будут, полагаю, завершаться его последними предсмертными словами: *«Лестницу, поскорее давай лестницу!»* [7]. Сравним их с предсмертными словами Пушкина: *«Ну, поднимай же меня, пойдем, да выше, выше... Ну, пойдем»* [8].

Совпадают и письменные свидетельства того, что было запечатлено на лицах Пушкина и Гоголя в первые минуты смерти. Правда, о Пушкине писал Жуковский, а о Гоголе — не столь искушенный во владении словом доктор А. Тарасенков. Но с поправкой на это обстоятельство следует признать, что оба свидетельства — тождественны.

Жуковский о Пушкине: *«Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо... Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание»* [9].

Тарасенков о Гоголе: *«Долго глядел я на умершего: лицо его выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную в гроб»* [10].

Религиозные искания Н.В. Гоголя не обошлись без блужданий и ошибок. Однако несомненно одно: именно он направил русскую литературу к осознанному служению православной Истине. Одним из первых это отметил эмигрантский критик К. Мочульский: *«В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть русскую литературу от эстетики к религии... Все черты, характеризующие великую русскую литературу, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы»* [11]. С этим мнением трудно не согласиться.

Примечания

1. *Цит. по*: Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. I. М., 1996. С.6—7.
2. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 9-ти томах. Т.IX. М., 1994. С.43. Далее цитаты из произведений Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.
3. *Вересаев В.* Гоголь в жизни. М., 1990. С.399.
4. *Нилус С.* Святыня под спудом. Сергиев Посад, 1911. С.81.
5. *Преподобный Варсонофий Оптинский.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. Изд. Свято-Введенской Оптиной пустыни, 2005. С.364.
6. *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С.37.
7. *Воропаев В.* Духом схимник сокрушенный. М., 1994. С.129.
8. *Последний год жизни Пушкина.* М., 1988. С.548.
9. *Там же.* С.539.
10. *Последние годы жизни Н.В. Гоголя.* Записки его современника доктора А.Тарасенкова. 2-е изд. М., 1902. С. 27.
11. *Мочульский К.* Указ. соч. С.37.

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

***А.Ю. Савосичев**, к.и.н., доц., Орловский государственный университет*

Проблемы генезиса и эволюции бюрократии в структуре Российского государства остаются актуальными на протяжении практически всех этапов развития отечественной исторической науки. По всей видимости потому, что исследуемые вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Данная статья затрагивает сравнительно узкую проблему: выявление брачно-семейных связей в среде дьяков и подьячих периода правления вел. кн. Ивана III. В чем важность решения поставленной задачи? Феодальное общество корпоративно. Личность здесь не существует индивидуально, а лишь в составе сообщества. Брачно-семейные связи играют тут весьма важную роль. Это и показатель социального статуса, и фактор, способствующий или препятствующий социальному росту.

Применительно ко второй половине XV—началу XVI вв. о матерях приказных деятелей практически никакой информации не нашлось. Информация о женах великокняжеских дьяков и подьячих крайне отрывочна. В нашем распоряжении только 11 упоминаний. В семи случаях установить девичьи фамилии дьяческих жен, а, следовательно, и их социальное происхождение не удалось[1].

Иван Кобяк Филиппович Наумов был женат на Никандре Васильевне Тургеневой, дочери митрополичьего вассала Василия Тургеня Парфеньевича Зазиркина[2]. Потомки Василия — Тургеневы и Парфеньевы — были рядовыми слугами двора главы РПЦ. Интересно, что Иван Иванович и Никита Авксентьевич Парфеньевы, приходившиеся шурьям Кобяка Ивану, Матвею и Роману Васильевичам Тургеневым двоюродным братом и племянником соответственно, также служили по приказной линии, правда, в митрополичьей канцелярии. Похоже, что именно это обстоятельство и сыграло роль в брачном союзе Наумовых и Тургеневых.

Иван Терентьевич Семичев был женат на Василисе Кузьминичне Никифоровой. Она и ее брат Михаил были душеприказчиками в духовной дьяка. В данной от 13 января 1532 г., составленной на основании завещания, в качестве послуха упоминается Иван Павлович Никифоров, происходивший из той же семьи[3]. Михаил и Иван — внуки дьяка Никифора Демидовича Кобелева, ростовские вотчинники средней руки[4]. Служебные назначения их неизвестны. Видимо, особой карьеры они не сделали.

О семьях великокняжеских подьячих удалось найти больше информации. Максим Оладья Климентьевич Плохово был женат на Евфимии Яковлевне Овцыной[5]. Овцыны были людьми родословными, но не относились к аристократии. За всю историю фамилии лишь два ее представителя достигли думных чинов[6]. В XVI столетии Овцыны были служилыми людьми средней руки. Они частично занимали прочное положение в рядовом составе Государева двора, частично, видимо, слились с городом.

Петеля Пивов был женат на Фетинье Даниловне Ботвиньевой[7]. Ботвиньевы в течение всего XVI в. известны как дети боярские землевладельцы Кашинского уезда. В первой трети столетия они служили кн. Юрию Ивановичу Дмитровскому, а после ликвидации удела, по всей видимости, слились с массой городового дворянства[8]. Племянница Фетиньи, Устинья Ивановна Пешкова Ботвиньева, была замужем за Астафием Ворошилом Павловичем Поздяковым[9]. Свекор Устиньи, Павел Поздяк Астафьев сын, был кашинским вотчинником средней руки[10]. Служба его в Калязине монастыре указывает на невысокий социальный ранг. Сыновья Павла Астафий и Василий известны только как частные лица, вотчинники и послухи в Кашинском уезде[11]. Свекровь Устиньи Евпраксия Григорьевна (известно только

ее иноческое имя) происходила из старинной кашинской фамилии Ушаковых[12]. Их родоначальник, Ананий Ушаков, упоминается в Кашине еще во времена Тверских великих князей[13]. Сын и внуки Анания известны только как частные лица[14].

Таким образом, во-первых, Пивовы и Ботвиньевы были земляками, их вотчины располагались в одном уезде — в Кашинском и, возможно, соседнем Дмитровском. Во-вторых, служебный статус их, видимо, был схож — городовые дети боярские. В-третьих, обе фамилии были связаны с двором кн. Юрия Ивановича. То есть, так же как и Максим Плохово, Петеля Пивов женился на дочери соседа по имению и, возможно, сослуживца, чья семья не отличалась особенно по социальному весу.

О женах удельных и митрополичьих дьяков и подьячих никакой информации не найдено. Есть лишь данные о брачно-семейных связях ближайших родственников.

Сестра угличского дьяка Василия Башина (Башины) Евдокия была замужем за белозерским вотчинником Андреем Константиновичем Кирсномским[15]. Андрей принадлежал к роду Монастыревых. Данных о его служебных назначениях не найдено. Видимо, он относился к числу рядовых вассалов кн. Михаила Андреевича Верейского. Одна из племянниц (или внучатых племянниц) дьяка была выдана за Никиту Матафтина[16]. Судя по всему, это вологодский сын боярский Никита Тимофеевич Матафтин, который в 1498/99 г. участвовал в походе на Югорскую землю[17]. Матафтины в основном служили с городом, по Вологде и Костроме, и лишь изредка отдельные их представители попадали в состав Государева двора[18].

Племянник угличского дьяка Александра Васильевича Карамышева Тимофей Андреевич Большой Карамышев был женат на Аграфене Ивановне Кочергиной[19]. О ее отце, Иване Дмитриевиче, или других близких родственниках никакой информации в источниках найти не удалось.

Племянница волоцкого дьяка Бориса Степановича Обобурова, Анастасия Алексеевна, была замужем за митрополичьим сыном боярским Григорием Васильевичем Лысковым Чертовым[20]. Чертовы вели свой род от дьяка вел. кнн. Василия Дмитриевича и Василия Васильевича Алексея Стромила[21]. Вотчины Григория и его братьев располагались в Дмитровском уезде, чьи границы вплотную примыкали к территории Волоцкого удела[22].

Внук Федора Ивановича Мячкова, Иван Иванович, был женат на кнж. Евфросинье Ивановне Пожарской, дочери кн. Ивана Быка Федоровича[23]. Род кнн. Пожарских был отраслью Стародубского княжеского дома, основанного Иваном Всеволодовичем. Даниил Александрович, родоначальник правящей династии, приходился Ивану внучатым племянником. Так что по праву рождения кнн. Пожарские относились к перворазрядной аристократии. Однако после ликвидации Стародубского удела они не заняли при дворе великих князей Московских сколько-нибудь существенного места. Родоначальник собственно Пожарских, кн. Василий Андреевич, приходился кн. Ивану Федоровичу прапрадедом[24]. Во второй половине XV— середине XVI вв. Пожарские представляли собой провинциальную фамилию средней руки, представители которой служили отчасти по выбору, отчасти, видимо, с городом.

Что можно заключить в итоге? Брачно-семейные связи дьяков и подьячих второй половины XV в. носят, так сказать, «горизонтальный» характер. Дьяки (как великокняжеские, так и удельные) и подьячие роднились, преимущественно, с семьями, относящимися к тому же социальному слою, что и они сами — с провинциальными дворянскими фамилиями средней руки. По-видимому, основными факторами были территориальное соседство и совместная служба. Не наблюдается какой-либо разницы в характере брачно-семейных связей великокняжеских и удельных дьяков, дьяков и подьячих.

[1] Фетинья, жена Семена Дмитриевича Башенина; Александра, жена Захара Микулича Гнильевского; Мария жена Федора Васильевича Курицына; Мария жена Данилы Киприановича Мамырева; Ульяна жена Андрея Одинца; Наталья, жена Алексея Полуектова; Федосья, жена Елки Сергеева.

[2] РГБ ОР. Ф.303. Кн.520. Л.82—85.

[3] РГБ ОР. Ф.303. Кн.518. Л.123—123об.

[4] Там же. Л.423—427.

[5] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ) М., 1956. Ч.2. №№81, 166, 158, 215.

[6] Веселовский С.Б. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С.459.

[7] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т.1. СПб., 1836. №165; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (далее — АТКМ). №№24, 27.А

[8] АФЗХ. Ч.2. №77; Акты Русского государства (далее — АРГ). М., 1975. №176; АТКМ. №№42, 47, 60, 87, 92, 100, 104, 121, 151, 155, 159, 161, 172.

[9] АТКМ. №122. Составители указателя к публикации относят Ворошила, его младшего брата и отца к фамилии Пивовых. Однако основания для такого соотнесения остаются загадкой. Из текстов документов, опубликованных в АТКМ, данный вывод никак не следует.

[10] Там же. №№1, 10, 20, 28, 29.

[11] Там же. №№20, 98, 101, 109.

[12] Там же. №99, 109.

[13] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). М., 1964. Т.3. №143.

[14] АРГ. №44; АТКМ. №№98, 101, 109, 112, 126, 129, №134.

[15] Акты Юридические. СПб., 1838 (далее — АЮ). №112; АСЭИ. М., 1958. Т.2. №143.

[16] АЮ. №112 (Семен Андреевич Монастырев называет его своим зятем, не уточняя, чей он муж. Дочери? Сестры? Какой из сестер?)

[17] РК. 1475—1598. С.29.

[18] Акты служилых землевладельцев XV—начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т.1. №№157—168; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV—начала XVII века. №174 // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 2002. Вып.8.

[19] АФЗХ. Ч.2. №333.

[20] АФЗХ. М., 1951. Ч.1. №76.

[21] Русский феодальный архив XIV—первой половины XVI в. М., 1987. Ч.3. С.528; Лихачев Н.П. Дипломатика. СПб., 1901. С.17.

[22] АФЗХ. Ч.1. №72, 73, 76-78.

[23] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. М., 1998. №№85, 86.

[24] Савелов Л.М. Князья Пожарские. М., 1906. С.13; Родословная книга // Русские летописи. Т.7. Рязань, 2000. С.330.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ «СКАЗАНИЯ О КРЕЩЕНИИ МЦЕНЯН В 1415 ГОДУ» В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

***Р.А. Беспалов**, Избирательная комиссия Тульской области (г. Белёв)*

Посвящается памяти белёвского историка и краеведа Игоря Ивановича Некрасова (1963—2006)

Сказание о крещении мценян и обретении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске в 1415 г. (далее — Сказание) находилось в составе утраченной ныне древней рукописи[1]. Его текст сохранился благодаря многим публикациям, большая часть которых приходится на XIX в. Впервые широкой общественности о нем стало известно в 1825 г. из письма преосв. Гавриила, епископа орловского и севского, опубликованного в журнале «Отечественные записки». Однако он допустил произвольное изложение текста, что существенно исказило его смысл[2]. В 1833 г. тульский историк и археограф И. П. Сахаров впервые опубликовал Сказание без существенных изменений[3]. Со временем рукописное повествование обросло легендами и преданиями, которые скорее являются плодом народного творчества и в данном случае нас интересовать не будут[4]. Остановимся исключительно на изучении текста Сказания:

«Въ лето 6923 правящу скипетры великаго княжества Василия Дмитриевича и брата его Андрея Дмитриевича, въ пределехъ и градехъ и во всехъ весехъ, неверующихъ просвещаху во Христову веру. Во граде Мценске мнози неверующи во Христа Бога нашего. Тогда послани

быша отъ князей великихъ вои, со многимъ воинствомъ, и отъ митрополита Фотия пресвитеръ. Живущие мещяне устрашишася, и ратоваша на нихъ, и одержими бяху 5 слепотою. Ови же прихождаху, и увещеваху и(хъ) къ святому крещению. Десятыя недели по Пасце, въ пятокъ приемъ святое крещение мещяне: Ходаны, Юшинки и Зикии 6, и прозреша. И обретоша крестъ Господень, яко камень изсеченъ, и образъ святителя Николая 7, яко воинъ, въ руце имущъ ковчегъ 8, въ немъ же 9 залогъ тела и крови Господни. Во граде вероваху, всякихъ недугъ освобождавшеся; окрестъ страны живущии прихождаху, всякия болезни свобождахуся, и создаша церковь десятыя недели пятка»[10].

Судя по публикациям, идея о распространении среди мценян язычества вплоть до начала XV в. буквально воспринималась местным духовенством, а через него и населением[11]. Некрещеных доселе мценян стали называть *«остатками язычества среди древних вятичей»*. Например, А. Вознесенский писал: *«постыдно было нашим предкам в середине уже пятого века со времени своего крещения иметь рядом с собой людей, кланяющихся идолам»*[12]. Однако уже в середине XIX в. существовали иные точки зрения. У многих любителей старины Сказание вызывало недоумение. Так, в 1850 г. белёвский историк и краевед И. Ф. Афремов писал: *«К крайнему удивлению моему... в городе Мценске в соборе св. Николая Чудотворца читал я древнюю легенду, что город этот... принял святое крещение не ранее 1415 г.»*[13]. Будущий церковный историк Л. А. Кавелин в 1845 г. указал, что христианизацию вятичей следует связывать с деятельностью преподобного Кукши в первой половине XII в. На этом основании он впервые усомнился в справедливости Сказания[14]. В конце XIX в. орловский историк и краевед Г. М. Пясецкий предположил, что резная икона Николая Чудотворца могла быть принесена во Мценск самим Кукшей. Мценский же краевед В. Адамов считал, что местные христиане до начала XV в. страдали от язычников-вятичей[15]. Причиной для столь разнообразных суждений была слабая изученность истории Верхнего Поочья. В отрыве от исторического контекста источник не раскрывал перед исследователями всего того, о чем мог бы рассказать.

Прежде всего, нужно заметить, что заинтересованными сторонами в сюжете Сказания являются: светская власть — князья, которые снарядили свои войска для похода на Мценск, и церковная власть — митрополит Фотий, который направил во Мценск своего пресвитера. Это далеко не первый случай объединения светской и церковной власти для организации военных походов на города Верхнего Поочья. Поэтому все их необходимо рассматривать в контексте истории церковной и политической.

Со времени обособления Черниговской земли территория Верхнего Поочья относилась к ведению Черниговской епархии. К концу первой трети XIV в. ее кафедра переместилась в Брянск[16]. В середине столетия в борьбе за влияние в этом регионе столкнулись Московское и Литовское государства[17]. В 1357 г. Брянск подчинился Литве, однако Брянская епархия оставалась в подчинении митрополита Киевского и всея Руси — Алексия, кафедра которого находилась во Владимире, а резиденция фактически находилась в Москве[18]. Алексий был поборником власти великих московских князей, однако в 1352 г. по просьбе великого князя литовского Ольгерда в Константинополе на несколько епархий литовской части митрополии: Полоцкую, Туровскую, а позже и на епархии Малой Руси, с митрополичьей кафедрой в Новогрудке, был поставлен отдельный митрополит Роман. Он стал претендовать на большее, чем ему было позволено патриархом, и к 1361 г. самовольно овладел Брянской епископией[19]. Кроме того, с помощью войск Ольгерда митрополит Роман организовал поход на город Алексин, который со времен митрополита Петра (1308—1328 гг.) находился в непосредственном владении митрополитов Киевских и всея Руси[20]. Этот удар для митрополита Алексия был очень болезненным, поскольку сам он происходил из рода знатных черниговских бояр.

После смерти митрополита Романа († 1362 г.) Брянская епархия вновь подчинилась ставленнику митрополита Алексия [21]. Вскоре патриарх издал грамоту о присоединении (возвращении) «литовских» епархий к митрополии Киевской и всея Руси[22]. Однако в 1360-х гг. политическое влияние Литвы в Верхнем Поочье продолжало укрепляться путем заключения династических браков. Эта политика наметилась еще в первой половине XIV в. Так, князь Андрей Мстиславич († 1339 г.) был женат на дочери литовского князя «Гаманта» (вероятно — Гедимина). Его дети — карачевские и звенигородские князья — по матери были литовских кровей. В 1360-х гг. козельские князья достигли нового сближения с династией великих

литовских князей. Сын князя Тита Мстиславича — князь Святослав — не ранее середины 1360-х гг. женился на дочери Ольгерда — Феодоре[23]. Князь Иван Титович был женат на Ольгердовой внучке (дочери князя Олега Рязанского) и к весне 1370 г. присягнул на верность Ольгерду. К этому времени на одной из дочерей Ольгерда был женат и князь Иоанн Новосильский[24].

В 1368 г. Ольгерд начал военные действия против Москвы. Одновременно вновь осложнились его отношения с митрополитом Алексием. Напрямую это касалось региона Верхнего Поочья, где большинство князей находилось в родстве с литовским великокняжеским домом. Ситуация угрожала новым отпадением Брянской епархии от митрополита. Весной 1370 г. великий московский князь Дмитрий Иванович *«посылать воевать Брянска»*[25]. Должно быть, именно в результате этого похода московские войска взяли литовские крепости Калугу и Мценск, а Новосильское княжество отошло к союзнику Москвы князю Роману Новосильскому[26]. Вместе с тем, митрополит Алексий использовал очень влиятельный административный ресурс и стал отлучать от церкви тех русских князей, которые выступали на стороне Литвы. Под страхом отлучения некоторые сторонники Ольгерда стали переходить на сторону митрополита. Одновременно в Константинополь были посланы две жалобы на великого князя литовского — одна от митрополита, а другая от великого князя московского[27]. В 1371 г. патриарх Филофей потребовал от Ольгерда разъяснений сложившейся ситуации. Великий князь литовский отвечал, что митрополит сам *«благословляетъ московитянъ на пролитие крови... И кто поцелуетъ крестъ ко мне и убежитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное целование... Иванъ Козельский, слуга мой, целовалъ крестъ ко мне..., что онъ будетъ у меня, и ... бежалъ, и митрополитъ Алексий снялъ съ него крестное целование»*. Ольгерд просил патриарха о новом разделении митрополии. По его мнению, в ее литовскую часть должен был войти и Новосиль[28]. Из этого письма мы видим, что феодальная знать Верхнего Поочья уже была крещена, а местное духовенство входило в иерархию православной церкви. Накануне московского похода Мценск принадлежал Литве. Как и в Брянске, в нем правили воеводы Ольгерда, но, по сути, он оставался русским православным городом. Во всяком случае, в 1370 г. особой необходимости в крещении мценян, видимо, не возникло.

В 1372 г. между великими княжествами Московским и Литовским было заключено перемирие[29]. Мценск вновь подчинился Литве[30], но сохранению митрополичьего влияния в Брянской епархии все это время способствовала связь митрополита с местным духовенством и с частью местных князей и бояр. Отдельные их представители при митрополите Алексии выдвинулась на видные роли на митрополичьей кафедре. Среди них были выходцы из Верхнего Поочья[31].

В целом нормализации церковно-политической обстановки в Верхнем Поочье способствовал брак великого князя московского Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.) с дочерью великого князя литовского Витовта (1392—1430 гг.), заключенный в 1391 г.[32] Митрополит Киприан (1390—1406 гг.) объединил все епархии митрополии Киевской и всея Руси под своей властью. При нем споров о ее разделении между Москвой и Литвой не возникало. На Черниговскую и Брянскую епархию Киприаном был поставлен епископ Исакий[33].

В 1406 г. между великими княжествами Московским и Литовским разразился крупный военный конфликт. Значительная часть боевых действий велась на территории Верхнего Поочья[34]. Но в них не было участия митрополита, который к этому времени уже был болен, а вскоре умер[35]. В сентябре 1407 г. был заключен мирный договор[36]. Однако в 1408 г. мир был нарушен событиями внутри великого княжества Литовского. Брянский наместник князь Свидригайло изменил Витовту и стал активно искать политическую поддержку. Нужно полагать, что существенную выгоду он извлек из сближения с брянским епископом Исакием. Территория Чернигово-Брянской епархии многократно превышала территорию области, подвластной Свидригайле. Местные бояре и духовенство поддерживали давние корпоративные связи с представителями фактического центра митрополии. Свидригайло использовал эту ситуацию в полной мере. Летом 1408 г. он вместе с епископом Исакием, а также большой группой князей и бояр брянских, черниговских, стародубских, путивльских, любутских; князьями карачево-звенигородского и козельского дома (все это феодалы с территории Чернигово-Брянской епархии) отъехал к Василию I, надеясь на его помощь в борьбе с Витовтом. Однако в сентябре 1408 г. на р. Угре Витовт с Василием I заключили мир *«по*

давному», и Свидригайло остался *«не у дел»*[37]. Очевидно, отъезд его коалиции к Москве предопределил помещение в литовской части Верхнего Поочья новых наместников Витовта. Мощными опорными пунктами Литвы здесь стали крепости Мценск и Любутск.

В сентябре 1408 г., несмотря на возражения Витовта, митрополитом Киевским и всея Руси был поставлен грек Фотий (1408—1431 гг.). Он сумел примирить с собой великого князя литовского, обещав ему заботиться о западных епархиях[38]. Брянскому епископу Исакию пришлось удовлетвориться результатами московско-литовского мира, и он вернулся к управлению своей кафедрой. Вместе с тем Витовт не терял надежды переменить церковную власть в своем государстве, и такая возможность вскоре представилась. Митрополит Фотий нашел свое хозяйство изрядно расхищенным и принялся ревностно наводить в нем порядок[39]. Активная деятельность Фотия настроила против него отдельных представителей духовенства. Осенью 1414 г.[40] некие *«неблазии человецы»* оклеветали его перед Василием I. Не исключено, что среди них был племянник Киприана — Григорий Цамблак, находившийся в это время в Москве[41]. Фотий изгнал провинившихся церковных управителей. Они бежали к брянскому владыке Исакию, а из Брянска направились к Витовту. В Литве их клевета на Фотия подала основания для осуществления церковного мятежа. На территории литовской части митрополии Витовт повелел переписать все города, волости и села, и выгнал из них наместников Фотия. Кандидатом на литовский митрополичий престол стал именно Григорий Цамблак. Он был утвержден на церковном соборе и отправлен в Константинополь вместе с посланием к царю и патриарху, в котором Витовт просил, чтобы для Киева и всей Литвы был поставлен особый митрополит. Однако рукоположение Цамблака было отклонено. Тогда Витовт предпринял еще одну попытку. В марте 1415 г. его послы отправились в Константинополь с новым прошением, в котором стоял ультиматум, что если оно не будет удовлетворено, то на церковном соборе местные епископы поставят Григория митрополитом независимо от воли патриарха. Послы должны были ждать ответа не далее Ильина дня (20 июля), потом срок был продлен до Успения (15 августа), и, наконец, до Филиппова дня (14 ноября). Когда все сроки для ответа прошли, 15 ноября 1415 г. епископы поставили Григория митрополитом Литовским. Под соборным актом подписались владыки семи епархий. Вторым после полоцкого архиепископа Феодосия был епископ Исакий Черниговский и Брянский. В летописной традиции Исакий обычно указывается первым[42]. Будучи ставленником Киприана, он выступал не просто в роли заговорщика. Должно быть, Исакий по-прежнему сохранял верность роду Цамблаков, это заставляет думать, что он был одним из инициаторов выдвижения нового литовского митрополита. Согласно 9 правилу поместного Карфагенского собора (419 г.) только за вступление в сговор с изгнанным ранее духовенством Исакий был повинен изгнанию, лишь раскол ограждал его от возмездия[43].

Нужно полагать, что накануне рукоположения Григория Цамблака, в связи с изменой брянского владыки, на территории Брянской епархии вновь обострились церковные отношения. Большая часть епархии находилась под властью Литвы, но часть ее подчинялась верховной власти Василия I. Ярлык на Тарусу принадлежал великому князю московскому. Козельск, Алексин, Пересветова купля и Лисин находились во владении потомков князя Владимира Серпуховского, а Калуга — во владении князя Андрея Можайского. Князья новосильского дома тоже состояли в союзе с Москвой[44]. Нужно полагать, что духовенство этой части Брянской епархии сохранило верность митрополиту Фотию. Мценск же находился под административной властью литовских наместников и оказался на пограничье надвигающегося церковного раскола. В этой связи проясняются мотивы похода московских и можайских войск на Мценск вместе с фотиевым пресвитером в 1415 г. Так называемое крещение мценян произошло на десятой неделе после Пасхи, в пятницу, 7 июня. В этот день случилось солнечное затмение: *«бысть знамение въ солнце, мракъ зеленъ, таже помале бысть мракъ аки кровь, и другъ друга человеку не видети, аки въ крови стояху вси»; «и звезды явишася, и заря явис(я) утренняя и вечерняя»; «и быс(ть) страх великъ на всех родех ч(е)л(ове)ч(ес)кихъ»* (рис.1)[45]. Мценяне *«одержими быша слепотою»*, то есть были охвачены тьмой, чего очень сильно испугались. *«Божье знамение»* было использовано Фотиевым пресвитером для приведения мценян к покорности. Тьма продолжалась целый час, после чего *«Г(оспод)ь Б(ог)ъ дасть просвещение всему миру»* и мценяне *«прозреша»*. Кем же были Ходаны, Юшинки и Зикии? В отношении последних сложно сказать что-либо определенное. Для первых же

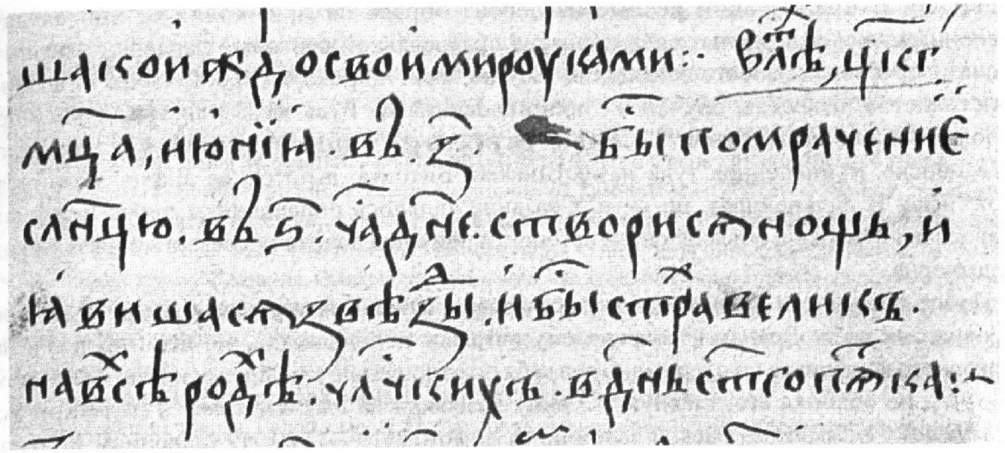


Рис. 1. Запись о солнечном затмении в сборнике XVI в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (РГБ ОР. Ф. 304. I. Ед. хр. 765. Л. 319 об.).

двух родов существует целый ряд источников, способных достаточно полно определить ареал наибольшего распространения подобных фамилий или имен. В переписи войска великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) 1528 г. среди прочих, есть фамилия Ходан В. I.[46] В Словаре древнерусских личных собственных имен В. Н. Тупикова упомянуты: *«Род Ходанев с Хворощи»*, не позже XVI в. (Хворощ — ВКЛ); Ходан Ходорович Беляй, войтульский, 1577 г. (Войтул — ВКЛ); Савка Ходан, крестьянин смольянский, 1593 г. (Смоленск — бывшая территория ВКЛ); Ходан Логнин, крестьянин луцкий, 1649 г. (Луцк — ВКЛ)[47]. В Списке опричников Ивана Грозного 1573 г. из созвучных упоминается один только Ходин Семейка[48]. Имя «Юшко» характерно более всего для Западной Руси, на которую простиралась власть Литовского государства. Так, в Переписи войска ВКЛ есть фамилия Юшко, Жамоитская земля[49]. На территории Московской Руси имя «Юшко» и производные от него фамилии почти не применялись. В Списке опричников Ивана Грозного упоминаются только фамилии Юрьев[50]. В Воскресенской летописи встречается очень много имен «Юрий», до XVI в. упоминается один только «Юшка Драница», о котором сказано, что он «литвин» — выходец из Литовской Руси[51]. Из окружного послания Фотия следует, что митрополит искал поддержки у местных князей, духовенства и населения, которые могли бы воспротивиться самоуправству епископов-раскольников. В литовских же наместниках он видел опору для осуществления епископами церковного мятежа и писал об этом, цитируя святое писание: *«яко смесишася въ языцехъ, и навыкоша деламъ ихъ»* (Псалтырь, 105:35)[52]. Представителей Литвы, сравнительно недавно принявшей крещение, на Руси еще долго называли язычниками. Даже в XIX в. во Мценске бытовала бранная поговорка: «поганая Литва»[53]. Однако, следует иметь в виду, что Сказание является произведением церковной литературы, очевидно, частью основанным на неких реальных событиях. Поэтому вопрос о вероисповедании Ходанов, Юшинок и Зикиев представляется неоднозначным. Они вполне могли быть русскими православными христианами Западной Руси, которые согласно политике Витовта поддерживали разделение митрополии и подчинение Брянской епархии власти Григория Цамблака.

Должно быть, Сказание было записано при жизни очевидцев, помнивших об уникальном событии, произошедшем 7 июня 1415 г. — солнечном затмении. Вероятно, оно имеет не мценское происхождение, во всяком случае, нем ярко выражена можайская направленность. Так, вместе с *«правящу скипетры»* Василием Дмитриевичем назван только один его брат — Андрей Дмитриевич Можайский, который, между прочим, выступает с титулом *«великого князя»*. Эта традиция титулования князей можайского дома применялась исключительно внутри их собственных уделов[54]. Начальная фраза Сказания составлена в обычной форме датирующих записей, которая использовалась в церковных книгах. Она явно указывает на то, в чьей земле составлялась[55]. Интересно, что в походе можайских войск упомянуто обретение резного образа святителя Николая, подобного тому, который позже в Русском государстве стал известен как «Никола Можайский»[56]. Источник его заимствования не

очевиден. В православии резные из дерева образа не применялись, иногда даже воспринимались как идолы и для принятия православной церковью наравне с писаными иконами требовали особого освящения. Но они были широко распространены в западном христианстве, известны случаи их проникновения на Русь из Европы и дальнейшего использования в православии [57]. Поэтому не исключено, что резная икона уже находилась во Мценске, принесенная туда наместниками Витовта, а потом ее аналог появился в Можайске. В дальнейшем, по сути, Сказание являлось оправданием перед иерархами православной церкви, объясняющим историю и причины почитания резного образа Николы Чудотворца.

По всей видимости, Фотию удалось восстановить влияние на территории Верхнего Поочья, но основная часть Брянской епархии ему осталась неподвластна. На всем продолжении церковного конфликта он сдержанно вел себя по отношению к великому князю литовскому, ни в чем не обвинял его, главную же вину возложил на *«несмысленных и суетословных, и несвященных епископов»*. Раскол закончился зимой 1419—1420 гг. удалением Григория Цамблака с кафедры. Отношения Фотия с Витовтом вскоре наладились, и Фотий вновь стал полновластным митрополитом Киевским и всея Руси[58].

В середине XV в. борьба митрополитов за влияние в Брянской епархии продолжилась. В 1460/61 г., когда окончательное разделение митрополии на части — Литовскую и Московскую — оказалось неизбежным, митрополит Иона призвал брянского владыку Евфимия приехать к нему[59]. Большая часть Брянской епархии вместе с кафедрой отошла к Литовско-Русскому государству. Евфимий же сохранил за собой церковное управление в той части Брянской епархии, которая находилась под властью великого князя московского. В 1464 г. он получил в управление еще и Суздальскую епархию: *«пребеже на Москву Еуфимей, епископъ брянскый и черниговскый, покиня свою епископью. И даша емоу Соуждаль и Колугу, и Торусоу»*[60]. Так в состав Суздальской епархии фактически вошла часть епархии Брянской. Даже в Суздале Евфимия изредка называли брянским владыкой[61].

Таким образом, поход московских и можайских войск на Мценск в 1415 г., описанный в Сказании о крещении мценян, стоит в ряду важных событий, отражающих борьбу высших церковных иерархов за влияние на территории Брянской епархии. Расколы митрополии, равно как и осложнения отношений между великими князьями московскими и великими князьями литовскими, непременно вели к опасности выхода региона из подчинения митрополитам Киевским и всея Руси. Как следствие, такая ситуация не раз влекла за собой стремление митрополитов восстановить утраченное влияние хотя бы на части Брянской епархии — в Верхнем Поочье. Осуществлялось это разными способами. Дело не только в том, что поставление брянского епископа зависело от воли митрополита. Со времен Алексия духовенство брянской епархии имело корпоративные связи с фактическим центром митрополии, который располагался в Москве. На местах брянское духовенство пользовалось большим авторитетом, но, в свою очередь, опиралось на власть местных князей и бояр, а потому отстаивало те интересы, которые зачастую были сильно подвержены литовскому влиянию. В случае необходимости для подчинения феодалов Брянской епархии митрополитами использовались крайние меры: возможность отлучения их от церкви и возможность привлечения военных ресурсов для организации походов в пограничные области епархии. В этой связи политические процессы, происходившие на территории Верхнего Поочья, представляются очень многогранными. Этот вывод определяет важность дальнейшего изучения церковной истории для всестороннего осмысления истории Верхнего Поочья.

[1]На основании свидетельства И. Ф. Афремова можно предположить, что Сказание выставлялось в Никольской церкви города Мценска напоказ. Возможно, было изображено на доске (Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1. М., 1850. С. 42).

[2] Отечественные записки. СПб., 1825. Ч. 22. Кн. 62. С. 438—439.

[3] Легенда о крещении Мценян, в 1415 году // Русская вивлиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаем Полевым. Т. 1. М, 1833. С. 361—362.

[4]Н.С. Лесков в рассказе о Левше описал, как туляки ходили во Мценск, где *«стоит древняя «камнесеченная» икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше»* (Лесков Н. С. Повести и рассказы. Л., 1982. С. 230). Это описание иконы противоречит фактически установленным сведениям. По свидетельству И. Соколова образ святителя Николая был резным и по внешнему виду представлял чудотворца во весь рост во всем архиерейском облачении, стоящем на орлеце, с мечом в правой руке и ковчегом в левой (сделанными вновь, потому что первоначальные деревянные ковчег и меч хранились в соборной ризнице особо). Сверху он весь был обложен богатой серебряной позлащенной ризой, в венце украшенной камешками (Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1998. Репринтное воспроизведение издания: СПб., 1899. С. 322). Обстоятельства обретения иконы, описанные Н. С. Лесковым, тоже не соответствуют тексту Сказания. Однако легенда о том, что каменный крест приплыл по реке против ее течения, действительно бытовала, очевидно, в поздней народной традиции (Кавелин Л. А. Нечто о Мценске // Маяк, журнал современнаго просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. СПб., 1845 г. Т. 23. Смесь. С. 28).

[5]В публикации И. П. Сахарова: *«быша»*, что по смыслу более правильно.

[6]В публикации преосв. Гавриила и И. П. Сахарова имена перечислены в единственном числе.

[7]Так в публикациях. Возможно неверное прочтение источника. Должно быть: *«Николы»*.

[8]В публикации И. П. Сахарова: *«литый ковчегъ»*.

[9]В публикации И. П. Сахарова: *«въ коемъ имать»*.

[10]Текст приводится по А. Вознесенскому (со ссылкой на И. Соколова). В сносках даны некоторые разночтения.

[11]Отечественные записки. СПб., 1825. Ч. 22. Кн. 62. С. 438—439; Статистическое обозрение Мценска, уезднаго города Орловской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Кн. 4. Ч. 24. С. 107—108.

[12] Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1998. Репринтное воспроизведение издания: СПб., 1899. С. 322—323.

[13]Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1. М., 1850. С. 42.

[14]Кавелин Л.А. Нечто о Мценске//Маяк, журнал современнаго просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. СПб., 1845 г., Т. 23. Смесь. С. 26.

[15]Адамов В. Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк к предстоящему пятисотлетию со дня обретения его 1415—1915//Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 3 мая 1915 г. №18. С. 1179—1183.

[16]Памятники древне-русскаго канонической права. Ч. 1. (Памятники XI —XV в.)//Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880 (далее — РИБ. Т. 6.). Прил. Стб. 435—436, 439—440, 443—446; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 72—73; В данном случае мы не будем останавливаться на ошибочных мнениях местных краеведов XIX в. о принадлежности Верхнего Поочья к ведению Сарской и Подонской (Крутицкой) или Рязанской епархий в рассматриваемый период времени.

[17]Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 58—80.

[18]Рогожский летописец. Тверская летопись // Русские летописи. Т. 6. Рязань, 2000 (далее — РЛ. Т. 6.). С. 66—67, 83, 90; РИБ. Т. 6. Прил. №12. Стб. 63—70; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 25—26, 36—37.

[19]РЛ. Т. 6. С. 64; РИБ. Т. 6. Прил. №13. Стб. 75—80; №14. Стб. 85—88.

[20]Патриаршая или Никоновская летопись// Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 2000. С. 219; Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М., 1951. №1. С. 23.

[21]Ранее митрополит Алексий поставил на брянскую кафедру епископа Нафанаила, а в 1363 г. — епископа Парфения (РЛ. Т. 6. С. 73, 105).

[22]РИБ. Т. 6. Прил. №15. Стб. 91—98.

[23] Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 2000 (далее — ПСРЛ. Т. 11.). С. 26; Точной даты этого брака неизвестно, но следует иметь в виду, что Феодора была дочерью тверской княжны Ульяны, выданной за Ольгерда в 1349 г. (РЛ. Т. 6. С. 62).

[24] РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135—140.

[25] РЛ. Т. 6. С. 81—84.

[26] РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135—140.

[27] РИБ. Т. 6. Прил. №16—18. Стб. 97—114; №20—21. Стб. 117—124.

[28] РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135—138.

[29] РЛ. Т. 6. С. 92.

[30] Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 224—225.

[31] Например, Александр Пересвет и Андрей Ослябя происходили из рода любутских бояр и входили в корпорацию брянского боярства (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 39, 285; Типографская летопись // РЛ. Т. 9. Рязань, 2001. С. 214; Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула, 2002. С. 18—19).

[32] Воскресенская летопись // РЛ. Т. 3. Рязань, 1998. С. 90.

[33] РЛ. Т. 6. С. 128.

[34] РЛ. Т. 6. С. 454—458; Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376—1430 / Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6. Crakoviae, 1882. №369. С. 150.

[35] Московский летописный свод конца XV в. // РЛ. Т. 8. Рязань, 2000 (далее — РЛ. Т. 8). С. 318—319.

[36] РЛ. Т. 6. С. 456—458; Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 40—47, 51—52.

[37] РЛ. Т. 3. С. 117.

[38] РЛ. Т. 8. С. 326; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. (далее — АЗР. Т. 1). №25. С. 36; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 61—62.

[39] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841 (далее — АИ. Т. 1). №256. С. 485.

[40] Запись Никоновской летописи под 6922 г., очевидно, датирована в мартовском летоисчислении.

[41] Летописи Белорусско-Литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 33.

[42] ПСРЛ. Т. 11. С. 223—225; Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 132—133; АЗР. Т. 1. №24—25. С. 33—37; РИБ. Т. 6. №37—38. Стб. 307—314.

[43] АИ. Т. 1. №19. С. 39.

[44] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (делее — ДиДГ). №12, 13, 16. С. 34, 38, 43; РЛ. Т. 8. С. 299.

[45] ПСРЛ. Т. 11. С. 226; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 41; РГБ ОР. Ф. 304. I. Ед. хр. 765. Л. 319 об.

[46] Перапіс войска Вялікага княства Літоускага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоускага. Кн. 523. Мінск, 2003. С. 403.

[47] Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 415.

[48] Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003. Л. 25 об.

[49] Перапіс войска Вялікага княства Літоускага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоускага. Кн. 523. Мінск, 2003. С. 271.

[50] Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003. Л. 28 об., 34—35 об.

[51] РЛ. Т. 3. С. 166.

[52] АИ. Т. 1. №19. С. 27—40.

[53] Кавелин Л. А. Нечто о Мценске//Маяк, журнал современнаго просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. СПб., 1845 г., Т. 23. Смесь. С. 25.

[54] Андрей Дмитриевич назван *«великим князем»* в духовной грамоте Кирилла Белозерского (до 9 июля 1427 г.) (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. 2. М., 1958 (далее — АСЭИ. Т. 2). №314. С. 277—278; АИ. Т. 1. №32. С. 61—62). В актах 1427—1432 гг. его вотчина называлась *«великим княжением»* (АСЭИ. Т. 2. №48, 50. С. 33—34). В дальнейшем этот термин (в отношении вотчины) архаично использовался в грамотах его сына князя Михаила Андреевича (АСЭИ. Т. 2. №65, 66, 67, 74, 76, 80, 140, 153, 156, 164, 182, 218, 221, 222).

[55] См., например, датирующие записи в богослужебных книгах Одоевского княжества, которые были написаны в дни благоверного князя Ивана Юрьевича Одоевского (Архимандрит Леонид. Описание лихвинскаго Покровскаго Добраго мужскаго монастыря // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. V. Смесь. С. 106—107, 139).

[56] Описание путешествия в Москву посла римскаго императора, Николая Варкоча, с 22 июля 1593 года / Предисловие и перевод А. Н. Шемякина // ЧОИДР. IV. Материялы иностранные. 1874. Кн. 4. С. 14.

[57] Об отношении православной церкви к резным иконам см., например: Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 109—110; Известно о введении запрета на ношение мценской резной иконы по городам для молебна в 1777 г., поскольку *«таковых резных образов, краме распятия Господня, нигде иметь не велено»* (Выписка из дел консисторского архива о чудотворном образе Св. Чудотворца Николая, находящемся в Мценском Николаевском соборе // Орловские епархиальные ведомости. 1869 г. №14. С. 1274—1276).

[58] Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 65—70.

[59] РИБ. Т. 6. №88. Стб. 669—670.

[60] Типографская летопись // РЛ. Т. 9. Рязань, 2001. С. 238; Иеромонах Леонид (Кавелин) обратил внимание на мнение Амвросия (Орнатского) о том, что Таруса входила в состав Суздальской епархии с 1374 г. При этом он справедливо указал на то, что эти сведения сомнительны, а их источник неизвестен (Иеромонах Леонид. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 117). К сожалению, в литературе XIX в. распространено много суждений, которые никак не подтверждаются источниками и являются сочинениями разных авторов.

[61] Ермолинская летопись. Родословная книга // РЛ. Т. 7. Рязань, 2000. С. 246.

КАНОНИЗАЦИЯ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО И ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР 1531 ГОДА. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

***С.В. Федотов**, аспирант, Институт Российской истории РАН*

Решение вопроса о времени канонизации святых в Русской Православной Церкви, в том числе, Пафнутия Боровского, является достаточно сложным, поскольку количество источников, имеющихся в распоряжении исследователей, незначительно. В данной статье сделана попытка уточнить время канонизации Пафнутия Боровского как общерусского святого на основании анализа ряда источников, связанных с Собором 1531 года.

Основной задачей Собора 1531 года было судебное разбирательство над Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком[1]. Некоторые исследователи связывают с Собором 1531 года канонизацию Пафнутия Боровского, однако, их точки зрения по данному вопросу имеют существенные различия. По мнению В.О. Ключевского, Е.Е. Голубинского и В.И. Осипова, на Соборе 1531 года митрополит Даниил установил местное празднование памяти Пафнутия Боровского в его монастыре[2]. В.И. Жмакин и В.С. Иконников считали, что Пафнутий Боровский был причислен к лику общерусских святых 1 мая 1531 года — за несколько дней до суда над Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком[3]. С Соборным постановлением 1531 года связывает «широкое почитание преподобного Пафнутия» А.В.Топильская[4]. Проявляя осторожность, А.И. Плигузов предположил, что канонизация Пафнутия Боровского состоялась либо 1 мая 1531 года, либо в 1547 году[5]. Следует отметить, что названные исследователи при решении вопроса о времени канонизации Пафнутия Боровского опирались на узкий круг источников.

Канонизация святых на Руси проводилась при соблюдении ряда условий, среди которых особое значение имеют следующие: во-первых, проявление подвижником дара чудотворения как при жизни, так и после смерти; во-вторых, необходимо было знать дату преставления святого или открытия его мощей, чтобы установить день празднования его памяти; в-третьих, требовалось наличие Службы святому и его Жития[6].

В целом, все необходимые условия для канонизации Пафнутия Боровского уже были выполнены в конце XV—начале XVI вв. Иннокентий, ученик Пафнутия Боровского, написал Канон преподобному[7]. В заголовке Канона сообщается: *«Канон преподобному Пафнотию. Творение ученика его Инокентиа, инока тоя же обители»*[8]. Первым Канон Пафнутию Боровскому датировал В.О. Ключевский временем до 1531 года[9]. Данная точка зрения нашла отражение в работах архимандрита Леонида (Кавелина) и А.В. Топильской[10]. Предложенные исследователями временные рамки создания Канона преподобному являются слишком широкими. Попытаемся уточнить датировку данного памятника. До Канона Иннокентий написал Повесть о преподобном Пафнутии, в которой описаны последние восемь дней жизни старца[11]. В настоящее время известен только один полный список Повести о преподобном Пафнутии в сборнике XVI века, который хранится в Российской государственной библиотеке в собрании Волоколамского монастыря (фонд 113) № 515[12]. Отметим, что текст сочинения Иннокентия в данном сборнике не имеет заголовка и начинается словами: «О Господи, спаси же! О Господи, поспѣши же!»[13]. Установить заголовок данного памятника помогает номер 36 главы, который поставлен напротив текста на полях кириллическими буквами и выделен киноварью[14]. В оглавлении, которое помещено в данной рукописи на 3—4 об. листах, под номером 36 главы читается заголовок: «Повѣсть о преподобнѣмъ Пафнотии»[15].

В.О.Ключевский датировал данный памятник 1477—1478 годами[16]. Следовательно, Иннокентий составил Канон свому учителю после 1478 года, когда была закончена Повесть о преподобном Пафнутии. Время смерти Иннокентия неизвестно. В Житии Пафнутия Боровского отмечено, что Иннокентий принадлежал к числу *«древнихъ ученикъ»* преподобного вместе с Исайей Черным, *«иже и сродник бяше по плоти блаженному»*[17]. Один из самых известных учеников Пафнутия Боровского, Иосиф Волоцкий, как сообщается в его Житии, преставился 9 сентября 1515 года в возрасте 75 лет[18]. Данный факт, а также принадлежность Иннокентия к числу *«древнихъ ученикъ»* Пафнутия Боровского позволяют предположить, что он умер в конце XV или даже в начале XVI века. Таким образом, Канон Пафнутию Боровскому был создан Иннокентием не ранее 1478 года и не позднее конца XV или начала

XVI века. Наконец, по мнению И. П. Хрущова, между 18 января 1506 года и 28 августа 1515 года, Вассианом Саниным было составлено Житие Пафнутия Боровского[19]. Житие преподобного сохранилось в нескольких редакциях, в которых описано большое количество чудес, совершенных Пафнутием Боровским как при жизни, так и после смерти[20]. Учитывая, что Канон и Житие преподобного существовали уже в начале XVI века, в это же время, скорее всего, началось его местное почитание в монастыре Рождества Богородицы под Боровском.

При решении вопроса о времени канонизации Пафнутия Боровского исследователи исходили из сведений только одного источника — Канона преподобному. В некоторых списках Канона заголовок сопровождает приписка, в которой сообщается, что митрополит Даниил «съ всѣм священъным его съборомъ при игуменѣ Пафнотии благословил пѣти канонъ и житие чести въ лѣто 7039-го месяца маиа въ 1 день»[21]. Исходя из этого В.И.Жмакин, В.С.Иконников и А.И. Плигузов в качестве даты канонизации Пафнутия Боровского называют 1 мая 1531 года[22]. Данная точка зрения является ошибочной, поскольку они неверно трактуют содержание приписки к заголовку Канона преподобного. Собор 1531 года начал свою деятельность 11 мая с судебного разбирательства над Вассианом Патрикеевым[23]. Таким образом, решение о праздновании памяти Пафнутия Боровского не могло быть принято 1 мая, так как в это время Собор еще не начал свою работу. Согласно Житию преподобного, 1 мая — это дата его преставления[24]. Под 1 мая следует понимать установленный для празднования Пафнутию Боровскому день.

Решение митрополита Даниила и Собора о праздновании Пафнутию Боровскому было принято, скорее всего, после судебного разбирательства над Максимом Греком, обвинявшимся в хуле на русских святых, включая Пафнутия Боровского[25]. Обратимся к Судному списку Максима Грека, который был опубликован Н.Н. Покровским[26] по 39-й главе Сибирского сборника конца XVI века[27]. Подчеркнем, что текст 39-й главы представляет комплекс неразрывно объединенных материалов: Судного списка Собора 1525 года по делу Максима Грека; Судного списка Собора 1531 года по делу Максима Грека с приговором; писем 1525 года митрополита и великого князя в Иосифо-Волоколамский монастырь о суде над Максимом Греком; сообщения о находке «судного списка» Максима Грека в 1548 году в царской казне и о возбуждении в связи с этим дела Исака Собаки; переписки митрополитов Макария и Иоасафа в 1548 году о суде над Максимом Греком и деле Исака Собаки; сообщения о докладе царю по делу Исака Собаки и о созыве Собора для суда над ним; Судного списка Собора 1549 года по делу Исака Собаки с приговором и списком участников Собора[28]. По мнению Н.Н. Покровского в 39-й главе Сибирского сборника содержится полный и наиболее древний текст Судного списка Максима Грека[29].

Согласно Судному списку, в обвинительной речи митрополит Даниил говорит следующее: *«Да ты же, Максим, святых великих чюдотворцов Петра, и Алексея, и Иону, митрополитов всея Русии, и святых преподобных чюдотворцов Сергия, Варлама и Кирила, Пафнутия и Макария укоряеши и хулиши, а говоришь так: Занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили и пошлины и оброки, дани имали, и многое богатство имели, ино им нелзе быти чюдотворцем»*[30]. Это обвинение против Максима Грека подтвердили на очной ставке старцы Арсений Сербин и Федор Сербин[31]. Однако Максим Грек признал только ту часть обвинения, которая касалась Пафнутия Боровского: *«И Максим, мало помолчав, против Арсения и Федора рек: Про чюдотворцов есмь про Петра, и про Алексея, и про Сергия, и про Кирила не говаривал ничего. А про Пафнутия есми молвил, того для, что он держал села, и на денги росты имал, и люди и слуги держал, и судил, и кнутьем бил, ино ему чюдотворцем как быти?»*[32].

Во время судебного разбирательства на Соборе 1531 года Крутицкий епископ Досифей спросил Максима Грека, откуда он получил сведения, на основании которых хулит Пафнутия Боровского. Максим Грек ответил, что ему *«Васьян старец всегда говаривал о Пафнутие»*, он же дал ему «чести» Житие преподобного[33]. Однако Вассиан Патрикеев на очной ставке с Максимом Греком утверждал, что ничего не говорил о Пафнутии Боровском и не давал Максиму Греку его Жития[34]. Теперь обратимся к Судному списку Вассиана Патрикеева. Согласно данному источнику, Вассиан Патрикеев, как и Максим Грек, хулил чудотворцев. По этому поводу Вассиан Патрикеев с иронией замечает: *«Яз того не ведаю, чюдотворци ли то были»*[35]. Из конкретных имен чудотворцев, в святости которых сомневался Вассиан

Патрикеев, в его Судном списке названы только Макарий Калязинский и митрополит Иона[36]. Обвинений в хуле на Пафнутия Боровского Вассиану Патрикееву предъявлено не было.

Отрицание Максимом Греком дара чудотворения Пафнутия Боровского на основании того, что он держал села, *«люди и слуги»*, является несостоятельным, так как монастырское землевладение было общераспространенной практикой на Руси. Так, Сергий Радонежский и Кирилл Белозерский, создавшие известные обители, были крупнейшими духовными феодалами, что убедительно доказали в своих исследованиях М.С. Черкасова, А.И. Копанев и А.Х. Горфункель[37]. Слова Максима Грека о том, что Пафнутий Боровский занимался ростовщичеством и *«кнутьем бил»* людей, не находят подтверждения ни в одной известной редакции его Жития и других посвященных ему памятниках[38]. Таким образом, отрицание Максимом Греком святости и дара чудотворения Пафнутия Боровского не подтверждается сохранившимися источниками.

На Соборе 1531 года церковные власти во главе с митрополитом Даниилом подтвердили святость и дар чудотворения Пафнутия Боровского. По этому поводу в Судном списке Максима Грека сообщается: *«И по сем прочтоша свидетельство о чюдотворце Пафнутие, яко многии святии чюдотворцы села имели у святых церквей и у монастырей, слуги и всякие люди работные и свободные и судили, и управляли, бесчинных же и непокоривых и в темницы затворяли исправления и спасения ради их»*[39]. Подчеркнем, что в Судном списке Максима Грека Пафнутий Боровский был назван вместе с наиболее известными и почитаемыми на Руси *«святыми великими чудотворцами»* — Сергием Радонежским и Кириллом Белозерским[40]. В исследовании Б.М. Клосса доказано, что эти подвижники были включены в общерусский пантеон святых еще в 1448 году[41].

Решение Собора 1531 года и митрополита Даниила *«пѣти канонъ и житие чести»*, то есть установление празднования памяти Пафнутия Боровского, можно рассматривать как своего рода противодействие той хуле, которую возводил на преподобного Максим Грек. В связи с установлением празднования Пафнутию Боровскому было создано несколько литературных памятников, в которых он прославляется как святой чудотворец. Можно предположить, что для чтения во время службы Пафнутию Боровскому было составлено его Краткое Житие[42]. В данном памятнике отмечено, что «чюдотворивое и цѣлебное тѣло» преподобного «до сего часа исцѣлениа неоскудно подаваетъ с вѣрою, наипаче же таиныа душевныя язвы исцѣляетъ»[43]. Завершается Краткое Житие Пафнутия Боровского следующим образом: «Мы же, отцы и братиа, сынове и раби, великаго сего свѣтилника… ликуимъ, убо братие, весело и празднуимъ торжество свѣтло, хвалу въздающе въ Троици единому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу. Нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь»[44]. Скорее всего, фраза «ликуимъ, убо братие, весело и празднуимъ торжество свѣтло» связана с Соборным постановлением 1531 года о праздновании памяти Пафнутия Боровского. Среди известных списков Краткого Жития преподобного наиболее ранний находится в составе Софийского комплекта Великих Миней Четьих митрополита Макария[45]. Следует подчеркнуть, что в Великие Минеи Четьи были включены жития только канонизированных общерусских святых. Создание Софийского комплекта Великих Миней Четьих относится к 1529/1530—1541/1542 годам[46], что хронологически достаточно близко к Собору 1531 года.

На мой взгляд, нельзя согласиться с определением Н.В.Савельевой Краткого Жития Пафнутия Боровского как краткой редакции его Жития. Исследовательница считает, что Краткое Житие преподобного было специально написано для Великих Миней Четьих, поскольку оно читается только в списках данного памятника[47]. Однако Краткое Житие преподобного встречается в различных рукописях, например, в сборнике XVI века, полностью посвященном Пафнутию Боровскому, который хранится в Государственном историческом музее в собрании Е.В.Барсова № 784.48 Данная рукопись осталась неизвестна Н.В.Савельевой.

С Соборным постановлением 1531 года о праздновании памяти Пафнутия Боровского можно связать создание Боровской редакции его Жития. Данная редакция Жития преподобного дополнена новыми чудесами, совершенными им как при жизни, так и после смерти. Один из

наиболее ранних списков Боровской редакции Жития преподобного находится в сборнике, хранящемся в Государственном историческом музее в Синодальном собрании № 818.49 Основной текст Жития Пафнутия Боровского написан одним почерком, полууставом, только листы 344—344 об. написаны беглым полууставом, формат рукописи в 4⁰. Бумага имеет филигрань перчатку с манжетой под шестиконечной звездой. Тождественных филиграней в каталогах не обнаружено, однако она подобна филиграни в альбоме G. Piccard IV, № 1241—1547 год[50]. Исходя из этого, данный сборник с Житием преподобного можно датировать серединой XVI столетия. В Боровскую редакцию Жития преподобного были включены «Повѣсти отца Пафнутия» из Волоколамского патерика [51], а также шесть прижизненных чудес об исцелении и два посмертных чуда, которые вынесены за рамки Жития[52]. Включение новых шестнадцати чудес в состав Жития Пафнутия Боровского должно было способствовать прославлению преподобного как чудотворца, что являлось необходимым условием его канонизации как общерусского святого.

Следует обратить особое внимание на первое из посмертных чудес в Боровской редакции Жития под заголовком: «О впадшемь в разгордѣние». В данном чуде говорится о наказании некоего человека за попытку отобрать у Пафнутьева Боровского монастыря земли и его исцелении у гроба преподобного[53]. Поскольку на Соборе 1531 года Вассиану Патрикееву и Максиму Греку было предъявлено обвинение в выступлении против церковного землевладения[54], то логично предположить, что рассмотренное посмертное чудо Пафнутия Боровского было создано для оправдания монастырского землевладения. Эту же цель преследовал митрополит Даниил, что отразилось в его Сводной Кормчей[55].

По моему мнению, с установлением празднования памяти Пафнутия Боровского на Соборе 1531 года также было связано создание Похвалы преподобному. Аналогичная точка зрения была высказана ранее А.В.Топильской[56]. Однако исследовательница не обосновала должным образом связь между Собором 1531 года и созданием Похвалы Пафнутию Боровскому. Один из списков Похвалы Пафнутию Боровскому помещен в сборнике из Синодального собрания № 818.57 В тексте Похвалы упоминается *«богосъбранныи съборе»* и *«богоизбранныи съборе»*[58]. Также в Похвале читается фраза о том, что Пафнутий Боровский *«ереси обличи и злоковарьства их погуби»*[59]. Эти фразы, вероятнее всего, связаны с тем, что на Соборе 1531 года Вассиан Патрикеев и Максим Грек были осуждены как еретики[60]. Наконец, в Похвале преподобному отразилось стремление церковных властей прославить Пафнутия Боровского как чудотворца. Уже в заголовке Похвалы Пафнутий Боровский назван чудотворцем: «Похвала преподобнаго и богоноснаго отца нашего чюдотворца Пафнотиа, иже въ Боровскѣ»[61]. В тексте неоднократно подчеркивается, что Пафнутий Боровский «чюдотворець показася при животѣ и по смерти, всея русъския земля»[62], а чудеса у гроба с мощами преподобного происходят до сих пор[63]. Наиболее ранний из известных списков Похвалы Пафнутию Боровскому, как и его Краткое Житие, содержится в Софийском комплекте Великих Миней Четьих[64].

Как убедительно доказал Б.М.Клосс, к Собору 1531 года была составлена Сводная Кормчая митрополита Даниила, которая противопоставлялась нестяжательской Кормчей Вассиана Патрикеева, чьи взгляды подверглись осуждению на Церковном Соборе 1531 года[65]. В состав Сводной Кормчей было помещено описание трех чудес Пафнутия Боровского под заголовком «Повѣсть о преподобнем игуменѣ Пафнутии манастыря Пречистые Богородици, его же сам созда, иже в Боровъсцѣ, в нем же и святое тѣло его лежит»[66]. По мнению А.И.Плигузова, данные чудеса были взяты из несохранившейся первоначальной редакции Жития преподобного[67]. К сожалению, исследователь не приводит доводов в подтверждение своей точки зрения. Включение в состав Сводной Кормчей Повести о преподобном игумене Пафнутии еще раз подтверждает стремление церковных властей прославить его как святого чудотворца. Отметим, что остается нерешенной проблема первоначального источника указанных чудес.

Рассмотренный выше материал позволяет вполне обоснованно говорить о том, что на

Соборе 1531 года были подтверждены святость и дар чудотворения Пафнутия Боровского. Он был признан общерусским святым. Также Соборным постановлением 1531 года был установлен день празднования памяти преподобного — 1 мая. Точка зрения В.О.Ключевского, Е.Е.Голубинского и В.И.Осипова, согласно которой в 1531 году митрополит Даниил и Собор установили местное празднование памяти Пафнутия Боровского[68], основанная на сведениях только Канона, представляется неубедительной. С Собором 1531 года, скорее всего, связано создание Краткого Жития преподобного, Боровской редакции его Жития и Похвалы ему. Непосредственно к Собору 1531 года составлена Сводная Кормчая митрополита Даниила, содержащая Повесть о преподобном игумене Пафнутии, источник которой в настоящее время неизвестен. Однако рано считать вопрос о времени канонизации Пафнутия Боровского как общерусского святого окончательно решенным, поскольку могут быть обнаружены новые источники, подтверждающие или корректирующие точку зрения, изложенную в данном исследовании.

[1] Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 130; Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. I / Отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2008. С. 29.

[2] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 207, примеч. 1; 227, примеч. 1; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 83; Осипов В. И. Из истории Пафнутьев-Боровского монастыря в XV—XVI вв. // Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф. / Сост. В. И. Осипов. Калуга — Боровск, 1997. С. 177.

[3] Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 236; Иконников В. С. Собрание исторических трудов. Т. I: Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915. С. 497.

[4] Жития святых в древнерусской письменности. Вып. 1. Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М. С. Крутова. М., 2002. С. 151, примеч. 28.

[5] Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 376.

[6] Голубинский Е. Е. Ук. соч. С. 40—42.

[7] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синодальное собрание, № 818. Л. 261 об. — 275 об.

[8] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 261 об.

[9] Ключевский В. О. Ук. соч. С. 207.

[10] Леонид (Кавелин), архимандрит. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планом Киевских пещер. Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. С. 157; Жития святых в древнерусской письменности. Вып. 1… С. 150.

[11] Российская государственная библиотека (далее — РГБ), собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 395—419.

[12] РГБ, собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 395—419.

[13] РГБ, собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 395.

[14] РГБ, собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 395.

[15] РГБ, собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 4 об.

[16] Ключевский В. О. Ук. соч. С. 207.

[17] ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 64 a.

[18] Житие и пребывание вкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламского // Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1—13 / Издание Археографической комиссии. СПб., 1868. Стлб. 492—493.

[19] Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. XXVIII.

[20] ГИМ, Синодальное собрание, № 241. Л. 348 об. — 351; ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 276—350 об.; ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 61 b — 69 c.

[21] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 261 об. — 262.

[22] Жмакин В. И. Ук. соч. С. 236; Иконников В. С. Ук. соч. С. 497; Плигузов А. И. Ук. соч. С. 376.

[23] Судное дело Вассиана Патрикеева // Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960. С. 285.

[24] ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 68 d.

[25] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. С. 99.

[26] Там же. С. 90—139.
[27] Там же. С. 10—18.
[28] Там же. С. 45.
[29] Там же. С. 44.
[30] Там же. С. 99.
[31] Там же. С. 112.
[32] Там же. С. 112.
[33] Там же. С. 112—113.
[34] Там же. С. 113.
[35] Судное дело Вассиана Патрикеева… С. 292.
[36] Там же. С. 297—298.
[37] См.: Черкасова М. С. Землевладение Троице—Сергиева монастыря в XVI—XVII вв. М., 1996; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI в. М. — Л., 1951; Горфункель А. Х. Рост землевладения Кирилло—Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII в. // Исторические записки. Т. 73 / Отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1963. С. 219—248.
[38] См.: ГИМ, Синодальное собрание, № 241. Л. 348 об. — 351; ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 248—366 об.; ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 61 b — 73 a; РГБ, собрание Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515. Л. 395—420 об.; РГБ, собрание В. М. Ундольского (фонд 310), № 27. Л. 275 об. — 276 об.; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 183—184; ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 170; ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 309—310; ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско—Пермская летопись. М., 2006. С. 256—257.
[39] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки… С. 120.
[40] Там же. С. 99.
[41] Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 71.
[42] ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 69 c — 70 a.
[43] ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 69 d.
[44] ГИМ, Синодальное собрание, № 994. Л. 70 a.
[45] Российская национальная библиотека (далее — РНБ), Софийское собрание, № 1321. Л. 75 об. — 76.
[46] Дробленкова Н. Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Часть 1: А—К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 127.
[47] Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. XVI век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. СПб., 2003. С. 572.
[48] ГИМ, собрание Е. В. Барсова, № 784. Л. 94—96 об.
[49] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 276—350 об.
[50] Piccard G. Wasserzeichen Hand und Handschuh. Findbuch 17. Stuttgart, 1997. P. 30; Tab. IV, № 1241.
[51] Сравните: ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 307 об. — 321; Древнерусские патерики. Киево—Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 95—100, 200—205.
[52] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 321—327 об., 347—350 об.
[53] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 347—348 об.
[54] Синицына Н. В. Ук. соч. С. 141.
[55] Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 67.
[56] Жития святых в древнерусской письменности. Вып. 1… С. 151—152.
[57] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 350 об. — 366 об.
[58] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 351, 355 об.
[59] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 356 об.
[60] Синицына Н. В. Ук. соч. С. 141.
[61] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 350 об.
[62] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 351 об., 353 об. — 354, 356, 357.
[63] ГИМ, Синодальное собрание, № 818. Л. 353 об., 358, 362—362 об., 365.
[64] РНБ, Софийское собрание, № 1321. Л. 76 c — 80 d.
[65] Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 62—63.
[66] РГБ, собрание В. М. Ундольского (фонд 310), № 27. Л. 275 об. — 276 об.
[67] Плигузов А. И. Ук. соч. С. 375.
[68] Ключевский В. О. Ук. соч. С. 207, примеч. 1; 227, примеч. 1; Голубинский Е. Е. Ук. соч. С. 83; Осипов В. И. Ук. статья. С. 177.

ВЕРХНЕЕ АЛОПОВО ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО СЕЛА. XV—НАЧ. XX ВВ.*

***Н.А. Саратовцева**, преп.,*
МОУ «Подборковская средняя общеобразовательная школа»
МО «Козельский район» Калужской области,
***В.И. Абакулов**, н.с., Калужский областной краеведческий музей*

В Калужском крае не так много сёл, которые вели бы свою историю с XV века. Среди таких — Верхнее Алопово Перемышльского уезда, расположенное возле дороги из Перемышля в Козельск, в 20 км от последнего. Ранее название села часто писалось через букву «о». В указанном столетии волость Олопов принадлежала князьям Воротынским как земли пожалований и *«данья королево князем Новосильским» от Великих князей Литовских»*[1].

После пограничной войны 1487—1494 гг. Московского и Литовского великих княжеств на переговорах в 1494 г. литовские послы требовали возвращения Москвой Литве ряда земель, в том числе и *«смоленских волостей»*, среди которых они назвали и Олопов[2]. О достаточно древней заселённости этих мест говорит и находящийся в 0,5 км к северо-западу от села В.Алопова сильно распаханный курган, выявленный во время археологических разведок в 1991 г.[3] К сожалению, раскопок археологи на территории села и его окрестностей не проводили.

В XVII столетии село В. Алопово входило в Перемышльскую (называвшуюся также Озерской) засеку, созданную для защиты от набегов крымских татар[4]. Засечные леса сохраняли и в следующем столетии, запрещая проводить здесь вырубку деревьев. Так, в январе 1749 г. звенной сторож Николай Тенюков, бывший крестьянином села В. Алопова помещика М.Ф. Чичерина, обнаружил в казённой Перемышльской засеке порубку леса (больше 10 сажен). Выяснилось, что лес срубили церковники этого села Семён Афанасьев и Степан Иванов. По указу Петра I от 4 марта 1723 г. виновных в рубке заповедных лесов духовных лиц следовало судить. Для привода вышеозначенных церковников села В. Алопова в валтмейстерское правление из Оружейной канцелярии были посланы капрал Захар Чернышёв, солдат Коломенского полка Захар Гаврилов и несколько казённых сторожей[5].

Храм в этом селе существовал уже как минимум в XVII веке. Под 1678 годом во вкладной книге Козельской Оптиной пустыни упоминается, что вкладная книга минея общая думного дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского была продана священнику Астафию Ермолаеву в село В. Алопово за 1,5 рубля денег, за четверть ржи и осьмину пшеницы. Вырученные деньги пошли на приобретение оклада для иконы Богородицы[6].

Как увидим ниже, местные помещики всячески поддерживали свою приходскую церковь. 12 августа 1713 г. был запечатан указ о строении с освящением церкви по челобитью майора Ивана Лаврентьевича Чичерина. *«Велено ему в Перемышльском уезде в селе Олопове вместо ветхой церкви Обновления храма Воскресения Христова на том же месте построить вновь церковь во имя тот же престол, освятить Троицкого Лютикова монастыря архимандриту Филарету и антиминс в тое церковь выдать, за антиминсное полотно деньги взяты»*[7]. Капитан Никита Яковлевич Киреевский, владевший частью села В. Алопова, в 1752 г. дал священнику Ивану Иванову 3 руб. для ремонта ветхой крыши на Обновленской церкви[8]. Через пять лет вдова помещика Матвея Фёдоровича Чичерина, Матрёна Ивановна, просила Епископа Сарского и Подонского Иллариона разрешить ей пристроить к деревянной Обновленской церкви в селе В. Алопове придел во имя Св. Апостола Иакова. 21 апреля того же года Епископ своим указом такую постройку разрешил[9].

Алоповские помещики, недоросли, Варлам Иванович Родионов и Пётр Данилович Тимирев, 4 января 1771 г. просили Перемышльскую воеводскую канцелярию выписать им подорожную на проезд до Санкт-Петербурга для *«записи в военную службу»*. 7 января того же года они такую подорожную получили за подписью перемышльского воеводы Никифора Афросимова[10]. Другие

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 09-01-59106 а/Ц).

помещики села В. Алопова, отставные капралы Александр Иванович и Кондратий Ермилович Родионовы, 25 февраля того же 1771 г. подали в Перемышльскую канцелярию прошение. В нём Родионовы сообщали, что сделали медный куб для винокурения *«для своего домового расходу в селе Олопове, где мы жительство имеем»*, и просили тот куб измерить и заклеймить. Канцелярия, измерив куб (в нём оказалось объёма 4,5 ведра), приказала его заклеймить указной литерой и вернуть просителям[11].

В 1780-х гг. селом Верхним Алоповым, в котором было 12 дворов, 18 мужчин и 21 женщина, владели Михаил Яковлевич Маслов и Александр Никитич Киреевский. Село находилось на суходоле, при копаных колодезях[12]. В 1794—1797 гг. в селе В. Алопове секунд-майор Варлам Иванович Родионов владел 9 душами, вдова Домна Алектовна Родионова 8 душами (при этом она и сама проживала в означенном селе), канцелярист Савва Фёдорович Родионов 3 душами, вдова генерал-майора Елизавета Петровна Чичерина со своими детьми 13 душами[13].

Прихожане церкви Обновления храма Воскресения Христова села В. Алопова в 1811 г. подали прошение Епископу Калужскому и Боровскому Евлампию, в котором просили разрешить им перекрыть вновь крышу и подвести каменный фундамент для их деревянной церкви *«для вернейшей прочности»*. Его Преосвященство на прошении написал: *«по сему дозволить»*[14].

В декабре 1811 г. причт Обновленской церкви села В. Алопова подал прошение Епископу Калужскому и Боровскому Евлампию. В нём сообщалось, что прихожане этой церкви завладели частью церковной земли, на которой даже не имелось межевых признаков. Священно церковнослужители просили Епископа *«...о понуждении для отмежевания к показанной Воскресенской церкви ... полной пропорции земли ... куда следует отнестись». Перемышльский уездный суд 10 ноября 1813 г. рапортовал в консисторию, что «священно церковнослужителям села Алопова ... недостающее число земли из владельческих того села дач отрезана и уже во владение им отдана»*[15].

Среди помещиков села В. Алопова в 1813 г. были жена коллежского секретаря Анна Родионова (ей принадлежало 7 душ), Аграфена Родионова (5 душ), подканцелярист Иван Родионов (1 душа), майор Варлам Родионов (10 душ), поручик Иван Сомов (9 душ)[16].

Согласно клировой ведомости за 1824 г. о причте деревянной Обновленской церкви в селе В. Алопове были *«налицо священник Иоанн Петров, диакон Пётр Николаев, пономарь Николай Иванов. У священника сын Илья 14 лет (в семинарии в низшем отделении), у диакона сын Дмитрей 2 года, у пономаря дети Тимофей 15 лет (в семинарии в высшем отделении), Алексей 6 лет (занимается в училище в первом классе)»*[17]. Несколькими душами в селе В.Алопове в том же году владели помещики Голофеевы — Михаил Павлович и Ольга Кузминична[18].

3 марта 1827 г. во 2 департаменте Московской палаты гражданского суда была совершена купчая крепость, по которой полковник Александр Яковлевич Миркович купил у своей жены Екатерины Александровны Миркович, урожденной Чичериной, имение, состоящее в Перемышльском уезде, и заключающееся в части села В. Алопова, сельцах Родной Слободке и Щепихине[19].

Землемер Морозов 30 мая 1830 г. проводил отмежевание земли разных помещиков в селе Верхнем Алопове. Среди них были гвардии полковник и кавалер Александр Яковлевич Миркович, жена канцеляриста Аграфена Григорьевна, её сын подполковник Егор Савельевич, майоры Павел Арефьевич и Евсей Максимович, канцелярский регистратор Никита, Лев, Савелий, Максим Ивановичи, Анна Алексеевна, Фёкла Давыдовна, поручик Ефим, канцелярист Иван, Пётр, Евдоким Самсоновичи Родионовы, полковник Иван и подпоручик Алексей Васильевичи Тимирязевы, вдова Елена Петровна Перепёлкина, Сидор Никитич Голофеев, жена унтер-офицера Ирина Арефьевна Савельева, Фёдор Герасимович Тинлоков, Михаил Петрович Гуляков, Епифан, Ферапонт Сафроновичи, Малафей, Тихон Прокофьевичи Тимиревы, Матрёна Савельевна Юдина, Авдотья Петровна Сахарова.

За полковником А.Я. Мирковичем в обозначенном селе было 4 крестьянских двора, в них 19 мужчин и 27 женщин. В селе В. Алопове был всего один помещичий дом, принадлежавший жене канцеляриста А.Г. Родионовой. При межевании были — священник этого села Иван Петров, диакон Пётр Николаев, дьячок Александр Иванов, пономарь Николай Иванов[20].

«Калужские губернские ведомости» за 1842 год публиковали объявление о продаже 17 февраля того же года, по определению Перемышльского уездного суда, описанного имения жены коллежского регистратора Елены Петровны Перепёлкиной за просрочку по закладной 1000 руб. ассигнациями губернскому секретарю Григорию Перепёлкину. Имение Перепёлкиной состояло в селе В. Алопове, и включало в себя 4 мужского и 2 женского пола души крестьян, а также 19 десятин земли, которой пользовались крестьяне[21].

В 1844 г. за А.Я. Мирковичем в селе В. Алопове было 17 душ крестьян, сельце Родной Слободке 145. Всего 162 души, 10 из которых из сельца Родной Слободки были выселены помещиком на пустошь Гранную[22].

После освобождения крестьян из крепостной зависимости, в мае 1862 г. по письму Александра Яковлевича Мирковича своему сыну гвардии полковнику Александру Александровичу (датированному 2 мая того же года из Санкт-Петербурга) последним были составлены уставные грамоты на часть села В. Алопова, сельца Щепихино и Родную Слободку, деревню Гранный холм, принадлежавшие его отцу. Письмо подтвердили генерал от инфантерии сенатор Фёдор Яковлевич Миркович и Псковский губернатор Валерьян Николаевич Муравьев[23]. В селе В. Алопове за А.Я. Мирковичем числилось 22 мужского пола души крестьян. В пользование крестьянского общества было отведено 66 дес. 1658 саж. земли, на одну душу приходилось по 3 дес. 75 саж. Годового оброка с души было положено 8 руб. 60 5/8 коп., со всего общества 189 руб. 33 $^{3}/_{4}$ коп. 20 июня 1862 г. был составлен выкупной договор на землю[24].

За восьмилетнюю усердную службу в должности церковного старосты и за *«особые труды по построению каменной в селе Олопове церкви»* крестьянину означенного села Василию Тимофеевичу Хридову в марте 1865 г. был выдан из консистории похвальный лист[25]. Каменная Обновленская церковь, взамен деревянной, была окончательно достроена в 1867 г. тщанием прихожан и *«доброхотных дателей»*. Дома для священно церковнослужителей построены тщанием дворянина Н.Н. Ревякина в 1880 г., и составляли собственность церкви[26]. Потомки этого помещика до сих пор живут в г. Воротынске.

Жена майора Александра Афанасьевна Родионова в 1868 г. заключила выкупной договор с крестьянами села В. Алопова. Имение это дошло к ней покупкой с публичных торгов по владенной данной, выданной Калужской гражданской палатой 18 июня 1858 г.[27]

В 20 саженях от Обновленской церкви в 1882 г. усердием прихожан была устроена часовня в память 25-летнего царствования и мученической кончины императора Александра II (ныне не сохранилась). Строительство церкви в 1902 г. было окончено расширением придельного храма и закончена постройка новой колокольни. Вокруг храма в 1905 г. была устроена кирпичная ограда с двумя железными воротами и таковыми же четырьмя калитками. В 1907 г. устроена и окрашена деревянная тесовая ограда вокруг приходского кладбища[28].

На 1915 г. причт Обновленской церкви состоял из священника Дмитрия Ивановича Световостокова 34 лет и псаломщика Петра Ивановича Виноградова 37 лет. При церкви с 1914 г. старостой состоял крестьянин деревни Алопово Тит Константинович Царицын. Приход состоял из следующих населённых пунктов: село В. Алопово (42 двора, 111 мужчин, 140 женщин), деревень Щепихино, Слободка, Алопово, Гранная. Всего в приходе было 309 дворов, 945 мужчин, 1059 женщин[29].

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что история села Верхнего Алопова насчитывает уже не одно столетие. В XV столетии оно принадлежало князьям Воротынским, было центром волости, и входило в состав Великого княжества Литовского. Затем перешло к Русскому государству. В XVII в. село входило в Перемышльскую засеку. На протяжении XVIII—XIX вв. В. Алоповым владели помещики — представители ряда известных дворянских фамилий: Чичерины, Киреевские, Мирковичи, Родионовы, Тимирязевы, Голофеевы и др., среди них был и известный в Калужской губернии отставной генерал-майор Александр Яковлевич Миркович. История Обновленского храма в селе В. Алопове также насчитывает, как минимум, четыре века. И, несмотря на то, что храм был в 1936 г. закрыт, а в 1962 г. использовался под зерносклад колхоза,[30] к счастью, он не был разрушен, и ныне находится в ведении Калужской епархии, в нём совершаются богослужения. Выявление в архивах и изучение новых документов поможет открыть неизвестные страницы истории этого древнего села и его владельцев.

Примечания

[1] Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1880. Т. 35. С. 136—137; Русская Историческая Библиотека. СПб., 1910. Т. 27. С. 47, 52.

[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т 5—6. С. 364.

[3] Есипов В.П. Отчет об археологических разведках в Бабынинском, Козельском и Мещовском районах Калужской области в 1991 г. г. Калуга, 1992 г. // Архив КОКМ. 15 И/44. С. 4.

[4] Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 34.

[5] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 261. Оп. 1. Д. 232. ЛЛ. 1—3об.

[6] И. Леонид (Кавелин Л.А.). Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1876. С. 105.

[7] Малоярославецкой десятины жилые данные церкви 7136—1746 г.г. Письма и дозора Тимофея Потапова 128 г. // Калужская старина. Калуга, 1910. Т. 5. С. 40.

[8] ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 278. ЛЛ. 1—1об.

[9] ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

[10] ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 421. Л. 1—2.

[11] ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 233. ЛЛ. 1—5 об.

[12] Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Ч. 2. С. 40—41.

[13] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 47. ЛЛ. 95 об.—96, 99 об.

[14] ГАКО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1264. ЛЛ. 1—1об.

[15] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 172. ЛЛ. 1, 4

[16] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. ЛЛ. 223 об., 227 об., 329.

[17] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 133, ЛЛ. 4об.—5.

[18] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 720. Л. 139 об.

[19] ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1317. Л. 30.

[20] ГАКО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 441. ЛЛ. 1—1 об., 68, 70—70 об.

[21] Калужские Губернские Ведомости. № 3. 17 января 1842. С. 20—21.

[22] ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1317. Л. 22.

[23] ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4014. ЛЛ. 2—2 об.

[24] ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1317. ЛЛ. 17, 30.

[25] Калужские Епархиальные Ведомости. № 5. 15 марта 1865. С. 36.

[26] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 329.

[27] ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1245. Л. 147.

[28] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. ЛЛ. 329—329 об.

[29] Там же. ЛЛ. 329—329 об., 341—345, 347.

[30] ГАКО. Ф. Р—3501. Оп. 1. Д. 63. Л. 23.

* Все даты в работе приводятся по старому стилю.

СЕЛО БЕЛКИНО. XVII—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВВ.

***З.В. Васильева**, заслуженный работник культуры РФ, Музей истории г. Обнинска*

Семнадцатый век начался со страшных бедствий. Небывалый неурожай и голод, вызвавший недовольство всех слоев населения, крестьянское восстание Хлопка, охватившее Малоярославецкий уезд, и проходившие здесь отряды восставших крестьян и холопов под руководством Ивана Болотникова нанесли Малоярославецкому уезду огромный ущерб. А в октябре 1604 года объявился самозванец Лжедмитрий I, ставленник панской Польши, назвавшийся сыном Ивана Грозного. В самый разгар борьбы с польско-литовской интервенцией царь Б.Ф. Годунов скоропостижно умирает. Престол и его обширные вотчины, в том числе и Малоярославецкая с центром в с. Белкине, менее чем на два месяца переходят к его шестнадцатилетнему сыну Ф.Б. Годунову, убитому московитянами, перешедшими на сторону Самозванца.

Опальная царица Мария Федоровна Нагая признала в самозванце своего сына Дмитрия, и он при поддержке народа торжественно занял царский престол. Своих мнимых родственников Нагих, чтобы задержаться на троне, он достойно наградил. Дядя царицы, Михаил Федорович Нагой, возведен в чин конюшего, старшего боярина Думы. Ему пожалованы годуновские земли, среди них *«в Ерославце в Малом приданные вотчины и купли село Борисоглебское, а Белкино тож, два сельца с деревнями и пустошами»*[1]. Но уже в мае 1611 года, не перенеся

выпавших на его долю испытаний, М.Ф. Нагой скончался, и крупная малоярославецкая вотчина с центром в селе Белкине перешла в разряд дворцовых земель.

Один за другим сменялись на престоле правители. В 1610 году царем русским провозглашен польский королевич Владислав. В это смутное время Малоярославецкий край опустошали и разоряли и «русские воры» из казаков и мятежных крестьян, и «польско-литовские люди», а тут еще в 1610—1614-е гг. — набеги татарских ханов. *«В Ярославце Малом... храм соборной Михаила Архангела и город сожгли в приход Крымского царя»*[2]. В годы лихолетья в селе *«Борисоглебское, Белкино тож... крымские люди сожгли храм Бориса и Глеба»*[3]. Многих крестьян *«поимали в полон, а иных посекли»*. Оставшиеся в живых влачили жалкое существование, питаясь «Христовым именем».

После изгнания польско-литовских интервентов из Москвы, в январе 1613 года на земском соборе избран законный царь Михаил Федорович Романов. Его правительство с целью выявления постигшего страну разорения и определения количества облагаемых налогами владений решило произвести «дозор». В платежной книге 1621 года, составленной согласно дозорному описанию по Малоярославецкому уезду Репинской волости, значится *«за князем Данилом княж Ивановым сыном Долгорукова село Борисоглебское, а Белкино тож да деревня Гавшино с пустошами. В живущем четь с осьминою пашни. Денег два рубли двадцать восемь алтын з деньгою и пол-пол-деньги взято»*[4]. Из этой записи видим, что уже в 1621 году с. Белкино принадлежало Д.И. Долгорукову, а с привлечением других исторических материалов можно предположить, что получил он это поместье в первые годы правления Романовых. В годы смуты Белкино не избежало разорения. Оно превратилось в «живущее» селение.

Обрабатываемой пашни в поместье (с.Белкино, д. Гавшино и несколько пустошей) было всего *«четь с осьминою»* — менее одной десятины (четь — $^1/_2$ десятины, десятина — 1,09 га». Остальная земля лежала *«в пусте»*. В Малоярославецком же уезде на одно помещичье хозяйство приходилось в среднем около 0,6 чети земли в поле[5]. Это еще меньше, чем в поместье кн. Д.И. Долгорукова, что красноречиво говорит о масштабах хозяйственной разрухи.

Более столетия село Белкино с землями принадлежало князьям Долгоруковым (младшая ветвь рода Оболенских, произошедших от Рюриковичей). Князь Данила Иванович Долгоруков участвовал в 1613 году в боях под Путивлем. В 1614—1615 годах служил воеводой в Твери и Калуге. Ходил в поход в Северскую область для изгнания шведов с новгородской земли. В 1618 году, во время осады Москвы польскими войсками Владислава, мужественно защищал Калужские ворота, и это не замедлило сказаться на его службе. Он был пожалован чином окольничего и служил при дворе. В 1626 году кн. Д.И. Долгоруков получил важное поручение, был послан в южную крепость Валуйки для переговоров с послами крымского хана, но внезапно умер. Поместье наследовал его сын, князь Григорий Данилович Долгоруков.

Медленно, лишь к началу третьего десятилетия XVII века, в Малоярославецком уезде начинается подъем экономики. Понемногу восстанавливается хозяйство и в селе Белкино. Писцовая книга за 1628 —1630-е гг. отмечает, что поместье с центром *«в селе Борисоглебское, а Белкино тож находилось за стольником за князем Григорием княж Даниловым сыном Долгоруковым»*[6]. Владелец приезжал в имение, по всей видимости, довольно часто, поскольку в писцовой книге указывается, что приказчик жил отдельно, а в господском дворе жили *«деловые люди — Гришка Фадеев, да Васька Михайлов, да Куземка Григорьев»*, крестьяне, выполнявшие различные работы по дому. Здесь же, в селе, было три двора *«людских»* — в них жили холопы. Они когда-то взяли взаймы и не сумели расплатиться с владельцем. Их работа рассматривалась как уплата процентов по займу и только со смертью господина холопы получали свободу. Крестьянских дворов в селе было два, и жили в них семь человек мужского пола, работавших на господской пашне на барщине, и один бобыльский двор — два человека мужского пола. Бобыли не имели своего хозяйства. Это были разорившиеся крестьяне. По всей видимости, на барщине трудились не только крестьяне, но и холопы и бобыли[7].

В поместье, кроме села Белкино с пустошами, входила еще деревня Гавшино, где имелся один крестьянский двор, и два двора бобыльских, а в них жили семь человек мужского пола. Всего же в поместье проживало 16 человек мужского пола, не считая холопов.

Показателем хозяйственного оживления является увеличение посевных площадей. По сравнению с 1621 годом к 1630 году посевные площади в имении увеличились с *«1 чети с осьминою»* до 84,5 четей, но еще не достигли показателей 1588 года — 130 четей, отмеченных

12 Зак. 2219

писцовой книгой. Площадь необработанной *«земли, поросшей лесом»* увеличилась почти в пять раз, с 15 четей в 1588 году до 72,5 четей в 1630 году[8].

Но, несмотря на низкие показатели, поместье все же относилось к числу крупных, и его положение было значительно лучше, чем в целом по Малоярославецкому уезду, где около двух третей поместий и вотчин были заброшены владельцами: *«количество пашни сократилось за годы лихолетья почти в 400 раз!... Свыше 60% всей пашни поросло лесом «в жердь и бревно». Почти в 20 раз сократилось число жителей уезда»*[9].

Для восстановления разрушенного хозяйства государству нужны были деньги. После составления писцовых книг 1628—1630 годов выявились недостатки существующей системы налогообложения. Поэтому в 1646 году решено было провести подворную перепись. Теперь вместо учета земли (сошное письмо) описывались дворы, и налог стали брать со двора, в том числе и бобыльского. По данным переписи 1646 года по Малоярославецкому уезду Репинской волости записано: *«За стольником за князем Григорием княж Даниловым сыном Долгоруким село Борисоглебское, Белкино тож... А в селе крестьянских дворов 12, людей в них 53 человека мужского пола, да 5 дворов бобыльских, в них 10 человек мужского пола»*. Два двора стояли пусты, их хозяева ушли безвестно куда или умерли[10]; крестьянских и бобыльских дворов в 1646 году в селе Белкино было всего 17.

В 1646 году по сравнению с 1630 годом население в поместье кн. Г.Д. Долгорукова увеличилось с 16 до 63 человек мужского пола, т.е. почти в 4 раза. Это произошло в связи с естественным приростом населения и с тем, что Г.Д. Долгоруков перевел из д. Гавшино всех крестьян в село Белкино. И с этого времени деревня Гавшино запустела.

Сразу после переписи населения правительство Алексея Михайловича в 1649 году издало свод законов «Соборное уложение». По новому закону крестьяне окончательно закреплялись за помещиками. Барщина в страду достигала 3—4 дней в неделю. Беглых бобылей и крестьян возвращали прежним владельцам *«с детьми и с женами, и со всем их животы, и с хлебом стоячим, и с молоченным»* по писцовым книгам бессрочно. А самое главное — собственностью помещика становится не только крестьянин с семьей, но и его имущество. Крепостное право достигло своего пика.

После воссоединения Украины с Россией границы государства отодвинулись далеко на запад. Восстанавливался наиболее пострадавший в годы Смуты Малоярославецкий уезд. На родные пепелища возвращались беглые крестьяне, отстраивались монастыри и церкви. В документе духовного ведомства «Малоярославецкой десятине» сообщается, что князем Григорием Даниловичем Долгоруковым в селе Белкине отстроены обе деревянные церкви *«во имя святых Бориса и Глеба да в приделе Никола Чудотворец»*[11]. В этом же документе Белкино значится поместьем, но уже в 1678 году именуется вотчиной. По всей видимости, за участие Г.Д. Долгорукого в походе из Смоленска в Литву в качестве головы в государевом полку царь Алексей Михайлович передал ему Белкино в вотчинное владение.

В 1659 году князь служит воеводой в Путивле. Здесь же при нем служит и его сын Прохор, будущий владелец крещеной собственности в Белкинском имении.

В 1678 году было проведено повторное подворное описание. Материалов этого описания по Малоярославецкому уезду не сохранилось, но количество крестьянских и бобыльских дворов в с. Белкине было известно — 12. По сравнению с 1646 годом в 1678 году количество дворов уменьшилось с 17 до 12. Произошло это, по всей видимости, из-за проведенной подворной системы налогообложения, когда количество членов одной семьи увеличивается, поскольку семья состоит из двух—трех малых семей с общим хозяйством, количество же крестьянских дворов уменьшается.

В 1676 году после смерти Григория Даниловича Долгорукова Белкино перешло во владение единственному сыну Прохору, продолжавшему службу при дворе. Но уже в 1687 году вотчину поделили сын Григорий Прохорович и вторая жена П.Г. Долгорукова Анна Юрьевна Барятинская (брак бездетен). Анна Юрьевна в наследство получила $^1/_4$ села, т.е. три двора, а Григорий Прохорович — оставшиеся 9 дворов[12]. Так же, как и его предки, служил он при дворе в Москве и Петербурге, но до больших чинов так и не дослужился, не сумев приспособиться к новым петровским порядкам.

В 1718 году Анна Юрьевна умерла, а ее часть перешла к Григорию Прохоровичу, теперь единственному владельцу вотчины.

В начале 1720-х гг. его дочь, княжна Анастасия Григорьевна Долгорукая, вышла замуж

за гардемарина Василия Ивановича Волынского и получила в качестве приданого село Белкино.

«1735 года мая 30 дня» внучка Г.П. Долгорукова малолетняя княжна Елена *«по смерти отца ее Василия Ивановича Волынского и матери Анастасии Григорьевны, по наследству получила в Ерославецком уезде Малом в Репинской волости село Борисоглебское, Белкино тож с пустошами»*, земли 202 чети в поле (303 десятины)[13].

В 1724 году Петром I была введена подушная подать — налог, который стали брать со всего мужского населения *«от грудных младенцев до дряхлых стариков»*, с крестьян, бобылей, холопов. В Белкине по спискам I ревизии в 1735 году проживало *«169 положенных в подушном окладе дворовых и крестьян»*[14]. Село к этому времени было уже довольно крупным.

Выйдя замуж за подпоручика князя Сергея Васильевича Урусова, княгиня Елена Васильевна, дочь Волынского, вскоре осталась вдовой. Испытывая материальные затруднения, в марте 1759 года она заложила Белкино *«действительному статскому советнику, камергеру и кавалеру разных орденов»* Ивану Илларионовичу Воронцову. Выкупить его она не смогла и в июне 1761 года Белкино перешло его графскому сиятельству *«со всеми дворовыми и погуменными строениями, с хлебом стоячим и помолоченным, и в поле посеянном, и со скотом рогатым... и с лошадьми... и с крестьянами з женами и со внучатами, с пасынками, с новорожденными»*[15]; после II ревизии к 1761 году в Белкине проживали *«195 мужских и 171 женских душ»* в 52 дворах[16].

С введением подушной подати, когда налог стали брать не со двора, а с каждой мужской души, большая патриархальная семья, составлявшая крестьянский двор, сама естественным образом распалась на малые семьи. Если в Белкине проживало 366 человек в 52 дворах, то, следовательно, крестьянская семья теперь состояла из 6—8 человек (родители, дети).

Жизнь крепостных крестьян становилась все более невыносимой. Указами 1675, 1682, 1688 годов, следовавшими один за другим, владельцы получили право закладывать, дарить, продавать крестьян как рабочую скотину. Что и произошло в Белкине, когда в 1761 году вместе с землей и скотом крестьян заложили и передали другому владельцу.

Свой протест против бесправного положения крестьяне могли выразить написанием челобитных, но с 1761 года Сенатом было запрещено писать жалобы на своих помещиков. Таким образом, государственная власть отказывалась защищать крестьян от произвола господ. Оставалось только бежать. И крестьяне бежали. В документе от 15 июня 1761 года при передаче села Белкина гр. И.И. Воронцову указано было, что *«из села бежали крестьянин Иван Алексеев да две женки, Меланья Алексеева да Улита Николаева»*[17]. Меру наказания за побег Указом от 1736 года предоставлялось владельцу выбирать по своему усмотрению.

Приобретя в Малоярославецком уезде земли, новый владелец граф И.И. Воронцов во второй половине XVIII века в селе Белкине начинает создавать усадебный комплекс.

[1] *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911. С.71.

[2] *Поздняков С.В.* Дозорная книга города Малоярославца 1621 год// Родная старина. Вып. III. Малоярославец, 1998. С.20.

[3] *РГАДА.* Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 681. Л. 222.

[4] *РГАДА.* Ф. 210. Денежный стол. Кн. 85. Лл. 150—150 об.

[5] *Поздняков С.В.* Служилое землевладение и движение феодальной собственности в Малоярославецком уезде в первой половине 17 века. (По материалам писцовых книг)// Боровский краевед. Боровск, 1990. С. 43.

[6] *РГАДА.* Ф.1209. Оп. 1. Кн. 681. Л. 220.

[7] *там же.* Л. 220 об.

[8] *РГАДА.* Ф.1209. Оп. 1. Кн. 540. Л. 237. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 681. Лл. 220—220 об.

[9] *Поздняков С.В.* Малоярославец изначальный//Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 13.

[10] *РГАДА.* Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 440. Лл. 578 об.—580.

[11] *Холмогоров Г.И.* Малоярославецкая десятина// Калужская старина. Т. 5. Калуга, 1910. С. 25.

[12] *Обнинск.* История города и края с древнейших времен до наших дней. Обнинск, 2004. С. 58.

[13] *ГАКО.* Ф. 122. Оп. 1. е/х 1189. Лл. 1—2 об.

[14] *Там же.*

[15] *ГАКО.* Ф. 122. Оп. 1. е/х 1189. Л. 1 об.

[16] *ГАКО.* Ф. 122. Оп. 1. е/х 1189. Л. 10.

[17] *Там же.*

ГОРОДОВОЕ СООБЩЕСТВО АЛЕКСИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАДА)

***И.Ю. Соснер**, Российский государственный архив древних актов*

Доступ в мир народной культуры XVIII века совсем не прост. Сфера ее бытования — догматические формы и схемы да еще — устная традиция, которая очень редко, в каких-то исключительных случаях, привлекала к себе внимание и фиксировалась современниками. Чаще всего историки пытаются о ней судить по косвенным, фрагментарным и, как правило, опосредствованным данным, отраженным в произведениях мемуарной литературы или извлекаемым из законодательных, частных и государственных актов. О том, насколько успешно можно справиться с задачей реконструкции общественной жизни города второй половины XVIII столетия: его обывателей-простолюдинов и не очень просвещенной элитой — чиновниками, обратить внимание на социально-культурные умонастроения и взаимоотношения общества, нам расскажет подлинное свидетельство той эпохи — архивный документ.

Городовые воеводы ведали почти всеми отраслями местного управления, являясь и судьями. Подчинив себе губные учреждения, они с XVII века наложили руку и на земское самоуправление — сделались начальниками земских старост и целовальников — в их полицейской деятельности. Но в финансовом и экономическом управлении местности земские власти пока были независимы и подчинялись только воеводскому надзору. Воевода считался начальником всех приказных людей в уезде, разного рода приказчиков и голов; ему поручалось «смотреть» за теми старостами, которые непосредственно и не были ему подчинены, но и самим старостам рекомендовалось «смотреть» за воеводой.

Начало новому городовому устройству и управлению было положено Петром Великим учреждением в 1699 г. в Москве бурмистровой палаты (вскоре переименованной в ратушу), а в прочих городах — земских изб и выборных бурмистров (др. написание — бургомистр). Главная цель при учреждении ратуши заключалась в увеличении казенных сборов с промыслов и торговли и в уничтожении бывавших при взимании налогов злоупотреблений воевод и приказных людей. Т.е., заменой приказных людей — членами ратуши, где были бы избираемые населением бурмистры *«кого и поскольку человек они захотят»*, причем выбор производился из купцов — гостей, гостиной сотни, из всех сотен и слобод, добрых и правдивых людей. Выборные бурмистры получили название земских; во всех делах, касавшихся их должности, они не подлежали ведомству воеводы, а подчинялись ратуше. Злоупотребления, однако, продолжались по-прежнему; круг действий ратуши скоро поэтому был сокращен, а сборы, не имевшие непосредственного отношения к торговле и промышленности посадского населения, переданы в ведение других учреждений. Дальнейшей реформой городского управления стало учреждение городовых магистратов. Состав его зависел от величины городов и в Алексине (известного периода) состоял из бурмистра с ратманом. По своей компетенции магистрат являлся судебно-административным учреждением и ему были подведомственны все уголовные и гражданские дела жителей, а в сфере административной — наблюдение за раскладкою и сбором государственных податей с посада.

Городовые магистраты состояли в ведении и подчинении Главного магистрата, а когда тот был упразднен, то стали называться ратушами, и оказались в полной зависимости и в подчинении у воевод, которым в случае неаккуратной уплаты городовых сборов предоставлено было право даже брать бурмистров под стражу. По учреждению губерний в 1775 г. магистраты и ратуши, подчинялись губернскому магистрату, составляются из выборных бурмистров и ратманов, избираемых на 3 года «городовым купечеством и мещанством», а юрисдикция их распространялась на одно только торгово-промышленное население города — купцов и мещан.

При Екатерине II в апреле 1785 г. было издано общее положение о городах, или «Грамота на права и выгоды городов Российской империи» [1]. В нем последовательно проводилось начало общественного представительства, основанного на имущественной заинтересованности граждан в городских делах и совершенно исключался сословный принцип в устройстве городской общины. Права города и его обывателей с различным успехом

защищались городовым магистратом, который наблюдал, чтобы не были придуманы какие-либо новые подати, службы или тягости без Высочайшего утверждения; заботился о нуждах и недостатках своего города и ходатайствовал об этом перед губернатором.

В контексте вышесказанного представляет интерес фонд алексинского городового магистрата (РГАДА. Ф.705.), содержащий 75 дел (1768—1777 гг.). Правда, за случившимся в 1768 г. пожаром сгорел не только город, но и большинство канцелярских дел его учреждений. Систематизируя сами материалы фонда по темам, можно расположить их в следующем порядке: 21 дело, состоящее из повседневных журналов и нарядов к присылаемым указам; 15 дел о сборе денег за проданную соль, поставки и разверстки ее покупателям-посредникам; 10 дел о записи жителей в алексинское купечество; 9 дел о городовых повинностях; 7 дел *«о покражах и оскорблениях»* купцов друг с другом; 4 дела по процедурам выборов на городовые должности. Предложенный регламент, к сожалению если не позволяет показать большинство интересных сюжетов, то хотя бы кратко перечислить некоторых из них, очень характерные для общественной жизни и нравов уездного тульского города Алексина второй половины XVIII столетия.

Зимней ночью 1775 г. в лавку братьев Рыкаловых, что на гостином дворе *«разломав в двери замки и вшед воровские люди покрали сапог 15 пар по 1 руб., башмак и туфлей женских 30 пар по 30 коп. за пару, рукавиц барановой кожи 30 пар по 20 коп., 10 пар черных козловых по 30 коп., клею рыбьего и мерзенкова на 15 руб., сахару 5 пуд по 10 руб., 5 сурков (?) по 25 коп., 20 пар варежек шерстяных по 15 коп., 2 дюжины ножей складных за 3 руб., кафтан новый серой немецкий за 3 руб., сапожных черных 25 передов по 12 коп. за пару, 200 струн балалаечных белых по 40 коп., 3 кожи бараньи за 2 руб. 80 коп., вырезков набойков целых 20 по 65 коп., 20 узд ременных по 35 коп., 30 пар капор черной кожи по 35 коп. за пару, тесьмы белой широкой 300 аршин — 3 руб., сургуча 1-й руки 2 фунта по 1 руб., 2-й руки 3 фунта по 85 коп., 3-й руки 1,5 фунта по 60 коп., медной фунт по 80 коп., железные мелкие гвозди и прочий мелочный товар на 30 руб. да денег мелкой монетою до 80 руб., серебряной 37 руб., и покрав оное все унесли с собою незнаемо куда»*[2].

В 1771 г. ввиду начавшейся в стране эпидемии чумы повелено было доставить в Тулу из Алексина до 5 возов можжевельника для окуривания от заразных болезней. А в сам Алексин прислан *«для бережения местности»* лекарь Яган Иванович Колизна, который за неимением в городе жилья приобрел у купеческой дочери Дарьи Родионовой избу с сенями. Но это здание было уже арендовало (за 50 к. в месяц) алексинской ратушей, а та никаким способом освобождать дом не желала: *«бургомистр денег не дал и оной избы от ратуши и поныне не освободил»*. Бургомистр в свою очередь жаловался, что лекарь Колизна пытался занять ратушу насильно ругал и бил служащих… Наскучив ждать и видя, что, несмотря на неоднократные приказания из Тулы купленное им здание освобождать по требованию хозяйки не собираются Колизна решил брать ее штурмом. *«Лекарь по полуночи в 6 часу с 5 человеками явился в ратушу и птиц битых русская утка 2 шт., тетерева полпереда, телятины принес и дров, а приказал людям своим ратушу топить и птиц и телятину варить, прочее жарить, но как в 7 часу пополуночи пришел бургомистр Михаил Маслов и, видя означенного лекаря почтенно его спрашивал для чего изволил с людством прибыть, во время присутствия не можно и оная ратуша не кухня, а если для варения пищи потребно кроме той, где он стоит другая квартира, обнадеживал об отводе, но он лекарь приведши себя в азарт называл его бургомистра в присутствии канальею и бестиею и, браня по-матерно сквернными словами ратушского писца Михайлу Маслова вдарил в щеку, а потом вышедши с людьми своими били поленьями, но как бургомистр на крик вышел из ратуши он лекарь бил его по щекам и по носу и разбил в кровь»* что видели и жалобу отослали в Москву [3]. Скандал должен был разрешить присланный *«по секрету»* от гр. Салтыкова капитан-поручик л.-гв. Преображенского п. Франц Сенденгорст, который вместе с лекарем и объявили *«об очистке той ратуши и о выносе денежной казны и прочего»*, что также не было исполнено, а ответили что *«та изба не ее (хозяйки), а брата и взята добровольно»* Дело вяло тянулось до сентября 1772 г. когда была прислана промемория *«на место учрежденных в городе Алексине двух застав, кои были для всякой осторожности, всем градским жителям по числу написанных по ревизии душ, в том числе из купечества на те заставы посылать чрез каждые сутки по 3 ,а в другие по 4 человека»* [4]. Такие же заставы, видимо, возобновлялись, когда в августе 1774 г. получен указ *«по секрету об имении крепкой*

13 Зак. 2219

предосторожности в поимке шатающихся и подозрительных без пачпортов разного чина людей и о неразглашении непристойных слов». Речь шла о пугачевском бунте [5].

Многие документы посвящены пожару 1768 г., уничтожившему город: в *«Алексине были у литургии и, послышав набатный бой, видя пожар, побежали, токмо за великим ветром прекратить не могли, а потом вдруг весь город, как святые церкви, так и питейные дома и ратуша и казенные соляные амбары, товары и лавки загорелися и продолжалися менее трех часов, а к ратуше для сохранения и выносу денежной казны от распалившегося великого пожара войти было не возможно, а как тот кончился, то они от сгорелых денег искали слитков и найдены одни медные, коих обще с воеводской канцелярией явилось на 30 фунтов» [6]. А когда «сгорела тюремная изба и ее сидельцев роздали по разным владельцам на поселение, ибо одной способной квартиры просторных отвесть к тому покоев негде»* [7].

Ратушей доказывалось в 1770 г. что *«за случившимся внезапном и прежестоким пожаром казенный деревянный амбар весь до основания сгорел и лежащее в нем железо каждая полоса раскалилася до красного каления».* Позднее обгорелое железо было осматривано и по отбитии каждой полосы молотами оказалась его недосдача на 471 пуд. И хотя в тот пожар у всех сгорело на многие тысячи, но в Берг-коллегии свидетельству не поверили и постановили *«о взыскании с целовальника купца Маслова денег за угоревшее железо 275 руб. 82 к.»* [8]. Переписка продолжалось в 1771 г. *«для взыскании за угоревшее железо денег неприемля никаких от него отговорок»* [9]. В августе 1772 г. был получен из тул. городового магистрата указ: *«о наложении на ратушу штрафа, потому что те деньги не заплачены, а они того исполнить не могут, ибо нынешний бургомистр Маслов прошлому близкий родственники и с ратманом Матвеевым имеет свойство»* [10].

Когда в феврале 1774 г. случился в доме купца Якова Нефедова сына Маслова пожар, то он с др. купцами *«бранили непристойными словами воеводского товарища господина Сонцова и били его канцеляриста Брычева не допуская расследовать в самую сущую правду»* [11]. А при отлучке полицмейстера Ивана Никитина в феврале 1775 г. по своим торговым делам велено было его *«наказать батожьем, чтоб он впредь того чинить не отваживался»* [12].

В январе 1776 г. ратмана Кондрата Маслова вызвали в воеводскую канцелярию, где он застал надворного советника и воеводу Тиличеева с его товарищем: *«Тиличеев сказывал, что де, когда в присутствие впредь ходить не будешь, то велю выволочь из присутствия. Сонцов приговаривал, что де во всякое время положен быть, а имеют на тебе кандалы и называл дураком, почему ратман и в присутствие ходить, опасен»* [13].

Летом 1775 г. в журнале было записано, что для взятья денег с должников прибыл вахмистр с двумя солдатами с ружьями *«сей приказ объявить и присутствующих так и подьячего пока по оному исполнено будет содержать их без выпуску под караулом, а ему вахмистру о том репортовать».* А позднее туда подошел и сам Сонцов и *«с великим азартом ратману Кондратью Маслову во время присутствия, проговаривая для чего он ратман у вахмистра приказ отобрал, который ему Сонцову и отвечал, что он имеет право на вас просить сатисфакции... военным не быть в ратуше с ружьями и примкнутыми штыки о содержании нас в противность законов, а мы де ничем винным себя во всех делах окроме, что разве касающихся до нас неисправностях, но он господин Сонцов не сыскав никаких резонов, а по своей горячности приказал подать стул с цепью для посажения его ратмана и сказывал, что он в ратуше и над судьями полную власть имеет и только произведя свои азарты из ратуши вышел и солдат, которые для содержания нас были командированы, отослал прочь»* [14].

Весной 1770 г. купец Иван Петрович Савостин принес жалобу о защите его от воеводы Тиличеева, потому что два дома на берегу реки Оки подписался построить и даже нанял тул. оруж. слободы каменщика Семена Зотова *«да означенный фундамент класть начали, а сего мая воевода нанятого ими подрядчика призвав и за то, что нанялся, держал под караулом в цепи двои сутки а выпустя велел работать у секретаря Ферапонтова да еще угрожал сечь плетьми запрещая у них Савостиных работать, почему несет напрасные убытки, да и прочие мастеровые люди к ним не нанимаются, не смеют».* По жалобе купца и по запросу моск. губернатора Ив. Юшкова было налажено формальное следствие и прибывший в Алексин тул. провинциальный воевода Скобельцын выяснил, что место, на котором строились купцы и имели на него купчую — приглянулось самому алексинскому воеводе [15].

Неоднократные в ратушу посылались указы, которыми предписывалось, чтобы к декабрю

1773 г. *«бани, лавки и прочее сломать»* [16], а в августе 1774 г. уже повторно чтоб *«по улицам ничего не продавали, а продавали на гостином дворе»* [17]. Но и в октябре 1775 г. несмотря на это исправлений не исполнено: *«никаких товаров окроме гостиного двора, чтоб не продавали, но вместо того по улице да еще близ церкви заведен мясной ряд... по улицам посажены были по обоим сторонам березки и многократно подсаживаны бывали вновь, а чтоб оные загорожены были хворостом от скота многократно было писано, однако жители по грубости своей не городят и те березки кои служат для корысти города — скотом ломаются»* [18].

В разные годы правительство и само пыталось организовать просвещение населения, в том числе и медицинскими услугами, но наталкивалось на упорное сопротивление новым веяниям *«за изнеможением и скудость его жителей тульской провинции городовому лекарю (по раскладке на уезды) за 1771 г. жалованья произвесть не можно»* [19]. В январе 1775 г. когда пришло предложение *«нет ли желающих содержать в городах лекаря и аптеки...то общее собрание алексинских купцов ответствовало, что дать, не согласны за тем, что иные состоят в крайнем изнеможении и скудости»* [20]. В марте 1776 г. из Москвы запрашивали *«кто пожелает на собственное иждивение в коммерческое воспитательное училище 20 мальчиков объявить алексинскому купечеству... то желающих к оному не оказалось»* [21].

При новом строительстве города Алексин был кардинально перепланирован и все его жители оказались на новых местах. Многим из них это не понравилось и начался самозахват, на что канцелярия совместно с ратушей в мае 1773 г. заметили: *«алексинские стрельцы и пушкарской слободы жители под овины для их хлебопашества собою захватили обширные места, некоторые уже из них огородили, а другие новины поставили, и межи той пустоши все испахали сохами... канцелярия с винными будет поступить по законам... приказано сломать и впредь строить запретить»* [22].

Когда в 1774 г. кузнецом алексинской казенной слободы Максимом Ивановым сыном Савостиным было подано прошение о приеме его с сыном в купеческое сословие то он и предположить не мог, что это событие разобьет город на две враждующие группировки и даже потребует вмешательства самого тульского наместника и генерал-порутчика Михаила Никитича Кречетникова, а продлится целых 6 лет [23].

Преобладанием в городе купеческого и мещанского сословий да малочисленностью образованных людей, конечно же, нельзя объяснить ни самовластие городового воеводы, ни те грубые нравы, что царили в городе во взаимоотношениях между его жителями. Материалы фонда алексинского магистрата дают нам подлинные свидетельства общественной и частной жизни города, помогают не только ближе и живее воспринять страницы ушедшего, понять и обобщить происходившие во второй половине XVIII столетия события и наступающие перемены.

Источники

1. ПСЗ Т. 22. № 16.187.
2. РГАДА. Ф. 705. Оп. 1. Д. 47. Л. 156 об.
3. Там же. Д. 20. Л. 12 — 12 об., 104.
4. Там же. Д. 21. Л. 16, 85 об., 67 об.
5. Там же. Д. 41. Л. 103 об.
6. Там же. Д. 12. Л. 110.
7. Там же. Д. 13. Л. 11.
8. Там же. Д. 13. Л. 78 об., 122об. — 123.
9. Там же. Д. 21. Л. 14.
10. Там же. Д. 27. Л. 57.
11. Там же. Д. 41. Л. 25 об.
12. Там же. Д. 47. Л. 18 об.
13. Там же. Д.,51. Л. 7.
14. Там же. Д. 47. Л. 71— 71 об.
15. Там же. Д. 13. Л. 54 — 55, 76 — 77.
16. Там же. Д. 31. Л. 117.
17. Там же. Д. 41. Л. 101.
18. Там же. Д. 47. Л. 138 об.
19. Там же. Д. 21. Л. 87.
20. Там же. Д. 47. Л. 4.
21. Там же. Д. 51. Л. 13.
22. Там же. Д. 31. Л. 42 об.
23. Там же. Д. 43. Л. 1—114.

К ИСТОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИОННОЙ РЕФОРМЫ: ОПИСЬ ДУХОВНЫХ ВОТЧИН МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА ПОДПОРУЧИКА А. ДЕРНОВА

***Л.В. Митрошенкова**, к.и.н., ГУК «Музей-панорама «Бородинская битва»*

История секуляризационной реформы — одна из тех многоаспектных и сложных тем, изучение которых все еще требует усилий многих исследователей. Вопросы, связанные с подготовкой и проведением реформы, подробно рассматривались в известной монографии А.И.Комиссаренко[1]. В этой же работе содержится подробный обзор историографии реформы и анализ используемых архивных фондов. Автором подчеркнуто значение такого источника, как *«офицерские описи»*[2], послужившие основой для оценки общего состояния хозяйства, системы распределения доходов духовных вотчин, а в конечном итоге, — и для выводов об отнесении монастырей к тому или иному классу согласно утвержденным штатам. Названный источник привлекает внимание исследователей истории конкретных обителей[3], но его информационный потенциал далеко еще не исчерпан. Целью данной работы является введение в научный оборот одной из таких описей, сохранившейся в РГАДА, в фонде «Документы экономических казначеев в Московской провинции»[4].

Попытки ограничить или полностью лишить церковь земельных владений предпринимались российскими правителями еще с XV века. В XVIII столетии абсолютная власть императоров окрепла настолько, что секуляризационная реформа стала возможной, несмотря на отчаянное сопротивление духовной корпорации. Конкретные и решительные шаги на этом пути были предприняты императором Петром I, императрицей Елизаветой, Петром III, но результат был достигнут лишь правительством Екатерины II.

29 ноября 1672 г. была учреждена Комиссия о церковных имениях, которая должна была, прежде всего, *«привести в известность»* всю совокупность недвижимых владений церкви[5]. Комиссия вскоре пришла к выводу, что полученные прежде с мест документы о духовных вотчинах *«оказались во многом недостаточны»* и разработала свои *«формы о сочинении»* ведомостей архиерейским домам и монастырям. Для составления подробных описаний надлежало отправить *«в те вотчины и монастыри поуездно от Комиссии нарочных из служащих в армейских полках обер-офицеров из дворян непрестарелых»*, имеющих достаточные познания в области ведения крестьянского хозяйства и экономики. Офицеров необходимо было снабдить соответствующими инструкциями и прогонными деньгами, а на места отправить предписания об оказании им необходимого содействия, выделении в помощь приказных служителей, солдат и рассыльщиков и предоставлении подвод для разъездов. Предложения Комиссии были утверждены указом от 29 января 1763 г.[6], после чего счетная экспедиция Коллегии экономии составила инструкции и указы обер-офицерам и направила их в уезды. Уже к зиме 1763/64 гг. было получено более 1500 описей монастырских имений, поверкой которых занималась счетная экспедиция[7].

Вотчины монастырей и храмов в Малоярославецком уезде описывал подпоручик Алексей Дернов. Вероятно, свое задание он выполнял летом-осенью 1763 года[8]. Копия с составленной им описи, снятая в начале 1765 года, является объектом настоящего исследования.

Рассматриваемое дело составляют 126 листов, на которых помещены описания вотчин, принадлежавших Малоярославецкому Черноостровскому монастырю, Троицкой Сергиевой Лавре, Тихоновой пустыни, Пафнутьеву Боровскому монастырю и нескольким храмам на древних погостах: Успения Богородицы в Сетуне, Введения во храм Пресвятой Богородицы в Лычеве, Святого Николая Угодника в Уготе, Рождества Христова на Чернишне[9].

Согласно полученной инструкции, А. Дернов ездил по вотчинам духовных обителей и составлял ведомости, основываясь на *«показаниях»* старост или выборных. Документы зачитывались затем перед общим собранием жителей села или деревни с тем, чтобы все они согласились, что *«староста показал верно»*.

В каком порядке поручик Дернов объезжал духовные вотчины, сказать нельзя: в копии листы предоставленной им описи перепутаны и не содержат дат. Формы описей несколько отличаются для различных владений, что зависит от платежей, взимавшихся с крестьян. Описания имеют форму таблицы, как и предлагалось в инструкции Комиссии о духовных имениях. Исключение составляет опись владений Николаевского Черноостровского монастыря, составленная в виде не разбитого даже на графы текста.

Суммируя содержание описей, о каждой из расположенных в уезде духовных вотчин можем сказать следующее.

1. Самыми обширными в Малоярославецком уезде были владения Троице-Сергиева монастыря[10]. Обители принадлежало 8 деревень с пустошами в Холхольском стане, а также село Передол и 7 деревень с пустошами в Уготской волости. Стоит отметить, что сохранились все населенные пункты и пустоши, входившие в эти владельческие комплексы в конце XVII в. Население их с той поры значительно выросло. В 1678 г. в монастырской вотчине в Холхоле могло насчитываться около 177 душ м.п.11, а по ревизии 1744 г. было уже 580 душ м.п. В уготских владениях обители население выросло с 290 душ м.п. в 1678 г. до 812 душ м.п. в 1744 г.

Крестьяне Троице-Сергиева монастыря к этому времени были переведены на оброк, никаких работ на монастырь не исполняли, не поставляли в него продукты, а платили с каждой ревизской души по 1 руб. в Холхольском стане и по 80 коп. — в Уготской волости. Если прибавить к этим деньгам платежи, которые брали с них за отданные на оброк монастырские земли, то получится, что крестьяне холхольской вотчины выплачивали в среднем еще 10 коп. с души м.п., а жители уготской — ок. 15 коп. Таким образом, общий доход монастыря с каждой ревизской души составлял 1 руб. 10 коп. в Холхоле и 95 коп. в Уготе. Еще около 15 коп. с каждой ревизской души стоило жителям холхольской вотчины содержание монастырского приказчика, жителям уготской оно обходилось в 9—10 коп. В пользу приказчика крестьяне выплачивали натуральную ренту и несли барщину. Кроме того, монастырь получал *«выводные деньги»* за *«баб и девок»*, выдаваемых замуж в другие вотчины: по 5 руб. за каждую.

После проведения секуляризационной реформы приписанные в ведение Коллегии экономии бывшие монастырские крестьяне были положены в оклад из расчета 1 руб. 50 коп. с ревизской души[12]. Приведенные расчеты показывают, что положение крестьян малоярославецких вотчин Троице-Сергиева монастыря после реформы практически не менялось.

2. Состав владений Тихоновой пустыни на момент описания поручика Дернова[13] был таким же, как в конце XVII в. К Подмонастырской слободе и 11 деревням прибавилась только бывшая пустошь Ларинская, заселенная крестьянами и ставшая деревней. Население вотчины, составлявшее в 1678 г. около 693 душ м.п., теперь насчитывало 1684 души м.п. В этой вотчине было мало земли — всего 339 четей. В Подмонастырской слободе жили *«служители»* (32 души м.п.), вовсе не имевшие пашенной земли. Они были освобождены от большинства платежей, которыми облагались остальные деревни вотчины. Слобожане платили только оброк за сенные покосы (около 32 коп. с души м.п.) и исполняли некоторые службы: обрабатывали монастырские огороды, несли подводную повинность, выполняли различные поденные работы, стерегли заповедный лес и каждую зиму рубили проруби в монастырских прудах.

Крестьяне вотчины Тихоновой пустыни несли натуральные и барщинные повинности, часть которых была заменена денежным оброком. По их составу можно судить о монастырском хозяйстве в целом и, отчасти, об особенностях крестьянского хозяйства конкретной вотчины. В частности, монахи Тихоновой пустыни, судя по всему, шили верхнюю одежду. Когда-то крестьяне для обители занимались отходным плотничьим промыслом, ловили рыбу, возили дрова, ладили ушаты и шаньги и пр. В описываемое время они несли обычную барщину: обрабатывали монастырскую пашню, косили сено, возили на своих подводах припасы, выполняли поденные работы, пряли лен, ткали холсты. Монастырь получал доход за отдаваемые крестьянам на оброк пашенные и сенокосные земли. Кроме того, в пользу монастырского подьячего крестьяне платили натуральную ренту. Прибыль монастырю приносили и *«выводные деньги»* (по 5 руб.).

Смешанный характер ренты делает затруднительной оценку размеров выплат с ревизской души, но обилие барщинных обязанностей заставляет думать, что их замена оброком в размере 1 руб. 50 коп., введенная реформой 1764 года, должна была принести облегчение бывшим монастырским крестьянам этой вотчины.

3. Скромная вотчина Пафнутьева Боровского монастыря состояла из одного сельца и 3-х деревень[14]. В 1678 г. население вотчины составляло ок. 150 душ м.п., а теперь возросло до 382 душ. Крестьяне также платили смешанную ренту и несли разнообразные барщинные повинности в пользу монастыря, в пользу *«жительствующих в Москве на подворье»* монастырского стряпчего и дворника, а также некоего *«пустошного иеромонаха»*, состоявших при нем подьячего и конюха, а еще — *«нарядчика»*. Все повинности крестьян этой вотчины детально регламентированы, и по количеству их больше, чем в любой другой. Существовала даже некая

повинность, называемая *«за ловцовское дело, а за какое, крестьяне не знают»*. Среди барщинных работ были и очень тяжелые: ломать камень на известь, мять глину на кирпич, возить известь. За взятые на оброк пашенные и сенокосные земли крестьяне выплачивали обители ежегодную ренту. Получал монастырь и *«выводные деньги»* (по 5 руб.).

Не имея возможности оценить в денежном выражении крестьянские повинности в пользу Пафнутьевой обители, рискнем предположить, что секуляризационная реформа могла облегчить им жизнь.

4. Владения и структуру хозяйства Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря нельзя сравнивать ни с одной из описанных выше вотчин[15]. В распоряжении обители была всего одна деревня Шубина с населением в 7 ревизских душ и одна небольшая пустошь. Бедный монастырь, очевидно, заведомо был кандидатом на упразднение. Этим, возможно, объясняется отсутствие описания монастырских строений, требуемое инструкцией Комиссии о духовных имениях. Алексею Дернову нужно было лишь оценить, сколько стоило его годовое содержание. Пахота (всего 9-ти десятин), сенокос и поденные работы на обитель обходились в 34 руб. на год. При раскладе на ревизскую душу, это составляло около 4 руб. 86 коп. Никаких доходов монастырь со своих крестьян не получал, не получал и *«выводных денег»*.

Реформа 1764 г. означала великое облегчение для крестьян д. Шубиной и полное разорение для обители, которую никак не смогли бы прокормить жители маленького городка.

5. Системы хозяйства населенных крестьянами четырех церковных погостов в Малоярославецком уезде были схожи. Крестьяне были на барщине и полностью содержали церковные причты, состоявшие каждый из двух священников, дьячков и причетников. Впрочем, церковно- и священнослужители также работали на свои храмы. Во Введенском погосте[16] и в Никольском на Уготе[17] с крестьян брали еще и денежный оброк на содержание приказных служителей и на различные *«мирские расходы»*. Храмы получали также *«выводные деньги»* за выдаваемых в другие вотчины женщин, правда, значительно скромнее, чем монастыри: по 1 руб. в Успенском[18] и Введенском погостах, и по 1 руб. 50 коп. — в Рождественском на Черничне[19].

В целом можно сказать, что комплекс документов, содержащих описание духовных вотчин в Малоярославецком уезде на 1763/64 гг., содержит ценную информацию о состоянии и системе ведения хозяйства располагавшихся здесь обителей и погостов. Кроме того, он детализирует общую историю секуляризационной реформы и позволяет оценить ее значение для жителей конкретных сел и деревень. Наличие в одном уезде вотчин монастырей столь разного уровня, как Троице-Сергиева Лавра и Николаевский Черноостровский, дает интересный материал для наблюдения и сравнения. Все это может быть использовано в краеведческих исследованиях и в работах, посвященных истории конкретных монастырей и храмов.

[1] Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990.

[2] Там же. С. 160.

[3] См., например: Гуров С.И. Описание Устьвымской Архангельской пустыни (1764 г.) // Вестник архивиста. М., 2002. № 1. С. 150.

[4] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 10.

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (далее — ПСЗ-I). Т. XVI. № 11.716.

[6] ПСЗ-I. № 11.745.

[7] Комиссаренко А.И. Деятельность Комиссии о духовных именях и Коллегии экономии по подготовке секуляризации церковного землевладения в первые годы правления Екатерины II (1762 — 1764 гг.) // http://ideashistory.org.ru/almanacs/alm00/alm00_04.htm.

[8] Структура текста и содержащиеся в нем характерные отсылки на указ 1762 года ясно говорят о том, что документ никак не мог быть составлен в 1761-1762 гг., как утверждает архивное название данного дела.

[9] Отметим отсутствие среди вотчинников древних погостов, владевших землями в Малоярославецком уезде в XVII столетии: Космодемьянского и Благовещенского погостов в Суходровской волости и еще одного Никольского погоста в Товаркове стане.

[10] РГАДА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 10. Л. 51—56 об, 63—64 об, 66—88 об.

[11] О расчетах численности населения уезда в 1678 г. см.: Митрошенкова Л.В. Малоярославецкий уезд в конце XV—XVIII вв.: Историко-географическое исследование. М., 2004. С. 154.

[12] ПСЗ-I. № 12.060.

[13] РГАДА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 10. Л. 2—11 об, 14—50 об.

[14] Там же. Л. 59—62, 101—118.

[15] Там же. Л. 119—120.

[16] Там же. Л. 95—98.

[17] Там же. Л. 89—92 об.

[18] Там же. Л. 12—13 об, 93—94.

[19] Там же. Л. 57—58 об, 99—100.

Приложение. Краткие описания владений духовных вотчин в Малоярославецком уезде.

	Вотчина Троице Сергиева монастыря в Холхольском стане	**Вотчина Троице-Сергиева монастыря в Уготской волости**	**Вотчина Тихоновой пустыни**	**Вотчина Пафнутьева Боровского монастыря**
Сел и деревень	8 деревень	1 село и 7 деревень	Подмонастырская слобода и 12 деревень	1 сельцо и 3 деревни
Душ (м.п.)	580	812	1684	382
Тягол (осмаков)	63 ¼	55	60	31,5
Душ в тягле (в среднем)	9	14	28	12
Пашни (чети)	731	1291	339	328
Пашни на душу м.п. (в среднем, чети)	1,34	1,6	0,4	0,85
Денежных доходов	580 руб.	649 руб. 60 коп.		
Доходов продуктами			10800 яиц, 60 четвертей грибов, 120 куриц 240 четвертей хмеля	80 яиц, 12 фунтов грибов
Вместо продуктов денег			7 руб. 20 коп. за масло, 1 руб. 20 коп. за овчину, 120 арш. за сукно, 360 арш. За холст алненый и столько же за посконный	17 руб. 54 коп. за сыр и рыбу, 7 руб. 87,5 коп. за масло
Конюшенных припасов			120 веревок 12-саженных	16 веревок 12-саженных вожжи, гужи, шлея, тежи, подтяжки, завертки, супонь
Вместо конюшенных припасов деньгами			за лопаты — 1 руб. 20 коп., за оси — 2 руб. 40 коп., за оглобли — 60 коп., за деготь — 24 руб., за уголь — 27 руб., за дрова — 60 руб., за ушаты и шаньги — 3 руб. 60 коп., за отвоз дров — 60 сажень, за нити для неводов — 160 фунтов, нити для сетей — 160 фунтов, за плотников — 12 руб. 60 коп., за рыбаков — 12 руб. 60 коп.	за дуги — 55 коп., за лопаты — 1 руб. 10 коп., дров по сажени — 55 саженей, за нити для рыбных неводов — 1 руб. 65 коп.

Платят приказчику	126,5 четверика ржи; 126,5 четверика овса; денег —63 руб. 25 коп. + жалованья 21 руб. 60 коп.	55 четвериков ржи 55 четвериков овса 21 руб. 45 коп. жалованья + 55 руб. на содержание 165 куриц 550 яиц		прикащичий доход —1 руб. 08 коп. хлеба ржи 59,5 четвериков овса 59,5 четвериков «а ныне нет прикащиков и никаких служителей»
Работа на приказчика	пашут землю — 3 дес. косят сена по 15 копен	пашут землю — 3,5 дес., косят 15 копен сена		
Монастырскому стряпчему				хлеба ржи —54 четверика овса — 54 четверика денег —94,5 коп.
Жительствующему в Москве на подворье стряпчему				хлеба ржи —26,5 четверика овса — 26,5 четверика, денег —3 руб. 97,5 коп.
Жительствующему в Москве на подворье дворнику				хлеба ржи —26,5 четверика денег — 79,5 коп.
Пустошному иеромонаху				1 руб. 32,5 коп.
Подьячему				хлеба ржи —26,5 четверика денег —1 руб. 32,5 коп.
При них конюху				сена —26,5 копен
При разных делах подьячим в монастыре			денег —10 руб. 80 коп.; хлеба ржи —240 четвериков; 60 куриц; 2160 яиц; 60 ковриг хлеба	хлеба ржи —79,5 четверика
Нарядчикам				хлеба ржи —26,5 четверика
Платят в монастырь	за оброчные земли — 57 руб. 90 коп. на мирские расходы — 37 руб. 95 коп.	за оброчную землю и покосы за все — 124 руб. 72,5 коп.	за оброчные земли — 180 руб. на мирские расходы — 221 руб.	за луг у Ярославца — 4 руб. 79 коп. на мирские расходы — 156 руб. 37,5 коп.

На монастырские расходы				всего — 3 руб. 97,5 коп. за плотников — 9 руб. 81 коп. на подворье — 2 руб. 65 коп. на дрова для него — 2 руб. 65 коп.; за «ловцовское дело, а за какое, крестьяне не знают — 9 руб. 90 коп.
Работа на монастырь			обрабатывают пашню; косят и убирают сено; отвозят в Донской монастырь припасы; поденные работы (по 300 чел. в год); возят хворост на мельницы; городят и чинят прясла изгородей; прядут лен и ткут холсты	пашут землю; косят сено; отвозят в Москву на подворье разные потребные вещи; нанимают караульщика для соборной церкви и ризницы; нанимают для монастырских работ работника в летнее время в деревню Терешково с лошадью; на поденные работы в Суслово — с осмака каждый день; возят хворост на монастырскую мельницу по сажени; для горожения огородов и починки оград; для караула при сельце Суслове скотного двора; во время двух бываемых при монастыре ярмарок; для караула и разных надобностей; ломают камень на известь и мнут глину на кирпич; для вожения извести и кирпича; прядут лен и ткут холсты по 3 аршина на осмак.
Выводные деньги	баб и девок в посторонние вотчины отпускали только из д. Хозниковой — 5 руб.	все отдавали баб или девок — по 5 руб.	все отдавали баб или девок — по 5 руб.	все отдавали баб или девок — по 5 руб.

ПОСЕЩЕНИЕ КАЛУГИ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II В 1775 г.

***В.А. Бессонов**, к.и.н., Калужский областной краеведческий музей*

Приезд императрицы Екатерины II в Калугу в 1775 г. является одной из значимых страниц в истории Калужского края. По мнению большинства исследователей прямым следствием этого посещения стало учреждение в 1776 г. Калужской губернии (наместничества). Знакомство с краеведческой литературой позволяет утверждать, что до сегодняшнего дня мы не имеем ясной и целостной картины, характеризующей это знаковое событие в истории края, несмотря на устоявшуюся в краеведении традицию его освещения.

В последнее столетие исследователи калужской земли, описывая приезд императрицы, неизменно используют одну и ту же работу, изданную в конце XIX в., считая, что изложенный в ней материал с достаточной полнотой и точностью характеризует посещение Екатериной II Калуги. Речь идет о статье В.М. Кашкарова, опубликованной в 1896 г. в «Калужском вестнике» и в 1897 г. в «Известиях Калужской ученой архивной комиссии» под названием «Приезд Императрицы Екатерины II в Калугу. Открытие Калужского Наместничества. Первый Наместник — М.Н. Кречетников»[1]. Эта статья имеет подзаголовок, заставляющий с доверием относиться к высказанной в ней информации: «По архивным данным Калужского губернского правления, «Калужской летописи» Ханыкова и «Пам. кн. Калуж. губ.» 1861 г.». О материале, изложенном в «Летописи калужской» будет сказано ниже. Что же касается «Памятной книжки Калужской губернии на 1861 г.», то в данном случае Кашкаров имел в виду фундаментальную статью П.С. Щепетова-Самгина «Калужская губерния в историческом отношении»», в которой о приезде Екатерины II было сказано только, что в 1775 г. *«15 сентября Екатерина II посетила Калугу, куда приехал и московский архиепископ, впоследствии митрополит, Платон. Из Калуги императрица ездила на Полотняный завод Гончарова в Медынский уезд»*[2].

В своей статье Кашкаров писал, что Екатерина, после торжеств, проходивших в Москве по случаю подписания Кучук-Кайнарджийского мира, в сопровождении московского митрополита Платона и «блестящей свиты царедворцев» 15 декабря 1775 г.[3] прибыла в Калугу. Здесь ее встретили у нарочно выстроенных калужским купечеством триумфальных ворот. *«При неумолкаемом звоне колоколов Государыня проследовала в город и остановилась в доме купца Демидова»*. На следующий день она приняла наиболее значимых лиц города и в Соборной церкви слушала литургию и молебен, совершаемые митрополитом Платоном. После обеда императрица уехала в Полотняный Завод. *«В ночь на 17 декабря Государыня возвратилась с Полотняного Завода и в тот же день уехала обратно в Москву»*.

Описание приезда Екатерины II в Калугу, данное Кашкаровым, было использовано во многих авторитетных изданиях (Д.И. Малинин «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии», Г.М. Морозова «Прогулки по старой Калуге», «Калужские губернаторы»)[4]. Правда, следует отметить, что хронология пребывания Екатериной II в Калуге, данная Кашкаровым, оказалась несколько изменена. Так, Малинин написал, что императрица приехала в Калугу 15 декабря, *«пробыла в Калуге только день»* и вечером выехала в Полотняный Завод, откуда 17 декабря отправилась в Москву. Аналогичным образом в книге «Калужские губернаторы», со ссылкой на Кашкарова, утверждается, что 15 декабря Екатерина II прибыла в город, где оставалась несколько часов и в тот же день отправилась в Полотняный Завод.

Однако, несмотря на значимость в калужском краеведении публикации Кашкарова, его нельзя назвать человеком, специально исследовавшим вопрос посещения Екатерины II Калуги. Приведенный им в статье текст практически полностью, включая используемые обороты, повторяет описание пребывания императрицы в Калуге, составленное иеромонахом Леонидом (Л.А. Кавелиным) в его фундаментальном труде «История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужской епархии»[5]. Единственным существенным разночтением является то, что Кавелин не указал места остановки Екатерины II, а Кашкаров, без каких-либо пояснений, назвал дом Демидова. Кроме того, Кашкаров исправил опечатку, допущенную в книге Кавелина, где вместо 15 декабря стоит 15 сентября. В свою очередь, Кавелин заимствовал описание посещения, как указано в ссылке, из «"Жизни Митрополита

Платона Снегирева" Ст.45». Следовательно, можно сделать вывод, что основой для краеведческой традиции стало, в первую очередь, жизнеописание митрополита Платона, которое в интерпретациях разных авторов используется в литературе, посвященной калужскому краю, по сей день.

Однако существуют еще два, отличных от вышеизложенного, варианта описания приезда Екатерины II в Калугу. В первую очередь, это «Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 г.», которая, как указанно на титульном листе, была составлена В.В. Ханыковым, а сообщена издавшему ее Императорскому обществу истории и древностей Российских при Московском университете архимандритом Леонидом (Л.А. Кавелиным). В ней говорится, что в 1775 г. императрица нарочно приезжала в Калугу из Москвы обозреть город и останавливалась в доме купца Карасева (а не Демидова, как утверждал Кашкаров и его последователи!). А в ноябре того же года она *«удостоила посетить полотняную фабрику Гончарова»*[6]. В краеведческой литературе есть последователи и этой версии. Так В.С. Зеленов в книге «Дороги Калужского края» нашел подтверждение сведению из летописи в том, что по Московскому тракту в честь приезда императрицы были высажены березы, которые называли екатерининскими[7].

Вторая версия изложена в «Рукописи 1791 г.», один из списков которой, восходящий к протоиерею Никитской церкви в Калуге Стефану Иванову, стараниями А.В. Лиона и Ю.Н.Фетисовой был обнародован в 2000 г.[8] В ней хронология событий дается так же, как и у Кашкарова. Но содержатся существенные детали, описывающие поведение жителей города Калуги и погоду, т.е. внешние признаки, что указывает на то, что данная часть рукописи была составлена если не самим свидетелем событий, то, конечно, со слов очевидца. При этом в рукописи не говорится о доме, в котором остановилась императрица.

Кроме того, в литературе оказались зафиксированы предания о пребывании Екатерины II в Полотняном Заводе. Один из первых исследователей Калужского края Г.К. Зельницкий обращался к вопросу посещения императрицей Калуги в двух своих статьях, опубликованных в 1804 г. в журнале «Урания». В статье «Описание губернского города Калуги» он лишь констатировал факт приезда в 1775 г. (без указания даты) Екатерины II в город, где она пробыла три дня[9]. В другой статье, под названием «Изображение примечательных характеров и великодушных дел частных людей», он, касаясь личности А.А. Гончарова, передает слова, сказанные им Екатерине II, о своей старости. Зельницкий пишет, что во время посещения Полотняного Завода императрица назвала Гончарова, которому было 83 года, старцем. *«Милостивая Государыня! сказал он, хотя я и стар кажусь; но милостивым посещением Вашего Величества в двое прочувствовал крепости, и как бы обновился; да и надеюсь прожить более, нежели мыслил»*[10].

Другую — «разухабистую» — версию этого разговора, на основе устных преданий, приводит в своей работе, опубликованной в журнале «Старые годы» в 1910 г., А.В. Средин. Автор не просто передал дошедшую до него информацию, но придал ей художественную форму, сохранив, как он пишет, *«по возможности, яркость изображения»* народных преданий. 16 декабря Екатерина II въезжает во двор Полотняного Завода, где *«издалека встречает ее без шапки престарелый хозяин; не слышит он ног под собой от радости»*. Императрице предложен роскошный обед, *«причем в памяти стариков сохранилась молва, как потчевали государыню в Филипповки[11] свежими белыми грибами»*. Для обозрения заводов Екатерина II проследовала на веранду и, увидев *«громадные здания, милостиво обратилась с вопросом к хозяину: "Что это у тебя, Гончаров, куда я ни взгляну, так много каменной стройки?" Стал на коленки Афанасий Абрамович и говорит: "На меня, Ваше Величество, три дня золотой дождь шел". — "Встань, старичок!" — улыбаясь сказала она. — "Я перед Вашим Величеством не старичок, а семнадцати лет молодчик", — нашелся Гончаров, в ту пору ему было ровно семьдесят шесть лет»*. По преданию, пишет Средин, императрица ночевала в Полотняном Заводе[12].

Созданная Срединным образная картина встречи Гончарова с Екатериной II, сильно напоминающая сцену из театральной постановки, является, по всей видимости, литературной интерпретацией опубликованных Зельницким сведений, которые были частично дополнены сохранившимися до начала XX в. преданиями (роскошный обед с белыми грибами, ночевка императрицы в Полотняном Заводе). На это, в частности, указывает упоминание в разговоре

о *«золотом дожде»*, про который писал в 1804 г. и Зельницкий, правда, не связывая эти слова Гончарова с приездом Екатерины II. Как отмечал Зельницкий, Гончаров *«в кругу друзей своих признавался, что в жизни его на него шел три раза золотой дождь; последний был во время отложения северной Америки от Англии»*[13].

Как видно, сведения о пребывании императрицы в Калуге отличаются своей противоречивостью и практически не поддаются согласованию в деталях. В связи с этим возникает вопрос, имеем ли мы возможность получить боле точные данные об этом важном в истории Калужского края эпизоде, и есть ли какой-либо достоверный источник, который смог бы пролить свет на этот вопрос. Как оказалось, решение этой исследовательской проблемы лежит на поверхности. Только источник следует искать не местного происхождения, а общероссийского. Им является Камер-фурьерский церемониальный журнал.

Камер-фурьерский журнал — это сборник кратких записей, которые велись ежедневно при русском царском и императорском дворах придворными — камер-фурьерами (с 1734 г.). Начало поденным записям, фиксирующим деятельность российских правителей, было положено Петром I в 1695 г. С этого времени стал вестись дневник под названием «Журнал или поденная записка», отражавший ход военных действий в Азовских походах 1695—1696 гг. и Северной войне 1700—1721 гг. После Петра I появился собственно Камер-фурьерский журнал, основное содержание которого составляли описания придворных церемоний и жизни императорской семьи. Эти журналы с 1695 г. по 1817 г. были опубликованы в 1853—1916 гг. Интересующий нас Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 г. был издан в Санкт-Петербурге в 1878 г.[14]

Согласно сделанным в нем записям почти весь 1775 г. Екатерина II прожила в Москве, откуда выезжала для знакомства с лежащими вблизи городами, монастырями, заводами и усадьбами. 12 декабря 1775 г. императрица в сопровождении 20 человек отправилась познакомиться с провинциальными городами Московской губернии: Серпуховом, Тулой и Калугой. Свиту императрицы составляли: фрейлины А.А. Полянская, А.С. Протасова и Е.А. Сенявина, граф П.А. Румянцев, граф Г.А. Потемкин, граф И.Г. Чернышев, Л.А. Нарышкин, граф Я.А. Брюс, Г.Н. Орлов, С.М. Козмин, А.Л. Щербачев, М.В. Муромцев, А.А. Волков, камергеры Е.А. Чертков и князь С.С. Гагарин, камер-юнкеры М.С. Потемкин и А.Н. Самойлов, состоявший в должности шталмейстера генерал-майор В.М.Ребиндер, полковник П.В.Завадовский, флигель-адъютант С.Н.Салтыков.

15 декабря, во вторник, Екатерина II в 10 часов отправилась в Тульскую соборную церковь, после посещения которой выехала в Калугу. Путь императрицы лежал до деревни Олешин, где была перемена лошадей. Затем до села Титово[15], принадлежавшего московскому купцу и фабриканту М.А. Милютину, где в доме хозяина был приготовлен обед. Екатерина II въехала в село в половине 2-го и была встречена у крыльца дома хозяином с хлебом и солью. Милютин *«поднес разную живую рыбу, и препровождал Ея Величество в покои, где и соизволила кушать со всеми находящимися в свите персонами»*. Здесь императрица *«соизволила допустить к руке приехавших из Калуги, для встречи на половине дороги, старшин гражданства, кои подносили хлеб и соль и разные фрукты»*. Отобедав, Екатерина II, в 4 часа покинула Титово.

В деревне *«Песошни»* (Песочня) снова была перемена лошадей, и в 10-м часу вечера императрица въехала в Калугу. *«И как Ея Императорское Величество соизволила прибыть к городу, то началась из полковых пушек пальба и во всем городе у церквей колокольный звон, а от всего гражданства учинено стретение с хлебом и солью, у ворот триумфальных, нарочно построенных»*.

Запись камер-фурьерского журнала дополняет информация из «Рукописи 1791 г.». В ней говориться, что *«все лучшее купечество с женами и детьми их, в лучших одеждах, ожидали прибытия ее императорского величества при въезде в город, у построенных на сей случай купечеством триумфальных ворот»*. В «Рукописи 1791 г.» отмечалось, что при въезде императрицы в город *«производилась из купеческих пушек пальба, при церквах же колокольный звон, а народ кричал: «Ура! Ура!». И хотя в сие время случилась ненастная погода — дождь и потоп, морозы — но все сие усердно желающий зреть милосердную свою монархиню народ не отвлекало»*. Как видно, при встрече императрицы использовались не боевые орудия, а салютные пушки, которые принадлежали калужским купцам. Относительно этих пушек

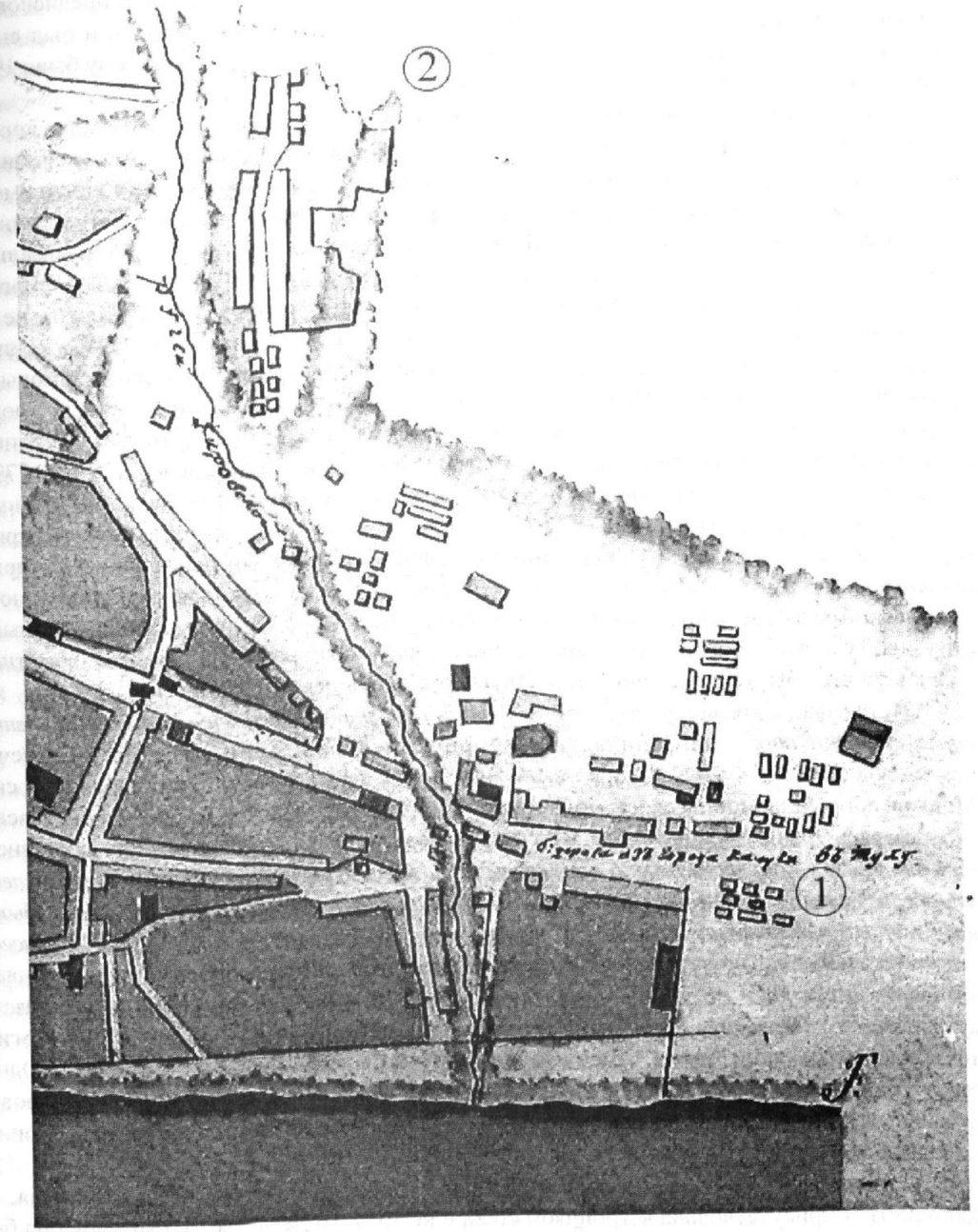


Рис. Фрагмент «Плана старого положения губернского города Калуги с поселенными при нем слободами». Составлен около 1779 г.
(Калужский областной краеведческий музей. Инв. № 4954).

1. Место, на въезде в Калугу по Тульской дороге, где могли быть построены в 1775 г. триумфальные ворота в честь императрицы Екатерины II. Находится вблизи пересечения современных улиц Салтыкова-Щедрина и Степана Разина.
2. Место расположения Никольского храма, перенесенного в 1775—1779 гг. *«общественным городским коштом»* с городской площади. В этом храме хранились купеческие пушки, салютовавшие 15 декабря 1775 г. Екатерине II.

протоиерей Никитской церкви Стефан Иванов, переписавший и исправивший в 1823 г. «Рукопись 1791 г.», делает уточнение, что они были отданы в Никольскую церковь[16]. Следует отметить, что Стефан Иванов был современником описываемых событий. В предисловии к изданию «Рукописи 1791 г.» указывается, что он родился 26 июля 1756 г. и был сыном дьячка Воскресенской церкви (Калужского уезда), следовательно, в 1775 г. ему было 19 лет и, вполне возможно, что он сам был участником встречи Екатерины II.

В данном месте следует обратить внимание на вопрос, о каких триумфальных воротах идет речь и где они располагались. В среде калужских краеведов глубоко укоренилось мнение, что Екатерину II жители города встречали у каменных Московских ворот, и именно они были специально выстроены к приезду императрицы[17]. Этой традиции противоречит то, что Екатерина II ехала не со стороны Москвы, а со стороны Тулы, поэтому триумфальные ворота должны были находиться на въезде в город, но только в другой части города. Принимая в расчет время года и сжатые сроки строительства (поездка императрицы в Калугу не планировалась задолго до ее осуществления), можно предположить, что к встрече Екатерины II калужским купечеством были сооружены деревянные триумфальные ворота, которые до наших дней не сохранились. По всей видимости, установлены они были на Тульской дороге у въезда в город, вблизи места пересечения современных улиц Салтыкова-Щедрина и Степана Разина. Также обращает на себя внимание факт переноса в 1775—1779 гг. *«общественным городским коштом»* Никольской церкви с городской площади на Козинку (в Козью Слободку, располагавшуюся на левой стороне Жировского ручья на восточной окраине города), строительство, вместо деревянного, каменного храма[18] и передача в эту церковь пушек, салютовавших Екатерине II. Все это, вероятно, было сделано не случайно, и новый Никольский храм, установленный на краю города, на возвышенности, хорошо видный со стороны Тульской дороги, мог современниками рассматриваться в качестве памятника, посвященного приезду Екатерины II в Калугу (см. рисунок).

От триумфальных ворот Екатерина II *«при радостных стекавшегося многочисленного народа восклицаниях»* направилась в Соборную церковь. Здесь она была встречена архиепископом Московским и Калужским Платоном с двумя архимандритами: Амвросием, Московского Заиконоспасского монастыря и Варлаамом, Калужского Лаврентьевского монастыря, и прочим духовенством. Встретив императрицу *«по чину церковному»* архиепископ Платон сказал *«от всего города приличную речь. А по выслушании ектинии и по воспетии многолетствия, Ея Величество, приложась к Святым иконам, из церкви соизволила отбыть в назначенный для Высочайшего Ея пребывания каменный дом тамошнего купца Карасева»*. Авторитетный исследователь Калуги Г.М. Морозова в своей монографии упоминает о каменном доме №19 по улице Московской, который *«еще с начала XVIII в. принадлежал купцу Василию Ивановичу Карасеву»*[19]. Возможно, именно в этом, одном из немногих в тогдашней деревянной Калуге, каменном доме и имела свое пребывание Екатерина II. Однако этот вопрос требует своего дальнейшего изучения. В любом случае, мы можем констатировать, что императрица останавливалась именно в доме Карасева, а не Демидова, как было принято до сих пор считать.

В «Рукописи 1791 г.», в отличие от Камер-фурьерского журнала, указывается, что Екатерина II присутствовала в Троицком соборе не 15, а 16 декабря. В этот день она была на литургии, которую служил архиепископ Платон и говорил проповедь. После обедни отслужен был благодарственный молебен и *«при пении многолетия производилась пушечная пальба»*[20]. Как видно, практически все, кроме литургии и пушечной пальбы, совпадает с записью Камер-фурьерского журнала. В данном случае Журнал, заполнявшийся «по горячим следам» специально назначенным человеком, заслуживает большего доверия, чем «Рукопись 1791 г.», в которой, вследствие аберрации памяти, нарушилась последовательность происходивших событий. Что касается пушечной пальбы, то она постоянно сопровождала движение Екатерины II по городу, поэтому в Камер-фурьерском журнале этот постоянно действующий фактор мог быть опущен.

В доме Карасева Екатерину II встретили и поздравили с благополучным прибытием дворяне, члены Магистрата и *«первостатейные купцы»*. Хозяин дома поднес императрице хлеб и соль. После этого Екатерина II *«соизволила отбыть во внутренние комнаты. Между тем продолжался колокольный звон и производилась городская пушечная пальба, а стоящий*

у оного дома на сей случай Калужского полка фронт отдавал честь ружьем с приклонением знамя, с музыкою и барабанным боем». «В сей вечер, — сказано в Камер-фурьерском журнале, *— весь город был иллюминирован и зажжены приличные огни».* В «Рукописи 1791 г.» указывается, что во время приезда императрицы *«по обе стороны от того места* (места, где стояли триумфальные ворота — *В.Б.) до дому, где уготована ее императорскому величеству квартира, было стечение народа бесчисленное, всякого возраста и обоего пола»*[21].

После ухода Екатерины II во внутренние покои свита императрицы *«вечернее кушанье кушали»* в зале. К столу были приглашены семь караульных офицеров.

Следует обратить внимание на упоминание в Камер-фурьерском журнале Калужского полка. Дело в том, что в российской армии полка с таким названием не существовало до 1805 г., когда 29 августа был сформирован Калужский мушкетерский полк. В Калуге, как провинциальном городе, согласно принятым 15 декабря 1763 г. штатам «Разных чинов, состоящих при Губернской канцелярии и при Канцеляриях провинциальных и воеводских», находилась Калужская военная команда. Она состояла из поручика, 2 сержантов, 4 капралов, 48 солдат, барабанщика и фельдшера (всего 57 человек). Команда имела обмундирование, амуницию и вооружение по образцам пехотных полков, но знамен ей не полагалось[22]. Их отсутствие, а также малый штат офицеров (всего один человек), говорит о том, что возле дома Карасева находилась другое воинское формирование. Возможно, для встречи императрицы в Калугу как провинциальный город Московской губернии была направлена команда одного из трех Московских гарнизонных батальонов (батальонам полагалось знамя и по штату в них состояло 1 штаб- и 19 обер-офицеров[23]), либо для этой цели привлекался находившийся вблизи города армейский полк. В любом случае, как можно убедиться, упоминаемые в Камер-фурьерском журнале солдаты и офицеры не могли служить в части, именовавшейся Калужской.

В среду, 16 декабря, к полудню, в зале дома Карасева собрались *«дворянство обоего пола, первостатейные купцы и некоторые мещане с женами, и прочих множество».* В первом часу Екатерина II вышла из внутренних комнат в зал, где собравшиеся подносили *«всеподданнейшие поздравления и всемилостивейшее жаловались к руке».* Калужан представлял императрице московский губернатор граф Ф.А. Остерман, а лиц духовного звания — архиепископ Платон. В «Рукописи 1791 г.» также указывается, что 16 декабря *«магистрат, лучшее купечество с женами и детьми допущены были для принесения всеподданнейшего императорскому величеству поздравления; причем ее императорское величество соизволила их жаловать к руке».* К этой фразе протоиерей Никитской церкви Стефан Иванов сделал ремарку, что Екатерина II жаловала к руке *«некоторых, весьма немногих»*[24]. Это вполне конкретное замечание, уточняющее «Рукопись 1791 г.» и вступающее в противоречие с Камер-фурьерским журналом (согласно которому все представлявшиеся жаловались к руке), говорит о том, что Стефан Иванов если не сам присутствовал при встрече калужан с императрицей, то, по крайней мере, получил информацию об этой встрече из первых рук.

После приема Екатерина II *«соизволила кушать обеденное кушанье в зале со всеми находящимися в свите и приглашенными».* Обед был накрыт на 31 куверт. Кроме сопровождавших императрицу лиц к столу были приглашены: архиепископ Платон, архимандриты Амвросий и Варлаам, московский губернатор Остерман, воевода (т.е. лицо, возглавлявшее Провинциальную канцелярию и управлявшее провинцией) гвардии капитан П.А. Колычев, бригадир И.О. Щербачев, бригадир князь Голицын (какой — не указано), полковник А.О. Чеплыгин, полковник и подполковник части, несшей караул. Отдельно, в другой комнате, был накрыт стол для семи караульных офицеров.

После обеда, в 3 часа, Екатерина II *«соизволила с фрейлинами и кавалерами иметь выход на бумажный завод фабриканта Афанасия Абрамовича Гончарова, состоящий от города в 30 верстах».* Екатерина II прибыла в Полотняный Завод около 6 часов вечера. Императрицу встретил Гончаров *«со всею фамилиею, с хлебом и солью и препровождал в покои».* В комнатах ей был поднесен чай и кофе. *«После сего, Ея Величество соизволила следовать на бумажный завод для смотрения делающейся бумаги».* Осмотрев завод, Екатерина II вернулась в хозяйский дом, в комнаты, и *«соизволила иметь продолжение в разговорах и хозяин поднес Ея Императорскому Величеству своей фабрики разных рук несколько стоп бумаги».* Вероятно,

во время этой беседы Гончаров и высказал свое отношение к старости. Слова его впоследствие попали на страницы статьи Зельницкого, а затем были преобразованы в «сцену на веранде» Срединым.

«Вечерний стол приготовлен был в зале, где, в 10-м часу, Ея Величество соизволила кушать со всеми находящимися в свите персонами». К столу был приглашен Гончаров со всей семьей. Именно тогда, как сообщает нам предание, записанное Срединным, императрицу потчевали свежими белыми грибами. После ужина Екатерина II *«изъявив Свое удовольствие и благоволение хозяину за угощение, соизволила пожаловать к руке и оттуда отбыв в 10-ть часов, в Калугу соизволила прибыть во 2-м часу пополуночи».*

В Камер-фурьерском журнале особо подчеркивается, что дом и завод Гончарова *«были иллюминированы. А при отбытии из города* (Калуги — *В.Б.*) *и по прибытии, производились колокольный звон и пушечная пальба, а до 3-го часа пополуночи горела иллюминация и весь город освещен был разными огнями».*

17 декабря, в четверг, в 10-м часу Екатерина II *«соизволила с фрейлинами и кавалерами завтракать».* После этого, в 10 часов, *«в провожании многочисленного народа, при колокольном звоне и пушечной пальбе, из оного города Калуги соизволила воспринять отсутствие».* Путь ее лежал на Москву. По дороге императрица заехала в Лаврентиевский монастырь, располагавшийся в трех верстах от города. Перед Святыми вратами Екатерину II встретил архимандрит с братиею. В церкви *«соизволила прикладываться к Святым мощам и иконам».* Из церкви в сопровождении архиепископа Платона и всего духовенства Екатерина II *«шествовала по постланному сукну в кельи Архимандрита, где пробыв малое время, соизволила Ея Величество отправиться в путь в Москву».*

По дороге, в Бряхово, императрица поменяла лошадей. Далее путь ее лежал до села Никольского, принадлежавшего бригадиру Поливанову. Здесь для Екатерины был приготовлен обеденный стол. Императрица приехала в Никольское около 3 часов дня и была встречена управителем у господского дома с хлебом и солью. Пообедав со всей своей свитой, Екатерина II *«в исходе 5-го часа пополудни ж, соизволила отправиться в путь».* Далее императрица ехала через Лыков овраг, Чернишню (последний пункт учрежденной впоследствии Калужской губернии) и Вороново (входило в состав Московской губернии). В последнее село она прибыла около 12 часов ночи. Господский дом и улицы были иллюминированы. Село это принадлежало графу И.Л. Воронцову, который со всей семьей встретил Екатерину II и препроводил в покои. В этом селе императрица пробыла до половины первого часа следующего дня, когда покинула его при пушечной пальбе. Проехав через село Пахра, где была смена лошадей, Екатерина II в половине пятого часа въехала в Москву и прибыла к месту своей остановки — Пречистенскому дворцу. Тем самым предпринятая в декабре 1775 г. поездка по провинциальным городам Московской губернии завершилась.

Обращение к Камер-фурьерскому журналу, содержащему наиболее представительную и достоверную информацию о пребывании Екатерины II в Калуге, а также привлечение других исторических источников (в первую очередь, «Рукописи 1791 г.»), позволяет получить наиболее полную, максимально соответствующую реальности, картину посещения в 1775 г. города императрицей. Тем самым решается сложившаяся в краеведческой литературе проблема дисгармонии в освещении одного из важнейших исторических событий прошлого Калужского края, так как именно приезд Екатерины II стал своеобразной отправной точкой развития Калуги как территориально-административного центра Российского государства.

Примечания

[1] Кашкаров В.М. Приезд Императрицы Екатерины II в Калугу. Открытие Калужского Наместничества. Первый Наместник — М.Н. Кречетников // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1897. №5. С.54—64.

[2] Щепетов-Самгин П.С. Калужская губерния в историческом отношении // Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Калуга, 1861. С.129.

[3] Все даты приводятся по старому стилю.

[4] Калужские губернаторы: биобиблиографические очерки. Калуга, 2001. С.7; Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.48; Г.М. Морозова Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993. С.51.

[5] Леонид, иеромонах [Кавелин Л.А.] История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужской епархии. Калуга, 1876. С.150—151.

[6] Летопись калужская. Калуга, 1991. С.67.

[7] Зеленов В.С. Дороги Калужского края: Краеведческие очерки. Калуга, 1996. С.28.

[8] Рукопись 1791 г. Калуга, 2000. С.26.

[9] Зельницкий Г.К. Описание губернского города Калуги // Урания: Калужское периодическое издание. 1804. Ч.4. С.13.

[10] [Зельницкий Г.К.] Изображение примечательных характеров и великодушных дел частных людей // Урания: Калужское периодическое издание. 1804. Ч.1. С.116.

[11] Филипповки — просторечное название Рождественского поста, который также называют Филипповским постом, так как в день его начала, 14 ноября, празднуется память апостола Филиппа.

[12] Средин А.В. Полотняный Завод // Усадьба Полотняный Завод в XVIII—XIX вв. Калуга, 2009. С.75—78.

[13] [Зельницкий Г.К.] Изображение примечательных характеров и великодушных дел частных людей // Урания: Калужское периодическое издание … С.113.

[14] Камер-фурьерский церемониальный журнал 1775 г. СПб., 1878. С.780—781, 793—801.

[15] Село Титово расположено на территории Калужской области, с 1777 г. входило в состав Калужского наместничества (губернии). До 1840-х гг. принадлежало Милютиным. Усадебный дом не сохранился. В Титово еще стоит заброшенная, постепенно разрушающаяся, Никольская церковь 1776 г., которая, по преданию, была построена М.А. Милютиным в память посещения села Екатериной II (Чижков А.Б., Зорин А.А. Калужские усадьбы. М., 2007. С.127).

[16] Рукопись 1791 г. … С.26.

[17] См., например: Малинин Д.И. Указ. соч. С.72; Морозова Г.М. Указ. соч. С.23.

[18] Малинин Д.И. Указ. соч. С.146—147; Морозова Г.М. Указ. соч. С.232.

[19] Морозова Г.М. Указ. соч. С.171.

[20] Рукопись 1791 г. … С.26.

[21] Там же.

[22] [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1899. Ч.4. С.45—46; 1900. Ч.6. С.38; ПСЗ-1. Т.16. №11990; Т.44. Ч.2. Отд.4. С.59, 70, 71.

[23] [Висковатов А.В.] Указ. соч. Ч.4. С.33; 1900. Ч.6. С.57; ПСЗ-1. Т.43. Ч.1. С.132.

[24] Рукопись 1791 г. … С.26.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДРЕВНЕГО ДВОРЯНСКОГО ШОТЛАНДСКОГО РОДА КАРОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ. XVIII—ПЕРВ. ПОЛ. XIX ВВ.*

***В.И. Абакулов**, н.с., Калужский областной краеведческий музей*

С Калужским краем связаны десятки дворянских фамилий, которые владели здесь имениями. В данной работе мы рассмотрим историю одного из таких родов — Каров, представители которого на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX вв. проживали в Калужском уезде.

Общий Гербовник так описывает этот род: *«Фамилия Кар, как в справке Архива Коллегии Иностранных дел показано, происходит от древней благородной фамилии Керов, от которой произошли герцоги Рогбургские, маркизы и графы Лофианские и другие пэры королевства Шотландского»*[1].

Более подробные сведения об этом роде даёт выписка из Родословной книги: *«Кар — отрасль шотла́ндской фамилии, доныне существующей в Англии. Томас Кар (по-русски Фома Иванович Кар) — «иноземец Шкоцкой земли», за службу свою в 1618 и 1619 гг. «за королевичев приход» получил из поместья (400 чети) в вотчину в Нижегородском уезде в Занудемском стану, в деревне Подлесове с другими деревнями, 80 чети (жалованная грамота царя Михаила*

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 09-01-59103 а/Ц).

Фёдоровича от 23 февраля 1625 г.)»[2]. Герб рода Кар был внесён в 4-ю часть Общего Гербовника.

Один из представителей этого рода — Василий Алексеевич Кар (1730—1806), связал свою судьбу с Калужским краем. В службу он вступил в 1740 г. Участвовал в Семилетней войне. В полковники был произведён 17 апреля 1763 г. (патент получил 27 августа 1764 г.). В 1766—1768 гг. Кар был в Польше, где назначен был состоять при князе Радзивиле. В бригадиры Василий Алексеевич был произведён 22 сентября 1768 г. (патент выдан 31 декабря 1768 г.). В мае 1769 г. Кар был назначен командиром сформированного при начале войны с Турцией легиона, получившего сначала имя Иностранного, затем переименованного в Петербургский. В генерал-майоры В.А. Кар был произведён 1 января 1770 г. (патент выдан 16 марта 1770 г.)[3]. Затем получил заграничный отпуск на тёплые воды для лечения. Возвратившись в октябре 1773 г., Кар в Петербурге руководил набором рекрут.

«Прославился» генерал В.А. Кар во время крестьянской войны под руководством Пугачёва, когда манифестом от 15 октября 1773 г. он был отправлен на Яик для усмирения мятежников. Кар был разбит восставшими, и бежал. Появление Кара в Казани, отъезд его из неё в Москву, произвели на российских дворян и императрицу очень неблагоприятное впечатление. Поступок В.А. Кара разгневал Екатерину II, которая указом от 1 декабря 1773 г. повелела отправить его в отставку.

Отставной генерал-майор в 1775 г. купил с аукционного торга в московском магистрате имение князя Бориса Васильевича Голицына, состоящее в Калужском уезде сельце Горяинове с деревнями, которое было описано за казённые и частные («партикулярные») долги[4].

Кар занимался не только сельским хозяйством. Им было начато строительство по проекту английского архитектора большого трёхэтажного дома. В центре дом был трёхэтажным, ближе к краям становился двухэтажным, потом переходил в одноэтажные флигели и заканчивался по краям башнями. По преданию генерал Кар так боялся разбойников, что не просто построил дом, похожий на крепость, но и приказал прорыть от него подземный ход до самой Оки (к сожалению, до наших дней дом не сохранился)[5].

По легенде, в одной из стен этого дома генерал впоследствии был замурован взбунтовавшимися крепостными крестьянами. А его жена, будучи очень набожной, после этого события ушла в монастырь замаливать грехи мужа, и своё достояние отдала на постройку большой каменной церкви на место пришедшего в ветхость деревянного храма[6].

В Калужском уезде в начале 1780-х гг. В.А. Кар владел селом Покровским (в Куплe-Бегичевой — *В.А.*), сельцом Горяиновым, деревнями Зиново, Алферьево, Шахово, Пышково, Кашурки и Поливаново с пустошами[7]. Супругой Василия Алексеевича была Мария Сергеевна урожденная княжна Хованская. У них было несколько детей: сыновья Алексей и Сергей, дочери Екатерина и Анна. Последняя позже была замужем за Хрущовым (1865 г.)[8].

3 марта 1805 г. отставной генерал-майор В.А. Кар, находясь в Москве, составил духовное завещание. Отец лишал своим завещанием своего сына Алексея (на тот момент юнкер лейб-гвардии артиллерийской конной роты) всякого движимого и недвижимого имения, оставляя ему одно только свое благословение: *«колико по долгу родительскому старания и попечения о нем я не прилагал делает мне ослушание, грубости, неучтивства и несносные оскорбления и чем более старался я по долгу отца обратить его на путь добронравия ласками, иногда и угрозами и он ничего того не внемлет»*. В.А. Кар передавал сыну Сергею московский дом со всем строением, мебелью и прочим имуществом, а также недвижимое имение в Московской, Нижегородской и Калужской губерниях. Дочерям Екатерине и Анне отец завещал пополам в селе Савине с деревнями Гжатской округи Смоленской губернии 1000 мужского пола душ[9].

В.А. Кар умер в собственном доме в Москве 25 февраля 1806 г.,[10] и смерть его была вызвана преклонными годами, а вовсе не убийством своими крестьянами, как о том ходили легенды. Отставной генерал-майор был похоронен в московском своём имении селе Воскресенском Колтышово тож Клинского уезда[11].

Супруга генерала сделалась распорядительницей весьма значительного состояния, оставшегося после мужа. Мария Сергеевна в 1810 г. возвела в сельце Горяинове каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был освящен 24 сентября[12]. (От Покровской церкви ныне сохранилась лишь колокольня). С этого времени сельцо Горяиново стало называться селом Сергиевским.

В июне 1812 г. Россия вступила в войну с Наполеоном. Согласно «Списка наряженных с помещичьих и владельческих душ конных и пеших воинов во внутреннее ополчение 1812

года по Калужскому уезду», опубликованному Н.И. Булычовым, от имения вдовы генерал-майора Марии Сергеевны Кар с 472 душ было поставлено 2 конных и 20 пеших ополченцев[13]. Обратно в имение, согласно документам хранящимся в Государственном архиве Калужской области, из них не вернулись 14 человек. На них всех 3 ноября 1815 г. помещице были выданы квитанции[14].

Сын Марии Сергеевны Кар, Сергей Васильевич, участвовал в Отечественной войне и заграничных походах российской армии. 16 и 18 октября 1813 г. Кар участвовал в знаменитом Лейпцигском сражении. Здесь 18 октября он был вскользь ранен пулей в голову. За оказанное отличие был Всемилостивейше был награжден орденом Св. Анны 4 класса (так указано в паспорте). (Отметим, что 3-й степенью ордена Св. Анны являлось Аннинское оружие, однако при разделении 24 августа 1815 г. ордена на четыре степени было предписано «объявить нынешним кавалерам 3-го класса, что они именоваться должны четвертой степенью».15 Поэтому в послужных списках, как правило, указывается о награждении 4-й степенью, хотя фактически офицеры получали орден 3-й степени. — *В.А.*) 20 января 1816 г. он поступил поручиком в Ахтырский гусарский полк. По Высочайшему Его Императорского Величества указу, объявленному Сергею Васильевичу 6 апреля 1818 г., согласно прошения «за ранами» он был уволен от службы штабс-ротмистром с мундиром[16].

Второй сын генерал-майора Василия Алексеевича Кара, Алексей, лишенный отцом наследства, также был участником Отечественной войны 1812 года, состоя в Тульском ополчении. Алексей Васильевич Кар отличился в сражении при реке Березине, где командовал батареей артиллерии. В этом сражении он потерял ногу и был награждён орденом Св. Георгия 4 степени[17].

В 1827 г. А.В. Кар был командующим крепостным штатом и арсеналом 14 артиллерийской бригады Московского артиллерийского гарнизона. Алексей Васильевич был дважды женат. От первого брака он имел сына Филиппа, дочерей Марию и Екатерину, от второго ещё одного сына — Сергея[18].

Мария Сергеевна Кар не забывала своих внуков, детей сына Алексея Васильевича Кара. По её поручению в их пользу до их совершеннолетия действительный статский советник и кавалер князь Пётр Николаевич Оболенский положил 2 июля 1817 г. в Московскую сохранную казну 9000 руб. ассигнациями. Позже на содержание детей Алексея Васильевича также поступали разные суммы. Часть этих денег была потрачена на Филиппа Алексеевича Кара, который в 1829 г. был отправлен в юнкерскую школу в Санкт-Петербург. В 1831 г. он уже подпрапорщик лейб-гвардии Егерского полка[19].

Летом 1817 года Марию Сергеевну Кар посетил в Сергиевском Семён Яковлевич Унковский (1788—1882), отец адмирала Ивана Семёновича Унковского. 6 июля указанного года он женился на Варваре Михайловне Белкиной. Молодые отправились в Петербург. Вот что писал об этом С.Я.Унковский в своих «Записках моряка»: *«1-го августа, как я предполагал выехать, мы простились с тётушкою и пустились в дорогу. Нам приказано было на пути заехать в село Горяиново к Марье Сергеевне Каровой матери жены Александра Михайловича (брат супруги С.Я. Унковского, А.М. Белкин, смоленский помещик, женатый на дочери Марии Сергеевны Екатерине Васильевне Кар — В.А.), это я не знаю почему, но мы исполнили приказание, хотя было и не по дороге и там ночевали, а поутру очень рано уехали в Москву, а потом по тракту в Петербург»*[20].

Мария Сергеевна Кар в 1829 г., по старости лет и слабому здоровью, предоставляла всё своё недвижимое имение своему сыну Сергею с правом продажи и залога имения. В Калужском уездном суде 12 ноября 1829 г. было определено утвердить представленное от М.С. Кар прошение об уступке ею своего имения сыну[21].

Определениями Московского дворянского депутатского собрания от 16 марта 1799 г. и 30 сентября 1829 г. Василий Алексеевич Кар, его сыновья Сергей и Алексей, а также сын последнего Филипп были внесены в 4 часть дворянской родословной книги Московской губернии и указом Правительствующего Сената, от 3 сентября 1853 г. за № 5683 были признаны в древнем дворянстве, с перенесением из 4 в 6 часть оной книги, кроме Филиппа, не представившего метрического свидетельства о своем рождении[22].

Сергей Васильевич Кар определением Калужского дворянского депутатского собрания, состоявшимся 11 ноября 1839 г., был внесён в 6 часть дворянской родословной книги Калужской губернии. На основании указа Правительствующего Сената по Департаменту

Герольдии № 98 от 16 января 1851 г. С.В. Кар был перенесён из 6 во 2 часть дворянской родословной книги[23]. Сергей Васильевич был холост.

Сергиевское имение, управлявшееся С.В. Каром, в 1841 г. отличалось успешным ведением сельского хозяйства: *«устройством шестипольной системы посевов, и приведением всего вообще хозяйства и имения в отличное положение»*[24].

С.В. Кар продал своё калужское имение Михаилу Герасимовичу Осоргину. По легенде, предложение о продаже было совершено Каром во время карточной игры в Английском клубе в Москве. Купчая крепость была совершена 24 марта 1843 г. во втором департаменте Московской палаты гражданского суда. За проданное имение Кар взял с покупщика 114285 руб. 72 коп. серебром, полагая в это число и долги опекунскому совету[25]. После этого связи семьи Кар с Калужским краем, к сожалению, не прослеживаются.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Кары, выезжие дворяне из Шотландии, с XVII в. находились на российской службе. Они были в родстве с князьями Голицыными, князьями Хованскими, дворянами Хрущовыми, Белкиными и др. Кары оставили заметный след в истории Российской империи, участвуя в таких событиях как подавление крестьянской войны под руководством Пугачёва, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Представители этого рода за свою службу награждались орденами. Кары устроили хорошее хозяйство в своём имении в Калужском уезде, выстроили в сельце Горяинове большой каменный дом, который в конце XVIII столетия был редким явлением в сельской местности во всей Калужской губернии. Позже эти помещики возвели здесь же каменный Покровский храм, который по своему великолепию мог бы украшать не только село, но и губернский город. К сожалению, многие постройки имения Каров в настоящее время утрачены.

[1] Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. II. СПб., 1890. С. 26; Общий Гербовник дворянских родов Всероссийския Империи начатый в 1797 году. Часть 4-я. № 76.

[2] Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 4. Оп. 12. Д. 73. ЛЛ. 5, 8 об.-9 об.

[3] Там же. ЛЛ. 13—14 об.

[4] Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф. 54, Оп. 1. Д. 50. Л. 2; Ф. 86. Оп. 3. Д. 5. Л. 11.

[5] Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд (1917-1919) // Россия воспрянет. Князья Трубецкие. М., 1996. С. 82.

[6] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 215 Осоргины. Картон III. № 1. ЛЛ. 4 об.-5.

7 Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. I. СПб., 1782. С. 73-74.

[8] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. II. С. 643.

[9] ГАКО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 240. ЛЛ. 2—3 об.

[10] Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. Челябинск, 1988. С. 163—181.

[11] ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 915. Л. 19 об.

[12] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1598. Л. 2.

[13] Н.И. Булычов. Архивные сведения касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии (Калужское Дворянское Ополчение). Калуга, 1910. С. 110.

[14] ГАКО. Ф. 86. Оп. 5. Д. 25. ЛЛ. 17 об.-18.

[15] Полное собрание законов российской империи. СПб., 1830. Т. 33. № 25927.

[16] ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 915. ЛЛ. 4-4 об.

[17] Чернопятов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1914. Т. 13. С. 8.

[18] ЦИАМ. Ф. 49. Оп. 3. Д. 1508. ЛЛ. 1-1 об., 17.

[19] Там же. ЛЛ. 17, 30 об-31, 47.

[20] Унковский С.Я. Записки моряка. 1803-1819 гг. М., 2004. С. 181—183.

[21] ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 915. ЛЛ. 6 об.-8.

[22] Там же. Л. 17.

[23] Там же. ЛЛ. 2-2 об.

[24] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1414. ЛЛ. 39—40.

[25] ГАКО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 777. ЛЛ. 2-4 об.

К ВОПОСУ О НОРМАТИВОЙ БАЗЕ И КЛАССИФИКАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ КАЛУЖАН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА[1]

***А.В. Штепа**, к.и.н., доц.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского,
***В.А. Бессонов**, к.и.н., Калужский областной краеведческий музей*

Обращение к теме благотворительности в 1812 году вызвано её малоизученностью на всероссийском и, что имеет для нас наиболее принципиальное значение, региональном уровне. И это при том, что информация о собранных калужанами на нужды действующей армии пожертвованиях содержится практически во всех краеведческих изданиях, прямо или косвенно касающихся темы 1812 года. Необходимо при этом подчеркнуть, что сведения о пожертвованиях жителей Калужской губернии в 1812 г. отражены в литературе недостаточно полно, а порой и ошибочно[2]. В то же время проблемные вопросы, связанные с нормативной базой организации сбора пожертвований, классификацией благотворительной помощи, не были предметом специального исследования.

Следует признать, что источники нормативно-правового характера детально не регламентируют механизмы сбора пожертвований на нужды русской армии в 1812 году, тем не менее, содержание нескольких манифестов и указов, подписанных императором Александром I, даёт представление об общей схеме предоставления благотворительной помощи и, в частности, о сборе пожертвований.

Интересно, что еще на этапе подготовки к войне царское правительство из-за острой нехватки бюджетных средств вынуждено было обратиться к жителям страны с призывом к пожертвованию, в особенности, предметов, наиболее нужных для военного употребления, что, по мнению известного исследователя темы 1812 г. В.И. Ассонова, *«было мерой не финансовой, а потому ненадёжной»*[3]. Законодательной основой для организации сбора пожертвований послужил тогда высочайший указ Александра I на имя министра полиции А.Д. Балашова «О сборе пожертвований в пользу армий», последовавший 18 декабря 1811 г.[4], в котором раскрыты механизм и некоторые детали сбора пожертвований. В продолжение данного указа 31 декабря министр полиции сделал распоряжения по губерниям о таком сборе, а 16 января 1812 г. министерство препроводило губернаторам роспись и образцы вещей, какие могут быть приняты для пожертвования. Такие образцы хранились в Калужском губернском правлении, где каждый жертвователь мог видеть, какие предметы нужны для войск. Власти очень сильно рассчитывали на благотворителей и хотели как можно скорее провести сборы. Вот как это описывает в своем труде В.И. Ассонов: *«21 марта присланы были даже образцы уздечек и недоуздков, «принадлежащих к артиллерийскому хомуту»*. 26 марта министр полиции уже запрашивал губернатора о ходе пожертвований для представления о них Государю. Однако надежды на помощь благотворителей не оправдывались, *«пожертвования вещами или не особенно успешно*, — констатирует В.И. Ассонов, — *и, кроме того, при приеме они подвергались браковке»*[5]. Поэтому уже 28 марта было издано Высочайшее повеление, которым разрешалось вместо пожертвования натурой вносить деньги, исходя из стоимости каждой вещи; с этой целью были присланы в места приёма вещей выписки об их ценах. Так, например, пехотный кивер оценивался в 2 руб. 80 коп., перчатки стоили 2 руб. 28 коп., а темно-зеленое сукно в денежном эквиваленте равнялось 2 руб. 38 коп. за аршин. Всего в списке был перечислен 91 предмет. Пожертвованные вещи или деньги предписано было сдавать в уездах городничим, а в губернском городе в губернское управление, доносившее об этом губернатору, которому было поручено особенно внимательно следить за ходом пожертвований и чаще докладывать о них министру полиции для представления Государю. Вполне очевидно, что этой статье дохода придавалось большое значение и от пожертвований правительство ждало значительной финансовой поддержки.

В свою очередь губернатор П.Н. Каверин поставил немедленно в известность об этом предмете губернского предводителя дворянства и представителей городских дум. Уездные предводители дворянства на местах, через земские суды, призывали местных дворян к пожертвованиям, а городничие, получив предложение от Губернского правления, в свою

18 Зак. 2219

очередь оповещали местное городское население, какие именно предметы, необходимые для войск, могут быть пожертвованы.

Однако население Калужской губернии тогда, что называется «с прохладцей» отнеслось к призыву вносить пожертвования. Так, например, из рапорта губернатору от представителей Тарусской городской думы от 28 мая 1812 г. явствует, что только 8 тарусян пожертвовали деньги. Среди этих восьми значатся два купца (городской голова Синев и Ельцов), которые пожертвовали в совокупности 42 руб. 43 1/4 коп. О таком незначительном пожертвовании губернатором было донесено министру полиции А.Д. Балашову для представления Государю[6].

Таким образом, сведения, приводимые в исследовании В.И. Ассоновым, позволяют нам в некоторой степени реконструировать общую схему, по которой проводился сбор пожертвований накануне Отечественной войны 1812 г.

Вскоре, 3 марта 1812 г., последовал высочайший указ о сборе лошадей под артиллерию с губернии С-Петербургской и других губерний[7]. Лошадей предполагалось набирать с каждого пятисотого участка по одной. К указу прикладывалась записка для губернаторов, уточнявшая количество лошадей, которое требовалось собрать в той или иной губернии. Губернатор же совместно с губернским предводителем дворянства должен был сделать по участкам раскладку и назначить для сбора лошадей наиболее удобный в плане доставке к месту их назначения уездный город. Причем местные власти обязывались оказывать всяческое содействие военным чиновникам. Нормативный документ прописывал, что необходимо *«все сие исполнить сколь можно поспешнее и не далее месяца»*. Отметим, что *«исправность в исполнении сего поручения и поспешность в окончании онаго»* расценивалось императором как знак особенного усердия. В примечании оговаривалось, что строевые лошади должны быть не моложе 5 и не старше 7 лет, мерой не менее 2 аршин и не выше 2 аршин 2 вершков. Остальные тех же лет, а мерой не ниже 1 аршина и 14 1/2 вершков[8]. На эти цели выделялись казенные средства. Однако калужское дворянство приняло решение пожертвовать лошадей государству. Сбор был завершён в короткие сроки (до 2 мая) и было выставлено 710 строевых и подъёмных лошадей (из 743 планируемых), стоимость которых составляла 158 791 руб., в *«совершенной готовности и в требуемом качестве»*[9].

После вторжения наполеоновских войск в Россию, оценив масштабы случившегося, Александр I, будучи ещё в Полоцке, 6 июля 1812 г. обращается к подданным с высочайшим манифестом. В нём самодержец, высоко оценивая заслуги и профессионализм русской армии, всё же говорит о необходимости *«собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех»*. Все сословия призываются к жертвованию во благо Отечества[10].

В манифесте, носившем декларативный характер, не содержалось описания механизмов оказания благотворительной помощи. В данном случае организация сбора пожертвований всецело зависела от инициативности губернатора. Следует отметить, что никаких специальных нормативных документов (постановлений или распоряжений губернатора), регламентирующих процесс оказания благотворительной помощи на территории Калужской губернии, в архивах обнаружить не удалось. Известно, что калужский губернатор П.Н. Каверин распорядился об объявлении манифеста по всей губернии в церквах и на народных собраниях. При этом призыв императора он подкрепил собственным обращением, в котором подчеркивал необходимость *«пожертвовать капиталом своим на вооружение ополчения, которое идет на защиту ваших детей, ваших домов, вас самих»*. Свое обращение губернатор заканчивал словами: *«Я твердо уверен, что всякой почувствует в сердце своем сей вопиющий глас милосердого Монарха, примет жаркое в том участие; всякой понесет не только имущество, но все силы душевныя и телесныя — последнюю каплю крови на погибель врагу своему»*[11]. Обнародование манифеста и воззвания Каверина, по свидетельству современника событий учителя Калужской гимназии Г.К. Зельницкого, вызвало в Калуге и губернии подъем патриотических чувств[12].

Более конкретным по своему содержанию был «Манифест о составлении временного внутреннего ополчения» от 18 июля 1812 г.[13], которым учреждалось три ополченческих округа. Калужская губерния вошла в первый округ наряду с Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Смоленской. 14 июля, императором был подписан доклад «О составе московской силы», подготовленный учрежденным Александром I комитетом в

лице главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина, графа А.А. Аракчеева, министра полиции А.Д. Балашов и государственного секретаря А.С. Шишкова[14]. Данный документ стал основой для формирования не только Московского ополчения, но и всех ополчений первого округа. Кроме того, на общероссийском уровне *«для сосредоточения и совокупного соображения всех дел, до вновь образуемого внутреннего ополчения относящихся»* именным указом Сенату от 31 июля был создан при императоре особый Комитет, членами которого стали Аракчеев, Балашов, Шишков[15].

Согласно принятым правилам организации Московского ополчения в губернии учреждалось два Комитета, имевших строго определенный круг обязанностей. Первый комитет создавался как *«для приема и вооружения людей, також и для сведения обо всем, что касается до продовольствия оных»*, т. е., для организационной работы по формированию ополчения. Второй же комитет учреждался исключительно для сбора и записи пожертвований, их хранения и отпуска по назначению. Пожертвования принимались деньгами, оружием и провиантом. Если члены Первого комитета составлялись из гражданского губернатора, губернского предводителя, городского головы и назначенных императором чиновников, то во второй комитет входили вице-губернатор и два депутата, один от дворянства, другой от купечества[16].

По этой схеме создавались комитеты и в других губерниях, например, Владимирской и Калужской, но в Тверской губернии всей работой по созданию ополчения занимался один комитет[17]. Состав комитетов в провинции избирался чрезвычайными дворянскими собраниями, которые созывались для ознакомления с Манифестом и обсуждения подготовительных мероприятий по формированию ополчений. Вполне закономерно, что решения губернских дворянских собраний служили руководством для уездных администраций. В уездах же избирались особые лица, ведшие учет поступающих от населения пожертвований — денежных сумм и вещей. Обратим внимание, что с момента вступления ополчений в ряды действующей армии, когда снабжение их переходило к военному ведомству, комитеты передавали остатки денежных средств Министерству финансов. До этого момента ополчения в провинции, как правило, полностью содержались на средства местных организаций и населения[18].

Говоря о нормативной базе сбора пожертвований в 1812 году, необходимо упомянуть и о документах, в которых раскрывается отношение русской Православной церкви к организации благотворительной помощи армии. Представляется весьма характерным, что уже после получения в Петербурге манифеста от 6 июля, Святейший Синод постановил обнародовать его во всех церквах в первый воскресный и праздничный дни перед началом литургии и распорядился совершать ежедневное, с коленопреклонением, повсеместное молебствие *«о победе на супостаты»*. Кроме того, Святейший Синод издал свое воззвание, которое прочитывалось в церквах вслед за объявлением манифеста и призывало прихожан к защите веры и Отечества[19].

17 июля 1812 г. Святейший Синод представил императору Александру I доклад, содержавший следующие предложения: 1) из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквах, отдать полтора миллиона рублей *«в пособие к составлению новых сил»* (одну половину суммы на Петербургское ополчение, другую — на Московское); 2) пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами; 3) объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошельковой суммы пособие на одежду и продовольствие. Этот доклад был 25 июля 1812 г. утвержден Александром I[20].

Передаваемая в качестве пожертвования сумма в 1,5 млн. руб. должна была складываться из сумм от продажи свечей, хранящихся в кассах Петербургского и Московского Опекунских Советов, а обязанность проконтролировать их целевое назначение возлагалась на обер-прокурора Синода. В свою очередь, епархиальным архиереям и настоятелям монастырей предписывалось, чтобы собранные пожертвования лишь после четкого согласования по данному вопросу с начальством губерний отсылались в места назначения *«для употребления в пособие при составлении новых сил»*. При этом донесения о переданных пожертвованиях должны были своевременно поступать в Синод.

Практически на всей территории России православное духовенство откликнулось на

призыв императора и Синода[21]. Несмотря на то, что манифест Александра I от 18 июля ограничил район формирования ополчения 16 губерниями, распределенными по трем округам, сбор пожертвований продолжался повсеместно. В тех губерниях, где ополчение не формировалось, собранные средства поступали в губернские Казенные Палаты и составляли так называемый «запасный капитал», который хранился в ожидании новых распоряжений.

Как видно, правовая база организации благотворительной помощи действующей армии и ополчению в период Отечественной войны 1812 года, в отличие от предвоенного периода, характеризующегося строгой регламентацией пожертвований, во многом носила декларативный характер. Правительство, заявляя о необходимости сбора пожертвований, всецело возлагало его организацию на местную власть, полагаясь на ее инициативу. Следует отметить, что в период войны 1812 г. пожертвования не всегда носили добровольный характер. В условиях военного времени сбор пожертвований нередко осуществлялся под давлением сословных корпораций, гражданской администрации или военного командования. В этой связи важно решить вопрос, связанный с классификацией предоставленной помощи, и определить ее благотворительный характер.

В Калужской губернии к пожертвованиям, сделанным населением в 1812 г., могут быть отнесены: 1) передача для артиллерии лошадей накануне войны; 2) формирование ополчения; сбор провианта, денежных средств и материальных предметов дворянами, духовенством, купцами, мещанами; 3) изготовление корпии, передача соломы и рубах для госпиталя; 4) поставка подвод; 5) заготовление полушубков, сапог, лаптей; 6) организация кордонов. Все эти пожертвования не равнозначны с точки зрения проявления патриотических чувств, и для их полноценного анализа необходимо, на наш взгляд, разделить их на две группы. Первая, наиболее полно характеризующая стремление оказать безвозмездную помощь армии, и может быть названа благотворительной помощью, главным критерием которой должна выступать добровольность пожертвования. Благотворительность, в свою очередь, может быть разделена на сословную (принцип добровольности декларирует сословие, при этом отдельные его представители могут его не разделять, но вынуждены следовать за большинством) и личную (когда отдельный человек по собственной инициативе участвует в оказании финансовой или материальной помощи воюющему государству). Второй группой являются повинности военного времени, которые в принудительном порядке раскладывались на мирных жителей. При этом понятие добровольности отходит на второй план и на первый план выступает необходимость выполнения требования правительства или военного командования. Ярким проявлением такого вида пожертвования, на наш взгляд, выступает ополчение, которое собиралось в принудительном порядке на основании высочайших манифестов. И хотя в них дворянское сословие призывалось к пожертвованию своего имущества (крепостных крестьян) на алтарь Отечества, о добровольном характере этой жертвы ничего не говорилось, а подчёркивалось, что это вынужденная мера, необходимость неукоснительного исполнения которой продиктована требованиями военного времени.

Известный исследователь исторических традиций благотворительности в России А.Р.Соколов отмечает в своей монографии, что материальная база ополчения слагалась из двух источников: добровольных пожертвований населения и обязательных денежных и натуральных взносов дворян, сельских общин государственных крестьян, а также городских общин купцов, мещан и ремесленников. Размер таких взносов определялся решением дворянских собраний и постановлением сельских и городских общин[22]. Основная жертва дворянского сословия — крепостные крестьяне, поставляемые в ополчение. Единой нормы не было: сколько выделять людей и как снабжать выделенных — решалось на дворянских собраниях в губерниях. И не подчиниться этому решению дворянин практически не мог.

Необходимо принять во внимание, что пожертвования купечества и мещанства не были вполне добровольным делом каждого. Решения о них принимали городские мещанские и купеческие сообщества, т.е., их руководящие органы. Этот платеж превращался, по сути, в обязательный, и добровольно конкретный купец или мещанин мог его только превысить.

К благотворительным действиям мы относим пожертвование, совершенное калужским дворянством в виде передачи материальных ценностей и денег (именное жалованье, оружие, боеприпасы). К актам корпоративной благотворительности можно отнести пожертвования, совершенные представителями калужского купечества и городов, калужского духовенства.

Но и в этом случае трудно определить, жертвовал ли человек, исходя из личных побуждений, или боялся, что если он не последует примеру других, то будет порицаем представителями своего сословия, не оправдает надежды государственных властей. Основную же массу пожертвований более правильно определять как повинности, вызванные военными обстоятельствами: поставка дворянами своих крепостных крестьян в ополчение, безвозмездные заготовки муки, овса, крупы, сена, подводная повинность крестьян, заготовление для армии обмундирования. Разделение пожертвований на благотворительную помощь и выполнение повинностей методологически необходимо, поскольку позволяет отделить добровольные пожертвования от вынужденных и более чётко определить патриотическую составляющую во всей массе пожертвований, осуществлявшихся в период Отечественной войны 1812 г.

Примечания

[1] Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 09-01-59112 а/Ц).

[2] *См. подробнее*: Штепа А.В. Отображение сведений о числе пожертвований калужан на нужды Отечества в 1812 году в отечественной литературе: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: М.-лы Всероссийской науч. конф. Малоярославец, 2008. Вып. XV. С. 57—68.

[3] Ассонов В.И. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912. С.7.

[4] Даты даются по старому стилю.

[5] Ассонов В.И. Указ. соч. С.7.

[6] Там же. С.7—8.

[7] ПСЗ-1. Т.32. № 25020.

[8] Там же. № 25020.

[9] Зельницкий Г.К. Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. С. 104; В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. С.8.; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859. С. 48; По уточненным архивным данным, число поставленных дворянством лошадей равнялось 711 (73 артиллерийские строевые, 638 артиллерийских подъёмных) на общую сумму 158 790 руб. 13 коп. (ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1053. Л. 107.).

[10] ПСЗ-1. Т.32. №25176.

[11] *Цит. по*: Зельницкий Г.К. Указ. соч. С. 37—40.

[12] Там же. С. 43.

[13] ПСЗ-1. Т.32. № 25188.

[14] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов. М., 1962. С.47.

[15] ПСЗ-1. Т.32. № 25193.

[16] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. … С. 47.

[17] Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII—конец XIX вв.). СПб., 2006. С. 257.

[18] Там же. С. 258.

[19] Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 68, 69, 100.

[20] ПСЗ-1. Т.32. № 25191.

[21] Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 104.

[22] Соколов А.Р. Указ соч. С. 258.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII—НАЧ. XX ВВ. КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

***А.Г. Лебедев**, к.и.н., доц.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Имевшиеся достижения Калужской губернии в деле призрения (так тогда называлась социальная работа) отмечались руководством Российской империи и посещавшими ее иностранцами. В 1817 году при высочайшем обзоре губерний Александр I лично посетил

подведомственные Приказам общественного призрения заведения и Указом от 13 декабря этого же года Управлению полиции, в ведении которого тогда эти приказы находились, повелел объявить во всех губерниях, что осмотренные им богоугодные заведения в Полтаве, Харькове и Калуге найдены в совершенном порядке[1].

Однако особенно больших успехов достиг образованный в числе семи первых в Российской империи Калужский тюремный комитет, являвшийся благотворительной организацией. Принимавшие участие в проведении тюремной реформы в России представители религиозных филантропических организаций Англии и Германии, в частности, посетившие в 1821 году Калужскую тюрьму Е. Хендерсон и Патерсон, очень высоко оценили ее состояние и условия содержания в ней заключенных. Только Калужская и Московская тюрьмы были признаны, по результатам обследования ими тюрем Европейской части России, образцовыми. Оценка производилась ими по специально разработанной таблице, где отмечалось, что Калужская тюрьма выполняла функции городской и губернской. Она имела каменное здание, хотя в то время было много и деревянных тюрем, где условия содержания заключенных были гораздо хуже. Соответствовали гигиеническим требованиям камеры. Они были просторными и содержались в чистоте. Качество воздуха в них хорошее. Одежда заключенных опрятная и чистая, имелась баня, собственная кухня. Два последних сооружения были далеко не во всех тюрьмах. Имелись собственная больница и даже аптека. Больница была первым подобным заведением в городе. Забота о духовном тоже имела место. Для этого действовала молельня, кроме того, имелась библиотека духовной и светской литературы (также одна из первых в Калуге) и читальный зал. Достижением являлось раздельное содержание заключенных по полу, возрасту и тяжести совершенных преступлений. Оценка состояния арестованных — дисциплинированные и ухоженные. Общая оценка состояния тюрьмы — тюрьма Модельная (т.е., может служить моделью для остальных)[2]. Как следствие такой высокой оценки в XVIII веке положение о должности дежурного офицера, разработанное в Калуге, стало одним из трех первых документов (два других были разработаны в С-Петербурге и Москве), регламентировавших деятельность реформированной пенитенциарной системы Российской империи[3].

Важным элементом поддержания безопасности государства во все времена было отношение со стороны государства и общества к вооруженным силам, в том числе к тем из их представителей, которые после окончания службы или из-за ранений ушли на пенсию, так как недовольство в их среде, с учетом характера их прежней деятельности и оставшихся связей с армией, могли стать причиной серьезных государственных потрясений. С учетом этих обстоятельств руководство Русского, а затем Российского государства на всех этапах их существования уделяли много внимания решению социальных проблем, связанных с обеспечением достойных условий жизни не только находившихся на службе, но и отслуживших воинов. Из истории Калужского края мы видим, что подавляющая часть земельных владений и расположенных на них населенных пунктов раздавались в качестве награды за конкретные подвиги на поле брани. Эта практика берет свое начало еще со времен Киевской Руси и была продолжена Московскими государями, начиная с Дмитрия Донского и его потомков. Наиболее яркие примеры — наделение землями Иваном III героев Великого стояния на Угре воевод Кондырева и Товаркова, основавших на них существующие до сих пор населенные пункты, носящие их имена (Кондрово и Товарково), награждение поместьями воевод Тургеневых, защищавших Калугу и Москву от набегов крымских татар, князя Лыкова-Оболенского, подавившего восстание Степана Разина, героя победоносного сражения с наполеоновскими войсками на калужской земле под Тарутиным, а также всей антинаполеоновской компании графа Орлова-Денисова и др.

Особой спецификой отличалось содержание отставных офицеров и солдат, больных и увечных воинов. До 1764 года они содержались в монастырях, затем, когда правительство Екатерины II взяло курс на резкое сокращение количества монастырей и частичную конфискацию их имущества, монастыри были освобождены от повинности содержания отставников; последние были определены в особые инвалидные команды, имевшиеся в 31 гарнизонном городе России. В число таких городов попал Козельск, куда вероятнее всего были переведены отставники из близлежащего монастыря — Оптиной пустыни. После событий 1812 года инвалидная команда существовала и в Малоярославце. Офицеры и

солдаты этих команд несли нестроевую службу, охраняли склады, школы, сады и т.д. Те из них, кто не мог работать и служить в инвалидных командах, определялись в специальные богадельни при архиерейских домах, которые имелись в каждой епархии. К сожалению, материалов о подобной богадельне в Калужской Епархии найти не удалось, хотя отрывочные сведения о содержании военнослужащих в созданных или опекаемых церковными властями богадельнях имеются. Например, о содержании престарелых солдат-инвалидов в богадельне при Мстихинском Сергиевском ските, где в трехэтажном инвалидном доме они содержались вместе с другими безродными калеками. Заслуживает внимания богадельня (дом инвалидов) для участников Малоярославецкого сражения, построенная около монумента — памятника героям Отечественной войны 1812 года. История этой богадельни такова. Во время торжеств в городе в 1844 году по случаю открытия вышеназванного памятника, на которых присутствовали внук фельдмаршала М.И. Кутузова, Калужский вице-губернатор А.Н. Хитрово, епископ Николай, губернский предводитель дворянства Чаплин, предводители из уездов и главы нескольких городов, ряд генералов, офицеров различных рангов, а также много представителей низших чинов, участников сражения в Малоярославце, вице-губернатор предложил отметить память об этом сражении не только открытием монумента, но и какой-либо благотворительной акцией, например, постройкой дома инвалидов на 12 человек для участников сражения[4]. В ответ на это предложение среди участников торжества было собрано по подписке 2000 рублей. Остальные деньги были также собраны при распределении подписки по всей губернии. Построенная на эти средства богадельня просуществовала до начала XX столетия.

Подводя итог, можно сказать, что строительство благотворителями богаделен, о наиболее крупных из которых речь пойдет впереди, и больниц являлось одним из наиболее значительных проявлений благотворительности и едва ли не самым весомым вкладом в поддержание социальной стабильности на территории Калужского края. Всего по данным на 1896 год в Калужской губернии было 23 благотворительных учреждения[5]. Этого количества было явно недостаточно для призрения нуждавшихся, поэтому местные органы, занимавшиеся призрением, изыскивали возможность оказания помощи возможно большему количеству социально незащищенных людей. Так, губернское земство в 70-е годы XIX века выдавало ежемесячные пособия по 3—6 рублей тем из них, кто самостоятельно устраивался в семьях, выделяя на эти цели по 7 тысяч рублей в год. Позже, в 1911 году, эти функции были переданы уездным земским органам. Такой своеобразный патронаж был существенной мерой в борьбе с нищенством и бродяжничеством, представлявшим серьезную угрозу социальной стабильности в Калужском крае, являясь местной спецификой. Во всяком случае, в изученных архивных документах Европейской части России и в трудах исследователей данной проблемы, как российских, так и зарубежных, упоминания о такой форме борьбы с нищенством больше не встречается.

[1] Малека Ю.Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический опыт управления процессами: XVIII—нач. XX в. Диссерт. д-ра ист. наук. М., 2003 г. С. 225.

[2] Steinberg Rolf. Die Anfaenge der Strafvollzugsreform in Russland in den Jahren 1818—1829 S. 194—197, 199. Frankfurt an Main—New York, Paris: Lang, 1990.

[3] Гернет М.М. История царской тюрьмы. М., 1951. С. 105—107

[4] Калужские губернские ведомости (КГВ). 1844. № 47 от 20 апреля.

[5] Сборник сведений о благотворительности в России с кратким очерком благотворительных учреждений в Санкт- Петербурге и Москве. СПб., 1899.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

***Е.В.Суворова**, зам. дир., Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года*

Калужский губернский статистический комитет был учрежден в 1835 г.[1] на основании

«Положения о создании губернских и областных статистических комитетов»[2]. Основной обязанностью новой организации, которая находилась в ведении Министерства внутренних дел и действовала под председателем калужского гражданского губернатора, стал сбор сведений об экономической и хозяйственной жизни губернии.

Однако, уже на первом этапе своей деятельности комитет, наряду со сбором экономических и демографических данных, начинает собирать исторические материалы о губернии. В апреле 1847 г. «правителем дел комитета» был назначен учитель истории и статистики губернской гимназии, впоследствии известный ученый Е.П. Карнович[3]. Будучи одновременно редактором неофициальной части «Калужских губернских ведомостей», он неоднократно публиковал в газете свои работы по истории Калуги и губернии. Авторами многих краеведческих статей в КГВ в 1840—1850-х гг. были и другие члены комитета — учитель истории калужской мужской гимназии П.С.Щепетов-Самгин, учитель арифметики и геометрии калужского уездного училища П.А.Ляметри и др. Подобная краеведческая направленность губернской газеты во многом зависела и от личностных качеств председателя комитета в 1845—1851 гг. калужского губернатора Н.М.Смирнова. Он полагал, что *«вместо переводных и заимствованных из других журналов статей о том, что делается в Англии, в Калькутте....»* в газету необходимо *«помещать статьи преимущественно исторического, статистического, географического содержания, о знаменитостях всякого рода, преданиях, древностях Калужской губернии»*[4].

Второй этап деятельности комитета начался после выхода в 1860 г. «Положения о губернских статистических комитетах», согласно которому сбор сведений об исторических памятниках вводился в обязанности статистического комитета, а также принятых в Калуге по инициативе помощника председателя комитета в 1859-1863 гг. декабриста П.Н.Свистунова *«мер для усиления действий калужского статистического комитета»*[5]. Теперь действительные члены избирались комитетом из местных обывателей губернии, постоянно проживающих в Калуге и *«могущих своими познаниями принести пользу комитету», «оказывать комитету постоянное содействие»* и *«приносить в пользу статкомитета пожертвования»*.

Финансирование комитета было следующим: 1500 руб. выделялось из остатков губернских земских сборов и 500 руб. — из доходов губернской типографии. В 1863 г. председатель комитета губернатор Э. В. Лерхе поставил вопрос о выделении дополнительной суммы в 250 руб. из средств губернской типографии на наем помещения для комитета, так как *«комната при канцелярии губернатора больше не удовлетворяла потребностям комитета»*[6].

С начала 1860-х гг. начинается систематический выпуск официальных изданий комитета «Памятных книжек Калужской губернии». Как отмечал в 1861 г. секретарь комитета П.С.Шепетов-Самгин *«...в Калужском губернском статистическом комитете с тех пор как в 1859 году деятельности его было дано надлежащее направление .... накопилось много любопытных материалов. Чтобы сделать эти материалы известными публике предложено сообщать их в более или менее обработанном виде посредством памятных книжек Калужской губернии. Так как до сих пор не появлялось еще в печати обстоятельного историко-статистического описания губернии, то сочтено не лишним поместить в издаваемой ныне «Памятной книжке» преимущественно исторические сведения о крае...»*. Первая книжка, изданная еще в 1852 г. по словам Щепетова-Самгина, *«кроме адрес календаря почти ничего не содержит», а столь большой перерыв между их выпусками «частию зависел от обстоятельств неизбежных в подобном деле в провинции; недостаток типографских сумм, сношение по некоторым случаям с столичной цензурой»*[7]. Тираж этих изданий был небольшим — всего 300—600 экземпляров. Они по сей день обладают особой ценностью для исследователей. В «Памятных книжках» на протяжении всех лет их выпуска, наряду с материалами, отражающими географо-экономическое состояние губернии, печатались сведения по истории памятников губернии, о крупных событиях в истории края, историко-этнографические материалы.

Постепенно, в том числе и за счет собственных изданий, формировалась библиотека статистического комитета. Образована она была в 1859 г. В ней концентрировались книги политико-экономического содержания, книги по статистике торговли, мануфактурной промышленности, памятные книжки других губерний, карты. Здесь хранились и древние рукописи по истории Калужского края: «Калужская летопись от отдаленных времен до нашего времени» Степана Руссова и «Описание монет российских княжеств, имевших уделы на

пространстве нынешней Калужской губернии» В.Я.Ханыкова. Библиотека комитета пополнялась за счет продажи «Памятных книжек», присылались книги и «из разных правительственных мест», «от разных лиц и учреждений». В 1863 г. общим собранием калужского губстаткомитета было решено включить в свою библиотеку в количестве 2899 экземпляров собрание калужской публичной библиотеки, которая с 1854 г. была переведена в дом Дворянского собрания и *«оставлена там без употребления»*[8]. Однако сложно сказать был ли осуществлен этот проект, так как известно, что фонд библиотеки к 1881 г. составил 492 книги, в 1890 насчитывал 1413 книг.

Калужский губернский статистический комитет постоянно контактировал как с другими статистическими учреждениями, так и с различными научными обществами страны. Так, в Императорскую академию художеств отсылались сведения о памятниках *«отечественного древнего искусства»*, центральному статистическому комитету — о курганах и городищах губернии, Санкт-Петербургскому Обществу естествоиспытателей — сведения о *«лицах, занимавшихся в Калужской губернии собиранием и составлением коллекций местных животных, растений и ископаемых предметов»*, Московскому Императорскому археологическому обществу *«сведения о численности и распределении в Калужской губернии доисторических древностей»*[9], Калужскому обществу сельского хозяйства — графическая карта и сведения о кустарных промыслах губернии. Для определения ценности археологических находок комитет систематически обращался *«к содействию императорской археологической комиссии»*[10].

В процессе работы по сбору информации об исторических событиях, происходивших на территории Калужского края, о памятниках истории и культуры комитет постепенно становился центром изучения края, его работа по сбору статистических сведений перерастала в краеведческие исследования и более того, он постепенно становился той инстанцией, где оседали *«куриозные»* и древние вещи.

1870 г. стал годом повышенного интереса к знаменитому калужскому дому Коробовых. В нем были найдены две старинные шапки, по поводу передачи которых в Московский публичный и Румянцевский музей обратился к губернатору директор музея В. Дашков. Здесь же был найден некий документ, копия которого была выслана секретарем комитета Н.А.Гильтебрандтом в Петербург, по просьбе профессора истории С-Петербургского университета Бестужева-Рюмина. Видимо, в связи с этими событиями калужское *«городское общество задалось мыслью, во чтобы то ни стало приобрести этот дом для себя, с целью учредить свой собственный, публичный музей древностей... по просвещенной инициативе гг. О. Извекова (члена статистического комитета — Е.С.) и Блистанова»*. Калужские губернские ведомости сообщали, что *«градской голова В.С. Свечников выразил уже эту мысль...его превосходительству г. Губернатору»*[11].

В том же 1870 г. на средства комитета из Калужской казенной палаты вкладов бывшего приказа общественного призрения было перечислено 504,7 $^{1}/_{2}$ руб. *«на устройство музеума в Калуге»*. Эта сумма считалась неприкосновенной и предназначалась специально для *«оплаты за находки и разные предметы, полезные для статистического музея»*. Известно, что в 1871 г. *«на приобретение старинных серебряных монет и разных предметов для музея Комитета»* было потрачено 3 руб., в 1873 — 1 руб. 60 коп., в 1874 — 12 р., а 1875 — 3 руб. 80 коп.

В 1871 г. председатель комитета, калужский губернатор И.Е.Шевич обратился к жителям губернии с просьбой *«всех, кому представился случай либо самим открыть какие бы то ни было остатки древности, как-то: каменные орудия, костяные, глиняные или металлические изделия, надписи, монеты, кости допотопных животных, черепа человеческие... либо узнать о находке таких вещей другими, тотчас же извещать губернский статистический комитет или ближайшее полицейское начальство». В обращении к приходским священникам и сельским учителям губернатор просил записывать и сообщать сведения о расположении древних курганов и городищ, записывать легенды и предания, ходящие в народе, бывшие названия сел и деревень, собирать старые рукописи, делать описания старинных монет»*[12].

В своем итоговом отчете секретарь комитета в 1870—1876 гг. Н.А. Гильтебрандт замечает, что все годы его работы в комитете члены комитета собирали сведения об исторических местностях и памятниках калужской старины, сохраняли различные находки, разбирали старинные свитки и рукописи, чем было *«положено солидное начало для образования будущего музея Калужской губернии»*.

10 мая 1876 г. на общем собрании калужского губернского статистического комитета был поднят вопрос о размещении *«учреждаемых в Калуге публичной библиотеки и музея в одном из казенных зданий, или в бывшем помещении духовной консистории»*. И.Е.Шевич на заседании напомнил, что *«для образования будущего губернского музея комитетом уже положено начало получением из Калужской казенной палаты суммы вкладов в бывший приказ общественного призрения и приобретением из этой суммы, составляющей в настоящее время до 600 руб., нескольких старинных серебряных монет и некоторых предметов окаменелостей, не говоря уже о постоянной предприимчивости комитета к сохранению и представлению в комитет для музея всех интересных находок старины». В итоге общее собрание комитета постановило «пожертвовать для музея...имеющиеся в Губстаткомитете...музейные фонды»*[13].

Однако ни в этом, ни в последующие годы губернский музей образован не был. На 1 января 1880 г. по книге музейных сумм числилось 108 р. 44 $^{1}/_{2}$ коп. Та же сумма оставалась и в 1890 г., что определенно говорит о том, что закупки для музея статкомитета больше не производились.

21 марта 1889 г. на очередном заседании губернского статистического комитета П.Ф. Симсон возбудил вопрос *«об основании в Калуге музея, для хранения памятников древности, равно и предметов свидетельствующих о современном состоянии губернии»*. Председатель комитета губернатор А.Г. Булыгин заметил, что вопрос этот будет решен в связи с вопросом об открытии археологической ученой комиссии[14], и *«что в настоящее время изыскиваются средства на приобретение и реставрацию известного коробовского дома, где...предполагается поместить комиссию; когда же будут собраны достаточные средства, то назреет вопрос и об открытии археологической комиссии, а при ней и музея»*. Губернатор замечал, что *«для будущего музея уже обещаны князем Горчаковым коллекция замечательных картин, а г. Булычевым интересные старинные вещи, найденные в Мосальском уезде»*[15].

После образования в 1891 г. Калужской губернской ученой архивной комиссии по инициативе губернатора А.Г.Булыгина ей были переданы фонды музея статистического комитета. Библиотека комитета также была расформирована, часть ее поступила в библиотеку КУАК, часть — в городскую общественную библиотеку[16]. Музей при комиссии был открыт только в 1897 г. Его фонды впоследствии стали основой собрания Калужского областного краеведческого музея. Однако, не стоит забывать, что у истоков музейного дела в Калужской губернии стоял и губернский статистический комитет, занимавшийся краеведческой и собирательской деятельностью задолго до образования КУАК.

[1] О мерах для усиления действий калужского губернского статистического комитета//Калужские губернские ведомости (КГВ). № 16. 1859 г.

[2] Журнал министерства внутренних дел. Спб., 1835. Вып.3.

[3] О поручении должности. Возложение обязанности правителя дел Кал. Губ. Стат. Комитета на учителя губ. Гимназии Карновича // КГВ. № 15.1847 г.

[4] Калужские губернаторы. Калуга, 2001. С. 91

[5] Калужская энциклопедия. Калуга, 2005.С. 191.

[6] КГВ. № 49. 1863.

[7] Памятная книжка калужской губернии на 1861 год. Калуга,1861.

[8] Ляметри П. Библиотека статистического комитета// КГВ. № 49.1863 г.

[9] КГВ. №26.1889 г.

[10] КГВ. № 45. 1876 г.

[11] КГВ.№26.1870 г.

[12] Калужские губернаторы. Калуга, 2001. С.133—136.

[13] КГВ. № 43. 1876 г.

[14] Речь, видимо, идет об образовании Калужской ученой архивной комиссии, одним из направлений работы которой была археология.

[15] КГВ. № 24 1889 г.

[16] КГВ. № 65.1892 г.

К ВОПРОСУ О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ В БОРОВСКОМ И МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ УЕЗДАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

***А.А. Кащеева**, н.с., Музей истории города Обнинска*

Вопросы народного образования в России всегда вызывали неоднозначные решения правительства. В то время, когда Россия славилась своими просвещёнными монархами и образованным дворянством, основное население империи оставалось неграмотным.

В 1802 году в России было учреждено Министерство народного просвещения. В 1804 году была введена государственная система преемственно связанных между собой школ: приходские училища, уездные училища, губернские гимназии и университеты. Однако главное ведомство, призванное заботиться об образовании основной массы населения, фактически народной школой не занималось до конца 60-х годов XIX века. В конце 60-х и начале 70-х годов в правительственные органы начали поступать ходатайства от уездных земств о введении всеобщего и даже обязательного образования. В это время активизировалось движение народников и правительство было вынуждено пойти на ряд уступок. Была проведена реформа народного образования: в 1874 году было утверждено новое «Положение о начальных народных училищах». Этим школьным законом всё руководство просвещением народа отдавалось в руки губернских и уездных предводителей дворянства; что касается земства, то ему отводилась роль попечителя хозяйственных нужд[1].

Население Калужского края во второй половине XIX века было большей частью неграмотным, об этом можно судить на основании отчётов о состоянии начальных народных училищ, находящихся в ведомстве Уездных Училищных Советов[2]. Школы входили в ведомство Министерства Народного просвещения, работали по утверждённой программе, но были немногочисленны. Наряду с начальными училищами работали церковно-приходские училища, которые финансировались духовным ведомством, но открывались они лишь при многочисленных и богатых приходах (преимущественно в уездных городах).

Мы коснёмся подробнее ситуации, сложившейся в Малоярославецком и Боровском уездах, но следует сказать, что в других уездах Калужской губернии положение дел было аналогичным, исключая лишь губернский город Калугу, где работало больше народных училищ, были гимназии и Духовная семинария.

В Малоярославецком уезде к 1880 году работало 14 сельских училищ и 2 городских, в самом Малоярославце, при этом учеников на весь уезд было 309 мальчиков и 205 девочек. Этот отчётный период характеризует и ситуацию прошлых лет, т.к. является в своём роде экспериментальным. Из отчёта следует, что в 1880 году был принят ряд мер по улучшению условий для учителей и учеников: выделялись дополнительные средства на помещения училищ, школьную мебель, пособия; таким образом, в отчётном году были открыты новые школы. Ранее положение было хуже. Министерство Народного просвещения ассигновало средства на награды Законоучителям и стипендии учителям, а также на содержание сельских библиотек, были закуплены новые книги. Кроме этого, финансовую поддержку начальных народных училищ ежегодно осуществляло уездное Земство: вносило плату за обучение крестьянских детей в уездных училищах, платило жалование учителям, сторожам, оплачивало покупку и ремонт школьных помещений. В двух сельских училищах Малоярославецкого уезда — в Трубине и Детчине — плата за обучение взималась и с учеников, но не со всех, а лишь с тех детей, чьи родители не входили в сельское общество (дети раскольников и хуторских крестьян). Деньги шли на покупку бумаги, перьев и чернил.

Помещения для школ выделялись неприспособленные, в основном это были старые избы, которые Земство выкупало или брало в наём. Последующее использование этих изб, их содержание зависело от учителей и вольных помощников. Например, в Угодском заводе школа была сырой и грязной. Добринская школа выгодно отличалась от других, у неё был попечитель из крестьянского сословия Михаил Бычков. О нём известно, что он сам получил домашнее образование и очень ратовал за обучение грамоте своих односельчан.

Учительский состав народных училищ был, в целом, профессиональным: работали выпускники Калужской Духовной семинарии или Калужских гимназий, имеющие звание

народных учителей и учительниц. Этому вопросу уделялось особое внимание: регулярно в Училищный совет подавались формулярные списки, рассматривались дела о назначении или увольнении учащих лиц. Учебный процесс строго контролировался: *«успешности преподавания много способствует то, что все училища в уездах в отношении наблюдения за ними разделены между членами Училищного совета на участки, что даёт возможность каждому члену совета знать во всей подробности все стороны каждой из школ»*[2].

Большое внимание уделялось религиозному воспитанию детей, отмечалось, что *«оканчивающие курс начального обучения дети приобретают достаточные познания по Закону Божию, усваивая религиозные истины не только умственно, но и сердечно, с полною детскою любовью, что имеет весьма важное воспитательное значение»*. Что касается других предметов, то народные училища давали элементарные знания по арифметике, учили читать и писать.

В Боровском уезде помимо начальных сельских училищ были и так называемые школы грамотности, которые содержались на средства самих учителей. Ни Земство, ни Министерство Народного просвещения финансовой поддержки не осуществляло. Некоторые учителя брали за обучение деньги со своих учеников. Так, в городе Боровске дочь умершего соборного причетника Воскресенского в своей жилой комнате организовала школу грамоты, набрала 10 учеников и за плату в 30 коп. в месяц вела занятия, работала она около двадцати лет[3].

Несмотря на то, что частные школы не подчинялись Уездному училищному совету, наблюдение за их работой велось регулярно, и результаты наблюдений попадали в отчёты по ревизиям, а само их открытие зависело от разрешения местного священника. Обязательной программы в таких школах не было, но учителя ориентировались на курс народных школ: Закон Божий, письмо, чтение, арифметика. Обучение велось не на надлежащем уровне, без глубины даваемых знаний, но читать и писать дети выучивались. В сельских школах грамоты обучение вели *«безмездно»* лишь церковные служители, а крестьяне, вдовы, отставные солдаты вели работу за небольшую плату. Подобные школы были открыты в Лукьянове, Зеленине, Русинове, Ворсине, Любицах и др.

В с. Зеленине с 1882 года работала школа грамоты, организованная местным священником Фёдором Синицыным. Занимался с детьми священник бесплатно, хороших бытовых условий у него не было, но он смог собрать две группы учеников (всего: 16 мальчиков и 2 девочки). Наблюдатели отмечали, что дети *«знают толково молитвы, читают хорошо, пишут не совсем безграмотно»*[2].

В с. Русинове, например, школа была организована в наёмном доме крестьянином Ильёй Соловьёвым. Он закончил 3 класса Московского городского училища. Во время обучения вёл уроки в воскресной школе при Московской семинарии, но по неизвестным причинам звания учителя не получил. За обучение крестьянских детей грамоте он получал жалование от Совета сельской общины, а также брал по 30 копеек с ученика в месяц. Из этих денег он платил за наём помещения и за дрова. Проведённый в школе смотр показал, что обучение ведётся справно, *«пройденное мальчики рассказывают довольно связно, ... хорошо могут читать, пишут чётко и красиво»*[3].

В Ворсине школа была открыта в 1887 году на общественный счёт и при поддержке церкви. Учительствовал там псаломщик Павел Пятницкий, некогда уволенный из Духовной семинарии. Права преподавания в школе у него не было и это не могло не сказаться на качестве работы: не все его ученики могли читать, а писали «несколько привольно». Наблюдатели школ хлопотали о назначении на место Пятницкого другого учителя. Та же ситуация сложилась и в Любицкой, Боевской школах грамоты, где работали отставные солдаты. О хорошем уровне грамотности там говорить не приходится.

Выделялась в этом ряду школа Запажская. Несмотря на то, что школа размещалась в тесной церковной сторожке и учительствовал там дьякон, уволенный с 1-го курса Духовной семинарии, в школе успешно занималось 40 человек. Дети хорошо читали по церковно-славянски и по-русски, *«порядочно решали задачи»*[3]. Обучение было платное.

Наиболее активно школы грамоты открывались в промежуток от 1870 до 1884—1885 годов, до введения в действие «Положения о церковно-приходских школах»[4]. С 1884 года при церковных приходах стали открываться новые школы, работа которых строго контролировалась Епархиальным Училищным советом и Святейшим Синодом. На обустройство церковно-приходских школ выделялись средства от Епархии, земские средства на их содержание

не расходовались. Но было в чести попечительское участие местных помещиков, зажиточных крестьян и мещан в создании и успешной работе церковно-приходских школ. Известно письмо Анатолия Наркизовича Обнинского с просьбой о разрешении открытия на его средства церковно-приходской школы в селе Белкино. Инициативу проявляли люди во многих сёлах. Так, крестьянин прихода села Федотова Боровского уезда Александр Прокофьевич Смирнов подал прошение в Калужский Епархиальный училищный совет разрешить *«устроить в своей деревне церковно-приходскую школу, для чего приготовлено помещение, заготовляются парты, мебель, письменные принадлежности, ...уделяю из своих средств учителю 150 руб. и своему приходскому священнику 50 руб. в год...»*[5].

Открытие новых школ повлияло на то, что частные школы грамоты постепенно прекратили своё существование. Это было связано с тем, что лучшие из них переводились в разряд церковно-приходских, а если не переводились — зачастую просто закрывались, т.к. крестьяне предпочитали отдавать детей в учение к священникам, пусть даже и в соседнее село. Немаловажным было и то, что обучение в церковно-приходских школах велось бесплатно.

К 1913 году ни в Малоярославецком, ни в Боровском уездах школ грамотности не осталось[6]. Работали в большинстве своём церковно-приходские школы.

Что касается начальных народных училищ, то они с 1897 года стали именоваться земскими, т.к. полностью перешли в ведение уездных земств. В этом году было принято положение о министерских, «образцовых», школах и Министерство Народного просвещения переключило на них своё внимание. Земство получило возможность заведовать учебной частью народных училищ и открывать новые школы. Одной из первых земских школ была Потресовская школа, но подробных сведений о её работе не найдено.

Успешной работой отличались земские школы в деревнях Кривское и Кабицыно Кривской волости Боровского уезда. Работали там дочери священника Белкинской Борисоглебской церкви Георгия Троицкого — Зинаида и Софья, выпускницы Калужского Епархиального Училища. После революции и установления советской власти эти школы продолжили работу, были названы трудовыми. В Кабицыне вместе с Софьей Георгиевной работала выпускница Калужской женской гимназии Смыкова Екатерина Ивановна. В Кривской школе успешно занималось 45 детей, из них 27 мальчиков, а в Кабицынской школе — 35 детей, из них мальчиков 19[7]. Ручной труд применялся в виде женского рукоделия и основ полевых работ. В 1919 году эти школы были включены в состав I Опытной станции Наркомпроса. (Это уже страницы другой истории.)

С 1885 года в Малоярославецком, в Боровском уездах стали открываться церковно-приходские школы. От школ грамоты и от земских школ они имели принципиальное отличие — основу обучения составляло преподавание Закона Божия. Главный школьный предмет вёл приходской священник, за его работой велось наблюдение, его могли поощрить или наказать. Большим позором было не оправдать доверие Епархии нечестным исполнением своих обязанностей. Но такие случаи всё же бывали. В 1888 году на суд Епархиального Совета было вынесено дело о Поливановской школе, которая числилась церковно-приходской, а по сути являла не лучший образец школы грамоты: располагалась в кухне псаломщика, учительствовал сам псаломщик без звания учителя, за год дети ни читать, ни писать не выучились, законоучитель в школе не появлялся.

Традиционно на хорошем счету были церковно-приходские школы Кривской волости Боровского уезда — Белкинская и Уваровская. Уваровский священник Сергей Иванович Зюков неоднократно награждался за усердную службу[8]. Он воспитал дочь Анну, которая по окончании боровской второклассной школы получила свидетельство на право преподавания в церковно-приходской школе и приехала работать в родное село.

Что касается обучения, проводившегося в школах, то в целом оно отвечало возлагаемым на него требованиям. Программа во всех школах выполнялась, в отчётах указывалось, что ученики «довольно сознательно рассказывают священноисторические события, молитвы выучивают твёрдо, с переводом славянской речи на русскую, читают бойко и правильно, сообщают сведения из русской истории, географии, естествознания», но церковное пение в большинстве школ было поставлено слабо[9]. На весь Боровский уезд славилась школа села Белкино,с первого года работы. Певческий хор мальчиков был образован учителем Предтеченским, за что он был удостоен серебряной медали от Епархиального училищного

21 Зак. 2219

совета;[10] впоследствие школьным хором занимались учителя Иван Сергеевич Лихачёв (годы работы: 1902—1903) и Карп Карпович Розанов (годы работы: 1903—1918). Кроме работы в школе Розанов был назначен регентом церковного хора храма свв. Бориса и Глеба, обладал природным слухом, хорошим голосом и смог из числа своих учеников создать сильный церковный хор. Ученики своим пением сопровождали праздничные службы. Послушать детское церковное пение приходили со всей округи[11].

Финансовая поддержка церковно-приходских школ касалась закупки письменных принадлежностей, оплаты жалования учащим лицам, но вовсе не касалась ремонта помещений, мебели и вопросов отопления. С течением времени помещения ветшали, мебель ломалась, а в зимние месяцы работа школы могла приостановиться из-за холодов. К 1913 году практически все школы Боровского и Малоярославецкого уездов требовали крупного ремонта[6]. Три школы Боровского уезда — Тобольская, Белкинская, Косяговская — требовали неотложного ремонта[12].

Земское уездное собрание материальной поддержки в содержании помещений церковно-приходских не оказывало, но выделяло определённую сумму денег на народные чтения. На эти деньги можно было покупать волшебные фонари с туманными картинами. Особенно активно в этом отношении работало боровское Земство, и боровские школы почти все вели народные чтения[12].

Такое положение дел сохранялось до 1918 года, когда народное образование перешло в ведение вновь учреждённого Народного комиссариата просвещения.

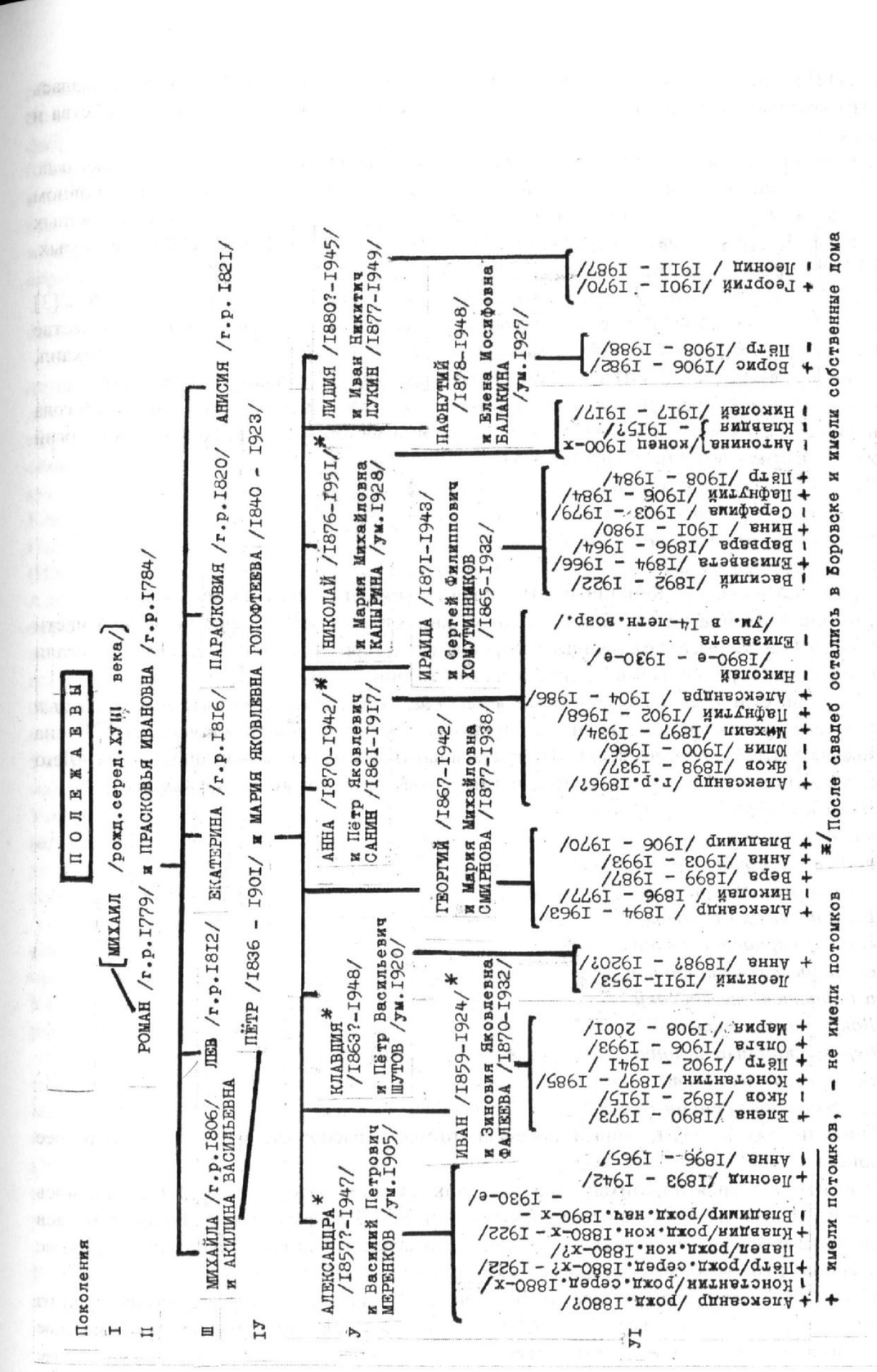
[1] Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861 — 1917). М.:Просвещение, 1982. С.10, 14, 17.
[2] ГАКО. Ф.235. Оп.1. Ед. 20.
[3] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед.30.
[4] Правила о церковно-приходских школах //Калужские Епархиальные ведомости. 1884. №15. С. 209.
[5] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед.49.
[6] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед. 676.
[7] ГАКО. ФР-38. Оп.1. Д. 612.
[8] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед. 311.
[9] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед. 676.
[10] Калужские Епархиальные ведомости. 1896. №9. С. 273.
[11] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед.757.
[12] ГАКО. Ф.391. Оп.1. Ед. 678.

РОДОСЛОВНАЯ ПОЛЕЖАЕВЫХ — ТЕКСТИЛЬНЫХ ФАБРИКАНТОВ ГОРОДА БОРОВСКА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Е.А. Полежаева**, к.б.н.,*
организатор Музея истории предпринимательства в Боровске,
***В.А. Андреева**, к.соц.н.,*
КФ ФГОУ ВПО «Северо-Западная академия государственной службы»

Фамилия Полежаевы встречается среди боровчан в XVII—XIX веках. Они относились к старейшим и наиболее многочисленным посадским родам Боровска. В XVII—XVIII веках Полежаевы занимались огородничеством, торговлей, кожевенным, хлебопекарным, солодовенным делом, гнали дёготь [1].

Ткацкие предприятия возникают в Боровске в 30-е гг. XIX века. Особая роль в развитии этой отрасли производства принадлежала купцам и промышленникам Петру Михайловичу Полежаеву с сыновьями Иваном, Георгием, Николаем и Пафнутием. В 1887 г. они создали ткацкую фабрику, производившую вигоневые, шерстяные и из козьего пуха платки, шарфы и



Ил.1. Родословная Полежаевых с середины XVIII века до 2001 г.

одеяла [2].В последующие 100 лет (до начала перестройки в 1990-х гг.) фабрика оставалась самым крупным предприятием города и, следовательно, основой его благоустройства и процветания.

Хронологические рамки работы определяются периодом с середины XVIII века и до 2001 г. и охватывают 6 поколений (ил.1). При составлении родословной в основном использованы устные воспоминания потомков Полежаевых, а также сведения из личных архивов В.Б.Чернышова, Н.К.Валуевой, И.П.Хомутинникова, Е.А. и С.Р.Полежаевых, З.Л.Белой, проживающих в Москве.

1 и 2 поколения. По переписи старообрядческого населения Боровска в 1826 г. [3] жителями его числились Роман Михайлович Полежаев с женой. Основываясь на отчестве и дате рождения Романа (1779 г.), можно предположить, что отцом его был Михаил, родившийся в середине XVIII века. Роман значился купцом 3 гильдии и мещанином.

3 поколение. В переписи указывается также, что Роман имел 5 детей. Позже 1826 года старший сын Михаил жил в Москве с женой и занимался торговлей, о чём его внук Георгий сообщает в стихотворении «В прошлом» [4]:

Мой дед был купец московский,
на Ордынке с семьёй он жил,
похоронен на кладбище Рогожском,
старообрядец он был.

Правнук Михаила — Константин (Иванович) — пишет о нём как о музыканте.

Могила Михаила не сохранилась. Возможно, он был захоронен в передней части Рогожского кладбища, а все каменные надгробия с этой территории в 1950-х гг. использовали для облицовки строившихся в Москве кольцевых станций метро.

Младший сын *«Лев Романович жил в усадьбе, село Каменка Брянской ж.д., там и похоронен».* Такая запись сделана в блокноте Георгия. Здесь же упоминается Елена Поликарповна (возможно, его жена или родственница). В одном из стихотворений Георгия («Лето в деревне», Каменка, 1937) дано описание изменившегося сельского быта в Каменке [4]:

Любуйся, милая, с крылечка:
вдали поля, леса
под горой болото, речка.
Что за чудная краса!
Вместо трели соловья,
ворона каркает на ветке,
во дворе визжит свинья,
и бранятся две соседки.
Вокруг пышно цветёт
бурьян, крапива и лопух.
Ветерок тихо несёт
деревенский крепкий дух.

По-видимому, в 1937 г. Георгий посещал это место, расположенное в 50 км восточнее Боровска.

4 поколение. Вероятно, Михаил рано умер, так как его малолетний сын Пётр, оставшись сиротой, был взят на воспитание дядей, купцом Яковом Беляевым, в город Боровск. Беляев имел мануфактурную лавку на Торговой площади и каменный дом на Успенской улице (ныне ул. Ленина, д.18), которые и завещал своему приёмному сыну [5].

Пётр Михайлович (ил.2) женился на боровчанке Марии Голофтеевой, происходившей из зажиточного рода. До сих пор в начале ул.Энгельса (прежде ул.Кузнечной) стоят так называемые «голофтеевские дома». Там же было их кожевенное производство. Так как Голофтеевы были богаче Полежаевых, родители Марии возражали против её замужества. Тогда молодые люди тайно обвенчались. Семейная жизнь их была счастливой.

Вспомнишь добрый взгляд отца,
вспомнишь милую мать.
Нас любили без конца.
Была такая благодать[4].

С 1870-х гг. Пётр Михайлович, купец 2-ой гильдии, начинает играть видную роль в

общественной жизни Боровска, что, несомненно, было связано с его деятельностью по созданию фабрики. В 1873—1874 гг. он товарищ директора Общественного братьев Провоторовых банка, в 1881,1885 гг.— гласный городской думы и с некоторыми перерывами продолжает оставаться в ней до кончины в 1901 г., в 1890 и 1892 — член сиротского суда [6].

Эта чета Полежаевых похоронена на Записном старообрядческом кладбище в Боровске [7].

5 поколение. У Петра Михайловича было 9 детей. Все они получили хорошее воспитание, достаточное для того времени образование и породнились с материально обеспеченными семьями старообрядческого вероисповедания и купеческого сословия в Боровске (Александра, Клавдия, Анна, Николай), в Москве (Георгий, Пафнутий, Лидия), в Калуге (Иван) и в Верее (Ираида). Большинство супружеских пар, кроме Александры и Николая, соединились по сватовству. Все имели крепкие семьи и детей. У них сохранялись прочные внутри — и межсемейные связи, они помогали друг другу, часто общались, о чём свидетельствуют многочисленные групповые фотографии (ил.3). После свадеб 5 семей остались в Боровске в собственных домах. Иван и Николай занимали родовой дом на Успенской ул. (ныне ул. Ленина, д.18). На этой же улице были дома Меренковых и Саниных (ныне дома 10 и 30). Шутовы жили на Калужской ул. (ныне д. 122). Четыре семьи поселились в Москве: Георгий на Лужниковской улице в собственном доме (д.21), семьи Ираиды, Пафнутия и Лидии снимали квартиры.

Петр Михайлович Полежаев
(1836-1904) фото 1880-х гг.

Ил.2. Пётр Михайлович Полежаев. 1870-е годы.

Фабрика являлась тем цементирующим началом, которое объединяло это многочисленное семейство. Братья Полежаевы (ил.4) были всецело поглощены производством и реализацией продукции. Помогали им и сёстры. В 1913 г. фабрика считалась крупным предприятием Калужской губернии. На ней было 300 рабочих, а основной капитал оценивался в 1 млн. рублей [8].

После кончины Петра Михайловича фактическим главой рода Полежаевых стал его старший сын Иван. Он руководил производством и работал как технолог, механик и строитель. Наряду с этим, в 1903—1917 гг. он имел много общественных обязанностей: городской голова (1903—1906 гг.), член училищного уездного совета (1904, 1908, 1910—1917 гг.), член Правления Вольно-пожарного общества(1904, 1907 гг.), представитель от Боровского уезда по фабричным и горнозаводским делам Присутствия (1905,1908,1910—1916 гг.), гласный уездного земского собрания (1909,1913—1917 гг.), член общества патроната (1913—1916 гг.), член раскладочного по промысловому налогу Присутствия (1913—1917 гг.), казначей Вольно-пожарного общества (1913—1917 гг.), председатель Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (1917), член Боровского УИКа (1917), попечитель 4-х сельских школ.

Его брат Николай ведал хозяйственной частью на фабрике. Кроме того, он избирался гласным городской думы (1911—1915 гг.), длительное время был начальником дружины Вольно-пожарного общества (1903—1917 гг.), почётным членом охотничьего общества (1914) и его казначеем (1916, 1917), членом уездного по квартирному налогу Присутствия (1916, 1917).

Георгий и Пафнутий жили в Москве, занимались реализацией фабричной продукции через созданный ими Торговый дом и в общественной жизни Боровска не участвовали.

Дети Петра Михайловича слыли людьми просвещёнными и уважаемыми, хорошо вписались в жизнь дореволюционной России и стали состоятельными. После октября 1917

Ил.3. Полежаевы с родственниками на прогулке в Горбовском лесу. 1905 г.

Иван Полежаев (20) с женой(12), её сестрой Анной Яковлевной (13) и детьми Еленой (19), Яковом (30) и Константином (26); Пафнутий Полежаев (23) с женой(8); Александра Меренкова (14) с мужем (25), сыновьями (28,29,31) и с племянницей Софьей Акинфиевной Меренковой (17); Ираида Хомутинникова (36) с мужем (10), дочерями Елизаветой (19) и Варварой (7); Клавдия Шутова (22) с мужем (10) и дочерью Анной (2); Лидия Лукина (21) с мужем (3), его братьями Николаем (32) и Александром (33) и их жёнами (15.34); Юлия (6) и Михаил (27) Санины.

г. их семьи в различной степени подвергались репрессиям и кратковременным арестам. В конце 20-х гг. все Полежаевы вынужденно покинули Боровск. Большинство поселилось в Москве. Николай был сослан в Ленинакан (Армения), где строился новый хлопчатобумажный комбинат.

На Рогожском кладбище в Москве покоятся все дети Петра Михайловича, кроме Ивана, мужья Лидии и Ираиды и жёны Ивана и Георгия. На Записном старообрядческом кладбище в Боровске в фамильном захоронении Полежаевых погребены Иван и жёны его братьев Николая и Пафнутия. Мужья Александры и Анны похоронены также в Боровске, а муж Клавдии скончался в тюрьме, и место захоронения его неизвестно.

6 поколение. У Петра Михайловича было более 50 внуков, из которых совершеннолетия достигли 39. В бурные 1910—1920-е годы они были молодыми людьми или подростками, и судьба их сложилась неодинаково. Яков Полежаев и, предположительно, Константин Меренков погибли в I-ую мировую войну, Василий Хомутинников – в Гражданскую войну. Владимир Меренков, Пётр (Иванович) Полежаев и Яков Санин умерли в ГУЛАГе. Некоторые затерялись в водовороте событий (Александр и Павел Меренковы, Александр Санин). Анна Шутова умерла от туберкулёза, Николай Санин — от сердечной недостаточности.

Но большинство выжило и обосновалось в Москве. Из 39 внуков Петра Михайловича 29 создали семьи, в 24 из которых были дети. По причине буржуазного происхождения Полежаевы оказались «лишенцами», и только 10 потомков этого поколения получили высшее образование (Константин, Ольга, Александр, Николай и Пётр (Пафнутьевич) Полежаевы, Яков и Николай Санины, Пафнутий Хомутинников, Георгий и Леонид Лукины. Независимо от полученного образования все потомки Полежаевых честно трудились в советское время.

Среди них было много разносторонне образованных и талантливых людей: писали стихи и прозу (Пётр, Ольга, Константин, Яков, Николай Полежаевы), увлекались живописью,

Ил.4. Братья Полежаевы (сидят — слева направо — Иван, Пафнутий; стоят — слева направо — Георгий и Николай) с жёнами. 1908 г.

литературой и музыкой (все дети Георгия Петровича, Леонид Лукин, Александра Санина, Борис Полежаев, Варвара Хомутинникова), интересовались естественными (Николай, Владимир, Ольга и Пётр (Пафнутьевич) Полежаевы, Леонид Лукин, Леонид Меренков,) и техническими науками (Константин и Пётр (Иванович) Полежаевы, Пафнутий Хомутинников, Яков, Пафнутий и Александра Санины) и работали в этих областях знаний; обладали актёрскими и режиссёрскими данными (Александр, Борис и Ольга Полежаевы, Александра Санина). Александр Полежаев стал профессиональным художником. Жаль, что Боровск потерял столько талантливых и думающих людей.

Почти все Полежаевы 6 поколения покоятся на кладбищах Москвы: Рогожском, Преображенском, Ваганьковском, Митинском, Долгопрудненском, Востряковском. На Записном старообрядческом кладбище Боровска рядом с могилой его отца похоронен Яков Полежаев и его брат – младенец Григорий.

Полежаевы оставили яркий след в истории Боровска. В настоящее время в их родовом доме создан «Музей истории предпринимательства в Боровске», куда включены материалы по истории этого рода.

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Боровского краеведческого музея О.П.Захаровой, Н.П.Лошкарёвой, В.И. и А.И.Осиповым за помощь в подборке архивного материала и квалифицированные консультации.

Литература и источники

1.*Королёв Г.И.* Боровские Полежаевы в XVII—первой половине XVIII веков //Летопись Историко-родословного общества в Москве. М.,2007. Вып.12/13. С.154—162.

2.*Полежаев К.И.* О создании фабрики «Красный Октябрь» // Боровск. Страницы истории, 2001. № 3.С.94—102.

3.*Материалы для истории Боровска и его уезда.* Собраны и записаны Н.П.Глухарёвым. Боровск., 1914. Т.2. С. 35.

4.*Полежаев Г.П.* Тетрадь стихотворений. Блокнот с записями хронологических сведений о Полежаевых. Рукопись. 1930-е гг. Личный фонд Чернышова В.Б.

5.*Приданцева Е.А.* Полежаевы //Купечество Москвы. АСТ: Олимп, 2008. С.440—450.

6.*Памятные книги и Адрес-календари Калужской губернии за 1873—1917 гг.*

7.*Приданцева Е.А.* О захоронениях на Записном кладбище// Боровские известия. 2005. 16 сентября. С.6.

8.*Список* фабрик, заводов и др. промышленных предприятий Калужской губернии. М.: Типография финансового отдела. 1919. С.16, 17, 42, 43.

СТРОИТЕЛЬСТВО ШОССЕ БОРОВСК—БОЛОБАНОВО ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ОЧЕВИДЦА Е.М.ЧЕЛИЩЕВА. (К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ДОРОГ В РОССИИ РУБЕЖА XIX—XX ВВ.)

***Н.П. Лошкарёва**, н.с., Боровский историко-краеведческий музей*

В 1899 г. 1 августа открылось движение поездов Московско-Брянской железной дороги, которая была проложена в стороне от уездного центра г.Боровска и проходила через железнодорожную станцию «Болобаново»[1]. Для соединения последней с Боровском в 1900 г. предполагалось построить и сдать в эксплуатацию шоссе. Вопрос о месте прокладки шоссе, а потом и само его строительство вызвало немало шума, споров, разбирательств и даже обвинений на уровне не только Боровского уезда, но и всей Калужской губернии. Активным участником этого события оказался боровский помещик Евтихий Михайлович Челищев[2]. Его взгляд на происходившее будет изложен ниже, сначала же представим общую картину этого события.

В ходе подготовки разработки проекта шоссе *«как должно ожидать образовались три партии, каждая партия высказала свой проект, который был выработан в связи с личным эгоистически-материальным положением»*. Так писала газета «Калужский вестник» в №202 за 1897 г. Далее в ней сообщалось, что первая партия ратовала за прокладку шоссе по Ново-Благословенной улице через Рощинскую слободу, монастырь преподобного Пафнутия и Ребушенскую слободу. Вторая партия посчитала, что выгоднее будет протянуть его по Московской улице близ старообрядческого кладбища, оставив справа и Рощинскую слободу, и монастырь, и Ребушенскую слободу. Третья партия предлагала строить шоссе по Мешковской улице через село Высоковская слобода.

Данный спор затянулся на несколько лет. Только в 1900 г. губернское земское собрание приняло решение о постройке шоссе, выбрав направление через монастырь и Ребушенскую слободу. В этом же году оно заключило договор с подрядчиком Котовым на выполнение работ за 80 000 рублей. Но при этом земство не учло, что смету инженер-технолог М.Г.Лопатин составлял ещё четыре года назад, а цены на строительный материал и сами работы в Боровском уезде за эти годы значительно возросли. В результате *«снявший подряд на постройку Котов, как впоследствии оказалось, с самого начала убедился, что от добросовестного исполнения работ он неминуемо понесёт убытки, а потому и начал выжимать, как и где придётся. Употреблённые им материалы оказались недоброкачественными: песок был с примесью земли и глины, камень и щебень слабой породы, стулья и сваи под мостами меньшего размера, чем следовало. Не лучше производились работы: поверхность шоссе не планировалась по шаблону, не утрамбовывалась, от чего получились выбоины, песок и щебень насыпались произвольно, причём были места, где песок вовсе не рассыпался. (Всё это подтверждено экспертизой инженера путей сообщения г.Нефедьева). Одним словом…: поглотившее 80-т. шоссе окончательно провалилось, и, как его затем ни старались исправить, оно до сих пор сохраняет вид пародии на шоссе. В этом, вероятно, убедился всякий, кто хоть раз проезжал по нём»*[3].

Тем не менее, губернская земская управа произвела с Котовым расчёт. Правда, не додала ему 20 000 рублей. Тогда Котов предъявил земству иск, и вопрос о непригодности шоссе всплыл наружу. Первое разбирательство по этому делу привело губернское земское собрание к изданию в 1902 г. постановления о *«предании суду техника Галимского»*, присматривавшего за постройкой шоссе. Но М.М.Унковский, состоявший во время постройки шоссе членом губернской управы по страховому отделу, внёс от себя и от имени своего товарища Е.М.Челищева, также бывшего в то время членом губуправы, предложение о предании суду всего её состава[4]. В связи с этим в 1902 г. возникло новое разбирательство, после которого губернатором было возбуждено дело об ответственности бывшего состава Калужской губернской земской управы в лице её председателя Д.И.Ртищева, членов: М.Д.Дестрема, Е.М.Челищева, М.М.Унковского и служивших в управе инженера-технолога М.Г.Лопатина и техника Н.П.Галимского за упущения и злоупотребления по службе при постройке Боровско-Болобановского шоссе. В сентябре 1903 г. он возбудил дело по данному вопросу в отношении и бывшего состава Боровской уездной земской управы, в частности,

её председателя М.Г.Савина и членов: коллежского советника П.Ф.Безбородова и боровского мещанина И.И.Ушакова. Взятые с М.Г.Савина, П.Ф.Безбородова и И.И.Ушакова объяснения губернское по земским и городским делам присутствие нашло *«не заслуживающими уважения»* и определило производство по делу препроводить на распоряжение господина прокурора Калужского окружного суда в дополнение к делу по губуправе[5].

Разбирательство по данному вопросу затянулось на несколько лет. За это время, не выдержав всего происходившего, скончался сначала бывший член губернской управы Маврикий Дмитриевич Дестрем — 26 августа 1904 г.; следом за ним, 30 августа того же года, скончался её бывший председатель Дмитрий Иванович Ртищев[6]. Техник Н.П.Галимский скрылся и за время производства дела так и не был найден[7]. Со всех остальных вышепоименованных лиц взяли *«подписку о неотлучении»*[8].

Наконец, 10 ноября 1908 г. дело было заслушано судебной палатой. Обвиняемых по нему оказалось только двое: инженер-технолог М.Г.Лопатин и техник Н.П.Галимский. Подсудимым предъявили обвинение в бездействии власти, проявленной ими во время постройки означенного шоссе в 1900 г. как лицам технического надзора, под ближайшим руководством и наблюдением которых велась его постройка, а Н.П.Галимского обвинили ещё и в злоупотреблениях составления ложных актов приёмки материала и работ. На суде предъявленное обвинение в отношении Н.П.Галимского не подтвердилось, и он был оправдан. Инженера М.Г.Лопатина признали виновным лишь в небрежном отношении к служебным обязанностям. Судебная палата постановила объявить ему выговор, который *«за силою Высочайшаго манифеста от 11 августа 1905 г.»* подлежал отмене[9].

Не последнее место во всём этом деле занимал представитель одного из древнейших в Российской империи дворянских родов земский деятель статский советник, кавалер ордена св.Владимира 4-й степени Евтихий Михайлович Челищев[10].

В 1899—1900 гг., когда шла постройка шоссе Боровск-Болобаново, он состоял членом губернской земской управы и заведовал богоугодным отделом. Позже в процессе разбирательства дела о постройке шоссе его обвинили в том, что он *«допустил неправильные действия, выразившиеся в недостаточной осмотрительности при заключении контракта с подрядчиком Котовым», «а также при составлении технической сметы и при удовлетворении Котова по составленным инженером Лопатиным техническим расчётам за выставленный материал и выполненные работы, каковые неправильные действия, повлекли за собою неудовлетворительную постройку сего шоссе»*[11]. Данное обвинение ему было зачитано 24 октября 1905 г. приехавшим в Боровск проводить допросы Д.Орловым, исполнявшим дела судебного следователя Калужского окружного суда по важнейшим делам[12].

На допросах, состоявшихся 24 и 25 октября 1905 г., Е.М.Челищев заявил, что не признаёт себя виновным, после чего долго и обстоятельно излагал свою точку зрения. В частности, он заявил: *«Согласно журнального постановления Губернской Управы у нас среди членов оной был строго распределён круг обязанностей и вторгаться с своими замечаниями в сферу деятельности другого члена Управы каждый из нас не считал для себя возможным в силу служебного такта». Коллегиальному обсуждению в управе подлежали в основном «вопросы о денежных выдачах»*[13]. Далее на примере дорожного отдела губуправы он пояснил, как вообще в ней велась работа. Инженер дорожного отдела по приёмочным актам составлял технические расчёты о размере удовлетворения подрядчика. Один из членов отдела писал резолюцию на эти расчеты. Собранный материал предоставляли при проекте журнального постановления председателю управы, и проект записывался в особую тетрадь. В случае, если председатель управы соглашался с изложенным в проекте мнением члена управы заведующего дорожным отделом, то ставил своё согласие, что *«полагал бы сделать такое же распоряжение»*. После чего журнальное постановление подписывалось третьим членом управы и передавалось в соответствующий отдел для надлежащего исполнения. В случае, если председатель не соглашался, но мнение члена управы считал нужным предложить на обсуждение других её членов, то последние приглашались для обсуждения.

Что же касается данного дела, то Боровская управа не предоставляла *«ни предшествующих актов ея, ни сделанных по ним инженером технических разсчётов…»*, а только прикладывала справки, *«что всего выдано Котову столько-то и остаётся за Управою не выданнаго до полнаго разсчёта такая-то сумма»*. Когда же Котов подал заявление *«о*

полном его удовлетворении», Е.М.Челищев первым настоял на том, *«чтоб остающаяся сумма 22 тыс.руб. с лишком была бы задержана»*. Челищев также объяснил, почему при торгах 19 декабря 1899 г. члены губуправы согласились вопреки мнению её председателя Д.И.Ртищева назначить Котову залог в размере только 5%, а не 10%, как того требовали установленные правила. Просто Котов оказался единственным из явившихся на торги подрядчиков, который соглашался за назначенную губернским земским собранием сумму построить шоссе на всём протяжении от Боровска до станции «Болобаново», а не частями, как предлагали остальные подрядчики. Тем более, что сам Котов не соглашался на 10% и просил уменьшить залог до 5%[14].

Продолжая оправдывать себя, Е.М.Челищев пояснял: *«Хотя я на торгах и присутствовал, но в обсуждении пунктов договора с подрядчиком Котовым ... я, как заведующий Богоугодным Отделом, не входил... по той простой причине, что кроме Председателя Губернской Управы Д.Ив.Ртищева считал более заинтересованным в разработке условий договора ... Члена Управы Дестрема и инженера Лопатина ... и председателя Боровской Уездной Земской Управы Савина, присутствовавшего на торгах. Я считал их более осведомлёнными и подготовленными к разрешению вопроса об этом сооружении, естественно предполагал, что они лучше и шире обсудят условия контракта с Котовым..., я не мог принимать участия в составлении технической сметы, считая, что это прежде всего и главным образом касается специалистов Лопатина и Дестрема...»*. По мнению Евтихия Михайловича, технический расчёт М.Г.Лопатина соответствовал тем данным, которые были включены в акты уездной управы, и *«за указанное ею в них... качество материала или работы действительно приходилось... удовлетворяться какое было исчислено Лопатиным»*. Самое же главное для Е.М.Челищева состояло в том, что: *«...ни я, и никто из моих сотоварищей по службе никак не мог предположить, чтобы акты Уездной Управы были бы не согласны с действительностью, да мы и не могли, не имели нравственного права не доверять сведениям включённым Уездною Управою в ея акты о количестве материалов и выполненных работ, а что касается качества оных, то представленное дорожным отделом при заключении инженера Лопатина о возможном удовлетворении подрядчика, то мы все предполагали, что следовательно и материал был вполне годный и работы выполнены согласно заключённого нотариальным порядком контракта»*.

Продолжая свой рассказ следователю, Евтихий Михайлович перешёл к обсуждению качества работ по постройке шоссе. В феврале 1900 г. он находился в Боровском уезде и услыхал, что камень для шоссе используется мягкой породы. Челищев *«счёл долгом об этом уведомить губернскую Управу»*, которая немедленно командировала в Боровск инженера М.Г.Лопатина. Последний, осмотрев работы, доложил, что камня мягкой породы использовалось мало и ущерба от него не будет, но дальнейшую доставку его прекратил. В последующие месяцы М.Г.Лопатин и М.Д.Дестрем поочерёдно или вместе вели наблюдение за строительством шоссе, периодически сообщая, *«что работы идут не только успешно, но даже отлично и что Котов – подрядчик хорошо знающий своё дело»*.

В сентябре этого же года в Боровске должно было состояться уездное земское собрание, Е.М.Челищев 13 сентября поехал в свой родной уезд. На железнодорожной станции «Болобаново» он встретил М.Г.Лопатина, М.Д.Дестрема и Котова. Первые двое, отвечая на интересовавшие Е.М.Челищева вопросы, отвечали, что шоссе построено отлично, осталось сделать только обочины и ряд других незначительных работ, и через несколько дней можно будет ехать его принимать. Евтихию Михайловичу пришлось задержаться на земском собрании до 1 октября. При случае он встретился с местным исправником С.П.Масловским. *«Я выразил удовольствие*, — сообщал следователю Челищев — *что наконец то мы, жители г.Боровска дождались такого чудного подъездного пути до железной дороги, но г.Масловский к моему удивлению выразил сомнение и сказал, что он слышал от рабочих, строивших шоссе о том, что недостаточно толстые слои щебня и песка наложены в некоторых местах и как бы его не размыло дождями. И действительно я обратно ехал уже не по шоссе — оно было загорожено и закрыто»*. Прогноз оправдался — пошли дожди, и шоссе превратилось в жуткие колеи, по которым невозможно было ездить.

Об этом Е.М.Челищев также доложил председателю губернской управы Д.И.Ртищеву. Последний избрал особую комиссию, в которую, кроме него, вошли ещё члены дорожного

отдела и инженеры. В результате проверки комиссия обнаружила все дорожные дефекты. Одновременно с этим в губуправу поступило заявление Котова *«о полном его удовлетворении в окончательном разсчёте»*. Из вышеизложенного мы знаем, что Е.М.Челищев посоветовал приостановить выдачу денег Котову. Управа же сначала предложила Котову провести дополнительный ремонт и сделать исправление всех выявленных комиссией дефектов. Но Котов отказался это сделать, тогда управа задержала выдачу ему денег и пригласила для выполнения этих работ подрядчика Новикова. Исправлять шоссе ему предложили за удержанную от договорной платы с Котовым сумму. Новиков, устранивший на следующий год выявленные дефекты, поставил управу в известность о том, что понёс убытки. Инженер М.Г.Лопатин и М.Д.Дестрем подсчитали его убыток в 6 000 рублей. Челищеву эта сумма показалась чрезвычайно большой, и он предложил *«Присутствию сделать более тщательную проверку всех тех статей, из которых составляется убыток»* в эту сумму. Мнения членов управы разделились: Д.И.Ртищев и М.Д.Дестрем высказались в поддержку Новикова, а Е.М.Челищев и М.М.Унковский считали, что убытки Новикова составили только 3 000 рублей. Но уже на следующий день Д.И.Ртищев поддержал мнение последних, и Новикову пришлось довольствоваться 3000 рублями[15].

Своё видение дела по строительству шоссе Боровск—Болобаново Е.М.Челищеву пришлось подтвердить исполнявшему дела судебного следователя по важнейшим делам Д.Орлову 22 февраля 1906 г. Он также сказал, что дополнить ему нечего. После этого Д.Орлов объявил об окончании следствия и о направлении собранных материалов прокурору Калужского окружного суда для дальнейшего *«распоряжения»*[16].

Судя по вышеизложенным результатам слушания дела ноября 1908 г., Е.М.Челищев был выведен из состава обвиняемых, как, в общем-то, и остальные члены губуправы. Вполне возможно, что Е.М.Челищев, ничем ранее не запятнанный[17], относившийся к своей службе более чем ответственно[18], смог убедить суд и прокурора Калужского окружного суда в необоснованности предъявления ему обвинений по делу о постройке шоссе. Только вот: *«Такое отношение моё к делу постройки шоссе породило для меня одни только неприятности, в силу которых от баллотировки в члены Губернской Управы на следующее трёхлетие я вынужден был отказаться»* — сетовал Е.М.Челищев[19].

Что же касается построенного между уездным городом Боровском и железнодорожной станцией «Болобаново» шоссе, то и в настоящее время каждая поездка по нему продолжает вызывать неприятные ощущения и у владельцев транспорта и у пассажиров.

[1] Материалы для истории города Боровска и его уезда, собранные и записанные Н.П.Глухарёвым. Боровск, 1998. С.31.
[2] ГАКО. Ф.6. Оп.1. Д.172. Л.172.
[3] Материалы... С.16.
[4] Там же. С.16—17.
[5] ГАКО. Там же. Л.22об.
[6] Там же. Л.246.
[7] Материалы... С.17.
[8] ГАКО. Там же. Л.246.
[9] Материалы... С.13-14.
[10] ГАКО. Там же. Л.193.
[11] Там же. Л.193об.
[12] Там же. Л.241 и т.д.
[13] Там же. Л.193об—194.
[14] Там же. Л.203—204об.
[15] Там же. Л.194—196об.
[16] Там же. Л.241, 247об.
[17] Там же. Л.245об.
[18] Калужские губернские ведомости. 1898. №131.
[19] ГАКО. Там же. Л.196об.

ИЗУЧЕНИЕ РОЛИ СУХОПУТНЫХ ДОРОГ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКИХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)

***Е.И. Рогуленко**, зам. дир., МУ «Муниципальный архив г. Калуги»*

Задача данной работы: выявить в калужских краеведческих изданиях[1] круг публикаций, авторы которых изучали роль сухопутных дорог в развитии экономики края. Нами были просмотрены выпуски сборников материалов научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья», сборников материалов городской краеведческой конференции «Калуга в 6-ти веках», пяти первых сборников Песоченских чтений, а также книги, изданные отдельным тиражом.

Выявленная нами литература включает в себя несколько статей в научных сборниках, а также работы, относящиеся к жанру краеведческих очерков. В данной статье, в связи с ее ограниченным объемом, возможно рассмотреть только часть из них[2]. По степени раскрытия интересующей нас темы можно условно выделить три группы, 1 — работы, в которых именно дорога является предметом изучения; 2 — работы, тема которых — исследование экономических процессов в крае, включающее выявление взаимосвязи с путями сообщения, 3 — работы, знакомящие с малоизвестными источниками, которые могли бы быть использованы при изучении вышеуказанной темы.

К 1 группе можно отнести, в первую очередь, работы, имеющие авторство В.С. Зеленова. Его первая рассматриваемая нами статья «Первые шоссейные дороги Калужского края»[3] снабжена списком литературы и источников. В тексте статьи отсутствуют ссылки, что лишает приводимые сведения опоры, делает их легковесными, а также не дает возможности разделить мнения автора статьи и предыдущих исследователей, если таковые имелись. Все же мы считаем невозможным обойти вниманием эту публикацию, т. к. о дорогах Калужского края написано крайне мало. В своей статье автор знакомит нас с судьбой проекта шоссирования Старой Калужской дороги В.П. Гурьева 1837 г., излагает довольно кратко историю трех шоссе: Варшавского, Перемышльского и Тимофеевского, дает их пространственные характеристики, останавливается на особенностях прокладывания дорог в XIX в. (их привязке к возможно большему числу населенных пунктов. Зеленов утверждает, что эти три дороги оставались единственными шоссированными вплоть до конца первой трети нынешнего столетия[4]. В этой же статье он упоминает об инженере Н.Ю. Лермонтове, строившем Перемышльское и Тимофеевское шоссе. Ему Зеленов приписывает мнение, с которым, видимо, согласен и сам, высказанное в статье КГВ № 71 за 1894 г. о состоянии дорог в Калужской губернии: *«Путей этих у нас недостаточно. И в этом, по нашему мнению, простая причина нашего материального убожества сравнительно с Западною Европою. По нашему мнению, вслед за шоссе Калуга—Перемышль, необходимо устройство шоссированного пути от Калуги по направлению к Мещовску, от Калуги до Малоярославца. Необходимо соединить Боровск и Песоченский Завод с линией Московско-Варшавского шоссе»*[5]. Далее автор подчеркивает, что активное дорожное строительство в нашей области стало вестись в 50—60-е гг. XX в., и сделал вывод о том, что несмотря на довольно высокую плотность дорог в нашей области все же *«улучшение сети дорог, улучшение имеющихся дорог и строительство новых в значительной мере повлияет на развитие экономики и культуры края»*[6].

Вторая статья Зеленова — «Калуга — узел древнейших грунтовых дорог»[7]. Заметим, что в этой статье нет не только ссылок на источники и литературу, нет и списка. По мнению автора, Калуга возникла вблизи узла водных путей и древнейших грунтовых дорог[8]. Автор пытается связать события истории от времени Киевской Руси до XX в. с калужскими дорогами, следы которых, или направления, совпавшие с современными, мы можем увидеть и сейчас. Для нас в его статье представляет больший интерес часть, посвященная именно транспортным дорогам. Их историю он ведет примерно с XVII в., хотя прямо об этом не говорит. Зеленов перечисляет их, особенно выделяет Одоевский и Белевский большаки, т.к. они *«... были напряженными и важными транспортными путями. По ним с юга России и Малороссии в сторону Москвы и Петербурга перегонялись гурты рогатого скота, зимой*

проходили большие обозы с хлебом, пенькой, табаком и другими товарами. Калуга была значительным перевалочным и складским пунктом». А также подчеркивает значение трактов от Калуги через деревни Белую и Горенск к Полотняному Заводу на Медынь, т.к. по ней транспортные обозы направлялись, главным образом, к Гжатской пристани[9]. Автор упоминает о технической необустроенности этих дорог, касается истории шоссирования и времени активного строительства дорог, в заключение делает вывод о том, что современная Калуга, как и в прошлые века, остается значительным узлом грунтовых дорог. Современные дороги Калуга—Малоярославец, Калуга—Таруса, Калуга—Медынь, Калуга—Козельск. пролегают там же, что и века назад[10].

Следующая работа В.С. Зеленова — книга «Дороги Калужского края»[11]. Список источников и литературы приложен в конце (это классический для калужского краеведения набор источников, а также работы дореволюционных и советских историков о монголо-татарском нашествии, дорожном строительстве и др.)[12]. Ссылки, без указания страниц или листов, являются частью текста. Обзора источников, их анализа нет, что, впрочем, допустимо для заявленного жанра краеведческие очерки. Вероятно, автор и не ставил себе целью создать научный труд, ему хотелось увлекательно рассказать другим то, что он узнал и понял сам. Изложение материала ведется в форме некоего путешествия во времени и пространстве. Период, который пытается охватить автор, — от IX до XX вв. Книга состоит из нескольких глав, одна из них непосредственно касается транспортных путей. В ней приводятся сведения, относящиеся к XVIII—XX вв., в т. ч. и описание состояния дорог не только сер. XIX в., но и к. XX в., не всегда с опорой на источник. Зеленов приводит сведения о количестве, протяженности, направлениях транспортных дорог[13], затем ведет отдельный разговор о конкретных дорогах (Медынь—Гжатск[14], Орловско—Гжатский большак[15]): перечисляет основные товары, даты и места проведения ярмарок, показывает географию торговых связей и соотносит возрастание к XVIII в. торгового значения именно этих дорог со строительством Гжатской пристани, которая появилась как перевалочный пункт для отправки грузов в Петербург и Ригу уже по водным системам[16]. С XIX в., по мнению Зеленова, торговое значение становится главным и для Карачевского большака[17]. О Тульском большаке как пути перемещения торговых грузов, говорится немного, в основном, о его малопригодности для незимних перевозок[18]. Торговое значение Одоевского большака подтверждается выдержками из «Материалов для географии и статистики…» Попроцкого[19].

Работы второй группы посвящены исследованию экономических процессов в крае, в т.ч. во взаимосвязи с путями сообщения. Это статьи И.С. Поповской и А.Г. Иванова (эти публикации отличает более полное соответствие принятым в отношении научных работ стандартам). Целью работы Поповской[20] является попытка проследить, как и насколько полно отразился кризис, а затем и депрессия в промышленности Калужской губернии в период с 1901 по 1908 г. в материалах КГВ того времени. Поповская отмечает, что газета уделяет внимание зависимости между состоянием экономики и наличием железных дорог, строительство которых было одной из частей плана модернизации России и должно было способствовать развитию промышленности в губернии[21]. По данным отчета статистического комитета за 1901 г. отмечается, что *«население губернии тяготеет к фабричной и заводской промышленности»*, ее развитию способствуют две железнодорожные линии Данково—Смоленской и Московско-Брянской железных дорог, соединивших губернию с центром России и *«содействовавших более успешному и удобному сбыту ея обработанной промышленности»*[22]. Автор рассматриваемой статьи вынужден сделать вывод, что начавшийся в России с 1909 г. промышленный подъем, продолжавшийся до 1913 г., не затронул Калужской губернии и причина в том, что, как сообщалось в газете от 18 марта 1910 г., Московско-Киевско-Воронежская железная дорога, прошедшая в 67 верстах от Калуги, *«проносит мимо уйму людей и грузов», «...в стороне оказались также Боровск, Воротынск, Мещовск... Губерния начинает терять свои позиции в промышленности Центрально-промышленного района»*[23].

Статья Иванова посвящена купцам и промышленникам Износковского края в XVIII—XIX вв. В своей работе автор подчеркивает, что одна из причина успеха предпринимательской деятельности износковских купцов — удобное транспортное расположение промышленных предприятий, относительная близость к рынкам сбыта[24]. Автор, опираясь на количественные

данные, показывает, как со строительством в 1850 г. Московско-Варшавского шоссе и прокладкой в 1874 г. калужского участка Ряжско-Вяземской железной дороги *«...освоение здешней земли стало осуществляться семимильными шагами. С введением в строй надежных транспортных артерий экономика края пошла в гору...»*[25]. Как следствие, губернская хлеботорговля сместилась из г. Калуги в Мятлево. *«...Станция прочно удерживала третье место по грузообороту (после Алексина и Калуги) и успешно конкурировала с губернским центром...»*[26]. Ивановым отмечено, что мятлевские купцы не просто осознавали причины своего процветания, но и стремились его сделать более прочным, для чего и способствовали прокладыванию в 1887 г. «мятлевского шоссе», и открытию в 1889 г. одноклассного народного училища, затем — образцового двухклассного училища, возведению каменной церкви[27].

Третья группа — статьи, знакомящие нас с малоизвестными источниками, которые могли бы быть использованы при изучении взаимосвязи экономики и дороги. Одна из них — работа К.М. Ярхо «О Калуге XVIII в. Взгляд путешественника»[28]. Двухтомник «Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова» был обнаружен Ярхо в отделе редких книг Российской государственной библиотеки. Эта книга 1803—1805 гг. издания представляет собой описание долгого путешествия из северной столицы в Таврический край сенатора, а впоследствии и новгородского губернатора Павла Ивановича Сумарокова. В этих записках есть очерки о местах, по которым тот проезжал, направляясь в Крым, в т.ч. и о некоторых городах нынешней Калужской области. Книга П. Сумарокова, по мнению Ярхо, имеет существенную историческую ценность, т.к. будучи написанной во времена промышленного и торгового расцвета нашего края, передает его наиболее характерные черты в самом начале XIX столетия[29].

Следующая работа принадлежит А.И. Кондратенко[30]. Он рассказывает об очерке о Мальцовском промышленном районе, помещенном в книге бывшего сотрудника Орловского статистичекого комитета И.П. Белоконского «Деревенские впечатления». В этом очерке Белоконский описывает мальцовскую железную дорогу, которая была своеобразной достопримечательностью местного да и всего железнодорожного дела[31]. И размышления об этой дороге приводят Белоконского уже прямо к характеристике мальцовских методов ведения хозяйства вообще[32].

Попытка выявить работы (среди опубликованных в калужских краеведческих изданиях), авторы которых изучали роль сухопутных дорог в развитии экономики края, показала малое внимание к теме, на сегодняшний день количество работ невелико, научный уровень многих из них нуждается в изменении.

[1] Под ними мы понимаем те издания (сборники научных статей или отдельные книги), которые выпущены в Калужской области и содержат работы краеведческой тематики.

[2] Напр., не рассматриваются статьи: Васильевой З.В. Металлургическая промышленность в Малоярославецком, Боровском и Оболенском уездах в XVII—XVIII вв. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч.1. Киров, 1997. С.112—117; Днепровского А.С. Роль калужского речного порта в промышленности губернии (XVIII—XIX вв.), там же. С. 194—197; Игнатченки В.И. От Калуги ремесленной к Калуге предпринимательской // Калуга в 6-ти веках: Материалы 2-й городской краевед. конф. Калуга, 1999. С.78—80; Днепровского А.С. Промышленность Калужского края: историческое эссе // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч.1. Киров, 1995. С.21—28 и др.

[3] Зеленов В.С. Первые шоссейные дороги Калужского края // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч.1. Киров, 1997. С.199—204.

[4] Указ. соч. С.202.

[5] Там же. С. 203.

[6] Там же. С. 204.

[7] Зеленов В.С. Калуга — узел древнейших грунтовых дорог // Калуга в 6-ти веках: Материалы 1-й городской краевед. конф., посвященной 625-летию г. Калуги. Калуга, 1997. С.32—38.

[8] Указ. соч. С. 32.

[9] Там же. С.35,36.

[10] Там же. С. 37.

[11] Зеленов В.С. Дороги Калужского края: краеведческие очерки. Калуга, 2002. 112 с. Основной объем этого издания совпадает с объемом издания 1996 г., но при этом содержит авторские дополнения. Мы сочли возможным рассматривать издание 2002 г.

[12] Указ. соч. С. 110.

[13] Там же. С.42.

[14] Там же. С. 46—47.

[15] Там же. С. 47—52.

[16] Там же. С. 47.

[17] Там же. С. 54.

[18] Там же. С. 56.

[19] Там же. С.58—59.

[20] Поповская И.С. Развитие промышленности Калужской губернии начала XX в. (по материалам газеты Калужские губернские ведомости) // Калуга в 6-ти веках: Материалы 4-й городской краев. конф. Калуга, 2003. С.38—45.

[21] Указ. соч. С.38, 42.

[22] Там же. С.40—42.

[23] Там же. С. 45.

[24] Иванов А.Г. Купцы и промышленники русской провинции в XVIII—XIX вв. (на примере Износковского района Калужской области) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч.1. Киров, 1997. С.122—129.

[25] Указ. соч. С. 124.

[26] Там же. С. 125.

[27] Там же. С. 127.

[28] Ярхо К.М. О Калуге XVIII в. Взгляд путешественника // Калуга в 6-ти веках: Материалы 1-й городской краевед. конф., посвященной 625-летию г. Калуги. Калуга, 1997. С.27—29.

[29] Указ. соч. С.27—29.

[30] Кондратенко А.И. Суровым взором земского статистика (Мальцовский край в описании И.П. Белоконского) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч.1. Киров, 2002. С.64—69.

[31] Указ.соч. С.64, 66.

[32] Там же. С. 67.

УЧАСТИЕ КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА (КО ДЗБ) В КРЕДИТОВАНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЗЕМЛЯХ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

***В.В.Демченко**, к.и.н., доц., АНО «Калужский научный центр»*

Финансовые рычаги конструктивного воздействия на сельскохозяйственное производство Верхнего Поочья издавна являются предметом пристального внимания специалистов экономической истории[1]. В этом отношении прошлое Дворянского земельного банка (ДЗБ) представляет особый интерес: к нему, привилегированному сословному банку дореволюционной (1917 г.) поры, длительное время не обращались исследователи; тем не менее его деятельность в течение трёх десятилетий оказывала существенное влияние на внедрение передовых методов и приёмов труда в сельских поселениях, в нём отрабатывались важные банковские технологии и механизмы, с его участием происходило перераспределение земельной собственности в пользу представителей иных сословий; наконец, его опыт упреждает об опасности сословных привилегий в сфере денежно-кредитных отношений.

Коренная перестройка земельных отношений как следствие Крестьянской реформы 1861 г. осуществлялась при активном участии ДЗБ, который принял на себя немалую часть повседневной работы по подготовке и реализации ипотечного кредитования под залог земли, на деле обеспечивал возрастание роли в аграрном секторе непосредственных товаропроизводителей, активно воздействовал на внедрение в нём новой техники, передовых способов и приёмов труда[2].

В Калужье прогрессивными представителями властей были заложены к тому времени определённые предпосылки углублённого восприятия банковских возможностей. Губернатор В.А.Арцимович так откликнулся на одну из журнальных статей в центральной прессе: *«...не уничтожение различия между векселем и заёмным письмом, а восстановление оного потребно, с точным и решительным определением в науке и юриспруденции того и другого вида.*

Смешение вексельного и заёмного дела особенно служит разрушению кредита. Вексель создан совсем не для займов, а для перевода имущества ...»[3]. Высказать подобную мысль способен был лишь компетентный управленец, Виктор Антонович к тому же являлся сторонником упрочения банковской системы на местах.

Однако были и достаточно влиятельные её противники. Губернский предводитель дворянства Н.С. Яновский, узнав об учреждении в Санкт-Петербурге 1 сентября 1885 г. головного ДЗБ и намерении открыть его отделения до конца года ещё в 13 губерниях, написал министру финансов Н.Х. Бунге: *«Если бы на самом деле последовало такое печальное для Калужской губернии распоряжение, то оно привело бы наше дворянство в полнейшее уныние»*[4]. Министр — видный экономист, член Петербургской Академии наук — сам был противником подобной идеи, но её инициатором и проводником стал Александр III, поэтому чиновник ответил 8 сентября 1885 г., что в Калужье *«создание отделения возможно в марте 1886 г. - время требовалось главным образом для того, чтобы оценить земли»*[5].

Сторонники нового банка взяли верх: его замысел был адекватен состоянию российского общества той поры. При этом образование государственных банковских структур в губернии отличала определённая последовательность: первыми в 1883 г. учреждены Калужские отделения Государственного (КО ГБ) и Крестьянского поземельного (КО КПБ) банков, в 1886 г. — КО ДЗБ, организованное почти одновременно с общероссийской структурой и ставшее одним из её первых аналогичных звеньев.

Средства банка составлялись из капитала от единовременного выпуска, на основании Высочайшего указа, закладных с выигрышами листов, сумм от реализации закладных без выигрыша листов — как ранее, так и впоследствии выпускавшихся, и запасного капитала, образовывавшегося из доходов банка после покрытия расходов по управлению и содержанию. Первых выпущено на 80 млн. руб., сроком в 30 лет, все листы обеспечивались заложенными ДЗБ имениями и средствами правительства. Вся совокупность ежегодных платежей процентов и погашения по находившимся в обращении закладных не превышала общей суммы платежей заёмщиков — как срочных годовых, так и в погашение капитального долга. Запасный капитал никогда не обращался на государственные потребности, суммы от реализации безвыигрышных закладных направлялись исключительно на выдачу ссуд.

КО ДЗБ состояло из назначавшихся Минфином управляющего и членов-оценщиков, а также избиравшихся на 3 года дворянским собранием членов от дворянства. В штате отделения к 1917г. было 8 (в КО КПБ — 35) служащих, в том числе управляющий, 4 члена-оценщика, бухгалтер и его помощник, делопроизводитель. Управляющий являлся статским советником (это звание соответствовало армейскому полковничьему), среди оценщиков - действительный (т.е. генерал) и 2 статских советника[6]. Таким образом, состав служащих был призван, с одной стороны, отразить привилегированность данного денежно-кредитного учреждения (ДКУ), с другой, создавал предпосылки для ответственности, самостоятельности и культуры в работе.

К кругу обязанностей служащих относились приём и рассмотрение заявлений о выдаче ссуд, отчуждениях и раздроблениях заложенных имений, обсуждение произведенных оценок и расценок, представление в совет ДЗБ соответствующих заключений, наблюдение за исполнением заёмщиками обязательств. При этом важным инструментом являлось страхование: речь о кредите могла идти только в случае, если имение застраховано в сумме, регулировавшейся банком; когда срок истекал, отделение страховало его за счёт заёмщика, а затраченное получало с него при очередном срочном платеже. Ссужение было возможно или в случае отсутствия за землевладельцем долгов, или с условием полного расчёта по ним из получавшейся суммы. Размер кредита не превышал 60 проц., в исключительных случаях, с разрешения совета, — 75 проц. оценочной стоимости имения, причём расположенные на его землях предприятия и промыслы при оценке не принимались в расчёт.

Ссуды КО ДЗБ выдавались землевладельцам сроком на 66,5 лет под 3-5 проц. годовых. Заёмщикам предоставлялся ряд льгот: гарантировалась временная заповедность заложенных имений, т.е. банк не мог в течение определённого времени накладывать арест на них, выставлять их на торги; он обязывался выкупить часть заложенного имения для облегчения владения остальным, предоставлять льготы при взимании платежей и т.п. До 1889 г. и в 1906—1907 гг. ссуды выдавались закладными листами — ценными бумагами, обеспеченными

заложенными в банках земельным имуществом, и это было чрезвычайно выгодно заёмщикам, т.к. освобождало от курсовых потерь, банк за счёт запасного капитала устанавливал ставки по ссудам ниже тех, что выплачивались по закладным листам. В результате создавались предпосылки к тому, чтобы землевладельцы рационально использовали свои производственные возможности.

В то же время государство имело возможность непосредственно влиять на стратегию ДЗБ и его региональных структур. Для усиления финансовой составляющей Столыпинской аграрной реформы, направленной на ликвидацию крестьянского малоземелья, интенсификацию производственной деятельности крестьянства, увеличение товарности его хозяйств, централизованно установлены продажные цены *«на ликвидируемые банковские, казённые и удельные земли»*[7]. Средняя стоимость 1 десятины таковой в сделках с образованием хуторов и отрубов составляла 139 руб., с товарищескими и общественными хозяйствами — 63 руб., причём средний размер доплат равнялся в 1 случае 5 проц., во II — 6,3 проц.[8]

У калужского дворянства во II пол. XIXв. было во владении 756,9 тыс. дес. (66,4%), в 1905г. — 420,9 тыс. дес. (38,5%) удобной земли, у крестьян соответственно 107,6 и 212,3 тыс. дес.(9,5 и 19,4%)[9].

При этом КО ДЗБ занимало лидирующее положение в обеспечении земельной ипотеки. В 1892г. им выдано в ссуду под залог земли 587,1 тыс. руб. — это в 2,2 раза больше, чем КО КПБ (26,4 тыс. руб.)[10].

В 1908 г. от дворян поступило 20 заявлений на ссуды в размере 820,8 тыс. руб. под залог 13 035 дес, т.е. испрашивалось на 1 дес. удобной земли по 62,9 руб. КО поддержало просьбу на 168,4 тыс. руб., или на 20,5% просимых, совет же головного ДЗБ разрешил выдать только 9 ссуд общим размером 74,9 тыс. руб., т.е. немногим более 9% заявлявшейся. Это послужило определённым уроком для всех[11].

Когда же невзнос платежей проявлялся даже в благоприятные по климатическим условиям годы, КО ДЗБ прибегало к крайней мере. Им были назначены к продаже заложенные под соло-векселя имения Лесли в с. Дурин и Н.Н. Шепелева при дер. Буды Жиздринского у., графа И.Л. Толстого при с. Дубровке Калужского у., наследников князя А.А. Вяземского при с. Попелеве Козельского у., В.А. Тимашева-Беринга при с. Ястребове Лихвинского у. и т.д. — всего 14 подобных землевладений были выставлены на торги 9(22) декабря 1910 г. Подобная практика существовала и позднее: в 1911 г. в Мещовском уезде имение дворянки СВ. Судзиловской продано с торгов по единоличным сделкам пяти крестьянам д. Пищев.

Строгость профессионального подхода КО ДЗБ привела в конце концов к тому, что потенциальные заёмщики стали называть реальные цены закладывавшейся земли, в результате практически все просьбы стали отделением поддергиваться. В 1911 г. было рассмотрено 29 заявлений, отказано только по одному, совет банка согласился с этим мнением и разрешил ссудить 533,1 тыс. руб. под залог 8483 дес.[12]. Претерпевало изменения и отношение к покупателям дворянской земли. С 1907 г. разночинцы, приобретя её, получали право пользоваться в течение 10 лет кредитами ДЗБ (но не могли рассчитывать на поддержку КПБ).

Особый интерес представляет деятельность КО ДЗБ в последние предреволюционные годы: к этому времени в полной мере выявились его сильные и слабые стороны, практика подтвердила или отвергла те или иные методы и формы работы.

Прежде всего для создания подобной структуры не было демографических предпосылок: на 1 тыс. человек населения — в губернии его к 1914г. было более 1,5 млн. — приходилось всего 10 дворян и чиновников — потенциальных клиентов[13].

Отделение изначально выделялось проблемностью, — как региональная часть привилегированного сословного банка с участием государственного капитала заведомо располагало возможностью предоставлять клиентам значительные льготы по сравнению с общественными и частными ДКУ, и такое положение самоё по себе таило немалые опасности: снисходительность к необязательности заёмщиков, внутреннюю расслабленность служащих, невозвраты кредитов как норму поведения и т.п. Именно из-за этого по основным качественным показателям КО ДЗБ уступало КО КПБ, — тому правительство не оказывало сходной финансовой помощи, особенно в первые годы работы, когда покрывало через систему ГБ все убытки дворянской структуры.

Хотя кредитование дворян под залог имений существовало в стране более столетия, в

разное время предпринимались попытки учесть уроки прошлого и мнения всех заинтересованных лиц, ошибки нового ДКУ были налицо: его *«устроили так, что дворяне платили меньше того, что стоил кредит самому государству, прибегли к большому выигрышному займу, т.е. к такой форме кредита, которая осуждена финансовой теорией и практикой»*[14]. Вся последующая история ДЗБ — череда ходатайств о льготах этому банку в пользу клиентов-дворян. Обстановка в какой-то мере разряжалась за счёт того, что губернские отделения обоих сословных банков возглавлялись одним и тем же лицом, размещались структуры в одном и том же здании — это упрощало принятие решений, позволяло опираться на больший объём информации, сосредоточивать лучшие кадры на наиболее ответственных участках работы.

Таким образом, при всех заложенных в идее ДЗБ недостатках его КО сыграло определённую позитивную роль в развитии земельной ипотеки: способствовало перераспределению собственности на землю в пользу непосредственных производителей-крестьян, поддерживало усилия хозяйствовавших дворян по подъёму сельского сектора экономики, подпитывало финансовый рынок высоколиквидными продуктами, активно участвовало в привлечении внешних инвестиций в экономику губернии.

[1] Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М.: Наука, 1980; Чаянов А.В. Капиталы крестьянского хозяйства и его кредитование при аграрной реформе. М, 1917; Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М, 2002.

[2] Проскурякова Н.А. Дворянский Земельный банк//Российская банковская энциклопедия. М, 1995. С. 123—124; Демченко В.В. Земля и банки// Приокская новая. 2000. №1.

[3] Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 815. Оп.1. Д. 86. Л. 1.

[4] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 4. Д.495. Л.1.

[5] Там же.

[6] Памятная книжка-календарь на 1917 г. (ПК- 1917). С.27.

[7] Большой энциклопедический словарь (БЭС). М, 1997. С. 1153.

[8] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1507. Л.22.

[9] ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 9.

[10] ПК- 1894. С. 37.

[11] ПК- 1910. С. 20.

[12] ПК-1912. С. 123.

[13] ПК- 1913.СП.

[14] Витте СЮ. Избранные воспоминания. 1849—1911. М, 1991.С.524.

ДИРЕКТОРА МАЛЮТИНСКОГО БАНКА, ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ ГОРОДА КАЛУГИ: К ВОПРОСУ ГЕНЕАЛОГИИ

***Н.И. Кожевникова**, Калужский областной центр туризма, краеведения и экскурсий*

Выдающуюся роль в развитии *«торговли, промышленности и ремесленности»*, обширной благотворительности г. Калуги сыграл *«Калужский общественный братьев Михаила и Павла Малютиных банк»*, учреждённый 3 июля 1862 года. Банк располагался в здании городской управы на углу Никитской и Ильинской улиц. Существует ряд публикаций о благотворителях Малютиных, об истории банка. Документы хранят имена его директоров и их товарищей [1]. Директорами Калужского Малютинского Банка в разное время были почётные граждане города, первостатейные купцы — промышленники, общественные деятели, благотворители, представители потомственных влиятельных купеческих династий. По просьбе Павла Семёновича Малютина (23.07.1792—23.08.1860), поддержанной городскими властями, первым директором банка назначили калужского купца 2-й гильдии, потомственного почётного гражданина Александра Дмитриевича Подкованцева 1-го, так как Малютин, по его словам,

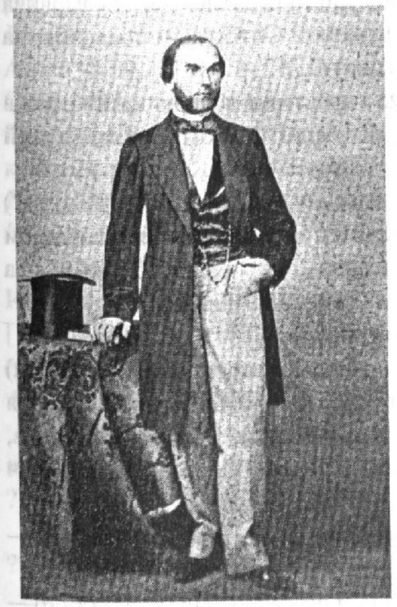
Ил.1. В этом здании городской управы г. Калуги располагался Малютинский банк.

лично знал *«его нравственность и опытность в коммерческих делах, равно честность, патриотическое стремление к общему благу сограждан своих»*. Целью данной работы является выявление биографических сведений, увековечение памяти о директорах Малютинского Банка и городских головах, имеющих большие заслуги в деле процветания Калуги.

Директор Малютинского Банка в 1862—1870гг. — ПОДКОВАНЦЕВ 1-й Александр Дмитриевич (1814—?). (И.о. Городского головы г. Калуги — 1848г.) Награждён медалью в память военной кампании1853—1856гг. по количеству сделанных пожертвований.

Родители А.Д. Подкованцева 1-го: Дмитрий Иванович (1766—4.11.1823) и Евдокия Петровна (Хлебникова) (1796 — ?). Проживали в Знаменской слободе (1816) [2]. Подкованцев Д.И, купец 2 гильдии, вёл торг рогатым скотом (1819) [3]. Его отпевали в Николо-Слободской церкви.

Жена 1 Подкованцева Дмитрия Ивановича — Мария Ивановна Горбунова (?—до 1811), дочь Ивана Агафоновича. Дети Д.И. и М.И.: Наталья (13.08.1798—?), Андрей (28.10.1800—?), Дмитрий (1792—1833) (похоронен на 1-м участке Донского монастыря в Москве) (венчание — 26.05.1827г. в Николо-Слободской церкви; его 2 жена — Александра Андреевна Прянишникова (1808—20.01.1861), дочь купца 1 гильдии, коммерции советника Андрея Александровича, внучка Александра Илларионовича. У них дети: Александр (22.03.1829—?) (его крестили в Николослободской церкви Александр Илларионович Прянишников и вдова купца Евдокия Петровна Подкованцева). Елизавета (1831—8.10.1909), Владимир (5.09.1832—6.07.1857) (Рыбинский некрополь, СПб, 1998г.).



Ил.2. Подкованцев Александр Дмитриевич, директор Малютинского Банка в 1862—1870гг.

Жена 2 Подкованцева Дмитрия Ивановича — Евдокия Петровна (Хлебникова) (1796—?). Дети: Ефим (1811—1812), Александр (1814—?), Елизавета (12.09.1819—?), ее крестили в Николо-Слободской церкви купеческий сын Иван Петрович Кожевников и купеческая вдова Анна Тихоновна Кожевникова; Петр (29.01.1820—?); Глафира (1821—9.11.1881) (её муж — Алексей Семенович Фалеев; её отпевали в Единоверческой Сошественской церкви); Мария (16.08.1822—?). В 1837 г. Евдокия Петровна Подкованцева подавала прошение в Калужскую думу о потомственном почетном гражданстве ее и детей по 2-й гильдии.

Директор Малютинского Банка в 1870—1871гг. — ФАЛЕЕВ Николай Иванович (25.08.1827 — ?).

Родители Н.И. Фалеева: Иван Семёнович (1801—?), сын

Семёна Лаврентьевича, и Хиония Ивановна (Волостнова) (венчание — 9.11.1826г. в Единоверческой Сошественской церкви). Восприемниками при крещении Николая Ивановича Фалеева были: мещанин Трофим Владимирович Куркин и купеческая дочь Ольга Семёновна Фалеева [4].

Жена Н.И. Фалеева — Прасковья Петровна Грибанова (2.05.1842—6.09.1904), дочь Петра Гавриловича и Елизаветы Ильиничны (Вязьмитиновой) (венчание — 5.02.1862г. в Единоверческой Сошественской церкви) [5]. Дети Н.И. Фалеева: Николай Николаевич Фалеев (5.12.1862—?) (его жена — Ольга Ивановна (Кадмина) (1863—?), дочь Ивана Ивановича; их дети — Тихон (11.07.1889 — ?), Варвара (18.02.1893 — ?). Иван Николаевич Фалеев (9.04.1864 — ?) его жена — Надежда Ивановна (Щучкина) (1860 — ?) (их венчание — 29.04.1889г.). Елизавета Николаевна Фалеева (21.08.1868—?).

Дед и бабушка Н.И. Фалеева: Семён Лаврентьевич Фалеев (1777 — ?), купец 2 гильдии, и Афимья Ивановна Свечникова (1778 — ?), дочь Ивана Харитоновича.

Прадед и прабабушка Н.И. Фалеева: Лаврентий Максимович Фалеев (1737 — 10.06.1796), купец 2 гильдии, и Прасковья Тихоновна (Кожевникова) (1746 — ?).

Братья и сёстры Н.И. Фалеева: Гаврила (1797 — ?) /жена — Мария Яковлевна Кольцова/ Алексей (1807 — ?) /жена 1 — Анна Петровна Дехтерёва; жена 2 — Глафира Дмитриевна Подкованцева/. Василий (1809 — ?) /жена — Елизавета Андреевна Кожевникова/. Семён (1814 — ?) /жена — N./. Анна (1803 — ?) /муж — Семён Васильевич Горбунов/. Елизавета (1806 — ?) /муж — Сергей Сафронович Люсин/. Ольга Семёновна (1812 — ?) /муж 1 — Мартин Денисович Смирнов; муж 2 — Андрей Алексеевич Ланеев /.

Двоюродные брат и сёстры Н.И. Фалеева (дети Фалеева Козьмы Лаврентьевича (1779—?) и Матроны Ивановны): Марья (1804 — ?) /муж — Григорий Абрамович Тишков; он избирался бургомистром Калуги/. Александра (1810—?) /муж — Павел Климентьевич Невежин/. Михаил (1814—?) /городской голова г. Калуги (1857); жена — Зиновия Григорьевна Дехтерёва/. Василий (1816—?). Семён (1818—?).

Директор Малютинского Банка в 1872—1881гг., товарищ директора — в 1869—1872гг. — АСТРЕЕВ Николай Ефимович (20.04.1830 — ?), купец.

Николая Ефимовича Астреева крестили в Алексеевской церкви: 1 гильдии купец Пётр Алексеевич Решетников и купчиха Евдокия Ивановна.

Женой ямщика /позже владельца пивоваренного завода/ Астреева Ефима Фаддеевича была дочь купца Елизавета Алексеевна (Слабожанинова) /венчание — 10.02.1821г. в Алексеевской церкви Ямской слободы/[6]. Женой купца Слабожанинова Алексея Абрамовича (1786—?) была Пелагея Гавриловна Грибанова (1787—?). Женой Слабожанинова Абрама Ивановича (1750—1786) — Марина Алексеевна (Постникова) (1752—?) [7].

Василия Ефимовича Астреева (21.02.1822—27.10.1895) крестили в церкви Покрова в Кожевниках [8]. В 1863—1866гг. он — товарищ директора Малютинского банка. Сергей Васильевич Астреев заступал место городского головы в 1904—1905гг.

Мужем Любови Ефимовны (Астреевой) был Василий Васильевич Теренин (29.09.1831 — ?) /их венчание — 28.05.1857г. в церкви Покрова на рву/[9]. Теренин В.В. избирался товарищем директора Малютинского банка (1869—1871). Мария Ефимовна (Астреева) (1825—?) была замужем за купцом Александром Андреевичем Ченцовым (1828—21.02.1892).

Жена Н.Е. Астреева — Любовь Прохоровна /?/Прокопьевна (N.) (1841—27.06.1906).

Дети Н.Е. и Л.П. Астреевых: Семён (1867— ?) /его жена — Елена Гавриловна (Грибанова) (1874—?); венчание — 27.01.1895г. в церкви Иоанна Предтечи/. Михаил /его жена — Мария Ивановна; дочь — Ольга (16.03.1904 — ?)/. (10) Вера /её муж — Михаил Николаевич Зайцев, коллежский советник; венчание — 23.08.1900г./. Мария /её муж — Василий Алексеевич Масленников/.

Директор Малютинского Банка в 1892—1908гг., товарищ директора в 1887—1892гг. — МАСЛЕННИКОВ Григорий Афанасьевич (1845 — ?).

В семье мещанина Масленникова Кирилла Афанасьевича и его жены Настасьи (1776—?) в 1816 г. дети: Афанасий Большой (1805—?), Афанасий Меньшой (1804—?), Иван (1815—?), Авдотья (1801—?), Александра (1810—?) (ГАКО. Ф. 86.Оп. 3. Д. 151. Л. 147об.)

Родители Г.А. Масленникова: Афанасий Кириллович Меньшой (?—до 1880) и Анна Андреевна (урождённая Алфёрова), дочь Андрея Тимофеевича /внучка Алфёрова Тимофея

Даниловича (1741—1809) и Ирины Григорьевны Губкиной (?—12.06.1792), дочери Григория Васильевича/. Венчание родителей — 28.01.1838г. в церкви Георгия за верхом.

Кирилл Кириллович Масленников (? — 25.05.1865) умер в Москве, похоронен на Пятницком кладбище г. Калуги.

Афанасий Кириллович Большой Масленников был женат на Пелагее Матвеевне; их сын — Павел (24.10.1838—?), его крестила в церкви Георгия за верхом жена Ивана Артемьевича Кожевникова — Александра Кирилловна [11]. Мужем Авдотьи Кирилловны был Владимир Иванович (N.).

Брат Г.А. Масленникова — Афанасий Афанасьевич Масленников (1850—?), был женат на Пелагее Николаевне (Блистановой) (1865—?), внучке Анны Павловны Губкиной. Венчание состоялось 25.01.1884г. в церкви Георгия за верхом. Сестра Г.А. Масленникова — Александра Афанасьевна (Масленникова) была женой купца 2 гильдии Александра Павловича Чешихина, их дочь Софию (1870—?) крестили в Успенской церкви.

Жена Г.А. Масленникова — Зинаида Петровна (Грибанова) (7.06.1857—?), дочь Петра Гавриловича и Елизаветы Ильиничны (Вязьмитиновой). У них — сын Дмитрий (11.10.1880 — ?) [12].

Директор Малютинского Банка в 1881—1892гг. — ФАЛЕЕВ Владимир Фёдорович (12.06.1830—10/11.09.1892). В 1871—1881гг. он — товарищ директора [13].

«С самого основания банка операции его развивались постепенно, капитал возрастал с каждым годом, а вместе с этим постепенно расширялась и благотворительная часть банка; за это время устроены: богадельня, детский приют, училище и прочее, а также и производились другие благотворения, на которые расходовалось в год всего до 80 тыс. рублей. С появлением в Калуге нескольких новых кредитных учреждений, деятельность Малютинского банка должна была бы, по-видимому, неизбежно сократиться, а вместе с этим — уменьшиться и его доходы, а следовательно и благотворительность. Между тем на деле этого не случилось, благодаря исключительно деятельности Владимира Фёдоровича. Много нужно было иметь энергии, опытности и способности вести дела банка так, чтобы деятельность при этих изменившихся во вред банка обстоятельствах, удержать прежнюю его солидность и тем самым иметь возможность продолжать все многоразличные и разнообразные его благотворения в прежнем их виде» [14].

Родители В.Ф. Фалеева: Фёдор Степанович (1786—?) и Екатерина Митрофановна (Кожевникова) (1808—28.12.1882) (их венчание — 28.05.1824г. в Благовещенской церкви [15]. Семья проживала в Покровской слободе (1816г.) [16]. Дети Ф.С. и Е.М. Фалеевых: Людмила (26.12.1827 —?), Александра (13.12.1828 — ?), Владимир (12.06.1830—10.09.1892), Анна (8.09.1835—?), Клавдия (7.06.1837—?). Сестра Ф.С. Фалеева — Александра Степановна, была женой Алексея Андреевича Чистоклетова, сына Андрея Малофеевича Большого. Сестра Ф.С. Фалеева, Пелагея Степановна — /венчание — 4.11.1823г./ [17] женой купца 2 гильдии Ивана Ильича Антипина, сына Ильи Ивановича, городского головы г. Калуги. Дедушка и бабушка В.Ф. Фалеева: 1 гильдии купец (1795г.) Степан Фёдорович (1758—?) и /его 3-я жена/ Аполлинария Ивановна (Губкина) (1785—?) [18].

Жена В.Ф. Фалеева — Наталья Васильевна Олимпиева (1835—?), дочь Василия Ивановича и Марии Ивановны (Лихачёвой). Венчание — 4.02.1862г. в Благовещенской церкви [19]. Олимпиевы В.И. и М.И. с детьми, Натальей и Владимиром, в 1851г. проживали в приходе Крестовоздвиженской на Воробьёвке церкви [20]. Дочь В.Ф. и Н.В. Фалеевых — Анна (9.12.1862—?).

Сестра В.Ф. Фалеева — Клавдия Фёдоровна (7.06.1837 — ?) [21] стала женой купца—кожевника Николая Фёдоровича Малахова (1831—14.04.1906); у них дети: Агния (18.02.1862 — ?), Сергей.

Директор Малютинского Банка с 1908г. — ЧЕШИХИН Козьма Афанасьевич (11.11.1862 — ?). В 1897—1908гг. он — товарищ директора.

Жена К.А. Чешихина — Наталья Васильевна (Масленникова) (1866—23.05.1910) [22]. Венчание — в 1889г. в Воскресенской церкви [23]. Дети: Борис (учился в реальном училище в 1905г.). Валериан (12.09.1907—?), восприемниками при его крещении были: купеческие дети Николай Иванович Савинов и Серафима Андреевна Чешихина [24]. К.А. Чешихин владел домом на ул. Воскресенской, №8 [25]. В 1907 г. в «Церковном вестнике» упоминалась

Ил. 3. Чешихин Козьма Афанасьевич, директор Малютинского банка с 1908г.

фирма братьев А. и К. Чешихиных, удостоенная высших наград за шорные изделия на промышленной выставке в Париже в 1905 г. Фирма торговала рогожами, а также веревками и бечевой.

Брат К.А. Чешихина — Андрей Афанасьевич Чешихин (1854—?), купец, председатель попечительского Совета городского имени Малютиных банка (1905г.), потомственный почетный гражданин, гласный Калужской думы (1905—1907гг.). Жена — Капитолина Федоровна (Вереитинова) (1860—?), дочь Федора Осиповича и Капитолины Александровны (Тиняевой). (Венчание — 8.02.1883г. в церкви Иоанна Предтечи; поручитель при венчании — купец Степан Гаврилович Подчищаев) [26].

Дети А.А. и К.Ф.Чешихиных: Ипполит (1884—?) (его жена — Пелагея Федоровна ?Пономарева), Серафима (муж — Николай Иосифович Вессели; венчание — 12.11.1914г.), Николай, Сергей, Пётр (уехал в Реутово Московской области) [27]. Дома А.А. Чешихина (1919г.): №105 — на Солдатской улице, на ул. Садовой, №46 (ныне Кирова) /на другой стороне, напротив, был известный в городе «Чешихинский» магазин/.

Родители К.А. Чешихина. Афанасий Васильевич Чешихин (1819—17.04.1883), купец 2 гильдии, имел рогожное производство, а также производство, связанное с дублением овчин, и портной цех — в 1860—1868 гг. Жена А.В. Чешихина — Серафима Козьминична (Кашина) (1827—16.12.1907), дочь Козьмы Афанасьевича (1795—23.05.1866) и Анны Алексеевны (Лебедевой) (1799—?), дочери Алексея Васильевича. Дети Афанасия Васильевича и Серафимы Козьминичны Чешихиных: Андрей (1854—?), Козьма (11.11.1862—?), Любовь (1861—?), Николай (?—?). Проживали в приходе церкви Иоанна Предтечи. Мария Алексеевна (Лебедева) была женой Владимира Ивановича Дехтерева, городского Головы Калуги. С.К.Чешихина владела магазином на Новом Торгу [28].

Дед К.А. Чешихина — Василий Козьмич Чешихин (1774—23.02.1830), его жена — Ульяна Ивановна (урождённая N.); они с 4 сыновьями вели торг шляпами из Малороссии (1819—1824гг.). Семья проживала в приходе Архангельской церкви. Дети В.К. и У.И. Иван (1803—?) /его жена — Александра Матвеевна Шляпина, дочь Матвея Васильевича. Венчание — 23.01.1830 г. в Архангельской церкви/ [29]. Гаврила (1809 — ?). Михаил (1811 — ?). Афанасий (1819/4—1883). Татьяна /её муж — Яков Дмитриевич Астахов (венчание — 1.02.1822г. в церкви Иоанна Предтечи) [30]. Анна (1807—?). Агафья (1816—?).

Прадед К.А. Чешихина. Козьма Денисович Чешихин (1732 — ?), купец, его жена — Афимья Ивановна Макарова (1745—4.08.1828), дочь купца Ивана Большого. Дети: Василий (1774—?), Наталья (1772—?) /её муж — Филипп Кирпичников/ [31].

***

Городской голова г. Калуги с 1836г. и с 1842г. — ДАНЬШИН Николай Герасимович (г. Мценск, 1790—1845), купец 1 гильдии (1842), староста Мироносицкой церкви, потомственный почетный гражданин (1837). *Примечание*: В начале 1820 г. Н.Г. Даньшин — «Амченского Яму ямщик», в конце года — «купец» [32]. В Калуге у него — дом №83 в 6 квартале 1 части: каменный, двухэтажный, крытый железом, на каменных колоннах, с галереей, балконом, железной решеткой, двор — с прудами, беседкой и колодцем. Дом продавался за неплатежи 30.09.1847 г. [33]

Родители: Николай Даньшин и N. Братья: Алексей Герасимович Даньшин — «Амченского Яму ямщик»; Иван Герасимович Даньшин (1783—7.12.1825) /его отпевали в Мироносицкой церкви/ [34] — Орловской губернии мценский мещанин; его жена Прасковья Ивановна N. (1787—26.09.1824) /ее отпевали в церкви Покрова на рву/ [35]. Жена: N. Дети: Николай (24.02.1820—?) — крещён в Благовещенской церкви, Иван (17.02.1822—?) — крещён в церкви Покрова на рву, Семен, Михаил, Надежда — «купеческая дочь» (1820—?),

Александра (1824—?), Петр (16.06.1823—?) — крещён в церкви Покрова на рву: перемышльский купец Илья Иванович Гудков, калужского мещанина Романа Михайловича Свиридова жена Анна Петровна [36].

12.11.1826 г. в Спасопреображенской церкви на Глубоком венчались купеческий сын Иван Максимович Ковригин и прихода Мироносицкой церкви купеческая дочь Александра Николаевна Даньшина. Поручители: купеческая вдова Наталья Иосифовна Ковригина, Дмитрий Максимович Ковригин, купец Николай Герасимович Даньшин, мещанин Сергей Петрович [37].

Матрону (16.03.1829 — ?), дочь Герасима Андреевича Горбунова, 16.03.1829г. в Мироносицкой церкви крестили купеческие дети Николай Николаевич и Надежда Николаевна Даньшины [38].

Ближайшее окружение Н.Г. Даньшина: крестьянин с. Пластова Тульской губернии Евсей Потапов, мещане Иван и Сергей Петровичи Тарховы, мещанская дочь Анна Петровна Тархова, штабс-капитан Александр Алексеевич Коженевский и его жена Евдокия Андреевна, перемышльский мещанин Гаврила Григорьевич Химичев; Роман Михайлович Спиридонов, Гликерия Петровна Строкина, дочь купца Петра Гавриловича, Герасим Андреевич Горбунов.

Семена (10.06.1826—?), сына мещанина Романа Михайловича Спиридонова, крестили купец Петр Герасимович Устинин и купца Николая Герасимовича дочь Александра [39]. 23.01.1821г. венчались в церкви Преображения Слободской одоевский купеческий сын Петр Иванович Тархов и купеческая дочь, девица Пелагея Михайловна Масалитинова, дочь Михаила Петровича [40].

Венчались 23.05.1822г. в церкви Преображения Слободской Иван Петрович Тархов, сын мещанина Петра Феоктистовича, и Ольга Парфеньевна Селезнева, дочь московского купца Парфения Александровича [41].

Венчались 9.07.1825г. в Мироносицкой церкви мещанский сын Сергей Петрович Тархов и девица Александра Кирилловна Зотова, дочь мещанина Кирилла Антоновича [42].

Городской голова г. Калуги с 1845г. — БОГДАНОВ Корней Миронович (?—?), мещанин (1825), купец 1 гильдии (1835).

Родители: Богданов Мирон Григорьевич и N. Их дети: Мирон, Марья (?—13.12.1838) («наследник её каменного двухэтажного дома — брат, 2-й гильдии купец Корней Миронович Богданов») [43], Александра — замужем за Петром Васильевичем Ларионовым, сыном Василия Никитича (венчание — 10.10.1829 г. в Мироносицкой церкви; поручители: Василий Никитич и Дмитрий Терентьевич Ларионовы, Корней Миронович Богданов, Василий Иванович Воротынцев, Федор Федорович Можакин) [44]. Жена 1 К.М. Богданова: N. Дети: Дмитрий (21.10.1825—17.11.1825), Александра (18.02.1827—?), Ольга (13.05.1828—?), Восприемники при крещении детей в Николослободской церкви: купец Василий Степанович Теренин и вольноотпущенная девица Александра Мироновна Богданова, купец Матвей Петрович Медынцев.

Жена 2 К.М. Богданова: Елизавета Феодосиева (?Носова) (?—?), дочь купца Феодосия Федоровича, из прихода Одигитриевской церкви. Венчание — в Николослободской церкви 18.05.1830 г. Поручители: мещане Петр Максимович Марков, Григорий Григорьевич Новиков, Семен Федорович Носов [45].

Купец Корней Миронович Богданов, имея капитал 20000 рублей, в 1836 г. перешел из 1 гильдии купечества во вторую [46].

Василий Степанович Теренин и Мария Матвеевна Медынцева, дочь Матвея Петровича, венчались 8.01.1822 г. в Благовещенской церкви [47].

Мещанин Корней Миронович Богданов и мещанская жена Наталья Ивановна Недосекина были восприемниками при крещении в Николо-Слободской церкви Михаила (13.09.1825 — 21.06.1826), сына мещанина Федора Ивановича Кулешова и его жены Матроны Андреевны (Зюзиной) (1805—27.07.1826), дочери Андрея Петровича, из прихода Спасослободской церкви (венчание их — 2.01.1823) [48].

Мещанин Корней Миронович Богданов в 1826 г. был одним из поручителей при венчании Федора Ивановича Кулешова и Александры Алексеевны Кашиной, дочери Алексея Васильевича [49].

Купец Корней Миронович Богданов и жена купеческого сына Анна Михайловна

Старченкова были восприемниками при крещении в церкви Георгия за верхом Александры (6.04.1830—?), дочери канцеляриста Филиппа Семеновича Добромыслова [50].

Начало моей работы «Городские головы г. Калуги: к вопросу генеалогии» опубликовано в сборнике материлов XI Всероссийской научной краеведческой конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья» (Калуга, 2005.С. 93—96). Даты жизни купцов и мещан взяты из ревизских сказок, исповедных ведомостей и метрических книг церквей г. Калуги. Даты с указанием: число, месяц, год — из метрических книг разных соответствующих лет. Даты, указывающие только год (без числа и месяца), вычислены по ревизским сказкам.

Примечания

1. Предложения об учреждении общественного банка в Калуге//КГВ. 1859. №10; Открытие общественного банка в Калуге //КГВ. 1862. №27; Благотворительные учреждения в г. Калуге//Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии. Калуга, 1896. Ч. 4. С. 6—59; Калужский общественный братьев Михаила и Павла Малютиных банк//Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии. Калуга, 1912. С. 7—54 (лит. отд.); Продувнов В.Е. Династия Малютиных //Весть. 22.02.2002г. № 43—44; Малютин Семён Семёнович//Гущина Н.В., Горолевич И.Е., Кожевникова Н.И. Благотворители и меценаты земли Калужской. Калуга: «ГАРАЛЬ», 2007. С. 44—49.
2. ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Ревизские сказки о купцах г. Калуги за 1816 г.
3. ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34. Журнал Калужской думы. Списки о составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли за 1819 г.
4. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д.47. Метрическая книга церквей Калуги 1826г.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 217. Метрическая книга церквей Калуги 1862г.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 39. Метрическая книга церквей Калуги 1821г.
7. ГАКО. Ф. 86. Д. 3. Оп. 49. Ревизские сказки по г. Калуге 1795г.
8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 40. Метрическая книга церквей Калуги 1822г.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 199. Метрическая книга церквей Калуги 1857г.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 534. Метрическая книга церквей Калуги 1904г.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д.84. Метрическая книга церквей Калуги 1830г.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 283. Метрическая книга церквей Калуги 1880г.
13. КГВ. № 98. 19.09.1892. С. 384. Памяти В.Ф. Фалеева.
14. КГВ. № 97. 17.09.1892. С. 380. Некролог В.Ф. Фалеева.
15. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 42. Метрическая книга церквей Калуги 1824г.
16. ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 146. Л. 143. Ревизские сказки по г. Калуге 1816г.
17. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 41. Метрическая книга церквей Калуги 1823г.
18. ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 418об. Ревизские сказки по г. Калуге 1795г.
19. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 217. Метрическая книга церквей Калуги 1862г.
20. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1331. Ревизские сказки по г. Калуге 1851г.
21. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 75. Метрическая книга церквей Калуги 1837г.
22. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 540. Метрическая книга церквей Калуги 1910г.
23. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 540. Метрическая книга церквей Калуги 1889г.
24. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 537. Метрическая книга церквей Калуги 1907г.
25. ГАКО. Список домов и их владельцев в Калуге в 1919г.
26. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 287. Метрическая книга церквей Калуги 1883г.
27. Из воспоминаний Л.А. Кувшинниковой.
28. «Калужский вестник». 1897г.
29. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 52. Метрическая книга церквей Калуги 1830 г.
30. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 40. Метрическая книга церквей Калуги 1822г.
31. ГАКО. Ф. 86. Оп. 39. Д. 3. Ревизские сказки по г. Калуге 1783г.
32. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 35. Метрическая книга церквей г. Калуги 1820г.
33. КГВ. 1847. №36. Объявления и извещения.
34. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4.Д. 43. Метрическая книга церквей г. Калуги 1825г.
35. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 42. Метрическая книга церквей г. Калуги 1824г.
36. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 41. Метрическая книга церквей г. Калуги 1823г.
37. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 44. Метрическая книга церквей г. Калуги 1826г.
38. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4.Д. 50. Метрическая книга церквей г. Калуги 1829г.
39. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 44. Метрическая книга церквей г. Калуги 1826г.

40. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 39. Метрическая книга церквей г. Калуги 1821г.
41. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 40. Метрическая книга церквей г. Калуги 1822г.
42. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 43. Метрическая книга церквей г. Калуги 1825г.
43. КГВ. 1839г. Объявления и извещения.
44. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 50. Л. 98об. Метрическая книга церквей г. Калуги 1829г.
45. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 52. Л. 314. Метрическая книга церквей г. Калуги 1830г.
46. ГАКО. Ф. 49. Оп.1. Д. 199. Л. 664. Журнал Калужской городской думы 1836г.
47. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 40. Метрическая книга церквей г. Калуги 1822г.
48. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 41. Метрическая книга церквей г. Калуги 1823г.
49. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 44. Метрическая книга церквей г. Калуги 1826г.
50. ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 52. Метрическая книга церквей г. Калуги 1830г.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕШКОЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ. (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ)

***В.В. Панасюк**, ст. преп., РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева*

Аграрная реформа П.А. Столыпина всегда вызывала повышенное внимание историков, экономистов, политиков и служила объектом острых дискуссий. В последние годы в ходе высвобождения отечественной историографии от пресса идеологических догм наметился новый подъем интереса к преобразовательной деятельности П.А. Столыпина. Вместе с тем следует отметить тот факт, что на фоне активного изучения всего комплекса мероприятий столыпинской аграрной реформы в целом по стране, а также ее реализации в отдельных регионах России, пример исследований по Калужской губернии начала XX века свидетельствует о слабой разработки вопроса в исторической науке. Несколько имеющихся публикаций не могут здесь сформировать глубокое представление об этой реформе, особенностях ее проведения на Калужской земле[1]. Известно, одним из направлений аграрной реформы Столыпина был вопрос об организации в губернии внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний среди взрослого крестьянского населения. Изучение этой темы в Калужской деревне до сих пор оставалось на периферии научного регионального исследования. В этой связи нашей задачей являлась попытка анализа этого малоисследованного вопроса, опираясь преимущественно на материалы губернской периодической печати, в которой рельефно отражались текущие события и оценки по данной проблеме.

В начале XX века Калужская губерния находилась у истоков формирования земской агрономической службы, когда в 1902 г. была утверждена новая должность — губернский земский агроном. Спустя некоторое время последовала становление сети уездных агрономов и к началу столыпинской реформы (1906 г.) их насчитывалось 5, т.е. практически половина уездов губернии была охвачена земской агрономической деятельностью. Надо признать, что работа первых агрономов носила нередко случайный характер, не хватало порой активности, не урегулирована была и правовая база, определявшая их профессиональный статус среди земских служащих[2].

Всплеск интереса земства к внешкольному сельскохозяйственному образованию начался после обещания ГУЗиЗ выдавать кредиты на эти мероприятия. Назначение П.Д. Копылова в декабре 1908 г. на должность нового губернского земского агронома, по нашему наблюдению, способствовало дальнейшему совершенствованию и укреплению агрономической организации Калужской губернии. Через 2 года (в 1910 г.), проанализировав новое направление земского хозяйства, он предложил считать, что распространение сельскохозяйственных знаний внешкольным путем среди взрослого крестьянского населения должно иметь следующие организационные формы: *«1. Устройство кратковременных общедоступных курсов по разным отраслям сельского хозяйства, устраиваемых периодически в разных пунктах губернии: при сельскохозяйственных обществах и других сельскохозяйственных кооперациях, где имеются*

подходящие условия, при местных сельскохозяйственных школах, хорошо поставленных частновладельческих хозяйствах. 2. Лекции, чтения, беседы, устраиваемые в разных пунктах губернии. 3. Сельскохозяйственные выставки, устраиваемые в разных пунктах губернии с чтениями и демонстрациями; в частности, передвижные выставки. 4. Показательные посевы с улучшенной обработкой почвы, с применением минеральных удобрений, сортировальным зерном, рядовым посевом, улучшенными сортами хлебов и др. 5. Издание и распространение общедоступной сельскохозяйственной литературы, плакаты, брошюры, периодический сельскохозяйственный орган»[3].

Они имели свои особенности, что отличало их от школьного образования. Во-первых, внешкольное образование предполагало широкий массовый характер, в то время как в учебных заведениях получали знания лишь немногие. Во-вторых, оно, как правило, малозатратно и по средствам, и по времени. В-третьих, к внешкольному обучению приобщались люди независимо от возраста, а в учебных заведениях занималась только молодежь. При этом внешкольное обучение традиционно было приближено к месту проживания обучающихся. И наконец, отличие состояло и в том, что люди, получающие знания внешкольными путями, как правило, не претендовали на какие-либо документы об образовании[4].

Ссылаясь на мнение П.Д. Копылова об организационных направлениях внешкольного сельскохозяйственного образования крестьян, перейдем к рассмотрению некоторых из них подробнее.

На очередном декабрьском заседании Калужского губернского земского собрания 1909 г. среди важнейших вопросов регионального значения был утвержден за основу доклад управы о начале проведения сельскохозяйственных курсов в 1910 г. Первый опыт в устройстве курсов, организованных губернским земством, состоялся в Калуге с 8 по 27 июня 1910 г. в здании реального училища. В «Калужском курьере» читаем: *«Курсы были открыты краткой речью председателя губернской земской управы К.А. Шумовского, пожелавшего успеха курсистам. Затем губернский агроном П.Д. Копылов развил перед слушателями задачи и цели курсов»*[5]. Число слушателей набралось 50 человек, хотя в первый день было всего не более 27 человек. Вероятно, некоторые из слушателей не смогли вовремя приехать к открытию курсов по причине неточного распределения времени приезда из уездов. Итак, что же из себя представляли первые губернские курсы? По социальному составу курсистами являлись только крестьяне, как молодого возраста, так и пожилые люди. Большинство из них размещалось в помещении Николо-Козинской приходской школы, а остальные поселились на частных квартирах. Губернское земство выдавало всем слушателям курсов пособие, которое включало в себя оплату проезда по железной дороге до Калуги и обратно и суточных 40 копеек. Занятия проводились каждый день в 2 смены: утренняя — с 9 до 12 часов, вечерняя — с 6 до 8 часов, в среднем было около 30 человек. Лекторский состав преимущественно состоял из местных земских служащих по сельскому хозяйству — это агрономы, ветеринарные врачи, инструкторы по садоводству и молочному хозяйству. Чтения проводились по таким дисциплинам, как земледелие, растениеводство, животноводство, садоводство, огородничество, пчеловодство. Принимая во внимание тот факт, что это были первые курсы, направленные на повышение экономического благосостояния крестьян, губернская земская управа выступила с инициативой, чтобы выпускники ответили на вопросы анкеты, связанной с прошедшими курсами[6]. К сожалению, мы не знаем о ее результатах, но с уверенностью можем сказать, что в последующие годы (1911, 1912, 1913, 1914 гг.) практика проведения губернских сельскохозяйственных курсов будет продолжена[7]. На этих курсах лекторский состав теперь изменился — вместе с земским агрономическим персоналом занятия проводили также специалисты Департамента земледелия (правительственный агроном, специалист по луговодству, инструктор по молочному хозяйству). Наряду с основной формой занятий — теоретические лекции, были и практические занятия, когда, например, демонстрировались сельскохозяйственные машины и орудия. Длительность курсов составляла от 4 до 6 недель. Для наилучшего усвоения материала слушателями курсов, лекторы использовали наглядный метод обучения: туманные картины, применение волшебного фонаря на экране и т.д.[8]

В совершенно новом для губернского земского хозяйства вопросе как организация сельскохозяйственных курсов, несомненно, встречались как положительные моменты, так и недостатки. О высокой оценке курсов можно судить по письмам, написанных курсистами.

Например, крестьянин Фирсов курсист 1911 г. из села Спас-Деменска Мосальского уезда в адрес местного сельскохозяйственного общества написал письмо, опубликованное в «Калужском курьере». Так, он записал: *«Мы теперь поняли, что если когда у нас ничего не родит, то это не потому, что Бог не уродил, а потому что мы не дали своим растениям того, что необходимо для пищи. Но заметьте, что это мы столько уже узнали из одного прочитанного курса (это «введение в агрономию»). Но можете ли вы вообразить, сколько мы можем понять, когда нам прочтут 16 курсов. И поэтому если бы было у нас в России побольше таких курсов, то я уверен, что меньше было бы неурожаев, засух, а вместе с ними и голода. Меньше было бы роптаний на Бога, но больше надежды на самих себя»*[9]. С другой стороны, анализируя проведенные курсы, считаем, что к недостаткам можно отнести, во-первых, неточную, слабую осведомленность крестьян из уездов о времени занятий на курсах, и, во-вторых, некоторым крестьянам из далеких уголков губернии было просто физически трудно добираться в Калугу.

С осени 1911 г. губернское земство приступило к устройству курсов уже в различных местах Калужской губернии. Теперь они приобретали новый статус – они назывались местные сельскохозяйственные курсы. Впервые они проводились в 8 населенных пунктах Калужского, Мещовского, Медынского, Козельского и Лихвинского уездов[10]. В дальнейшей практике сложится такая норма, когда местные курсы, как правило, организовывались при сельскохозяйственных обществах и кооперативах. Программа курсов в определенной степени соответствовала программе губернских, но с обязательной рекомендацией, чтобы они должны учитывать социально-экономические особенности той местности, где они проводились. Об этом говорил агроном В. Яхнин: *«Программа курсов должна по возможности носить прикладной характер и освещаться фактами из местной хозяйственной жизни. Очень важно разрешение во время лекций разных практических хозяйственных вопросов; лекции должны быть построены так, чтобы слушатели вносили в аудиторию вопросы своей личной хозяйственной жизни; это делает чтение живыми и понятными для слушателей»*[11]. Лекторский состав был из губернских, уездных и правительственных специалистов, финансирование велось из нескольких источников — это были расходы губернского и уездных земских учреждений, Департамента земледелия и, наконец, затраты самих сельскохозяйственных обществ и кооперативов. В уездной газете «Листок Жиздринского сельскохозяйственного общества» мы находим подробные сведения о проведения подобных курсов. Так, *«с 1-го по 18-е декабря 1911 г. при показательном хозяйстве Ветмицкого сельскохозяйственного общества состоялись первые в Жиздринском уезде курсы по сельскому хозяйству для взрослых крестьян»*[12]. В организации этих курсов примечателен тот факт, абсолютно новый, что слушатели курсов были на полном пансионном содержании (оплата проживания на хуторе, завтрак, обед и ужин). Если на губернских курсах преимущественно были люди среднего и пожилого возраста, то здесь складывалась иная ситуация, когда большинство состояло из молодежи — 24 человека в возрасте от 15—24 лет из всех 40 курсистов. Такая особенность была прямым следствием того, что в каждой семье взрослые были заняты отхожими промыслами (в районе Ветмицкого общества, например, — это перевозка угля, дров и пр.)[13]. Много и других интересных фактов из деятельности курсов можно найти на страницах «Листка Жиздринского сельскохозяйственного общества».

Подведем некоторые итоги. Во-первых, в отличие от губернских курсов, здесь сами специалисты по сельскому хозяйству уже шли в село, они теперь имели прямой выход на крестьян, что, можно было бы считать преимуществом местных курсов; во-вторых, по продолжительности они были 2—3 недели, т.е. меньше губернских и поэтому агрономическому персоналу было весьма непросто работать в таких методико-педагогических ситуациях, когда требовалось от них полного, доступного изложения материала за короткий срок. Решать эту нелегкую задачу приходилось только с опытом работы. И, наконец, приведем статистические данные о динамике роста числа населенных пунктов губернии, где проводились курсы: если в 1910 г. курсы были устроены в 3-х местах, то в 1911 г. их число достигло 12, то в следующем 1912 г. насчитывалось около 30, а на 1913 г. уже планировалось свыше 40 мест для устройства курсов[14].

История зарождения сельскохозяйственных выставок в Калужской губернии относится к концу XIX века, когда в сентябре 1892 г. в здании Калужского губернского дворянского собрания открылась первая сельскохозяйственная выставка регионального масштаба, получившая официальное название *«выставка садоводства, огородничества и полеводства»*. Ее организатором стало Калужское губернское сельскохозяйственное общество, учрежденное в

1849 г. Выставка состояла из нескольких отделов: цветочный, огородничество, плодоводство и полевых продуктов[15]. Как известно, главной целью выставок являлось ознакомление посетителей с новыми знаниями в отрасли и достижениями передового опыта. На выставках также изучался спрос на кустарную и сельскохозяйственную продукцию, заключались коммерческие сделки.

В начале XX века в губернии начался процесс становления и местных сельскохозяйственных выставок, ограниченных территориально волостными или уездными границами. Жиздринский уезд стал первым из уездов, начавших эту практику — в 1906 г. Хотьковское сельскохозяйственное общество, в 1907 г. — Ветмицкое, а в 1910 г. — Жиздринское общества организовали подобные выставки[16]. Дальше волна выставочного движения охватила и другие уезды — Мосальский, Мещовский, Малоярославецкий, Козельский. В большинстве случаев организаторами выставок выступили местные сельскохозяйственные общества, в деятельность которых входило распространение сельскохозяйственных знаний. На выставках всегда работали экспертные комиссии, выявлявшие самые лучшие единоличные и коллективные хозяйства, образцовую продукцию, существовала система премирования и награждения[17].

Сентябрь 1913 г. был отмечен важным событием в выставочном деле Калужской губернии. Впервые за годы проведения губернских сельскохозяйственных выставок образован хуторской отдел, на котором была представлена картина зародившегося в регионе хуторского хозяйства. Отдел состоял из выставленных самых разнообразных экспонатов хуторян, представлявших все 11 уездов: скот, продукты полеводства, огородничества, садоводства, пчеловодства, маслоделия, были и фотографии хуторов. Из Калужского уезда имелись образцы овса, выращенного на почвах с искусственным удобрением. Мещовский уезд представил образцы семян многопольного хозяйства. Медынский уезд показал корчевальную машину для уничтожения лесных пней. Большим числом экспонатов было отмечено маслоделие хуторян и молочных артелей. По нашему мнению, это наглядный пример того, как одно из направлений сельскохозяйственной деятельности крестьян могло стать очень выгодным. По всей видимости, чтения и беседы на курсах по молочному хозяйству не прошли бесследно[18]. По итогам выставки по хуторскому отделу экспертная комиссия присудила 91 награду: 3 золотых (например, одну из них получил хуторянин Талашаев А.М. Жиздринского уезда за рожь, овес, клевер и другие культуры), 16 серебряных и 23 бронзовых медали, 40 похвальных листов и 27 участникам выражена благодарность.

Еще одним новым мероприятием губернского земства в системе внешкольного сельскохозяйственного образования стала организация с 1910 г. передвижных выставок по сельскому хозяйству. Основная цель — *«дать каждому земледельцу возможность ознакомиться с теми улучшениями, которые необходимо вводить в крестьянском хозяйстве Калужской губернии»*. Конечно, выставками в привычном понимании этого слова их назвать было трудно, более того, губернский земский агроном П.Д. Копылов утверждал, что правильнее было бы их считать музеями[19]. Коротко представим себе деятельность передвижных выставок за 1910 г. Было устроено 2 выставки (1-й обоз объезжал северную часть губернии, 2-й обоз — южные уезды региона), которые вызвали большой интерес у крестьянского населения; они были доступны всем жителям сел по пути следования. Каждая из них имела целый набор машин и орудий по полеводству, молочному хозяйству, садоводству, огородничеству, плакаты, световые картины. Выставку сопровождал специальный лектор-агроном, проводивший чтения и демонстрации в местах ее остановки. Вместе с ним в работе принимали также участие земские агрономы и инструкторы. В каждом пункте выставка останавливалась 3—4 дня. За 4 месяца (май—сентябрь) выставки были развернуты в 58 селениях, проведено 252 чтения, в том числе 170 по полеводству, 43 по животноводству; остальные посвящались садоводству, огородничеству, пчеловодству. Всего побывало по приблизительным подсчетам 15000 человек, от 150 до 600 посетителей на каждой выставке. Чаще всего крестьяне обращались к специалистам выставки с вопросами по обработке почвы, удобрениям, системе севооборота, борьбе с вредителями садов и огородов, организации мелкого кредита и кооперации и др.[20]

Однако широкому проведению земских планов в жизнь помешала наступившая мировая война в 1914 г. и революционные события 1917 г. Тем не менее, именно земские учреждения Калужской губернии, и нужно отдать им должное, фактически заложили основы планомерной организации сети внешкольного сельскохозяйственного образования крестьян, именно земствам впервые удалось подключить к этой работе широкие круги местного населения.

[1] Тихомиров Б. Экономика Калужской губернии перед революцией 1917 г.//Партийная мысль: юбилейный выпуск. Калуга, 1927. С. 29—33; Фомин А.А. Влияние Столыпинской реформы на землеустроительный процесс и сельское расселение//Землеустроительные аспекты сельского расселения Центральной России в первой трети XX столетия. Калуга, 1998. С. 7—35; Щербаков Д.А. Столыпинская аграрная реформа в Калужской губернии // Калужский краевед. Калуга, 1958. С. 17—36.

[2] Обзор, доклады и отчеты по земским агрономическим мероприятиям в Калужской губернии за 1910 год. Калуга, 1911. С. 3—4.

[3] Там же. С. 15—16.

[4] Сев Ф. Внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний // Земский агроном. 1913. № 2. С. 22.

[5] Калужский курьер. 1910. 10 июня.

[6] Калужский курьер. 1910. 10 июня; 3 июля.

[7] Калужский курьер. 1911. 15 марта; 1912. 14 февраля; 1913. 12 февраля; 1914. 25 февраля.

[8] Там же.

[9] Калужский курьер. 1911. 15 марта.

[10] Калужский курьер. 1911. 29 октября.

[11] Листок Жиздринского сельскохозяйственного общества. 1912. № 12. С. 3.

[12] Листок Жиздринского сельскохозяйственного общества. 1912. № 19. С. 3.

[13] Там же.

[14] Листок Жиздринского сельскохозяйственного общества. 1913. № 17. С. 8.

[15] Калужские губернские ведомости (далее КГВ). 1892. 5 сентября; 1892. 22 сентября.

[16] Калужский курьер. 1910. 3 августа.

[17] Калужский курьер. 1910. 3 августа; 1912. 14 августа; 1912. 27 сентября; КГВ. 1911. 29 сентября.

[18] Листок Жиздринского сельскохозяйственного общества. 1913. № 11—12. С. 25—27.

[19] Обзор, доклады и отчеты по земским агрономическим мероприятиям в Калужской губернии за 1910 год. Калуга, 1911. С. 19.

[20] Там же. С. 19—20.

БИОГРАФИИ НЕКОТОРЫХ ЧЛЕНОВ КОРПОРАЦИИ КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВВ.

***А.А. Бовкало**, г. С-Петербург*

С конца XIX в. по 1918 г. членами корпорации Калужской духовной семинарии побывало около 50 человек. Многие из них служили в Калуге очень недолго — всего несколько лет, а то и месяцев. Чаще всего для них Калуга был одним из первых мест службы вскоре после окончания духовной академии и впоследствии их карьера складывалась по-разному. А революция 1917 года и репрессии 1920—1930-х годов определили судьбы большинства из них.

Два ректора Калужской ДС ныне причислены к лику святых как новомученики. Один — это выпускник Казанской ДА 1888 года Александр Иванович Трапицын (29.08.1862, с. Волма Вятского у. Вятской губ.— 14.01.1938, Куйбышев). В 1889 он был рукоположен во священника и служил в Вятском кафедральном соборе. В 1900 году после кончины жены он принял монашество с именем Александр, а 25 июля 1901[1] был назначен ректором Калужской ДС с возведением в сан архимандрита. Эту должность он занимал 3 года, а 13 ноября 1904[2] был назначен во епископа Муромского, викария Владимирской епархии, и 12 декабря 1904 рукоположен в епископский сан. С 23 ноября 1907 он епископ Юрьевский, первый викарий Владимирской епархии. С 29 мая 1912 по 1921 — епископ Вологодский и Тотемский. В годы Первой мировой войны владыка Александр организовывал сбор пожертвований на военные нужды, помощь вдовам и сиротам, отряды братьев милосердия, действовавших на передовой. Участвовал во Всероссийском съезде представителей от монастырей в 1917 году и Поместном Соборе 1917—1918 гг. В 1923 году он был арестован, после освобождения был назначен епископом Ульяновским, в 1928 — епископом Крымским. Летом 1928 возведен в сан архиепископа и назначен на Самарскую кафедру. В 1933 основа. арестован и, приговорен к 3 годам ссылки на Урал. 29 ноября 1937 г. снова арестован в Куйбышеве и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян вместе с 12 священниками Куйбышевской епархии,

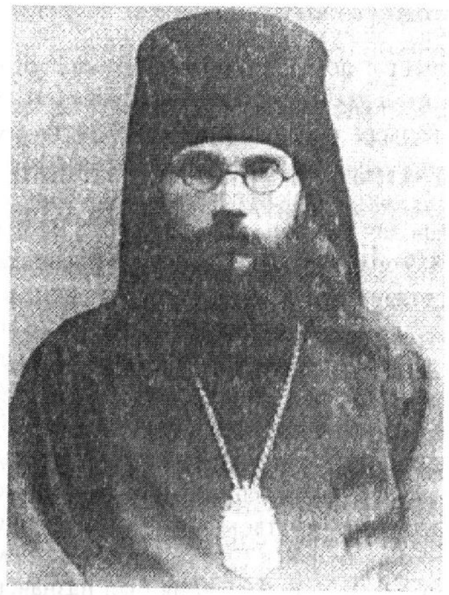
Архимандрит Александр (Александр Иванович Трапицын, 1862—1938), ректор Калужской духовной семинарии в 1901—1904 гг.

похоронен в общей могиле в Куйбышеве. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году[3].

Преемником архимандрита Александра по ректорству с 17 ноября 1904[4] по 17—19 марта 1909[5] был архимандрит Никодим (Кононов Александр Михайлович; 18 июня 1871—10 января 1919), уроженец Архангельской епархии и выпускник Санкт-Петербургской ДА (1896). После окончания академии он 10 ноября 1896 был пострижен в монашество, а 7—16 августа 1896 определен смотрителем Александро-Невского ДУ в Санкт-Петербурге. После Калужской архимандрит Никодим возглавлял Олонецкую ДС в Петрозаводске. 9 января 1911 года он был хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии, а 15 ноября 1913 переведен на Белгородскую кафедру, викарием той же епархии. Это был видный церковный историк. Он был одним из главных составителей многотомного труда «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX столетий». Им составлены Архангельский (СПб., 1901) и Олонецкий (Петрозаводск, 1910) патерики, немало жизнеописаний подвижников различных епархий. В начале января 1919 года он был арестован и расстрелян. В 2000 Архиерейским Собором владыка Никодим был причислен к лику святых.

Архиереями стали и два преподавателя Калужской ДС. Один из них, архиепископ Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; с. Макарьевское Ветлужского уезда Костромской губ., 21 марта 1876—Иваново, 23 октября 1937) — занимает видное место в истории Русской Православной Церкви XX века.

После окончания Казанской ДА (1900) он был оставлен профессорским стипендиатом, а 3—15 октября 1901[6], будучи иеромонахом, был назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Калужскую ДС. В Калуге он пробыл меньше года и 3 июля 1902[7] был назначен инспектором Казанской ДС. В 1903 году был удостоен степени магистра богословия. Впоследствии он стал последним предреволюционным ректором Московской ДА и епископом Волоколамским, викарием Московской епархии. После Февральской революции 1 мая 1917 он был уволен от должности ректора и назначен настоятелем Данилова монастыря. Епископ Феодор был членом Поместного Собора 1917—1918 от монашествующих. В 1918 он стал одним из авторов акафиста св. князю Даниилу Московскому. В Даниловом монастыре он с 1919 возглавлял организованные им же религиозно-философские курсы для молодежи («Даниловская академия»). Начиная с 1920 года он неоднократно арестовывался, находился в тюрьмах и ссылках. От назначений на архиерейские кафедры отказывался, лишь в 1923 году принял награждение саном архиепископа. С 1927 он находился в оппозиции к заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию и стал одним из лидеров «непоминающих». Впоследствии архиепископ Феодор принял схиму с именем Даниил. В июле 1937, будучи в ссылке с. Гентюково под Сыктывкаром,

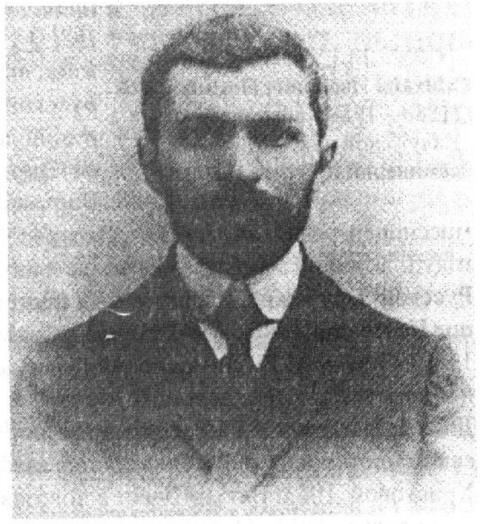


Архиепископ Феодор (Поздеевский Александр Васильевич, 1876–1937), в 1901 г. – преподаватель Калужской духовной семинарии

был арестован, вывезен в Иваново для следствия, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Ивановской тюрьме[8].

Архиереем стал также преподававший с 17 июля 1902[9] по 20 ноября 1902 основное, догматическое и нравственное богословие иеромонах Виссарион (Зорнин Василий Павлович; 24.03.1878, с. Голубцовка Саранского у. Пензенской губ.—25.11.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), впоследствии один из видных деятелей григорианского раскола (Калугу этот раскол не затронул). Еще в Казанской ДА (окончил 1902) он принял монашество и был возведен в сан иеромонаха. Сразу после окончания Академии он получил назначение в Калугу. Затем он был ректором нескольких семинарий, а 1923 году был рукоположен во епископа Вольского, а в декабре 1925 года вошел во Временный Высший Церковный Совет (григорианский раскол). С 1928 он становится председателем ВВЦС, с 1929 носит титул митрополита Ярославского, но в 1933 году был удален от дел. Конец его также трагичен: он был арестован в Москве и расстрелян[10].

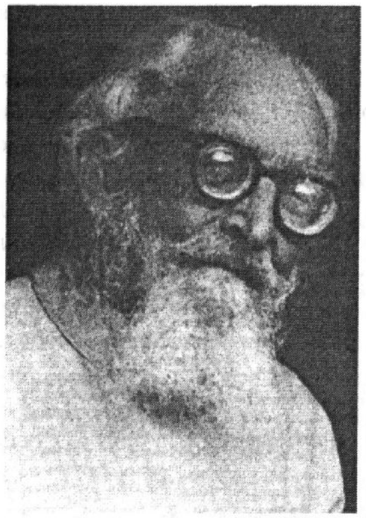
С 28 августа 1908[11]—по 16 августа 1911 основное, догматическое и нравственное богословие в Калужской ДС преподавал Александр Михайлович Туберовский (8 марта 1881 — 23 декабря 1937). Он был сыном священника с. Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губ. После окончания Московской ДА в 1907 году он был оставлен профессорским стипендиатом, а затем получил назначение в Калугу. С 1911 года он доцент, а после защиты магистерской диссертации в 1917 году — экстраординарный профессор кафедры догматического богословия Московской ДА. А.М.Туберовский является автором ряда работ по догматике, из которых важнейшая — о «Воскресении Христовом» (Сергиев Посад, 1916; магистерская диссертация), и ряда статей по этой теме, по религиозной этике и воспитанию. В 1910 году в «Калужской старине» он опубликовал статью «Религиозные мотивы в жизни и творчестве Н.В.Гоголя» (т. 5. С. 1—42). В 1919 г. А.М.Туберовский уехал на родину в с. Маккавеево, где принял священство, пользовался большим авторитетом у местного населения не только как священник, но и как всесторонне образованный век и как образцово ведший свое хозяйство, где применял новейшие достижения агрономии, переписывался с И.М. Мичуриным, получая от него новые сорта фруктов, делясь с крестьянами своими знаниями. Служил он в родном селе до ареста 26 сентября 1937 года; по всей вероятности, он был расстрелян с группой заключенных 23 декабря 1937 в Рязанской области[12].



Александр Михайлович Туберовский (1881—1937), преподаватель Калужской духовной семинарии в 1908—1911 гг.

Александр Ананьевич Каэлас (ум. в апреле 1920) после окончания в 1905 году Московской ДА, с 25 августа 1905[13] по 15 августа 1908[14] преподавал в Калужской ДС логику и соединенные предметы. Впоследствии он стал приват-доцентом Московского университета, был членом Поместного Собора 1917—1918 годов (от Рижской епархии). 22(9) августа 1918 № 282 Высшей Церковной властью А.А.Каэлас был утвержден преподавателем кафедры истории педагогических учений Высшего Женского Богословско-Педагогического института в Москве (на эту кафедру он был избран 17(4) мая 1918). Институт этот, открытый осенью 1917 года, просуществовал меньше года. Скончался А.А.Каэлас в Иркутске.

Два бывших члена корпорации оказались в эмиграции. Иван Пименович Четвериков (Тульская губ., 19 января 1870-е годы[15]—Штутгарт, 2 октября 1969), выпускник Киевской ДА (1899) был назначен преподавателем логики и соединенных предметов в Калужскую ДС 9 декабря 1899[16]. В 1905 году он защитил магистерскую диссертацию и был назначен доцентом кафедры психологии Киевской ДА. Затем он был профессором Ташкентского университета (1918—1922). В 1922 И.П.Четвериков был выслан из Советской страны и поселился в Эстонии, где был профессором Тартуского университета (1922—1944), затем



Михаил Иванович Помазанский (1888—1988), преподаватель Калужской духовной семинарии в 1914—1920 гг.

переехал в Германию, был членом епархиального совета Германской епархии Русской Зарубежной Церкви (1950-е гг.—1969). Он также был приглашенным профессором Парижского Сергиевского Богословского института по кафедре догматического богословия (1953—1954). В эмиграции И.П.Четвериков опубликовал несколько книг (Почитание Божией Матери и России. Герсбрук, 1943; Преподобный Сергий Радонежский. Герсбрук, 1947; Святитель Николай Чудотворец. Герсбрук, 1948 и др.).

Уроженец Волыни Михаил Иванович Помазанский (с. Корысть Волынской губ., 7 ноября 1888—Джорданвилль, шт. Нью-Йорк, США, 4 ноября 1988), по окончании Киевской ДА (1912) был противосектантским миссионером Херсонской епархии. 14 июля 1914 он был назначен преподавателем обличительного богословия в Калужскую ДС. В 1920 году он выехал в Польшу. Преподавал русский язык, литературу, философию и латинский язык в Ровенской русской гимназии (1920—1936), 8 июля 1936 года был рукоположен во священника церкви в г. Воломине недалеко от Варшавы, с 1938 года он помощник настоятеля Варшавского кафедрального собора и епархиальный миссионер, редактор журнала «Воскресное Чтение» (1936—1944), протоиерей (1938). В 1944 году о. Михаил эмигрировал в Австрию, а затем в Германию и был принят в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви, был настоятелем церкви при лагере для перемещенных лиц под Касселем (1946—1947), помощником настоятеля Св.-Николаевской в Мюнхене (1947—1949). В 1949 М.И.Помазанский переехал в США, и с 1950 являлся профессором кафедры догматического богословия, а затем и проректором Троицкой Духовной семинарии в Джорданвиле а затем проректор той же семинарии. 22 июня 1962 о. Михаил был награжден саном протопресвитера. Он является автором многих книг: В мире молитвы. 1957; О Церкви Христовой. 1961; Ветхий Завет в новозаветной Церкви. 1961; Православное догматическое богословие. 1963; О жизни, о вере, о Церкви. Сборник (1946-1976). 1976 (все изданы в Джорданвиле)[17]. В последние годы книги И.П.Четверикова и М.И.Помазанского стали издаваться и в России.

Иной была судьба преподавателя теории словесности и истории русской литературы Калужской ДС Льва Николаевича Парийского (20 февраля 1892—23 ноября 1972). После окончания в 1915 году Петроградской ДА он был преподавателем греческого языка Калужского ДУ, а 28 октября 1915 был назначен в Калужскую ДС. С 14 сентября 1916 он преподаватель словесности и истории русской литературы Минской ДС. С 1918 преподаватель Священного Писания Ветхого Завета в Петроградском Богословско-пастырском училище, 1 января 1921—1922 — помощник секретаря митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина. Одновременно он преподавал в школах и был ассистентом по кафедре русского языка 1-го Петроградского политехникума. В мае 1922 Л.Н.Парийский был арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» и приговорен к 5 годам заключения. Условно-досрочно освобожден осенью 1923 года. В дальнейшем — псаломщик и регент церковных хоров различных храмов Ленинграда. Во время блокады он был регентом хора, казначеем и председателем приходского совета собора Князя Владимира. Был награжден медалью «За оборону Ленинграда». С мая 1944

Лев Николаевич Парийский (1892—1972), преподаватель Калужской духовной семинарии в 1915—1916 гг.

был секретарем митрополита (затем Патриарха) Алексия, регентом в его Крестовой церкви, бухгалтером Патриархии. Он являлся также секретарем Хозяйственного управления, затем до 1 апреля 1952 — секретарем Учебного комитета при Св. Синоде и редакции «Журнала Московской Патриархии». С 15 августа 1950 по август 1967 — инспектор Ленинградской ДА. С августа 1950 — доцент, а с 21 января 1951 — магистр (по совокупности трудов по изъяснению богословия православной церкви) и профессор Академии. Преподавал патрологию в Ленинградской ДА и практическое руководство для пастырей в Ленинградской ДС. Составитель «Богослужебных указаний», издававшихся Московской Патриархией. Член Международного общества патрологов со времени его основания (1956). Участник межхристианских конференций в защиту мира (1958, 1959, 1960). В 1961 участвовал в работе 1-го Всехристианского мирного конгресса. Принимал участие в работе конференции Европейских Церквей. С августа 1967 — на пенсии[18].

[1] Церковные ведомости [далее — ЦВ]. 1901. № 31. С. 293 (определение № 2796).
[2] ЦВ. 1904. № 47. С. 495.
[3] *См.*: Дамаскин (Орловский), игумен. Александр (Трапицын)//Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000.
[4] ЦВ. 1904. № 48. С. 512. № 6102.
[5] ЦВ. 1909. № 16. С. 114.
[6] ЦВ. 1901. № 43. С. 361 (определение № 3848).
[7] ЦВ. 1902. № 27. С. 263 (определение 3 июля 1902, № 2865).
[8] Голубцов С., протодиакон. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 26—33.
[9] ЦВ. 1902. № 30. С. 276 (Определение 17 июля 1902, № 3113).
[10] Бовкало А.А., Васильева Н.Ю., Липаков Е.В. Виссарион (Зорнин) // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 545—547.
[11] ЦВ. 1908. № 40. С. 308 (приказ 23 сентября 1908, № 28).
[12] Голубцов С., протодиакон. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 58—59.
[13] ЦВ. 1905. № 39. С. 455-456 (приказ 8 сентября 1905, № 36).
[14] ЦВ. 1908. № 38. С. 296 (приказ 2 сентября 1908, № 25).
[15] В различных справочниках приводится год рождения 1880, но поскольку И.П.Четвериков поступил в Академию в 1895, то год рождения должен быть около 1875.
[16] ЦВ. 1900. № 3. С. 19 (приказ 30 декабря 1899, № 25).
[17] Некролог: Светлой памяти протопр. М. Помазанского // Православная Русь. 1988. №21.
[18] Бронский В. Профессор Лев Николаевич Парийский // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 2. С. 26—27.

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДЕ ОРЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

***Л.В. Мурских**, ст. преп., Ливенский филиал ГОУ ВПО «Орел ГТУ»*

Во второй половине XIX века в Орловской губернии шел активный процесс складывания системы женского образования. Вследствие этого на территории Орловского края были открыты средние учебные заведения для девушек из разных сословий. Большинство из них располагалось в г. Орле. К 1901 году в г. Орле действовало 6 женских средних учебных заведений: 1 Александровский институт благородных девиц, 1 Орловское епархиальное женское училище, 4 гимназии: 1 казенная и 3 частные. В них обучались 1541 девушек[1]. Особенность Орловской губернии состояла в том, что здесь образовывались в основном частные женские гимназии. Это были частная женская гимназия Аблецовой и Байковской, частная женская гимназия Г. И. Зейтц и наиболее ярким примером из них была частная женская гимназия М. В. Гиттерман.

Все эти учебные заведения давали знания в рамках средней ступени образования, однако они различались по своему сословному и конфессиональному составу, обладали спецификой учебных программ и особенностями внутренней культурной среды.

В данной статье сделана попытка сравнить две системы учебных заведений дореволюционной

России на примерах Орловского епархиального женского училища и частной женской гимназии М.В. Гиттерман.

Первым по времени возникновения являлось Орловское епархиальное женское училище. Оно образовалось из приюта для бедных девиц духовного звания, который был открыт в 1862 году при Иоанна-Крестительской церкви. В 1868 году приют был переименован в трехклассное женское училище, а в 1875, в соответствии с Уставом епархиальных женских училищ от 20 сентября 1868 года, оно было преобразовано в шестиклассное епархиальное женское училище. Училище состояло в ведении Св. Синода, управлялось епархиальным архиереем (епископом Орловским и Севским) и существовало на средства епархии. Орловское епархиальное женское училище было призвано дать образование девочкам из семей духовенства в соответствии с их будущим назначением — быть достойными спутницами служителей церкви. Одновременно ставилась еще одна цель — готовить домашних учительниц.

История частной женской гимназии Гиттерман берет свое начало с 1877 года, когда в Орле по разрешению попечителя Московского учебного округа был открыт женский пансион[2]. В 1979 году он был переведен из 3-го разряда во 2-ой. В ноябре 1880 года, на основании ст. 14 Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, пансион был преобразован в частную женскую гимназию с предоставлением ей всех прав и преимуществ, какими пользовались правительственные женские гимназии Министерства народного просвещения[3]. Гимназия содержалась исключительно за счет платы за обучение.

В епархиальном училище обучались преимущественно девочки из семей духовенства Орловской епархии (80—90%). Получить здесь образование могли и представительницы других сословий, но их было не много. Так в 1901—1902 учебном году из 435-ти учениц училища 402 принадлежали к духовному сословию и лишь 33 ученицы были инородческие[4].

В гимназии М. В. Гиттерман, в начале XX века, представительниц духовенства было немного, они составляли 1—4% от общего числа учениц. И хотя здесь обучались представительницы различных сословий, наибольшее число учениц составляли дочери дворян и чиновников (от 50 до 60 %), на втором месте находились представительницы городского сословия (от 30 до 40 %). Кроме этих сословий в гимназии обучались девушки сельского сословия (2—16%) и иностранки (2—3%). Довольно разнообразным был в гимназии и конфессиональный состав. Преобладающее количество девочек было православного вероисповедания от 70 до 90%, но были и представительницы других конфессий: католики от 2 до 7%, лютеране от 2 до 7%, евреи от 4 до 12%.

Численность учениц в епархиальном женском училище превосходила численность учениц в гимназии Гиттерман. Так, 1901—1902 учебном году число учениц училища составляло 435 человек[5], а число учениц гимназии в эти же годы равнялось 178[6].

Обучение для девиц духовного сословия было бесплатным, что свидетельствовало о значительной социальной миссии этого учебного заведения. Плата за обучение в Орловском епархиальном женском училище для инородческих составляла от 60 до 75 рублей в год.

Обучение в частной женской гимназии М. В. Гиттерман было платным. Плата различалась в зависимости от класса. Так, в 1900—1901 учебном году в приготовительном классе обучение стоило 50 рублей в год, ученицы с 1-го по 3-ий классов платили по 80 рублей в год, 4—8 классов по 100 рублей в год[7]. Плата за обучение неоднократно повышалась. Бесплатно обучавшихся девочек практически не было.

Гимназистки учились в девяти классах: 1 приготовительный, 7 основных, после обучения в которых выдавались свидетельства об окончании общего курса наук, и 8-ой дополнительный педагогический класс с несколькими специальностями (открыт в 1884г.), по окончании которого гимназисткам присваивалось звание домашних учительниц или домашних наставниц. Гимназия должна была дать девушке образование, необходимое ей в общечеловеческих, семейных, общественных и гражданских отношениях.

Воспитанницы епархиального училища учились в шести классах. В 1912 году здесь был открыт 7 дополнительный класс с параллельным отделением для подготовки учениц к педагогической деятельности, по окончании которого воспитанницы имели право на звание домашней учительницы тех предметов, в которых они показали хорошие успехи.

В обоих учебных заведениях можно было получить знания по всему циклу

общеобразовательных дисциплин. Преподаваемые предметы во многом совпадали, но объем часов, отводимых на отдельные дисциплины, был разным. Все учебные заведения должны были придерживаться правил и программ, установленных Министерством народного просвещения. Однако, программы гимназий и епархиальных училищ имели свою специфику.

Так, в частной женской гимназии М. В. Гиттерман помимо усиленного изучения русского языка и математики, значительное внимание уделялось преподаванию иностранных языков, хотя в обоих учебных заведениях иностранные языки считались необязательными предметами. Ученицы гимназии могли изучать либо французский, либо немецкий, либо оба языка вместе. Так, в 1900 году французский язык изучали 23,86% учениц, немецкий — 2,05% учениц, оба языка вместе изучали 47,7% учениц[8], а в 1915 году оба иностранных языка изучали 61% учениц. В 1916 году преподавание немецкого языка было запрещено[9]. В 1907 году было введено изучение английского и латинского языков. В этом же году английскому языку обучались 25 учениц, латинскому — 37 учениц.

Что касается епархиального женского училища, то наиболее углубленно здесь изучался закон Божий и русский язык. Преподаванию иностранных языков — немецкого и французского — не уделялось большого внимания. Из-за нехватки средств их преподавание было нерегулярным, а затем и вовсе прекращено. В учебном курсе училища отсутствовали и такие предметы, как гимнастика, танцы, рисование. Однако следует заметить, что в 1899—1900 учебном году в училище имелся опыт обучения танцам желающих воспитанниц, но из-за тесноты училищных помещений обучение танцам уже в следующем году было прекращено[10]. Урокам рисования здесь предпочиталось обучение учениц исскуству иконописания, которое осваивали наиболее способные воспитанницы старших классов.

На достаточно хорошем уровне в училище осуществлялось обучение церковному пению и музыке. С 1899—1900 учебного года здесь были введены регулярные уроки музыки. Воспитанницы обучались игре на скрипке и рояле. Обучение осуществлялось на 12 скрипках[11] и семи роялях[12]. Обучению подлежали наиболее способные к музыке ученицы.

Что касается особенностей внутренней жизни и системы воспитания в анализируемых женских учебных заведениях, то они заметно различались. Конечно, все учебные заведения ставили задачу воспитания скромности, трудолюбия, христианского благонравия, любви к Царю и Отечеству, только в епархиальных училищах все эти нормы соблюдались еще строже, а задачи воспитания выходили на первый план.

Так, заботясь о религиозно-нравственном воспитании учениц, в Орловском епархиальном женском училище особое внимание обращалось на исполнение воспитанницами христианских обязанностей: ежедневных утренних и вечерних молитв, присутствии на богослужениях в воскресные и праздничные дни, участии в церковном чтении и пении. Кроме того, воспитанницы должны были поститься, исповедоваться и причащаться. Много внимания уделялось и трудовому воспитанию, которое сводилось к обучению девиц основам ведения домашнего хозяйства и различным рукоделиям. Воспитанницы всех классов регулярно дежурили в классах и дортуарах, где они должны были наблюдать за чистотой и порядком, и в столовой, где воспитанницы накрывали столы, раздавали еду, разливали чай и убирали посуду. Занятия по обучению рукоделиям носили практический характер и состояли в том, что воспитанницы сами шили себе все белье и платья. Обучались воспитанницы и изящным рукоделиям, таким как вышивание, вязание крючком, шитье по тюлю.

Должное внимание уделялось рукоделию и в частной женской гимназии М. В. Гиттерман, где этот предмет преподавался с 1 по 7 классы. В младших классах ученицы занимались больше шитьем белья, в старших классах больше времени отводилось на изящные рукоделия — вышивание по бархату, сукну, тюлю и вязание[13].

Немаловажная роль в учебно-воспитательной системе женских учебных заведений отводилась различным внеклассным мероприятиям.

В Орловском епархиальном училище в основном это были ежегодные выпускные акты, публичные чтения, реже литературно-музыкальные вечера, юбилейные мероприятия. Обязательными в обоих учебных заведениях были мероприятия религиозного характера: участие в молебнах, панихидах, организация вечеров с сообщениями и беседами на духовные темы. Особые торжества во всех учебных заведения были организованы 21 февраля 1813года по случаю празднования 300-летия дома Романовых.

В гимназии Гиттерман внеклассные мероприятия отличались своей демократичностью и большим разнообразием. Здесь чаще организовывались литературно-музыкальные вечера, практиковалась постановка спектаклей.

В воскресные и праздничные дни ученицам гимназии разрешалось посещать театры, цирк, концерты[14]. Иногда ученицы гимназии в сопровождении надзирательницы посещали танцы в зале Дворянского собрания, где присутствовали и молодые люди из местных мужских гимназий.

Большой внимание в гимназии уделялось организации развлечений на свежем воздухе. В саду гимназии имелась площадка для игры в крокет и теннис. Здесь же проводились уроки гимнастики и разные подвижные игры, устраивались уроки рисования. Для воспитанниц пансиона в зимнее время устраивался каток[15].

Особым видом внеклассных мероприятий были экскурсии, получившие распространение в обоих учебных заведениях. Однако их география и цели различалась.

В Орловском епархиальном женском училище экскурсии в основном носили воспитательный характер. Религиозные задачи воспитания выходили на первый план. Чаще всего экскурсии совершались в Белгород и Киев для поклонения местным святым.

География путешествий в гимназии Гиттерман была более разнообразной: Москва, Крым, Кавказ, Волга[16]. Неоднократно совершались экскурсии за границу. Так, летом 1911 года была организована образовательная экскурсия в Западную Европу[17]. Другая экскурсия за границу состоялась летом 1913 года по маршруту: Орел—Варшава—Вена—Венеция—Рим—Неаполь—Милан—Люцерн—Мюнхен—Берлин[18]. Такого рода экскурсии преследовали образовательные цели.

Данные учебные заведения пользовались популярностью, их численность постоянно росла, что свидетельствовало о стремлении женской части населения Орловской губернии к образованию.

[1]О числе учебных заведений и учащихся в Орловской губернии за 1901 год //Обзор Орловской губернии. 1901.

[2] Государственный архив Орловской области (Далее — ГАОО). Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—1об.

[3] Там же. Л. 5.

[4]Орловские Епархиальные ведомости (Далее — ОЕВ). 1902. 24 января. Офиц. отд. С.6.

[5] Там же.

[6] ГАОО. Ф.493. Оп.1. Д.81. Л.17.

[7] Там же. Л. 5.

[8] Там же. Л. 19об.—20.

[9] Там же. Д. 165. Л. 17.

[10] Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 56. Л. 44.

[11] ОЕВ. 1901. 4 марта. Офиц. отд. С. 296.

[12]Там же. 1915. 22 февраля. Офиц. отд. С. 124.

[13] ГАОО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 143. Л. 28.

[14] Там же. Д. 86. Л. 38.

[15] Там же. Д. 149. Л. 7об.—8.

[16] Более подробно об организации экскурсионного дела в учебных заведениях г. Орла в начале XX века *см.:* Алымова Н. И. Незамкнутый мир провинции: из истории туризма в г. Орле в начале XX века// «Noblesse oblige»: Досужий мир. Отдых как форма культурного диалога. Вып. III. Орел: Изд-во ОРАГС, 2006. С. 174—182.

[17] ГАОО. Ф. 493. Оп.1. Д. 130. Л. 46об.

[18] Там же. Д. 149. Л. 7—7об.

РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ОРЛОВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

***О.В. Цымбалова**, Орловский государственный университет*

Проблема рекламы на сегодняшний день является одной из самых обсуждаемых. Мы повседневно сталкиваемся с данным явлением. По утверждению многих исследователей, реклама появилась вместе с человеком и уже точно существовала в древнем мире, доказательством чему служат сохранившиеся до наших дней древние артефакты, такие, как глиняные таблички, надписи и рисунки на камнях. Изучение истории становления и развития рекламной деятельности необходимо, для того, чтобы лучше понять содержание этого явления в наши дни.

В России реклама имеет глубокие корни, но особенно яркий период рекламной деятельности приходился на конец XIX начало—XX вв. Во многом это было связано с промышленным подъемом, интенсивным развитием внутренней и внешней торговли.

Во второй половине XIX—начале XX вв. практически в каждой российской губернии выходила газета под названием «Губернские ведомости». Это издание было государственным и финансировалось из государственного бюджета. Орловская губерния не была исключением, и с 1838 г. по 1918 г. здесь издавались «Орловские губернские ведомости». Газета выходила 2 раза в неделю, по средам и субботам.

У рассматриваемого издания существовали обязательные подписчики, для которых устанавливалась специальная цена — 3 рубля за год, на лучшей бумаге — 4 рубля. Для обычных (частных) читателей подписная цена с доставкой на дом на год составляла 5 рублей 20 коп., на 6 месяцев — 3 рубля 50 коп., на 1 месяц — 1 рубль. Подписаться на издание можно было только с 1 числа каждого месяца. В редакции можно было приобрести и отдельный номер газеты за 20 коп[1]. Подписка на газету производилась как в самом г. Орле — *«в редакции губернских ведомостей, состоящей при Губернском правлении»*, так и в других городах — *«в Полицейских Управлениях и г.г. Полицмейстеров и исправников»*.

В данной статье рассматривается реклама, помещенная в «Орловских губернских ведомостях» в течение 1900 года. С этого времени рекламная деятельность в России начинала свой самый интенсивный период в дореволюционной истории. Тогда в среднем каждый номер газеты насчитывал 6 страниц.

Газета состояла из официальной и неофициальной частей. Официальная часть делилась на 2 раздела, здесь публиковались различные постановления, официальные новости, правительственные материалы, отчеты государственных учреждений. На первой полосе официальной части в основном располагались различные сообщения и распоряжения властей, например от Орловского губернатора и министерства финансов. Рядом с ними порой располагалась и реклама, например, объявления государственной типографии о выходе каких-либо изданий. Текст этих рекламных сообщений был лаконичен, лишен каких-либо вариаций со шрифтами и кеглями. Данные объявления занимали малую долю от общего объема рекламных сообщений. Объявления печатались в основном в неофициальной части.

Информация о стоимости публикации объявления на страницах «Орловских губернских ведомостей» располагалась на первой полосе издания. Плата за напечатание в неофициальном отделе «Губернских ведомостей» частных объявлений *«взимается: за 100 букв или цифр 40 коп., при повторении того же объявления — за 100 букв по 25 коп. С желающих помещать свои объявления в бордюрах взимается по 50 коп. сверх суммы, следующей за напечатание объявлений. За рассылку при Ведомостях объявлений плата взимается по соглашению, но не менее 5 рублей»*[2]. Для сравнения: в частной газете «Орловский вестник» в тот же период рекламное объявление стоило гораздо дешевле, там за 35 букв объявления требовали 10 копеек, а за последующую публикацию такого же сообщения — 5 копеек[3].

Благодаря тому, что издание газеты финансировалась за счет государственных средств, существование «Орловских губернских ведомостей» не зависело от количества рекламных объявлений. Поэтому редакция могла устанавливать более высокие цены на публикацию рекламных объявлений по сравнению со своими конкурентами. Кроме того, «Орловские губернские ведомости» были официальным печатным изданием, где не каждое рекламное объявление могло пройти цензуру. Заявки на напечатание объявления принимали только в редакции «Губернских ведомостей», хотя в то время в столицах уже существовали и специальные рекламные конторы, самой крупной и известной из которых была центральная контора объявлений «Торгового дома Метцель и К», основанная в 1870 году в Москве.

Рекламные объявления в «Орловских губернских ведомостях» в среднем в 1900 году составляли приблизительно 12,5%[4] от всего объема страниц годового комплекта издания, но к концу 1900 года количество рекламных объявлений резко увеличилось.

Рекламу делят на типы в зависимости от сферы ее применения: культурную, социальную, экономическую, политическую[5]. В рассматриваемый период времени наибольший объем рекламы в «Орловских губернских ведомостях» составляла «культурная» реклама.

Тип «культурной» рекламы был представлен в основном предложениями подписки на огромное количество периодических изданий. Данный тип рекламы составлял по площади 81% от всего объема объявлений. Рекламные объявления периодических изданий использовали в рекламных текстах различные шрифты, которые помогали привлечь читателя к объявлению. В этот же период времени, для сравнения, в «Орловском вестнике» культурный тип рекламы занимал значительно меньше места, но был представлен шире: разнообразными предложениями иностранных учителей и воспитателей, объявлениями врачей, рекламой книг и периодических изданий. В «Орловском вестнике» данный тип рекламы занимал приблизительно 20 % от общей площади всех объявлений.

К солидным периодическим изданиям, рекламировавшимся в «Орловских губернских ведомостях», относились такие журналы, как «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди», «Родина» и др. Большинство этих изданий старались привлечь потенциальных подписчиков разными способами. Главным их козырем были предложения различных поощрений, так называемых *«бесплатных премий»*.

Например, довольно часто на страницах «Орловских губернских ведомостей» появлялись рекламные объявления журнала «Вокруг света». Реклама на подписку известного журнала *«путешествий и приключений на суше и на море»* привлекала своих подписчиков специальными премиями. Так, периодическое издание предлагало на выбор, в качестве бесплатного приложения к годовому комплекту журнала, *«в совершенно полном переводе, без сокращений и переделок «Робинзон Крузо»* Д. Дефо либо *«в полном переводе с превосходными иллюстрациями»* роман «Три мушкетера» А. Дюма, также, каждый подписчик получал олеографию бр. Кауфман «Наполеон в плену у казаков»[6]. В рекламном объявлении содержалась ссылка на авторитетность издания и отмечалось позволение министерства народного просвещения *«к обращению в народных читальнях»*.

Экономический тип рекламы в «Орловских губернских ведомостях» был представлен предложениями «т-ва Брокарь и К» и сообщениями различных банков Орловской губернии. Данный тип рекламы составлял 13% от общего объема рекламных сообщений. В этот же период в «Орловском вестнике» данный тип рекламы занимал значительно больше места, по сравнению с «Орловскими губернскими ведомостями», и был представлен наиболее полно. Он составлял 72% от общей площади объявлений. На страницах издания публиковали объявления о продаже промышленных станков, мебели, различных технических приспособлений, реклама о предоставлении банковских услуг, сообщения о новинках косметики (духи, шампуни, мыло, крема), детского питания, чая и вина.

Реклама косметической продукции «т-ва Брокарь и К»[7] в «Орловских губернских ведомостях» была единственной рекламой, оформленной в современном понимании этого слова. Она всегда содержала изображение рекламируемого товара и его различных наград.

Например, рекламное объявление цветочного одеколона было представлено в форме флакона, на котором написано название парфюмерного изделия, изображен российский герб в окружении большого количества наград. Ниже было отмечено, что это поставщик ее императорского величества Марии Александровны Великой герцогини Саксон-Кобург-Готской. Кроме того, по бокам флакона была выгравирована надпись на французском языке: *parfumeurs savoniers \ Brocard de Moscou*[8]. Здесь не было специальных оборотов, призывавших к приобретению данного продукта. В рассматриваемой рекламе использовались приемы психологического воздействия на потенциального покупателя посредством изображения российского герба и указанием на авторитетного покупателя, пользующегося данным товаром.

Социальный тип рекламы в «Орловских губернских ведомостях» насчитывал незначительное число объявлений, около 6 % от общего объема. Он был представлен призывами на различные пожертвования[9], рекламой страхового общества «Россия»[10].

Таким образом, в указанный период рекламная деятельность в Орловской губернии была достаточно развита. Даже такая газета, как «Орловские губернские ведомости», издание, которое существовало благодаря финансовой поддержке государства, занималась рекламной деятельностью, хотя и уступало частным газетам в этой сфере. С учетом особенностей

«Орловских губернских ведомостей» и круга их читателей, рекламная деятельность в этой газете стала закономерным отражением происходивших в этот период экономических, политических, социальных и культурных процессов.

[1] Орловские губернские ведомости. 1900. №1 (1 января). С.1.
[2] Там же. №96 (13 декабря). С.1.
[3] Орловский вестник. 1900. №1 (1 января). С.1.
[4] Здесь и далее подсчеты наши.
[5] Костина А.В. Эстетика рекламы. М.: ООО «Вершина». 2003. С. 265.
[6] Орловские губернские ведомости. 1900. №92. (29 ноября). С.7.
[7] Там же. №70 (13 сентября). С. 7.
[8] Там же. № 60 (9 августа). С.3.
[9] Там же. №28 (19 апреля). С.6.
[10] Там же. № 52 (12 июля). С. 4.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПОНЕВОЛЕ. К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ ТУРОК В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

***А.В. Тихонов**, студент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

В настоящее время историки только начинают обращаться к теме турецких военнопленных. Можно сослаться на статью В.В. Белявского «Военнопленные египтяне в России 1877—1880 гг.» («Военно-исторический журнал»); также обратиться к статье Б.П. Миловидова «Турецкие военнопленные в России в 1812 г.; обращает на себя внимание статья Т.А.Свиридовой в Калужской энциклопедии об основателе коммунистической партии Турции Мустафе Субхи, который был интернирован в Калуге и приписан к военнопленным; проблему турецких военнопленных в Калужской губернии затрагивали И.Б. Белова и В.А. Бессонов, однако главным предметом их изучения были французские и немецкие пленные. Таким образом, данная тема до настоящего времени в целом остается исследованной крайне недостаточно.

Первые сведения о военнопленных в Калужской губернии относятся к 1855 году, то есть во времени Крымской войны 1853—56 гг. По данным Инспекторского департамента Военного министерства за всю войну было взято в плен около 15 000 человек[1]. Однако в Калуге и Калужской губернии размещали в основном пленных французов, и только после капитуляции 16 ноября 1855 г. крепости Каре Калужская губерния в феврале 1856 г. была назначена для размещения пленных офицеров турецкого гарнизона. 11 апреля в губернию вступила первая партия турецких пленных, которую разместили в Козельске, Мещовске, Лихвине и Сухиничах. Но уже 13 апреля в губернском городе был получен циркуляр от 6 апреля 1856 г. о заключении мира и освобождении всех военнопленных.

Первые военнопленные русско-турецкой войны 1877—1878 гг. пребывают в Россию летом (июль—август) 1877 г. А уже 16 сентября того же года в циркуляре Департамента полиции МВД за № 111 сообщалось:«*... в настоящее время водворено уже внутри империи свыше 9000 турецких пленных*»[2], хотя в статье В.В.Белякова «Военно-пленные египтяне в России 1877—78 гг.» говорится, что *«...в пределы Российской Империи были ввезены 66 540 пленных ...»*[3]. Во время Первой мировой войны 1914—1918 годов бывших турецких воинов также водворяли в Калугу и Калужскую губернию. Первые военнопленные прибыли в Калугу 2 ноября 1914 года, их было 558 человек[4], на следующий день, 3 ноября, прибыло еще 202 бывших турецких воина[5]. К военнопленным после Первой мировой войны причислялись и интернированные подданные. Их высылали в Калугу и Калужскую губернию из Батуми, Гагр, Туапсе и других южных городов империи[6]. Военнопленных и интернированных турок

сначала привозили в местные губернские центры, а оттуда по этапу слали в Калугу. Их вещи и деньги тщательно учитывались, и на эти деньги турок кормили в дороге. Те же турки, которые не имели денег, получали кормовые от государства.

Среди интернированных турок были и такие, кто родились в России, однако подтвердить свое подданство не могли. В этом случае полицейское управление обращалось к властям того уезда, где проживали интернированные, с просьбой подтвердить или опровергнуть наличие русского подданства. Если все-таки удавалось доказать свое подданство, то бывших интернированных граждан отправляли по месту жительства.

После русско-турецкой войны 1877—78 гг. военнопленных турок размещали в 6 уездах губернии: Калужском, Тарусском, Малоярославецком, Медынском, Лихвинском и Мещовском. Во время Первой мировой войны военнопленных высылали в 11 уездов Калужской губернии: Жиздринский, Лихвинский, Перемышльский, Боровский, Мещовский, Малоярославицкий, Калужский, Козельский, Медынский, Тарусский, Мосальский. Судя по документам, вернее, по адресату этих документов, проблемой размещения турок занимался Калужский губернский воинский начальник. В уездах все проблемы, связанные с пленными, решали уездные исправники.

Во время Первой мировой войны размещением военнопленных занималось, судя также по адресу этих документов, калужский полицмейстер. В «Списках и ведомостях о турецких подданных, проживающих в городе Калуге» мы находим следующие сведения, составленные 28 января 1915 года: *«В Калуге состояло турков всего 1729 человек»*[7].

Военнопленные турки размещались в казармах: Печенкинских — 113 человек[8], Вяземских — 53 человека[9], Кушниковских — 292 человека[10], а в казармах Горбунова — 11011. Также бывших турецких воинов размещали и в вагонах (587 человек)[12]. 728 человек поселили на частных квартирах[13]. Многие из этих помещений не были подготовлены для жилья и их ремонтировали.

Для возмещения тех денежных средств, которые расходовались на содержание турок, последних назначали на различные работы. Хочется особо отметить тот факт, что за содержанием турецких солдат, их использованием на работах строго следило МВД России и также строго регламентировало все стороны их жизни. Примером тому служит циркуляр МВД, адресованный губернатору, от 3 декабря 1877 г.: *«... они (военнопленные) могут быть употребляемы для расчистки снега, для земляных работ, для работ по заготовке и нагрузке балласта и вообще как чернорабочие; те из них, которым знакомы мастерства, могут быть употребляемы и соответственно их специальности»*[14].

В начале Первой мировой войны погибло большое количество трудоспособного населения и возник дефицит кадров во всех сферах экономики. Поэтому часто встречаются случаи приема военнопленных на различные работы. В одном из циркуляров МВД предписывалось: «*Особо важное значение в деле устранения ощущаемого в горнозаводском... предприятии недостатка в рабочих руках имеет разрешенный Правительством отпуск для работ в частные промышленные предприятия военнопленных...»*[15].

Для этого предприятию надо было обратиться к Калужскому полицмейстеру, как сделал Людиновский завод: *«12 сего июня из Полицейского управления было предано мне..., что в Людиновский завод требуется 50 человек турок, которые пожелали отправиться туда добровольно, для чего пребудет из названного завода доверенный»*[16]. Для этого нужно было нанять охрану: *«...размер предварительного взноса на содержание полицейских должностей, учрежденных на предприятиях для надзора за военнопленными... не должен превышать двухмесячного оклада содержания сих должностей»*[17]. Военнопленные на работах были практически на том же положении, что и местные рабочие.

Многие бывшие турецкие воины обладали гражданскими специальностями. Кое-кто из них зарабатывал на жизнь, давая уроки борьбы. Например, Мексуду Осман оглы[18]. Были и такие, кто решил заняться частным предпринимательством. Так, в документах мы встречаем упоминания о трех чайных-кафе, открытых военнопленными турками.

Согласно указаниям и распоряжениям МВД, калужские власти по возможности старались создать приемлемые условия жизни военнопленных. За этим следили врачебные инспекторы. Большое внимание со стороны властей уделялось и медицинскому обслуживанию военнопленных. В состав комиссии входили преимущественно врачи и другие медицинские работники. Они объезжали места расселения пленных, знакомились с санитарным состоянием их жилья, госпиталей, выслушивали жалобы и направляли в столицу для принятия

мер подробные отчеты о своих поездках. В Калужской губернии каждые две недели от исправников тех уездов, где проживали турки, в Калугу поступали ведомости о санитарном состоянии. А в Малоярославце было выделено специальное помещение для организации больницы для турок. Особенно пристальное внимание медицинскому обслуживанию было уделено, когда в феврале—марте 1878 г. среди военнопленных в Медынском уезде разразилась эпидемия тифа, от которой умер и местный врач[19].

Не менее пристально следили за состоянием здоровья турок и во время Первой мировой войны. Большое внимание уделялось вопросам медицинского обслуживания военнопленных и санитарному состоянию помещений. В одном из рапортов пристав пишет: *«...на 31 января в вверенной мне части проживают военнообязанные турецкие подданные на частных квартирах в числе 305 человек, в вагонах теплушках 645 человек, из них больных незаразными болезнями и находятся на излечении в Хлюстинской больнице 25 человек. Больных тифом 17 человек и 8 больных другими незаразными болезнями, и в Екатерининском училище больных тифом 276 человек, кроме которых умерло в означенном училище 4 человека»*[20]. Имущество турок и помещения постоянно дезинфицировались.

Существовала еще одна проблема, которая состояла в том, что все городские больницы были переполнены. В связи с этим было принято следующее решение: *«... вследствие отказа администрации означенных заведений за переполнением их принимать больше заболевших, Городскою Управою открывается больница на 50 коек в доме Степанова на улице Георгиевской и Шевыревской, для обслуживания которой и вообще для санитарного надзора за турецкими подданными 2 врача и 3 фельдшера...»*[21].

Власти следили не только за здоровьем турок, но и за санитарным состоянием помещений, где размещались военнопленные. Судя по документам, сами они достаточно плохо следили за чистотой. Так, после посещения калужским полицмейстером домов, где содержались турки, чиновник остался недоволен состоянием помещений[22]. После визита полицмейстера все недостатки были устранены.

Во время Первой мировой войны туркам в некоторых случаях позволялось даже выезжать на родину на время для свидания с родственниками или по другой веской причине. Для этого надо было обратиться к калужскому полицмейстеру.

Вообще случаев ксенофобии по отношению к туркам в Калуге не было, но относились к ним настороженно. Однако случались и чрезвычайные происшествия. Например, убийство с ограблением. Так, *«...военнопленный турецкий подданный Махмед сын Елима заявил в 3-ю часть, что военнопленный турецкий подданный Сали Осман оглы сообщил ему, что 7 января он и его товарищ Сеид Аслан Махмед оглы были в гостях у военнопленного Ахмета Бурхан оглы после того как напились чаю, означенный Ахмет Бурхан оглы с товарищами своими, набросили на него веревку и потащили из комнаты...»*[23]. О дальнейшей судьбе Сеида Аслан Махмед оглы Сали Осаман оглы ничего не смог сказать, так как его вывели из дома и приказали идти домой и никому не говорить о случившемся. 16 января, близ реки Киевки, был обнаружен труп Сеида Аслан Махмед оглы.

Как кончается любая война, так и любому плену подходит к концу. Какова же дальнейшая судьба турецких военнопленных?

Многие из них скончались от полученных на войне ран и болезней, навсегда оставшись в калужской земле. Ну, а те, кто остался в живых было два пути: либо возвращаться на родину, либо принимать новое подданство. Наверное, тех, кто вернулся домой, было все-таки больше тех, кто предпочел чужую страну — так подсказывает логика. Но немало было и желающих остаться в России.

Какие же мотивы двигали этими людьми? Здесь можно только строить предположения. Может быть, одиночество и отсутствие родных, как это было с рядовым Сали Магометом.

При принятии турками Российского подданства кроме моральных и бюрократических сложностей довольно остро вставал и религиозный вопрос. Не надо забывать, что практически все турки исповедовали ислам, в то время, как в России господствующей религией было православное христианство. Поэтому, кроме разрешения на принятие подданства со стороны светской власти, необходимо было иметь разрешение властей духовных на принятие христианства. С этой целью и обращались к архиепископу Калужскому и Боровскому Григорию.

Как проходила процедура принятия подданства, мы находим в документах другого

31 Зак. 2219

бывшего турецкого воина — Александра Нури. Каждый из тех, кто принимал российское подданство, обязательно подписывал клятвенное обещание.

Если предположить, что Сали Магомет отказался возвращаться на родину потому, что его там никто не ждал, то у Александра Нури была другая, куда более веская, причина — женитьба на калужанке.

Однако, как бы лояльно ни относились русские власти к бывшим военнопленным, принявшим подданство, хлеб чужбины чаще всего бывает горек. Во-первых, новых граждан необходимо было причислить к какому-либо сословию. С Сали Магометом и такими, как он, людьми простого звания проблем не возникало. А вот Александр Нури у себя на родине был человеком, если не знатным, то достаточно родовитым. Он подает прошение о том, чтобы его причислили к Калужскому дворянству. Однако, резолюция вице-губернатора на прошение была однозначной — отказ!

Кроме проблем, связанных с социальным статусом, у новых российских граждан были и финансовые затруднения. И в этом случае правительство и местные власти практически не шли на меры, хоть как-то улучшающие материальное положение бывших военнопленных. Так, Сали Магомет, еще будучи в Севастополе, дает подписку об отказе от пособия. А вот Александр Нури на прошение о пособии решился. Но, как и следовало ожидать, получил отказ.

Во время Первой мировой войны военнопленные и интернированные турки желали принять новое подданство, но это было не так просто в условиях войны, многим из них отказывали в этом праве. Так было с Али сыном Омера Шахин Оглы: *«Препровождая при сем билет за №1889 с припечатанным к нему национальным паспортом турецкого подданного Али сына Омера Шахин оглы, препровождаемые при подписи от 28 сего мая за № 5887/142 на переписке по ходатайству Али сына Омер Шахан оглы о принятии в русское подданство и за прекращением таковой переписки, в виду высылки просителя как военнопленного»*[24].

Военнопленные турки содержались в Калуге до сентября 1915 года, после чего они были высланы в город Уральск. В циркуляре МВД названы точные сроки высылки военнопленных: *«...предлагаю начальнику полиции не позднее 25 сентября выслать из пределов вверенных им районов в город Уральск...»*[25]. Там турки поступали в ведение Военного губернатора Уральской области.

К сожалению, когда началась репатриация военнопленных после Первой мировой войны, нам пока неизвестно.

[1] Бессонов В.А. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. 5—7 апреля 2005 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2005. С.151.
[2] Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 32. Оп. 7. Д. 522. Л. 1
[3] Белявский В.В. Военнопленные египтяне в Росси. 1877—1880 гг. //Военно-исторический журнал. 2007г. Апрель. С. 35 .
[4] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185. Л. 22—24.
[5] Там же. Л. 25—32.
[6] Там же . Л.149—168.
[7] Там же. Д. 1185. Л.11.
[8] Там же.
[9] Там же, л. 40—51.
[10] Там же.
[11] Там же. Л. 11.
[12] Там же.
[13] Там же. Д.1184. Л. 33.
[14] Там же. Ф. 32. Оп. 7. Д. 522. Л. 14.
[15] Там же. Оп. 4. Д. 1510. Л. 106.
[16] Там же. Ф. 783, оп 1. д.1089. Л.391.
[17] Там же. Д. 1185. Л. 21.
[18] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д.1089. Л. 188.
[19] Там же. Д. 852. Лл. 50, 54.
[20] Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1184. Л. 38.
[21] Там же. Л.102.
[22] Там же. Л.384.
[23] Там же. Л.138—139.

[24] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1089. Л.408
[25] ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1090. Л.170.

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В КАЛУЖСКОЕ ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В 1876—1879 ГГ.

***Д.Ю. Зубов**, студент, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Проблема интеграции мусульман в правовую систему Российской империи остается ёще недостаточно изученной. Особенно остро стоит вопрос о мусульманской элите Крымского ханства, из-за, в первую очередь, неоднозначности оценок в историографии самого факта присоединения Крыма[1]. Следует подчеркнуть, что последний крымский хан Шагин-Гирей после присоединения Крыма проживал с 1784 г. в Воронеже, а с 1786 по 1787 гг. — в Калуге.

Уже при Екатерине II была принята система мер для интеграции крымских татар в общую имперскую правовую систему, которая продолжала активно претворяться и при ее последующих приемниках.

Одним из примеров, подтверждающих это, является система отбывания наказания крымскими татарами, совершившими преступления, в Калужском исправительном арестантском отделении в 70-х годах XIX в. Сколько всего за этот период арестантов из Таврической губернии отбыло наказание, точно сказать трудно, но в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) сохранилось семь дел о высылке их для заключения в Калугу[2].

Арестантские роты впервые стали появляться ёще в 20-х гг. XIX в., но лишь в 1845 г. было выработано общее положение об арестантских ротах гражданского ведомства[3], а в 1870 г они были переименованы в «Исправительные арестантские отделение гражданского ведомства»[4].

Отправленные крымские татары принадлежали к мещанским обществам городов, в которых они проживали. Одним из первых осенью 1876 г. направляется в Калужское арестантское отделение симферопольский мещанин Бешле Элемий оглу; вслед за ним из этого же города, в ноябре 1876 г. — Абдул-Ганий Сале Акай оглу, и в это же время, только из Бахчисарая, отправлен Абий-Булла Абла оглу; в апреле 1877 г. — бахчисарайский мещанин Сент-Абла Ариф Мемет оглу, в июне 1877 г., также из Бахчисарая, мещанин Бекир Ариф оглу и в октябре 1877 г. — *«из мещан города Керчь-Еникольска»* Чарай Менгли Сент оглу. Последний арестант — симферопольский мещанин Самия Меровия оглу — должен был быть направлен в Калугу в начале 1879 г., но этого не произошло ввиду того, что *«...арестанты нехристианскаго вероисповедания, предназначенные к отправке в Калужское Исправительное отделение, вследствие распоряжения Г. Управляющаго Министерством Внутренних Дел, высылкою приостановлены...»*[5].

Основной тип преступлений данных мещан: кража, грабеж или изнасилование. Приговаривались они к исправительным наказаниям Симферопольским окружным судом. Срок наказания варьировался в зависимости от тяжести преступления.

Приблизительно за шесть месяцев до окончания срока пребывания начальник отделения отправлял рапорт в Калужское губернское правление, в котором сообщал о точном сроке окончания наказания, а также препровождал аттестат о поведении и статейный список арестанта. Далее Калужское губернское правление отправляло данный аттестат в Таврическое губернское правление, а также требовало прислать в Калугу решение мещанского общества относительно дальнейшей судьбы арестанта.

Начальник Калужского исправительного арестантского отделения в аттестате о поведении арестанта обычно ограничивался стандартными фразами: *«вел себя очень хорошо», «работы исправлял прилежно», «вел себя честно»*, хотя касательно характеристики Абдул-Ганий Сале Акай оглу можно прочитать интересное замечание, что он также *«обучался сапожному мастерству»*[6].

Все эти сведения от начальника отделения оказывали большое влияние на решение мещанских обществ по поводу дальнейшей судьбы арестанта: принимать или не принимать его обратно в

свою среду. А в случае неприятия у арестанта была не завидная участь — ссылка в Сибирь. Как это было, например, с симферопольским мещанином Бешле Элемием оглу. Общественный приговор симферопольского мещанского общества был суров: *«...поговоря между собою усматриваем, что ...до учиненнаго им преступления вращался с людьми подозрительнаго поведения, ...он поведения самаго дурнаго, то с общаго и единодушнаго нашего согласия постановили: удалить его из среды нашего общества и передать на распоряжение гражданскаго начальника»*[7].

Калужский губернатор был обязан выслать данного арестанта этапным порядком на водворение в Сибирь[8]. Содержание этого общественного приговора было доведено и до Бешле Элемий оглу, который сразу же подает прошение в Калужское губернское правление. В этом прошении он умоляет не отправлять его в Сибирь, ввиду того, что *«...будучи подвержен ревматизму, хронической болезни, которая, периодически, не даёт ...возможности двигать членами...»* и в доказательство этого говорит о том, что он *«находился на излечении в Хлюстинской больнице»*[9].

Однако его прошение оставлено было без последствий ввиду неуплаты им гербового сбора, но и даже в случае рассмотрения его прошения болезнь этого арестанта, согласно официальному списку болезней в «Уставе о ссыльных», распространявшихся и на арестантов, не считалась препятствием для отправки в Сибирь[10].

Полагаясь на общественные приговоры и списки мещан в них, можно судить о религиозном составе данных мещанских обществ. Общественный приговор считался действительным, если в собрании участвовало две трети наличного общества. В ходе собрания в г. Симферополь, касательно Бешле Элемия оглу, приняло участие 187 человек, причем религиозный состав можно рассмотреть через процедуру присяги, к которой приводились участники собрания. Для каждой отдельной конфессии (православные христиане, иудеи и мусульмане) был адаптированный текст присяжного листа и к присяге приводило соответствующее религиозным убеждениям духовное лицо. Из 187 человек 76 — христиане, 31 — иудеи и 80 мусульман[11].

А что же с уездными городами? Когда мы говорим о Бахчисарае, то должны учитывать, что эта столица Крымского ханства и во второй половине XIX в. оставалась самым «татарским» городом на полуострове, со своей традиционной системой ремесленных кварталов, где у каждого квартала был собственный приход-мечеть[12].

При рассмотрении общественных приговоров бахчисарайских мещанских обществ также прослеживается деление на приходы. Так, арестант Сент-Абла Ариф Мемет оглу принадлежал к бахчисарайскому мещанскому обществу прихода медресе Роками[13], а другой арестант — Бекир Ариф оглу — принадлежал бахчисарайскому мещанскому обществу прихода медресе Умерша-Офенди[14]. Соответственно и общественные приговоры требовались только от собрания мещан конкретного прихода.

Но и не следует преувеличивать успехи интеграции крымских татар. С конца XVIII в. из Крыма происходит массовый отток татар в Турцию. Только 50—60-е гг. XIX в. эмигрировало около 200 тыс. крымских татар и ногайцев[15]. В последующие годы эмиграция также продолжалась.

Однако, многие татары, несмотря на все льготы, предоставленные им Портой, по разным причинам, и в первую очередь экономическим, возвращались обратно в Крым. Но по возвращении оказывалось, что их дома и земли заняты уже или соплеменниками или болгарами-переселенцами[16].

В октябре 1877 г. в Калужское исправительное арестантское отделение направляется по приговору Симферопольского окружного суда *«за кражу со взломом»* мещанин из города Керчь-Еникольска Чарай Менгли Сент оглу. Когда срок стал подходить к концу, начальник отделения вступил в сношение с Калужской губернской палатой, а оттуда, в свою очередь, с Керчь-Еникольской городской управой, откуда вскоре пришел ответ, что оказывается *«...семейство Менгли-Сента состояло записанным по 9-й ревизии Керченских обывателей татар, а по 10-й показаны выехавшими за границу в Турцию в 1856 году и к переписи по этой ревизии не явились, а потому Чарай Менгли Сент оглу не может называться Керченским мещанином»*[17]. После окончания срока наказания данный арестант был этапирован Калужским городским полицейским управление в Керчь-Еникольское и должен быть *«выслан безвозвратно заграницу»*[18].

Учитывая как положительные, так и отрицательные моменты правой интеграции крымских татар, необходимо подчеркнуть, что если Шагин-Гирей был выслан по решению российских властей и был политическим ссыльным, то теперь уже сами крымские татары избавляются от «порочных членов» своего общества, как направлением в исправительные отделения, так и путем ссылки в Сибирь.

[1] Зубов Д. Ю. К вопросу об интеграции мусульманской элиты Крымского ханства в российское общество//Материалы студенческой науч. конф.Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского 2008 года. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2008. С. 77 —79.

[2] ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Дд. 4638, 4743, 4795, 4798. Оп. 4. Дд. 340, 374, 416.

[3] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. XX. СПб., 1845. № 19285. С. 1017.

[4] ПСЗРИ. Собрание II. Т. XLV. СПб., 1874. № 48206. С. 340—341.

[5] ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 4798. Л. 3.

[6] ГАКО. Оп. 3. Д. 4743. Л. 20.

[7] ГАКО. Оп. 3. Д. 4638. Л. 9об.

[8] Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Изд. 1857 года. СПб., 1857. С. 59.

[9] ГАКО. Оп. 3. Д. 4638. Л. 25.

[10] Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Изд. 1890 года. СПб., 1890. С. 21.

[11] ГАКО. Оп. 3. Д. 4638. Л. 10—17об.

[12] Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. Отв. ред. С.Я.Козлов, Л.В.Чижова. М: Наука, 2003. С. 228.

[13] ГАКО. Оп. 4. Д. 416. Л. 6—7об.

[14] ГАКО. Оп. 4. Д. 340. Л. 6—7.

[15] Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав)// http://tavrika.by.ru/books/vodar_nk/html/contents.htm (16.02.2009).

[16] Каниц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Историческия, Географическия и Этнографическия путевыя наблюдения. 1860—1875. СПб: Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1876. С. 326—327.

[17] ГАКО. Оп. 4. Д. 374. Л. 5.

[18] Там же. Л. 10—11.

ШЕЙХИ ТАРИКАТА КАДИРИЙЯ В КАЛУГЕ В 1912—1914 ГОДАХ

***В.М. Красин**, аспирант, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

С завершением Кавказской войны совпали серьезные изменения в религиозной картине Восточного Кавказа — параллельно с доминировавшим ранее суфийским тарикатом накшбандийя получает распространение учение кадирийского лидера Кунта-хаджи Кишиева. Изначально ненасильственное, в 1860-х гг. оно постепенно начинает использоваться частью последователей Кунта-хаджи в политических целях[1]. Это привело к драматичной развязке и высылке в 1864 г. Кишиева и многих его учеников[2]. Спустя 3 года он умирает, отбывая бессрочную ссылку в г. Устюжна Новгородской губернии (ныне — районный центр в Вологодской области), однако новый вирд стал достаточно популярен, и из-за практики «громкого» зикра (в отличие от «тихого» в тарикате накшбандийя) стал упоминаться в документах той эпохи как «зикризм».

В начале XX в. немало проблем царской администрации доставил известный чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев или Зелимхан из Харачоя. Несмотря на то, что многие его действия по своей сути граничили с банальным разбоем, некоторые элементы традиционного для региона института абречества были свойственны этому историческому деятелю — прежде всего мотивы отмщения и жизнь в изгнании. Его действия обратили на себя внимание

даже политических фигур общероссийского масштаба: в журнале «Звезда» №4 за 2006 год опубликован комплекс документов — запрос 58 депутатов Государственной Думы (в т. ч. Чхеидзе и Львова) от марта 1911 года и ответ Кавказской администрации посвященные действиям по борьбе с Зелимханом[3].

Некоторые кадирийские лидеры тайно оказывали поддержку Зелимхану, укрывая его от правительственных войск. Большой резонанс получил налет на Кизлярское казначейство в апреле 1910 года; в этом налете принял участие Али Митаев, сын одного из векилей Кунта-хаджи — Баматгирея-хаджи Митаева. После удачного предприятия был совершен намаз и форма исполнения зикра совпадает с той, что практиковалась последователями вирда Баматгирея-хаджи: «Внешний вид молитвы зикристов выражается в качании головой назад и вперед и в выкрикивании имени Бога «Алла». По мере продолжительности молитвы, а вместе с тем и по мере потери сознания, слово «Алла» произносится уже «Алл, лой, Аллалой». Такая именно молитва замечена была свидетелем, когда он находился среди разбойников у «старой крепости»[4]. Форма исполнения зикра в вирдах Кунта-хаджи и Чимирза-хаджи была иной.

В 1911 г. Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа распорядился «о высылке из пределов Кавказа в Калужскую губернию на 5 лет нижепоименованных лиц с их семьями, а именно: жителей Веденского округа Баматгирея-Хаджи-Митаева, Сугаипа-Муллу-Гойсумова и Чимирза-Хаджи, Назрановского округа Батал-Хаджи-Белхороева, Грозненского округа Кана-Хаджи, Абдул-Азиза-Шаптукаева и Магома-муллу и Андийского округа Омара-хаджи, как наиболее влиятельных представителей /шейхов/ мусульманской секты «зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствующих разбойнической деятельности Зелимхана»[5].

Впрочем, в апреле 1912 г., через месяц после прибытия в Калугу, 75-летнему жителю селения Старый Юрт Надтеречного участка Грозненского округа Терской области Абдул-Азизу Шаптукаеву было разрешено вернуться на родину. Известно, что первоначально он должен был отбывать наказание в Боровске, однако подал прошение «об оставлении его с семейством» в Калуге. Просьба его была удовлетворена и он вместе с 75-летней женой Хумтой до освобождения проживал в доме Георгиевской по улице Солдатской («против дома В.С. Капырина, 3-й дом от угла»)[6].

Баматгирей-хаджи Митаев прибыл в Калугу в апреле 1912 года. Калужский полицмейстер разрешил ему остаться в губернском городе. Какое-то время устаз проживал на Ивановской улице в доме некоего Холуянова. Возможно, выбор места жительства был обусловлен тем, что на Ивановской улице в доме Власова уже проживал 70-летний Чимирза-хаджи Хамирзаев с женой Субайхат, которые прибыли сюда на 2 месяца раньше[7].

Несмотря на сведения о связях с Зелимханом, оба сына Баммат-Гирея хаджи Митаева — 30-летний Али и 18-летний Омар — не были высланы вслед за отцом[8]. Его сопровождала молодая 30-летняя жена Арагуз и, по данным чеченского журналиста М.Д. Заурбекова, наиболее близкие мюриды[9].

Житель сел. Шали Веденского округа Сугаип-мулла Гойсумов получал пособие в размере 2 р. 40 коп. кормовых и 1 р. 50 коп. квартирных (январь 1914 г.), столько же полагалось его жене Патимат[10]. Размер пособия говорит о том, что Гойсумов имел статус непривилегированного поднадзорного, хотя его влияние на родине было хорошо известно властям. Имущественное положение Сугаипа-муллы характеризует также тот факт, что он нуждался даже в теплой одежде: ему было выдано пальто, бешмет, галоши и шапка на сумму в 29 р. 50 коп., пальто, платье, шаль и башмаки на сумму в 27 руб. были выданы его жене[11].

Чимирза-хаджи Хамирзаева в ссылке сопровождали жена и сын, пособие он тоже получал как обычный поднадзорный[12]. Баматгирей-хаджи Митаев пособия не получал и жил, по всей видимости, за счет собственных средств.

Кавказские власти трезво оценивали масштаб угрозы в деятельности Зелимхана и, осознавая, что его неуловимость основывается на поддержке местного населения, предпринимали решительные меры по выдворению из региона его пособников. По обвинению в укрывательстве Зелимхана Гушмазукаева в августе 1913 г. в Калужскую губернию на 5 лет ссылаются под надзор полиции вместе с семьями жители Веденского округа Терской области чеченцы Юсуп Талхиков (из сел. Агишпатой), Минкаил Гунаев (из сел. Автуры), Насухо Тамелигов (из сел. Автуры) и Хабибула Ахтаев (из сел. Сержень-Юрт)[13].

В сентябре 1913 г. Зелимхан был убит в столкновении с правительственными войсками и уже в феврале 1914 г. Талхигову и Ахтаеву было разрешено вместе с семьями вернуться на родину. Гунаев и Тамелигов были проинформированы, что их досрочное возвращение возможно в случае их содействия к добровольной явке скрывающегося Джабраила Минкаилова[14]. На прошение Сугаипа-Муллы Гойсумова и Баммат-Гирея хаджи Митаева о разрешении возвратиться на родину, 19 августа 1914 г. был дан отрицательный ответ *«в виду неимения к тому уважительных причин»*[15]. Хотя уважительные причины, конечно, имелись — Баммат-Гирею хаджи Митаеву на момент прибытия в Калугу значилось в документах 103 года[16] (впрочем, есть основания считать, что его возраст был сильно завышен). 13 сентября 1914 г. Баммат-Гирей хаджи Митаев умер[17].

11 сентября 1914 г., за 2 дня до смерти Митаева, от Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска на имя Главнокомандующего Кавказской армией пришла телеграмма следующего содержания: *«Представители Грозненского, Веденского округов, обсудив сего числа вопрос материальной стороны сформированного чеченского полка, единогласно постановили: сверх оказанной населением материальной помощи снаряжением, обмундированием всадников ассигновать по рублю плоскостного дыма и пятьдесят копеек горного, причем две трети этого капитала представит чеченский полк на общие нужды, остальное сдать казначейство на снаряжение всадников дальнейшего пополнения полка точка Ради торжества и ознаменования светлого дня чеченцев все 263 представителя чеченского населения, помолившись даровании победы нашему оружию, обратились ко мне ходатайством возвращении административно высланных Сугаипа Муллы Гойсумова и Баматгирея Хаджи Митаева, глубоких стариков, по их заявлению, дабы дать им возможность дожить последние дни родине точка*

О вышеизложенном докладываю Вашему Сиятельству Генерал-лейтенант Флейшер»[18].

12 сентября Главнокомандующий Кавказской армией принял решение об освобождении Гойсумова. Намеревался ли он сделать подобное распоряжение и в отношении Митаева или счел его присутствие в регионе в военное время нежелательным — неизвестно.

Мюриды привезли тело Баммат-Гирея хаджи Митаева на Кавказ, место его погребения в родном селении Автуры стало почитаемым зияратом[19].

Сугаип-Мулла Гойсумов 24 сентября 1914 г. с проходным свидетельством отбыл на родину[20]. 14 марта 1917 г. на Чеченском национальном съезде в Грозном, собравшем по разным данным от 3 до 10 тыс. участников, он, вместе с Али Митаевым и Дени Арсановым, добивался введения в Чечне *«шариатского правления»*[21].

Али Митаев вскоре стал влиятельным политическим и религиозным деятелем Чечни и был расстрелян в 1925 г., несмотря на то, что в годы Гражданской войны поддерживал большевиков. В отношении Сугаипа-муллы Гойсумова и некоторых других мусульманских лидеров региона употреблялся даже термин *«красные муллы»*[22].

Кадирийский тарикат по прежнему широко распространен на Восточном Кавказе. Авторы «Южнороссийского обозрения» приводят данные о соотношении последователей различных вирдов в Ингушетии: 0,3% верующих придерживаются учения Баммат-Гирея хаджи Митаева и 4,5% — Батал-хаджи Белхороева. 85% верующих относятся к вирду их учителя — Кунта-хаджи Кишиева. Тарикат накшбандийя представлен лишь вирдом последователей Дени Арсанова, их численность — 10%[23].

Калуга во вт. пол. XIX – нач. XX вв. стала местом ссылки видных представителей двух наиболее распространенных на Кавказе суфийских тарикатов. И если жизнь имама Шамиля изучена достаточно подробно, то о кадирийских лидерах информации в исторической литературе значительно меньше. Исследования кавказских авторов дают очень ценные сведения, однако они, как правило, ярко эмоционально окрашены, часто сопровождаются легендарными и полулегендарными эпизодами и далеко не всегда имеют достаточное число ссылок на источник. Учитывая значение кадирийских устазов для Восточного Кавказа, а также сохранение значительного числа их последователей до сегодняшнего дня, особенно остро встает вопрос о привлечении новых источников, в том числе и относящихся к калужскому периоду их жизни.

[1] Ибрагимова З. Х. Кунта-хаджи//«Вопросы истории». №12. 2005. С. 129.

[2] Милютин Д. А. Воспоминания. 1863—1864. М, 2003. С. 447.
[3] Дело об абреке Зелим-хане//«Звезда». №4. 2006. С. 119—142.
[4] О распространении идей панисламизма на Кавказе//Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII—начало XX в.). Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2006. С. 423.
[5] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 13.
[6] ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 315. Лл. 2—6.
[7] ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 312. Лл. 2—3.
[8] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 11.
[9] Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений, — эталон справедливости и чести». Грозный, 2008. С. 27.
[10] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1.
[11] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1195. Л. 25.
[12] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 146. Л. 23.
[13] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1195. Л. 13.
[14] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1195. Лл. 36—40.
[15] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 1.
[16] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 10.
[17] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 9.
[18] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1097. Л. 36.
[19] Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений, — эталон справедливости и чести. Грозный, 2008. С. 38.
[20] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1195. Л. 26.
[21] Хасмагомадов Э. Х. Чечня в период революции и гражданской войны (1917—1920)//Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008. С. 285.
[22] Акаев В., Эльбиева. Л. Просветительская и общественно-политическая деятельность чеченской интеллигенции в 20-е гг. XX века//«Вайнах». №12. 2006. С. 54.
[23] Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на юге России// «Южнороссийское обозрение». Вып. 17. Ростов-на-Дону, 2003. С. 132.

КАЛУГА НА ПОЛОЖЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЫ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ЛЕТОМ 1915 ГОДА

***И.Б. Белова**, к.и.н., ст. преп., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

В начале лета 1915г. завершилась самая крупная для России оборонительная операция (*«великое отступление»*) Первой мировой войны, сопровождавшаяся большими людскими и материальными потерями. Началось новое сосредоточение сил. Летом 1915г. были осуществлены досрочные призывы новобранцев в количестве 900 тыс. человек, а также 350 тыс. ратников ополчения I разряда. Началась мобилизация промышленности на военные нужды, т.к. проблема вооружения армии приобрела критическую значимость. Беженское движение к этому времени приняло массовый характер, и центральная власть законом от 30 августа 1915г. «Об обеспечении нужд беженцев» определила основное содержание своей политики по отношению к беженцам, признав необходимость перемещения нескольких миллионов человек из прифронтовых районов вглубь России.

Сохранение мирной и спокойной общественно-политической обстановки внутри страны было необходимым условием дальнейшего успешного ведения войны. Министерство внутренних дел потребовало от административно-исполнительной власти на местах усилить наблюдение за настроением народных масс, учитывая, что в Москве с большим трудом удалось покончить с немецкими погромами 26—29 мая и восстановить там порядок. В свою очередь калужский губернатор распорядился *«особо бдительное наблюдение иметь за прибывающими из заводских районов во время призыва в войска»*. Дело в том, что июне 1915г. на призывном пункте г. Жиздры, промышленного района Калужской губернии, появились прокламации РСДРП с призывом к революции. По данным губернского жандармского управления (ГЖУ), это было делом рук прибывших в Жиздру из крупных промышленных

центров (Петрограда, Харькова и др.) в связи с набором в действующую армию[1]. Привлекавшийся в числе других к дознанию новобранец Андрей Поляков был в результате мобилизован. Дестабилизации политической обстановки эта акция за собой не повлекла, т.к. для большинства населения защита Родины от германца воспринималась как первоочередная задача. Летние призывы в г. Калуге (как и по всей губернии) прошли спокойно, без нарушений общественного порядка. В результате армию в августе 1915г. пополнили 19- и 20-летние калужане. Особо тщательный отбор, с проверкой данных о *«нравственной благонадёжности»*, прошли шестеро калужан, направляемых в Собственный Его Величества железнодорожный полк.

Население, по данным изучения общественных настроений ГЖУ, с пониманием относилось к частым воинским призывам, хотя среди крестьян летом 1915г. фиксировались толки о том, что *«народ губят войной ни за что»*[2], императорскую особу за это называли *«дураком»*, *«барбосом»*, *«колчужской, неимеющей развития»*, *«хуже всякой бабы»*[3]. Так, нижний чин военно-санитарного поезда № 39, прибывшего из района военных действий, Семёнов рассказывал знакомым о плохом вооружении армии по вине Государя Императора, которого, по его мнению, нужно *«гнать грязной метлой»*[4]. *«Для чего делается набор в армию, нас всё равно побьют немцы»*, — возмущался санитар. Отношение местной административно-исполнительной власти к подобным высказываниям следует признать адекватным: они оставлялись без последствий, если не представляли серьёзной угрозы существующему политическому строю. Так, выводы проводимых дознаний часто формулировались следующим образом: *«...К. так выразился не с целью агитационной, а просто без умысла»*, *«...В. нарушение это совершила по неграмотности и неопытности»*, или *«...Ходатайствую о снижении штрафа и докладываю, что Б. совершенно дряхлый и старый, и если что и говорил..., то не сознавал того, что этим кого-либо затрагивает»*[5].

В г. Калуге летом 1915г. при непосредственном участии полиции было расселено более 2 тыс. беженцев из 12 западных районов, и их количество продолжало расти. Размещали и эвакуированных работников с семьями. Так, 21 июля 1915г. на станцию «Калуга» прибыло 3 поезда с железнодорожными служащими Привислинских железных дорог с семьями (500 чел.), казённым инвентарём и собственным имуществом. Всех поселили во временных казармах 74 пехотного запасного батальона при железнодорожной станции[6]. Пользуясь моментом, домовладельцы стали поднимать цены на сдаваемое жильё. Административно-исполнительная власть повела с ними борьбу за соблюдение введённых в связи с этим таксированных цен. Возникла необходимость в организации адресного стола. *«При наплыве в Калугу беженцев и высланных по распоряжению властей никак нельзя обойтись без адресного стола... дело доставления домовладельцами адресных листков идёт очень медленно... К 1 августа необходимо закончить эту работу... Фамилии беженцев в адресных листках следует подчёркивать синим карандашом, чтобы их легче можно было найти,»*— требовал калужский полицмейстер Н.Д. Ростовский от своих подчинённых[7]. Массовое прибытие беженцев сопровождалось появлением в Калуге слухов об угрожающей городу опасности со стороны неприятеля и предстоящей эвакуации. Население стало проявлять беспокойство и требовать в банках свои вклады[8]. Административная власть выступила с опровержением ложных слухов. На протяжении всего военного периода она применяла различные меры воздействия к возмутителям общественного спокойствия в соответствии с положением Чрезвычайной охраны вплоть до высылки из пределов Калужской губернии.

В мае 1915г. военнопленные австро-венгерской армии (более 600 чел.) поступили в распоряжение администрации казённой Сызрано-Вяземской железной дороги, в т.ч. её Калужского отделения. 15 июня на одном из калужских участков дороги военнопленные отказались идти на работу; 22 июня на другом участке последовали их примеру 86 военнопленных, а 3 июля не вышли на работу ещё 10 чел. на станции «Калуга». Железнодорожная администрация и полиция не имели чётких указаний, как поступать с военнопленными в таких случаях. Они использовали в основном метод «уговоров», затем стали прибегать к арестам и *«уменьшению кормового довольствия»*[9]. Наконец штаб Московского военного округа 22 июля уведомил калужского губернатора, что местным начальникам полиции предоставлено право за отказ военнопленных от работ налагать на них дисциплинарные взыскания, аналогичные налагаемым на городовых и стражников[10].

На железнодорожную станцию «Калуга» летом 1915г. наряду с беженцами прибывали

раненые воины, эвакуированные из действующей армии. Городские полицейские части обеспечивали порядок и оказывали помощь при разгрузке санитарных поездов (№№ 23, 53, 57, 202, 403 и др.), для чего на станцию направлялся пристав одной из частей, околоточный надзиратель с 3—4 городовыми[11]. В г. Калуге было развёрнуто 38 госпиталей и лазаретов на 3956 коек[12]. В лазаретах большим успехом пользовались чтения для раненых художественной и научно-популярной литературы учителями калужских училищ[13]. При этом администрации госпиталей Верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем П.А.Ольденбургским (циркуляр № 720 от 12 августа 1915г.) было предложено изъять и недопускать для чтения журналы «Слово истины», «Христианин», газеты «День», «Утренняя звезда», «Сеятель» и некоторые другие как *«возбуждающие к учинению еврейских погромов»*[14].

Летом 1915г. в г. Калуге находились евреи российского подданства, ранее высланные из прифронтовой полосы. Калужский губернатор распорядился содержать их под стражей на том основании, что Калужская губерния не входила в черту оседлости евреев, следовательно, они свободно тут проживать не могли. Евреи жаловались, об их освобождении из-под стражи хлопотали депутаты Государственной думы. В сентябре 1915г. они были высланы на основании постановления губернатора из Калуги как *«враждебный элемент»* – возмутитель спокойствия[15].

Ведя борьбу с ростом цен, местная власть с начала войны запретила перекупщикам до 11 часов скупать продукты питания у сельских жителей, привозивших их на продажу. В базарные дни на двух торговых площадях Калуги — Староторжской и Новоторжской, несли службу околоточные надзиратели[16]. На хлеб, муку, подсолнечное масло, мясо, сахар, керосин были установлены таксированные цены. Торговцы, которые их не придерживались, подвергались в лучшем случае штрафам, а в худшем — выселению за пределы губернии. Извозчикам запрещалось требовать с пассажиров плату сверх установленной. Если же извозчики всё же требовали, а в случае отказа *«наносили дерзости и держали себя вызывающе»*, как отмечалось в одном полицейском протоколе, их также штрафовали[17].

Ежедневно осуществлялся ночной обход каждой из трёх частей города полицейским нарядом в составе околоточного надзирателя и городового. Если на улице *«публика собиралась для разговоров»*, то ей в соответствии с положением Чрезвычайной охраны, которое действовало на территории Калужской губернии, предлагалось немедленно разойтись. Полицейские чины, как правило, околоточные надзиратели вместе с городовыми, наблюдали за общественным порядком во всех местах, предназначенных для отдыха и развлечений: кинематографах («Художественный», «Люкс», «Унион»), Народном доме, городском и загородном садах и др. Самый большой наряд, состоящий из пристава, двух околоточных надзирателей, четырёх старших и шести младших городовых, направлялся на ипподром. Этому наряду вменялось в обязанность следить в том числе и за соблюдением установленных *«правил взимания благотворительного сбора в пользу учреждений Императрицы Марии и других»*[18]. Чины калужской полиции сами ежемесячно отчисляли в местный благотворительный Комитет для оказания помощи раненым и больным воинам, основанный супругой губернатора княгиней А.Е. Горчаковой, по 2% из жалованья[19]. Супруга калужского полицмейстера Е.В.Ростовская и другие чиновные дамы организовали 15 июля 1915г. однодневный кружечный сбор пожертвований в пользу Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны для оказания помощи семьям призванных на войну. Обязанности сборщиков выполняли учащиеся Калужской Николаевской гимназии[20]. В связи с приездом в Калугу Великой княгини Елизаветы Фёдоровны 9—10 августа 1915г. по случаю празднования 400-летия со дня кончины Святого праведного Лаврентия Калужского и открытия приюта для детей воинов на полицию был возложен контроль за приведением в *«строгую чистоту»* улиц города, в особенности Ямской, Московской, Дворянской, Тележной, Никитской, Козьмодемьянской, Пушкинской, Золотой и др., по которым *«имеет следовать»* Елизавета Фёдоровна[21].

Полиция располагала списками предприятий, получивших военные заказы, и работников этих предприятий с указанием их адресов. Наблюдению за настроением рабочих этих предприятий уделялось повышенное внимание с целью недопущения срывов сроков поставки продукции. Вообще получение военных заказов отмечалось как праздник. Так, 2 августа 1915г. в токарном цехе Калужских железнодорожных мастерских в присутствии губернатора и других высокопоставленных лиц был отслужен молебен по поводу получения заказа от

Московского военно-промышленного комитета на изготовление 80 бомбомётов и 40 тыс. снарядов к ним.

Всякая политическая активность *«революционного элемента»* пресекалась местной властью, кроме того большинство рабочих не разделяло пораженческих взглядов социал-демократов и считало военное время не подходящим для предъявления своих претензий центральной власти. Калужским социал-демократам (в количестве до 20 чел.) не удалось организовать ни одной политической забастовки.

Летом 1915г. полиция продолжала разыскивать подростков, бежавших на фронт. Так, 7 августа из Калуги в сопровождении младшего городового в Москву и Лугу отправили трёх мальчиков, направлявшихся на театр военных действий. В г. Калуге и во всех без исключения уездах Калужской губернии был обнаружен и изъят награбленный при московском погроме «товар»: различные ткани, шерстяная пряжа, меха, одежда, обувь, галантерея, фарфор, чай, сахар, мыло, столичные журналы, столярные и садовые инструменты и мн. др. [22]

Осенью 1915г. местную административно-исполнительную власть ждали новые серьёзные проблемы, связанные с массовым уклонением от призывов в войска ополченцев II разряда, которых до этого периода в армию никогда не брали. Так, в г. Калуге к призыву, объявленному с 5 сентября, не явились 308 человек. В сентябре 1915г. городской полиции было поручено проведение ряда подготовительных мероприятий, связанных с планировавшимся переводом в Калугу Ставки Верховного главнокомандующего[23]. Обследовался район от железнодорожной станции «Калуга» до дома губернатора, где должен был размещаться император, и на расстоянии 100 сажен вокруг дома[24]. Губернатору были представлены данные о политически неблагонадёжных для удаления их за пределы губернии. В двухдневный срок был выслан из города весь *«случайный пришлый элемент населения»*: интернированные из Закавказья военнообязанные турецкие подданные, немцы-колонисты и евреи, имевшие русское подданство, высланные из западных приграничных территорий.

Как видим, общественно-политическая и экономическая обстановка в регионе в период, последовавший за полосой неудач русской армии на фронте, находилась под контролем местной административно-исполнительной власти. При этом важнейшие проблемы военного времени по мобилизации местных людских и материальных ресурсов, а также по размещению беженцев и эвакуированных из армии воинов и многие другие успешно решались.

[1] Калужский край. Документы и материалы. Книга 2. Тула, 1977. С. 255.
[2] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 11. Д. 6. Л. 18.
[3] Там же. Л. 12, 22, 30.
[4] Там же. Л. 10—12.
[5] Там же. Оп. 10. Д. 2572. Л. 108об, 195, 310.
[6] Там же. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 241.
[7] Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 355. Л. 2.
[8] Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1204. Л. 638.
[9] Там же. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 149, 176, 208—209.
[10] Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 620. Л. 75.
[11] Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 355. Л. 1об.
[12] К началу войны во всех лечебных учреждениях Калужской губернии насчитывалось лишь 1640 коек.
[13] Калужский курьер. 28 июля 1915. № 82.
[14] ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.
[15] Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7.
[16] Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 355. Л. 7.
[17] Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1192. Л. 124.
[18] Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 355. Л. 32об.
[19] Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914— февраль 1917гг. (по материалам Калужской и Орловской губерний). Дисс… к.и.н. Калуга, 2007. С. 152.
[20] ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2856. Л. 20.
[21] Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 355. Л. 19.
[22] Там же. Оп. 4. Д. 1556. Л. 2.
[23] Ставку Верховного главнокомандующего в итоге, как известно, разместили в Могилёве.
[24] ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 208.

ЧАСТИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919—1924 гг.). ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

***О.А. Лошманова**, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

История возникновения частей особого назначения и их боевая деятельность непосредственно связана с борьбой Советской власти с контрреволюцией, бандитизмом, дезертирством, а также с борьбой большевистской партии за сохранение политической власти.

Возникновение первых коммунистических формирований относится к послеоктябрьскому периоду. В это время новое государство не располагало какими-либо регулярными вооруженными формированиями. В условиях ожесточенной борьбы за власть при партийных организациях стали образовываться небольшие отряды, состоящие из членов партии и *«сочувствующих»*. Они создавались по инициативе местных руководителей, в большинстве случаев имели временный характер и возникали преимущественно в городах при непосредственной угрозе советской власти. Процесс их образования в то время носил случайный, хаотичный характер.

Начало массовому формированию отрядов особого назначения положила изданная в марте 1918 г. директива ЦК РКП(б) партийным организациям о вооружении коммунистов и обучении их военному делу. В марте—апреле 1918 г. отряды формируются в крупных промышленных городах.

Первые сформировавшиеся отряды имели серьезные недостатки: не было четкой организационной структуры, не имели общего военного центра, не определено их взаимодействие с Красной Армией, войсками ВЧК и милицией, выявилась плохая боеготовность, недостаточная численность бойцов, плохое вооружение.

В докладе командира Мосальской отдельной роты говорится следующее: *«В период существования отрядов ОСНАЗ на местах они представляли из себя что-то бесформенное, не имеющее никакой организации, были пустым местом в пространстве, а численность только на бумаге, не имевшая определенного плана построения штата. Учета личной регистрации не велось, а если и велось, то частично»* [1].

В годы Гражданской войны стала все более заметной усталость народных масс от войны, дезертирство стало обычным явлением, активизировались противники большевиков в тылу Красной Армии. В сложившейся ситуации сил коммунистических отрядов для стабилизации обстановки в стране было недостаточно, так как с поставленными перед ними задачами в таких условиях они справиться уже не могли.

Несмотря на это, их опыт был использован при организации более мощной и организованной военной силы — Частей особого назначения.

ЦК РКП(б) 17 апреля 1919 г. принял постановление о создании частей особого назначения (ЧОН). Появление первых частей особого назначения относится к 1919 году. В сентябре 1919 г. ЧОН были созданы уже в 33 губерниях. 1 сентября при Калужском Губернском комитете РКП(б) был образован отряд Осназ и штаб при нем в количестве трех человек. Губком РКП(б) 3 декабря 1920 г. принял постановление, которое передавало этот отряд в ведение Калужского территориального округа под наименованием 1-го коммунистического батальона. В действительности борьба с бандитизмом показала, что боевая готовность коммунистов была слишком слаба. Военное обучение коммунистов отошло на второй план и на Осназ смотрели как *«на ненужную и неприятную трату времени. Ссылались на то, что коммунисты достаточно обучены военному делу и приобрели достаточный боевой опыт в Гражданской войне. Между тем целый ряд событий говорят, что коммунисты представляют силу только тогда, когда они представляют сплоченную боевую организацию, в одиночку они бессильны»*. В ответственный момент они не могли оперативно среагировать, так как отсутствовал план действий и элементарные правила боевой подготовки.

В начале февраля 1920 г. ЦК РКП(б) признал необходимым *«изъять формирование и управление отрядами особого назначения из непосредственного ведения местных комитетов РКП и передать эти функции всеобучу»*[2]. Однако такое подчинение существовало лишь непродолжительное время. Уже в 1921 г. руководство ЧОН перешло к ЦК РКП(б), а 24

марта ЦК РКП(б) утвердил положение об отрядах особого назначения РСФСР. 11 августа 1921 г. в соответствии с положением об отрядах особого назначения и приказом штаба Московского военного округа от 1 августа 1921 г. для руководства и командованием всеми отрядами особого назначения Калужской губернии был создан Штаб отрядов особого назначения Калужской губернии, который начал формироваться 5 августа 1921 г. согласно временным штатам, объявленным в протоколе отрядов Осназ Республики от 27/7 1921 за № 2 и положением об отрядах Осназ Республики от 17 августа 1921 г. за № 4. Старый термин: «отряды особого назначения» упразднен и введен новый термин: «части особого назначения» [3].

Представление о степени значения этих формирований для Советского государства можно получить, исходя из того, что на них возлагались *«самые срочные, самые ответственные, самые трудные задачи по решительному подавлению заговоров, мятежей, террористических актов, диверсий, организуемых контрреволюционными элементами на территории Советской республики, в стратегическом тылу Красной Армии»*[4].

Организационное оформление и укрепление частей особого назначения произошло в 1921 году. Решением ЦК РКП(б) от 8 октября 1921 г. объявлялась единая система организации ЧОН: Командующий и Штаб ЧОН Республики, командующий и штаб ЧОН округа, губернии, уезда. Для политического руководства — Совет ЧОН при ЦК РКП(б); Советы при губернских и уездных комитетах партии. Высшее руководство всей структурой принадлежало ЦК РКП(б).

Руководство ЧОН состояло из следующих коммунистов: Командующий ЧОН Республики — А.К. Александров, Начальник штаба ЧОН — В.А. Кангелари; в Совет ЧОН входили: секретарь ЦК В.В. Куйбышев, председатель ВЧК И.С. Уншлихт, комиссар штаба РККА и командующий ЧОН Республики.

Приказом РВСР № 2740/457 от 6 декабря 1921 г. были утверждены штаты отдельных частей особого назначения — полков, батальонов, рот, взводов [5].

Образование единой структуры и централизованного управления создало возможность оперативного управления этими частями. Оно происходило путем отдачи приказов и распоряжений штаба ЧОН персональным адресатам или посредством такой формы руководящих документов, как общие циркуляры, отправляемые на места с различными грифами секретности.

Командующим частей особого назначения Калужской губернии был назначен Мусатов Дмитрий Сергеевич, начальником штаб ЧОН губернии — Келин. Ответственным организатором ЧОН Алмазов Н.Г.

При штабе была канцелярия. Начальник канцелярии штаба ЧОН, который непосредственно подчинялся Комчонгуб, при нем секретарь. При штабе ЧОН губернии в 1922 г. было служащих 30 человек, лошадей — 2, обоз — 1, автомобиль — 1, мотоциклов — 2 [6]. Штат управления ЧОН губернии состоял из оперативно-строевого отделения, отделения учетно- мобилизационного и снабжения, связи, комендатуры.

Оперативно-строевое отделение ведало: а) отделом кадров и милиционным составом ЧОН губернии; б) составлением дислокации ЧОН, расположением в губернии; в) боевым составом и др.; г) ведением журнала боевых действий. Учетно-мобилизационное отделение: а) выполнением учетно-мобилизационных планов ЧОН округа; б) проведением учебных и проверочных сборов; в) учетом военнослужащих кадров РКП и членов РКСМ числящихся в ЧОН по очереди призыва; д) учетом обученных и необученных; е) учетом и распределением в ЧОН губернии всех видов снабжения. Связь обслуживает Губштаб в техническом отношении и живой связью. Комендатура ведала хозяйственными вопросами по снабжению сотрудников штаба продовольствием, деньгами и обмундированием [7].

После переформирования ЧОН представляли собой боевые части, особое назначение которых состояло в том, что они использовались для охраны в тылу важнейших политических, экономических и военных объектов, для ведения боевых действий против вооруженных формирований, подавления контрреволюционных выступлений, а также для сбора разведывательной информации, охраны важных объектов, городов и сел.

Общее руководство процессом формирования и обучения осуществлялось непосредственно ЦК РКП(б), организация отрядов лежала на губернских и столичных комитетах партии, которые в свою очередь назначали для этого ответственного организатора.

34 Зак. 2219

Формирование производилось по территориальному принципу — в виде фабрично-заводских отрядов. Отряды, в свою очередь, могли составлять одно или несколько отделений, взводов, рот или батальонов в зависимости от численности отряда. Основной строевой единицей является рота.

Части особого назначения формировались *«исключительно из преданных делу коммунизма элементов»*[8]. В первую очередь в отряды зачислялись коммунисты, вступившие в партию до Октябрьской революции 1917 года, также зачислялись кандидаты в члены партии, комсомольцы и наиболее надежные рабочие.

Зачислению в отряды не подлежали члены партии, которые состояли в строевых частях Красной Армии и занимали такие должности, которые в критический момент потребуют их присутствия на своем рабочем месте (почта, телеграф и др.). Зачисленные в отряды продолжали свою обычную работу, посещали занятия в строго определенные расписанием часы, после работы.

Зачисленные в отряды не освобождались от призыва по общей или партийной мобилизации; состоявшие в отрядах не считались состоявшими в рядах Красной Армии и никакими особыми привилегиями и преимуществами не пользовались. Лица, состоявшие в штабе батальона или роты, *«получали все положенные для Красной Армии виды довольствия соответственно занимаемым должностям за счет военных комиссариатов»*[9].

Дни, в которые члены отрядов несли дежурства, не считались прогульными, фабрики и заводы оплачивали их по среднему заработку. На тех членов отряда, которые нарушали дисциплину (не являлись на занятия), налагались следующие меры взыскания: напоминания, выговор, выговор с опубликованием в партийной печати, предание партийному суду. От посещений занятий в отряде освобождались лица, предоставившие справку от медкомиссии. От службы в ЧОН освобождались только инвалиды.

Вооружение отрядов производилось, при содействии Центрального Управления Снабжений и его местных органов, партийными комитетами. В первую очередь использовали оружие, находившееся на руках у населения. Для этих целей партийные комитеты с помощью состоящих в отрядах применяли меры к розыску указанного оружия. Недостающее поставляли Военные Комиссариаты. При вооружении бойцов особое внимание было обращено на то, чтобы, по мере возможности, все отряды были вооружены винтовками одной системы. Винтовки и револьверы раздавались членам отрядов по мере того, как они научатся ими владеть. Оружие было на учете у ответственного организатора, который записывал, какой системы, за каким номером и кому выдано.

На основании решения Губсовета ЧОН было начато формирование отдельной роты Осназ Калужского уезда; таковая была выделена из состава Калужского отдельного батальона Осназ. В состав батальона в ноябре 1921 г. входили 1087 человек. Из них членов РКП — 833 человека; кандидатов РКП — 105; членов РКСМ — 149.

Из данного количества в первой и второй очереди призыва числилось членов РКП — 443, кандидатов РКП — 92, членов РКСМ — 107. Из них мужчин — 582, женщин — 60 человек. Милиционного комсостава — 26 человек. В третьей очереди призыва — 445 человек [10].

В связи с переформированием в Калужской губернии по данным журнала боевых действий в 1922 году было 13 рот.

В докладах и отчетах командиров о состоянии и ходе формирования выявились серьезные проблемы. Не были укомплектованы отдельные роты: (малоярославецкая, тарусская, боровская); взводы: (сухиничский, лихвинский, перемышльский). Тормозом формирования являлось отсутствие соответствующего комсостава и красноармейцев в распоряжении Калужского Губвоенкомата, отсутствие положенного по штату обоза, лошадей, вооружения, снаряжения и обмундирования, а так же отсутствие канцелярии, уставов руководств и учебных пособий. В докладе командира Боровской Отдельной роты И.М. Григорьева «О проблемах формирования» говориться следующее: *«Плохо идет регистрация, коммунисты относятся несерьезно, из 170 человек зарегистрировалось только 36, 5 %»*. Далее он пишет об отношении к ЧОН. *«В отношении местных властей к частям осназ подчеркивается несерьезность и как-бы непонимание важности создания таковых, чем и объясняется недостаточность содействия с указанной стороны в деле обучения и формирования роты, например: штаб роты до сего времени не имеет телефона, рота отрезана от всего мира, а*

у всех представителей власти телефоны имеются. В отношении продовольствия рота находится в тяжелых условиях»[11].

Характеризуя личный состав ЧОН, следует заметить, что он подразделялся на кадровый и переменный (милиционный). Кадровый состав состоял на действительной военной службе, а переменный числился на учете, периодически призывался для учебных сборов и обязан был систематически проходить занятия, не лишаясь своей повседневной службы в учреждениях и предприятиях.

По состоянию на 1 сентября 1922 года в частях особого назначения Калужской губернии кадрового состава насчитывалось: комсостава — 78 человек; адмхозсостава — 17; красноармейцев — 153 [12].

Большое значение ЦК РКП(б) придавал политическому воспитанию и военной подготовке кадрового состава. В циркулярном письме «К кадровому составу» говорится о неналаженности отношений с парторганизациями и о низком качественном уровне кадрового состава, который в свою очередь сказывался на боевой деятельности чоновцев.

В циркулярном распоряжении Штаба ЧОН МВО 1922 г. освещается ситуация, сложившаяся в войсковых частях и в военных учреждениях Округа. *«...В некоторых войсковых частях и военных учреждениях Округа развились выпивки с картежной игрой в среде старшего и высшего комсостава; так в Штабе одной из дивизий в таком времяпровождении оказался принимающим участие почти весь старший состав...»* [13].

Для пресечения подобных явлений виновных привлекали к суду Ревтрибунала за нарушение порядка и дисциплины, партийный комсостав исключали из партии. Эти меры оказались достаточно эффективными: в 1923 г. подобные явления прекратились.

Несмотря на вышеизложенные трудности, к 1924 году части особого назначения прошли путь от разрозненных слабовооруженных военно-партийных отрядов до централизованной государственной структуры частей особого назначения, существующей по армейским штатам.

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 128. Доклад. О ходе работ кадра отдельной Мосальской роты ОСНАЗ со времени реорганизации отрядов ОСНАЗ. Л. 31.

2. Там же. Р-966. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

3. Там же. Р- 966. Оп. 1. Д. 568. Л.1.

4. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф 1. Оп. 2. д. 4. Циркуляры ЦК РКП(б) инструкции и переписка об организации частей особого назначения и осназ, приказы по отряду осназ при Губкоме РКП(б) учебные планы занятий в отряде осназ. Л. 17.

5. Там же. Л. 17.

6. ГАКО. Р-966. Оп. 1. д. 568. Л. 1.

7. Там же. Л. 1—2.

8. ГАДНИКО. Ф 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

9. ГАКО. Ф. Р- 966. Оп. 1. Д. 568. Журнал боевых действий Губернского штаба ЧОН за 1922 г. Л. 9.

10. ГАКО. Ф. Р- 966. Оп. 1. Д. 128. Л. 61.

11. Там же. Доклад о формировании ЧОН. Инструкция Штаба Частей Особого назначения Калужской губернии, протоколы, заседания и доклады командиров о формировании ЧОН по уездам Калужской губернии. С 14 ноября 1921 по 1922 г. Л. 13.

12. ГАДНИКО. Ф 1. Оп 2. Ед. хр. 4. Циркуляры ЦК РКП(б) инструкции и переписка об организации частей особого назначения и осназ, приказы по отряду осназ при Губкоме РКП(б) учебные планы занятий в отряде осназ. Л. 69.

13. ГАКО. Ф. Р-966. Оп. 1. Циркуляры и разная переписка. Циркуляры командира частей особого назначения Республики и начальника штаба частей осназ Калужской Губернии о политическом воспитании коммунаров и о принятии мер к устранению употребления спиртных напитков и картежной игры среди старшего и высшего комсостава частей особого назначения. Доклад начальника оперативно- строевого отделения о состоянии частей особого назначения по указанному отделению. За 1922 г. Д. 336. Л. 27.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В ДЕЛЕ АГРАРНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. (К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В КАЛУЖСКОМ КРАЕ)

***Н.Н. Марченкова**, студентка,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

В последние два десятилетия, наряду с исследованием многих проблем отечественной истории XX века, возникла тенденция к пересмотру ряда, казалось бы, давно изученных вопросов. Одним из них является история аграрной и культурной революции в первые десятилетия советской власти. Особого внимания достоин период с осени 1929 г., когда в жизни советского крестьянства наступает новый этап — в сельском хозяйстве осуществляется переход к сплошной коллективизации, для которой было характерно наращивание темпов коллективизации сопровождавшееся «искривлениями» партийной линии, «перегибами», т.е. применением насильственных методов и нарушением принципа добровольности. В условиях борьбы за высокие показатели злоупотребления местных властей становились причиной социального протеста.

Проанализированные нами документы советских и партийных органов власти содержат сведения о темпах коллективизации, раскулачивании, подтвержденные статистическими данными, отражают проблемы финансирования, агитационной и культмассовой работы с населением, а также показывают факты социального протеста и методы борьбы с ним. В исследовании использованы документы различного характера: нормативно-директивные указания партийных бюро, протокольная и отчетная документация, деловая переписка, информационные сводки, докладные записки и др.[1].

В 1929 г. территория Калужской губернии была разделена на две части. Большая ее часть была присоединена к Западной области, меньшая вошла в состав Московской. Площадь Калужского округа составляла 8,7 тыс. км^2 [2], а Сухиничского — около 17 тыс. км^2.

Политика советской власти в вопросе коллективизации являлась не однозначной, население было поставлено в сложные условия, в деревне отсутствовала стабильность. Особую роль в первое время играл фактор привычности крестьян к коллективной форме хозяйствования. К началу 1930-х годов имели место некоторые формы объединения — артели, совхозы, союзы. Также и среди единоличников было немало тех, кто приветствовал новое аграрное и культурное устройство. Например, на общем собрании жителей д. Осиновка Спас-Деменского уезда присутствовало около 80 человек. Одобряя политику партии в деревне, крестьяне единогласно заявили: *«Давайте мы бросим свои карликовые хозяйства, так как они нам кроме убытка ничего не дают. Давайте пойдем в колхоз, объединим свое имущество, и будет оно нашим неделимым капиталом»*[3], после чего все бедняки и середняки записались в колхоз и решили вызвать на соревнование соседнюю д. Командровку.

Начало 1930 г. было ознаменовано безудержной гонкой коллективизации, под давлением сверху началось соревнование за ускоренное создание колхозов — ни о каком *«равномерном нарастании колхозного сектора»* не было теперь и речи [4]. Однако установленные показатели не могли быть достигнуты на базе отсталого в техническом плане хозяйства. Уже к 1929 г. наметилось отставание Сухиничского округа от Калужского по темпам коллективизации [5], качественные же показатели были низкие по обоим округам. Как отмечалось в материалах к докладу о выполнении решений ЦК по бывшей Калужской губернии от 1929 г., *«вся работа идет главным образом, сверху. Местные сельские организации, в частности сельские советы, никакой инициативы не проявляют. Качество колхозного движения очень слабое. Оно почти совершенно не учитывается»* [6]. По Калужскому округу с 1928 по 1929 г. количество колхозов выросло с 66 до 95, увеличивалось также число дворов, входивших в колхоз, с 659 до 1139, территория колхозов увеличилась с 5460 до 8055 га [7]. Однако, отмеченные достижения не соответствовали требованиям директив губернского съезда Советов, темпы коллективизации в Калужском округе оценивались как *«крайне медленные»*, причинами отсталости называли недостаток скота, инвентаря, слабость культмассовой работы и бездействие со стороны местных властей в помощи колхозного строительства. Несмотря на подчеркнутую выше разницу между темпами коллективизации в двух округах, по Сухиничскому округу отмечались

те же тормозящие факторы. В закрытом письме Калужского губернского комитета ВКП(б) в ЦК ВКП(б) об итогах выполнения постановления ЦК от 23.01.1929 также отмечалось, что не была учтена крайняя отсталость сельского хозяйства Калужского округа, которая выражалась в преобладании сохи, ошибкой местных властей была задача добиться 100 % коллективизации к 1 марта. Последствиями этого стала погоня за количеством в ущерб качеству. По обоим округам отмечался высокий спад темпов коллективного строительства — до 30 % [8]. Еще одной проблемой, тормозящей ход коллективизации, было финансовое обеспечение. При обсуждении 16.12.1929 [9] кредитного плана на развитие сельского хозяйства на 1929—1930 гг. Президиумом Калужского окрисполкома была выявлена недостаточность предоставленных средств, отмечен разрыв между лимитом Моссельбанка и реальной потребностью округа почти вполовину, был отправлен запрос на увеличение объема кредита для достижения поставленных партией и правительством в деле коллективизации целей. Наиболее конфликтной, на наш взгляд, была работа партии большевиков по раскулачиванию — неотъемлемой части коллективизации. По данным финансового отдела, как одного из органов, ведущих контроль за раскулачиванием, и занимавшегося контролем за индивидуальным налогообложением, специального учета количества кулаков, середняков и бедняков не велось. По Калужской губернии в 1928—1929 численность бедняков и *«маломощных»* крестьян составляла 76040 человек, учет кулацких хозяйств велся по факту привлечения к индивидуальному налогообложению; последних было выявлено 2 428 [10]. Кроме того, большая часть крестьянства облагалась дополнительными налогами, а их имущество подлежало конфискации. Сохранились свидетельства многочисленных *«перегибов»* местной власти в деле раскулачивания. Так, в директиве бюро Сухиничского окружкома ВКП (б) о мероприятиях по ликвидации кулачества отмечалось: *«...в ряде районов руководящие работники и районные организации расширенно толкуют о ликвидации кулачества как класса, подводя под кулачество всех лишенцев...»* [11]. Гонка за количеством с использованием незаконных методов приводила к озлоблению крестьян, открытому сопротивлению и расправам с активистами колхозного движения.

В деле построения идеологической базы большевиков, т.е. просветительской и антирелигиозной политики можно отметить, что к началу сплошной коллективизации в Калужской губернии было 661 религиозных центров — церквей, синагог, мечетей; за 1927—1928гг. по Калужскому округу было закрыто 3 православных храма [12]. Однако, уже за 1929—1930 гг. количество случаев закрытия церквей значительно увеличивается. Примером может служить ситуация в Сухиничском округе, где повсеместно разорялись и закрывались церкви. Округ на тот момент занимал первое место [13] по количеству закрытых церквей. В то же время не были налажены механизмы просвещения: не была учтена потребность населения в правовой информации и защите. Избы-читальни, на которых возлагались задачи юридической помощи, в большинстве своем ее не оказывали, т.к. не имели для этого ни справочных материалов, ни кадров; часто в избах-читальнях по нескольку лет лежал один—два номера центральной газеты. Новая власть полноценно не решала идеологических проблем, механизмы агитации и информирования населения не были разработаны, а проведение антирелигиозной кампании — разрушение духовного центра деревни — вообще приводило к открытым выступлениям и протестам.

Партийные и советские органы столкнулись с рядом проблем экономического и социального характера. С одной стороны, историческая предрасположенность русского крестьянства к коллективным формам ведения хозяйства давала возможность равномерного перехода к коллективизации, с другой стороны, налицо были слабая техническая база, недостаток финансового обеспечения, насильственные методы формирования колхозов, социальное расслоение в деревне, низкий уровень грамотности населения, в т.ч., юридической. Такая обстановка была типична для всей территории СССР на данном этапе коллективизации. Многие историки говорят об этом времени как о трагическом периоде истории советской деревни [14], о новом *«закрепощении»* крестьян, о лишении крестьянина права распоряжаться своим трудом, однако проведенное исследование заставляет более осторожно подойти к оценке действия советской власти. Возникшие противоречия между местными властями и крестьянством были закономерны. Власть на местах к 1930 г., не готовая к повсеместному распространению и организации колхозов, допускала непоправимые ошибки, поэтому населению, для которого коллективная форма ведения хозяйства не являлась новшеством, было очень болезненно привыкать к колхозам и новой культурной жизни.

Проблема взаимоотношений власти и крестьянства все еще не исчерпали себя; особенно это актуально для изучения истории Калужского края в период сплошной коллективизации. Более углубленного рассмотрения требуют вопросы насильственного принуждения и социальных протестов непосредственно на взятой территории на данном этапе.

1.Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО), Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее — ГАДНИКО), Муниципальный архив администрации Куйбышевского района Калужской области.

2.Калужский округ и его районы. Калуга, 1929. С.12.

3. Муниципальный архив администрации Куйбышевского района Калужской области. Альбом по истории Куйбышевского района Калужской области.

4. Филимонов В.Я., Журов Ю.В., Будаев Д.И. История крестьянства западного региона России 1917—1941. Калуга, 2002. С. 299.

5. ГАДНИКО. Ф.П. 91. Оп.1. Д. 3. Л. 3.

6. Там же Д. 3. Л. 5.

7. ГАКО. Ф.Р-202. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

8. ГАДНИКО Ф.П. 91. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

9. ГАКО Ф.Р-202. Оп. 1. Д. 22. Л. 91.

10. Там же Оп.2. Д.9. Л.10.

11. ГАДНИКО Ф.П. 91. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

12. ГАКО Ф.Р-202. Оп.2. Д.9. Л.10.

13. ГАДНИКО Ф.П. 91.Оп. 1.Д. 11. Л. 1.

14. *См., напр.:* Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1995. С. 294.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ, ПРИЛЕГАЮЩИХ К ГОРОДУ ОБНИНСКУ, В 1920-е ГОДЫ

***И.Л. Ефимова**, Музей истории города Обнинска*

Начало 1920-х годов сопровождалось значительным ухудшением жизни крестьян. Послевоенная разруха, безработица, голод — характерные черты того периода. Даже в зажиточной и благополучной д.Самсоново голодали три семейства. Крестьяне с.Белкино в наказе Кривскому волостному съезду с горечью писали: *«Наш район обречён на голодную смерть. Мы видим неурожай озимого хлеба, обсеменять поля будет нечем. Наше правительство проводит несправедливую политику по отношению к крестьянам. Мы отдали сыновей, отдали лошадей, коров, мелкий скот, сено, солому. Хлеба даже не имели для себя. Что же взамен получили? Посулили пять аршин ситца, и то не дали, а денег обещали по 125 рублей, да видно опять не дадут»*[1].

Ухудшилась и политическая ситуация в стране. Продотряды, изымавшие последний хлеб у крестьян, заградительные отряды, не дававшие ввозить и вывозить хлеб, вызывали крайнее неудовольствие населения. Стычки с ними перерастали иногда в вооружённые столкновения.

Не нравилась крестьянам политика государства в отношении церкви. Закон Божий изъяли из преподавания, церкви закрывали, а церковные ценности реквизировали. Крестьяне негодовали, оказывая сопротивление властям. При реквизиции ценностей Пафнутьев-Боровского монастыря местное население вместе с церковнослужителями отказались выполнить требования властей. Для подавления восстания из Боровска прибыл отряд в составе 60 человек с двумя пулемётами. Двенадцать самых активных участников были арестованы[2].

В церквях устраивали подсобные помещения, клубы, некоторые храмы разрушали или разбирали на стройматериалы. Так, в с.Передоль решили разобрать старинную церковь и построить из её материалов избу-читальню. Однако Калужский губисполком запретил *«производить этот акт вандализма»*[3].

Закрыли церкви в с. Спас-Загорье, д. Тимашево, а вот храм в с. Белкино выстоял и закрылся лишь после Великой Отечественной войны.

В результате таких действий авторитет Коммунистической партии был подорван. На одной из беспартийных конференций крестьяне потребовали удалить из зала коммунистов, заявляя, что разруха в стране произошла по вине партийных руководителей[4]. На Боровской уездной конференции РКП(б) выступающие констатировали, что крестьянство относится к коммунистам недоверчиво и нужно проводить работу так, *«чтобы расположить население, помогать бедняку и середняку, личным примером завоёвывать авторитет»*[4].

Чтобы преодолеть экономический и политический кризис в стране, советское правительство провозгласило новую экономическую политику (НЭП). Продразвёрстку заменили продналогом, разрешили свободный обмен, покупку и продажу продукции. Крестьяне *«вздохнули свободнее»*, стали строить дома, покупать скот, сельскохозяйственные машины, *«народ приоделся»*.

В политической жизни необходимо было менять *«командный стиль руководства»*, сложившийся в годы «военного коммунизма», создавать и укреплять партийные и комсомольские организации на местах. Одним из активных организаторов политической работы в Кривской волости являлся *«работник уездного масштаба»* Георгий Васильевич Уточкин (по некоторым данным — уроженец с. Белкино). Известно, что он участвовал в создании советов, входил в партийное бюро г. Боровска, в августе 1919 года возглавил Чрезвычайный Комитет по борьбе с внутренней контрреволюцией. В годы гражданской войны воевал в составе 2-ой Украинской армии. Вернувшись, возглавил уездный земельный отдел и, находясь в тяжёлом материальном затруднении, обращался в Боровский отдел народного хозяйства с просьбой: *«... выдать ось и, если возможно, оглобли, так как я находился в Красной Армии, и моё хозяйство доведено до крайности»*[5]. В 1922 году Георгий Васильевич приезжал в Кривскую волость *«для агитации по изъятию церковных ценностей»*, в 1923 году — для проведения конференций о едином сельскохозяйственном налоге. Уточкин явился одним из организаторов партячеек в деревнях и сёлах. Начавшись в 1918 году, этот процесс затянулся на несколько лет. В 1927 году в с. Белкино было всего три коммуниста.

К деревенскому коммунисту предъявляли высокие требования: не заниматься торговлей, не выходить на хутора, порвать связь с церковью. Провинившихся жёстко наказывали. Так, члена ВКП(б) П.С.Жохова исключили из партии за то, что *«он совершал религиозные обряды: венчался в церкви, крестил детей, не посещал собрания, а также не содействовал проведению директив партии в «снижении цен и кооперировании бедноты»*[6].

Помощниками коммунистов в деле строительства социализма стали пионеры и комсомольцы. В 1924 году в Кривской волости создаются комсомольские организации. В селе Белкино в неё вошли В. Блинников, Н.Кондрашов, С.Синюхин. Комсомольцам выделили для проведения собраний дом около церкви. Помещение украсили флагами, плакатами, портретами вождей, организовали библиотеку, проводили политзанятия. В день 1 Мая молодые люди прошли по селу с красными флагами и песнями, возле Народного дома провели митинг. Односельчане реагировали на них по-разному: *«... кто-то одобрительно посматривал, но были и такие, которые плевали им вслед»*. Комсомольская организация с. Белкино вскоре слилась с организацией школы-колонии «Бодрая жизнь».

Школа-колония «Бодрая жизнь», уникальное учебно-педагогическое учреждение, была основана известным педагогом С.Т.Шацким в 1911 году на границе Боровского и Малоярославецкого уездов (ныне — территория г. Обнинска). В 1920-е годы она стала социально-экономическим и культурно-просветительным центром района. Педагоги и воспитанники колонии проводили огромную общественно-политическую работу в окрестных сёлах и деревнях. В 1924 году при колонии открылся клуб деревенской молодёжи, где парни и девушки занимались в кабинетах математики, литературы, естествознания, играли в шахматы, ставили спектакли, пели в хоре.

Колонисты активно участвовали в предвыборных кампаниях: организовывали агитповозки, однодневные ясли, готовили стенгазеты, украшали помещения для перевыборов. В одном из отчётов за 1926 год заведующая колонией В.Н.Шацкая сообщала: *«Впервые ребята применили агитповозку в районе: украшенная лошадь с флагом на дуге, лозунги на санях. По деревне ехали с барабанами и горнами, выкрикивая лозунги: «Делегатка, не опоздай на выборы!», «Молодёжь, перевыборы даёшь!», «Бедняк и батрак, в сельсовет иди!»*[7].

Семья Коляскиных.

В противовес религиозным проводили социалистические праздники. П.Сучкова, ученица школы д.Кабицино, писала в сочинении: *«Наша деревня очень некультурная. В неё ниоткуда не дают просвещения, и все очень верят в бога, даже молодёжь.*

Вечером, под Пасху, товарищ Шацкий пришёл в нашу деревню, чтобы молодёжь отвлечь от церкви и помочь ей провести время весело. Родителям объявили, что сегодня открывается вечер, где будем играть, петь и плясать. Родители ужаснулись: «Под Пасху идёте беситься, богохульники!». Некоторых ребят в клуб не пустили, некоторые насильно ушли, так что народу собралось человек сорок. После этого вечера ребята вышли очень довольные и просили Шацкого прийти ещё когда-нибудь»[8].

Воспитанники школы-колонии «Бодрая жизнь» участвовали в ликвидации безграмотности, агитировали крестьян вступать в колхозы, улучшали быт деревни. В.Н. и С.Т.Шацкие ездили по деревням, организовывали кооперативы, колхозы. Преподаватели школы также принимали активное участие в социалистическом переустройстве: П.В.Кованов в 1930-м году возглавил колхоз с.Белкино, М.С.Мякотин организовал и возглавил первый в стране Вечерне-колхозный университет. Сестра Мякотина, Александра Степановна, преподавала в школе д.Кабицино, затем работала вторым секретарём Угодско-Заводского РКП(б) и парторгом Испанского детского дома №5 (размещавшегося на территории сегодняшнего Обнинска).

Все эти люди искренне верили, что наступит счастливое *«коммунистическое завтра»*. К концу 1920-х годов страна успешно продвигалась по пути социализма. Особенно заметны были сдвиги в промышленности: строились заводы и фабрики, вступали в строй гидроэлектростанции, развивалась торговля. В области культурного строительства тоже добились определённых успехов: ликвидировали безграмотность, открывали новые школы, детские сады, библиотеки. Однако в основе достижений социализма лежали неимоверные усилия миллионов советских людей, их энтузиазм, трудолюбие и оптимизм. Сельскохозяйственная отрасль заметно отставала от промышленности по темпам развития производства. Всё явственней проступали негативные последствия новой экономической политики. Шло расслоение крестьянства: часть богатела, часть уходила в *«чистые пролетарии»*. Появились недовольство продналогом, когда продукты сельского хозяйства оценивались ниже городских товаров. Брожение в деревне усилили *«чрезвычайные хлебозаготовки»* в 1928—1929 годах. Мелкотоварный путь развития никак не соответствовал социалистическому, общественному способу ведения хозяйства. Поэтому в 1927 году был взят курс на коллективизацию крестьянских хозяйств. Привыкшие хозяйствовать единолично, крестьяне, особенно середняки и зажиточные, отказывались вступать в колхозы, распространяя самые нелепые слухи о скорой войне, наступлении *«конца света»*, о тяготах колхозной жизни.

Белкинская школьница писала в сочинении: *«Собираются бабы у колодца и говорят, что в колхозе будем сидеть не евши и будем работать по 12 часов. Молоко есть не будем, а дадут половину с водой да хлеба четвёртую часть фунта. Ещё собираются мужики и говорят, что будем работать под плётками. А как станешь отдыхать, получишь сто розгов»*[9].

Одновременно с коллективизацией шёл процесс *«ликвидации кулачества как класса»*. Жителей окрестных сёл выселяли из своих домов, забирали имущество, скот, сельскохозяйствен-ный инвентарь, лишали избиратель-ных прав.

В 1928 году избирательного права лишили жителя с.Белкино З.Е.Коляскина. Его обвинили в том, что он имел кустарное производство, а жена его, Марфа Емельяновна, *«занималась по своему недоразумению мелочной торговлей на своём крыльце»*[8]. После двухлетних разбирательств областная комиссия восстановила Коляскиных в избирательных правах. Но, по рассказам местных жителей, Зот Ефимович *«был очень невыдержан на слова и плохо отзывался о новой власти»*, поэтому его арестовали и отправили в ссылку, дом его отдали текстильной артели. Семья Коляскина осталась жить в селе благодаря защите местных жителей.

В борьбе за восстановление избирательных прав белкинские крестьяне поддержали С.В.Лапшина. Степан Васильевич в царское время служил урядником в Боровской полиции, чтобы избежать участия в империалистической войне. В 1919 году воевал в Красной Армии, с 1924 года — член Белкинского сельсовета, в 1925 году организовал добровольную пожарную дружину в с.Белкино. Приняв во внимание все эти доводы, комиссия восстановила Лапшина в избирательных правах.

Незаконно лишили избирательного права П.С.Федотова из д.Кабицино. С разрешения местных властей он открыл в своей избе маленькую чайную. То, что разрешили в период НЭПа, в конце 1920-х годов каралось законом.

Избирательных прав лишали и священнослужителей. Так пострадал житель д.Кривское И.Н.Федотов, который по просьбе сельчан *«согласился совершать религиозные культы в церкви д.Тимашёво, за что получал 4 рубля в месяц»*[10].

Поначалу в колхозы вступали лишь бедняки, семьи без кормильцев, многодетные. Остальных вступать не заставляли, но обложили высокими налогами, пришлось вступить в колхоз и середнякам. Вскоре колхозники вынуждены были платить налоги, они сдавали государству в год: 40 кг мяса, 50 яиц, 350 л молока, за 10-ти часовой рабочий день колхозники получали 1 рубль 20 копеек, да и то нерегулярно. Чтобы прокормить семью, выплатить налоги крестьянам приходилось работать, не покладая рук, да ещё кормить и одевать огромную советскую державу.

[1]ГАКО, Р-3299. Оп.1. Д.1. Л. 35.
[2]ГАКО, Ф. 1639. Оп.1. Д.22. Л.130.
[3]ГАРФ, А 2307. Оп. 9. Д.127.
[4]ГАДНИКО, Ф.1211. Оп.1. Д.2. Л.21.
[5]ГАКО, Р-544. Оп.1. Д.3. Л.9.
[6]ГАДНИКО, Р-1211. Оп.1. Д.3. Л.9.
[7]АРАО, Ф.1. Оп.1. Д.224. Л.69.
[8]АРАО, Ф.1. Оп.1. Д.222. Л.17.
[9]АРАО, Ф.1. Оп.1. Д.222,л.65.
[10] ГАКО, Р-2151. Оп.2. Д.53.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ПЕСОЧЕНСКОГО РАЙОНА В СОСТАВЕ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920—1929 гг.)

***А.А.Бауэр**, дир., Кировский историко-краеведческий музей*

В нынешнем году многие районы Калужской области с разной степенью пышности и солидности отметят восьмидесятилетние юбилеи. Основой для такой датировки времени основания районов послужили события 1929 года, когда в ходе социалистического строительства (в стране шла первая пятилетка) была разрушена существовавшая около двух веков старая административная система государства: вместо упраздненных губерний, уездов и волостей создана двухступенчатая система управления территориями в виде

областей и районов; низшая ступень — сельсоветы, существовавшие с 1918 года, были сохранены в неприкосновенности.

Если такая юбилейная кампания в честь 80-летия создания районов еще логически оправдана для вновь созданных в 1929 году административных единиц — Барятинского, Бабынинского и ряда других районов, то в отношении Малоярославецкого, Юхновского это является нонсенсом, ибо эти последние существовали со времени губернской реформы Екатерины Великой (1770-е годы) и территориально почти полностью вошли в состав одноименных районов в 1929 году.

Но посмотрим, как же шло территориально-административное районирование в 20-е годы в нашем крае, в нынешнем Кировском районе. Здесь, наряду с уже изученными этапами, трансформациями села в рабочий поселок и город, шло непрерывное перекраивание территорий и сплошная административно-управленческая чехарда. Вспомним, однако, в каком виде была территория Кировского района на период социальных катаклизмов 1917—1918 годов.

Несколько десятков населенных пунктов всех типов расселения — от традиционных сел, селец и деревень до поселков, выселков и хуторов, возникших в XIX—нач. XX веков, входили в состав семи волостей: Лосинской, Космачевской, Мамоновской, Савкинской, Погостовской, Фоминичской, Песоченской. И хотя село Песоченский Завод было всего в административном отношении «равным среди равных» волостных центров, оно уже с середины XIX столетия стало одним из экономических и социальных центров — наряду с Людиновом, Думиничами, Дятьковом — интенсивно развивавшегося Мальцовского промышленного округа. Песоченские промышленные предприятия — горноплавильный завод и фаянсовая фабрика — втягивали в свою «орбиту» массу сельского населения близлежащих волостей. В этом отношении село Песоченский Завод давно уже переросло рамки рядового волостного центра и заняло положение промежуточного звена между волостями и уездом.

В последние дореволюционные годы в Песоченском Заводе числилось около 5 тыс. человек, живших в 700 дворах. Большинство трудоспособного населения работало на горноплавильном заводе (1200 чел.), фаянсовой фабрике (700 чел.), эмалировочном заводе Молля (200 чел.)[1]. В ходе буржуазных преобразований после февраля 1917 года в Песоченском заводе появилось волостное земство, были избраны гласные (депутаты). Однако советской власти и большевикам земство как система местного самоуправления было не нужно, и оно было административно и финансово умерщвлено. Но уже к лету 1918 года взамен земства была создана «капиллярная» сеть государственной машины — сельсоветы — почти в каждом населенном пункте, переизбиравшиеся раз в полгода. Началось «административное брожение» в умах некоторых сельских активистов, уже ощутивших «сладчайший запах» власти — наблюдается дробление волостей. Весной 1918 года из состава Савкинской волости (около 7 тыс. населения) выделилась Нагорновская волость, объединившая всего 6 населенных пунктов и 2320 жителей (правда, просуществовала она всего три года, в 1921 году вновь вернувшись в старое административное положение)[2].

Самостоятельное, «де факто», положение Брянского округа в административном отношении входившего в состав Орловской губернии, было официально узаконено ленинским декретом от 1 апреля 1920 года, создавшим самостоятельную Брянскую губернию. И хотя «отца-основателя» новой губернии Игната Фокина к тому времени уже не было в живых (он умер от тифа в 1919 году), для вновь создаваемой губернии «отщипнули» и значительный кусок калужской территории – весь Жиздринский уезд в составе 36 волостей с 324 тыс. населения (четвертая часть всех калужских жителей)[3].

Таким образом, с 1920 года песоченцы вкупе со всеми мальцовскими территориями и населением стали гражданами Брянской губернии. Однако уже в июне 1922 года компактная территория тяготевших к Песочне волостей была разодрана: к Бежицкому уезду отошли Мамоновская и Песоченская волости, а Фоминичская, Лосинская, Маклаковская — остались в Жиздринском уезде [4].

Весь же 1923 год прошел для Песочни и песоченцев под знаком беспрерывного административного волюнтаризма брянских властей, явно впавших в раж административно-губернского бонапартизма. Вот основные вехи этого «государственного строительства», касавшиеся наших земляков: 28 марта 1923 года образована Песоченская укрупненная волость в составе Мамоновской и старой Песоченской волостей, куда включены 74

населенных пункта с 34861 жителем. Краткий статистический справочник Брянской губернии 1924 года дает следующую характеристику этой вновь созданной административной единицы: в волости 6840 крестьянских хозяйств, обрабатывается пашни 19016 десятин, скота 5760 лошадей и 7598 коров. Функционируют 33 школы, 9 клубов, 2 больницы, 1 ветеринарный и 1 агроучасток. В волостном центре проживает 5980 человек[5].

В октябре 1923 года в недрах аппарата управления Брянской губернии родился новый проект укрупнения волостей. Согласно ему предлагалось в составе Жиздринского уезда создать Маклаковский район (Фоминичская, Маклаковская, Запрудовская волости), а из Песоченского и Дятьковского районов «скроить» Мальцовский округ [6]. Однако в предложенном виде проект осуществлен не был; 26 ноября утверждены только Песоченский район в составе Бежицкого уезда (Лосинская, Песоченская, Мамоновская волости) и Маклаковский район в составе Жиздринского уезда, куда вошли Гавриловский, Воловский и Фоминичский сельсоветы [7].

Вот с этого времени, с конца 1923 года, приоритет Песоченского Завода над окрестными волостями был узаконен местным губернским законодательством. Эта дата, на наш взгляд, и должна считаться начальной, с которой следует вести летоисчисление Кировского (бывшего Песоченского) района.

А вот как менялся статус волостного центра: 9 ноября 1925 года он стал рабочим поселком с наименованием Песочня, наряду с другими промышленными мальцовскими селениями: Дятьковом и Людиновом. По переписи 1926 года в Песочне проживало 7660 человек, а в Песоченском районе (укрупненной волости) — 35455 жителей [8]. Несмотря на волостной статус, уже с мая 1921 года в Песочне избирается городской совет рабочих депутатов, работает горисполком, первым председателем которого был А. М. Обухов [9]. Видимо, уже все 20-е годы песоченцы считали себя горожанами, хотя городской статус на официальном, государственном уровне Песочня получила только 19 января 1936 года с новым наименованием «Киров» [10].

А как же быть со многими фактами, когда уже в 1931—1932 годах Песочня по некоторым документам именуется городом? Здесь есть известное противоречие, которое пока не может быть снято в связи с недостаточной изученностью источников. По моему мнению, статус города Песочня получила «явочным» порядком по решению брянских губернских или областных смоленских властей [11]. Однако дата такого изменения статуса Песочни пока в документах не обнаружена, есть надежда, что это будет выяснено в ходе дальнейших архивных поисков.

Итак, в ходе территориально-административного районирования конца 1920-х гг., а по сути, в процессе ломки старой системы управления государством, Калужская и Брянская губернии, два «субъекта» тогдашней Российской Федерации, были упразднены. Песоченский район отошел к Западной (с 1937 — Смоленской) области, в составе коей пребывал до 5 июля 1944 года, когда одним указом обе эти области были восстановлены, [12] и жители Кировского района вновь стали причислять себя к калужанам.

Примечания

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи.1897.Т.15.Калужская губерния.Тетр.1. Спб., 1901.С.10; Гос. архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф.Р-1835. Оп.1. Д.2. Л.24,35; Список фабрик,заводов и других промышленных предприятий Калужской губернии. По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918г. М, 1919. С.2—5.

2. ГАКО. Ф.Р-1425. Оп. 1.Д. 14. Л.62.

3. Собранение узаконений Рабочее-Крестьянского правительства РСФСР (далее — Собрание узаконений). 1920. №26. Ст. 124.

4. Постановление НКВД РСФСР от 22.06.1922г. № 4852 «О внутреннем делении Брянской губернии» // Госархив Брянской области (далее — ГАБО). Ф.Р-85. Оп.1. Д.507. Ч.1. Л.20.

5. Краткий статистический справочник по Брянской губернии. Брянск, 1924. С.2, 3, 38, 39; ГАБО. Ф.Р-85. Оп.1. Д.507. Ч.3. Л.382.

6. Там же. Л.528.

7. Там же. Л.570; д.684. Л.18.

8. Население Брянской губернии по данным переписи 1926г. Брянск, 1927. С.4; Список населенных мест Брянской губернии. Брянск, 1928. С.84, 380.

9. ГАБО. Ф.Р-85. Оп.1. Д.386. Л.144; д.461. Л.18.

10. *См.:* Бауэр А. Сколько лет Кирову? // Знамя труда. 1993. 7 авг.; Бауэр А. «Строили и размножали сильною рукою…» или о том, почему город Киров отметил свой 250-летний юбилей // Весть. 1994. 29 дек.; Бауэр А. Хроника Кировского района //Знамя труда . 1992. 8 авг.

11. *См.:* Бауэр А. Неотпразднованный юбилей, или сколько лет Кировскому району? //Киров. вестник. 1999. №3. С.3; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного совета СССР. 1938—1975. Т.1. М, 1975. С.90.

12. Собранение узаконений.... 1929. №10. Ст.116; 1929. №46. Ст. 486; Административно-территориальное деление Союза ССР: Дополнение к 8-му изданию с новейшими данными о районированных в 1929г. областях. М.:Изд-во НКВД, 1929. С.10, 26.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ УГОДСКОГО КРАЯ В 1929—1953 гг.

***А.И. Ульянов**, учитель, школа-пансион «Дубравушка», г. Обнинск*

В 1929 в СССР наступил год «Великого перелома», означавший радикальный слом остатков традиционного российского уклада.* Начался новый период отечественной истории, закончившийся смертью Сталина в 1953 году.

Великий перелом нанёс сильный удар по краеведению. Сигналом к началу репрессивной кампании послужило дело историков во главе с академиком С.Ф. Платоновым. В ходе неё были распущены губернские краеведческие общества, а вместо них появились централизованные «бюро». Среди краеведов прошли массовые аресты. Выпуск самостоятельных краеведческих изданий прекратился. Отныне краеведение станет уделом музеев, библиотек и отдельных энтузиастов, работать которым становилось всё труднее [1. С. 173—177]. Знание прошлого мешало строить будущее.

Борьба с краеведением затронула и Калужский край, административное деление которого в 1920-х—1930-х гг. неоднократно менялось. С 1930 года стали выходить районные газеты, но краеведение, как правило, не интересовало редакторов. Историей края занимались отдельные энтузиасты, которые сделали всё, чтобы не прервалась нить времён.

В начале 1930-х годов К.Я. Виноградов продолжал краеведческие изыскания, занимаясь в основном историей железоделательных заводов XVII—XVIII вв. по берегам рек Протва и Угодка. Материалы раскопок поступили в ГИМ, КОКМ, Московский областной краеведческий музей, Боровский Государственный историко-художественный и краевой музей [2. С. 30]. Вероятно, именно Виноградов был тем неизвестным, который по воспоминаниям П.В. Всесвятского, в 1934—35 гг. увёз в Москву чугунные плиты с железоделательных заводов. Попытка обнаружить их там, предпринятая спустя полвека А.Д. Терешиным, не увенчалась успехом. Такова судьба многих древностей Угодской земли.

В 1935 году Виноградов обследовал загадочные «зуевские ямы» и пришёл к выводу о том, что здесь брали известняк для строительства церкви в селе Угодский завод. В 1940 году он последний раз проводил раскопки Огубского городища [3. С. 10]. По воспоминаниям местного жителя В.П. Семина, находки были увезены в Москву. В беседе с автором Семин также отметил, что Виноградов много фотографировал, но судьба снимков осталась неизвестной. Судьба самого учёного сложилась трагически — он был репрессирован.

Начало Великой Отечественной войны прервало развитие краеведения. Оккупация Угодского края нанесла непоправимый урон его культуре и истории. Многие памятники прошлого, целые деревни и сёла были стерты с лица земли или сильно пострадали. Среди безвозвратно потерянных объектов: школа в д.Величково, в которой учился Г.К. Жуков, дом Чебышевых в Окатово, Угодско-заводская районная библиотека с уникальным книжным

* Доклад является продолжением темы, начатой автором ранее, — см. материалы XI и XII Всероссийских научных конференций «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья».

фондом. Имение Е.Р. Дашковой в с. Троицком было разрушено и осквернено немецкими оккупантами.

В то же время ВОВ вызвала подъём патриотических настроений в народе. Чувство любви к Родине, в том числе к её малой части, стало духовной опорой для возрождения краеведения. Положительную роль сыграл и провозглашенный Сталиным курс на русский приоритет русской науки и культуры.

Краеведческий Ренессанс начался с подвижнического труда одиночек. Среди тех, кто продолжил краеведческую эстафету, можно выделить человека трудной судьбы Марию Евгеньевну Шереметеву. С 1942 года она была вынуждена оставить интересную работу в Калужском краеведческом музее и перейти на фабрику игрушек, где занялась раскраской деревянных изделий. Незадолго до окончания войны ей удалось получить скромное место лектора.

В победном 45-м в областной газете «Знамя» появилась статья Шереметевой «Угодский завод. Из прошлого нашей области». К сожалению, к началу XXI века она уже основательно забылась и не вошла в библиографию её работ, опубликованную в «Калужской энциклопедии». Автор обнаружил статью, просматривая подшивки старых газет. Кстати, и сама Мария Евгеньевна писала в 1945 году статью, не упоминая работ дореволюционных авторов по теме.

Статья Шереметевой стала событием в историографии Угодского края [4]. В ней впервые:

— подчёркнуто уникальное историческое значение края;

— кратко описана археологическая история Угодских древностей;

— поднята проблема сохранности историко—архитектурных памятников края;

— упомянуто, что район является родиной маршала Г.К. Жукова и опубликованы частушки о полководце;

— дан общий исторический обзор Угодского края.

Статья обнаруживает хорошее владение автором историческим материалом. В то же время публикация содержит ряд неточностей и даже ошибок. В частности, без всяких на то оснований, время основания Угодского завода относится к XII веку.

В целом всё же следует признать, что статья Шереметевой содержала довольно точные для того времени факты по истории Угодского края и по праву может считаться первой научно-популярной публикацией по теме.

Тем временем возрождение интереса к краеведению вовлекало в этот процесс всё больше энтузиастов. В 1946 году в поселок Кремёнки приехала новая учительница — Мария Сергеевна Кузина. Из разговоров с местными жителями она узнала, что когда-то в соседнем селе Троицком жила «очень богатая женщина» [5. С. 40]. Так за довольно короткий срок у местного населения напрочь отшибли историческую память. Вскоре после приезда учительница обнаружила в полуразрушенном приделе Троицкой церкви табличку с надгробия княгини. Позже в её руки попала потрепанная книжка без обложки — «Записки…» Е.Р. Дашковой. Так начались многолетние изыскания подвижницы, ставшей лидером краеведческого движения в селе. Уже в 1948 году удалось добиться постановки храма в Троицком на государственную охрану [6].

Самой заметной фигурой в местном краеведении конца 1940-х—начала 1950-х гг., ныне незаслуженно забытой, был Василий Ефимович Прудников. Круг его научных интересов был связан с жизнью и деятельностью уроженца села Окатово, выдающегося математика П.Л. Чебышева. В результате кропотливых исследований Василий Ефимович создал довольно полную биографию учёного. Не жалея своих сил и здоровья, он также много сделал для открытия первого в крае музея.

Летом 1948 года в с.Спас-Прогнань, в колокольне церкви, в которой находился фамильный склеп Чебышевых, был открыт музей П.Л. Чебышева. Выдающийся вклад В.Е. Прудникова заслуживает благодарной памяти потомков.

В своей подвижнической деятельности, исходя из реалий того времени, Василий Ефимович пытался заинтересовать Чебышевым местную партийную организацию, в частности, подарил ей свою статью о нём [7]. В то время любая общественная инициатива требовала одобрения и поддержки со стороны партийных органов. В то же время краевед интересовался судьбой родственника математика, Льва Чебышева, находившегося в то время в ссылке.

В 1949 году после почти 10-летнего перерыва Т.Н. Никольская возобновила раскопки

37 Зак. 2219

Огубского городища. В ходе проведенных работ были обнаружены новые артефакты и выяснилась многослойность памятника.

Начало 1950-х годов в крае было отмечено также оживлением туристической активности. Одним из центров туризма Калужской области стал будущий (с 1956г.) город Обнинск. Первые походы по Угодскому краю состоялись еще в довоенное время при активном участии воспитанников школы С.Т. Шацкого. Позже этому примеру последовали молодые обнинские ученые, трудившиеся здесь над созданием 1-й АЭС.

В 1950 году состоялся первый турпоход по окрестностям, организованный физиком А.С.Романовичем. В мае 1951 года по маршруту Обнинск—Серпухов прошел «Марш энтузиастов», во время которого велась фотосъемка края [8. С. 71—73].

К началу 1950-х годов завершился очередной этап историографии Угодского края, отмеченный самоотверженной деятельностью отдельных энтузиастов. Благодаря им нас не постигло всеобщее историческое беспамятство, не прервалась связь времён, а их благородный труд стал подобен лучу света в тёмном царстве.

Подъем туристической активности в конце сталинской эпохи и наступающая «оттепель» открывали новые перспективы в краеведческой работе.

Литература

1. Акиньшин А. Н. Судьба краеведов (кон. 20-х — нач. 30-х годов)//Вопросы истории. 1992. №6—7.
2. Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. 2-й Калужской историко-археологической конференции. М, 1987.
3. Пятая краеведческая конференция Калужской области. Тез. докл. Обнинск: ВНИИГМИ—МЦД. 1990.
4. Шереметева М. Угодский завод. Из прошлого нашей области//Знамя. 1945. №143. 21 июля. С. 4.
5. Кузнецов А. Великая россиянка. Последнее упокоение княгини Дашковой//Мир и музей. 1999. №1.
6. Королева М. Усадьба в голубой опояске Протвы//Жуковский вестник. 2002. №59—60. 3 мая. С. 7.
7. Прудников В.Е. Великий русский математик//Пресс-бюро ТАСС. Бюллетень для республиканских, краевых и областных газет. 1951. №65. 9 мая.
8. Обнинский краеведческий сборник. Материалы науч.-практической конф.Обнинск:«Принтер», 1999.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920—1990-х гг.

***М.А. Добычина**, к.и.н., дир., МУ «Муниципальный архив г. Калуги»*

В последние 20 лет среди архивистов наметился заметный интерес к изучению истории и организации региональных архивов, что нашло свое отражение в статьях, освещающих отдельные этапы становления и развития архивной службы на местах. В год 90-летия архивной службы в Калужской области хотелось бы обратиться к истории изучения организации архивного дела в Калужской губернии и области.

Первые упоминания о Калужском архиве на страницах центральной ведомственной периодической печати стали появляться со второй половины 1920-х гг. Так, в журнале «Архивное дело» в 1926 г. были опубликованы сведения о проведенном представителем Центрархива Андреевым в январе 1926 г. инспектировании Калужского губархбюро, руководящем составе архива (на октябрь 1926 г.), калужанах-участниках I съезда архивных деятелей[1]. Приведенные в журнале материалы свидетельствуют, что в результате обследования Коллегия Центрархива признала положение архивного строительства в Калужской губернии неудовлетворительным. Среди выявленных недостатков, прежде всего, было указано на непригодность двух (из трех) имеющихся хранилищ для хранения документов, отсутствие оборудованного помещения в хранилище архива, несоответствие штата губархбюро масштабам работы по архивному строительству в губернии, нерациональное его использование. В то же время, принимая во внимание тот факт, что бюджет губархбюро (7 476 р. 87 к.) был явно недостаточен для обеспечения потребностей архива, Коллегия Центрархива постановила

обратиться в Калужский губисполком с ходатайством об отпуске сверхсметных сумм на оборудование помещений и ремонт хранилища, об увеличении бюджета губархива на 1926—1927 гг. для обследования уездных архивов и увеличения штатных единиц (на 3 человека). Губархбюро рекомендовалось произвести размежевание между Историческим архивом и архивом Октябрьской революции.

Из опубликованного в бюллетене Центрархива РСФСР отчета о деятельности Калужского архбюро за 1927 г.[2], содержащего заключение Коллегии Центрархива о работе архива, можно судить о некоторых положительных сдвигах в его работе. Согласно оценке Коллегии Центрархива это выразилось в оборудовании рабочих помещений, читального зала и политсекции, *«слабой, но улучшающейся»* постановке архивно-технических работы. В то же время коллегия указала на отсутствие *«живой связи»* с уездами и плановости в работе архбюро, текучесть кадрового состава, его *«несоответствие своему назначению»*. Вместе с тем было справедливо замечено, что *«отсутствие материальных средств и надлежащего штата не дает возможности выполнять основные задачи, стоящие перед Калужским губархбюро»*. Коллегия постановила вновь обратиться в Калужский губисполком об увеличении штата бюро на три единицы, отпуске дополнительных средств на оборудование церкви бывшего женского монастыря и на перевозку туда архивов, увеличении расходной статьи на обследование уездов и т.д. Калужскому губархбюро рекомендовалось *«пересмотреть»* сотрудников с целью замены *«несоответствующих нынешним условиям работы в бюро»*, определить круг обязанностей каждого работника, усилить общую плановость в работе, обследовать все уездные архивы и архивы учреждений, а также рынки для выявления незаконной продажи архивных документов.

В журнале «Архивное дело» за 1928 г. в рубрике «Хроника архивной жизни» среди участников совещания заведующих местными архивными учреждениями РСФСР, состоявшегося 17—19 января 1928 г. в Москве, упоминается выступивший в прениях, заведующий Калужским губернским архивным бюро П.В. Скорбач, указавший на необходимость улучшения подбора кадров для архивов на местах[3].

В местной прессе (газета «Коммуна») о деятельности губернского архивного управления в ноябре 1920 г. была помещена заметка Д. Никольского[4]. Большая роль в деле организации архивного дела принадлежала Д.И. Малинину. В своей первой статье, написанной в должности зав. архбюро в 1921 г., «Зачем берегут архивы и старые документы»[5], он показал важность развития в регионе архивного дела, необходимость сохранения архивных документов.

В 1930—1940-е гг. на страницах центральных и местных изданий не выявлено материалов по истории архивного дела в регионе. Только в 1950—1960-е гг. в местной прессе появляются статьи о жизни архива, посвященные юбилейным датам и сбору документов личного происхождения[6]. В начале 1960-х гг., была предпринята первая попытка изучения истории архивного строительства в Калужской области в дипломной работе директора архива Н.В. Акимовой, заочно обучавшейся на V курсе факультета архивного дела МГИАИ[7]: «Архивное строительство в Калужской области»[8], защищенной в 1963 г. Хронологически работа охватывает период с конца XVIII в. до 1962 г. В ней рассматривается ведомственная система хранения документов, существовавшая до 1918 г., характеризуются декреты советской власти по архивному делу, мероприятия по централизации архивного строительства в губернии, кратко освещаются история образования архива, принципы комплектования, научно-технической обработки документальных материалов, методика разработки научно-справочного аппарата и проведения экспертизы ценности документов, анализируется состав и содержание фондов областного, районных архивов, библиотеки, содержатся сведения об использовании архивных документов в научно-просветительских и справочных целях. Продолжительное время дипломная работа Н.В. Акимовой была единственным источником сведений по истории Калужского архива. Большой заслугой автора является то, что им выявлен и впервые введен в научный и общественно-исторический оборот ряд разнообразных источников по рассматриваемой теме. Вместе с тем, нельзя не заметить, что данная работа носит обзорный характер. Ее главным недостатком является отсутствие глубокого анализа приводимых фактов и научно обоснованных выводов.

В 1870-е—1980-е гг. в местной прессе было опубликовано 5 статей, касающихся личных фондов, обеспечения сохранности документов, совместному заседанию архивистов Тулы, Калуги и Рязани[9].

В 1990-е гг. изучение архивного строительства в Калужской области заметно активизируется. Сведения по истории архивного строительства и формировании архивного фонда Калужской губернии (области) можно почерпнуть из опубликованных в 1994 г. материалов научной конференции, посвященной 75-летнему юбилею Государственного архива Калужской области (ГАКО)[10]. В материалах сборника получили отражение вопросы формирования архивного фонда в Калужском регионе и тематического использования документов ГАКО в научной и историко-краеведческой работе.

Специфике работы калужских архивистов с документами (обеспечение сохранности документов, организация научно-справочной работы, каталогизация фондов и др.) посвящен ряд статей, подготовленных научными сотрудниками ГАКО, опубликованных на страницах «Архивного Вестника ЗНМС Центрального района» в 1997—2003 гг.[11]

Отдельные сюжеты темы (деятельность первых архивистов во главе с заведующим Калужским губернским архивным бюро Д.И. Малининым, публикаторская работа архива в 1919—1940 гг., взаимоотношения Калужского облгосархива и его пользователей в прошлом и настоящем) раскрыты в серии научных статей, подготовленных автором данного сообщения, являвшимся с 1989 по 2007 гг. сотрудником ГАКО[12]. Завершающим этапом стало написание кандидатской диссертации на тему «История и организация архивного дела в Калужской области (1919—2000 гг.)» и защищенной во Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела в 2005 г.

Таким образом, последнее десятилетие XX в. показало возросший интерес к изучению истории и организации архивного дела в Калужской области. Появившиеся в этот период публикации позволили обобщить большой фактографический материал по теме и наметить дальнейшие пути и формы исследования проблемы.

[1] *См., напр.:* Обследование Калужского губархбюро//Архивное дело. 1926. Вып. VII—IX. С. 92; То же // Бюллетень ЦА РСФСР. 1926. 01.08. № 15/45 и др.

[2] Отчет о деятельности Калужского архбюро//Бюллетень ЦА РСФСР 1927. 25.05. № 4—5 (59—60). С. 15—16.

[3] Совещание в Москве заведующих местными архивными учреждениями РСФСР 17—19.01.1928 // Архивное дело. 1928. Вып. 1 (14). С. 50—57, 58—70.

[4] Никольский Д. О деятельности губернского архивного управления // Коммуна. 09.11.1920.

[5] Малинин Д.И. Зачем берегут архивы и старые документы // Известия Калужского губкома РКП(б). № 4. 24.10.1921.

[6] *См., напр.:* Самцова В.Н. Бережно хранить архивные документы // Знамя. 22.09.1956; Акимова Н.В. Наш юбилей//Молодой ленинец 01.06.1958 и др.

[7] МГИАИ — Московский Государственный историко-архивный институт, ныне Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета.

[8] Акимова Н.В. Архивное строительство в Калужской области. Дип. работа студентки V курса МГИАИ, М., 1963. (Рукопись. ГАКО. НСБ).

[9] *См., напр.:* Сапожникова Л.И. Хранить вечно // Знамя. 07.06.1985; Сиднев А.К. Обменялись опытом (о совместном заседании архивистов Тульской, Калужской и Рязанской областей) // Знамя. 08.01.1987 и др.

[10] Материалы науч. конф., посвященной 75-летию Государственного архива Калужской области. Калуга, 1994.

[11] *См., напр.:* Архивный Вестник ЗНМС. Вып. 1. М., 1997.

[12] *См., напр.:* Добычина М.А. Калужский краевед Д. И. Малинин // Вестник архивиста. 2000. № 2 (56). С. 217—228; ОАФ «Архивные учреждения Калужской губернии (области)»: опыт и перспективы использования//Архивоведение и источниковедение Отеч. истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Мат-лы Всерос. конф. 24—25 апр. 2002 г. Москва / ВНИИДАД. М., 2003. С.308—317; Калужские архивисты в 1919—1921 гг.//Отечественные архивы. 2002. № 4. С. 15—21; она же. Публикаторская работа Калужского архива в 1919—1940 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы X Регион. науч. конф. Калуга, 2003. С.342—347; Авдеева Л.Л., Добычина М.А. Проблемы взаимоотношений Госархива Калужской области и его пользователей: история и современность// Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри // Мат-лы Международ. научно-практич. конф. Саратов. 3—4 сент. 2003 г. Саратов, 2003. С.372—376; Вопросы кадровой политики в Калужских архивных учреждениях в 1920—1950-е гг. // XI Всерос. научн. конф. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. 5—7 апр. 2005 г. Калуга, 2005. С. 185—187.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ГУЛАГА. (МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ И.К. КАХОВСКОЙ)

***Я.В. Леонтьев**, к.и.н.,*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

После того, как «Калужское дело»[1] закончилось для Ирины Константиновны Каховской ссылкой в Среднюю Азию, знаменитая революционерка вернулась на калужскую землю тридцать лет спустя и обрела здесь вечный покой на старом Малоярославецком кладбище. В промежуток между 1925 и 1955 гг. ей пришлось сначала отбывать ссылки в Самарканде (1925—1928), где она работала руководительницей в пионердоме № 4 (в соответствии со своим педагогическим образованием), и в Ташкенте (1928—1929), где ей пришлось трудиться техническим переводчиком (с английского) при водхозе и давать частные уроки. В самаркандскую ссылку к ней приехала мать — Августа Федоровна, ранее, подобно «декабристкам», добровольно отправившаяся за дочерью на каторгу и в ссылку в Забайкалье в дореволюционное время. В Самарканде А.Ф. Каховская скончалась осенью 1926 г.[2]

В Ташкенте срок ссылки И.К. Каховской был продлен; в 1930 г. она была переведена в Уфу, где первое время работала воспитательницей в детской трудкоммуне, занимаясь беспризорниками. После официального запрета со стороны ОГПУ на занятия с детьми, Каховская поступила на службу в качестве старшего плановика-экономиста в Башмельтрест. Однако чекисты не могли воспрепятствовать ей заниматься с детьми ссыльных, в число которых входил сын мужа М.А. Спиридоновой от первого брака Лёва Майоров, здравствующий и по сей день в Казани. С ним Каховская занималась *«по нескольким предметам в дополнение к школьной программе (древняя и средняя история, немецкий язык, география и физика)»*[3]. О том, что произошло с ней дальше, как она была арестована в ночь с 7 на 8 февраля 1937 г., вместе с М. Спиридоновой, И.А. Майоровым и другими политссыльными, как производилось следствие по «Уфимскому делу», какие незаконные методы воздействия к подследственным применялись, что им инкриминировалось и как был вынесен приговор, — все это я подробно изложил в статье в «Вопросах истории», к которой и отсылаю интересующихся читателей[4].

Десятилетнее заключение Каховская отбывала сначала в Ярославле и Владимире, затем — с конца 1939 г. — в Краслаге НКВД, на ст. Нижняя Пойма Красноярского края, *«в течение 7 лет работая исключительно на общих работах: лесозаготовках и сельхозработах»*[5]. Отбыв срок «от звонка до звонка», после освобождения 8 февраля 1947 г. Каховская уехала в Алма-Атинскую область, где несколько месяцев работала *«разнорабочей <...> на очистке арыков и с<ель>хоз. работах»*[6]. В ноябре того же года она решила вернуться в Канск (поблизости которого размещалось Управление Краслага), *«где надеялась найти более легкую работу»*. Но ее *«никуда не принимали»*, и Каховской пришлось устроиться в овощехранилище на *«переборку картофеля»*[7].

В Канске она поселилась у своей «товарки» по лагерю — Марии Николаевны Яковлевой (1890 г.р.), младшей ее три года. Они называли друг друга «сестрами», однако, была ли между ними в самом деле родственная связь или только образные «сестринские» отношения до сих пор в точности не установлено. Спутница Каховской на протяжении последних двух десятилетий жизни, урна с прахом которой была захоронена в могиле «сестры» в малоярославецкой земле, она, подобно Ирине Константиновне, принадлежала к старинному аристократическому роду. Дворянская ветвь Яковлевых, правда, не имела отношения к роду Ивана Яковлевича — отца А.И. Герцена; но зато, по свидетельству самой М. Яковлевой, ее прадедом по матери был знакомый А.С. Пушкина, литературный критик и пародист, посредственный поэт Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866). Племянник поэта-баснописца, министра юстиции И.И. Дмитриева, он был известен также в качестве председателя «Общества громкого смеха», литературного объединения, близкого к декабристам[8].

С юности М. Яковлева, как и ее предки, тоже писала стихи. Увлечение «толстовским» учением побудило ее вступить в переписку с Л.Н. Толстым. В 1910—1911 гг. она работала в *«Толстовском музее <...> по составлению карточного каталога»*[9]. В 1920-е гг. Яковлева приобрела некоторую известность в литературных кругах, публикуясь под псевдонимом «Марианна Ямпольская». Она принадлежала к секции «Неоклассики» Всероссийского Союза

поэтов, лидером которых был хороший знакомый С. Есенина поэт Н.Н. Захаров-Мэнский. Стихи Яковлевой были напечатаны, например, в двух сборниках «Лирика», выпущенных «неоклассиками» в 1925 г. В наше время подборка лагерных стихотворений Марианны Ямпольской была опубликована в сборнике «Поэзия узников ГУЛАГа»[10].

Будучи арестована в 1937 г., она была приговорена к 8 годам лагерей. Как вспоминал в этой связи старый меньшевик и политзэк Д.М. Бацер: *«Среди лагерных товарок И.К. (Каховской. – Я.Л.) была малоизвестная поэтесса Мария Николаевна Яковлева (Марианна Ямпольская), отбывавшая наказание за тягчайшее преступление: она состояла в переписке с Роменом Ролланом. Человек она была, по словам И.К., «в жизни вообще беспомощный, вернее непрактичный, и к борьбе за существование неприспособленный, хотя и усерднейший работяга» (письмо 1955 г.). Чуть ли не с первых дней знакомства Мария Николаевна нашла в И.К. моральную опору, без которой она, возможно, и не вынесла бы тягот лагерной жизни. Эти две столь разные женщины — И.К., совмещавшая редкостную мягкость, доброту и терпимость с непреклонной волей, решительностью, а в том, что касается моральных норм поведения, беспощадностью и к себе, и к другим, — и М.Н., безукоризненно порядочный, но слабый, легко поддающийся унынию, ищущий крыла, под которым можно укрыться, — стали почти неразлучными»*[11].

Приехав в Канск, Каховская поселилась в «соцгородке» Гидролизного завода № 27. Здесь она и была в последний раз арестована в начале января 1948 г. Этот бессмысленный во всех отношениях арест являлся своего рода профилактикой, применявшейся в послевоенное время ко всем бывшим сидельцам по серьезным политическим делам, которых так и именовали «повторники». В заключении под «следствием» она содержалась в Красноярской тюрьме вплоть до вынесения постановления ОСО при МГБ от 30 июля 1949 г.: *«Каховскую Ирину Константиновну, за антисоветскую эсеровскую деятельность сослать на поселение»*[12]. (Осуждена она была в памятный для нее день убийства немецкого генерал-фельдмаршала Эйхгорна в 1918 г. в Киеве). В соответствии с этим абсурдным постановлением, был выдан *«наряд для этапирования в ссылку на поселение»* Каховской в… тот же Красноярский край. После чего ее вернули *«в Канск к сестре, как ее иждивенку и совершенно больного и нетрудоспособного человека, в качестве ссыльной»*[13].

Вскоре им пришлось расстаться, так как Яковлева тоже была арестована повторно и приговорена к пожизненной ссылке в Казачинский район Красноярского края. Оставшейся одной Каховской пришлось подрабатывать частными уроками и изготовлением искусственных цветов. Как долго им пришлось жить порознь, еще предстоит выяснить. Но после смерти Сталина и начавшихся послаблений две пожилые женщины вновь обрели друг друга и стали восстанавливать разные оборванные связи. Так Каховской даже удалось разыскать своих «товарок» по царской каторге – бывших эсерок Е.А. Бибергаль (подругу юности А.С. Грина) и Н.А. Терентьеву. Уже живя в Малоярославце, она навестила в Ленинграде Бибергаль и провела несколько дней у Терентьевой в известном Доме политкаторжан на ул. Чаплыгина (бывший Машков пер.) в Москве[14]. Оживленная переписка завязалась и у Каховской с Е.А. Новиковой-Бацер, племянницей известного писателя-пушкиниста И.А. Новикова и женой упомянутого выше меньшевика Д.М. Бацера[15].

В письме от 6 октября 1954 г. Каховская сообщала Новиковой: *«14 сентября мы получили возможность уехать из Канска, но нам некуда ехать, да собственно и ни к чему. Очень хочется только природы средней полосы России. Здесь очень сурово, нездорово, уныло, а природа так далеко, что недоступна...»*[16]. Затем, однако, настроение начало меняться в пользу переезда, и в начале 1955 г. Каховская писала своей корреспондентке: *«Маша моя мечтает о Москве, а я ориентировалась одно время на Калугу, теперь мы поговариваем о Тарусе, тихом городке с чудесной природой, где писали Поленов и Левитан, с хорошим интеллигентным обществом (так говорят). Все это пустое, конечно»*[17].

Мысль о переезде в Калугу возникла, разумеется, не случайно. Каховская продолжала поддерживать связь с Л.К. Циолковской, с которой она познакомилась и сблизилась в калужской ссылке в 1922—1925 гг. и у которой, по свидетельству Е. Новиковой, ночевала при посещении Калуги в конце 1950-х гг.[18]

Новикова вспоминала о том, как они с мужем решили Каховскую *«из Канска извлечь»*: *«В Малоярославце жила моя старшая сестра Женя (Евгения Андреевна Новикова). Малоярославец был как раз город «стопервиков», мы написали сестре, и она выразила полное согласие принять Ирину Константиновну с Машенькой»*[19]. Чтобы не бросать комнату в Канске, отправляясь в неизвестность, Каховская и Яковлева решили, что *«Машенька»* сначала съездит в Малоярославец *«на разведку»*. В письме к Новиковой и Бацеру от 14 августа 1955 г. Каховская выразила множество эмоций: *«Дорогие друзья, во-первых, позвольте вас горячо благодарить за то, что ласково приняли мою Машу, во-вторых, за деньги <...>, в-третьих, за то, что пристроили нас в Малоярославце. <...> Мне прямо не верится, что это осуществится: кто-нибудь да помешает. Меня пленяет не то, что мы покинем Канск — я уже тут привыкла — а то, что я увижу ряд лиц, дорогих и милых мне и которых я никогда не надеялась увидеть. Да, видно, я родилась под счастливой звездой, что судьба посылает мне еще эту последнюю радость. Даже жить захотелось и жаль, что мало осталось»*[20].

Временно разместившая Каховскую и Яковлеву после их окончательного переезда в Малоярославец Евгения Андреевна Новикова (1895—1975) была младшей сестрой расстрелянного эсера, вологодского и тульского кооператора и краеведа К.А. Новикова и вдовой также расстрелянного за принадлежность в прошлом к эсерам С.Ф. Скороходова. Оба они погибли в 1937 г.: Константин Новиков — в Уфе, Сергей Скороходов в Ленинграде. С К.А. Новиковым Каховская сдружилась в уфимской ссылке, с его женой Е.М. Зеленской (умершей в лагере на Колыме) им одновременно был вынесен приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда, а с их дочерью Аней она занималась до ареста. Сама Е.А. Новикова (также как и жена ее брата) к партии эсеров не принадлежала, но определенно сочувствовала неонароднической идеологии. В качестве сестры милосердия она прошла фронты Первой мировой войны.

Сын Е. Новиковой Андрей в это время служил в армии, а дочь Людмила училась в институте в Москве. Не желая все же долго стеснять хозяйку квартиры, Каховская и Яковлева при первом подходящем случае перебрались в отдельное жилье. Они поселились в доме по адресу: ул. Володарского, 30 (ныне Ивановская улица). Об их жизни в Малоярославце Д.М. Бацер вспоминал: *«М.Н. (Яковлева. — Я.Л.) неплохо печатала на машинке и сравнительно легко устроилась на канцелярской работе в каком-то учреждении, где ей мало платили, хотя и ценили как добросовестного и культурного человека. И.К. вела их несложное хозяйство и зарабатывала на жизнь уроками и изготовлением бумажных цветов. Заработки у нее были более чем скромными, так как от оплаты чуть ли не половины уроков она отказывалась. Поводы для этого были разные — один из учеников оказался настолько способным, что брать за его обучение деньги было бы «просто грешно»; другой к восприятию наук был вовсе неспособен, но родители его так мало зарабатывали, что требовать с них плату было совестно. Ну и т.д.»*[21].

Е.А. Новикова в своих воспоминаниях добавляла: *«Она занималась с каким-то мальчиком математикой, мастерила очень изящные искусственные цветы, делала технические переводы»*. И все же, по авторитетному свидетельству Бацера, Каховская и Яковлева едва сводили концы с концами. *«М.Н. московские друзья подбрасывали машинописную работу,* – продолжал мемуарист. – *И.К. к праздникам принимала заказы на изготовление бумажных цветов, да раза три ей перепала литературная работа; в «Новом мире» были напечатаны ее воспоминания о Горьком; как-то ее попросили литературно отредактировать какую-то рукопись, да однажды она перевела с французского чью-то небольшую работу по механике. В те же годы она по собственной инициативе перевела «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Е.П. Пешкова, с которой Ирина Константиновна в 1956 году возобновила знакомство, пыталась устроить этот перевод в журнал «Иностранная литература». Редакция журнала, признавая художественные достоинства перевода, поместить его отказалась по «идеологическим» мотивам»*[22].

Воспоминания Каховской «Горький 9 января 1905 года» — о встрече с писателем в читальном зале Публичной библиотеки и в стенах Вольного Экономического общества, с небольшим вступлением Е.П. Пешковой, появились в № 3 за 1959 г. С одной из руководительниц Московского Комитета Политического Красного Креста в 1917—1922 гг. (и председателем на последнем этапе существования этой общественной организации), а затем бессменным руководителем организации «Помощь политическим заключенным» Екатериной Пешковой мемуаристка познакомилась вскоре после революции. Согласно

пояснительной записи Бацера к двум письмам Пешковой к Каховской, переданных им в рукописный отдел Библиотеки им. Ленина (ныне РГБ), *«по рассказу Е.П. Пешковой»*, по прибытии из Читы в Москву на съезд партии эсеров в июне 1917 г. бывшие политкаторжанки М.А. Спиридонова, А.А. Измайлович и И.К. Каховская временно останавливались в ее московской квартире в Машковом переулке.

В письме Пешковой к Каховской от 6 июля 1959 г. сообщалось: *«К сожалению, с переводом «сказки» — ничего не вышло. В иностр<анном> отд<еле> Госиздата сказали, что об этом переводе они уже знали, но по теме эта вещь им не подходит»*[23].

В одном из писем Каховской к Пешковой из Малоярославца, хранящихся в архиве А.М. Горького в ИМЛИ РАН (всего сохранилось 5 писем, 2 почтовые открытки и 2 телеграммы, выявленных историком литературы Е.Н. Никитиным), от 10 июля 1959 г. она писала: *«Не пойму, как получилось, что Вы узнали о<б> этом переводе. С моей стороны ничего не было предпринято для продвижения «Маленького принца» в печать. Я сделала перевод для своей приятельницы Кати Бибергаль, в качестве подарка к Новому Году. Но она умерла, не успев прочесть его. Мои московские друзья Новиковы прочли его, им понравилось, и они решили попытаться отдать его в «Иностр<анную> литературу». Сказка чудная, просто чудная! Это не детская сказка… Она очень серьезная, мудрая, нежная, поэтичная, волнует до глубины души. Прочтите…»*[24].

Как вспоминает дочь Е.А. Новиковой — Людмила Сергеевна, это она принесла Каховской французское издание А. Сент-Экзюпери: *«И.К. с первого взгляда влюбилась в эту прелестную свежую сказку и бросилась ее переводить. Мне очень льстило то, что И.К. советуется со мной о переводе некоторых мест. Например, слово «цветок» во французском языке женского рода, Маленький Принц с любовью называет цветок ею; и только потом мы узнаем, что это капризное и очаровательное существо было Розой. И.К. назвала его Розой сразу же – для того, чтобы сохранить оттенок женственности, столь важный для понимания смысла. Перевод И.К. получился замечательный. Позже я встретила очень хороший перевод Норы Галь, но он не произвел на меня впечатления»*[25]. Пройдет всего три года после кончины Каховской, и «Маленький принц» будет издан «Молодой гвардией» тиражом в 300 тысяч экземпляров.

После реабилитации Каховской Военной коллегией Верховного Суда СССР 24 декабря 1957 г. по вынесенному ей приговора выездной сессией Военной коллегии от 25 декабря 1937 г. и постановления ОСО от 30 июля 1949 г., друзья Каховской *«не без труда убедили ее подождать заявление об установлении ей, как политкаторжанке царского времени персональной пенсии»*, однако, как отмечал Д.М. Бацер, *«в полном противоречии с законом ей было в этом отказано»*[26].

Вот как выглядело ее заявление в Малоярославецкий райком КПСС в связи с отказом в реабилитации, опубликованное Бацером:

«СЕКРЕТАРЮ РАЙКОМА КПСС
Гр. КАХОВСКОЙ Ирины Константиновны,
прожив. в г. Малоярославце, Калужской обл.,
ул. Володарского, 30
ЗАЯВЛЕНИЕ

14 мая 1958 г. мною было подано в Малоярославецкий Отдел СОБЕСа заявление о назначении мне персональной пенсии, как быв. политкаторжанке.

Согласно «Положению о персональных пенсиях» от 4/XI-56 г. № 1475 (раздел IV, п.п. 34, 35, 36) я имею на это полное право.

Однако, по разъяснению Райсобеса, Исполком отказал мне в моем ходатайстве на основании следующих причин:

1) Борьба против царизма с 1905 г., на которую я указывала в автобиографии (поскольку она проходила в рядах партии с.-р.-максималистов), отнюдь не является заслугой перед Родиной, хотя она и каралась при самодержавии каторжными работами.

2) Сама «каторга» не есть заслуга и не может учитываться даже при назначении трудовой пенсии, как трудостаж, а не только для персональной пенсии.

3) Сведения, которые я даю в автобиографии, якобы хронологически несовместимы, а именно: я указываю в автобиографии, что работала как член ВЦИК 2-го, 3-го, 4-го созывов в

качестве заведующей Агитотделом <…>, а в июле 1918 г. работала на Украине в подпольной организации при немцах.

Этого якобы в действительности быть не могло, так как не могло же до июля 1918 г. состояться целых 5 съездов Советов.

Все эти причины отказа являются настолько необоснованными и несерьезными, что я вынуждена протестовать…»[27].

Тем не менее, *«никакого ответа на свое письмо она не получила, и персональная пенсия ей так и не была установлена»*[28]. Жить ей оставалось не долго. Летом 1958 г. малоярославецкий врач А.Б. Иванова поставила ей страшный диагноз: рак печени. Но даже самые близкие друзья в течение года ничего не знали о ее болезни. Каховская принимала анальгин и не хотела никого беспокоить. Но к концу лета 1959 г. она стала испытывать мучительные острые боли, а желудок перестал принимать пищу. Приглашенный из Обнинска специалист-онколог нашел ее безнадежной. Попытки друзей устроить больную в онкологическое отделение Обнинской больницы, находившейся в ведении 4-го Управления Минздрава (т.е. в подчинении ЦК КПСС), первоначально не увенчались успехом. Но у одной из лагерных «товарок» Каховской Ц.Я. Шапиро был выход на хорошую личную знакомую «первой леди» Советского Союза — Н.П. Хрущеву. Супруга главы КПСС позвонила начальнику 4-го Управления и попросила помочь тяжело больной Ирине Константиновне.

Как фиксировал Бацер, *«далее события разворачивались с кинематографической быстротой: уже на следующий день — 28 февраля — по телефону было дано соответствующее указание в Обнинск, и в тот же день оттуда прибыли в Малоярославец на санитарной машине два врача, <…> и две медсестры»*. Однако Каховская категорически отказалась от переезда, заявив: *«Дайте мне спокойно умереть дома»*. Хотя к ней тут же приставили сиделку-медсестру, но исход уже был предрешен. 1 марта 1960 г. Ирина Константиновна скончалась. По воспоминаниям Бацера, *«за все время болезни никто не слышал от нее ни стона, ни звука жалобы. Кто бы не зашел к ней, она встречала его подобием улыбки и всегда, до последнего дня, шепотом, едва шевеля губами, просила рассказать, что пишут в газетах»*[29].

Каховскую похоронили 3 марта. Через год друзья поставили на старом Малоярославецком кладбище скромный гранитный памятник. Впоследствии в ее могиле, согласно завещанию М.Н. Яковлевой, захоронили урну с прахом «Машеньки». Напоследок исправлю ошибку с датой рождения И.К. Каховской. Во всех публикациях, включая энциклопедические издания, до последнего времени в качестве года ее рождения указывался 1888 г. Такая же дата высечена на могильном надгробном памятнике. По уточненным данным, обнаруженным в ее студенческом деле в ЦГИА Санкт-Петербурга историком и журналистом Е.И. Фроловой, в действительности Ирина Константиновна, согласно свидетельству из Киевской духовной консистории, родилась 15 августа 1887 г. в г. Тараща и была крещена в Соборно-Георгиевской церкви[30].

На самом памятнике следует все же сохранить прежнюю дату, поскольку по большинству источников проходит 1888 г. (случаи самопроизвольного изменения года рождения в документах по тем или иным причинам были не редки). Но в ограде могилы, по моему мнению, должна появиться табличка с отсутствующим по сей день именем М.Н. Яковлевой, а самому захоронению необходимо придать историко-мемориальный статус в соответствии с решением XII Всероссийской научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья», состоявшейся в Калуге в 2007 г.

[1] *См.*: Леонтьев Я.В. Калужское дело Ирины Каховской (по материалам Центрального архива ФСБ России) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской науч. конф. Калуга, 2008. С. 223—230.

[2] Сведения из письма А.А. Измайлович к Н.В. Брюлловой-Шаскольской от 4.11.1926 г. (Архив автора).

[3] Майоров Л.И. По паутине памяти колымчанина. Уфа, 2007. С. 5.

[4] Леонтьев Я.В. Механизм фабрикации следственных дел [эсеровского] «Всесоюзного центра» в 1937 г. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 65—82.

[5] Из истории партии и руководителей левых эсеров // Политический дневник. 1964—1970 / Под ред. Р. Медведева. Амстердам, 1972. С. 741—742.

[6] НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1342. Ед. хр. 5.

[7] Там же.

[8] *См.*: Грумм-Гржимайло А.Г., Сорокин В.В. «Общество громкого смеха». К истории «Вольных обществ» Союза Благоденствия // Декабристы в Москве. Сб. ст. М., 1963. С. 143—149.

[9] Сведения из письма М.Н. Яковлевой к внучатому племяннику И.Ю. Яковлеву от 20.11.1959 г. (Архив автора)

[10] Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С.С. Виленский. М., 2005. С. 347—349.

[11] Петровский Т. [Бацер Д.М.] Памяти И.К. Каховской // Минувшее: Истор. альманах. Кн. 2. М., 1990. С. 55.

[12] Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. Казань, 1996. С. 430.

[13] НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1342. Ед. хр. 5.

[14] Сообщено автору М.М. Терентьевым, сыном Н.А. Терентьевой и расстрелянного эсера-максималиста М.Д. Закгейма.

[15] *Подробней о них см.*: Из архива Новиковых. 1889—1991 / Сост. Л.С. Новикова. М., 2006.

[16] Новикова Е. Ирина Константиновна Каховская // Воля. 2002. № 8—9. С. 240.

[17] Там же. С. 242.

[18] Там же. С. 245.

[19] Там же. С. 241.

[20] Там же. С. 242—243.

[21] Минувшее: Истор. альманах. Кн. 2. М., 1990. С. 55—56.

[22] Там же. С. 56.

[23] НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1342. Ед. хр. 8.

[24] Архив А.М. Горького. ФЕП-кр 31-8-8.

[25] Сведения из воспоминаний Л.С. Новиковой «И.К.Каховская». (Архив автора).

[26] Минувшее: Истор. альманах. Кн. 2. М., 1990. С. 56.

[27] Там же. С. 60—61.

[28] Там же. С. 56.

[29] Там же. С. 59—60.

[30] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 4543. Л. 9.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ МАССОВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОФЕССИЙ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***И.С. Писаренко**, к.и.н., доц., КФ Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана*

Немецко-фашистские оккупанты нанесли серьезный ущерб народному хозяйству Калужской области. Злодеяния гитлеровцев явились одной из основных причин резкого сокращения населения Калужской области с 1 172,2 тыс. чел. на 1 января 1941 г. до 808,6 тыс. чел. на I сентября 1944 г., когда сельское население области насчитывало 639 тыс. чел., а городское 169,6 тыс. чел., в том числе, в Калуге проживало 72,6 тыс. чел.[1]. На 1 декабря 1944 г. население Калужской области уже составляло 812 тыс. чел., из них: в городах и рабочих поселках проживало 165 тыс. или 20,3% ко всему населению, а в сельских местностях — 647 тыс. чел., или 79,7%2. Наиболее полное представление о численности населения Калужской области в начале и в конце Великой Отечественной войны дает таблица 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что по сравнению с 1941 г. общая численность населения Калужской области к началу 1945 г. сократилась на 372,8 тыс. чел., а городских жителей — на 84,9 тыс. чел. В конце 1944 г. численность трудоспособного населения городов и поселков составляла 75,7 тыс. чел., из них около 62 тыс. рабочих, в том числе свыше 22 тыс. чел. молодежи[3]. Среди сельского населения колхозники составляли 527,9 тыс. чел., из них трудоспособных было 181,5 тыс. чел.[4]. По сравнению с 1941 г. численность рабочих в области уменьшилась почти на 86 тыс. чел., а количество трудоспособных колхозников сократилось, по меньшей мере, в два раза[5]. Это обострило проблему обеспечения восстанавливаемой промышленности и сельскохозяйственного производства рабочей силой. Поэтому составной частью возрождения Калужской области в период войны явилась подготовка кадров

Таблица 1. Численность населения Калужской области в 1941 и 1945 гг.

Годы	Всего населения (тыс. человек)	В том числе		В % ко всему населению	
		городское	сельское	городское	сельское
1941 (на 1.01)	1172,2	244,9	927,3	20,8	79,2
1945 (на 1.01)	799,4	160,0	633,4	20,7	79,3

Таблица составлена по материалам: Калужская область за 50 лет: Статистический сборник. Калуга, 1967. С. 16.

массовых производственных профессии для возрождаемого народного хозяйства.

Существенную помощь в обеспечении возрождаемых заводов и фабрик квалифицированными рабочими кадрами оказывали школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные и железнодорожные училища (РУ и ЖУ). В 1942 г., пока они не были восстановлены, в июле свыше 43 тыс. юношей и девушек из прифронтовых районов мобилизовали на учебу в заведения системы трудовых резервов Поволжья, Урала и Сибири, а в августе—сентябре 1942 г. в г. Кемерово на строительство металлургических заводов и электростанций — еще 9 тыс. чел. моложежи[6].

В декабре 1943 г. на базе Кировского горкомхоза была организована школа ФЗО № 17 с контингентом учащихся 200 чел., в которую было мобилизовано 90 юношей и девушек, а в 1944 г. еще 105 чел. До ноября 1944 г из-за отсутствия общежития учащиеся проживали на частных квартирах. В 1944 г. школа ФЗО выпустила 195 чел., из них 130 плотников, 37 столяров, 20 каменщиков, шесть жестянщиков и двух печников. С 1 ноября 1944 г. школа была передана Кировским чугунолитейному и Фаянсовому заводам. Контингент учащихся школы увеличился до 250 чел. В 1945 г. школа ФЗО выпустила 217 молодых строителей. Они внесли большой вклад в послевоенное восстановление народного хозяйства Кировского района[7].

К 1945 г. в Калужской области возобновили работу 14 школ ФЗО, два ремесленных и два железнодорожных училища. На завершающем этапе Великой Отечественной войны они выпустили из своих стен свыше 4 560 квалифицированных рабочих[8]. Всего за годы войны учебные заведения системы трудовых резервов области подготовили 8,2 тыс. молодых рабочих, из них РУ, ЖУ и строительные училища — около 1000 чел., а школы ФЗО и городские промышленные школы — 7,2 тыс. чел.[9].

В годы войны лучшим учебным заведением системы трудовых резервов Калужской области являлось железнодорожное училище № I г. Калуги, которое обучило свыше 2,5 тыс. рабочих разных специальностей, причем большинство выпускников сразу же получили пятый разряд. Учащиеся железнодорожного училища освоили производство штангенциркулей. Для сельского хозяйства области ЖУ № 1 изготовило инструментов и деталей на сумму свыше 5 млн. 800 тыс. руб., а также различных изделий на сумму свыше 90 тыс. руб. Для железнодорожного транспорта ремесленники произвели продукции на 4 млн. руб. 20 января 1944 г. за достигнутые успехи в подготовке рабочих, выпуске продукции для фронта и тыла Калужскому ЖУ № I было вручено Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны и присвоено почетное звание «Лучшее железнодорожное училище»[10].

Повсеместно в освобожденных районах Калужской области открывались многопрофильные курсы по подготовке строителей. Так, в январе 1943 г. на таких курсах в г. Кондрово обучалось более 140 юношей и девушек. Из них создали несколько групп: столяров, плотников, штукатуров, печников, слесарей и водопроводчиков. За полтора месяца учебы М. Парфенова, Е. Лаврухина овладели специальностью штукатуров. Курсанты-столяры под руководством мастера Я.И. Арзамаскова своими силами изготовили 10 верстаков и 10 рубанков[11].

Одной из наиболее распространенных форм подготовки рабочих явилось индивидуально-бригадное обучение. В инструментальном цехе восстанавливаемого Калужского завода им. Тельмана с февраля по октябрь 1942 г. производственную профессию приобрели 93 молодых рабочих, из них 71 чел. обучил начальник цеха коммунист Г.И. Яльченко. Большинство его учеников вырабатывали более чем по полторы нормы, а комсомольцы

Гаврилин, Шустов, Дмитриевская, Московская, Лазарев, Лосев и другие ежедневно выполняли по два плановых задания. Лучшие из учеников Г.И. Ялъченко приобрели несколько специальностей. Так, М. Зубакова и В. Афончикова в совершенстве освоили профессии слесаря, токаря и фрезеровщика[12]. 27 октября 1942 г. Калужский горком партии, обсудив вопрос «О методах обучения молодых рабочих», одобрил опыт работы Г.И. Ялъченко и предложил всем партийным и комсомольским организациям внедрить его на своих предприятиях[13].

Большую работу по претворению в жизнь этого решения Горкома ВКП(б) проделали ветераны Калужского машиностроительного завода — начальники цехов коммунисты Константинов и Чернов, фрезеровщик Белов, рабочие Кузнецов, Петров, Раевский и другие. В 1942 г. они подготовили более 270 молодых рабочих из 400, обученных на заводе. Всего за время войны производственную специальность на старейшем предприятии Калуги приобрели около 2 тыс. рабочих[14].

В мае 1942 г. в Калужском отделении Московско-Киевской железной дороги работали 1378 рабочих, а в конце 1943 г. — уже 4580, из них индивидуально-бригадным методом было обучено 707 человек, получивших специальности паровозных машинистов, помощников машинистов, кочегаров, поездных вагонных мастеров, осмотрщиков вагонов, кондукторов и стрелочников. Всего за 1942—1944 г. на предприятиях Калуги всеми формами производственного обучения было подготовлено 10172 рабочих массовых профессии[15].

За 1944 г. трудовой коллектив восстанавливаемого Людиновского локомобилестроительного завода вырос до 2 тыс. чел. Свыше 500 из них приобрели производственную специальность и повысили свою квалификацию без отрыва от производства[16].

В 1944 г. методом бригадно-индивидуального обучения на Кировском чугунолитейном заводе подготовили 33 рабочих, на Кировском фаянсовом заводе — 66 рабочих, в райпромкомбинате — 18 рабочих. Таким же способом готовили строителей. Так, на Чугунолитейном заводе обучили 24 чел., на Фаянсовом — 32 чел., на Кировском строительном участке — 39 чел. Среди них было подготовлено 15 плотников, 19 печников, девять столяров и два кровельщика[17].

Во время войны активно готовил кадры молодых рабочих трудовой коллектив Козельского завода сельскохозяйственных машин под руководством директора Ивана Григорьевича Карасева. 85% рабочих предприятия составляла молодежь. В деревообрабатывающем цехе из 63 рабочих 40 являлись подростками. В обозно-колесном цехе трудились только 11 взрослых рабочих. В отделе главного механика из 42 чел. 36 из них являлись подростками. В скипидарном цехе висел плакат с надписью: «Завод пионеров». Молоды были не только рабочие, но и организаторы заводского производства. Так, главному механику завода Леониду Глестень исполнилось 20 лет, начальнику лесозаготовок Василию Кулыгину — 15 лет, старшему мастеру скипидарной печи № 2 Алексею Семичкину — 16 лет, начальнику нормировочного бюро Даниилу Павлюченко — 16 лет, начальнику планового отдела Михаилу Разоренову — 22 года. А самому старшему из молодежи — заведующему производством завода и начальнику двух цехов Михаилу Максимовичу Кузину было 23 года.

В 1943 г. комсомольско-молодежный коллектив завода досрочно, с опережением на 40 дней, выполнил полугодовой производственный план. Это явилось прямым следствием эффективной организации производственного обучения молодых рабочих. Оно осуществлялось опытными наставниками. Столяр Николай Петрович Новиков являлся «шестисотником», т.е. выполнял месячную норму на шестьсот процентов. За полгода он обучил изготовлению колес свыше 50 учеников. Столяр-плотник обозно-колесного цеха Прошин за полтора года подготовил 120 молодых рабочих.

За ростом квалификации молодежи тщательно следили мастера и начальники цехов. Как только ученик начинает выполнять норму выработки, он сразу же переводился на сдельную оплату труда и получает разряд. И это сильно повышало материальную заинтересованность учеников. Не случайно на заводе многие подростки получали зарплату, не уступающую по размеру заработной плате опытного рабочего. Так, в мае 1943 г. шестнадцатилетние рабочие Михеев заработал 1314 руб. 60 коп., Литвинский — 724 руб., Сипичаев — 714 руб., Саничев — 523 руб.

Опыт передовиков производства широко популяризировался. Ежемесячно лучшие стахановцы получали премии и имели преимущества в снабжении продуктами питания и промышленными товарами. Все это способствовало быстрому росту производственной квалификации молодых

рабочих Козельского завода сельскохозяйственных машин, который качественно и в срок выполнял задания командования Западного фронта[18].

Свой вклад в техническое обучение юношей и девушек внесли комсомольско-молодежные бригады. Как правило, в каждом трудовом коллективе трудились не менее двух квалифицированных рабочих и несколько новичков, которых обучали основной профессии и ряду смежных специальностей. Так, в 1943 г. в строительных бригадах Медынского района работали 75 комсомольцев. В них они овладевали специальностями штукатура, маляра, пильщика древесины и кровельщика. Комсомолки М. Петрова и В. Яковлева не только сами обучились малярному делу, но и помогли освоить эту специальность еще двум девушкам[19]. И таких примеров можно привести множество. В 1945 г. в 402 комсомольско-молодежных бригадах Калужской области производственную специальность приобрели 3866 рабочих[20].

Как и в предвоенные годы, важную роль в подготовке рабочих кадров для промышленности играли стахановские школы и кружки техминимума. В 1944 г. особенно хорошо работала стахановская школа на Калужском машиностроительном заводе, в которой производственную специальность приобрели свыше 300 чел. На предприятии впервые в Калужской области были открыты две школы мастеров: одна с отрывом, а другая без отрыва от производства. Их закончили и стали мастерами более 70 квалифицированных рабочих завода.

Всего за годы войны разными формами производственного обучения на предприятиях Калужской области было подготовлено и переподготовлено около 45 тыс. рабочих массовых специальностей[21].

Важную роль в повышении общеобразовательного уровня молодых рабочих и колхозников играли вечерние школы рабочей и сельской молодежи. В 1944/45 учебном году 10 вечерних школ области окончили 638 юношей и девушек, а 20 школ сельской молодежи закончили 363 молодых колхозника[22].

Особое место в восстановлении сельского хозяйства Калужской области занимала подготовка кадров массовых сельскохозяйственных профессий. В первую очередь обучали механизаторов, особенно из числа девушек, так как мужчины-трактористы и комбайнеры с началом войны стали одним из основных источников пополнения механизированных частей Красной Армии. В конце июня 1941 г. партийные и комсомольские организации провели митинги и собрания молодежи, на которых обсуждалась инициатива девушек-трактористок Раменской МТС Московской области. Они обратились ко всем колхозницам Советского Союза с призывом овладеть техникой вождения тракторов, комбайнов, автомашин, чтобы заменить отцов, мужей и братьев, призванных на защиту Отечества. В ответ на это обращение I июля 1941 г. на митинге молодежи Перемышльского района 14 комсомолок изъявили желание учиться на трактористок, и уже на следующий день они приступили к занятиям на курсах при районной МТС.

В начале июля 1941 г. по предложению райкома ВЛКСМ в Боровской школе механизации были созданы месячные курсы трактористок, к занятиям на которых привлекли около 200 учащихся сельскохозяйственного техникума[23]. В феврале 1942 г. при Малоярославецкой МТС начали работу курсы по подготовке трактористов. На них сразу же подали заявление свыше 100 чел. Курсы открыли в связи с тем, что 35 рабочих МТС были призывниками. По данным Малоярославецкого районного земельного отдела, на 13 мая 1942 г. из 58 трактористов Малоярославецкой МТС 46 чел. являлись молодыми рабочими, которые проучились на курсах всего пять недель. В 1943 г. курсы при Малоярославецкой МТС подготовили 30 трактористов, хотя планировалось обучить 20 чел. Всего за первое полугодие 1943 г. район пополнился 45 трактористами. В 1942 г. курсы при Малоярославецкой МТС закончили 54 молодых тракториста, а в 1943 г. — 50 механизаторов[24].

В 1943 г. районы, входившие в состав Смоленской области, испытывали острую потребность в механизаторских кадрах. МТС требовалось 80 механиков, 156 бригадиров, свыше тысячи трактористов. В феврале 1943 г. в наличие имелось 36 механиков, 112 бригадиров, 609 трактористов. В Козельской и Мещовской школах механизации готовилось восемь механиков, 17 бригадиров, 252 тракториста, и, кроме того, из числа прицепщиков 183 тракториста. В конце февраля в группах трактористов по газогенераторным тракторам при Козельской школе обучалось 108 чел., в Мещовской школе — 60 чел.[25].

В годы войны Боровская и Абрамовская МТС полностью обеспечили себя механизаторами

Таблица 2. Состояние кадров механизаторов Калужской области в начале 1945 г.

Наименование специальностей	Имеется	Требуется
Трактористы	2080	2360
Механики	153	199
Бригадиры	352	376
Комбайнеры	153	171
Помощники комбайнеров	134	171
Ремонтные рабочие	183	258
Итого	**3055**	**3535**

Таблица составлена автором по материалам: Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-55. Оп. 8. Д. 102. Л. 60.

и механиками. В 1942—1943 гг. в этих МТС специальность тракториста, комбайнера, машиниста молотилок и механика получили 207 чел. В 1944 г. методом индивидуального и бригадного обучения в Боровской МТС подготовили 11 трактористов, в Абрамовской МТС — семь механизаторов. Кроме того, обе МТС обеспечивала трактористами Боровская областная школа механизации, в которой в конце 1944—начале 1945 гг. обучалось 116 трактористов, 22 механика, 50 бригадиров тракторных бригад. Итого 188 чел.[26].

Всего в 1942—1943 гг. МТС и школы механизации Калужской области подготовили около 4 тыс. трактористов, большинство из которых были юноши и девушки. Первоначально у них не хватало опыта работы с сельскохозяйственной техникой, но упорство все-таки брало свое. В борьбе с трудностями молодые патриоты приобретали необходимые навыки, становились первоклассными трактористами и комбайнерами[27]. Молодые трактористы постоянно добровольно и по мобилизации уходили на фронт. Поэтому МТС Калужской области испытывали недостаток специалистов (таблица 2).

За период с конца 1944—апрель 1945 г. четыре школы механизации сельского хозяйства Калужской области подготовили 2270 механизаторов, из них Боровская школа — 755 чел., Перемышльская — 610 чел., Мещовская — 550 чел. и Козельская — 355 чел.[28]. Кроме того, МТС области методом бригадно-индивидуального ученичества обучили разным механизаторским специальностям 1019 чел.[29]. За это же время школы механизации и МТС переподготовили 1052 чел., из них 907 трактористов, 107 бригадиров и 38 комбайнеров[30]. Таким образом, к весенней посевной победного 1945 г. МТС Калужской области были почти полностью обеспечены механизаторскими кадрами.

Таблица 3. Численность животноводов Калужской области в начале 1945 г.

Наименование специальностей	Имеется	Требуется
Конюхи	4162	4067
Доярки	2201	2195
Телятницы	2394	2541
Свинарки	1801	1801
Итого	10558	10604

Таблица составлена по материалам: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 7. Л. 32.

Состояние животноводческих кадров Калужской области в начале 1945 г. характеризует таблица 3. Данные таблицы показывают, что колхозные и совхозные фермы Калужской области полностью укомплектовали животноводами, которые прошли курс обучения в системе подготовки: кадров массовых сельскохозяйственных специальностей, развернутой к началу 1945 г. во всех районах Калужской области.

Важную роль в подготовке кадров массовых колхозных квалификаций играли районные семинары и курсы. Представление о результатах их работы дает таблица 4.

Из материалов таблицы видно, что план подготовки массовых колхозных специальностей оказался невыполненным. Разница между реальной и плановой цифрой составляла 476 чел.

Таблица 4. Выполнение плана подготовки массовых колхозных кадров Калужской области зимой 1944/45 гг.

Наименование специальностей	План	Обучено
Председатели колхозов	1550	994
Бригадиры полеводческих бригад	3115	3230
Бригадиры животноводческих бригад	480	268
Звеньевые полеводческих бригад	6230	4908
Заведующие фермами	1900	3066
Доярки и конюхи	2345	3482
Колхозные кузнецы	235	160
Председатели ревизионных колхозных комиссий	1540	1246
Кладовщики	1565	811
Пчеловоды	283	259
Садоводы	10	146
Ветсанитары	700	284
Овощеводы	360	194
Весовщики	—	820
Агрономы	90	89
Итого	**20413**	**19937**

Таблица составлена по материалам: ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д.102. Л. 60.

Однако, подготовка 19937 специалистов значительно укрепила восстанавливаемое колхозно-совхозное производство. Всего с сентября 1944 по май 1945 г. в колхозных и совхозных кружках агротехнической и зоотехнической учебы, на районных и областных курсах было подготовлено свыше 30 тыс. сельских специалистов, из них свыше 1500 председателей колхозов, т.е., руководящих колхозных кадров[31].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны восстанавливаемые промышленные и сельскохозяйственные предприятия Калужской области были обеспечены квалифицированными кадрами массовых производственных профессий, которые внесли заметный трудовой вклад в обеспечение победы СССР над фашистской Германией.

[1] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
[2] Там же. Ф. Р-3469. Оп. 3. Д. 6. Л. 5.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 391.
[5] ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 3. Д. 6. Л. 5.
[6] Государственный архив документов новейшей истории Смоленской области (ГАДНИСО). Ф. П-2361. Оп. 2. Д. 15. Л. 16; Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Сборник документов и материалов. М., 1977. С. 244.
[7] Писаренко И.С. Кировский район в Великой Отечественной войне//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 2: История. Источниковедение. Историография. Киров, 1997. С. 64.
[8] В годы суровых испытаний: Калужская область в Великой Отечественной войне. Тула , 1984. С. 159.
[9] Калужская область за 50 лет: Статистический сборник. Калуга, 1967. С. 126.
[10] Мужает юность: Сборник документов и материалов из истории Тульской организации ВЛКСМ 1917—1975. Тула, 1976. С. 148; Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 147; В годы суровых испытаний. С. 159.
[11] Рабочий путь. 1943. № 23. 29 января.
[12] Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-2. Оп. 10. Д. 97. Л. 7.
[13] В годы суровых испытаний. С. 159.
[14] Там же, с. 160.
[15] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 26. Л. 158.
[16] Там же. Д. 48. Л. 60.
[17] Писаренко И.С. Кировский район в Великой Отечественной войне. С. 64.
[18] Рабочий путь. 1943. № 145. 14 июля. С. 3.
[19] Там же. № 209. 12 октября. С. 2.
[20] В годы суровых испытаний. С. 160.
[21] Там же.
[22] Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Ф. 1. Оп. 6. Д. 225. Л. 69.

[23] Московский большевик. 1941. № 161. 11 июля; Писаренко И.С. Труд во имя победы: (Из истории участия комсомольско-молодежных бригад прифронтовых и освобожденных районов во Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны). Калуга, 1991. С. 33.

[24] Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Масленков А.Н., Писаренко И.С. Малоярославецкий район в годы Великой Отечественной войны. Калуга, 2001. С. 45.

[25] ГАДНИСО. Ф. П-2361. Оп. 2. Д. 15. Л. 45.

[26] Писаренко И.С. Тыл Боровского района — фронту в годы Великой Отечественной войны// Боровск: Страницы истории. 1999. № 1. С. 37.

[27] Писаренко И.С. Страницы подвига // Политическая агитация. Калуга, 1979. № 21. С. 23.

[28] ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 5. Л. 31.

[29] Там же. Д. 102. Л. 56.

[30] Там же.

[31] Там же. Д. 61. Л. 14.

ОБРАЗ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА РЕКЕ УГРЕ ВЕСНОЙ 1942 ГОДА

***А.С. Коваленко**, н.с., Национальный парк «Угра»*

Имеется в виду самоубийственный бросок советских солдат на неподавленную оборону немцев, по открытой местности, с расчётом лишь на быстроту и численное превосходство, плотной массой или густыми цепями, когда противник ведёт из укрытий особенно губительный огонь. Такую, прежде всего, картину воображают посетители памятных мест, где национальный парк «Угра» оборудует военно-мемориальные (экскурсионные) тропы. Такие броски в качестве показательных отмечают аналитические заключения[1], составленные штабами воюющих сторон «по горячим следам» советского наступления под Москвой (7 января—20 апреля 1942 г.), содержавшего, в частности, попытки прорвать немецкий фронт на 35-километровом отрезке р. Угры западнее г. Юхнова (с 7 марта). Возникает вопрос о соответствии конкретных событий на реке данному стереотипному образу, который с ходу представляется тысячам туристов, когда, проводя досуг на природе, они видят братскую могилу почти на каждом поле и испещрённые оборонительными укреплениями берега.

В некоторых чертах бои на Угре идут вразрез с общими представлениями о наступательном для советских войск периоде Московской битвы. Например, принято помнить, что авиационная поддержка ослабела, что на артиллерийское орудие выдавался один снаряд в сутки. Тем не менее, из оперсводок сухопутных войск Германии можно заключить, что в весенние месяцы фронт немецкой 4-й армии неоднократно подвергался бомбовым ударам; в т.ч. угорский рубеж — не менее восьми раз в марте[2] и двух раз, включая обстрелы с бреющего полёта, в апреле[3]. Четыре удара по ближайшим немецким тылам нанесла авиация дальнего действия[4], обычно бомбившая объекты в сотнях километров за линией фронта. Названные документы подчёркивают мощь артобстрела, которому подвергались немецкие войска в боях (с 26 марта) у дд. Большое Устье и Красная Горка на западном берегу Угры[5]; для некоторых дней указано число выстрелов — 3000, 3500, 2000, 6006. То же говорится применительно к д. Павлово[7] (бои с 3 апреля, 2000 и 400 выстрелов[8]). Другой пример: общеизвестно, что в советских потерях число пропавших без вести равновелико числу погибших. Такое соотношение сложилось в силу многочисленности тех, кто не вышел из окружений. Для 43-й армии генерал-лейтенанта К.Д. Голубева, действовавшей в прилегающей к Угре полосе, донесение о потерях с 10 марта по 20 апреля опубликовал ветеран поискового движения С.Д. Митягин[9] (см. таблицу). Можно заметить, что количество «пропавших» уступает «убитым» в разы, а у пяти войсковых соединений — на один—два порядка. Данное обстоятельство несколько улучшает впечатление об учёте погибших. Бои за форсирование покрытой льдом реки вели также войска 49-й армии генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина. По такому же донесению, касавшемуся трёх её дивизий и стрелковой бригады, 1—20 апреля пропавших без вести не учтено вовсе[10]; значит, семья каждого погибшего бойца не была лишена пенсии. Пропавшими без вести этих солдат можно считать лишь потому, что были

Таблица. Людские потери 10.03.—20.04.1942 г.

	Убито	Пропало без вести
1-я гв мсд	709	114
9-я гв сд	464	11
17-я сд	613	681
53-я сд	1246	75
26-я гв сд	243	1
415-я сд	1934	195
18-я сбр	424	21
18-я тбр	61	233
5-я гв сд	1259	35
Всего в 43-й армии	**6953**	**1366**

забыты места их торопливого погребения в санитарных целях.

Как происходил бой за отдельно взятую деревню, рощу, высоту — сведения об этом обнародованы, разумеется, отрывочно. Такие сведения можно искать в фондах Центрального архива Министерства Обороны; но есть вероятность, что от дивизии, бригады, полка остались лишь документы штабной комиссии по написанию истории. Образ самоубийственного броска всё же должен быть снабжён тремя оговорками.

Изложить их можно на примере боёв у д Павлово, где части 49-й армии пытались выполнить приказ[11] командующего Западным фронтом Г.К. Жукова о прорыве немецкой обороны. «Павловский плацдарм» был местом всероссийских поисковых вахт. Фундаменты домов вместе с фруктовыми деревьями и сейчас протягиваются по западному берегу Угры примерно на 0,8 км. История 194-й сд утверждает, что для прорыва были сосредоточены силы трёх полков в полосе шириной 1,5 км[12]. Многочисленные атаки же в развернувшихся боях предпринимались на участках протяжённостью 5 км (Косая Гора-Павлово) и до 7 км (Павлово—Русиново)[13]. Таким образом, первая оговорка — пространственный размах боя. Размах заставляет предположить, что у И.Г. Захаркина имелся продуманный замысел — тактика предписывает атаковать на разных участках, дабы противник стягивался к месту видимой, а не действительной угрозы. Берег Угры здесь в целом пологий, но у самой деревни резко поднимается до 25 м — и эта высота была взята в первый же день боёв, согласно истории 194-й сд, путём скрытного внезапного броска, немецкий гарнизон бежал в панике[14]. Деревня и осталась плацдармом до освобождения всего берега через 11 месяцев.

Оборонявшиеся немцы отрыли сплошные траншеи в несколько линий вдоль всего угорского рубежа; но людей в этих траншеях могло недоставать. Участок западнее Павлово, у дд. Красная Горка и Большое Устье, удерживала 268-я пд, с 26 марта — в непрерывных боях. Утром 1 апреля на её 9-километровом фронте находилось 374 солдата и офицера; противника остановили последние резервы[15]. После пополнения людскими силами 9 апреля на треть суженный фронт дивизии обороняли 2284 человека[16]. 10 апреля непосредственно у Павлово последние резервы задействовала 98-я пд[17], а 12-го оперсводка немецких сухопутных войск отметила относительно боёв на Угре: *«Положение серьезное, т.к. наши части понесли большие потери, истощены и не способны отразить сильные атаки»*[18]. 14 апреля, в день, когда 98-я пд потеряла 138 человек в оборонительных боях, оперсводка резюмировала: *«Боеспособность частей значительно снизилась из-за больших потерь, усталости личного состава и плохих условий размещения»*[19]. Немецкие солдаты погибали десятками и многими десятками в неоднократных попытках вернуть Павлово[20]. Применение атак немецкой стороной и её ощутимые потери — это вторая оговорка.

О жестоком кровопролитном бое говорит двузначное число погибших, в чём состоит третья оговорка. Один пример с западного же берега — в ночь на 23 марта у д. Суковки: наступавшие немцы в бою, упорство которого подчеркнули оперсводки обеих сторон, и в суточной перестрелке потеряли 25 человек убитыми, 76 ранеными[21]. У Павлово советские потери в итоге затяжных и малоуспешных боёв выглядят чудовищно большими. 5 апреля, к исходу третьего дня боёв, немцы насчитали 600 трупов на льду перед своей траншеей; 8 апреля, временно захватив деревню, обнаружили 150 убитых «русских»[22]. По вышеупомянутому донесению о потерях, где пропавших без вести не оказалось, занятая непосредственно у деревни 194-я сд потеряла 2959 человек, в т.ч. убитыми — 54523. Поисковики находили на Павловском плацдарме не только тех, кто погиб в апреле 1942 года. Составитель «Книги Памяти» Т.В. Романова числит погребёнными в урочище Павлово 1110 советских воинов поимённо, и ещё 1237 человек[24], перенесённых туда из ближней и дальней округи в ходе

Вахт Памяти. Чудовищные, трёх-четырёхзначные цифры в расхожих представлениях удлиняются ещё больше, что имеет отголоски в краеведческих изданиях[25]. Видимо, когда звучит слово «потери», оно ошибочно воспринимается как «потери убитыми».

Сокращения

гв — гвардейская.
мсд — мотострелковая дивизия.
пд — пехотная дивизия.
сбр — стрелковая бригада.
сд — стрелковая дивизия.
тбр — танковая бригада.

[1] *См., напр.:* Краснов В.Г. Неизвестный Жуков: лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М., 2001. С. 292—293; Мировые войны XX века. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 140—141; Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г.—31 января 1942 г. М., 2006. С. 364, 378.

[2] Битва под Москвой: Хроника. Факты. Люди. Кн. 2: 1942 год. М., 2002. С. 722, 737, 744, 760, 765, 803, 809, 815.

[3] Там же. С. 856, 862.

[4] Там же. С. 752, 759, 778, 936.

[5] Там же. С. 843, 862, 868, 868, 908, 920.

[6] Там же. С. 849, 875, 882, 932.

[7] Там же. С. 856, 889, 908, 920, 937.

[8] Там же. С. 902, 926.

[9] Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе-апреле 1942 г.: операция или имитация? Приложение 5//Военно-исторический архив. Вып. 3. М., 1998. С. 163—165.

[10] Там же. С. 166—167.

[11] *См.:* Там же. С. 145—146; Ефремов М.М. Под Вязьмой весной 1942 года//Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 15—16.

[12] Шилов К.К. Речицкая Краснознамённая: Боевой путь 194-й стрелковой Речицкой Краснознамённой дивизии. М., 1984. С. 45.

[13] Битва... С. 847, 873, 895, 902, 915.

[14] Музей Беляевской основной школы (Калужская обл., Юхновский р-н) Воспоминания генерал-майора Иовлева Сергея Ивановича «Мои соратники по 194 сд (январь—сентябрь 1942 года)». Машинопись. Л. 24. Благодарю руководителя музея Т.С. Хибель за доступ к данному источнику, полученному школой от Совета Ветеранов дивизии; Шилов К.К. Ук. соч. С. 46.

[15] Битва… С. 822.

[16] Там же. С. 889.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 902.

[19] Там же. С. 915.

[20] *См.:* Исаев И.П. От Тулы до Кенигсберга: Воспоминания о боевых подвигах воинов Тульского рабочего полка. Тула, 1966. С. 80; Музей Беляевской основной школы (Калужская обл., Юхновский р-н) Воспоминания… Л. 31, 44; Шилов К.К. Ук. соч. С. 48, 52. О немецких атаках на Павловский плацдарм *см. также:* Битва… С. 875, 889; Воробьёв Е.З. Огненная метель. 2-е изд. М., 1977. С. 190—195; Попков М.Д. Верность навсегда! М., 2001. С. 30—35.

[21] См.: Битва… С. 763, 765, 773.

[22] Там же. С. 856, 875.

[23] Митягин С.Д. Ук. соч. С. 166.

[24] Книга Памяти. Т. 15. Калуга, 2007. С. 548.

[25] *См., напр.:* Иванов А.Г. Износки: Историко-краеведческий очерк. Калуга, 1995. С. 64; Ильюшечкин А.А. Зайцева Гора в 1942—1943 гг.: неизвестная великая битва или ошибка полководцев?//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 2: История. Источниковедение. Историография. Киров, 1997. С. 77—80; Книга Памяти. Т. 8. Калуга, 2004. С. 292.

ОБЗОР ФОНДОВ ДОКУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ХРАНЯЩИХСЯ В ГУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДОКУМЕНТОВ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ»

***К.В. Герасимов**, ГУ «Государственный архив документов новейшей истории Калужской области»*

С начала 1990-х г. архивисты начали работу по привлечению к сотрудничеству с госархивами новых общественно-политических организаций для создания полноценной источниковой базы по истории общественно-политической жизни страны.

Установлением связей и заключением договоров о сотрудничестве с общественно-политическими партиями и движениями с 1993 г. стал заниматься отдел архивных фондов общественно-политических организаций и движений, который был создан на базе бывшего партийного архива обкома КПСС Калужской области, вошедшего с августа 1991 г. в состав Государственного архива Калужской области[1].

С 2002 г. работу с общественно-политическими организациями продолжил Госархив документов новейшей истории Калужской области, который был организован в соответствии с постановлением Губернатора Калужской области № 325 от 29 мая 2002 г. путем отделения от Госархива Калужской области.

Практически эту работу архивисты проводят уже около 15 лет. В настоящее время наш архив сотрудничает с 78 организациями, которые включены в списки источников комплектования. Открыто более 20 фондов документов общественных организаций, в которых сосредоточено более 1500 ед. хранения[2].

Важнейшей задачей для госархива является определение круга источников комплектования, которым необходимо определить те общественные объединения, от которых могут приниматься документы на государственное хранение.

Источниками комплектования являются общественные объединения, в деятельности которых образуются документы, имеющие историческое, социальное, экономическое, политическое и культурное значение. Существует ряд правил отбора учреждений, организаций, по которым госархивам целесообразнее всего принимать документы. Это, прежде всего, значение той организации, от которой принимаются документы. Этот критерий является определяющим для общественных объединений. Необходимо определить функционально-целевое назначение общественной организации, её роль среди себе подобных, масштаб её деятельности, а также вид организации. Необходимо учесть также полноту отражения деятельности данной организации в документах других организаций.

Кроме того, интерес представляет и организационно-правовая форма общественного объединения, от которой зависит влияние общественного объединения на общественные процессы и масштаб его деятельности.

Документы, поступившие в архив, характеризуют деятельность общественных организаций, которые существовали в разные периоды 90-х годов XX века, таких как: «Клуб избирателей города Калуги и Калужской области», Калужская областная организация «Социалистическая партия трудящихся» (СПТ), Калужское областное отделение общественного движения «Вперед, Россия», Фронт национального спасения Калужской области и др.

В архиве созданы фонды документов Калужских региональных отделений: КПРФ, Аграрной партии и Аграрного Союза России, Политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь», ЛДПР, Территориального отделения «Яблоко», Калужского областного отделения Общества «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), регионального отделения общественного движения «Демократическая Россия»[3].

Состав документов, создаваемых общественными объединениями, определяется их основными задачами и функциями. Можно выделить общие видовые группы документов, создаваемых в процессе деятельности общественных объединений:

Большинство общественно-политических организаций, документы которых сдаются в архив, в своем составе имеют организационно-распорядительную документацию, которая отражает процессы образования, реорганизации, ликвидации общественных организаций, их деятельность

по организационному строительству, характеризует основные направления деятельности объединений, их задачи и функции. Прежде всего, это программы, уставы партии, свидетельства о регистрации уставов, протоколы учредительных конференций, собраний, а также протоколы партийных заседаний (в том числе совместные с представителями административных структур), совещаний, собраний, конференций, резолюции митингов, постановления съездов партии. Наиболее полно это представлено в документах региональных отделений КПРФ, Аграрной партии и Аграрного Союза России, политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь», Территориального Отделения партии «Яблоко».

Значительный интерес представляет документация об основной деятельности общественных организаций. Она является основным комплексом документов, создаваемых в общественных объединениях, которые отражают практическую деятельность объединения. Документирование деятельности общественных объединений проводится в соответствии с их основными направлениями работы и функциями. Это находит отражение в планах, сводных отчетах, информациях о работе объединения и т.д.

Значительная группа документов, представленная в фондах региональных организаций КПРФ, Аграрной партии, Территориального отделения «Яблоко», «Справедливая Россия:/Родина/Пенсионеры/Жизнь» и др., посвящена участию общественно-политических организаций в избирательных кампаниях в законодательные органы власти. Это протоколы собраний по выдвижению кандидатов, заявления, резолюции, переписка, а также инициативные письма об участии в выборах, тезисы предвыборных стратегий, предвыборные программы, листовки, обращения к избирателям, методические рекомендации, инструкции, протоколы окружных избирательных комиссий, подписные листы, газетные публикации и другие материалы, связанные с участием партий в выборах Президента РФ, государственных и местных органов власти. К данному комплексу относятся документы о взаимодействии местных отделений (филиалов) и центральных органов общественных объединений, переписка с государственными и общественными объединениями, документы об издательской деятельности данного объединения, а также их периодические издания, такие как «Калужская правда», «Возрождение», «Исток» (КПРФ), «Единая Россия» (Региональное отделение политической партии «Единая Россия» Калужской области), «Буревестник» (Калужское областное отделение Общества «Российские учены социалистической ориентации» (РУСО)), информационно-аналитический бюллетень «Свободный голос» (городская организация движения «Демократическая Россия).

Кроме того, общественные объединения издают труды своих лидеров по общественно-политической жизни страны, материалы съездов, конференции и другие организационно-пропагандистские материалы, освещающие цели и задачи объединения. Подготовительные материалы к периодическим изданиям (рукописи, статьи, письма читателей и др.) также принадлежат к этой группе документов.

В составе документов общественно-политических организаций имеется также финансовая и административно-хозяйственная документация. Общественные объединения существуют за счет вступительных и членских взносов, поступлений от проводимых мероприятий, добровольных взносов и др. поступлений. Общественное объединение являющееся юридическим лицом может иметь в собственности здания, транспорт, оборудование, денежные средства, средства массовой информации и т.д.

Помимо первичной финансово-экономической документации в общественных объединениях составляются годовые и квартальные бухгалтерские отчеты, отчеты об использовании имущества общественного объединения, договоры об аренде помещений, документы по кадрам, штатное расписание, журналы учета входящих и исходящих документов, ведомости уплаты членских взносов и др.

В некоторых общественно-политических организациях имеются документы личного происхождения членов общественных объединений, которые принимаются в архив на постоянное хранение. К документам данного комплекса относятся статьи, удостоверения, письма активных членов и руководителей общественных объединений.

Отдельные общественно-политические организации ведут документацию по личному составу и о членстве. Среди документов данной видовой группы особый интерес представляют личные дела руководителей общественных объединений, а также документы о вступлении в общественную организацию (заявления, анкеты, и др. документы, фиксирующие членство).

Новыми видами документов о деятельности общественных организаций являются документы на специальных носителях, таких как: видеофонограммы, имеющиеся в фондах: Калужская областная общественная организация участников боевых действий на территории Чеченской республики «РОССИЧ», Региональная организация ЛДПР; на металле (значки — «Единая Россия», «Возрождение России», нагрудные знаки Калужской областной организации «Социалистическая партия трудящихся» («СПТ»); на ткани (флажки, кепки «Единая Россия»).

Кроме документов общественно-политических организаций архив комплектуется документами общественных объединений.

Молодежное движение отражается в документах фондов областной и городской организаций РСМ, «Союза пионерских и детских организаций», Калужского отделения молодежного союза «Яблоко». Документы раскрывают многие направления в деятельности этих организаций. Это такие документы как: планы мероприятий, переписка, практические замечания по отдельным вопросам работы, информации, методические рекомендации, предложения Калужского областного Союза пионерских, детских организаций, положения о детских и взрослых организациях, программа обучения работников вне школьных учреждений, методические сборники, документы по направлению детей в Международные и Российские детско-юношеские центры «Артек», «Орлёнок», «Океан» (выписки из решений ГОРОНО, педагогических советов школ, ходатайства, анкеты, списки и др.). Сведения о детских оздоровительных лагерях области, программы, проспекты, буклеты об организации отдыха детей в России и за рубежом, программа отбора, решения комиссии, заявления, характеристики, анкеты, результаты конкурсных заданий и др. материалы по направлению студентов для работы вожатыми в лагерях США.

Работа ветеранских организаций раскрывается через документы фондов: Калужской городской организации ветеранов войны и труда, Калужского городского общества инвалидов Чернобыля «Мужество», Калужской областной общественной организации участников боевых действий на территории Чеченской республики «РОССИЧ»[4].

Интересные документы отложились в составе фондов Калужской областной Ассоциации социальных работников, педагогов и работников социальных служб» (КАСОПРС), Октябрьского окружного отделения Калужской региональной общественной организации «Калужский пенсионер».

Деятельность творческих общественных организаций, характеризующих духовную жизнь общества, представляют документы творческого объединения «Литератор», Калужского городского регионального Пушкинского общества «Натали», Калужского регионального отделения Российского Союза профессиональных литераторов, которые поступили в архив в последнее время. Интерес представляют рукописи, печатные издания Калужских авторов.

Данные общественные объединения разнообразны по своим целям и задачам — защита интересов определенных социальных групп организация помощи пострадавшим от Чернобыльской катастрофы, расширение прав органов местного самоуправления и прочее.

Поступление документов фондодействующих общественно-политических и общественных объединений, союзов, организаций продолжается. В вопросах комплектования архива документами этих организаций есть свои сложности. Существуют определенные объективные факторы, ограничивающие круг общественных организаций, как источников комплектования:

Во-первых, отсутствие правового механизма, который бы вынуждал общественные организации передавать свои документы на госхранение. Во-вторых, значительная часть общественных организаций не являются устойчивыми структурами, они часто реорганизуются и это усложняет контроль за ними. В-третьих, в большинстве общественных организаций отсутствует четко поставленное делопроизводство и условия хранения. Это все ограничивает возможности полноценного комплектования.

Но, несмотря на все сложности работы с общественными организациями, работа будет продолжаться в целях пополнения источниковой базы по истории общественно-политической жизни нашей области.

[1] Госархив документов новейшей истории Калужской области. Ф.П-3110. Оп. 1. Д. 1213, 1229.
[2] Там же Ф.П-3110. Оп. 1. Д. 1315, 1332.
[3] Там же Ф.П-3110. Оп. 1. Д. 1240, 1252.
[4] Там же Ф.П-3110. Оп. 1. Д. 1253.

КНИЖНЫЕ ПОКУПКИ ЖИТЕЛЕЙ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ В ЛАВКЕ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА В XVII ВЕКЕ (ПО АРХИВУ ПРИКАЗА КНИГОПЕЧАТНОГО ДЕЛА)

***В.П.Пушков**, к.и.н.,*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
***Л.В.Пушков**, Главное архивное управление города Москвы*

Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов дела Приказа книгопечатного дела XVII в. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1—3) являются уникальным сокровищем отечественной культуры. Эти документы раскрывают все компоненты многогранной деятельности Московского печатного двора — одной из крупнейших мануфактур того времени. Археографическая лаборатория Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова ведет постоянную работу по комплексному изучению архива этого крупнейшего монополиста российского книгоиздательства[1]. К наиболее ценным материалам данного фонда относятся так называемые книги продаж, в которые заносились данные о розничной продаже книг («в мир») через лавку на Никольской улице. Таких персональных записей с начала 1630-х и до 1664 г. сохранилось десятки тысяч. Как правило, по каждому покупателю в книгу продаж вносились его имя и фамилия (патроним), сословная принадлежность, должность и место работы, местожительство (для иногородних) и, естественно, сколько каких книг по какой цене какого числа он приобрел. Подобные записи о розничной продаже множества книг самых разных наименований представляют собой типичный массовый исторический источник, устойчивость формуляра которого на протяжении целой трети века открывает путь для широких пространственно-временных исследований по истории книжного рынка, социальному составу и географии читателей, формированию национальной интеллектуальной элиты и т.д. А поскольку на многих дошедших до нас экземплярах сохранились записи об их приобретении и владельцах, то историческое пространство бытования Книги многократно расширяется (вплоть до конфессионального функционирования в современной старообрядческой среде). Таким образом, книготорговая отчетность МПД обеспечивает единство истории региональной и столичной культуры, позволяет сопоставить вклад в этот процесс многих десятков уездов, выявляя специфику каждой отдельной земли — словом, это прочный фундамент для самого широкого спектра краеведческих исследований.

По подготовленным к настоящему времени двум базам данных о продаже книг в типографской лавке за 7145 (1636/37. РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29) и 7170—7172 (1662—1664. Там же. Д. 61 и 65) годы рассмотрим покупки жителей Верхнего Поочья[2].

Всего в 7145 г. (с субботы 11 сентября 1636 по воскресенье 6 августа 1637 г.) за 331 день 47 разных покупателей из 7 городов и уездов в результате 60 посещений типографской лавки на Никольской улице в общей сложности приобрели 76 экземпляров книг 7 названий. Таким образом, в среднем на одну покупку приходится 1,3 экз., а в расчёте на одного покупателя — 1,6 экз. Однако плотность покупок сильно варьировала по временам года, месяцам и дням недели. Только осенью книги покупались каждый месяц: по 19 экз. в сентябре и октябре и 9 в ноябре — всего 47 книг, или 62% от полного объёма верхоокских покупок за год. В декабре книги не покупались, в январе было продано всего лишь 2 экз., после чего в дни Великого поста в феврале и марте (Пасха была 9 апреля) торговля заметно оживлялась (соответственно 13 и 7 экз.). В последние весенние месяцы книги не покупались, летом же было продано только 7 книг (3 в июне и 4 в августе). По дням недели посещения книжной лавки последовательно становились реже со вторника по воскресенье — соответственно 14, 13, 10, 9, 5 и 5 продаж при минимальном числе посещений по понедельникам — 3. С учётом объёма покупок больше всего книг (18) было куплено по средам, когда в Москве был общегородской базар.

Показательно, что 8 из 47 покупателей, т.е. каждый шестой, неоднократно (от 2 до 4 раз) посещали книжную лавку на Никольской улице. По числу покупателей первое место принадлежит Козельску — 13 человек, которые за 15 посещений лавки приобрели 15 книг. Далее идут 11 боровчан (32 книги за 18 покупок) и 9 калужан (12 книг за 11 покупок). Шесть жителей Малоярославца купили 6 книг за 6 посещений. Четыре человека из Белёва приобрели 6 книг за 4 посещения лавки. Три представителя Мосальска — 3 книги за 3 покупки, и два уроженца Перемышля за 2 посещения приобрели 2 книги.

Из 7 названий книг, заинтересовавших жителей верхоокских земель, наибольшим спросом пользовались два издания этого года — Требник и Псалтырь с восследованием (соответственно 26 и 20 экз.). Они составили абсолютное большинство купленных книг — 61%. Немало было продано и необходимых для церковной службы Евангелий напрестольных — 19 экз., в том числе 15 малого и 4 большого формата. Из других изданий было куплено 5 Миней декабрьских, 2 Триоди постных, одна Триодь цветная и один Канонник.

По своей сословной принадлежности верхоокские книжные покупки в подавляющем большинстве принадлежали духовенству: 53 покупки из 60, или 71 книга из 76, причём отмечалось явное превалирование белого духовенства (39 продаж и 44 экз.). На долю же светских лиц выпало всего лишь 6 книг, причём одна из них была приобретена вскладчину двумя покупателями. Все 39 покупок белого духовенства принадлежали исключительно священникам («попы»), тогда как состав чёрного духовенства оказался более разнообразным: игумены, старцы, строители, «чёрные попы».

Каждый из семи светских покупателей приобрёл лишь по одной книге — три Требника, три Псалтыри и одно Евангелие напрестольное малого формата. Это «малоярославцы» Иван Безобразов и Кузьма Челищев, а также два родных брата Влас и Фёдор Стрелковы. Кроме того, среди светских покупателей были «боровченин» Степан Андреев сын Загряжский и «боровский сын боярский» Степан Загорский, а также «белёвец» Василий Семёнов сын Киреевский. Таким образом, представители известных дворянских родов проявили интерес к книге.

По четыре раза брали книги священник посадской Духовской церкви в Козельске Дмитрий (2 Псалтыри, Требник и Триодь постная) и игумен Боровского Пафнутьева монастыря Иосиф (по 5 Миней декабрьских, Псалтырей и Требников, а также одно Евангелие большого формата). Однако Требники были им приобретены «с братиею», то есть не на собственные, а на монастырские деньги. Три раза посетил лавку священник Гавриил из Воскресенской церкви Боровска «на посаде». И дважды покупали книги игумен Шаровкина монастыря Дионисий, священники Архангельской церкви в Калуге Парфений, Иван из Никольской церкви Козельска и Ияков — из Георгиевской церкви Боровска.

И по одному разу в течение 1636/37 г. посетили книжную лавку следующие представители духовенства. Из Козельска: священники Никольской церкви Семён и Фёдор (ещё четыре «попа» не назвали своих имён и храмов). Уездная же местность была представлена Оптиной пустынью (не назвавший себя её насельник купил одну Псалтырь) и священником Артемием из села Субботниково. Из Боровска священники Воздвиженского монастыря Леонтий и Федосий, священник Георгиевской церкви Тимофей и «чёрный поп» Пафнутьева монастыря Давид и «поп» Троицкой церкви Демид. Боровский же уезд был представлен двумя священниками: Леонтием из села Русиново (название своего храма он не сообщил) и Иваном из Зачатьевской церкви «на Лопасне реке». Из Калуги белое духовенство: Парфений (Архангельская церковь), Марк (Георгиевская «на посаде»), Андрей (Покровская), Михаил («на посад») и не указавший место своего служения Григорий. Из Шаровкина монастыря был старец Трифон и строитель Иов. Из уездной местности был всего лишь один покупатель — священник Марк из Георгиевского храма села Воробьёвки. Из Белёва священник Сергий из Афанасьевской церкви и «чёрный поп» Спасского монастыря Анисим. Уезд был представлен священником Никольской церкви из села Ушатино Афанасием. Из Малоярославца священник Георгиевской церкви Еремей и «поп» Горевского монастыря Елизар, из Мосальска священники Григорий (Боголюбская церковь), Карп (Георгиевская) и Богдан (Никольская). И из Перемышля игумен Никольского монастыря Иосиф и «поп» Фроловской церкви Максим.

Спустя четверть века, видимо, по причине общего финансово-экономического кризиса конца 1650-х—начала 1660-х годов число верхоокских уездов, уроженцы которых посещали книжную лавку Печатного двора на Никольской улице в 1662—1664 гг., сократилось с 7 до 4 (Белёв,

Боровск, Калуга и Козельск). По отдельным годам книжные покупки 1662—1664 гг. имели следующее распределение: 7170 — 5 покупок (с 29.04 по 19.08.1662), 7171 — 8 (с 25.11.1662 по 9.07.1663) и 7172 — 3 покупки (с 8.02 по 14.07.1664). Таким образом, со вторника 29.04.1662 г. по четверг 14.07.1664 г., т.е. в продолжение двух лет и двух месяцев, 13 человек за 16 посещений лавки приобрели в общей сложности 42 книги 11 названий. В эти годы жителей региона прежде всего интересовало Евангелие толковое (12 экз.), которому уступали Святцы (7), Псалтырь с восследованием (6), Библия (5) и Канонник (4). Кроме того, было приобретено по 2 Требника и Служебника, а также по одному Евангелию напрестольному, Минее общей, Прологу и Триоди постной. В среднем в 1662—1664 гг. одна покупка производилась за 50 дней, что говорит о низкой покупательной способности. Так что на одну покупку пришлось 2,6 экз., и в расчёте на один торговый день 2,8 книги.

Больше всего книг (20 экз.) было приобретено представителями Боровского Пафнутьева монастыря, жителями Калуги (18 книг), которым существенно уступал Белёв (4 экз. за 3 посещения). 10 покупок из 16 принадлежало духовенству, в том числе 8 чёрному и 2 белому. Дважды посетил лавку «чёрный поп» Боровского Пафнутьева монастыря Селиверст (29.04.1662 он купил 4 Канонника и 12.08.1662 — 2 Евангелия толковых и Требник), и по одному разу «чёрные попы» того же монастыря Иона и Иосиф. Видимо, для себя купил Святцы «слуга» того же монастыря Иван Пыкин, а вот разовая покупка 10 Евангелий напрестольных в Пафнутьев монастырь имела явно корпоративный характер. Белое духовенство было представлено двумя белёвскими священниками: Ферапонтом из храма Стефана исповедника и Исайей (своей церкви он не назвал).

Наиболее же разнообразными в сословном отношении в начале 1660-х гг. оказались покупки жителей Калуги, среди которых преобладали светские люди. Это «торговый человек» Викула Михайлов и два «калуженина» Гаврила (прозвища он не сообщил) и Тихон Васильев, которые приобрели: первый — 6 Святцев и 4 Библии (12.06.1663 и 14.07.1664), а второй — пять Псалтырей. Такие размеры покупок не оставляют сомнений в предпринимательской деятельности этих лиц. Калужские обители оказались представлены «старцем» Рождественского монастыря Пафнутием, а церкви — священником Иваном, который место своего служения не назвал.

[1]*См.*: Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652. М.: «Мосгорархив», 2001; Они же. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Кн. 1. М.: «Наука», 2007.

[2]*См.*: Пушков В.П., Пушков Л.В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Фёдоровские чтения 2005 г. М.: «Наука», 2005. С. 356–368; Они же. Опыт построения и использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.»// Фёдоровские чтения 2007 г. М.: «Наука», 2007. С. 219—240.

СОХРАНИВШИЕСЯ БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ И ЗАКЛАДНЫЕ ДОСКИ XV—XVIII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ. К СОСТАВЛЕНИЮ СВОДА*

А.С. Жердева, *журнал «Жить хорошо»*, ***В.И. Абакулов***, *н.с., Калужский областной краеведческий музей*, ***А.А. Павлишак,*** *ТД «Комфорт»*

В настоящее время на территории бывшей Калужской губернии находится большое количество кладбищ разного времени и разной сохранности. Некоторые из них практически прекратили свое существование, другие древние кладбища интенсивно поглощаются современными захоронениями, исчезают или уже исчезли. В ряде случаев в них ещё

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 09-01-59119 а/Ц).

сохранились отдельные белокаменные надгробия XV—перв. пол. XVIII вв. (как на сельских погостах, так и при монастырях). Они представляют собой огромный интерес для изучения как краеведческих, так и исторических вопросов, связанных с историей данного региона. До сих пор неизвестно точное количество сохранившихся надгробий этого периода, ни имена людей, которые под ними погребены. На стенах ряда храмов Калужского региона, которые были возведены в XVII—начале XVIII столетия, сохранились закладные доски с надписями, также выполненные из белого камня. Они также являются ценными источниками о строителях этих церквей и истории самих храмов.

В течение XX века в Калужской области было разрушено и уничтожено большое количество кладбищ, где находились, в том числе, и белокаменные надгробия XV—XVII вв. Например, древняя часть кладбища у деревни Отяково Боровского района, на территории которого чудом еще сохранилось несколько надгробных плит XVII столетия. Сильно пострадали в советское время и древние монастыри. Полностью был разрушен Перемышльский Свято-Троицкий Лютиков монастырь, где ещё в 1970-х гг. находились древние надгробия дворянского рода Хитрово. Сильно пострадали и другие обители — Лихвинский Покровский Добрый, Мещовский Свято-Георгиевский и другие. Здесь исчезли многие надгробия с мест захоронения уважаемых людей.

Зачастую древние надгробные памятники использовали при строительстве церквей (особенно после указа Петра I 1722 г.), закладывая их в стены и фундаменты (например, надгробия в фундаменте Никольской церкви села Николо-Гастунь Лихвинского уезда, надгробие в стене трапезной в Никольской церкви села Людимеск Перемышльского уезда и др.).

Научных работ по сохранившимся на настоящий момент белокаменным надгробиям Калужского края крайне мало. И.В. Болдиным, Г.А. Массалитиной и Т.Ф. Бессоновой были описаны белокаменные надгробия Спасо-Воротынского и Пафнутьев-Боровского монастырей[1]. О некоторых надгробиях Спасского монастыря ранее писал в своей книге исследователь Л.А. Беляев[2]. Надгробные плиты, сохранившиеся в других монастырях и на сельских кладбищах, были обойдены вниманием современных исследователей.

Других печатных работ по белокаменным плитам (исключая Пафнутьев-Боровский монастырь и редких упоминаний в дореволюционной литературе об отдельных плитах), а тем более закладным доскам, сохранившимся на территории бывшей Калужской губернии (при других монастырях и на сельских погостах) нет, поэтому данная работа необходима для серьезного изучения поставленной проблемы.

Сбор информации по данной тематике проходил на протяжении целого ряда лет. Рабочей группой проводились натурные обследования на территории ряда районов Калужской области (Боровского, Перемышльского, Юхновского, Ферзиковского и др.), а также Тульской области (Суворовский и Белёвский районы), земли которых входили в состав бывшей Калужской губернии. Информацию в данной статье о белокаменных плитах Спасо-Воротынского и Пафнутьев-Боровского монастырей мы опустим, т.к. их достаточно подробно описали указанные выше исследователи.

В 2008 г. В.И. Абакулов, А.С. Жердева, В.В. Бубликов, Г.Г. Нишанов провели большую работу по выявлению старых частей кладбищ Боровского района Калужской области, описанию сохранившихся в них надгробий XVII—нач. XX вв. В ходе натурного обследования был собран большой материал, включающий также белокаменные надгробия (плиты) XV—XVII вв. (сёла Красное 1, Отяково 2 целых плиты и 2 фрагмента, Никололужецкое 3, Высокое 1, деревня Кривское 1) находившиеся на территории Боровского уезда. Всего выявлено и описано 8 целых плит и 2 фрагмента.

Для примера расскажем о плите в селе Красном. Она выполнена из серого известняка, наполовину засыпанная землёй. Верхняя её часть сколота, боковые стороны никаких надписей и орнамента не имеют. Плита лежит на северо-восточной оконечности кладбища, расположенного к северу от каменной Михаило-Архангельской церкви 1910 г. постройки[3]. До этого здесь располагалась деревянная церковь. На западном торце сохранилась частично сколотая надпись в четыре строки, выполненная трёхгранно-выемчатым стилем, которую частично удалось прочитать летом 2008 г. В.И. Абакулову и Н.П. Лошкарёвой: «… М …ДНЬ…//… ДУРНОИ НА КОНО БОЮ С ТАТАРЫ ОСИЕНАЕ…//…ГОД АЗОВЪ ПРИВЕЗЕНО ТЕЛО ЕГО Н…//…НЕМЕСТЕ СЕГО ГОДУ СЕНТЯБРЯ В…» Плита имеет размеры примерно 150х50 см, толщину видимой части около 25 см.

Находки белокаменных надгробных плит не ограничиваются только территорией бывшего Боровского уезда. Сохранилась такая плита и в селе Гришове (Людемское) бывшего Перемышльского уезда (ныне рядом расположена деревня Гришово Бабынинского района), выявленная в 1997 г. В.И. Абакуловым и А.А. Павлишаком[4]. Целая плита в том же году была обнаружена при строительстве дороги в селе Подборки Козельского района (на территории бывшего погоста села Озерского Перемышльского уезда). Она принадлежала Семёну Павловичу Давыдову, умершему 20 ноября 1663 г. Найденное белокаменное надгробие описал в своей статье археолог И.В. Болдин[5]. В дополнение можно отметить, что, вероятно, именно этот Семён Павлович Давыдов в 1646 г. был воеводой в Козельске[6].

На городище Малая Сушка Перемышльского района весной 2006 г. А.А. Павлишак обнаружил небольшой фрагмент белокаменной плиты. Его размеры 20х6 см. Сохранился и остаток геометрического орнамента, состоящий из мелких неглубоко резанных треугольников. Как этот обломок плиты попал на городище можно только догадываться. Возможно, его перенесли с кладбища одного из ближайших сёл или с несохранившегося некрополя Лютикова монастыря. На городище находилось также много небольших камней и достаточно массивных валунов, сохранившихся от древнего погоста. К сожалению, городище М. Сушка испорчено грабительскими раскопами, а многие валуны были вывезены в Москву для украшения территории при коттеджах.

А.А. Павлишак и В.И. Абакулов в мае 2000 г. обнаружили в селе Ивановском Полукнязево тож бывшего Тарусского уезда (ныне Жуковского района) возле реставрирующейся каменной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, построенной в 1766 г. князем Петром Фёдоровичем Тюфякиным[7], фрагмент белокаменного надгробия. Он был, видимо, использован при возведении этого храма. Фрагмент имеет остаток надписи в одну строку, выполненной трёхгранно-выемчатым стилем на лицевой поверхности: «…ВА ПРЕСТАВИСЯ РАБ БО…» Высота букв 4, 8 и 9 см. Размеры фрагмента надгробия 56х18х17,5 см. По бокам от надписи имеется жгутовой орнамент. Фрагмент можно датировать концом XVI—XVII вв.

К северо-востоку от села Потросова (Никольское) бывшего Калужского уезда (ныне деревня Никольское Перемышльского района) рядом с небольшим городищем, где сохранилась старая часть кладбища. На небольшом участке старого погоста весной 2008 г. нашей рабочей группой была обнаружена известняковая надгробная плита, которая неплохо сохранилась. Плита украшена жгутовым орнаментом (с трёх сторон его ширина 9 см, в изголовье 7,5 см). На боковой поверхности орнаментация отсутствует. Никаких надписей и солярного знака на плите нет. Она имеет ориентацию запад-восток. Размеры плиты 150х55х50, толщина 16 см. Скорее всего, плита относится к XVII столетию. Рядом на площадке старого погоста в высокой траве находятся крупные обломки известняка.

Два надгробные плиты, имеющие форму близкую к кубу, были выявлены В.И. Абакуловым и С.А. Новиковым в мае 2003 и ноябре 2007 гг. Одна из них находится возле полностью разрушенной каменной церкви Ильи Пророка, построенной гвардии прапорщиком Ефимом Николаевичем Карповым в 1862 г. в селе Ильинском на Никизме Калужского уезда[8], вторая на кладбище бывшего села Недоходова Мещовского уезда. Оба надгробия имеют надписи.

В 2005 г. при обследовании обвалившейся Никольской церкви в селе Николо-Гастуни бывшего Лихвинского уезда (ныне Белёвского района) в его фундаменте были выявлены заложенные туда при строительстве храма пять белокаменных надгробий. Они имеют и жгутовой орнамент, солярные знаки, надписи, но прочесть их не представляется возможным в связи с тем, что плиты связаны между собой раствором. Ориентировочно плиты можно датировать концом XVI—XVII вв.

Нашей рабочей группой в течение 2006—2008 гг. были выявлены также три белокаменных надгробных плиты и ещё один фрагмент такой же плиты в Покровском Добром монастыре бывшего Лихвинского уезда (ныне Суворовский район Тульской области) и одна известняковая надгробная плита в Шаровкине монастыре бывшего Перемышльского уезда (ныне Перемышльского района). Оба монастыря в настоящее время возрождаются, там проводятся ремонтные работы храмов. На одной, разбитой на несколько частей, плите в Добром монастыре удалось прочесть следующую надпись, выполненную трёхгранно-выемчатым стилем: «ЛЕТА ЗРЗ (16..—165…?)…//СЕНТЯБРЯ В … ДН ПРЕСТА//ВИ РАБ БЖ ВАСИЛЕИ СН//… КОВ». Можно предположить, что в 1650-х гг. в Добром монастыре нашёл

свой последний приют представитель одного из дворянских родов, на протяжении многих лет связанного с Лихвинским уездом, члены которого погребались в этой обители, Василий Ханыков.

Сохранившиеся закладные доски в стенах церквей мы обнаружили лишь в двух сёлах. В селе Трубецком бывшего Малоярославецкого уезда (ныне Жуковский район) сохранились до наших дней два каменных храма, и оба имеют такие доски. Воскресенский и Знаменский храмы этого села стоят на возвышенном берегу речки Щепинки на территории бывшей княжеской усадьбы. О храмовом комплексе в селе Трубине и о владельцах села князьях Щербатовых писала в своей работе Л.Б. Сорокина[9].

В пилон основания колокольни церкви Воскресения Христова села Трубина вмонтирована белокаменная закладная доска с храмозданной надписью. В ней сообщается, что храм построен в царствование Алексея Михайловича князем Константином Осиповичем (Иосифовичем) Щербатовым и освящен в 1674 г.[10] Эта доска, имеющая надпись в 11 строк, выполненную трёхгранно-выемчатым стилем, сильно побита и частично замазана цементом. Нам удалось прочесть на ней следующее: «ЛЕТА ЗРОД ПРИ ДЕРЖАВЕ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗА АЛЕКСЕА МИХАЙЛОВИЧА//ВСЕА ВЕЛИКИА И МАЛЫА И БЕЛЫА РОСИИ САМОДЕРЖ… ЕГО ЦАРСКОГО И ПРЕСВЕТЛАГО ВЕЛИЧ//СТВА…».

На северном фасаде храма Знамения Пресвятыя Богородицы, построенного тем же князем в 1692 г.[11], тоже есть доска с надписью, однако после разборки галереи она оказалась высоко на стене и для чтения труднодоступна. На плите имеется надпись в 10 строк, выполненная обронным стилем написания, для которого характерен высокий рельеф с глубокой выборкой фона. Настенные памятные доски господствовали всю первую половину XVIII в., дав начало бурному развитию барочных форм орнамента на намогильных памятниках.

Сохранилась одна закладная доска в нижней наружной части стены каменной Благовещенской церкви, построенной в 1767 г. женой прапорщика Дарьей Иевлевной Скобеевой[12], в селе Серединском бывшего Боровского уезда (осмотрена и сфотографирована в ноябре 2004 г.). Надпись на плите выполнена обронным способом, высокохудожественной вязью и имеет четыре строки. Правый край плиты сколот, левый нижний угол также имеет утрату. Посредине плиты забит кованый гвоздь, который расколол её на две части.

Таким образом, данная работа — первая попытка обобщения сведений по сохранившимся белокаменным надгробиям и закладным доскам XV—XVIII вв. на территории бывшей Калужской губернии (при древних монастырях и сёлах), а также о захороненных здесь личностях и строителях храмов. Это послужит примером для подобных исследований сохранившихся белокаменных памятников не только Калужской губернии, но и других регионов Центральной России.

Примечания

[1] *Массалитина Г.А., Болдин И.В., Бессонова Т.Ф.* Комплекс белокаменных надгробий XVI—XVII вв. Воротынского Спасо-Преображенского монастыря. Материалы к своду надгробных памятников средневековой Руси//Тр.регионального конкурса науч. проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003. Вып. 4. С. 26—49; *Болдин И.В., Массалитина Г.А., Бессонова Т.Ф.* Белокаменные надгробия XV—начала XVIII в. Пафнутьев-Боровского монастыря. Материалы к своду надгробных памятников Средневековой Руси//Тр.регионального конкурса науч.проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2007. Вып. 8. С. 130—150.

[2] *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. С. 369—373.

[3] *Государственный архив Калужской области (ГАКО).* Ф. 33. Оп. 2. Д. 2199. Л. 214.

[4] *Абакулов В.И.* Надгробная плита из Людимеска Перемышльского уезда//Природа и история Поугорья. Калуга, 2003. Вып. 3. С. 89—91.

[5] *Болдин И.В.* Погребение сер. XVII в. в селе Подборки // 1—2 Козельские чтения. Козельск-Калуга, 1998. С. 17.

[6] *Русская историческая библиотека.* СПб., 1886. Т. X. С. 305.

[7] *ГАКО.* Ф. 33. Оп. 2. Д. 2209. Л. 129.

[8] *ГАКО.* Ф. 33. Оп. 2. Д. 2307. Л. 356.

[9] *Сорокина Л.Б.* Храмовый комплекс в селе Трубино Жуковского района и его создатель князь К.О. Щербатов//Малоярославец. Проблемы истории и возрождения. Малоярославец, 2001. С. 127—135.

[10] *ГАКО.* Ф. 33. Оп. 2. Д. 2201. Л. 272.

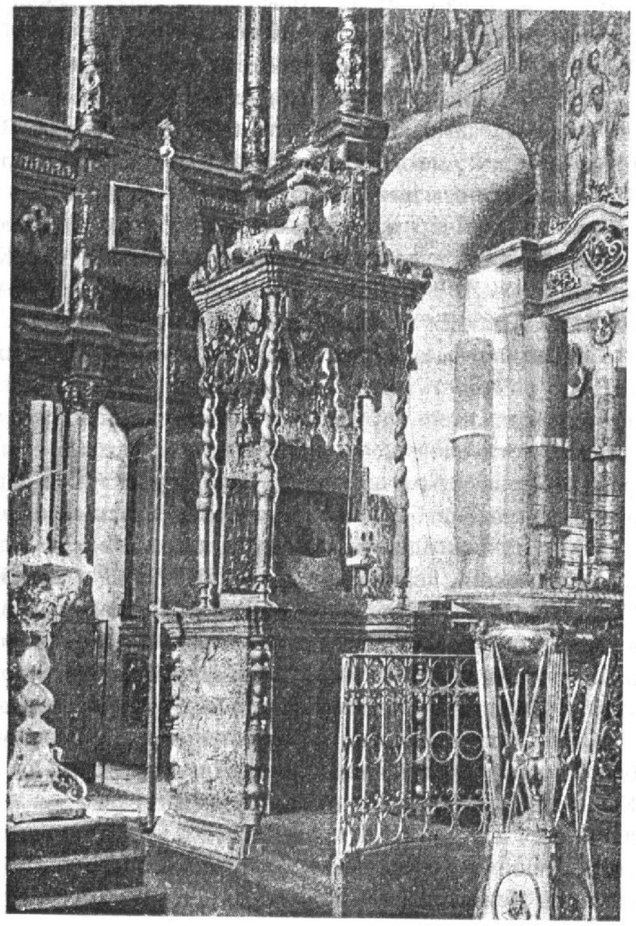
[11] *Там же.* Л. 270.

[12] *ГАКО.* Ф. 33. Оп. 2. Д. 2199. Л. 360.

ИКОНА БОГОМАТЕРИ КАЗАНСКОЙ, ЧТО В КАЛУГЕ

***В.Г. Пуцко**, заслуженный работник культуры РФ, н.с.,*
Калужский областной художественный музей

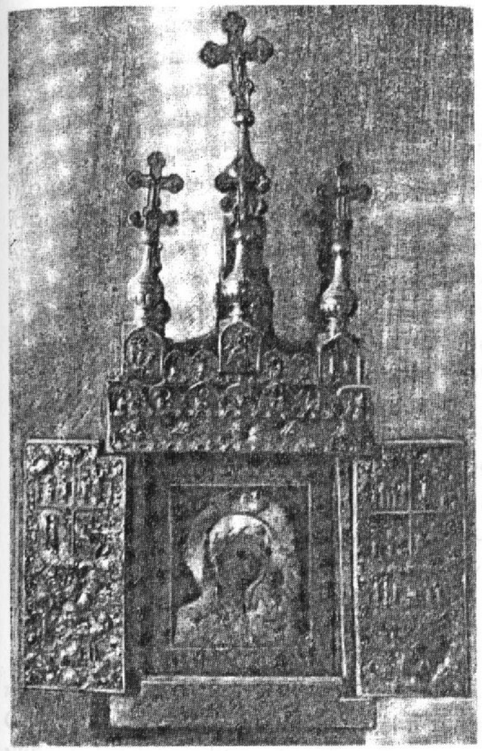
«Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Казанской, что в Калуге, в Преображенской под горою церкви» последовательно излагает историю образа и его почитания на Калужской земле[1]. Появление этой иконы в Калуге в 1627 г. обязано исцелению жены калужского купца Тимофея Никитина Смирнова, Евфимии, от тяжкого недуга в городе Вязниках во время молебна перед находившимся там списком с подлинной иконы Богоматери Казанской. С вязниковского образа тогда был сделан точный список, который Евфимия обложила серебром и золотом, украсила каменьями, и, по возвращении в Калугу, поставила в храме Преображения Господня, что под горою. Тогда, *«благоговеюще же к иконе Богоматери, начаша приходити народы ближнии и дальнии поклонения ради, и не тщи возвращахуся, даде бо Пречистая Богородица иконе своей благодать исцелений и чудес»*[2]. Под 10 мая 1641 г. зафиксировано исцеление Агриппины, а на следующий день — исцеление слепца, боярского сына Константина из Воротынска. В 1649 г. крестьянка Агафья получила исцеление парализованной руки. Позже иные лица по молитве перед чудотворной иконой исцелялись от различных тяжелых болезней.



Ил.1. Икона Богоматери Казанской в Спасо-Преображенской церкви в Калуге. Снимок 1912 г.

Прославленная чудесами икона Богоматери Казанской первоначально была поставлена еще в деревянной Спасо-Преображенской церкви в старом остроге, известной по упоминаниям в описях Калуги 1626 и 1685 гг. как Преображение Спасово на Подоле, с приделом Рождества Пречистыя Богородицы. Сооружение существующей каменной начато в 1709 г. и окончено в 1717 г., причем главной вкладчицей была царевна Наталья Алексеевна (1673—1716), давшая тысячу рублей[3]. Эта любимая сестра Петра I была одной из образованнейших русских женщин своего времени, и ее участие в строительстве калужского храма, в котором находилась чудотворная икона, явно не было случайным.

О том, как первоначально был оформлен чтимый образ, в сущности неизвестно. Но об его убранстве, существовавшем в конце XVIII в., свидетельствует текст церковной описи 1800 г.: *«Чудотворный образ Казанския Пресвятыя Богородицы в киоте деревянном, обложенном серебром позлащенным, на киоте семь глав с крестами деревянными, серебром обложенными. Киот внутри обит бархатом алым, на обрезе венец сребренной позлащенной, на нем вполовину обнизано жемчугом с одиннадцатью камнями, подпись жемчужная с каменьями и зернами, цата жемчужная с разными каменьями. По полям образа обнизано жемчугом с каменьями разных цветов маленькими. При образе четыре креста сребренных, в*



Ил. 2. Мастер Иван Кудрявцев. Серебряная сень для иконы Богоматери Казанской. 1855 г. Калуга, Калужский областной краеведческий музей.

Ил. 3. Икона Богоматери Казанской, что в Калуге, в ювелирном окладе. Снимок начала 1900-х гг.

том числе два с мощьми; на сребренной доске резной образ Казанские Пресвятыя Богородицы, на нем венец и гривенка сребренные позлащены, на створах сорок три венца сребренные и позлащены. Перед образом медной большой подсвечник»[4]. Надо заметить, что икона показана как находящаяся в приделе Казанской Пресвятой Богородицы, по правую сторону царских дверей. Но при описании центральной части храма замечено: *«Подле праваго крылоса имеет место, куда на летнее время переносится Чудотворный образ Богоматери, медное с балдахином медным же и по местам посеребоенным, пред образом сребренной позлащенной спускной на трех цепочках сребренных, под ним ворворка жемчужная. Другой лампад со свещею, сребренной по местам позлащенной, на трех серебряных цепях. Пред сим же образом подсвечник медной посеребренной и местами позлащенный»*[5]. Это максимально возможные для инвентаря подробности, позволяющие определить некоторые реалии.

Позже, в 1863 г., автор уже цитированного Сказания писал: *«Не мало свидетельствует об усердии жителей г. Калуги к чудотворной иконе самое великолепие Казанского храма: обширный, украшенный повсеместно греческим иконописанием, со множеством икон в сребрянных и сребропозлащенных ризах, храм сей есть великолепнейший из градо-калужских приходских церквей. Самая чудотворная икона, мерою — в длину 11[1/2] и в ширину — 9 вершков, украшена серебряною, унизанною жемчугом, ризою, с жемчужною цатою, на которой тоже много дорогих камней, в богатом сребропозлащенном киоте; каковое украшение, с драгоценными камнями, ценится в 10 000 рублей серебром»*[6]. Это характеристика, в более сжатой форме, повторена в начале 1900-х гг.: *«Внутри храм великолепен и является богатейшим в городе. Главной его достопримечательностью считается чудотворная икона Казанской Божией Матери. Этот образ — копия Вязниковской чудотворной иконы и дан в дар во храм семейством Смирных в начале второй четверти XVII в.»*[7]. Автор журнальной публикации 1912г. свое изложение истории иконы сопроводил снимком, дающим представление о характере резного балдахина, под которым находилась серебряная сень с иконой[8] (ил.1). Она выполнена местным ювелиром, калужским мещанином Иваном Андриановичем

44 Зак. 2219

Ил. 4. Икона Богоматери Казанской, что в Калуге, без оклада. Местонахождение неизвестно. Снимок середины 1930-х гг.

Кудрявцевым в 1855г., в виде прямоугольного в плане семикупольного храма с двумя рядами кокошников, украшенного многочисленными чеканными изображениями, часть которых вынесена на плоскость створ[9] (ил.2). Выражение памятной надписи, свидетельствующее о том, что *«сей киот возобновлен и вновь обложен серебром и позолотою»*, не позволяет понять, что именно сохранено от более раннего изделия, кроме основной конструкции.

Драгоценный убор, в котором можно было видеть икону Богоматери Казанской в Калуге в начале 1900-х гг., явно не являлся первоначальным, но лишь сохранял его отдельные элементы, такие как коруна с камнями и жемчужной обнизью (ил.3). Общий же характер оклада заметно видоизменен, судя по узорам фона и непомерно большой цаты, скорее всего, в течение последней трети XIX в., когда реально подобное сочетание эклектики и модерна. Сама икона, судьба которой остается не выясненной, может быть в целом охарактеризована на основании архивного фотоснимка, зафиксировавшего состояние живописи по освобождении ее от оклада (ил.4). Красочный слой местами сгрибившийся, отчетливо видны следы крепления накладного венца и обрамления, заметны осыпи живописи, вследствие, которых почти полностью утрачено изображение Младенца Христа. В то же время трудно говорить о явных следах поновления, которого икона, прочно скрытая под ювелирным окладом, возможно избежала. О прочем можно судить только при изучении оригинала. Остается еще добавить к сказанному, что иконная доска снизу немного опилена, вследствие чего нижняя часть полей выглядит неестественно узкой, особенно по сравнению с верхней.

Ил. 5. Икона Богоматери Казанской, вклада боярина и оружейничего Б.М. Хитрово. 1674 г. Серебро, ковка, чеканка, резьба, позолота. Калуга, Калужский областной краеведческий музей.

При столь печальном положении самой прославленной иконы особую ценность исторического источника сохраняет ее воспроизведение на серебряной, позолоченной с лицевой стороны, пластине, размером 16,5x13,6 см, передающей не только иконографию чтимого образа, но и накладные венец с цатой[10] (ил.5). Речь идет об упомянутом в описи 1800 г.: *«на сребренной доске резном образе», приложенном известным русским государственным и культурным деятелем XVII в., в 1674 г., о чем свидетельствует гравированная на оборотной стороне пластины четырехстрочная вкладная надпись: «Сию таблицу приложил ко образу Пресвятыя Богородицы Казанския боярин*

Ил. 6. Вкладная надпись Б.М. Хитрово на оборотной стороне серебряной иконы-таблицы 1674 г.

и оружейничей Богдан Матвеевичь, зовомый Иов Хитрово 182 году генваря в 18 день» (ил.6). Основа — довольно толстая серебряная пластина с накладными венцом-коруной и цатой, украшенными резным растительным узором. Рисунок иконного изображения, выполнен выразительной контурной линией с легкой штриховкой, местами перекрестной, в основном при передачи одежд. Обрамление обозначено простыми тонкими линиями, очерчивающими плоскость. По углам грубо пробитые отверстия, явно позднего времени, указывающие на крепление к деревянной основе: первоначально пластина привешивалась с использованием приклепанного вверху ушка для продевания шнура. Обычай украшения чудотворных икон вотивными привесками традиционно принято считать западным по своему происхождению, хотя в действительности он хорошо известен и в широких границах распространения византийской культурной традиции. Впрочем, для русских обычаев второй половины XVII в., особенно связанных с придворной средой, излишне проводить подобное разграничение, особенно со времени появления в Москве украинцев и белорусов.

Ил. 7. Икона Богоматери Казанской. До 1579 г. (в более позднем ювелирном окладе). Утрачена.

Икона Богоматери Казанской получила широкую известность после того, как была извлечена из-под земли после свирепствовавшего пожара в 1579 г. и поставлена в церкви Николы Тульского, священником которой был

Ил. 8. Икона Богоматери Казанской, в серебряном окладе. Середина XIX в. Калуга, Частное собрание.

Ермолай, позже известный как казанский митрополит и затем московский патриарх Ермоген, составивший первое обстоятельное сказание о явлении[11]. Вскоре икону перенесли в кафедральный Благовещенский собор, и в Москву было послано подробное донесение об обретении иконы вместе с ее точным списком. Последовало царское повеление соорудить на месте явления образа женский монастырь. В 1594 г. заложен и в следующем году митрополит уже освятил обширный монастырский храм Успения Богоматери, где и хранилась явленная икона до ее похищения в ночь на 29 июня 1904 г. По замечанию священника Евфимия Малова, это была *«икона письма греческого»*[12]. Как выясняется, в основе изображения находится ренессансная иконографическая схема, скорее всего, адаптированная итало-критскими мастерами[13].Русские иконописцы, естественно, восприняли именно эту общую схему, соединив ее с качественно иным наполнением. Поэтому стиль их произведений с оригиналом несопоставим, в чем можно легко убедиться (ил. 7). Не стала исключением также икона, написанная около 1622 г. иноком и затворником Николо-Шартомской обители Иоакимом для Казанского собора в Вязниках[14].

Калужская икона Богоматери Казанской, привезенная в 1627 г., в свою очередь, тоже вызвала появление ее списков, продолжавшееся и в течение всего XIX в. Так, в 1863 г. неизвестный автор, рассказав о различных чудесах, отметил: *«Во многих домах г. Калуги встречаются копии с чудотворного образа Казанския Пресвятыя Богородицы, что в Калуге, Смирных. Есть такие же списки и с такою же подписью и в градо-калужских храмах, например в Богословском соборе. Года два тому назад прислана была подобная икона, в окладе, с означенною подписью, из Москвы, по завещанию тамошняго купца, уроженца калужского, Неклюдова»*[15]. Среди этих списков могут находиться весьма примечательные; такие, как оказавшийся тоже в Москве, довольно близкий по иконографии к чтимой иконе, со следующей подписью: *«1703, августа 15 написал сей образ с чудотворной иконы Казанской Богородицы коложенин Роман Родионов сын»*. В частном собрании в Германии находится икона с более лаконичной надписью: *«Писан в Калуге 1818 г.»*[16]. Не менее интересны и калужские серебряные чеканные оклады, воспроизводящие украшавшие в определенный период подлинный образ в Спасо-Преображенской церкви, с его жемчужной обнизью (ил.8). Они, как и списки, отражают сложную историю калужской реликвии, одного из чтимых списков всем известной иконы, обретенной в Казани[17].

[1]*Прибавления к [Калужским] епархиальным ведомостям.* 1863. № 18. С. 309—316.

[2]*Там же.* С. 310.

[3]*Малинин Д.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С.85.

[4]*ГАКО.* Ф. 33. Оп. 3. Д. 8. Л. 32.

[5]*Там же.* Л. 29 об. — 30.

[6]*Прибавления к [Калужским] епархиальным ведомостям.* 1863. № 18. С. 310.

[7]*Малинин Д.* Калуга. С. 86.

[8]*Смирнов П.* Градо-Калужская Казанская чудотворная икона Божией Матери //Русский паломник. Год XXVII. 1912. № 30. С. 462—463.

[9]*Постникова-Лосева М.* Серебряных дел мастера. (Из истории серебряного дела в Калуге в XVII—XIX вв.). Калуга, 1961. С. 12, 23. Рис. 9.

[10]*Калужский областной краеведческий музей.* Инв. № Кл 2709.

[11]См.: *Сказание о чудотворной Казанской иконе Пресвятой Богородицы*, с предисл. Акад. Соболевского А.И. СПб., 1912; *Малов Е.*, свящ. Сказание о явлении Казанской иконы// Казанский девичий монастырь: история и современное его состояние. Казань, 1879; *Булгаковский Д.*, свящ. Казанская чудотворная икона Божией Матери и бывшие от нее чудеса. СПб., 1896; *Никитин В.* Казанская икона Божией Матери// Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы на Руси и в Германии. Москва—Цюрих, 1990. С. 95—96.

[12]*Малов Е.*, свящ. Сказание о явлении Казанской иконы. С. 29.

[13]*Пуцко В.Г.* Ренессансные схемы русских икон Богоматери: Елецкая и Казанская// Н.П. Кондаков. 1844—1925: Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001. С. 96—99.

[14]*Машковцев В.П.* Тайны «сельской столицы»// Путешествие в Гороховец. Владимир, 2003. С. 93—95. Живопись иконы под потемневшей олифой, икона в позднем окладе (1873г.). Ныне в Крестовоздвиженском храме в Вязниках.

[15]*Прибавления к [Калужским] епархиальным ведомостям.* 1863. № 18. С. 316.

[16]*Пуцко В.Г.* О калужской миниатюрной иконописи XVIII—XIX веков// Калуга в шести веках. Материалы 5-й городской краеведческой конф. Калуга, 2005. С. 325—326. Рис. 5.

[17]*Снессорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль, 1994. С. 211—230.

КАЛУЖСКАЯ КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ: ИСТОРИЯ, ИКОНОГРАФИЯ, СПИСКИ

***Н.Н. Чугреева**, с.н.с.,*
Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

Из составленного в XVII в. Сказания о Калужской Казанской иконе известно, что она являлась списком с Вязниковского Казанского образа[1] (рис. 1). В 1627/28 г. от Казанской иконы в Вязниках исцелилась от тяжелой болезни расслабленная Евфимия Семенова (Симеонова) Судовщикова, жена калужского купца, *«московского гостя»*, Тимофея Никитина Судовщикова по прозвищу Смирной. Болящая Евфимия возжелала помолиться пред явленным образом Богородицы в Казани, сделать с него список, принести в Калугу и поставить в

Ил. 1. Вязниковская Казанская икона Богоматери. Около 1622 года. Инок Иоаким. Средняя Русь.
Оклад 1875-1876 годы, Москва. Крестовоздвиженский храм, Вязники.

Ил. 2. Пластина. Казанская икона Богоматеи 1674 год. Москва.
Вклад Б.М. Хитрово.
Из Преображенской (Казанской) церкви Калуги. Калужский областной краеведческий музей.
Лицевая сторона.

деревянной Спасо-Преображенской церкви, что под горою, близ Оки. По дороге в Вязниках она узнала о чудотворном местном Казанском образе, находящемся в Казанском соборном храме. Вязниковская икона была написана около 1622 г. иноком, затворником Николо-Шартомского монастыря, иконописцем Иоакимом всего за пять лет до приезда Евфимии. После молебна перед этой иконой Евфимия встала с одра. В память о чуде она повелела сделать список с Вязниковской иконы с изображением чудес от явленного в Казани образа. Обложив новонаписанную икону драгоцен-ным окладом, Евфимия с великой радостью принесла ее в Калугу. Таким образом, написанный в Вязниках список относился к 1627/28 году. В Преображенской церкви хранилось рукописное Сказание начала XVIII в. о принесении иконы в Калугу. В этом Сказании, сплетенном со «сборной» книгой храма XVIII в., имелись правки по списку Сказания XVII в. 22 октября, в день празднования «осенней» Казанской, в Преображенскую церковь из главного Троицкого собора Калуги стали совершаться крестные ходы[2].

Чудотворный Калужский Казанский образ был хорошо известен Царскому Дому. В 1674 г. по указу царя Алексея Михайловича в хоромы царице Наталье Кирилловне знаменитому царскому иконописцу Оружейной палаты Симону Ушакову велено было написать икону Богородицы Казанской *«список с чюдотворного образа Пресвятыя Богородицы, что принесен из Колуги, а мерою та цка — длиною — 11 вершков с четью вершка, шириною — 9 вершков с третью вершка»*[3] (50,6 х 42 см). В литературе XIX—начала XX в. указывается немного иной размер чудотворного образа (11, 5 х 9 вершков, т. е. 51,8 х 40,5 см).

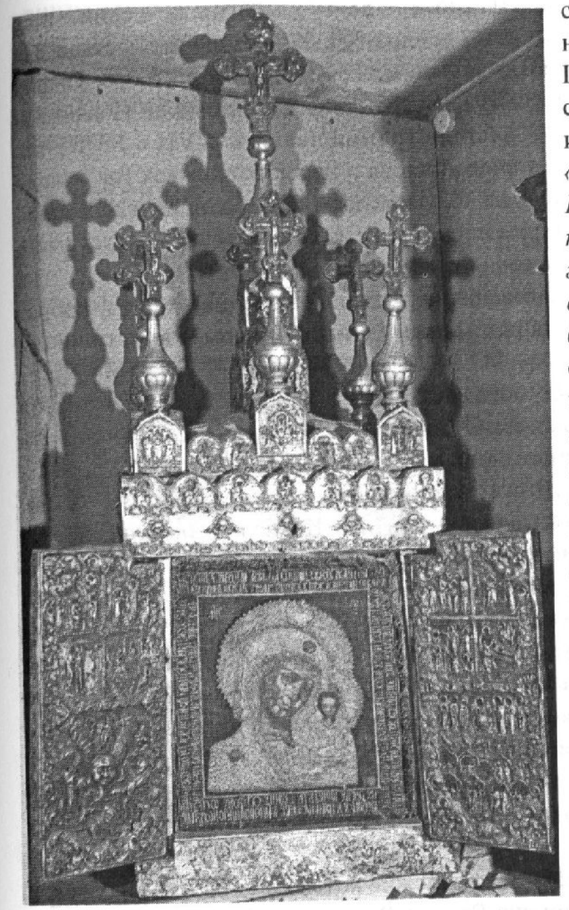
В том же 1674 г. боярин и оружейничий царя Алексея Михайловича Богдан Матвеевич Хитрово, в ведении которого долгие годы (1655—1680) находилась Оружейная палата Московского Кремля, приложил к иконе Богородицы Казанской в Преображенскую церковь небольшой (16,5 х 13,8 см) гравированный Казанский образ на серебряной позолоченной пластине с надписью на обороте:

«СІЮ ТАБЛИЦУ ПРИЛОЖИ(Л) КО W(Б)РАЗУ ПР(С)ТЫА // Б(Д)ЦЫ КАЗАНСКИА БОЯРИНЪ И ОРУЖЕЙНИЧЕЙ // БОГДАНЪ МАТВѢЕВИЧЬ, ЗОВОМЫЙ ІОВЪ // ХИТРОВО РПВ (Г) [7182-ГО] ГО(ДУ) ГЕНВАРА ВЪ ИІ [18] (ДНЬ)»

(КОКМ)[4] (рис. 2, 3). Этот резной образ на серебряной доске упомянут в описи Преображенской церкви 1800 г., в описании чудотворной Казанской иконы: *«на сребренной дске резной образ Казанския Пр(е)стыя Б(р)дцы; на нем венец и гривенка сребренные позлащены»*[5]. Подобная резная серебряная позолоченная пластина с изображением Богородицы Казанской, немного большая по размеру (21,7 х 18,1 см), в 1665 г. была приложена царем Алексеем Михайловичем и царицей Марией Ильиничной Милославской о здравии их сына Симеона к Казанскому образу собора Тулы (ГИМ)[6].

Об особом значении Казанского Калужского образа для Царской Фамилии говорит то, что главной вкладчицей в строительство каменного Преображенского храма 1709—1717 гг. с приделом во имя иконы Казанской Богородицы, явилась царевна Наталия Алексеевна, пожертвовавшая тысячу рублей. К чудотворному образу несли святые реликвии, драгоценные приклады. В 1800 г. благочинным Калуги, иереем Преображенской церкви Иоанном Сомсоновым была составлена опись Преображенского, под горой, храма (ГАКО)[7]. В это время чудотворный Казанский образ стоял в Казанском приделе Преображенской церкви (по приделу церковь часто называли Казанской), с южной стороны от Царских врат в большом, обложенном серебром, деревянном резном кузове-киоте, имеющем вид храма с семью главами: *«Чудотворный образ Казанския Пресвятыя Богородицы в киоте древянном обложенным серебром, позлащенном, на киоте семь глав с крестами древяннными сребром обложенными, киот внутри обит бархатом алым...»*[8]. Икона имела серебряный позолоченный оклад с камнями и жемчугом, а также приклады: *«на образе венец сребренной позлащенной, на нем вполовину обнизано жемчугом с одиннатцетью камнями, подниез жемчужная с каменьями и зернами, цата жемчужная с различными каменьями; по полям образа обнизано жемчугом с каменьями разных цветов маленькими, при образе четыре креста сребренных позлащенных на двух цепочьках, в том числе два с мощьми...»*[9]. К 1800 г. оклад иконы был уже ветхим, с осыпающимся жемчугом, о чем на полях листа описи была сделана приписка.

Ил. 3. Пластина. Казанская икона Богоматери. 1674 год. Москва. Вклад Б.М. Хитрово. Из Преображенской (Казанской) церкви Калуги. Калужский областной краеведческий музей. Оборот.



Ил. 4. Киот к Калужской Казанской иконе Богоматери. Первая четверть XVIII века (?), 1855 год. Калуга. Из Преображенской (Казанской) церкви Калуги. Калужский областной краеведческий музей.

Чудотворная Калужская Казанская икона не дошла до нас, ее вид известен лишь по фотографии[10]. Большой деревянный киот для святыни, отмеченный в описи 1800 г., сохранился (КОКМ)[11] (рис. 4). Он увенчан семью высокими главами с крестами. Внутренняя задняя часть киота имеет роспись в виде растительного орнамента с массивными стеблями, крупными цветками и бутонами, которую можно датировать началом—первой четвертью XVIII в. Аналогичные мотивы можно видеть, например, в росписях сундуков-теремков, датирующихся XVII в.[12] Видимо, киот был создан ко времени освящения каменного Преображенского храма и перенесению чудотворного образа в Казанский придел церкви. В 1855 г. проводились работы по реставрации киота, при этом старые обкладки серебра заменены новыми. Об этом говорит чеканная надпись в верхней части задней стенки киота: *«Сей киот возобновлен и вновь обложен серебром и позолотою при старосте Иоанне Вашкове и при протоиереях Николае Смирнове и Карпе Богданове мастером Иоанном Кудрявцевым 1855 г. Серебра 41 фунт»*[13]. На серебряных обкладках 1855 г. имеются клейма: 1. Герб Калуги. 2. «ФП» с датой «1855» — пробирного мастера Федора Погодаева (1855—1869). 3. «И.К» — мастера Ивана Адрианова Кудрявцева (1840—1870). 4. «84» — проба серебра. Мастер и ювелир золотого и серебряного дела, калужский мещанин И.А. Кудрявцев, имевший в Калуге мастерскую в собственном доме, работников и учеников, отмечен как мастер киота для Казанской иконы М.М.Постниковой-Лосевой[14]. Исследовательница считала мастера И.А.Кудрявцева стоящим *«значительно выше рядовых серебряников-ремесленников XIX века»*[15], отличающимся умением в создании композиций, а его изделия хорошими по качеству чеканки. К возобновлению киота могли относиться переделки отдельных деталей декора, например, глав.

Чеканные рельефные изображения почти полностью закрывают живописные композиции стен киота (красочный слой под потемневшим покрытием, с утратами). На лицевой стороне подиума центральной главы изображен главный храмовый праздник — Преображение

Господне. На венчающих частях основного объема киота — деисусный и пророческий чины, в основании глав — праздники и святые, то есть, воспроизведены чины иконостаса. На створах — главные Богородичные праздники и другие сюжеты. На левой створе: София Премудрость Божия, Воздвижение Креста, Зачатие Богородицы («Целование Иоакима и Анны»), Рождество Богородицы, внизу — распространившаяся в XVII—XVIII вв. аллегорическая композиция «Душа чистая» в виде Девицы в царских одеждах (на окладе около нимба монограммы Богоматери), стоящей на полумесяце рядом с солнцем и держащей сосуд. Слезами покаяния из него погашается греховное терние, смирением укрощается змий, постом — лев; небольшая фигура в пещере символизирует грешную душу.

На правой створе: Введение во храм, Благовещение, Покров, Успение, внизу — образ Всех святых. Таким образом, киот являлся образом храма с иконостасом и вместилищем иконы Богоматери.

В начале XX столетия чудотворная Калужская Казанская икона стояла в киоте под высокой деревянной резной сенью на витых колонках, что видно на фотографии, опубликованной в 1912 г.[16] Икона часто носилась по домам, а в киоте ставился другой образ. В настоящее время в нем помещен шитый Казанский образ XVIII в. (с живописными изображениями ликов), происходящий из Преображенской (Казанской) церкви (КОКМ)[17]. Возможно, он упоминается в описи 1800 г.: *«Образ Казанския Богородицы шитой сребром»*[18].

Сохранившийся Вязниковский Казанский образ (51 х 41 см), близкий по размерам Калужскому, ныне находится в Крестовоздвиженской церкви города Вязников[19]. По характеру живописи его можно датировать первой четвертью XVII столетия и отнести кисти старца Иоакима (икона требует реставрации). И в Вязниковском, и, насколько можно судить по фотографии, в Калужском образе сохраняется присущий ранним спискам с явленного Казанского образа «грекофильский» тип лика Богоматери с миндалевидными глазами и удлиненным носом. К признакам ранней иконографии можно отнести и двуперстный благословляющий жест Младенца Христа в отличие от именословного, распространившегося во второй половине XVII в.

Подобные особенности типа лика Богоматери прослеживаются на списке с Калужской Казанской иконы 1703 г. калужского иконописца Романа Родионова (ГИМ)[20] (рис. 5). На боковых полях вверху изображены архангел Рафаил и святая Анна пророчица, внизу — почитаемые в Калуге святые: преподобный Тихон (†1492) и юродивый Лаврентий (†1515). На нижнем поле надпись:

«АѴГ [1703] АВГУСТА 6І [15] ДЕНЬ НАПИСА(Л) СЕЙ ѠБРА(З) СЧЮДОТВОРНОЙ // ІКОНЫ КАЗАНСКО(Й) Б(Д)ЦЫ КОЛУЖЕНІ(Н) РОМАНЪ РОДІѠНОВЪ СНЪ»

Образ находился в Москве, в Никольском приделе храма во имя Нерукотворного образа Спаса на Божедомке в Охотном ряду, выстроенном в 1696 г. царицей Марфой Матвеевной в память о упокоении царя Феодора Алексеевича (церковь разрушена в 1928 г.). Кроме калужских святых на полях — Небесные Покровители заказчика[21].

Известны списки с Казанской Калужской иконы с клеймами Повести патриарха Ермогена о явленном Казанском образе. Одна из таких икон первой трети XVIII столетия создана, видимо, в Калуге (частное собрание)[22]. Под средником надпись:

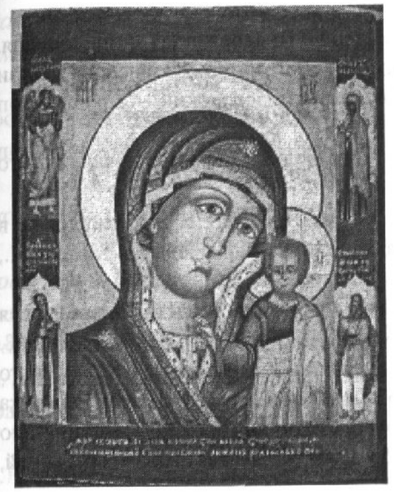
«ІСТІН(Н)ОЕ ІЗОБРАЖЕНІЕ ПОДОБІЕМЪ // І [МЕ]РОЮ ССАМОГО ЧЮДОТВОРНАГО ѠБР[] // [] КАЗА(Н)СКІѦ ПРЕ(С)ТЫѦ [БЦЫ] ЧТО ВКО//ЛУГИ СМИРН[]»

По сторонам — святители Гурий и Варсонофий Казанские в рост. Клейма (по четыре вверху и внизу) посвящены событиям явления и обретения в 1579 г образа Богородицы в Казани: 1. Явление иконы девице Матроне. 2. Явление иконы «страшным образом» девице Матроне в полуденное время. 3. Мать и девица приходят к воеводам. 4. Мать и девица приходят к архиепископу. 5. Обретение иконы девицей Матроной. 6. Девица поставляет икону на месте обретения. 7. Крестный ход во главе с архиепископом приходит на место обретения. 8. Поставление иконы в церкви Николы Тульского и исцеление слепца.

В храмах Калуги бытовали списки с чудотворного Калужского Казанского образа с надписью

внизу *«Истинное изображение и мера с чудотворнаго образа Казанския Пресвятыя Богородицы, что в Калуге, Смирных»*, такие иконы присылались и калужскими уроженцами из Москвы. Подобный список начала XIX в. (50 х 40,5 см) находится в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве (приобретен в частной коллекции). На нижнем поле иконы надпись:

«ІСТІННОЕ ІЗОБРАЖЕНІЕ ІМЕРА СЧЮДОТВОРНАГО ѠБРАЗА КАЗАНСКІѦ ПРЕСТЫѦ // Б(Д)ЦЫ ЧТО СЛЫВЕТЪ СМИРНЫХЪ ВКАЛУГЕ ПОТГОРОЮ БЛИЗЪ ОКѢ РЕКѢ»



Ил. 5. Калужская Казанская икона Богоматери. 1703 год. Роман Родионов. Калуга. Из церкви Спаса Нерукотворного на Божедомке в Москве. Государственный исторический музей.

Об особом почитании Казанского образа в Калуге говорит основание здесь в первой половине XVII столетии Казанского девичьего монастыря недалеко от Преображенской церкви. Из монастырской описи 1857 г. известно, что храмовая Казанская икона, стоявшая слева от Царских врат и украшенная серебряным позолоченным окладом с драгоценными камнями и жемчугом, имела клейма чудес[23]. К XVII в., видимо, относился Казанский образ в калужской Ильинской церкви[24]. Почитаемая Казанская икона находилась в храме Жен-мироносиц. По описи 1800 г. она стояла под деревянной резной сенью, в медном, с серебряными створами и короной, киоте и имела многочисленные приклады: кроме крестов и денежных монет упоминаются серебряные ухо, ножки, ручка, сердечки, ушки и глаз[25].

Значение Казанского образа Богородицы как символа Калуги выразилось в том, что он вместе с иконой Спасителя помещался на величественных триумфальных Московских воротах города[26].

[1] Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Казанской, что в г. Калуге, в Преображенской под горою церкви // Калужские епархиальные ведомости. 1863. № 18. Прибавления. С. 309—316; Никодим (Кононов), еписк. Калужская Казанская икона Божией Матери и памятники ея прославления. (Исторический очерк). Харьков, 1916. С. 7—39.

[2] Крестные ходы, ежегодно совершаемые в Калужской епархии с чудотворными и особо чтимыми свв. иконами // Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1916 год. Калуга, 1915. С. XX.

[3] Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. 2. С. 352.

[4] КОКМ инв. КЛ 2709 ф. 2—7.

[5] ГАКО Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 32. Описи имущества церквей города Калуги за 1800 год. Опись Преображенской церкви озаглавлена: «Опись Образам, утвари, различным и прочим вещам церкви Преображения Господня что под горою, учиненная по указу Его Императорскаго Величества и во исполнение определения Его Преосвященства Преосвященнейшаго Феофилакта Епископа Калужскаго и Боровскаго и ордена С. Анны перваго класса кавалера, благочинным города Калуги тоя ж церкви Иереем Иоанном Сомсоновым 1800 года».

[6] ГИМ инв. ок 4180.

[7] ГАКО Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 26—40.

[8] Там же. Л. 32.

[9] Там же.

[10] Пуцко В.Г. Ренессансные схемы русских икон Богоматери: Елецкая и Казанская // Никодим Павлович Кондаков. 1844—1925. Личность, научное наследие, архив. СПБ., 2001.С. 98. Ил. на с. 97.

[11] КОКМ инв. Кл 4132/1 ф.3—56. Общая высота 169 см. Ширина 60 см, глубина 50 см (внешние размеры).

[12] Просвиркина С.К., Жегалова С.К. Расписные сундуки XVII—XVIII веков // Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву / С.К. Жегалова, С.Г. Жижина, З.П. Попова и др. / Государственный исторический музей. М., 1967. С. 14—15. Ил. 9, 10.

[13] Цит. по: Постникова-Лосева М. М. Серебряных дел мастера. Калуга, 1961. С. 12.

[14] Постникова-Лосева, 1961. С. 12; Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV—XX вв. М., 1983. С. 163.

[15] Постникова-Лосева, 1961. С. 12.

[16] Смирнов П. Градо-Калужская Казанская чудотворная икона Божией Матери // Русский паломник. 1912. № 30. С. 462—463. Фото на с. 462.

[17] КОКМ инв. Кл 4132/2. 49 х 43 см.

[18] ГАКО Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 33 об.

[19] Маштафаров А.В. Вязниковская Казанская икона Божией Матери // Православная знциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 143—144; Чугреева Н.Н. О трех чудотворных иконах «Богоматери Казанской» в связи с пребыванием в России архиепископа Арсения Елассонского // Арсений Елассонский — архиепископ Суздальский: Сб. научных статей. Владимир, 2008. С. 89–92.

[20] ГИМ инв. И VIII 5265. Размер иконы (55 х 39,7 см) немного больше по высоте калужского первообраза.

[21] Скворцов Н.А., свящ. Церковь во имя Нерукотворного Образа Спасителя на Божедомке в Пречистенском сороке, более известная по приделу св. великомученицы Параскевы-Пятницы. М., 1904. С. 3. Табл. I. Опубликована фотография иконы в окладе.

[22] Шесть веков русской иконы. Новые открытия. Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Андрея Рублева /Авт.вступ. статьи и ред.-сост. Н.И. Комашко. М., 2007. Кат. № 52. С. 178. Ил. на с. 68.

[23] РГИА Ф. 834. Оп. 3. № 2652. Главная опись церковного и ризничного имущества Калужского Казанского Девичьего Монастыря. 1857 г. Л. 5 (размером 77,9 х 63 см). В приделе св. Алексея Человека Божия стоял Казанский образ «греческого» письма (80 х 67,5 см) в драгоценном окладе с финифтью 1839 г. (Там же. Л. 11 об.—12). В ризнице хранилась небольшая (22,5 х 18 см) Казанская икона в серебряной, без пробы, ризе, возможно XVII в. (Там же. Л. 47об.—48.).

[24] Малинин Д.И. Калуга. Опыт историческаго путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. Переизд.: Калуга, 2004. С. 134.

[25] ГАКО Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 45. Опись составлена благочинным кафедрального Троицкого собора протоиереем Иоанном Рыбниковым.

[26] Малинин Д.И. Калуга…, 2004. С. 71. Перед иконами на вратах теплились лампады. Масло для них было добровольным ежедневным пожертвованием калужан.

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНАХ КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА ТУЛЫ

***Л.Н. Дзиговская**, Комитет по делам архивов Тульской области ГАТО*

Для истории и культуры города вопрос об иконах Казанской Божией Матери в Казанской церкви г.Тулы не праздный. Мы будем рассматривать не искусствоведческий аспект, но историю бытования икон Богоматери Казанской в русском храме.

Исследование основывается на опубликованных трудах и документах ГАТО. Документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Тульской области, позволяют выявить новые факты, интерпретировать их, ввести факты в научный оборот, на основе фактов раскрыть особенности ментальности горожан.

Известна монография о Тульских храмах протоиерея Р.Р. Лозинского, в которой приводятся сведения о Казанской церкви. (1. С.28—29). Автор делает ссылки на статью священника А.Романова, опубликованную в журнале «Тульские епархиальные ведомости» за 1862 год. Статья содержит ссылки на копию с Писцовых книг, датированную 1687 г. Из текста копии с Писцовых книг узнаем, что каменная Казанская церковь построена в 1646

году. При ней по левую сторону был придел в два этажа: нижний — во имя архистратига Михаила, верхний — во имя преподобного Сергия Радонежского. Автор считает, что до 1646 г. Казанской церкви еще не было, вместо нее была церковь во имя Собора архистратига Михаила. Существуют иные предположения — И.Афремова и Андреева — что до 1646 г. Казанская церковь существовала, здание ее было деревянным (2. С. 12).

Строилась церковь Лукьяном Кирилловым, духовником царя Алексея Михайловича. Строилась на средства царя, на собственные келейные сбережения Лукьяна Кириллова, на пожертвования прихожан. Лукьян Кириллов скончался в Туле в 1667—69 гг. и погребен при Казанской церкви.

Казанская церковь *«в некоторых надписях на церковной утвари 17 века и бумагах консисторского архива 1771 г. называлась соборной,* — пишет А.Романов, — *между тем она издревле была приходской, о приходах ея говорит писцовая книга и много других позднейших бумаг разных годов»* (2. С. 13).

Здание церкви было разобрано в 1838 году и на том же месте воздвигнуто новое по проекту архитектора В.Федосеева. Новое здание церкви освящено в 1858 г. епископом Алексием.

Далее А.Романов пишет, что от Казанской церкви XVII века сохранился предалтарный иконостас, который первоначально был устроен в пять ярусов.

В копии с Писцовых книг сказано, что *над Царскими дверьми располагался образ Пресвятой Богородицы Казанской резной на серебряной «доске»* (курсив мой — *Л.Д.*), *«пожалован блаженныя памяти великий Государь и великий князь Алексей Михайлович и благоверная Государыня царица и великая княгиня Марья Ильинична в 173 (1665) годе»* (2.С. 5). Акцент: икона, гравированная на серебряной доске, в XVII веке находится над Царскими вратами.

По сведениям писцовых книг в Казанской церкви было три образа. Священник А.Романов в главе «Иконы, утварь и книги» перечисляет четыре иконы Казанской Богородицы:

«2. Храмовый образ Казанской Божией Матери, также употребляемый в крестных ходах и вообще весьма чтимый в Туле. По преданию он вклад царя Алексея Михайловича. Но в копии с Писцовых книг об этом ни слова. На нем серебряный позлащенный оклад и риза, богато унизана по золотому картону жемчугом, стразами и разноцветными камнями. Мера образа: в длину 1 арш. 13 верш., в ширину 1 арш. 5 $^{1}/_{2}$ верш.

3. Образ Пресвятыя Богородицы Казанской резной на серебряной дске, мерою длины 5 вершков, поперек полпята вершка, с надписью «сей святый образ пресвятыя Владычицы нашей Богородицы Великий Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея великия и малыя и белыя России Самодержец и его благочестивая царица и великая княгиня Мария Ильинична, для рождения и долголетнего здравия сына своего государева царевича и великого князя Симеона Алексеевича приложили ко образу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Казанской в Соборную церковь, что на Туле, лета 7173 (1665) июня в 29 день». На словах «приложили» и проч., вероятно, основано предание, что и храмовый образ Казанской Божией Матери их же вклад.

4. Образ Пресвятой Богородицы Казанской шит золотом и серебром по красному атласу, подпись и риза низаны жемчугом. Предание называет его вкладом царицы Натальи Кирилловны. Так значится он и в писцовой книге г.Сахарова, но в нашей «копии с писцовых книг» об этом нет ни слова.

10. Образ Казанския Божией Матери с надписью: *«Лета 7206 (1698) февраля 1 дня смиренный Маркел, митрополит Казанский, послал сей святый образ на поклонение всем православным христианам в град Тулу по своему обещанию и по родителей своих в вечное поминовение. А сей святый образ списан с чудотворного образа Казанской Пресвятый Богородицы, в сущее подобие и меру. А быть сему образу неотносно в церкви Казанския Богородицы, строения государева духовника, протопресвитера Лукиана Кириллова. Мера образу 6 $^{1}/_{2}$ и 5 $^{1}/_{2}$ вершков»* (2.С. 15—16).

Документы, хранящиеся в ГАТО по фонду «Тульская духовная консистория», позволяют проследить события, происшедшие с отдельными иконами.

В начале зимы 1859 г. протоиерей Михаил Прудовский рапортовал в Тульскую духовную

консисторию о прошении прихожан Казанской церкви: сделать на собственные средства новые серебряные ризы на образ Казанской БМ *«с добавлением к тому старой ризы с иконы архангела Михаила»*. Документ позволяет уточнить местонахождение икон — обе иконы помещались *«в иконостасе придельного храма во имя Архистратига Михаила»* (3.Л. 1—2).

Декоративное обрамление икон менялось, оклады обновлялись.

Весной 1890 г. появилась возможность украсить местную храмовую икону Казанской Божией Матери, находящуюся в иконостасе, новой ризой. Оклад выглядел следующим образом: *«Настоящая риза на сей иконе, почитаемой издавна чудотворною, устроена — как значится и по описи церковной — так: над главою Богоматери и Предвечного Младенца венцы, равно как и поля кругом Образа — серебряные, позлащенные, чеканной работы. Убрус на главе Богоматери и одежда ея, как и на Предвечном Младенце, шиты серебром по золотой фольге, и унизаны жемчугом, большею частью мелким, с прибавлением по местам — средней и довольно крупной величины. При том вся риза и венцы украшены по местам разного цвета камнями, стразами и другими, но драгоценных камней в том числе нет ни одного»* (4.Л.1).

Далее церковный староста сообщает, что о времени устройства ризы сведений нет, по отзывам старожилов, относят это устройство к концу первой четверти XIX столетия. К концу века ризы обветшали: *«...образуется то понижение убруса, то помятость в одежде, или порывается местами фольга, или отрываются нити, связующие жемчуг». «Подобное обветшание ризы оказывалось и прежде: лет 25 назад риза была возобновляема в Тульском женском монастыре...»* (4.Л.1).

На собрании прихожан, по случаю выбора церковного старосты, было объявлено о предложении Почетного прихожанина тульского купца Д.Я. Ваныкина об устройстве новой ризы из металла.

Из документа узнаем, что старую ризу предполагали перенести на другой образ: копию с чудотворной, не имеющую риз. *«Эта икона обыкновенно замещается в иконостасе, когда чудотворная износится для крестных ходов, а в прочее время находится вместе с иконою Спасителя в особо устроенном киоте»* (4. Л. 2).

Тульская духовная консистория обратилась за консультацией к члену Императорского Московского Археологического Общества, профессору ТДС Н.И.Троицкому. В докладной записке ученый изложил сведения по интересующим консисторию вопросам относительно стиля письма, орнаментов, древности, качества риз и проч.

Данная ситуация послужила материалом для статьи Н.И.Троицкого «Возобновление Казанской иконы Пр. Богородицы, находящейся в Казанской церкви г.Тулы», опубликованной в «Памятной книжке Тульской губернии на 1890 год». Впоследствии автор включил статью в монографию о Тульском Успенском женском монастыре.

В мае 1890 г. староста Казанской церкви доносил в Тульскую духовную консисторию об исполнении указа: риза Казанской БМ и Младенца-Христа шита жемчугом по красному атласу. Вся икона украшена сребропозлащенным окладом чеканной работы, исполненным московским фабрикантом Хлебниковым. Затемненный Св. лик БМ промыт, нижняя часть его залевкашена и закрыт слюдою. Работа производилась в самом храме в свободное от богослужений время, исполнена московским художником-иконописцем Щепетовым. Перед реставрацией икону фотографировал Кантер, знаменитый тульский фотограф. Три снимка взял Н.И.Троицкий.

Тульскому купцу Д.Я. Ваныкину возобновление иконы обошлось в семь тысяч сто двадцать четыре рубля. Благотворитель выразил признательность за исполнение его пожелания. Документ содержит автограф купца Д.Я.Ваныкина.

Данные документы дают текстовую характеристику декоративного исполнения окладов и одновременно демонстрируют должное, почтительное, отношение к иконам.

Следующее дело «О пропаже из Казанской г.Тулы церкви церковных вещей, значащихся в церковной описи» переносит нас в 1903 г. При проверке церковного имущества не оказалось нескольких вещей, значащихся по описи, составленной в 1895 г. Опись хранится в ГАТО. Под № 22 значилась дароносица серебряная. (*«Дароносица та стояла без употребления под стеклянным колпаком на престоле в левом приделе храма рядом с ковчегом»*).

Под № 25 кадило серебряное с надписью *«Лета 7170 июня в 1 день Великий Государь*

и Великий Князь Алексей Михайлович всея России Самодержец пожаловал сие кадило в церковь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии святаго ея образа Казанския на Тулу в Соборъ».

Под № 123—124 две иконы Казанской Божией Матери — первая мерою в шесть вершков, на серебряной доске, резной работы с надписью и второй образ шитый серебром, а слова М.Р.Ф.У. и И.Х.С. низаны жемчугом. На обороте тропарь заступнице шитый серебром. Все вещи хранились в ризнице без всякого употребления (5.Л. 3—3об).

Виновником утраты оказался священник Александр Лебедев. Из объяснения Лебедева: *«икона, считавшаяся царскою и полагавшаяся всегда на аналое в храмовые праздники для благоговейного лобызания верующих, была обыкновенная, небольшого размера, в серебряном окладе с изображением Казанской Б.М., а пропала она лет 15 тому назад. Пропажа эта вызвала в то время искреннее сожаление всех, знавших ее высокое происхождение, в особенности бывшего настоятеля протоиерея Зеленецкого, который при бывших в то время членах причта высказывал сожаление, именно как о царском даре. \...\ Что же касается иконы на металлической досточке, с гравированным изображением Б.М. и с какою-то неразборчивою надписью под ним, то она никогда не считалась царскою и не представлялась замечательною в каком-либо отношении, тем более, что и внешний вид ее не представлял чего-либо ценного ни по материалу, из которого она была сделана, ни по художеству рисунка— потемневшая металлическая дощечка без всякой пробы, вделанная в деревянную доску, с изображением по бокам каких-то святых, с полинявшими ликами, с отвалившимся почти повсюду левкасом и клочками холстины.* ***Да и хранилась она не как редкость, в смысле дорогого дара Высочайшей особы, а как обыкновенная, вышедшая из употребления по своей ветхости, икона. Почему даже не имела для себя определенного места, а лежала вместе с другими не имеющими особой ценности маленькими иконами, то в одном, то в другом всегда отпертом шкафе*** (выделено мной — *Л.Д.*). *Припоминается о.Лебедеву, что несколько лет тому назад в то время, когда по окончании литургии, он собирался идти с иконою, явился в церковь какой-то приезжий скупщик ветхих облачений и обратился к о.Лебедеву с просьбой продать что-либо из ветхого облачения. Т.к. настоятель церкви в то время был в отпуске, то о.Лебедев не вошел с скупщиком ни в какие переговоры, а сказал, что ничего продажного у него нет. Во время разговора скупщик увидел эту икону, стоявшую на окне вместе с другими, попросил уступить хотя бы эту икону. Не придавая особого значения сей иконе, никогда при богослужениях не употреблявшейся и не считавшейся какой-либо древностью, о. Лебедев согласился исполнить его просьбу и не назначил даже за нее какой-либо определенной цены, а предоставил ему, по усердию своему, опустить что-либо в кружку»* (5. Л.3—4).

Началось следствие по делу о пропавших церковных ценностях.

За консультацией обратились к знатоку церковных древностей профессору Н.И.Троицкому. Стоимость иконы оценили в 1000 руб. Дело получило огласку. Откликнулись московские газеты. Святейший Синод контролировал ситуацию. В конце августа 1904 г. некий А.А.Титов сообщил о появлении на Нижегородской ярмарке разыскиваемой иконы. Тульской духовной консисторией икона была получена 8 сентября.

Многое в документах данного дела настораживает и образ простоватого священника при внимательном прочтении выглядит не столь бескорыстным, но суть не в том. Сохранность церковного имущества контролировалась, периодически сверяли по описи наличие церковных древностей. Священникам регулярно повторяли о необходимости отбора старинной церковной утвари для церковно-археологического кабинета. Существовали книги с описью церковного имущества, эти книги с описью до сих пор хранятся в фондах ГАТО. Однако отношение священников к иконе — святому образу — было вопиюще материалистичным и бездуховным: ценность образа зависела от того, чей это дар — царский или нет. Это тема для отдельного исследования и заслуживает внимания.

В настоящее время на втором этаже Всехсвятского собора в Туле на столпе в южной части храма помещена икона Казанской Богоматери, под ней помещалась табличка с надписью, что данная икона из Казанского собора. Со временем табличку убрали. Оклад на образе чеканный, серебряный, венцы золоченые. Несомненно, оклад изменился и какой именно из перечисленных живописных образов на дереве помещается в храме — остается гадать. Судьба остальных икон автору неизвестна.

47 Зак. 2219

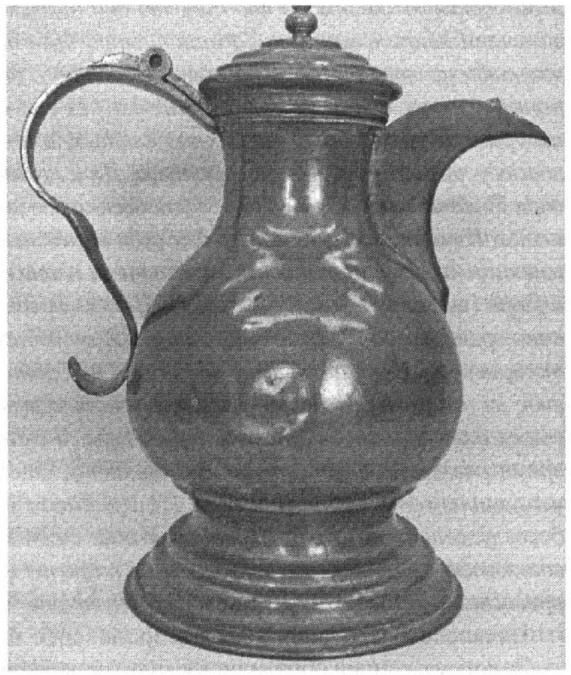
Источники и литература

1.Лозинский Р.Р. Страницы минувшего. Тула. 1979—94 г.
2. Тульские епархиальные ведомости. 1862. № 3—4.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 3185.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д.4046.
5.ГАТО. Ф. 3. Оп. 11.Д. 3288.

ПОСУДА И БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***Т.М. Хохлова**, зам. ген. дир., Калужский областной краеведческий музей*

В собрании КОКМ находится небольшая коллекция предметов из медного сплава, изготовленная на уральских заводах Демидовых и И.П.Осокина. Эти предметы предназначались рабочим заводов и находили спрос только в Уральском регионе. Позднее некоторую их часть вывозили на продажу в другие области России и за границу. Предметы из собрания нашего музея прежде находились в Музее при КУАК и, возможно, собирались как единая коллекция в связи с тем, что в Калужской губернии работали заводы, принадлежавшие Демидовым. Только после объединения музеев в 1920-е гг. некоторые из них попали в Губмузей и в Музей «На благое просвещение».



Ил. 1. Кувшин. Урал, Демидовские мастерские. 1751 г.

Большая часть предметов имеет клейма заводов, мастеров; на демидовских изделиях, кроме того, есть клейма досмотрщиков. Имена мастеров и досмотрщиков остались неизвестными, расшифровано только клеймо Федота Киселева «МФК». Все мастера изготавливали утварь в стиле барокко и рококо с 1740 по 1770-е гг. Орнамент наносился различными чеканами: в высоком рельефе, низком, плоское изображение, и выделить характерную технику исполнения какого-то мастера невозможно. Мало того, на демидовских заводах могли изготавливать предметы, по форме аналогичные предметам осокинских заводов, например, шкатулки. Среди утвари демидовских заводов шкатулки такой формы не выпускались. Немногочисленные предметы без маркировки трудно соотнести с каким-либо уральским заводом.

Кувшин для теплоты с грушевидным туловом, низкой цилиндрической шейкой и клювовидным носиком с накладной пластиной с прямым вырезом, на профилированном основании. Крышка низкая профилированная на шарнире, с фигурной пуговкой-прихватом. Ручка плоская S-видная. Внутренняя поверхность и дно луженые. На дне — прямоугольные клейма: «SIBIR», «МГС», «1751». Урал, демидовские мастерские. 1751 г. Медный сплав, ковка, токарная обработка, пайка, лужение. 29,4 х 26,5 х 17,2. Поступил из Губмузея в 1920-е гг. Кл 4436, М-933 [1] (ил. 1).

Кувшин с грушевидным туловом, украшенным чередующимися гладкими и орнаментированными «ложками»; с низкой граненой шейкой и клювовидным носиком с накладной треугольной пластиной на шарнире, на профилированном 8-гранном основании. Крышка высокая

Ил. 2. Кофейник. Урал, Суксунский завод Г.А.Демидова. 1760-е гг.

на шарнире, с фигурной пуговкой-прихватом. Ручка плоская S-видная. Крышка, шейка и тулово украшены рельефными раковинами, завитками, листьями по фактурной поверхностной расчеканке. Внутренняя и все гладкие поверхности снаружи луженые. На дне — прямоугольные клейма: «SIBIR», «МФК», «1763». Урал, Суксунский завод Г.А.Демидова, мастер Федот Киселев. 1763 г. Медный сплав, ковка, чеканка, токарная обработка, пайка. лужение. 34,7 х 23,8 х 19. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3834, М-670 [2].

Кувшин с грушевидным туловом, с клювовидным носиком, с колоколовидной крышкой. Вся поверхность крышки и тулова украшена растительными побегами в подпрямоугольных резервах. На поддоне — 4-лепестковые розетки. Клейма на дне: «МІН», «ДАД». Урал, Суксунский завод Г.А.Демидова. 1760-е гг. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, токарная обработка, лужение. 30 х 18 х 19,8. Поступил из Губмузея в 1920-е гг. Кл 3866, М-7020 [3].

Кофейник с 8-гранным туловом и основанием, с клювовидным носиком с треугольной пластиной на шарнире, с высокой крышкой, ручка сложной формы с пальметтообразным упором для пальца, с раздвоенным черенком. На крышке и гранях — орнамент в виде раковин, завитков, листьев аканта. Луженые снаружи и внутри. На дне — клейма: «SIBIR», «МФК», «1762». Урал, Суксунский завод Г.А. Демидова, мастер Федот Киселев. 1762 г. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, литье, токарная обработка, лужение. 27,4 х 24,2 х 13,4. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3811, М-648 [4] (ил. 2).

Ил. 3. Стопа. Урал, Суксунский завод Г.А.Демидова. 1768 г.

Четвертина с цилиндрическим туловом, профилированным основанием, с завинчивающейся пробкой. Тулово украшено цветочными побегами. На дне — клейма: «SIBIR», «МФМ» (?), «1752». Урал, Суксунский завод Г.А. Демидова. 1752 г. Медный сплав, ковка, гравировка, канфарение, литье, пайка. 26,8х16,2. Поступила из Губмузея в 1920-е гг. Кл 3831, М-667 [5].

Стопа с крупным рельефным орнаментом: птица на цветке и на раковине, вокруг — раковины. Внутри и снаружи луженая. На дне — клейма: «ДАД», «МАМ», «1768». Урал, Суксунский завод Г.А.Демидова. 1768 г. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, лужение. 17 х 11,8. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 4433, М-930 [6] (ил. 3).

Стопа на ступенчатом основании, с крышкой. На тулове рельефный орнамент с изображением птицы на побеге аканта, вокруг — раковины, завитки, листья аканта. На крышке такой же орнамент. На дне — клеймо: «И О Ю З». Урал, Юговский завод И.П.Осокина. 1760—1770-е гг. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, токарная обработка, лужение. 23 х 11,4. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3908, М-742 [7].

Стопа на широком основании с врезными поясками. Тулово украшено поясками с наклонными линиями, сетчатым орнаментом и врезными линиями. Внешняя поверхность основания луженая. Урал (?). 1770-е гг. Медный сплав, ковка, накатка, пайка, лужение. 17,6 х 11,6. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3777, М-615.

Стакан с рельефным изображением птицы на раковине, двух дельфинов среди завитков и раковин и птицы, клюющей завиток. Внутри и снаружи луженый. Урал. 1750—1760-е гг. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, лужение. 7,2 х 8,1. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 4430, М-927 [8].

Стакан с рельефным изображением вензеля императрицы Екатерины II и двуглавого орла под короной, со скипетром и державой в лапах. Вокруг — раковины и акантовые листья. Внутри и снаружи луженый. На дне — клеймо: «МСѲ». Урал, Суксунский завод (?), Демидовские мастерские. 1760-е гг. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, лужение. 7,3 х 6 х 6,5. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3942, М-771 [9].

Кружка с цилиндрическим туловом, с профилированной крышкой, крепящейся к ручке шарниром. Тулово украшено симметричным орнаментом в виде крупных цветов с «ягодами». На крышке — пояски зубчатого орнамента, выполненного треугольным чеканом и лиственного побега с «ягодами». Внутри луженая. На дне — клейма: «SIBIR», «ММЛ» (?), «1748». Урал, Демидовские мастерские. 1748 г. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, токарная обработка, лужение. 19,8 х 15,6 х 21. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3798, М-635 [10].

Чаша суповая овальная, на 4 ножках-волютах, с крышкой в виде опрокинутого блюда. На крышке и тулове — орнамент в фигурных медальонах: акантовые побеги с листьями. Навесные ручки. Луженая. На дне — клейма: «SIBIR», «МНА», «1762». Урал, Демидовские мастерские. 1762 г. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка, литье, лужение. 16 х 35,3 х 24,5. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3877, М-713 [11] (ил. 4).

Чайница кубическая с плоской крышкой. Внутри луженая. Возможно, из дорожного ларца-погребца. Урал. 1750—1760-е гг. Медный сплав, ковка, пайка. 9,7 х 8,3 х 8,7. Поступила из Губмузея в 1920-е гг. Кл 3788, М-625 [12].

Чайница кубическая с плоской крышкой. Внутри луженая. Возможно, из дорожного ларца-погребца. Урал. 1750—1760-е гг. Медный сплав, ковка, пайка. 9,3 х 8,6 х 8,1. Поступила из Музея «На благое просвещение» им. Рыжичкина в 1920-е гг. Кл 2801, М-576 [13].

Чаша сферическая на кольцевом основании. По верхнему краю стенок украшена орнаментом из аканта и завитков. Урал. 1750—1760-е гг. Медный сплав, ковка, чеканка, пайка. 7,8 х 15,7.

Ил. 4. Чаша суповая. Урал, Демидовские мастерские. 1762 г.

Ил. 5. Чаша сферическая. Урал. 1750–1760-е гг.

Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 2816, М-586 [14] (ил. 5).

Ендова гладкая, с носиком-желобком, на трех ножках. Урал. Сер. XVIII в. Медь, выколотка, ковка, лужение.17 х 30,5 х 41,8. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3828, М-664 [15].

Ендова гладкая, с носиком-желобком, на трех ножках. Урал. Сер. XVIII в. Медный сплав, выколотка, ковка, клепка, лужение.15,5 х 29 х 39. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3917, М-751 [16].

Ендова гладкая, с носиком-желобком, на трех ножках. Урал. Сер. XVIII в. Медь, выколотка, ковка, лужение.16,4 х 29,3 х 40,5. Поступила из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3819, М-656 [17].

Ил. 6. Рукомойник. Урал, Суксунский завод, Демидовские мастерские. Сер. XVIII в.

Рукомойник гладкий с двумя носиками, с откидной высокой крышкой, с перекидной ручкой с кольцом для подвешивания. Нижняя часть тулова украшена горизонтальными линиями. Внутри луженый. Клеймо на крышке: «МІП». Урал, Суксунский завод, демидовские мастерские. Сер. XVIII в. Медный сплав, ковка, литье, пайка, лужение. 24,4 х 30,5 х20. Поступил из музея при КУАК в 1920-е гг. Кл 3839, М-675 [18] (ил. 6).

Шкатулка прямоугольная с гладкой поверхностью. На крышке — овальный выступ под ручкой. У замочной скважины — просечная личина. Внутри луженая. На дне — клеймо: «SIBIR», «1753», прочерчено: «МИИ». По форме близка шкатулкам Иргинского завода И.П.Осокина. Урал, Демидовские мастерские. 1753 г. Медный сплав, ковка, просечка, литье, пайка, лужение. 17,5 х 26,2 х 19,2. Поступила в 1920-е гг., возможно, из музея при КУАК. н/в 4318[19] (ил. 7).

Ил. 7. Шкатулка. Урал, Демидовские мастерские. 1753 г.

Примечания

[1]Петрова Л.А. Медный век России. Художественная медь Урала 1730—1770. М., 2004. С. 46. №№ 24, 25; С. 124.

[2]Там же. С.59. № 71; С. 127.
[3]Там же. С.77. № 149; С. 124.
[4]Там же. С.60. № 75; С. 127.
[5]Там же. С.127.
[6]Там же. С. 123.
[7]Там же. С. 85. № 200; С. 127.
[8]Там же. С. 103. № 269.
[9]Там же. С. 77. №№ 134, 145; С. 126.
[10]Там же. С. 43. № 7; С. 125.
[11]Там же. С. 59. № 64; С. 73. № 113; С. 126.
[12]Там же. С. 99. № 235.
[13]Там же. С. 99. № 235.
[14]Там же. С. 107. № 299.
[15]Там же. С. 80. № 163; С. 84. № 191.
[16]Там же. С. 80. № 163; С. 84. № 191.
[17]Там же. С. 80. № 163; С. 84. № 191.
[18]Там же. С. 46. № 29; С. 125.
[19]Там же. С. 81. №№ 168, 169. В каталоге таких инициалов мастера нет. Возможно, инициалы пытались подделать.

ПОРТРЕТЫ ЕКАТЕРИНЫ II В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ: К ПРОБЛЕМЕ ПОДЛИННИКА И КОПИИ В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XVIII ВЕКА

***С.И. Личенко**, кандидат искусствоведения, зав.отд.,*
Калужский областной художественный музей.

Тема «Екатерина II и русская культура второй половины XVIII века» приобретает особую значимость в российском культурном пространстве с 1990-х годов. Своеобразным инициатором в этом процессе становится грандиозный выставочный проект Государственного Эрмитажа (ГЭ) «Екатерина Великая» и Международная конференция в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796), к 275-летию Академии наук[1]. Начало комплексного научного осмысления, свободного от регламентированных социальных установок, указанной темы было положено изданием выставочного каталога и материалов конференции, освещающих основные аспекты культурной жизни екатерининской эпохи[2].

В отечественной изобразительной традиции образ Екатерины II представлен обширным художественным комплексом, который составляют оригинальные и копийные произведения. Собрание живописи Калужского областного художественного музея включает четыре портрета с изображением Екатерины II[3]. По инвентарным данным они приписываются кисти неизвестных мастеров. Научная интерпретация обозначенного художественно-предметного комплекса, которая заключается в выявлении оригинальных и копийных произведений и определении иконографического типа изображения, и составляет задачу данного исследования. Иконографический диапазон портретов Екатерины II в русском изобразительном искусстве достаточно обширен: от мудрой законодательницы Левицкого до «казанской помещицы» Боровиковского. Он включает также произведения россики и т.н. костюмированный портрет (в гвардейском мундире, в дорожном костюме, в образе купчихи и т.д.). Истоки этой традиции следует искать в россике, в которой практически были заложены основы типологии образа Екатерины II. Именно в россике XVIII века в корпусе работ с изображением Екатерины II сложился во многом канонический иконографический тип И.Б.Лампи Старшего (ил.1), имевший огромное влияние на формирование иконографии императрицы. Речь идет о портрете императрицы с аллегорическими фигурами Сатурна и Истории (1793) кисти И.Б. Лампи Старшего из собрания ГЭ, эскиз портрета — в собрании Государственного Русского музея (ГРМ)[4].

Ил.1.

Оригинальное произведение представляет собой тип парадного представительного портрета с аллегорическими фигурами Сатурна и Истории. Императрица изображена в рост, на возвышении, под балдахином в торжественном облачении с лентами орденов Андрея Первозванного, св. Георгия 1-й степени и св. Владимира 1-й степени, в соответствующем образу величественном интерьере, где каждый изобразительный мотив несет на себе определенную символическую нагрузку. По своей идейной составляющей — это живописная программа портретной живописи классицизма. История создания портрета известна в изложении Н. Врангеля. В январе 1792, будучи уже при дворе Екатерины II, художник в течение восьми сеансов пишет портрет императрицы, но та постоянно вносит свои коррективы, и художник делает много эскизов (один из них — в ГРМ) и вариантов. Таким образом, сам портрет был готов только в 1793 году [5]. Официальное одобрение императрицы придало этому портрету статус некоего канона, и с него выполнялись многочисленные копии. Наиболее известными и близкими к оригиналу являются копии одноименного эскиза кисти Анисима Белоусова и Федора Богневского, выполненные в 1796 году по заказу Екатерины II и представленные в настоящее время в собрании ГРМ [6]. Копия Ф. Богневского, вероятно, представляет собой тот самый портрет Екатерины «малого» размера, за который было уплачено 500 рублей, и который был подарен Муртазе Кули-хану Гилянскому. После его смерти в 1800 году портрет был возвращен в Кабинет Ее Императорского Величества[7].

Ил.2.

В данный типологический ряд органично вписывается портрет из собрания Калужского областного художественного музея (КОХМ)[8] (ил.2). «Портрет Екатерины II» из собрания КОХМ — репрезентативный по идейной программе, парадным аксессуарам и символам. В портрете, в отличие от оригинала И.Б. Лампи и обозначенных копий, отсутствуют аллегории Сатурна и Истории на первом плане, но более четко обозначены на третьем плане аллегорические фигуры Истины с зеркалом в руках и Крепости с колонной[9]. Перед троном, на возвышении-постаменте под балдахином изображена Екатерина со скипетром в правой руке, левая указует на стол (жертвенник) с книгами. Императрица изображена в рост на фоне пышных красно-бордовых драпировок, в горностаевой мантии, светлом атласном платье, жилете и поясе, расшитыми серебром, с орденскими лентами. На третьем плане за отдернутыми драпировками — колоннада с

аллегорическими фигурами Истины с зеркалом в руке и Крепости с колонной.

По своей типологии это аллегорический портрет с актуальной для эстетики XVIII века определенно заданной идеологической программой и соответствующими художественно-стилистическими характеристиками. Идейная составляющая образа коренится в классицизме и соответственно в эстетике эпохи Просвещения — это образ просвещенной и мудрой правительницы. Ибо, по определению Д. Дидро «Каждое произведение ваяния или живописи должно выражать собою какое-либо великое правило жизни, должно поучать зрителя, иначе оно будет немо»[10]. Так образ Екатерины априорно определяется «гражданской должностью» (Императрица) и соответствующим ей набором добродетелей (Мудрость, Слава, Истина и т.д.). В этом аспекте многое сближает портретное изображение в живописи с репрезентацией персонажа в изящной словесности, публицистике, эпистолярной практике XVIII века[11]. Достаточно хрестоматийна в данном случае литературная ассоциация с Фелицей Г. Державина. Многочисленные копии знаменитого портрета разошлись по усадебным портретным галереям, в том числе и в Калужской губернии. В дальнейшем они во многом случайно были рассредоточены по различным собраниям, в частности, КОХМ и КОКМ[12].

Ил. 3.

Оставаясь каноническим и программным, портрет 1793 года И.Б. Лампи Старшего послужил исходным материалом и для самого автора. Так в 1793, 1794 гг. И.Б. Лампи Старший выполняет несколько погрудных вариантов с указанного произведения, один из которых находится в ГРМ[13] и является оригиналом, с которого сделана калужская копия портрета. Визуальное сравнение двух произведений (ил.3.)[14] приводит к выводу о том, что калужская работа является копией с портрета И.Б. Лампи Старшего и не относится к иконографическому типу Д. Левицкого, как то указано в инвентарях[15]. Работа поступила в музей в 1919 г. из имения Кашкиных «Нижние Прыски» Козельского уезда Калужской губернии, о чем сообщается в музейных инвентарях. По своим художественным характеристикам это в большей степени камерный портрет, однако, не утративший определенной представительности. Выполнение погрудных вариантов с парадных репрезентативных императорских портретов в российском культурном контексте второй половины XVIII века было продиктовано не художественными запросами, а социальными причинами.

Ил. 4.

Определение иконографического типа в копийных портретах Екатерины является важнейшей составляющей исследования,

Ил. 5.

поскольку от этого зависят и стилевая принадлежность, и художественные характеристики произведения. Иногда типология копийного портрета являет собой некий симбиоз различных подлинников.

Примером подобных типологических наслоений является изображение в одном из портретов Екатерины II (ил. 4)[16] из собрания КОХМ. Это камерный портрет, композиционно решенный как погрудное изображение в овале, вписанном в прямоугольник. Императрица изображена в горностаевой мантии, с орденом Андрея Первозванного (лента и звезда), на голове — малая корона. Проследим складывание типологии изображения в калужском портрете. Наиболее близкими к калужскому по типологии изображения являются портреты императрицы 1765 и 1772 гг. кисти Генриха Бухгольца, немецкого живописца, работавшего в России с начала 1760-х годов[17]. По мнению составителей каталога ГРМ, Г. Бухгольц при написании портретов императрицы ориентировался на иконографический тип В. Эриксена (1762, ГЭ)[18]. По мнению автора, типология калужского портрета, в то же время, несет на себе характерные черты портрета императрицы кисти Д.Г. Левицкого из ГРМ (1782)[19]. Иконографический тип Левицкого в портрете Екатерины II (1782) сформировался под непосредственным влиянием портретов В. Эриксена (1762, ГЭ), Г. Бухгольца (1765, ГРМ). Научная традиция и художественная практика Левицкого предоставляет материал о последовательном влиянии на творчество русского художника известных мастеров россики XVIII, в том числе И.Б. Лампи Старшего, В. Эриксена. Г. Бухгольца.

Таким образом, иконографический тип калужского портрета по ракурсу и чертам лица, а также аксессуарам являет собой сочетание типологических наслоений подлинных портретов императрицы кисти В. Эриксена (1762, ГЭ), Г. Бухгольца (1965,1772), Д. Левицкого (1782), наиболее близким которому является тип Г Бухгольца (ГРМ, 1972).

Нередко живописные копии портретов императрицы выполнялись с гравюр. Это происходило в тех случаях, когда живописные оригиналы были малодоступны, а гравюры имели более широкое распространение. Один из портретов музейного собрания и представляет собой подобное художественное явление (ил.5)[20].

По инвентарным данным портретное изображение идентифицируется, как «вольная копия с Рокотова», что не соотносится с иконографией Рокотова[21] и подтверждается при простом визуальном сравнении. Наиболее близким к калужскому портрету по типологии изображения является портрет кисти английского живописца Э.Ф. Куннингэма, выполненный между 1781 и 1783 гг., и известный в России по гравюрам английского гравера Чарльза Таунли (1746—около 1800)[22] (ил. 6.).

Таким образом, калужский портрет Екатерины является живописной копией, исполненной неизвестным художником с гравюры Чарльза Таунли, которая в свою очередь была выполнена с живописного оригинала английского художника Э.Ф. Куннингэма, между 1786—1789 гг. Датировка идет по времени создания гравюры.

Интерес к английской изобразительной традиции в русском культурном контексте XVIII века был инициирован приездом в начале 1770-х—1780-е гг. в Петербург из Англии и пребыванием в России целого ряда портретистов и, в частности, Р. Бромптона (с 1780 по 1783) и Э.Ф. Куннингэма (с 1781 по 1783), что способствовало возникновению в русской портретной живописи «энглизированных» малоформатных изображений в рост на пейзажном фоне типа «портреты-собеседования» или «портреты-прогулки», развивало типологию парадного представительного портрета[23]. Эдуард Куннингэм (1741/1742—1793), пользовавшийся псевдонимом Франческо Кальзо, приехал в Россию в свите герцогини Кингстон в один из ее

49 Зак. 2219

визитов в Петербург (1781), где оставался до лета 1783. Он поддерживал дружеские отношения с соотечественником, придворным художником Екатерины II Р. Бромптоном. За время пребывания в России он исполнил парадный портрет Екатерины II, восходящий к иконографическому типу А. Рослина, и известный только по гравюрам Чарльза Таунли. Сведений о работах художника т.н. русского периода крайне мало[24], его живописные оригиналы неизвестны. Сохранившиеся копии (в КОХМ и ГИМе) выполнены с гравюры Ч. Таунли.

Ил. 6.

Таким образом, художественно-предметный комплекс с изображением Екатерины II из собрания КОХМ представляет собой копии XVIII века. Художественный текст портретных изображений адаптирует определенные канонические типы. Его иконографический тип складывался из оригинальных произведений россики и отечественной живописи. Живописная практика копийного портрета XVIII века обыкновенно инициировалась социальным заказом. Высокий профессиональный уровень копийной живописной продукции и своеобразие социальной адаптации определили ее художественное и историческое значение в наши дни.

Типология портретов Екатерины II проистекала из эстетики классицизма. Это обусловило жанр парадного репрезентативного, аллегорического портрета «мудрой просвещенной Правительницы» с соответствующими символическими атрибутами, разработанными в системе классицизма. Официальное одобрение императрицы придало этому типу портрета статус каноничного, и с него выполнялись многочисленные копии. При этом в историческом отборе типа изображения приоритетным было мнение самой императрицы. Изготовление копий с образцового произведения также осуществлялось по распоряжению императрицы.

Наличие копийного императорского портрета являлось традицией при формировании официальной части картинных галерей российских помещичьих усадеб XVIII—первой половине XIX вв. В искусствоведческих кругах отношение к копии всегда было достаточно традиционное. При этом в современном искусствознании последовательно складывается опыт культурологического научного исследования императорского портрета, в котором обозначенный (копийный) художественно-предметный комплекс анализируется как социокультурное явление[25].

В рамках существующей проблемы, не акцентируя внимание на стилистических и технико-технологических особенностях копийных портретов, попытаемся определить некоторые аспекты проблемы «копия как социокультурное явление». В русской культуре XVIII—первой половины XIX века копийный портрет получил необычайно широкое распространение. Живописание человека, по целому ряду причин, было органично связано с жизненным укладом, предполагало свою среду бытования. И в этом смысле копийный портрет можно назвать «средовой живописью». Именно он в значительной степени составил живописную среду, в которой обитал поместный дворянин второй половины XVIII—начала XIX века. Чтобы понять природу этого явления, попытаемся взглянуть на эту проблему несколько шире. В любую эпоху собиратель художественных произведений руководствовался целым комплексом соображений, среди которых удовлетворение эстетических потребностей — мотив существенный, но не единственный. Само представление о художественной ценности претерпело с XVIII века значительные изменения. Резких различий между копией и оригиналом та эпоха не знала. Копия ценилась значительно выше, чем в современном эстетическом восприятии. В некоторых аспектах она полностью заменяла образец.

Немаловажной представляется и такая деталь: человек XVIII—начала XIX столетия не воспринимал портрет в полной мере как произведение искусства. Примечательно, что авторы

старых описаний проводили четкую грань между «картиной» и «портретом»[26]. В подавляющем большинстве случаев владельцев портретов в первую очередь интересовало, кто на них изображен, и лишь потом, кем и как они выполнены. «Изображение (портрет) XVIII в. было равно и подобно изображаемому, замещало «оригинал», представительствовало за него, равно как и имя, герб, эмблема…»[27]. Как изображение некоего понятия, «всякий портрет XVIII века является текстом, переведенным с речи на язык живописи»[28]. Столичное и провинциальное дворянство, к которому апеллировало изображение, воспринимало портрет с точки зрения объекта изображения, а не личности художника и его профессионального уровня. В копийном портрете функция распространения явно преобладала над функцией сохранения. При этом предметом тиражирования был не внешний вид исходного изображения, а облик изображенного. До середины XIX века обращение мастера к портретной живописи расценивалось и самими живописцами, и общественным мнением, как переход из сферы чистого искусства в область скорее ремесленную, нежели художественную[29].

Копийные произведения из усадебных портретных галерей в большинстве случаев плавно перешли в музейные собрания, как и произошло с художественно-предметным комплексом изображений Екатерины II. И в настоящее время, определяя его историческую и художественную значимость, ее ценность для музейных собраний, мы должны исходить не только из конкретных формально-стилистических признаков произведений, но непременно учитывать их историко-культурный потенциал, который восходит в целом к традициям русской художественной культуры XVIII века.

---

[1] Выставка «Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века». Государственный Эрмитаж. 1993; Международная конференция в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796), к 275-летию Академии наук. СПб.1996.

[2] Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. Каталог. Государственный Эрмитаж. СПб, 1993; Материалы Международной конф. «Екатерина Великая: Эпоха Российской истории» в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796), к 275-летию Академии наук. СПб,1996.

[3] Екатерина II (1729—1796), урожденная немецкая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, с 1745 — жена великого князя Петра Федоровича (с 1761 — Императора Петра III). В 1945 императрица Елизавета Петровна выбрала ее в жены своему племяннику и наследнику, будущему императору Петру III. При перемене веры немецкая принцесса получила имя Екатерины Алексеевны, а после государственного переворота 1762, во время которого был убит Петр III, и восшествия на российский престол, стала именоваться Екатериной II. С 1762 — российская императрица.

[4] Оригинал находится в ГЭ. *См.*: Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог 2. Л, 1981. С. 234. Ж- 2755. Эскиз портрета (1793, ГЭ) находится в собрании ГРМ (*См.*: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб, 1998. С. 103. Ж- 4554).

[5] *См.*: Врангель Н. Иностранцы в России //Старые годы. Июль — сентябрь. 1911. С.47.

[6] В 1796 году по заказу Екатерины II художниками А. Белоусовым и Ф. Богневским были выполнены копии с эскиза И.Б. Лампи Старшего. *См.*: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб, 1998. С. 56. Ж- 7946. С. 59. Ж-3210.

[7] РГИА. Ф. 468. Оп.1. Ч.1. 1796. Д.3910. Л.225; Д.4030. Л.427; Д.4031. Л.50.

[8] Собрание КОХМ. Ж-77. Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II. Х., м. Поступил из имения кн.Голицына в 1918 г.

[9] Старый инвентарный номер (в инвентарной книге 1938 г. запись: «Старый инв. № 122/428. Копия с Лампи»), по мнению автора статьи, указывает на вероятную принадлежность портрета к коллекции из имения «Железники» (*См.*: Калужский областной художественный музей. Новые атрибуции. 2007).

[10] Дидро Д. Разрозненные мысли о живописи, скульптуре, архитектуре и поэзии, служащие продолжением «Салонов» //Дидро Д. Эстетика и литературная критика. М., 1980. С.492.

[11] *См.*: Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII века. Проблемы становления художественных принципов Нового времени. Т.2. М., 1959.

[12] Одна из них в настоящее время находится в экспозиции мемориального историко-архитектурного и природного музея-усадьбы Полотняный Завод (*См.*: Н.В. Марченко. Полотняный Завод. Путеводитель по музею. М., 2000. С. 8). Другие портреты Екатерины II из собрания КОКМ. *См.*: собрание КОКМ. Инв.№ № ЖГС-141, 240, 12, 345 //Возрожденные полотна. Персональная выставка художника-реставратора Бориса Васильевича Дмитриева. Калуга, 2003. С .9—10.

[13] Оригинал портрета, с которого была сделана копия, воспроизводится в каталоге ГРМ 1998. *См.*: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб, 1998. С. 104. Ж-4564.

[14] Собрание КОХМ.№ Ж-15. Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II. Х., м.82х65,5. Работа поступила в музей в 1919 г. из имения Кашкиных «Нижние Прыски» Козельского уезда Калужской губернии.

[15] Относительно портрета Екатерины II из собрания КОХМ (Ж-15) в инвентарной книге имеется запись «Левицкий копия». Новая атрибуция автора статьи: Неизвестный художник второй половины XVIII в. Портрет Екатерины II. Тип И.Б Лампи Старшего. Копия с погрудного варианта одного из двух портретов художника (1793, 1794 —ГЭ; 1793 — ГРМ).

[16] Собрание КОХМ. № Ж-423. Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II. Х., м. 73х59. Атрибуция автора статьи: Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II иконографический тип В. Эриксена (1762, ГЭ), Г. Бухгольца (1765, 1772, ГРМ), Д.Г. Левицкого (1782, ГРМ). Копия с оригинала Г. Бухгольца (1772, ГРМ).

[17] Собрание ГРМ. Ж-5863. Бухгольц Генрих(1735—1780). Портрет императрицы Екатерины II. 1765. Х., м. *См.:* Живопись. XVIII век. Государственный русский музей. Каталог. Т. 1. С.69; Собрание ГРМ. Ж-5395. Портрет императрицы Екатерины II. 1772. Х., м. Там же. С.69.

[18] Собрание ГЭ. В. Эриксен (1722—1782). Портрет Екатерины II перед зеркалом. 1762 г. Х., м. *См.*: Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. Каталог. Государственный Эрмитаж. СПб, 1993. С. 77.

[19] *См.*:Собрание ГРМ. Ж-41. Д.Г. Левицкий. Портрет Екатерины II. 1782. Х., м. 165х132. *См.*: Живопись. XVIII век. Государственный русский музей. Каталог. Т. 1. С.111.

[20] Собрание КОХМ. № Ж-1007. Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II. Х., м. 79х65. Атрибуция автора статьи: Неизвестный художник второй пол. XVIII в. Портрет Екатерины II. Между 1786 и 1789. Иконографический тип Э.Ф. Куннингэма. Х., м. Копия с гравюры английского гравера Ч. Таунли (1746—1800).

[21] *См.*: Собрание ГТГ. Ж-25383. Ф.С. Рокотов (1735—1808). Портрет Екатерины II. 1763. Этюд для портрета (ГТГ, 1763. Ж-8647). Каталог ГТГ. С. 193, 194.

[22] Ч. Таунли (1746—1800). Портрет Екатерины II. 1786—1789. С оригинала Э.Ф. Куннингэма. Между 1777 и 1782. *См.*: Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII—XIX век. М., 1997. С.65. № 53.

[23] *См.*: Андреева Г.Б. Русские и британские живописцы в Риме во второй половине XVIII века. 1999. С.9—12.

[24] Эттингер П. Иностранные художники в России: Э.Ф. Каннингэм //Среди коллекционеров. 1922. №10. С.25; Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII—XIX век. М., 1997. С. 24, 65, 262.

[25] Гаврин Вадим. Иносказание в портретной живописи России второй половины XVIII века // Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства. №1/03. М. С.250—295; его же. «Венценосная Добродетель!»: риторика императорского портрета// Искусствознание…№2/03. М. С. 272—319; Карев А.А. Некоторые функции жеста в русском портрете XVIII//Изобразительное искусство и театр: тема, образ, метод. Сб. статей. ГЭ. СПб, 2006. С. 53—70.

[26] *См.*: Георги И.Г. Описание С-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб, 1794; Россия сто лет назад. 1778. Путешествие Уильяма Кокса //Русская старина. 1877. Т.XIX, май.

[27] Геннадий Вдовин. Портретное изображение и общество в России XVIII века. М, 1993.С.274.

[28] Вдовин Г.От личного к личному: К проблеме эволюции психологической проблематики русской портретописи XVIII — начала XIX века//Вопросы искусствознания 4/93. М, 1993.

[29] *См.*: Лебедева А. Копийное произведение в усадебной картинной галерее. Вторая половина XVIII — начало XIX века. М, 1998.

ПРОИЗВОДСТВО МЕБЕЛИ В УСАДЬБЕ ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД В XVIII—XIX вв.

***Н.В. Марченко**, заслуженный работник культуры РФ, дир.,*
Калужский областной художественный музей

Среди предметов из усадьбы Полотняный Завод, которые ныне хранятся в собраниях целого ряда федеральных и региональных музеев, предметы мебели количественно представляют значительную часть. Эта группа памятников относится к периоду XVIII—XIX веков и характеризуется небольшим по разнообразию составом.

Ил. 1. Столик «бобик». Мастер Алексей Хлебников. Полотняный Завод. 1785—1786 гг.

Музейные предметы в основном прошли научное описание. Вместе с тем проблема датировки и места изготовления предметов мебели остается. Наша задача — исследовать вопрос о производстве мебели в усадьбе Полотняный Завод на основе архивных источников и по возможности дополнить информацию о предметах из музейных собраний: уточнить время производства, имена мастеров и материалы, из которых мебель изготовлена.

Первое упоминание о производстве мебели в Полотняном Заводе относится к 1750 году, когда для супруги Афанасия Абрамовича — Татьяны Матвеевны — были изготовлены два простых стула[1]. Дело получило развитие: Гончаров устроил столярную мастерскую, о которой впервые упоминается 1763 году[2].

Производство мебели было связано с перестройкой домов Гончаровых.

С 1764 по 1770 год большой дом был основательно перестроен: с западной и восточной сторон нарастили объемы и устроили ризалиты[3]. С 1770 по 1782 гг. столяры Василий, Алексей Хлебников, Шатов делали в палаты разную мебель и поделки в основном из местной липы. В 1772 году сделали дубовые стулья, в 1773 году — шесть дубовых кресел. В 1774 году было изготовлено еще 42 стула из липы и кожаное канапе[4].

Вероятно, дубовые стулья и кресла тоже были обиты кожей. Упоминание о таких стульях мы встречаем в Описи большого дома и имущества в нем 1833 г.[5] и в Описи вещей из большого дома 1836 г.[6] Из книги описи разному имуществу при Заводском доме мы узнаем, что в 1842 г. было сделано 24 новых дубовых стула[7]. И, наконец, в Докладной записке заведующего Губмузеем Ассонова от 4 августа 1921 года о вывезенном в Калугу и оставленном Волисполкому имуществе художественного и исторического значения из имения Полотняный Завод упоминается мебель полумягкая голландского типа петровского времени[8]. По всей видимости, речь идет об одних и тех же предметах. В коллекции Калужского областного краеведческого музея из этих предметов сохранились два кресла и три стула, датируемые второй половиной XVIII века, отнесенные по стилю к мебели английского мастера Томаса Чиппендейла. В инвентарных карточках указано, что кресла работы английского мастера в России, а стулья сделаны в России по английским образцам[9]. В свете новой информации мы предлагаем более точную датировку, а именно, 1772—1773 гг. (1842 г.), и указываем место изготовления этих предметов — столярная мастерская в усадьбе Полотняный Завод. Мебель могла быть сделана по неким, возможно, английским, образцам, так как Гончаровы иногда прибегали к заимствованию образцов предметов или элементов отделки, увиденных в других домах[10].

В 1772 году был изготовлен стул, для набивки которого кузнецу Тихомирову выдали средние и малые железные обручи[11]. Мы предполагаем, что это стул, который А. Средин назвал креслом, сделанным к приезду Екатерины II в Полотняный Завод в 1775 году. Бархатный стул с широким позументом упоминается в письме А.Н. Гончарова в 1793 г.[12] По описи 1833 г. «стул бархатный обит с позументом» находился в среднем этаже в уборной. В акте 1921 г. стул назван креслом Екатерины II. Ныне стул экспонируется в Полотняном Заводе[13].

В 1786 году в Красном саду перестроили Летний домик и отделали его в китайском стиле. В отделке дома использовали красное дерево. Распилкой красного дерева занимался Андрей Шатов в 1785 г. Красное дерево пошло на отделку тамбура и, вероятно, на изготовление

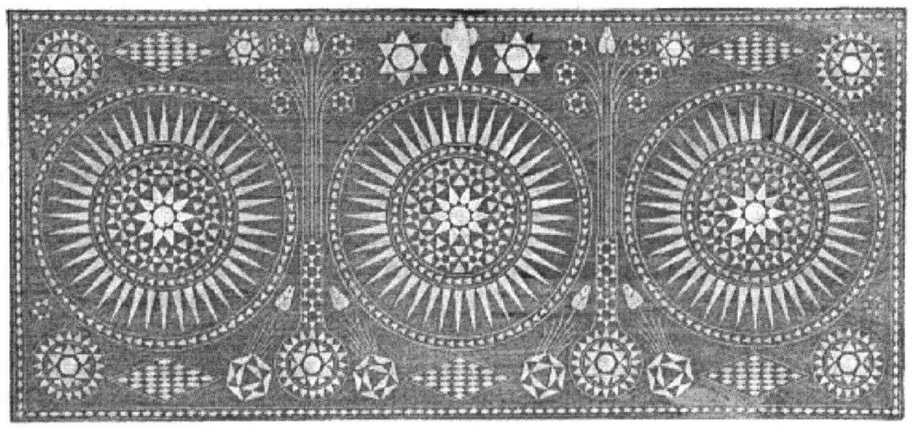
50 Зак. 2219

столиков, так как в 1785—1786 годах их сделали в большом количестве. Столы, столики, в т.ч., ломберные столы, стол со стульями клеили Алексей Хлебников, Андрей Шатов, Никифор Волков, а в 1785 г. Алексей столяр (вероятно, это А.Хлебников) набирал стол[14]. Упоминание о том, что Хлебников набирал стол, дает основание нам говорить об изготовлении в Полотняном Заводе наборных столов. Среди предметов мебели из имения Гончаровых сохранилось несколько столиков с наборными столешницами. Это так называемые «столики-бобики», датируемые 3-й чет. XVIII в., и два круглых столика с изображением попугаев в стиле китай-ских росписей, датируемые 1-й пол. XIX в.[15], поскольку ножки столов соответствуют середине XIX в. Мы предполагаем, что ножки заменили во время реставрации столиков в 1871 г.[16]

Ил. 2. Столик круглый наборный с изображением попугая на ветке. Полотняный Завод. Столешница 1785–1786 гг., ножка стола 1871 г.

В течение 1785—1787 годов происходила третья перестройка палат: дом нарастили вверх. В палатах появи-лись нижний этаж, средний этаж и антресоли. В среднем этаже устроены большая гостиная, кабинет, уборная, картинная, столовая, диванная, бильярдная. В обновленные комнаты изготовляли новую мебель по рисункам архитектора Алексея Никитовича Бакарева из мастерской Матвея Федоровича Казакова: столы и столики, в том числе ломберные, шкафы, диваны и стулья, трюмо и рамы[17].

Осенью 1791 г. отделывали диванную. В 1792 г. Алексей столяр сделал два ломберных столика, один из которых «окладывал» медью. Гончаров распорядился этот столик делать в диванную. В 1793 г. были сделаны ещё два ломберных стола, к которым в Москве закупили английское сукно[18]. В 1794 г. приобрели в Москве 200 аршин зелёного сукна и белой мамонтовой кости — «самой лучшей» — для шаров. Ломберные столы продолжили делать в 1796 году[19]. По описи 1833 г. в доме было 8 ломберных столов, 2 из которых были обложены бронзой, а 2 оклеены красным деревом. В 1921 году в губмузей из Полотняного Завода



Ил. 3. Столешница ломберного стола. Инкрустация перламутром и костью в виде стилизованных соцветий артишоков. Мастер Алексей Хлебников. Полотняный Завод. Конец 1780-х — начало 1790-х гг.

Ил. 4. Стол круглый инкрустированный. Мастер Алексей Хлебников. Полотняный Завод. 1794 г.

поступило 6 ломберных столов с перламутром. Для предмета нашего рассмотрения интересен такой факт, что в 1789 г. Алексей столяр (Хлебников) клеил и отделывал костью шкатулку, сделал из кости счёты и «артишки»[20]. Мы предполагаем, что так писарь назвал пластиночки для инкрустации в виде крупных соцветий артишоков. Такие стилизованные соцветия мы встречаем на ломберном столике, инкрустированном мелкими ромбовидными, треугольными и круглыми пластиночками из перламутра и кости из коллекции Калужского областного художественного музея[21]. Подстолье и ножки этого стола инкрустированы тонкими полосками из красного дерева, которые на подстолье образуют линию меандра. Таким образом, очевидно, что ломберные столы были сделаны в Полотняном Заводе в конце 1780-х—1790-е гг. Алексеем Хлебниковым.

В течение 1792 г. для большого дома было сделано на Полотняном Заводе 96 стульев и 4 кресла, в Калуге — 128 стульев. Отделка стульев и кресел, обивка и покраска производилась непосредственно в комнатах, в которые они предназначались, а именно: в большой гостиной, в кабинетах барина и барыни, в уборной, в картинной, гостиной, столовой. В марте и апреле 1793 года в большой зал было сделано ещё 15 стульев, для которых в Калуге закупили гривного волоса и коровьих войлоков[23]. В 1794 г. Шатов и Никифор Евсеев продолжили делать стулья, в том числе и для московского дома Гончаровых, перестройка которого началась в 1794 году также по проекту Бакарева[24]. На стулья и кресла шла береза из Васильевской рощи. Местные столяры, их называли мастеровыми, сами рубили дерево и готовили его к работе[25]. Стулья делали из подволочных и перовых досок[26]. Из белого мебельного гарнитура, сделанного в те годы для гостиной, сохранилось в коллекции Калужского областного краеведческого музея пять кресел и четыре стула[27]; в Государственном музее А.С. Пушкина находятся два стула. Они были передан из Калужского областного краеведческого музея в 1959 году[28].

В 1794 году в большой гостиной Андрей Шатов, Никифор Волков и Иван Маслов для консолей с искусственными мраморными столешницами (досками) резали подстолья. Мраморные доски делали из алебастра с добавлением краски Петр Литейный и Никита Галка, а кузнец Иван Артюшов изготавливал крепеж для консолей[29].

Среди предметов, сделанных для большой гостиной в 1794 году, упоминается круглый стол. Стол был изготовлен столяром Алексеем Хлебниковым из местной берёзы, а перламутр для

Ил.3. Стол круглый инкрустированный. Мастер Петр Тимофеевич Олимпиев. Полотняный Завод. 1839 г.

его отделки закупали поштучно в Москве в лавке купца Ситникова в серебряном ряду. Гончаров принимал самое деятельное участие в создании стола, утвердил рисунок для столешни-цы, договаривался с купцом о продаже нужного перламутра, посылал образчики перламутро-вых пластинок в Москву[29]. Ранее считалось, что стол привезен из Европы. Теперь мы знаем, что он сделан в Полотняном Заводе русским мастером Алексеем Хлебниковым.

Открылось и время изготовления табуретов. Их сделали в 1794 году в комплекте с китайской кроватью[30].

Закончив перестройку дома в Полотняном Заводе А.Н. Гончаров приступил к реконструкции московского дома. Новую мебель в дом делали с 1794 по 1796 год. Особенно интенсивно работа шла в 1796 г.: были сделаны 42 стула, таких же, как в Полотняном Заводе, 15 кресел, 6 ломберных столов, 3 зеркала, стол, кровать для барыни[31]. Среди предметов, отправленных в московский дом, значится «новое табуре» из красного дерева. Обивали мебель на месте присланные в Москву столяры Алексей Хлебников и Филипп Сапожников голубой полосатой, синей полосатой, оранжевой тканью и зеленой тесьмой, произведенной в Полотняном Заводе[32].

В результате перестройки палат в 1810 году, когда перекрыли большую гостиную и двухсветный зал, образовались новых комнаты в антресолях, для которых в 1811 г. сделали новый диван и комод. А залы среднего этажа в декабре 1812 г. украсили новые зеркала в рамах из красного дерева с мраморными подстольями[33]. Эти зеркала, величиной в полтора, два с половиной и три аршина упоминаются в Описи 1833 года и запечатлены на фотографиях и рисунках конца XIX—начала XX века.

В 1814 году вновь реконструировали летний дом: китайский стиль сменил ампир. Старую мебель заменили новой из местной берёзы: сделали два столика и диваны, шкаф для платьев, кресла и стулья[34]. Мы предполагаем, что сохранившиеся в коллекции краеведческого музея три курульных кресла, фанерованные красным деревом, были сделаны в этот период. Кресла изображены на рисунке, запечатлевшем убранство красного дома в 30-е годы XIX века[35]. Кроме того, в 1814 году было сделано трюмо из красного дерева[36]. Среди предметов мебели из Полотняного Завода сохранилось два трюмо красного дерева, выполненных в стиле «жакоб»,

господствовавшем в тот переходный период времени. Предполагалось, что они сделаны в России. В свете новой информации место и время производства трюмо можно уточнить.

В XIX в. мебель в основном ремонтировали. Но в конце 1830-х гг., в связи с женитьбой Дмитрия Николаевича Гончарова на княжне Елизавете Егоровне Назаровой и рождением детей, в комнатах большого дома вновь делали новую мебель. Среди мастеров уже нет Алексея Хлебникова, он скончался в 1809 году[37], но встречается фамилия Шатова, видимо, это сын Андрея Шатова, начавший работать в сер. 1790-х гг.[38] В конце 1830-х—начале 1840-х гг. упоминается новое имя — Пётр Трофимович[39]. По нашим предположениям Пётр Трофимович носил фамилию Олимпиев. Мастера называют по имени отчеству — так обычно Гончаровы в письмах и писари в хозяйственных книгах писали о нанятых специалистах. В 1839 году Пётр Трофимович изготовил копию[40] круглого инкрустированного перламутром и костью круглого стола 1794 г. На подстолье он выложил своё имя и дату «П.Т. Олимпиевъ. 1839»[41]. Вероятно, им также были изготовлены 4 новых ломберных столиков, которые упомянуты в описи 1842 г.[42] Установлено, что в 1833 году Д.Н. Гончаров приобрел один фунт слоновой кости[43], которая, по всей видимости, и пошла на отделку новых столов, повторивших столы 1790-х г.

В мастерской Полотняного Завода изготавливали мебель не только для домов Гончаровых, но иногда и на заказ. Так, например, в 1804 г. мастера обили вольтерово кресло для княгини Дашковой[44].

Столяры относились к дворовым людям[45]. За время существования столярной мастерской в Полотняном Заводе ими были выполнены самые разнообразные работы. В периоды реконструкций домов кроме мебели они делали рамы и двери, наборные полы, мастерили шкатулки, игрушки и другие поделки[46], а в 1798 г. резали иконостас для товарковской церкви[47]. Все это свидетельствует о широкой специализации и высокой квалификации мастеров.

Таким образом, мы выяснили, что производство мебели в Полотняном Заводе началось в середине XVIII века. Оно было подчинено утилитарным задачам, связанным с потребностью внутреннего убранства домов Гончарвых. Вместе с тем иногда мебель изготовлялась на заказ. Производство мебели происходило поэтапно, в связи с перестройкой домов и сменой стилей. Мастеровые обладали широкой специализацией и высокой квалификацией, благодаря чему были созданы предметы, являющиеся высокими образцами мебельного искусства. Установлено, что большинство предметов мебели, поступивших из Полотняного Завода в музейные собрания, произведены в местной столярной мастерской. Стали известны имена целого ряда мастеровых, которые делали мебель. Среди них выделяются имена Алексея Хлебникова и П.Т. Олимпиева, работа которых достигла художественного эффекта. Наконец, удалось уточнить дату производства большинства музейных предметов из мебельной коллекции Полотняного Завода.

Примечания

[1] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.65. Л.68.

[2] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.233. Л.28.

[3] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.287. Л.2; д.315. Л.2; д.556. Л.33; д.385. Л.98—100; д.615. Л.20.

[4] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.56. Л.12, 30; д.640. Л.2, 24; д.702. Л.22—23,30; д.758. Л.16 об, 52,62; д.845. Л. 27, д.978. Л.36, 48 об.

[5] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.2574.

[6] РГАДА. Ф. 1265. Оп.2. Д.452.

[7] РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д.3642.

[8] ГАКО. Ф.Р-26. Оп.1. Д. 147. Л. 117—118.

[9] КОКМ. Кл 8053, Кл 8054.

[10] Например, рисунок для наборного пола в московский дом Гончаровых был взят в доме госпожи Радиловой (РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1589. Л.16), в 1812 году для палат был сделан стол на манер графа Сергея Николаевича Чернышова (РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1923. Л.3 об.).

[11] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 645. Л.27.

[12] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1434. Л.24.

[13] КОКМ. Кл 4669.

[14] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1269, 1270; д. 1254. Л.6.

[15] КОКМ. Кл 4491, Кл 4492, Кл 4635; КОКМ: Кл 4634, КОХМ: Кп 4615.

[16] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.5144. Л. 50—52.

[17] Марченко Н.В. Восковые фигуры из Полотняного Завода. К истории создания. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего поочья. Калуга, 2008. С. 281.

[18] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1434. Л. 24.

[19] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1525. Л. 56.

[20] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1346. Л. 115, 195, 231.

[21] КОХМ. КП 4616.

[22] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1390. Л. 130.

[23] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1431. Л. 170 об, 203.

[24] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1455. Л. 76; д.1450. Л. 83.

[25] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1455. Л. 237, д. 1493. Л.20 об.

[26] КОКМ. Кл 8055, Кл 8056.

[27] ГАКО. Ф. Р-2878. Оп.3. Д.296. Л.24.

[28] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1510. Л. 29, 30 об.; д. 1493. Л. 25 об.

[29] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1454. Л. 20, 43, 88; д. 1455. Л. 27, 76, 224, 268.

[30] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1455. Л.27.

[31] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1443. Л.25 об.; д. 1522. Л. 170, 17 об.; д.1525. Л. 133, 1677. Л.50.

[32] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1525. Л. 56, 73, 147, 133.

[33] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1895. Л.11; д.1929. Л.11, 69, 95,114.

[34] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1962. Л.26; д. 1977. Л.4.

[35] РГАДА. Ф. 1265. Оп.5. Д.49.

[36] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1962. Л.18.

[37] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1828. Л.15.

[38] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1522. Л. 17 об.

[39] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.2950. Л.24; д.3652. Л. 153; д. 3744. Л. 61.

[40] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.3293. Л.31, 34, 42, 51.

[41] КОКМ. Кл 4668.

[42] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.3642.

[43] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.2534. Л. 23.

[44] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1720. Л. 124,154.

[45] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д.1364. Л.9—15.

[46] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1075. Л.53; д. 1269. Л. 202; д. 1310.Л 202—203.

[47] РГАДА. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1556. Л.103.

ОТ ИСКАНИЙ ПОСЛУШНИКА К СТАРЧЕСКОМУ СЛУЖЕНИЮ: АРХИМАНДРИТ ОПТИНСКИЙ МОИСЕЙ. (ПО ПИСЬМАМ В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ. 1805—1862 гг.)

Е.А. Мавлиханова, *отдел «Саровская пустынь» историко-краеведческого музея, г. Саров Нижегородской области*

Официальное жизнеописание архимандрита Козельской Оптиной пустыни Моисея создает довольно привычный для подобного рода описаний образ устроителя монастыря. По словам арх. Леонида Кавелина об о. Моисее *«можно повторить краткую, но многозначительную похвалу русских летописцев древним преподобным игуменам: он устроил монастырь и собрал братию... Введением старчества о.Моисей упрочил на будущие времена внутреннее благоустройство и благосостояние Оптиной пустыни»*[1].

Обычно о жизненных трудностях в агиографии упоминается вскользь. Да и ранние годы жизни о. Моисея если и показаны, то и весьма схематично. В нынешнее время представляется важной задача восстановления индивидуальных черт наших подвижников, пути их внешних и, по-возможности, внутренних движений и поисков, особенно в ранние годы. К этой цели помогут приблизиться новые документы ЦГА РМ (г.Саранск): дело № 367 «Письма

настоятеля Козельской пустыни арх. Моисея в Саровскую пустынь о монастырских делах» (1805—1862)[2]. На 122 листах хранятся 75 написанных собственноручно Моисеем писем, 72 из которых — своему младшему брату о.Исайе. 76-е письмо — извещение из Оптиной пустыни о смерти арх.Моисея в 1862 году.

Молодые годы жизни арх. Моисея. Моисей родился 15 января 1782 года в городе Борисоглебске Ярославской губернии. Мирское имя — Тимофей Иванович Путилов, старший сын серпуховского гражданина Ивана Григорьевича. Глава семьи служил «по питейным сборам», жил благочестиво, строго держался уставов св. Церкви и чтения священного. У матери — Анны Ивановны — женщины умной, хотя и безграмотной, было в родне несколько монашествующих строгой жизни.

Из десяти детей Путиловых четверо умерли в младенчестве. Путиловы воспитывали своих детей в богобоязненном духе. Обучались дети дома, в школу не ходили во избежание дурного влияния. В праздники отец водил их в церковь и после расспрашивал о службе. Иван Путилов, имея хороший голос, пел на клиросе, любил заниматься церковным пением и дома с детьми. Часто посещали Путилова духовные лица, и потому дети его с детства слышали много назидательного. Повзрослев, дочь Путилова устремилась в монастырь, но по настоянию отца вышла замуж. Вскоре после ее кончины овдовевший муж удалился в Саровскую пустынь.

Братья Путиловы: девятнадцатилетний Тимофей и четырнадцатилетний Иона определены отцом на службу в Москву к откупщику Карпышеву. Множество московских святынь и храмов способствовали духовным стремлениям Тимофея; здесь легко было достать духовные книги. С книгой Тимофей не расставался и в лавке, откладывая ее лишь с приходом покупателя, а потом снова брался за нее. Молодые люди имели знакомство с истинно духовными людьми. Через монахиню Досифею (по преданию, известная княжна Тараканова) они познакомились со старцами Новоспасского монастыря Александром и Филаретом, которые находились в духовном общении со знаменитым молдавским старцем преп. Паисием Величковским[3].

В таком окружении у братьев окончательно созрело желание монашеской жизни, особенно когда в Саров удалился их зять. В 1804 году, когда Тимофею было 22 года, он приписался с отцом к московскому купеческому обществу и, взяв на три года паспорт, отправился с братом Ионой в Саров. В официальной биографии архимандрита Моисея выделяются три периода перед его поступлением в Оптину пустынь летом 1821 года. 1805—08гг. — жил в Сарове, 1809—11 гг. — в Свенском монастыре Орловской епархии, затем десятилетие пустынножительствовал в Рославльских лесах[4]. Однако письма Тимофея-Моисея позволяют через датировку не только уточнить этот хронологический ряд, но, главное, — осознать, какие трудности пришлось преодолевать будущему иноку на избранном пути.

Наиболее раннее (1804) письмо Тимофея из Сарова адресовано монахине Досифее Матвеевне. В нем красноречиво говорится о желании молодых людей стать иноками: *«Благодарение Господу Богу за ваши святые молитвы я и брат мой находимся здесь живы и в расположении к жизни иноческой не уклонны, и радуемся, что благость Божия привела нас в сие жилище, только слабо возмогаем в ...подвигах... мы живем здесь по намерению Бога ради, а не ради мирских нелепых желаний... А здешнее место ...открывает то, что я окаянен, и ленив, и нищ, и слеп, и наг, и ни о чем так не похвалюсь, как токмо о немощах и совершенной бедности своей»*[5].

Зная, что отец не дал бы своего согласия на их неуклонное решение уйти из мира, сыновья поначалу писали ему, *«что от хозяев отошли за невозможностью жить у них и что есть у них на примере другой Хозяин, Которому они дали слово поступить в услужение»*[6]. А уже из Сарова они откровенно написали отцу о своем намерении. Иван Григорьевич разгневался и приказал детям немедленно вернуться домой, но они не показывались ему два с половиной года. При этом писали письма, обращаясь к авторитетным защитникам — молитвенникам. Например, монахине Досифее: *«На нынешней почте писал я к родителям и просил их, чтоб позволили мне взять вечное увольнение из общества; и вас прошу благословите сие начало и поможет да Господь Бог устроить наши намерения и родителей благосклонными быть»*[7].

За это время И.Г.Путилов разболелся и когда Тимофей приехал к нему мириться, тот не сразу, но решился отпустить старшего сына. Через год после долгих уговоров отпустил и Иону. После того Иван Григорьевич жил недолго, умер в 1809 году 57-и лет. В городе Мологе

Ярославской губернии, на городском кладбище у алтаря церкви Всех Святых поставили простой мраморный памятник Ивану Григорьевичу Путилову. На обороте было написано, что памятник воздвигли *«Путилова дети: Моисей, игумен Оптиной Пустыни, Исайя, игумен Саровской Пустыни, Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря»*[8].

Саровский монастырь, где предполагал начало монашеской жизни Тимофей, находился в то время в полном процветании. Уже двадцать шесть лет[9] жил там преп. Серафим, десятилетие из них находясь в отшельничестве. Там же пребывали близкие ему старцы: схимонах Марк-молчальник, восстановитель Валаама игумен Назарий со своим учеником иер. Иларионом. Нередко в письмах послушника Тимофея упоминались прославленные имена: *«И вам посылают… благословении отец строитель Исайя, Отец Серафим, Иларион,* (неразб., м.б. Александр ?) *и прочие отцы и братия свои почтения и желают вам спасения. Мужества, терпения присовокупить дабы вместе приять житие в монастыре»; «Поблагодарите за почтенные Писание ко мне бывшего Батюшка Отца Игумена Назария, Отца моего Илариона, о.Владимира»*[10] и подобное.

Особые отношения сложились у послушников Путиловых с саровским строителем Исайей (Зубковым), известным строгостью жизни. Поначалу Тимофей нес тяжелое послушание в хлебне, позже ходил за больным строителем о. Исайей. Впоследствии келейником обездвиженного о.Исайи станет брат Иона. Оставшегося навсегда в Сарове Иону (Путилова) при пострижении нарекут именем его учителя — Исайей. Иона и сам станет саровским игуменом с именем Исайя II спустя 38 лет. А пока пишет Тимофей старице Досифее: *«Мы оба находимся при батюшке отце строителе Исайе, Ево немощам служим щастливыми себе почитателями, что привел нас Господь послужить ему добродетельному старцу и отцу нашему — можно сказать, что по Исайе нет другово Исайи. Вам я открываюсь, хоть добр до нас новый строитель* (речь идет об о.Нифонте, 1807—1842 — *Е.М.*), *но что-то не столько к нему лежит сердце, не мое токмо, но и многих…,— а причин так мало видно: говорят, это какая-то симпатия отвратительная, может недостаточно в нем магнитной силы, а в нас свойственное тому желанию,…и потому де нет обоюдной привлекательности — се может быть вернее от врага, и от врага попущением Божиим за слабое наше житие, что и достойного великого сожаления»*[11].

Как видим, во время трехлетнего своего пребывания в Сарове с 1804 по 1807 гг. Тимофей пользовался наставлениями Саровских старцев. И авторам его жития осталось *«неизвестным почему, простившись с родным отцом, Тимофей не вернулся более в Саров»*[12]. Отчасти приоткрывает эту завесу приведенный выше отрывок письма молодого послушника об отсутствии *«обоюдной привлекательности»* с новым строителем. Но были и объективные обстоятельства, помешавшие возвращению в Саров. Дело в том, что Тимофей вынужден отправиться в Москву хлопотать о выправлении своего увольнительного свидетельства, оказавшегося неполным. Хлопоты затянулись.

Сохранилось письмо Тимофея к о. Александру, написанное 12 августа 1807 года, по-видимому, после отъезда из Сарова в Москву: *«…усердный наш благодетель Александр, …нам грешным здравие Ваше весьма возжелано и дорого, ни от чего ибо так души наша в изнеможение не приходят, как от лишения сил деятельных старцев, все упадки от толе. Я …плача глаголю: тогда чего ради изшел от суетного мира, чтоб составляло истинного инока, в лености и небрежении, и смирения не имею, хуже юродивых дев (пред которыми затворили двери в Царство небесное)…Где явлюсь? И что реку?.. Последующе неизвестно, где и что буду третье уже лето: здесь как смоковница, нахожусь, — поистине плача достоин. Дерев довольно, но что в них, когда без воды. Рачительный садовник … к неплодным прививает плодовиты ветви. Удобряет землю и не годны сучки отсекает, и прочее что повреждает к плодотворению, то отделяет…Благодарность нашему отцу за попечительство о душах наших…, которое тем чувствительнее, что не по долгу быть надобно… Впрочем, простите моему нелепому писанию и помолитеся о мне да прииду в страхе Божием исправлюсь»*[13].

Сравнивая себя с бесплодной смоковницей, 25-летний юноша жаждет живой воды святоотеческих учений. Письмо примечательно горячим желанием Тимофея окончательно определиться с местом пребывания. Но главным препятствием стали бюрократические проволочки при получении увольнения из гильдии и разрешения на пострижение в монашество в Синодальной Конторе. Тимофей поначалу надеялся на скорое решение: *«в гильдии*

последовало некоторое следствие. У секретаря с старостою которое и не позволяясь окончить дела об увольнении, а приговор зделан, и оно не замешкается решением»[14].

Вскоре Тимофей *«не мало обеспокоился недоумением. Что увольнения наши обезнадеживают доставить нам законное монашество… Хотя и можно жить благочестно и послушником, как писал ты ко мне, но нынешнее время взыскивающе строго ради жизни. Чтобы не в промежутке неизвестности жить, но по законному порядку. Надобно иметь благоразумную осторожность не претерпеть участи не избравшихся ради жизни, как некоторые потерпели. Да и что за утешение жить только оглашенным, а не крещенным. Крещенному, т.е. постриженному и во число братства живущему никто не может сказать «изыди», а оглашенному, т.е. послушнику удобно может быть сказано…*

Я к батюшке Отцу строителю осмелился писать от огорчения и просить, чтобы явил отеческую свою Милость, ежели увольнение наши можно учинить в консистории, не отринутым тебя не оставил сего сделать и нас тем обнадежить. А здесь по правилам и дополнить, как требует консистория, не можно. Чему доказательством служит Иван Васильевич Рогачев, который сколько ни старался, но ничего не успел по своему неведению, а стряпчий его с ума сошел. Со всем тем ты о сем не занимайся, а будь покоен, Господь Бог все может …устроить о нас. Будем его благости умолять. Впрочем, и ты со своими проси батюшка отца строителя, не может ли нам сделать свою помощь и о сем меня уведоми. Я без порядка основательного не намерен и из Москвы выехать. И отлагать до неизвестного времени, которое от часу злее теснее становится, того и ожидает, что и выписку из миру не будет… Ноябрь 1808 г.»[15]

Дело осложнилось тем, что при смене сословия братьям необходимо заплатить денежные подати. Хлопоты Тимофея перемежались с безденежьем, о чем он довольно подробно пишет брату: *«Иона Иванович! Вере вашей противу обстоятельств нынешнего времени в рассуждении монашеских увольнений радуюсь. Я неоднократно ходил в Синодальную контору показывал увольнение свое, но обязанности общества в платеже податей почитают недостаточным для получения Монашества…Потребно сызнова подавать прошение в Магистрате и хлопотать яко же и прежде, лишь бы не трудные искушающе время яко дни лукавы суть…Брат твой грешный Тимофей. Москва. Декабрь1808 г. Я здесь так обнищал, что калачика не на что купить. А как начнут хлопоты по увольнению; что могут потребовать издержки? И сам не знаю».*

И далее: «Подал Магистрату прошение о даче мне иного увольнения с обязательством общества в платежах, и хождение имею сам, что делать, видно и нехотя надобно повинутся времени веки сего, которому не довольно содрать с овцы одну шкуру, но чтоб была и другая, а я же безызвестно сколько теперь гол. Рад был бы удовлетворить всем, да нет ничего»[16].

Зима 1808—09 года надолго запомнится будущему архимандриту Моисею: *«Оделе: сошло в Гильдию и остается до собрания. Я, Слава Богу, здоров… Писать более не могу. Холодно. Пальцы на руках движения не имеют ко писанию, прости. Блажен ты сидя в теплой келии наедине, а я в такой мороз брожу по Москве и довольного одевания не имею»*[17]. Мотив тихой теплой кельи образно проявляется в письмах-размышлениях будущего инока, смолоду сполна хлебнувшего холод и голод: *«Брат, Любящего Тебя Милосердного Бога даруют благое безмолвие в пристанище келии своей, только не вводи самбурую внутрь, помышления сердце от трудности исполнено. Сие не видно, но естественно, как в природе течение времени исполнено чистых перемен необходимо-потребных к лучшей пользе обитающих, как-то: зима и лето, весна и осень, ведренный день и бурный, морозный и теплый, дождливый и сухой следуют непрестанно переменным образом. Так каждый человек подвержен переменам, то радости, то скорби, то смеется, то плачет, то бодрствует, то унывает, то мирствует, то мятется, и ничего нет непременного, как скорби, так и радости. А все приносит пользу: радость ободряет душу и нервы, скорбь ее смиряет, слезы очищают ум, бодренность входит в подвиг уныния болезное, побуждает вопить к Богу. Мир покоит утруждение, подвигом дух, мятеж мыслей открывает бессилие и бедность души без благости Божией, и прочее сему подобное все внимающему приневолью, как напротив не внимающему себе каков есмь я грешный от скорби и отрады бывает только душевная тщета и погрешение. Нынешнею морозною зимою как мы согревались? Келью 2 раза в день топили, одевались потеплее. Вот уже нужда изобрела средства, как естественную холодность согреть и от мороза защититься.*

52 Зак. 2219

Сердечная холодность таким художественным образом будет согревать, употребим понудить движение по святым отцам советам станем согревать. Повседневно воображая чаяния смерти, суда, геены и царского неба. Таковы способы при молитве действительно согреют сердца и благодать Божию привлекают в морозы особливо нужны художественные способы, а в тепло они не бывают так потребны. Я такую слышал иносказательную мысль вывожу не для того, что будто ты не знаешь того, нет я уверен, что ты внимаешь себе и святым отец предания проходишь, но на досуге, что не пришло в голод… А в заключение советую: люби одну свою келью, сиди в ней и она тебя всему научит, т.е. телом в стенах, а умом в сердце, исглашая возжеланное имя Иисуса Христа. Моли и о мне худейшем братие твоем Тимофее. 27 генваря 1809 г.»

Время шло, а результат хождений по инстанциям был не утешительный: *«весьма мне наскучило хождение к тем и сем. Уже сношу взыскания и хожу изредка. Ни дня, ни ночи спокойствия не имею, только один сон освобождает меня от молвы»*. Казалось, наступил критический момент, Тимофей пишет брату: *«Посему оказалось видно, что Господу Божию неугодно, чтобы нам грешным и недостойным в Святой Саровской обители обитать жилищем с надеждою получения монашества, ибо сколько я ни старался здесь увольнение свое дополнить как требуется, но не могу! На прошлой неделе в пятницу мне было решительно отказано. Труд многой, издержки остались тщетными, и я в великое пришел было уныние и скорбь…(Но) узрел промысел Божий… что все то получить можно другими средствами.*

Увиделся я здесь с Св. Отцем Василием Белобережским…Боголюбивый муж…на мои о увольнении слова …показывал примеры из их консистории…Я…решился определиться в их Свенский монастырь прекрасный месторасположением, устроением более безмолвным. Просил и о тебе, дабы обоих нас отечески попекать. Он …согласился».

Поэтому Тимофей советует Ионе *«не мешкая отправиться сюда в Москву,… дабы зимним путем туда отправиться и в Киев проехать или ответа чрез письмо, …если предосудительным мнением заимеешься и не поедешь, то пришли не мешкая книги мои сколько можно. Совета даю, а повеления не имам… Спокоен будь и делай дело безмолвно другим. Проси Благопромыслительного Бога о спасительном устроении нашем. 3 февраля 1809г.»*[18]

Тимофею нелегко решиться монашествовать вдали от Ионы. В письмах этого «промежуточного» жития в Москве наряду с распоряжениями о присылке, покупке и передаче книг сквозной темой идет размышление о Саровской пустыне, как месте совместного с братом монашества. Тимофей прекрасно понимает, что не место «красит» человека: *«Есть в Сарове пещеры и церкви в честь Святых Печерских угодников. Они не ограничиваются местом, всю во всех концах земли всем с верою призывающим в нуждах помогают, особливо кои любовь их к Богу и ближнему помогают. Призвесть тебя с сим увольнением в Саров, ибо трудно к другому месту привыкнуть, а что не вместе будем жить телами, сие не столько чижело, когда ж будет угодно Богу хором и лучшим … признать жить вкупе.*

Пошли мы в монастырь ни я для тебя, ни ты для меня, но ради Бога…О себе я ничего верного сказать не могу, где и как буду, не знаю – ожидаю Воли Божией. Писал к батюшке (т.е., советовался со старцами — *Е.М.)»*[19]. Тимофей упоминает о. Назария и его ученика - отца Иллариона, следуя их наставлениям в трудном решении «разделиться» с братом: *«…Жалко, что я вторично о том же к тебе писал через о. Игумена Назария, ибо воображал я быть тебе сюда нынешним путем, а как увидел теперь не согласное тому, то пусть же всякой своим путем пойдем. Я один, а ты со сопутником выгоднейшим для тебя — ибо знаю, что место человека не освящает. Нет еще места подобнаго Едемскому раю, но и в том бедствие праотцу нашему случилось…Господь Бог да даст нам разум творить благо пред ним и как благоволит устроить нас, так и буди»*[20].

«Не знаю мирен ли ты, ибо…о произведении себя в оном месте по увольнениям нашим почитаемы в Сарове недостаточными, однако мнение батюшка о. Илариона кажется хорошим, чтобы мне о себе самом сперва промыслить полезное и потребное, а тебе остаться в их совете пожить в Саровской святой обители… Если вместительно силам твоим остаться, то останься с Богом и живи спокойно. Я же отправлюсь, ежели бог благоволит успеть нынешним постом в то место, о котором писал. Впрочем, как сам я, если Богу угодно, не отрекаюсь жить и умереть в Саровской святой обители, так и тебя не отвлекаю от оной. Ежели что и делаю в противность сему — по нужде и ради Бога, а не по страсти к чему-либо.

Место или обитель никакие меня не пленяют и сколько бы она хороша ни была, но не Бог, к кому первому благо есть прилепятися. И ты располагайся не для обители красоты и не для человека, но ради Бога жить, где он не определит. Ничего не делай из угождения мне или кому, но единственно Бога и пользы души своей.

Знай Бога да себя и будет с тебя. 3 марта 1809г.». Через пять дней Тимофей напишет: *«Я от Саровской пустыни не отрекаюсь, мне нечего искать в жизни, но только виновата Божия воля. Посему не токмо Сарова, но и гроба отрешить не могу. Поистине…ежели чем и занимаюсь и хлопочу, то по …времени того требует Высокосвятейшая Форма Синодальных и прочих Светских, нельзя пренебречь…Правда ваша не постриг увенчает, но подвиг…»*[21]

В каждом письме «многогрешного брата Тимофея» видно абсолютное полагание на волю Божию при упорном труде подчас без оглядки на здоровье. Пожалуй, самыми ценными в его письмах можно считать размышления-советы о здоровье и внутреннем спокойствии. Они тем более поразительны при осознании возраста молодых людей. Судите сами по письму двадцатидвухлетнего Тимофея своему восемнадцатилетнему брату: *«Пишешь грудью ты и головою не здоров, о сем соболезную, а молю всесильного и милосердного Бога, о нем же живем и движемся, чтобы даровал совершенное тебе здравие. Не мог и я здоровьем своим похвастать. При там думаю, что время ныне поистине благоприятное. Ныне день спасения, только не по нашему немощному расположению. Ибо благоприятие и спасение заключается в тесноте, скорби, болезни и труде. А в пространстве без скорби, покое и удовольствии того нет. Мы вступили в подвиг первого.*

Следуя за возлюбленным пострадающим по нас и оставленным нам образ пути своего Господином Их…Дабы от крайнего ощущения сердца с живым дерзновением пред Всевидящим мог изрещи: виждь смирение мое и труд мой, остави все грехи мои… Потщимся же братие, яко обретенный не покоями, но скорбями и трудом терпением проходит, смиряясь паче в немощи душ и веры, нежели кого-либо укоряя от малодушия: чего да избавит нас милосердный Бог.

И лучше просить отче… молитв о даровании терпения и самому призывать помощь Божию, нежели унывать в труде. Лучше в юдоли плакать день и ночь от видимой своей бедности, нежели воображении покой, которого на земле никогда не бывало, опускать руки и расслаблять колено – воину не бывшему на брани и не приявшему азов можно ли увенчану быть от Царя?

Когда мы жили с тобою в миру ради хлеба куса, коль спокойны были, здоровы, веселы. А труды не сравненно большие противу нынешних сколь были нам легки и утешны. Какую показывали послушность во всем, не рассуждая ни какого греха, яко святейшее и богоугодное дело, с каким исправляли успехом. Ни вода, ни огонь, ни ненастье, ни разбойников страх не были для нас препятствием — день и ночь как в Египте фараону работали, да и тем удивительнее, что те не волею, а мы произвольно. Мучились совсем же тем, что нам благо и бремя легко. Ибо бесовская прелесть не токмо нам не мешала, но и помогала. Теперь же ради Иисуса, коего поистине Иго есть благо и бремя легко, коль трудно исправляем, какая тягость, не здоровье и уныние угнетения дух наш. Ни вера, ни надежда, ни любовь не ободряют наших сил. От труда только скука да болезнь, а веселие не зазорной совести когда будет, Бог весть. Когда скажем, в сердечном чувстве, аз радуюсь от тебя и веселюсь. Ничего не стоят по Ап. и самые страдания человека на земли в сравнении с тою славой, каковую Бог уготовал любящим его… Трудности и скорби могут быть тяжелы и легки от нашего воображения.

Чувствуемые боли в груди и голове надобно рассмотреть. И узнать им причины. Ежели от письма многого, то оное надобно уменьшить, а буде от другого чего, так же поступить»[22].

Образованный и старательный Иона выполнял послушания и келейника нового настоятеля Нифонта, и — одновременно — письмоводителя Саровского монастыря[23]. Он, видимо, много трудился в ущерб здоровью. Старший брат его вникал в ситуацию, давая по этому поводу весьма дельные советы: *«А о изнеможении в труде письменного послушания со жалобою — помози Бог все обрабатывать тебе с любовью, однако прошу тебя, щади грудь твою слабую, не обременяя чрез меру сил. Делай столько, сколько можно по совести, невозможного же не токмо люди, но и Бог не требует, занимаясь святым послушанием, ничего себе ко мнозой молитве и чтении, а верь, что послушание дополняет тот недостаток, но и выше всех добродетелей. Иначе же можно повредить себе и дать место врагу, который влагает послушнику по св. Ап.: безвременное желание подвига безмолвных молитв и прочих, дабы*

привесть в безпорядок и смущение душу. Зри главу о послушании, я говорю: не обременяйся чрез меру, ибо благоразумный и добродушный человек и скоты милует и разумно ими располагает. На слабосильную лошаденку малый накладывает воз, а на сильную большой. Иначе он был безумен, если бы воз на слабосильну наложил. Разумный правитель может и надобное дело исправить, их не повредить. Безразумный же оных испортит и дела не исправит. Милосердный Бог да даст нам, убогим, разум все творити право.

Бат. о. Александр поправляется понемногу силами?»[24]. О здоровье о.Александра Тимофей тоже упоминает часто, прямо говоря о недоброжелательном отношении со стороны части братии: *«Есть известие, что в Сарове имеются умозаключения о нездоровье батюшки Александра, будто сие есть потому, что он много славился своею благосклонностью в принятии всякого. Ежели это правда, то почему те, к которым никто не ходит и которые не искренно не благосклонны, не странноприимны и какие ничего добра не делающи, находятся не токмо не здоровы, но и больны и всю жизнь кажется только лежат?*

Я смею заключить, что одна глупая и злая зависть, не ведущая предпочитать полезнейшее, пустословить так нелепо, пусть бы говорилось и покудо от невежества. Но когда говорится что от недоброго сердца в какую сторону говорят некоторые по спокойству какова нрава, которой не благоволил о брате своем деле, потому что он был добр. Надобно ли для того сделаться недобрым и заключить двери от нуждающейся братии. Что не добрые соблазняются на то, и кривым своим мерилом привак и скривляют по своему их нраву. Избави Боже. Лучше единаго гласу внять, нежели много шуму. Гласу того, который сказал: нет больше любви кто душу свою положил за брата»[25].

Не по годам зрелые высказывания Тимофея касаются не просто размышлений о невежестве части монахов. Речь идет о различении внешнего благочестия (по его выражению «старушечья моления»[26]) и внутренней молитвенной деятельности тех отцов, что возрождали Добротолюбие в России, издавая святоотеческие писания.

15 августа 1809 года Тимофей поступает послушником в Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Он описывает этот живописно расположенный *«на высокой горе, на реке Десне, что приток Днепра»* монастырь, добавляя, что *«в Киев водою скоро и дешево..., напоминает пространство Саровского монастыря»*[27].

С осени 1810 г. около года Тимофей провел в Москве, о чем упоминал в письмах в связи с книжными приобретениями, весьма кратко. Например, просит Иону выслать *«списка старца Паисия», «О книгах Саровских», «Пришлю книги Нила Сорского»*[28].

15 октября 1811 года: *«Из Москвы отправился в Свенский монастырь, потом остановился у пустыников Рославльской округи... Решился пожить со старцем Афанасием»*[29].

По словам автора жития, *«вероятно, его привлекала близость Рославльских и Брянских лесов, где в то время спасалось много пустынножителей. К числу этих отшельников в 1811 году присоединился и Тимофей Иванович. В Рославльских лесах Тимофей провел десять лет. Он вручил себя руководству иеросхимонаха Афанасия. Этот мудрый старец, ученик преп. Паисия Величковского, пребывал постоянно в духовном трезвении и имел дар умной молитвы»* [30].

Пустынники, с которыми поселился в лесу Тимофей, восьмером жили в трех кельях. Ежедневно, начиная с полуночи, пустынники у себя в кельях исправляли всю церковную службу, в воскресные и праздничные дни служили вместе. В Рождество, Пасху и великие праздники приходил из села Лугов священник с запасными Дарами. В свободное от молитвы время пустынники занимались рукоделием. Послушник Тимофей переписывал полууставом священные книги. Огород, который обрабатывали пустынники, родил только репу. Летом собирали грибы, ягоды для благодетелей, присылавших печеный хлеб, крупу и иногда бутылку масла. При недостатке соблюдали сухоядение. Целую зиму кругом выли волки. Медведи иногда обижали пустынников, расхищая огород; они подходили близко, но не трогали монахов, только по лесу слышался шум ломаемых ими ветвей. Однажды отшельники чуть не были перебиты разбойниками. Иногда придиралась к ним полиция. Но всего страшнее были бури, ломавшие столетние деревья. Однажды с ужаснейшим треском громадное дерево упало около кельи, и Тимофей думал, что все кончено, но дерево задело келью лишь ветвями.

В бытность своего отшельничества в Рославльских лесах Тимофей вел дневник. Уже после кончины его найдены весьма показательные отрывки: *«Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожительствующих со мною братьев, что их*

погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться.

Равномерно и им мои погрешности должно принимать на себя, с исповеданием перед Богом. И так да даст Господь разум и силы друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов, любовь и мир. Ошибки, поступки и грехи братьев да будут мои»[31].

В 1812 году при нашествии французов отшельники покинули пустынь. Тимофей удалился в Свенск и Белые берега. Он напишет брату 13 сентября 1812 года: *«Теперь по смутным обстоятельствам и тесноте от наглого нашествия неприятеля вытеснен из пустыни и теперь в Богоспасаемой Белобережской третью неделю в сердечной печали о озлоблении великом всех людей, так же и в страхе о своем временном и вечном животе, теперь что же делать».* Здесь он прожил полтора года до 1814 г. Потом вернулся опять в пустынь при р.Болгаровке. 1815 г. Провел в Москве[32]. По версии авторов жития о. Моисея, *«в1816 г. к преп. Моисею приехал его младший брат Александр, чтобы разделить с ним его жизнь. В 1816 году с братом своим преп. Моисей был в Киеве, где радушно был принят митрополитом Серапионом и наместником Лавры Антонием (впоследствии архиепископ Воронежский). По дороге, в разных обителях преп. Моисей посетил старцев: о. Василия Кишкина, преп. Макария (будущего Оптинского) и о. Филарета Глинского»*[33].

Строго говоря, указанная житийная дата путешествия не совпадает с датой из письма Тимофея, присланному Ионе в Саровскую пустынь 8 декабря 1818 года: *«Я с братом с августа в отлучке до Киева... Посетили Софрониеву пустынь, Глухову, Площ.(?) Белобережский и Свенский монастыри. Тимофей и Александр»*[34]. Два года разницы, впрочем, принципиальной важности не имеет. Главное, чем обогатили беседы старцев молодых искателей истины. Забегая вперед, можно отметить важный результат его поисков: как во время пребывания в Белобережской пустыни Тимофей приметил сильного старца Леонида (Льва), так и в киевском паломничестве примечает о. Макария. Оба они, приглашенные во время начала настоятельства Моисея в Оптиной пустыни, положили там начало старчеству. Таким образом, *«возможность духовного расцвета создалась благодаря его сотрудничеству со старцами Львом и Макарием... Старчество, процветавшее в Оптиной, обязано всецело своим существованием о.Моисею»*[35].

Гораздо важней мне видится выяснение даты и обстоятельств пострижения Тимофея. Он десятилетиями жил горячим желанием пострижения. Надо представлять его темперамент, нетерпение, переходящее иногда в гневливость, с чем он и боролся смолоду, чтобы понимать строки: *«И пострижение в прежнее время делали с самого прихода в монастырь. Нет жалеющих о крещении и скором пострижении. Не почтите, любимый брат, за грубость моего кичливого рассудка. Я так сознаю, а буде ошибаюсь, то своего разума не утруждаю, но в погрешности сей и во всякой прощения прошу. Остаюсь навсегда нижайший послушник. 8 марта 1809 г.»*[36]

Итак, по крайней мере, имеются три версии о дате пострижения Тимофея.

1. Автор «Жития», уходя от точной даты, довольно пространно говорит об этом событии, — во время уединения в пустыни под Рославлем старцем Афанасием *«и пострижен Тимофей Иванович в монашество с именем Моисея, в честь преп. Моисея Мурина. Это имя было дано ему по общей мысли пустынников за гостеприимство, которое с любовью оказывал преп. Моисей странникам, приходившим к пустынникам. Преподобный Моисей Мурин любил успокаивать странников».* Кстати, этот же источник упоминает о 1820 годе, когда *«Александр келейно был пострижен иеросхимонахом Афанасием с именем Антония, и поручен руководству брата своего преп. Моисея, к которому всю жизнь сохранял великое послушание»*[37].

2.Архимандрит Леонид (Кавелин) в кратком послужном списке о. Моисея дает более конкретную информацию: *«1822 г. Июня 3 дня пострижен в мантию; того же декабря 24 посвящен в иеродиакона, а 25 в иеромонаха и сделан общим духовником братии скитской и монастырской»*[38]. Поразительно — всего пять месяцев отделяют постриженника от признания его общим братским духовником!

3. Сам автор писем последний раз подписался *«многогрешным братом Тимофеем»* 25 июля 1819 года, а 20 сентября 1819 года — *«Пустынник. Душевнорасслабленный Моисей, брат Ваш»*[39]. Исходя из эпистолярных подписей, дату пострижения можно предположить в

53 Зак. 2219

рамках августа—сентября 1819 года. Таким образом, очевидна необходимость уточнения даты пострижения Тимофея с привлечением других документальных источников.

Главная заслуга постриженника Моисея состоит в том, что при его настоятельском содействии введено старчество в Оптиной пустыни. Известные впоследствии иеромонахи Леонид (Лев) и Макарий, избранные опытные духовные мужи, руководили иноками по учению святых и духоносных отцов. Введением старчества о.Моисей упрочил на будущие времена внутреннее благоустройство и благосостояние Оптиной. Но в силу своего начальственного сана о.Моисей сам драматически лишен безмолвно-созерцательной жизни старца-отшельника. Поэтому считаю важным продолжить поиск и изучение письменного наследия Тимофея — Моисея (Путилова).

---

[1] Кавелин Л., арх. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. доп.М.,1876. С.97.

[2] ЦГА РМ. Фонд Саровского монастыря. Ф.1. Оп.1. Д.367.

[3] *См.*:Преподобный Моисей. Житие// Преподобные старцы Оптиной пустыни. Жития. Чудеса. Поучения. Репринт с одноименного издания. Джорданвиль. Н-Йорк, 1992.С.89—106.

[4] Кавелин Л., арх. Указ. соч. С.209—210.

[5] ЦГА РМ. Ф.1. Оп.1. Д.367. Л.1.

[6] Преподобный Моисей. Житие//Указ. соч. С.90.

[7] ЦГА РМ. Там же. Л.1 об.

[8] Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвиль, Н-Йорк,1970. Репринтное переиздание Свято-Троице-Сергиевой Лавры.1995. С.90.

[9] Ошибочно указано «тридцать семь лет жил о.Серафим» в кн.: Преп. Моисей. Житие//Указ. соч. С.91.

[10] См.: ЦГА РМ. Там же. Л.4., л.17.

[11] ЦГА РМ. Там же. Л.1об.

[12] Преподобный Моисей. Житие//Указ. соч. С.91.

[13] ЦГА РМ. Там же. Л.2 -3.

[14] Там же. Л.8 об.

[15] Там же. Л.14-15.

[16] Там же. Л.16 об., 18.

[17] Там же. Л.19 об.

[18] Там же. Лл. 20—23.

[19] Там же. Л.25.

[20] Там же. Л.26—27.

[21] Там же. Л. 29—30.

[22] Там же. Л.6—7.

[23] Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908. С.138.

[24] ЦГА РМ. Там же. Л.10 об.

[25] Там же. Л.8 об.

[26] Там же. Л.24.

[27] Там же. Л.38.

[28] Там же. Лл.42 ,45, 47.

[29] Там же. Л. 52.

[30] Преподобный Моисей. Житие.//Указ. соч. С.91-92.

[31] Цит. по: Концевич И.М. Указ.соч. С.93.

[32] ЦГА РМ. Там же. Лл.54 - 63.

[33] Преп. Моисей. Житие // Указ.соч. С.93.

[34] ЦГА РМ. Там же. Л. 64.

[35] Концевич И.М. Указ.соч.С.90.

[36] ЦГА РМ. Там же. Л.31.

[37] Преп. Моисей. Житие // Указ.соч. С.91—93.

[38] Кавелин Л., арх. Указ.Соч. С.210.

[39] ЦГА РМ. Там же. Лл.78—79.

ИКОНОСТАСЫ СЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ, КАЛУЖСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

***Т.В. Лазарева**, соиск., С-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина*

Среди памятников церковного искусства сельские иконостасы образуют особое звено. Большинство из них было уничтожено в советское время, причем без предварительной фотофиксации. Чертежи и рисунки, как рабочий материал, не хранились ни мастерами, ни работниками архивов. В редких случаях можно встретить фотоснимки или акварели, запечатлевшие иконостасы усадебных церквей, которые также, как и домовые, во многом характеризуются личностью владельца, его эстетическими вкусами и художественными пристрастиями. В целом же остается иметь дело с архивными описаниями и прибегать к стилистическим аналогам.

Вводимые в научный оборот архивные источники указывают на сходство композиционных схем и иконографических программ в орловских, калужских и рязанских сельских иконостасах, регионально связанных Окой. Сведения архивных описей положены в основу авторских схем-реконструкций иконографического состава и топографии иконостасов.

Материалы по орловским памятникам относятся, в основном, к XIX веку, начиная с 1808 года (для северной столицы России это было время раннего ампира). Возьмем для рассмотрения иконостасы четырех уездов: Орловского, Мценского, Болховского и Новосильского.

Наиболее ранний из документов, 1775 года, дает представление об алтарной преграде «новопостроенной» церкви села Богородицкого (Струкова) Болховского уезда[1]: *«иконостас столярной работы гладкой а по местам с резьбой вызолочен и посеребрен... царские двери столярные с резьбой вызолощены и высеребрены, а в них образа Благовещения... и четыре Евангелиста»*. В местном чине иконы Спасителя, Богородицы, на дверях Архангелы Михаил и Гавриил, далее — свт. Василий и прор. Илия. Выше — двунадесятые праздники *«в раме позлащенной и высеребренной»*. В центре второго пояса Деисус, по сторонам которого по шесть праздничных икон; в третьем по сторонам Богородицы с Младенцем образа пророков, над ними — Распятие с предстоящими. В придельном иконостасе поле покрывала зеленая краска [в иконостасах калужских сел зеленый цвет поля встречается и ранее, в 1760 году[2]], а резьба вызолочена, царские двери позолочены и посеребрены; во втором поясе помещались двенадцать праздников в резных золоченых рамах. Одновременные калужские памятники были сходны по описанию, но имели большее количество ярусов (по три и четыре) и при этом более скромное убранство икон[3]. Ни в тех, ни в других не упоминаются ни элементы ордера, ни столбы, ни характерные элементы декора. Можно лишь предположить, что иконостасы были барочными, и были подобны подходящему под описание, стилизованному под барокко уже в николаевское время, иконостасу с окраской поля в голубой цвет, который сохранился в подмосковном селе Виноградове[4].

В четырех документах прослеживается история церкви Толгской иконы Божией Матери в селе Башкатово Мценского уезда и ее иконостаса на протяжении всего XIX столетия. Главный иконостас еще деревянной церкви в 1808 году был *«столярной работы с резбою; резба и карнизы вызолочены, а гладь покрыта зеленою краскою [ею выкрашен и амвон]»*[5]. Это описание почти совпадает с калужскими памятниками 60-х—80-х годов XVIII столетия, представленными в статье В.Г. Пуцко «Иконостас русского сельского храма на рубеже XVIII—XIX веков»[6]. Расхождение только в том, что последние упоминаются без резьбы или прямо названы «гладкими», что соответствует стилистике раннего и строгого классицизма того времени.

Еще в середине XVIII века в Высокопетровском монастыре Москвы была построена Толгская церковь (в память явления иконы Божией Матери на реке Толге в 1314 г.[7]) Мценский памятник насчитывал такое же количество рядов и также завершался резным Распятием с предстоящими. В Москве 1780-х получило распространение позднее барокко. Поскольку в 1808 году мценская церковь и ее иконостас не названы новыми, можно предположить, что их создание по времени и стилю соответствовало московским образцам.

Характерной топографической чертой мценского Толгского иконостаса является расположение слева от царских врат Казанской иконы, а храмовой — последней справа, а также помещение

над царскими вратами образа «Восстание от Гроба». Парные фигуры позолоченных Ангелов по сторонам иконы Отечества в верхнем ряду — мотив широко распространенный не только на Орловщине. Асимметричный придельный иконостас имел два яруса (без упоминания Креста вверху). Согласно описи 1829 года, место «Отечества» в IV ряду занял образ Коронования Божией Матери (необычайно распространенный в регионе на протяжении около 150 лет), другое «Коронование» было поставлено в алтаре *«перед престолом»*[8]; придельный иконостас не изменился. Не исключено, что постепенно ветшающие зеленые с позолотой иконостасы деревянной церкви просуществовали без существенных изменений до постройки новой каменной в 1844 году[9]. В ней количество рядов главного иконостаса сократилось втрое, новые двурядные установлены и в пределах. К 1892 году все иконостасы были *«столярной работы с резбою в золоте»*, и во всех царских вратах по углам от Благовещения *«в резбе»* четыре евангелиста.

В 1829 году того же Мценского уезда села Усово Троицкой церкви иконостас был покрашен *«мраморною краскою»*, завершался образом Господа Саваофа в сиянии, который, как и расположенное под ним Коронование, фланкировали парные позолоченные фигуры Ангелов. Во втором «поясе» (не считая праздники над местным рядом) помещались шесть страстных образов[10]. Подобное описание приводит В.Г. Пуцко, говоря об иконостасе 1751 года в калужской церкви села Столпово: те же страстные иконы во втором поясе, в третьем — «Коронование», над ним в сиянии — «Господь Саваоф», нет только четырех резных Ангелов; этот иконостас был не покрашен, а посеребрен по полименту[11]. Неизвестно, был ли мценский аналог моложе и если да, то насколько; *«мраморную»* окраску в нем дополняла позолоченная резьба; вызолочены, а не посеребрены были резные царские врата, резное изображение Святого Духа в сиянии над ними и образ Саваофа с сиянием вверху. Гораздо скромнее выглядел придельный двухъярусный иконостас: *«гладкой столярной работы покрашен голубою краскою дарожечки и капители вызлощены. Царские врата гладкие голубые ж с изображением в них Благовещения Пресвятой Богородицы, Архангела Гавриила и четырех Евангелистов [...над ними —] тайныя вечери свидетельствованная Самим Саваофом в небольшом круге»*[12].

Интересно описание 1820 года иконостаса Покровской церкви села Дичня Новосильского уезда, композиция которого напоминает недатированный рязанский проект, любезно предоставленный автору администрацией ГАРО. Новосильский иконостас предстал глазам современника следующим образом: *«хорошей формы столярный со многою по многим онаго местам искусно сделанною резбою, и по приличным местам колоннами неокрашенный [... Около царских врат] с обеих сторон по две колонны, окрашенных желтою краскою...с предстоящими около [Тайныя вечери] на колоннах двумя Ангелами [...;] над образом тайныя вечери резная в сиянии чаша стоящая в полуцыркульном круге, в арке... Поставныя иконы Очень Хорошей Живописной работы, все покрыты хорошим лаком... [В местном чине все] иконы в особых отличных резных рамах* ***внизу коих***... [выделено мною — *Т. Л.*] *в обоих сторонах в полуцыркульных рамах четыре Древней и Новой Историй священных, образа, а сверх оных в мелких клеймах образа двунадесятых праздников с образами над ними в клеймах же находящихся святых страстей Господа Иисуса. Около Арки над вечерию состоящей с обоих сторон в двух клеймах Образа Двенадцати Апостолов. Над Аркою в Треугольнике Образ Моления сына Божия о чаше, и с обоих сторон онаго Треугольника в двух клеймах образа Страстей Господних... Весь же оный иконостас окрашен голубою краскою»*[13]. Это описание перекликается с приведенным В.Г. Пуцко иконостасом 1780 года в вотчине Хитрово[14].

На территории бывшего Орловского уезда сохранились два стилистически близких поновленных иконостаса: один 1847, другой — 1849 года. Первый из них был возведен в Никольском храме села Лепешкино (Старцево)[15]. Храм не закрывался, в иконостасе остались нетронутыми иконы, царские врата и колонны, периодически он окрашивался и пополнялся золочеными элементами резьбы. Его четырехъярусная конструкция имеет характерные боковые волюты в верхних ярусах: внутри каждой помещен выделенный позолотой стилизованный цветок на длинном спиралевидном стебле (подобный вариант волюты встречается в иконостасе раннего классицизма, установленном в Смоленской церкви на Смоленском кладбище в С-Петербурге, куда он попал из Богословской церкви на Выборгской стороне после ее закрытия в 1779 году[16]). Подобные волюты использовались и в Рязани.

В орловском иконостасе иконы на досках заключены в золоченые рамы. Избранные святые

представлены восемью святителями: по сторонам от Спаса на престоле с предстоящими — шесть святителей на двух иконах, в местном чине крайний справа — храмовый образ святителя Николая, слева — Митрофана Воронежского. Судя по композиции, образы Архангелов поменяли местами. Время создания иконостаса приходится на ранний период эклектики, и в целом стилистика позднего ампира сочетается в нем с мотивами барокко. В царских вратах применены разные варианты золочения и фактуры золота в иконах и резьбе. Свет в образах гравирован, а в иконах Благовещения обогащен живописными цветочными дорожками.

По его образцу, вероятно, создавался иконостас 1849 года в неподалеку расположенном селе Большая Куликовка. Сохраняется его первоначальная светло — розовая окраска[17]. Царские врата обоих иконостасов почти повторяют друг друга. Созданные после издания I тома типовых проектов, оба иконостаса в общем решении и ряде деталей соответствуют предложенным в сборнике вариантам.

В 1850 году в Успенском (Ядрино) Мценского уезда был создан (*«возобновлен»*) невысокий иконостас: *«...гладкий с колоннами..., выкрашен белою краскою, а резныя места в колоннах покрашены желтоватою... Царские врата сквозные; в средине коих устроен Крест с Распятием... с предстоящими... На Царских же вратех изображено Благовещение...; а внизу сего изображены 4 евангелиста по парно»*[18]. Гладкий в два с половиной яруса придельный иконостас 1845 года был покрашен голубой краской, карнизы и рамки икон его были позолоченные. Иконостас имел асимметричную конструкцию и смешанный ряд «лиц» апостолов и пророков.

В 1860 году в селе Троицком на Легоще Мценского уезда помещик Василий Хитрово поставил деревянную церковь. В ее описи за 1900 год[19], по «возобновлении», значится столярный гладкий трехъярусный иконостас с Распятием и живописными предстоящими вверху, а также *«с немногими разными штуками»*, который был *«заново выкрашен в белый цвет с лаком и вновь вызолочен»*, а иконы, врата и двери вновь переписаны живописцем Жарковым, причем *«на местныя четыре иконы наложены новыя ризы аплеке с серебро-позлащенными венцами»*. Слева от царских врат находилась *«Венецкая»* [или *«Венецейская»* — *М.А. Комова*] икона Божией Матери. Над царскими вратами, **ниже** [выделено мною — *Т. Л.*] «Тайной вечери», указан образ Саваофа в сиянии. В придельном иконостасе полировка была выбелена в 1900 году, а резьба заново позолочена, столярные царские врата с полировкой белого цвета были *«по местам вызлащены»*[20].

В собрании РГИА хранится масштабированный проект иконостаса для Св.-Троицкой церкви при селе Гулынках Пронского уезда Рязанской губернии, выполненный академиком архитектуры Н. Д. Федюшкиным[21] в «русском стиле». Лист не датирован, но, принимая в расчет, что звание академика архитектор получил в 1864 году, а ушел из жизни в 1888-м[22], можно определить, по крайней мере, временные рамки периода создания проекта. Невысокий, в полтора яруса, иконостас с выступающим трехчастным центром имел трехлопастное кокошниковое обрамление иконы Тайной вечери и царские врата с крестом во всю высоту, заполненные резной «плетенкой» с двумя округлыми сквозными проемами вверху. Общее решение иконостаса напоминает типовые проекты К. Тона. Примерно в то же время (в 1874 году) в церкви орловского села Лаврово появляется иконостас *«под золото чеканной работы»*[23].

Отдельную категорию составляют памятники усадебного типа. Два описания подобных иконостасов относятся к первой половине XIX века. На территории бывшего Орловского уезда сохранились в руинированном состоянии здания двух усадебных церквей. Каменная Михаило-Архангельская находилась во владении графов Каменских. Освященная в 1755 году[24], в 1808-м она имела главный — 4-х- и придельный 3-ярусный иконостасы. То, что главный иконостас[25] *«столярной работы по приличным местам позлащен весь, но по местам поливял»* к началу века, дает основание полагать, что он является ровесником церкви. В описи не говорится, были ли позолочены *«Царския врата столярной работы с изображением резбою Тайной вечери»* (подобные композиции были принадлежностью ряда главных иконостасов уездного города Болхова, рязанский аналог датируется XVIII веком; рязанский аналог датируется XVIII веком). *«В средине»* IV пояса указана *«коронация Богородицы»*, в самом верху — Святой Дух в сиянии. В местном ряду крайним справа был широко распространенный образ свт. Димитрия Ростовского, причисленного к лику святых в середине XVIII в. и ставшего первым русским святым, канонизированным в синодальный период.

54 Зак. 2219

Опись 1839 года[26] зафиксировала иконостас Преображенской церкви села Салтыки (Спасское) Орловского уезда. Это село одно время принадлежало Петру Шереметеву и, видимо, после его кончины в 1788 перешло графу Салтыкову, откуда и получило свое второе название[27]. Шереметевы владели также усадьбами в Кусково и Останкино. Искусствовед начала XX века А.Н.Греч, отмечает приверженность *«избалованного аристократа XVIII в.»* Бориса Петровича Шереметева стилю елисаветинского рококо и его перехода к классицизму и то, что *«граф Николай Петрович [...] воспринимает всецело классицизм в его лучших, почти европейских достижениях»*[28].

Описываемый в 1839 году иконостас находился в деревянной церкви конца XVIII столетия, которая была разобрана в 1895-м после постройки каменного храма: *«Иконостас столярной работы с резбою, окрашен зеленою краскою, местами позлащен, царские врата резные позлащенные в средине их Тайная вечеря»*[29]. В новом, построенном по проекту епархиального архитектора в 1886 году, храме внутреннюю отделку и иконостас выполнял орловский мещанин Николай Васильевич Хлебников[30]; о характере иконостаса сведений нет.

Другой характер у запечатленного в начале XX века иконостаса храма в селе Рождество Боровского уезда Калужской губернии[31]. Альбом фотографий с дарственной надписью графу Я.Н. Ростовцеву, хранящийся в РГИА, содержит виды зданий и интерьеров сельской школы и церкви. На фотографиях представлен беломраморный в полтора яруса иконостас, пластику которого подчеркивает инкрустированный бордюр и колонны из темного с прожилками камня. По характеру иконостас близок созданной в русско-византийском стиле алтарной преграде трапезной церкви Киево-Печерской Лавры, но с более классицистическими чертами. Необычайно дорогое и изысканное в художественном смысле убранство интерьера создает безупречный по стилю ансамбль, что выдает авторство архитектора академического уровня.

В храме орловского поселка Кромы в XX веке установлен иконостас, по преданию (не подтвержденному документально), привезенный из Боровска. Низкий иконостас «русского стиля» из мореного дуба и его иконы, писанные на досках с позолотой по левкасу, в хорошей сохранности. Подобных произведений на территории бывшей Орловской губернии в документах не встречается.

В Рязани, в приделе кафедрального собора, сохранился фаянсовый иконостас XIX века, перевезенный из храма села Ижевского Спасского уезда Рязанской губернии[32]. Документов об иконостасе в архиве не обнаружено. Известно, однако, что подобные иконостасы создавались в 1899 и 1909 годах для храмов С-Петербурга в московской фирме М.С. Кузнецова[33]. Исходя из этого, можно уточнить время создания рязанского памятника — не ранее 1890-х. Сегодня иконостас в отличном состоянии, но почти все иконы в нем написаны заново. Вверху, по сторонам от образа Господа Саваофа, объемные символы Нового и Ветхого Заветов, вероятно, при сборке после демонтажа поменяли местами. Иконостас, решенный в нежном голубо-розовом колорите, имеет раскрепованный карниз, нарядные столбики, пальметты и розетки.

Судя по орловским памятникам, они, в отличие от городских, служили (с подновлениями и без) по 100—150 лет[34]. Заметно, насколько важная роль отводилась деревянной скульптуре в сельских иконостасах Орловской губернии первой половины XIX столетия: это резные композиции «Тайной вечери» и даже Распятие с предстоящими в царских вратах, парные фигуры Ангелов, образы Господа Саваофа. На протяжении века предпочтение зачастую отдавалось стилистике раннего классицизма с окраской тела иконостаса в зеленый, голубой или розовый цвет, а также в свойственный ампиру белый. Неизменная ордерность алтарных преград подтверждается упоминанием золоченых карнизов и капителей колонн и пилястр. В рисунке царских врат середины века и отдельных иконостасов второй половины XIX-го усматривается влияние типовых проектов К. Тона, о масштабе применения которых в регионе судить еще рано. Тем не менее, с их выходом, рекомендованные живописные образы Благовещения и евангелистов на царских вратах и помещаемая по центральной оси крупноформатная «Тайная вечеря» безвозвратно вытеснили из Царских врат распространенные прежде резные композиции.

Сельским иконостасам обычно свойственна известная путаница в иконных рядах. Среди особенно распространенных икон следует назвать «Коронование Богоматери» и образы святителей Митрофана Воронежского и Димитрия Ростовского. В целом сельские иконостасы

Орловской губернии не отразили многостилья столичных образцов XIX века. Памятники Рязани и Калуги, по крайней мере, в отдельных случаях приближались по стилистике к столичным образцам русско-византийского стиля, модерна и неоклассицизма, включая не встречающиеся в селах Орловщины иконостасы из фаянса или цветного камня. Орловским памятникам XIX столетия свойственна патриархальная консервативность даже в сравнении с одновременными произведениями соседних губерний, особенно долго здесь задержались барокко и классицизм. Новые иконостасы рубежа XIX—XX столетий отразили современную неоклассику.

Примечания

[1]Здесь и далее: ГАОО. Ф.220. Оп.1. Ед.хр.15. Лл. 3, 3об.
[2]Пуцко В. Г. Иконостас русского сельского храма на рубеже XVIII—XIX вв./ Сб. Русское церковное искусство нового времени.М.: Индрик, 2004. С. 85.
[3]Ук. изд. Сс. 86—87.
[4]Москва Православная. Церковный календарь. История города в его святынях. Благочестивые обычаи / ред. М. И. Вострышев. Т. V. М., 2000. С. 426.
[5]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 2326. Л. 4.
[6]Пуцко В. Г. Ук. изд. С. 85, 86, 88.
[7]Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон / Сост. С. Снессорева. М.: Благовест, 2001. С. 364.
[8]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 2338. Л. 3об.
[9]Здесь и далее: ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 2342. Л. 2.
[10]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 2676. Лл. 4, 4об.
[11]Неделин В. М. Архитектурные древности Орловщины.Орел: Вешние воды, 1998. С. 83—84.
[12]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 2676. Лл. 8— 8об.
[13]ГАОО. Ф.101. Оп.1.Ед.хр. 2802. Лл. 1об, 2
[14]Пуцко В. Г. Ук. изд. С. 85—86.
[15]Неделин В. М. Ук. изд. С. 31.
[16]Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. I. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 184.
[17]ГАОО. Ф.220. Оп.1. Ед.хр.118. Церковные летописи Орловского уезда. Л. 5.
[18]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 2693. Лл. 2—2об.
[19]Здесь и далее: ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 2668. Лл. 2, 2об.
[20]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 2668. Л. 4.
[21]РГИА. Ф. 835. Оп. 4. Ед. хр. 47.Л. 29.
[22]Петров П.Н. Сб.материалов для истории Императорской Академии Художеств за сто лет ее существования. Т. III. 1888. № 6. С. 182—183.
[23]ГАОО. Ф.220. Оп.1. Ед.хр.118. Церковные летописи Орловского уезда. Л. 1.
[24]Неделин В. М. С. 39.
[25]Здесь и далее: ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 3905. Л. 3об.
[26]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 4451.
[27]Здесь и далее: Неделин В. М. С. 49.
[28]Греч А. Н. Венок усадьбам / Памятники Отечества. Альманах. № 32.М., 1994. С. 108.
[29]ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Ед.хр. 4451. Л. 1.
[30]Неделин В. М. С. 49.
[31]РГИА. Ф. 1042. Оп. 1. Ед. хр. 114.
[32]Иеромонах Серафим (Питерский), Панкова Т. М. Борисо-Глебский кафедральный собор г. Рязани. Рязань, 2001. С. 62.
[33]Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. СПб., 1994. С. 47, 81, 88.
[34]ГАОО. Ф.220. Оп.1. Ед.хр.118. Церковные летописи Орловского уезда. Лл. 7, 9, 13, 27.

ИМЕНИЕ ДВОРЯН ЕРМОЛАЕВЫХ В СЕЛЬЦЕ ГОРКИ. (ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА)

***Е.А. Назарян**, к.и.н., Калужский филиал Московской финансово-юридической академии*

История дворянских усадеб до сих пор хранит много загадок и тайн, целый ряд культурных

объектов не изучен и ждет своих исследователей. Одна из таких забытых усадеб — усадьба в сельце Горки — наследственное владение дворян Ермолаевых.

Малоярославецкие земли были пожалованы Льву Дмитриевичу Ермолаеву государями Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем *«за службу дьяком и за промыслы и храбрость его в 1673 г. во время войны против турок и татар высочайшею грамотою 1684 г. декабря 31 жалован родовыми поместьями и окладом 810»*[1].

У Льва Ермолаева было два сына — Иван и Петр, и малоярославецкие земли отошли младшему — Петру. Петр был женат дважды: на Авдотье Тимофеевне Аргамановой (был сын Михаил), второй раз на Марии Сергеевне Ждановой (дети Сергей, Александр и Анна)[2]. После смерти Петра Львовича Ермолаева в 1738 г., *«в 1739 г. по разделу с мачехою и братьями Сергеем и Александром и сестрою Анною»* Михаилу Петровичу, помимо других владений, досталось имение Горки[3].

Михаил Петрович дослужился до титулярного советника, был женат на Анне Никитичне Насоновой, у них было трое детей: сын Михаил и дочери Пелагея и Мария. В 1782 г., согласно описаниям и алфавитам к Калужскому атласу, имение Горки и 119 душ крестьян принадлежало вдове Михаила Петровича Ермолаева, Анне Никитичне,[4] кроме того — 57 душ в сельце Таурове, пустоши Рябцова и Мхова и сенные покосы на правой и на левой стороне реки Суходрови[5]. Позднее, видимо, в 1793 г., имение перешло к сыну Михаилу Михайловичу. Михаил служил в лейб-гвардии конном полку с 1767 по 1779 гг., а потом вышел в отставку в чине поручика. Он был женат на Анне Писаревой. Жил Михаил Михайлович большей частью в Санкт-Петербурге, и лишь на лето приезжал в свое родовое имение Горки[6]. Выйдя в отставку, поселился в своем родовом имении, видимо, пытался обустроить быт или ввести какие-либо нововведения, а может быть, просто нуждался в средствах. Во всяком случае, в 1804 г. 100 душ крестьян были заложены *«по двадцати рублей на душу»*[7].

В том же 1804 г. приключилось досадное недоразумение, которое привело к длительной ссоре Михаила Михайловича с его соседом, владельцем усадьбы в Пнево, надворным советником Дмитрием Рахмановым. Дело в том, что мельница в имении Рахманова находилась выше по реке Суходрев, чем владения Ермолаева. То ли по неосторожности, то ли по какой другой причине, но *«Быковский брод, колодец и другие угодья»*, в том числе и мельница Михайлы Ермолаева, были затоплены[8]. Видимо, в отместку за затопление мельница, принадлежавшая Д. Рахманову, была разрушена. Судебная тяжба между соседями длилась несколько лет. Дело дошло до слушаний в правительствующем Сенате в 1808 г. Дело было запутанным, взаимные претензии предъявляли обе стороны конфликта; в конце концов, решили принять предложение г-на действительного тайного советника министра юстиции и кавалера князя Петра Васильевича Лопухина. *«Приказали, согласно предложению господина министра, предписать Калужскому губернскому правлению, чтобы оное отрядило губернского архитектора и одного из находящихся в губерниии землемеров, знающего измерить падение воды и наклонность местоположения, который и отправится на место бывшей Рахмановской мельницы и ... уполномоченных от малоярославецкого нижнего земского [суда] и губернского правления. Через означенного архитектора и землемера освидетельствовать мельницы как быковскую, так и тауровскую, положить и на план с профилями и измерить и саму между сими мельницами речку Суходрову, сколько она имеет падений или наклонностей, также высоту берега той реки, широту ее и глубину и нанести на планы»*[9].

По-видимому, соседи не хотели втягиваться в свару и принимать чью-либо сторону, они придумывали всяческие поводы, чтобы не участвовать в судебном разбирательстве. *«Дворянский заседатель Перепелкин донес, что коллежский советник Яков Ларионов, майор Александр Ермолин, капитан Николай Едищев находились по надобности в Калуге, коллежский советник Михайло Белкин — в Москве, поручик Семен Марин в мещевской своей деревне, прапорщик Петр Дуров поехал неизвестно к какому-то помещику в гости, а господин майор Львов находится в тягчайшей болезни, майоры Федор Белкин и Павел Смольянинов обязались, что если они будут здоровы, то не преминут быть»*[10]. В 1809 г. *«для освидетельства быковской и тауровской мельницы разрушения одной другой подтопа... землемер Маслов, архитектор Ясныгин, майоры Федор Белкин, Александр Смольянинов, Александр и Федор Белкины, Александр Ермолин и поручик Синбухин малоярославецкому земскому суду 31 текущего мая поручено, дабы в то сельцо у к*

назначенному числу прибыли»[11]. 28 сентября 1810 г. поручик Михаил Михайлович Ермолаев умер. Видимо, тяжба на этом закончилась.

После Отечественной войны 1812 года и смерти Михаила Михайловича документы на имения Ермолаевыми были утрачены.

У Михаила Михайловича было два сына: Александр, который также как и отец служил в лейб-гвардии конном полку поручиком, и Петр, который *«занимался разными науками»*[12], — а также две дочери — Екатерина и Варвара. Не позднее 1816 г. умерли его дети Александр и Варвара.

Владельцем имения становится Петр, именно он собирает документы, подтверждающие его родословную и права на родовое имение Горки; благодаря его хлопотам дворянский род Ермолаевых был внесен в VI часть Дворянской родословной книги Калужской губернии (21.12. 1834 № 11388)[13]. Петр родился в 1791 г., получил прекрасное домашнее образование, изучал английский, французский, историю, географию, статистику. На основании указа от 6 августа 1809 г. выдержал экзамены в Императорском Московском университете и получил аттестат о знаниях. Определен по экзамену в государственную коллегию иностранных дел актуариусом в 1806 г., переведен в Московский архив иностранных дел 13 июня 1808 г., потом произведен в переводчики. 31 декабря 1811 г. — титулярный советник. С 22 августа 1812 г. состоял в первом пехотном полку Московского ополчения в чине поручика. Участвовал в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. Возвратился на гражданскую должность 13 марта 1814 г.[14] В 1815 г. — коллежский асессор. В 1825 г. был уволен из архива по собственному желанию *«для определения к другим делам»*, уехал из Москвы в свое родовое имение в Малоярославецком уезде. С 1832 по 1836 гг. — депутат дворянства Малоярославецкого уезда. В 1840—1841 гг. — непременный член Калужской комиссии народного продовольствия. Надворный советник с 31 декабря 1842 г. Вновь избран на должность депутата дворянства Малоярославецкого уезда в 1844 г. и оставался на этой должности до 1860 г., видимо, вплоть до смерти[15]. Известно, что в 1859 г. *«земля при сельце Горках перешла от раздельного акта с братьями»*, Андрею Петровичу Ермолаеву, губернскому секретарю[16]. Видимо, это произошло после смерти Петра Михайловича Ермолаева.

Петр Михайлович был женат на Марии Павловне,[17] не имевшей своего имения[18]. У них было девять детей. Дочери: Анна (р. 19.08.1821), Мария (р.01.01. 1829), Александра (р. 29.05.1831), Софья (р. 18.03.1843); сыновья: Михаил (р. 19.10. 1822), Андрей (р. 12. 08. 1825), Григорий (р. 18. 12. 1836), Павел (30.06. 1839), Юрий (р. 23.03. 1844).19 В 1850 г. все дети, кроме Михаила и Андрея *«находились при отце»*.

Старший сын Михаил Петрович, поручик, заседатель Малоярославецкого уездного суда с 12 декабря 1856 по 8 января 1863 г. У него были дети: сыновья — Михаил, Николай и Александр; и дочери Надежда и Вера[20]. Известно, что с *«октября 1871 г. и до 1914 г. в сельце Пнёво была школа. В ней обучалось 26 мальчиков и 15 девочек. Учительницей состояла девица из дворян Вера Михайловна Ермолаева»*. В 1885 г. Вера Михайловна работала учительницей в церковно-приходской школе села Логино с ежемесячной оплатой 8 руб.

Андрей Петрович Ермолаев получил домашнее образование, в службу вступил в Калужское депутатское собрание писцом 1 разряда в октябре 1841 г., в марте 1847 г. — коллежский регистратор, в мае 1848 г. — губернский секретарь,[21] избирался заседателем в 1848 г. и судьей малоярославецкого уездного суда в 1849 и 1851 гг.22 Просматривая подшивки «Калужских губернских ведомостей» натыкаемся на интереснейший факт: оказывается, что Андрей Петрович участвовал в любительских спектаклях и, видимо, обладал определенными актерскими способностями. Во всяком случае, газета сообщала следующее: *«Одобрение публики заслужил благородный спектакль в г. Малоярославце 17-го апреля 1863 года в день рождения Его Величества государя императора Александра II. В доме мирового посредника Ланского был дан благородный спектакль на пользу солдат и офицеров, раненных в Польше и осиротелых семейств, оставшихся после убитых»*. Спектакль состоял из трех небольших пьес, из которых более других замечательна комедия, водевиль в одном действии «Отец, каких мало», в которой главными действующими лицами были: помещик Малоярославецкого уезда А.П. Ермолаев, разыгравший, довольно удачно, роль кавалерийского полковника Николая Петровича Разгулина, окончившая курс в Екатерининском институте Н.В. Ланская, которая с искусством сыграла роль дочери Разгулина, Катеньки, А.В. Ланской и Н.П. Томашевская. *«...Каждый из действующих лиц сыграл назначенную ему*

роль с полным одушевлением... Собравшаяся публика...была также довольна представлением...»[23].

У А. П. Ермолаева было двое детей: сын Сергей и дочь Анна. Известно, что не позднее 1912 г. Анна Андреевна вышла замуж за крестьянина Муравьева[24].

Третий сын Петра Михайловича Ермолаева — Григорий Петрович — сделал весьма успешную карьеру. По окончании курса наук в Императорском Московском университете по юридическому факультету, со степенью кандидата вступил в службу 22 ноября 1861 г. и. д. младшего чиновника особых поручений при Калужском губернаторе В.А. Арцимовиче. Был утвержден в должности кандидата к мировому посреднику Малоярославецкого уезда 10 мая 1862 г.; 8 марта 1863 г. утвержден в чине коллежского секретаря со старшинством с 1861 ноября 22. Всемилостивейше пожалован знаком отличия 17 апреля 1863 г. за введение в действие положения 19 февраля 1861 г. Указом Правительствующего сената перемещен кандидатом к мировому посреднику Калужского уезда 14 декабря 1864 г. Был переведен и. д. комиссара Петровской комиссии по крестьянским делам 2 февраля 1866 г. в Царстве Польском. В 1868 г. произведен титулярные советники, в 1870 г. — коллежский асессор, в 1874 г. — надворный советник, в 1877 г — коллежский советник, в 1879 г. — статский советник. Вышел в отставку по болезни 1 ноября 1890 г., ему была назначена усиленная пенсия в размере 800 руб. в год. Был избран на должность Предводителя дворянства Малоярославецкого уезда с 18 октября 1891 по 14 декабря 1892 г. Автор мемуаров о деятельности Арцимовича по крестьянскому вопросу в Царстве Польском. Кавалер ордена Св. Владимира 3-й и 4-й степени, Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст. с короною и без короны, имел не только знак отличия 17 апреля 1863 г., но и серебряную медаль за труды по устройству крестьян в Царстве Польском. Холост[25].

Григорий Петрович большое внимание уделял доставшейся от предков усадьбе: в 1898 г. имение вошло в список крупнейших имений Калужской губернии стоимостью не ниже 50000 руб., занимало 527 десятин, от Малоярославца находилось в 30 верстах, ближайшая железнодорожная станция была в с. Детчино, а почтовая станция — в Михеево. Также в ведомости указывалось, что имение располагалось между Горками и Тауровым. В усадьбе были водяные мельницы,[26] многочисленные хозяйственные постройки, также каретный сарай. (Во всяком случае, оставшиеся в настоящее время развалины наводят на мысль именно о каретном сарае.)

Известно, что в 1891 г. Ермолаев выстроил недалеко от деревни Таурово кирпичный завод[27]. В год производилось до ста двадцати тысяч штук, но в продажу поступало всего двадцать тысяч, *«остальное же употреблялось владельцем для своих надобностей»*[28]. Недалеко от завода находились: сторожевая изба, обжигательная печь, два сушильных сарая[29].

В 1897 под строительство Московско-Брянской железной дороги недалеко от кирпичного завода было проведено отчуждение *«1 десятины 1727, 5 саженей земли разных угодий»* Г.П.Ермолаева[30]. Добровольного согласия об отчуждении земли с владельцем не последовало, и дело было передано в оценочную комиссию. Ермолаев требовал компенсации 47 400 руб., в том числе и *«за потерю всякой ценности ... кирпичного завода, вследствие близости к железной дороге»*[31]. Но оценочная комиссия выяснила, что *«земля г. Ермолаева, расположенная у грунтовой дороги и в 28 верстах от ... ближайшего города-потребителя, находится в значительно худших условиях, до того худших, что владелец ея Ермолаев, не нашел для себя выгодным эксплуатировать кирпичное производство, ограничившись деятельностью выстроенного им в 1891 г. кирпичного завода для собственной потребности, по удовлетворении которой предпочел прекратить это производство на третьем году его существования и самый завод бросить, даже без всякой впоследствии попытки не только возобновить его действие, но и поддерживать имеющиеся постройки»*[32]. Ермолаев не согласился с выводами комиссии, потребовал проведения экспертиз. Тяжба длилась вплоть до 1907 г.: был измерен объем глины, расположенной на участке, оценено ее качество, выяснены цены на кирпич в губернии, арендная плата по уезду за пользование землей, где были залежи глины и т.д. В конце концов, комиссия постановила выплатить Ермолаеву 2151 руб. 2 коп.

Григорий Петрович Ермолаев представляется человеком весьма прижимистым и хитрым. К тому же, нет никаких сведений о том, что он помогал своим племянницам или племянникам.

Младший сын Петра Михайловича — Павел Петрович — с 14 декабря 1886 по 14 декабря

1889 был заседателем Малоярославецкого уездного полицейского управления. У него было два сына: Дмитрий и Владимир[33].

Сведений о судьбе других детей и внуков Петра Михайловича Ермолаева найти не удалось.

Как сложилась судьба усадьбы и ее владельцев после Октябрьской революции, неизвестно. В настоящее время сельцо Горки разделено на Верхние Горки и Нижние Горки. В середине XX века частично территория усадьбы и усадебный парк недалеко от деревни Таурово использовались под пионерский лагерь «Липки». В 1990-е г. лагерь был заброшен, сейчас на его территории царит полное запустение. Красивая нетронутая природа привлекает городских жителей. Вместо умирающих деревень появляются дома дачников, но история этого места забыта. В 2009 г. Малоярославецкий район отмечает свое 80-летие, и становится совершенно очевидным, что изучение дореволюционной истории малоярославецких земель совершенно невозможно без серьезного анализа возникновения и развития усадебных комплексов

[1] ГАКО.Ф. 66. Оп. 1. Д. 193. Л. 71.
[2] Там же Л. 1.
[3] Там же Л.67 об.
[4] Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. I. Описание города Малоярославца и его уезда СПб.,1782. С. 76
[5] Описания и алфавиты к Калужскому атласу… С. 68, 69, 77.
[6] ГАКО.Ф. 66. Оп. 1. Д. 193. Л. 37 об.
[7] ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 555. Л. 380.
[8] ГАКО. Ф.66. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.
[9] Там же. Л. 2.
[10] Там же. Л. 7.
[11] Там же Л. 17.
[12] ГАКО.Ф. 66. Оп. 1. Д. 193. Л. 37 об.
[13] Булычов Н.И. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в родословную книгу. С. 202
[14] Там же Л. 59.
[15] ГАКО. Ф. 62. Оп.1. Д. 3729. Л. 122—125.
[16] ГАКО.Ф. 58. Оп.8. Д. 5. Л. 372.
[17] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3729. Л. 123.
[18] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1 Д. 3454. Л. 887.
[19] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3729. Л. 123.
[20] Булычов Н.И. Указ. соч. С. 202.
[21] ГАКО Ф. 62. Оп. 1. Д. 3607. Л. 615 об.
[22] Бессонов В.А. , Добычина М.А., Иванов В.А. Малоярославчане — участники антинаполеоновских войн// Отечественная война 1812 года и Российская провинция. События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С. 161.
[23] Зерцалов. Благородный спектакль в г. Малоярославце// Калужские губернские ведомости.1863. № 17. 27 апреля. С. 4
[24] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1609. Л. 315.
[25] ГАКО. Ф. 66. Оп. 2 Д. 1964. Л.19—23 об.
[26] ГАКО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 264. Л. 17 об.—18.
[27] Ф. 365. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.
[28] Там же Л. 192 об.
[29] Ф. 62. Оп.17. Д. 2153. Л. 43.
[30] Ф. 365. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[31] Там же Л. 104.
[32] Там же Л. 114.
[33] Булычов Н.И. Указ. соч. С. 202.

ФОТОГРАФЫ ГОЛЬДБЕРГИ В КАЛУГЕ

***Б.В. Руднев**, г. Калуга*

Семейные фотографические заведения в истории в города Калуги встречались неоднократно: можно назвать фотографии «С. Адамович», где работали супруги дворяне Стефания Антоновна и Юлий Эмерикович Адамовичи, «В. Миколаевич Приемник И.

Ил. 1. Паспарту фотографии Б. Гольдберга 1964–65 гг.

Ил. 2. Паспарту фотографии Б. Гольдберга 1964–65 гг. (оборот)

Вареника», где также трудились супруги дворяне Виктор Антонович и Екатерина Кондратьевна Миколаевич, но в ряду семейных фотографических заведений необходимо особо выделить фотографии Бернарда Николаевича Гольдберга и его сыновей Игнатия и Николая по трем причинам:

во-первых, фотографы Гольдберги проработали не менее 36 лет в городе Калуге и Калужской губернии непрерывно с 1864 по 1900 годы;

во-вторых, фотографы Гольдберги оставили для потомков огромное количество фотографий безупречного качества как с точки зрения исполнения фотографий, так и художественного мастерства с изображением юных гимназистов и гимназисток, степенных купцов с женами и детьми, чиновников всех рангов в безукоризненных мундирах с очаровательными женами, бравых военных от прапорщиков до генералов, дворян во фраках и дворянок, одетых по последней парижской моде, скромных приказчиков из купеческих лавок, солдат и прочее, прочее, прочее;

в-третьих, что, наверное, самое важное — фотографы Гольдберги запечатлели на своих фотографиях виды улиц, площадей и храмов г. Калуги и уездных городов 1870—1890-х годов, многие из которых ныне не сохранились.

Первоначальное прошение Гольдберга на открытие фотографии в Калуге пока не обнаружено, но нам известно, что Бернард Николаевич Гольдберг, Варшавский уроженец, поселился в Калуге в 1864 году[1]. Прежде чем перейти к рассказу об основателе династии фотографов Гольдбергов Бернарде Николаевиче, необходимо сказать о том, какой порядок существовал для открытия фотографии.

По закону о печати от 6 апреля 1865 г.[2] желающие открыть фотографическое заведение подавали на имя губернатора прошение на открытие фотографии, при этом проситель обязан был представить свидетельство из полицейского управления о своей благонадежности. В прошении указывали: часть города, название улицы, номер дома или фамилию владельца дома, в котором будет располагаться фотография. При передаче заведения другому лицу

Ил.3. Калуга. Никитская улица. Фото Б. Гольдберга.

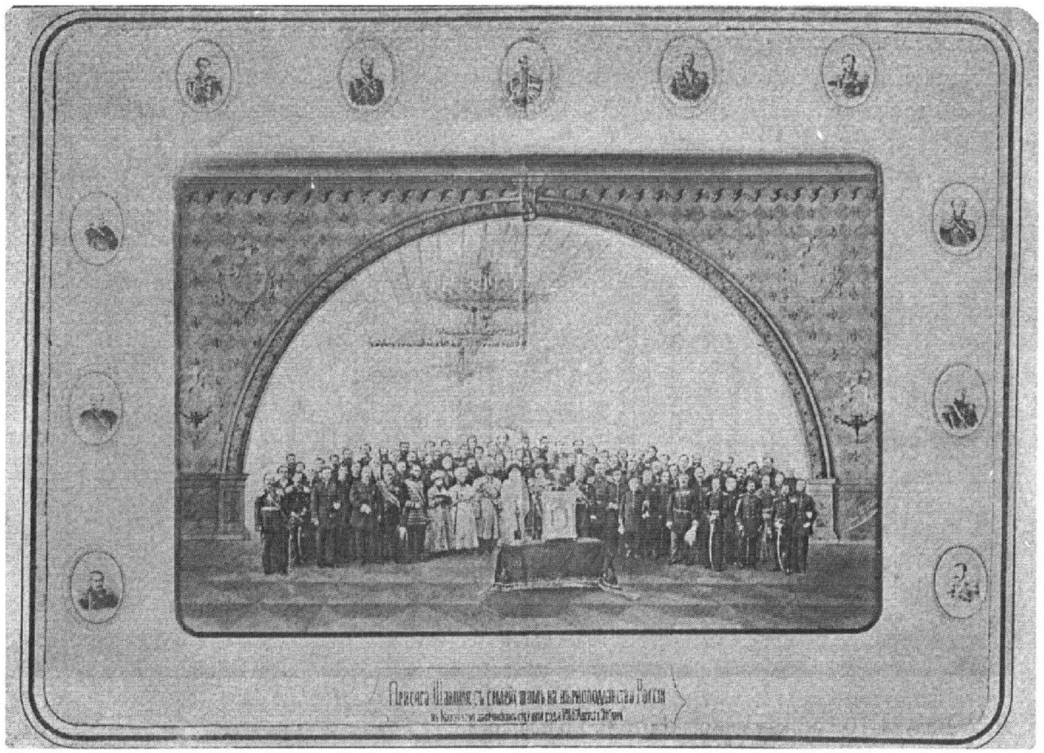
или перемене места жительства необходимо было получить новое дозволение. При положительном решении дела владельцу выдавалось на руки свидетельство. Владельцы же уже открытого заведения обязаны были получить письменное дозволение на фотографию.

Бернард Гольдберг 28 октября 1868 г. подал прошение Калужскому губернатору *«на продолжение фотографических работ, в квартире своей состоящей 1 части близ Архангельской церкви в доме г. Устряловой»*[3]. Так мы узнаем первый, известный нам, адрес фотографии Б. Гольдберга в Калуге, но, возможно, существовала более ранняя фотография. (Образец паспарту фотографии Б. Гольдберга 1864—1865 гг. представлен на ил. 1, 2).

О доме Устряловой известно из книг Морозовой Г. М.[4] и Малинина Д. И [5]. На фотографии Б. Гольдберга «Никитская улица» из коллекции известного калужского архитектора и краеведа И.Д. Белова, на левой стороне улицы видна вывеска «Фотография» на флигеле дома Устряловой Е.М., где и была фотография Гольдберга (ил. 3).

Но надо сказать, что Никитская улица от Никитской церкви до Старичковского переулка носила название и другое название — Архангельская улица. В Памятной книжке Калужской губернии на 1873/74 дан адрес фотографии Гольдберга «На Архангел. ул., в д. Духов. Семин.» [6] (здесь ошибка; должно было бы быть — Духовная Консистория).

Интересна история этого дома. Дом Устряловой располагался на Никитской улице (в настоящее время это д. №107 по улице Ленина). В начале 1860-х годов этот дом принадлежал купцу Елисееву, где находилась гостиница «Тифлис» (другое название — «Россия») с ресторацией [4]. Дом достался Устряловой по купчей крепости 1866 года сентября 30 дня, за №408, от Почетных граждан Елисеевых, а во владение она была введена в октябре месяце 1866 года[7]. Видимо, с того времени Гольдберг и арендовал флигель у Устряловой. По купчей крепости №75 от 5 июля 1872 г. Е.М. Устрялова 19 мая 1872 года продала Калужской Духовной Консистории за 15 500 руб. серебром свой трехэтажный дом с двумя каменными флигелями, а также еще одним двухэтажным домом. Все пошлины по купчей крепости платила консистория. После утверждения купчей крепости 5 июля 1872 г. дома и флигели уже принадлежали Консистории. В ночь с 7 на 8 сентября 1873 года, при сильнейшей буре, вспыхнул пожар в переулке между Воскресенской и Никитской церквями, и сгорело 11 каменных домов и 2 деревянных,[8] в их числе был и трехэтажный дом консистории. Но только в 1875 г. консистория переселилась в собственный, купленный у Е.М. Устряловой дом, т.к. после покупки, но до перехода консистории дом обгорел от пожара, и на его возобновление употреблено 14 647 руб. сер.[5]



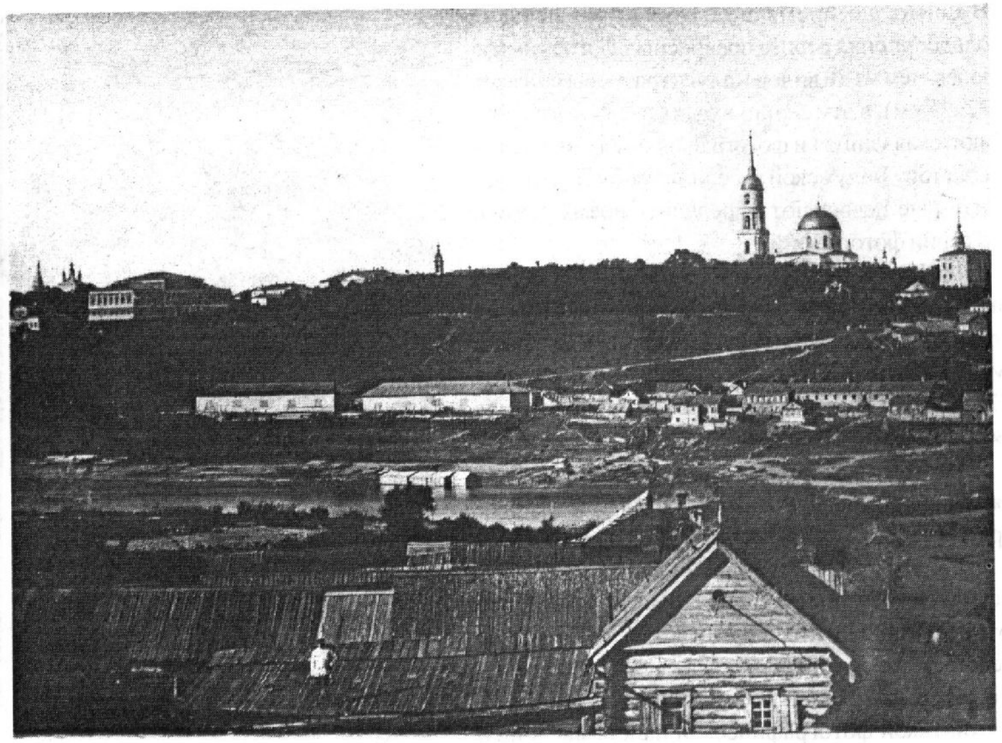
Ил. 4. Присяга Шамиля с семейством на верноподданство России в Калужском дворянском собрании года 1866 августа 26 дня. Фото Б. Гольдберга.

До пожара здание было трехэтажным, а восстановлено двухэтажным[9].

По ведомостям о приходе, расходе и остатке денежных сумм по Калужской Духовной Консистории за 1873 год удалось найти, что консисторией получались с 23 февраля по 23 сентября 1873 г. деньги с дома, купленного у г. Устряловой на помещение консистории от квартирантов фотографа Гольдберг и кондитера Васильева[10]. Последние деньги за квартиры с 5 июля по 5 сентября 1873 г. были получены казначеем консистории 23 сентября, т.е. оплата была проведена после пожара. Т.о., еще до переезда консистории в дом, купленный у Устряловой, флигели консистория сдавала квартирантам с 5 февраля 1873 г. по 5 сентября 1873 года, в т. ч. фотографу Гольдбергу. Т.к. в приходно-расходных книгах консистории за 1872, 1875 и 1876 гг.[11] платы за аренду дома консистории в книгах нет, то можно предположить, что оплата в 1873 г. была оплатой всей аренды с 5 июля 1872 года по 5 сентября 1873 года., а также констатировать, что Гольдберг не арендовал в 1875 и 1876 гг. флигель у консистории.

Широкую известность фотограф Бернард Гольдберг получил после того, как изготовил фотографическое изображение присяги Шамиля с семейством на верноподданство Государю Императору и России, которая происходила 26 августа 1866 года в г. Калуге в зале дворянского собрания (ил. 4).

О том, как проходило фотографирование присяги Шамиля, сам Гольдберг рассказал в докладной записке от 31 октября 1872 г. Калужскому губернатору Шевичу: *«26-го августа 1866 года в г. Калуге военнопленный Шамиль принял присягу на верноподданство Государю Императору и России. ...Видя в этом замечательное историческое событие, я поставил себе задачею изобразить его посредством фотографии. При невозможности снять присягу в ее принесении, я снимал отдельно каждое лицо, помещение и вещи, бывшие во время присяги Шамиля, и затем сгруппировал их. Задача моя была велика и для исполнения ее я не щадил ни трудов, ни ограниченных средств своих и после девятимесячных постоянных занятий, достиг своей цели. Первый экземпляр фотографического изображения присяги Шамиля с семейством на верноподданство России, я осмелился поднести Государю Императору, и Его Величество, приняв этот экземпляр, Всемилостивейше благоволил пожаловать мне подарок и денежную награду.*



Ил. 5. 2-я часть панорамы г. Калуги. Фото Б. Гольдберга. 1877 г.

Приступая к составлению группы присяги Шамиля, я имел намерение поднести ее и Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наместнику Кавказскому и распространить ее по России, но ограниченные средства мои не позволили этого сделать в тоже время.

В настоящем же году Ваше Превосходительство, прибыв в Высочайше вверенную Вам Калужскую губернию, изволил обратить внимание на группы присяги Шамиля и донести о ней чрез Главного Начальника Гражданского Управления Кавказского края, до сведения Великого Князя Наместника Кавказского, и Его Императорское Высочество соблаговолил заказать мне несколько групп присяги Шамиля.

Пользуясь сим случаем и представившейся возможностью, а также милостивейшим вниманием, оказанным моему труду Его Императорским Высочеством Великим Князем Наместником Кавказским Михаилом Николаевичем, я осмелился исполнить мое давнейшее желание поднести Ему группу присяги Шамиля. Окончив эту группу и предоставляя ее Вашему Превосходительству, я покорнейше прошу Вас не отказать мне в Вашем Ходатайстве пред Его Императорским Высочеством, о дозволении мне поднести Ему группу присяги Шамиля»[12].

В июле 1873 г. шесть экземпляров изображений присяги военнопленного Шамиля на верноподданство России и Государю Императору России были переданы Великому Князю Михаилу Николаевичу.

За поднесение фотографического изображения присяги Шамиля с семейством на верноподданство России Бернард Гольдберг удостоился награды наместника Кавказского Великого князя Михаила Николаевича — золотого перстня с бриллиантами.

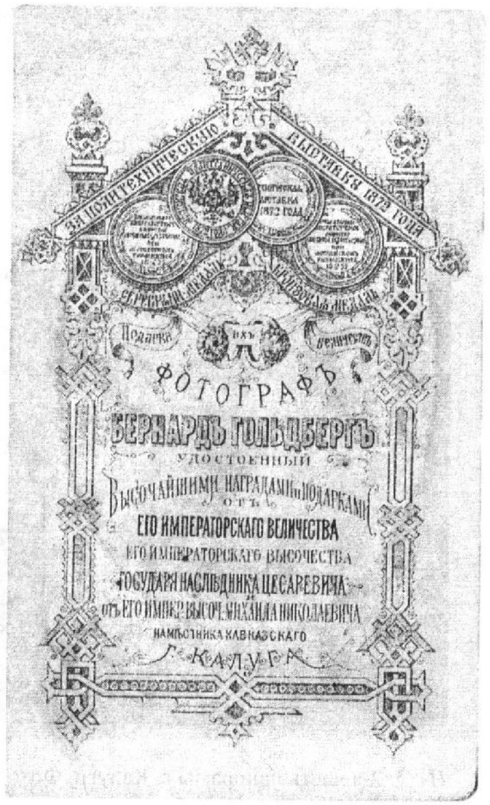
Государь наследник соизволил пожаловать Гольдбергу золотой перстень с драгоценными камнями 28 февраля 1874 года за поднесение ему группы присяги Шамиля[1].

30 мая 1872 года в Москве открылась в политехническом музее промышленная выставка. Гольдберг принял участие в Московской политехнической выставке и за представленный им образец фотографической работы нового собственного способа получил присужденную ему экспертами бронзовую медаль, а за пожертвованные в политехнический музей фотографические виды замечательных калужских местностей Гольдберг награжден от политехнической выставки серебряной медалью[1].

Видимо, во время подготовки к выставке Б.Гольдберг снял серию прекрасных фотоснимков из более, чем из 20 видов Калуги (размеры снимков до 22х27 см), в эту серию входят две фотографии: «Никитская улица» и фотография памятника вице-губернатору Калужской губернии графу Шуленбургу, которые позволяют определить время съемки этой серии фотографий.

Граф Шуленбург умер 12 августа 1871 года[13]; дом Устряловой в том виде как он есть на фотографии, мог быть снят до открытия выставки в Москве 30 мая 1872 г. и до пожара 7—8 сентября 1873 г., таким образом, эта серия фотографий была снята до 30 мая 1872 года.

Уникальную панораму г. Калуги Б. Гольдберг снял с правого берега реки Оки большим фотоаппаратом с одной точки на 5 пластин размера 37х40 см в 1877 году[14]. В Калужском областном краеведческом музее имеются эти замечательные фотографии. На них город Калуга 1877 года предстает от реки Яченки до Знаменской церкви и многого в настоящее время уже не существует. Другой такой фотографической панорамы общей длиной в два метра и изумительного качества история Калуги не знает. Копия 2-ой части панорамы Б.Гольдберга представлена на илл. 5, а образец паспарту фотографии Б. Гольдберга после 1874 г. представлен на ил. 6.



Ил. 6. Паспарту фотографии Б. Гольдберга после 1874 г. (оборот).

Немного об адресах фотографий Б. Гольдберга. О них можно узнать из ежегодных «Ведомостей о типографиях, литографиях, фотографиях и т. п. заведениях», которые готовились Калужским Губернским Правлением для Главного Управления по делам печати по сведениям Калужского Полицеймейстера и уездных полицейских исправников.

В найденных в ГАКО ведомостях типографиям, фотографиям и литографиям, находящимся в г. Калуге с 1873 по 1888 годы, указывались только имя и фамилия фотографа, кем, когда и за каким номером выдано разрешение на открытие фотографии, и отсутствовал адрес фотографий. Новое разрешение на открытие фотографии Б. Гольдберга за №4702 от 18 августа 1876 г. появилось в ведомости за 1878 г. также без указания адреса[15]. До 1883 г. во всех ведомостях указан Бернард Гольдберг.

В «Ведомости типографиям, фотографиям и литографиям, находящимся в г. Калуге в 1883 году» показана фотография Игнатия Гольдберг по разрешению от 18 августа 1876 г., но это разрешение его отца, а в ведомости по всей губернии за 1883 г. указан Бернард Гольдберг[16]. Это первое упоминание фотографа И. Гольдберга в Калуге. Возможно, что с 1883 г. некоторое время в Калуге работали вместе Бернард и Игнатий Гольдберги, т.к. в ведомостях за 1885 и 1886 гг. указано, что фотография принадлежит Варшавскому гражданину Гольдберг, без указания имени фотографа.

Теперь настало время более подробно рассказать о фотографах Гольдбергах.

О Бернарде Гольдберге, несмотря на его всероссийскую известность, мы мало что знаем. К настоящему времени удалось найти по архивным документам, что у Б. Гольдберга было трое детей: сыновья Игнатий и Николай, а также дочь Анна.

Анна Гольдберг вышла замуж за дворянина Гродненской губернии Брестского уезда Льва Юрия Георгиевича Журомского и у них 27 августа 1883 года родился г. Калуге сын Георгий[17].

Игнатий Бернардович Гольдберг

Игнатий Гольдберг жил в Калуге с отцом и, конечно же, прошел обучение у отца профессии фотографа, и мог бы открыть свою фотографию, но по циркуляру хозяйствующего департамента МВД от 3 апреля 1875 г.[18] евреям-фотографам было запрещено открывать вне мест постоянной

Ил. 7. Паспарту фотографии И. Гольдберга.

Ил. 8. Паспарту фотографии И. Гольдберга (оборот).

оседлости евреев фотографические заведения. Можно предположить, что И. Гольдберг пошел сам на военную службу, т. к. мог получить унтер-офицерский чин и звание мастера фотографии. Картографическое Заведение Военно-Топографического Отдела Главного Штаба в 1870-х годах проводило отбор из рекрутов, призванных на службу во всех губерниях лиц, имеющих знания по топографии и фотографии, что прослеживается по фондам Военно-Топографического Управления Главного Штаба (Ф. 404 Российского Государственного Военно-Исторического Архива). В РГВИА удалось найти документы о службе И. Гольдберга. С 1877 г. по 1881 г. И.Гольдберг служил в Картографическом Заведении Военно-Топографического Отдела Главного Штаба: до 1 апреля 1879 г. младшим фотографом рядового звания. По приказу № 13 от 1 апреля 1879 г. начальника Военно-Топографического отдела Главного Штаба младший мастер фотографии Игнатий Гольдберг производится в унтер-офицеры[19], а с 20 ноября 1880 г. младший мастер фотографии унтер-офицерского звания Игнатий Гольдберг за усердную службу и знание дела зачисляется в старшие мастера[20].

14 февраля 1881 г. Игнатий Гольдберг получил следующий документ:

«Свидетельство

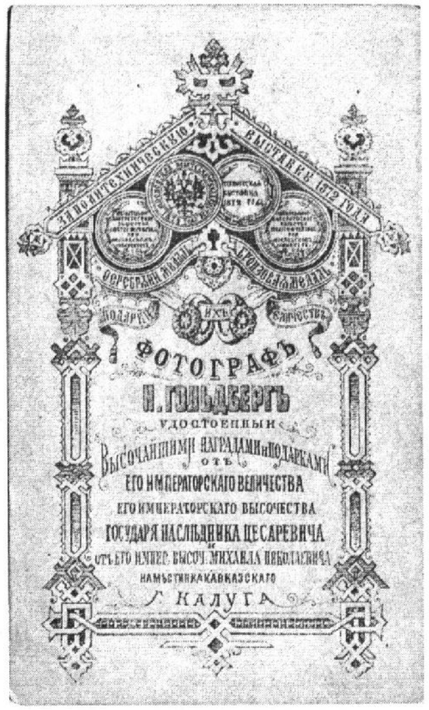
Дано сие старшему мастеру Фотографии Кар. Зав. В. Т. Отд. Глав. Штаба Игнатию Гольдбергу в том, что он в течение 4-х летней службы своей при Картогр. Заведении, отличался безупречным поведением и исполнительностью по службе.

Февраля 14 дня 1881 г.»[21]

Видимо, в 1881—1882 год Игнатий Гольдберг вернулся в Калугу после службы (увольнительный билет, где было указано, что как старший мастер фотографии И. Гольдберг имеет право на проживание в г. Калуге, в фондах РГВИА найти не удалось).

19 июня 1885 г. И. Гольдберг подал прошение Калужскому Губернатору Жукову: *«Желаю временно открывать фотографии во всех уездных городах Калужской губернии, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне открывать означенные заведения в уездных городах Калужской губернии»*[22]. Жуков потребовал от Калужского Полицеймейстера представить документы, на основании которых Гольдберг проживает в Калуге, и кто разрешил ему открыть фотографию в Калуге. И. Гольдберг представил увольнительный

Ил. 9. Паспарту фотографии Н. Гольдберга.



Ил. 10. Паспарту фотографии Н. Гольдберга (оборот).

билет (билет об увольнении в запас из армии), на основании которого он проживал в г. Калуге и разрешение Калужского Губернатора на открытие фотографии в Калуге за № 2567 от 2 июля 1882 г. (это первое упоминание об этом разрешении), но получил отказ.

Первый адрес фотографии Игнатия Гольдберга появляется в Ведомости[23] за 1889 год, где показана фотография Варшавского гражданина Игнатия Бернардовича Гольдберга в 1 ч. 1 кварт. в доме Рыжечкина. В ведомостях за 1890—1896 г. адрес фотографии Гольдберга — 1 ч. 1 кварт. в доме Рождественского, затем —1 ч. 1 кварт в доме Рождественской.

3 июня 1894 года И. Гольдберг подал прошение Калужскому Губернатору на открытие фотографии[24], где указал, что проживает *«в г. Калуге по Староторжской улице в доме Рождественской»*, где была и его фотография. И. Гольдберг получил свидетельство за № 1529 от 4 июля 1894 г. «*в том, что ему разрешается содержать в г. Калуге 1 части 2 квартала на Покровской улице в доме Мясниковой фотографию»*. При этом И. Гольдберг открывал в Калуге *«новую фотографию, независимо от уже существующей»* на Староторжской улице в доме Рождественской, но работала ли фотография на Покровской улице в доме Мясниковой неизвестно, т. к. по ведомостям Калужского полицеймейстера она никогда не была показана. Видов паспарту фотографии И. Гольдберга было огромное количество, один из них представлен на ил. 7, 8.

Несмотря на смену адресов, фотография И. Гольдберга до 1899 г. находилась все в том же доме в 1 части 1 квартала на площади Старый торг, только менялись владельцы дома (Рождественский, Рождественская, Чернобровин). Это подтверждает указание о том, где находилась фотография И. Гольдберга в заметке «Об урегулировании извозного промысла» газеты КГВ[25] *«... на площади, напротив гостиных рядов, (где помещается фотография Гольдберга...)»*.

В Памятной книжке и адрес-календаре Калужской губернии на 1900 г. фотография И.Гольдберга показана на «Облупской ул., д. Пестрикова» (сейчас это дом на Театральной ул. напротив бывшего кафе «Пельменная»). Это последний адрес фотографии И. Гольдберга в Калуге. В 1901 году Гольдберг продал оборудование фотографии Ченцову В. Н. и покинул Калугу. Об этом Ченцов поведал в объявлении об открытии своей фотографии в КГВ № 48

от 4 мая 1902 года *«...Фотография приобрела лучшие аппараты известного в Калуге бывшего фотографа Гольдберга»*. Дальнейшая судьба И. Гольдберга неизвестна.

Николай Бернардович Гольдберг

Николай Бернардович Гольдберг, варшавский гражданин, в 1881 г. имел фотографию в г. Тарусе Калужской губернии, разрешение №3398 от 11 сентября 1881 г.[26]

Встречаются фотографии Николая Гольдберга с адресом «Калуга, фотография Николая Гольдберга», причем, паспарту абсолютно идентичны паспарту Бернарда Гольдберга с указанием его подарков и медалей (ил. 9, 10).

В 1880-х годах Николай Гольдберг на Арбате имел фотографию, но историкам фотографии Москвы никаких документов пока не удалось найти. Паспарту московской фотографии Н. Гольдберга аналогичны фотографиям с калужским паспарту.

С 1893 г. по 1918 г. Николай Гольдберг работал в г. Саратове. По примеру отца много работал в видовом жанре. *«Он был событийным фотографом, живо откликался на происходящие в городе общественные дела, явления — юбилеи, торжества, проведение кустарных и сельскохозяйственных выставок и прочее. Это — и альбомы, но чаще большеформатные снимки или комплект из 3—5 снимков. Благодаря фотографиям Гольдберга, мы можем представить общественную жизнь, быт Саратова на рубеже конца XIX—начала XX века»*[27].

---

[1] Труды фотографа г. Гольдберга. Калужские Губернские Ведомости. 1874 г. №40 от 22 мая.

[2] Шипова Т. Н. Фотографы Москвы — на память будущему. 1839—1930. Альбом-справочник. М.: Изд-во объед. «МОСГОРАРХИВ» , 2001. С. 14—15.

[3] ГАКО. Ф. 62. Оп 15. Д. 1119. Л. 1.

[4] Морозова Г. М. Прогулки по старой Калуге г. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 45—46., к сожалению, на стр. 46 вкрались неточности: 1) пожар в Калуге в ночь с 7 на 8 сентября произошел не в 1872 году, а в 1873 году (КГВ № 72 от 12 сентября 1873 г.); 2) дом Устряловой был продан консистории не в 1873 году, а 5 июля 1872 года (ГАКО. Ф. 55.Оп 2. Д. 18. Л. 174 об.)

[5] Малинин Д. И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и по главнейшим центрам губернии. Калуга: Золотая аллея, 2005. С. 81.

[6] Памятная книжка Калужской губернии на 1873/74 год. Калуга, 1874. С. 75.

[7] ГАКО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 18. Лл. 174 об—178

[8] «Калужские Губернские Ведомости». 1873. №72 за 12 сентября и №74 за 19 сентября.

[9] ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 568. Л. 1.

[10] ГАКО. Ф. 33 Оп 3 д. 1033 лл. 14 об., 28 об., 45 об., 66 об., 72 об.

[11] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1008, ф. 33. Оп 3. Д. 1010, ф 33. Оп. 3. д. 1104, ф. 33. Оп. 3. Д. 1149.

[12] ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 845. Л. 1.

[13] Памятная книжка и адрес- календарь Калужской губернии на 1916 год. Калуга, 1916. С. XXX.

[14] Дата съемки панорамы г. Калуги с правого берега реки Оки указана Ю.А. Вусовичем на части панорамы № 5 из коллекции КОКМ Кл7829/5 «Снято фот. Гольдбергом в 1877 г.».

[15] ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 4149. Л. 7.

[16] ГАКО. Ф. 62. Оп. 5. Д. 1091. Лл. 19, 20.

[17] ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 529. Метрическая книга Польского Костела 1879—1909 гг. Л. 67 об.

[18] Циркуляр хозяйствующего департамента МВД от 3 апреля 1875 г; «Сборник Циркуляров за 1875 г.», изд. Чудовского. С. 93.

[19] РГВИА. Ф. 404. Оп. 6. Д. 77. Л. 7.

[20] РГВИА. Ф. 404. Оп. 6. Д. 90. Л. 27.

[21] РГВИА. Ф.404. Оп. 6. Д. 101. Л. 11.

[22] ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1551. Лл. 19, 20.

[23] ГАКО. Ф. 62. Оп. 6. Т. I. Д. 770. Лл. 1, 4, 6.

[24] ГАКО. Ф. 62. Оп. 5. Д. 2305. Л. 19 об.

[25] Калужские Губернские Ведомости. 1898 г. № 104 за 26 сентября.

[26] ГАКО. Ф. 62. Оп. 5. Д. 126. Наряд о Литографиях и Типографиях Калужской губернии за 1881 г. Лл. 6, 7.

[27] Максимов Е.К., Сафронов Ю.А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов: ОАО «Приволжское кн. изд-во», 2004. С. 58—68.

ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПЕДАГОГ XIX ВЕКА М.Б.ЧИСТЯКОВ — НАШ ВЫДАЮЩИЙСЯ ЗЕМЛЯК

***Г.П. Бауэр**, гл. хранитель, **А.А. Бауэр**, дир.,*
Кировский историко-краеведческий музей

Чуть больше века прошло со дня смерти человека, чье имя и труды были известны всей читающей России, а сегодня лишь редкий специалист-гуманитарий, занимающийся историей педагогики или историей детской литературы, назовет его имя и вспомнит основные произведения. Кировчанам же, также за редчайшим исключением, имя этого человека — хотя о нем было несколько публикаций в районной газете — совершенно незнакомо. И это тем более обидно, ибо человек этот — Михаил Борисович Чистяков — наш земляк, уроженец села Воскресенское (ныне — укороченное имя этого древнего поселения звучит и пишется как Воскресенск).

В исторической литературе до последнего времени, кроме даты и места рождения и имени отца, не публиковались данные о родителях и других воскресенских родственниках писателя. Лишь совсем недавно калужский архивист Л.А. Бацанова отыскала краткие и пока отрывочные сведения. Отец писателя в документах числится священником Борисом Исаевым (где второе имя означает скорее не фамилию — их у приходского духовенства в это время еще почти не было — а отчество). Год его рождения — примерно 1775—1777. Далее источники сообщают лишь его семейное положение: женат на Марии (или Марфе) Ивановой (Ивановне) (ок. 1779—1822 гг.) и имеет 4-х сыновей. В церкви с. Воскресенского служил с конца 1790-х гг. до 1826 г.[1]

Сыновья сельского священника все пошли по духовной стезе и окончили духовные училища и семинарии, где уже числились не Исаевыми, а Чистяковыми. Из четверых братьев Чистяковых хорошо известны биографии только старшего, Ивана (1794 г.р.), сделавшего церковную карьеру и ставшего со временем архиепископом Илиодором, архиереем Курским и Белгородским, и младшего, Михаила, героя нашего повествования. Ефим Чистяков (1801 г.р.) после Калужской духовной семинарии учился в Москве в медико-хирургической академии, а его брат Василий (1805 г.р.) после окончания Калужского духовного училища учился в Рязанской духовной семинарии[2]. Вот таковы краткие сведения о семейном окружении будущего писателя в воскресенский период его жизни.

О своем домашнем детстве Чистяков писал очень коротко и не скрывал, что решающую роль в его воспитании сыграли мать и няня. Именно они развили в нем доброту, сердечность и мягкость характера, которая впоследствии так привязывала к нему его учеников и учениц. Мягкая и лирическая среднерусская природа, молитвы и молебны в отцовском храме также сыграли решающую роль в духовном и психологическом развитии Чистякова-ребенка. В своей беллетризированной автобиографии, опубликованной в журнале «Пчела» в 1875 г., он писал: *«Первоначальной школой для меня были природа и деревенская церковь. Я инстинктивно чувствовал, что в этих двух храмах, только в различных символах и образах, на различных языках, сообщается одно и то же божественное учение — дух мировой любви»*[3].

Детство и юность Чистякова были скитальческими: с 11 до 19 лет он учился в духовных и светских учебных заведениях в Калуге, Рязани, Москве и Новгороде, терпел немало нужды и лишений. Чем были вызваны скитания Чистякова по этим городам, остается только догадываться: возможно, его переводил из города в город его старший брат, монах Илиодор, по крайней мере, именно в этих городах он проходил службу с 1820 по 1827 гг. на постах ректора семинарий и настоятеля монастырей[4].

Начетнический, оторванный от жизни и учета личности воспитанников, характер преподавания в духовных училищах показывал будущему педагогу, как не надо воспитывать юношество, заложил в нем острое неприятие бурсацкого характера обучения и воспитания. Единственной светлой личностью, встреченной Чистяковым на ученическом пути, был преподаватель и литературный критик Н.И. Надеждин. Именно этот человек оказал значительное воздействие на умственное развитие Михаила Борисовича, пробудил его любовь к русскому языку и литературе.

В 1828 г. Чистяков поступил на словесное отделение историко-филологического факультета

Московского университета, где его гимназический учитель по Рязани Надеждин был уже профессором. Вместе с однокашниками Герценом, Белинским Чистяков слушал лекции кумиров молодежи того времени — Каченовского, Мерзлякова, Грановского, создал научно-литературный кружок — *«общество одиннадцатого нумера»*[5].

В период учебы Чистяков показал блестящие способности, вот почему прогрессивные преподаватели хотели направить его в Германию с целью приготовления к профессорскому званию. Однако минпросовское начальство рассудило иначе и как «казеннокоштного» студента «заткнуло» его учителем русского языка в уездное училище белорусского городка Орши. Затем было училище в Полоцке, преподавание истории и статистики в Витебске и Могилеве.

Лишь прослужив четыре года в национальной глубинке, Чистяков вырвался в Петербург. Здесь он несколько лет служил в 1-й и 3-й мужских гимназиях, затем более десятка лет преподавал русский язык и словесность в Павловском кадетском корпусе, Смольном институте, специальных классах Дворянского полка. С 1852 г. и почти до дня смерти был инспектором Николаевского сиротского института в Петербурге, с 1865 г. — председателем учебного комитета по учреждениям императрицы Марии[6].

Именно в 40—50-х годах происходит становление и развитие М.Б. Чистякова как человека *«редкого по уму, образованию и честности, понимавшего просвещение широко и гуманно, смотрящего на него, как на самое светлое патриотическое дело страны»*. Михаил Борисович много пишет педагогических и беллетристических сочинений. Из учебно-педагогических его трудов назовем «Очерк теории изящной словесности» (1842), «Курс теории словесности» (две части, 1847), «Курс педагогики по программе женских институтов» (два издания, 1875). Эти сочинения были широко известны читающей публике, особенно студентам университетов; стали этапными в развитии учебной литературы. В них много рассыпано оригинальных идей, образовательных установок, написаны пособия доступным и образным языком, легким пером…

В 1866 г. Министерство народного просвещения командировало Чистякова за границу для изучения организации детских садов по методу Фребеля, женских учительских семинарий и исправительно-воспитательных заведений. Результатом многомесячной работы в Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии стали обстоятельные статьи, опубликованные в «Журнале министерства» и отдельными изданиями. Много изменений ввел Михаил Борисович в своем Николаевском институте: реорганизовал подготовительное (малолетнее) отделение, открыл женское училище для детей с отклонениями и замедлением в развитии, по-новому была построена вся институтская программа. Идеи русского педагога, развивающие зарубежный опыт, стали основополагающими для общего и педагогического женского образования, организации различных типов заведений для детей.

В 1851 г. при деятельном участии коллеги-педагога А.Е. Разина и своей жены Софии Афанасьевны (1827—1890) — писательницы и переводчицы — Чистяков основал и 15 лет издавал и редактировал «Журнал для детей», выходивший сначала еженедельно, а затем — ежемесячно. Этот журнал всеми исследователями считается лучшим детским продолжающимся изданием XIX века[7]. Периодическое издание гуманитарно-эстетического направления, свободное от сюсюканья и прописной морали, давало детям различных возрастов духовное, нравственное, историческое, естественно-научное и литературное чтение, взрастило несколько поколений русской интеллигенции, воспитывая в юных душах любовь и сострадание к человеку, животному, природе, истинные духовные ценности, любовь к слову, литературе, искусству, всему прекрасному и высокому. Как отмечалось одним из исследователей, *«внутреннее идейное богатство содержания, при строгом выборе сюжетов, его разнообразие, простое и занимательное изложение, литературный язык — вот в чем сила этого журнала»*.

За полтора десятилетия на страницах «Журнала для детей» было опубликовано огромное количество интересных статей исторического, этнографического, биографического характера, художественных материалов — повестей, рассказов, зарисовок, очерков. Однако в связи с материальными затруднениями Михаил Борисович в 1866 г. был вынужден прекратить издание журнала. Многочисленная семья требовала значительных средств для содержания, а источники были весьма скудны — государственное жалованье и скромные гонорары за литературные труды.

Литературная и научно-педагогическая деятельность Чистякова продолжалась более

58 Зак. 2219

полувека — с университетских лет до дня смерти. За это время Чистяков написал и опубликовал более 70 книг прозы — повестей, рассказов, сказок, очерков, научно-популярных изданий по этнографии, географии, истории для детей и юношества, причем многие книги через несколько лет после первого их издания переиздавались два—три раза[8]. Особенно популярными среди читателей 50—80-х гг. позапрошлого столетия были книги «Дитя», «Колосья», «Русские исторические рассказы», «Рассказы о былом», «Корни и плоды», «Из русского быта», «Рассказы для маленьких детей», «Повести и сказки», «Родное», «Лето». Вновь созданные детские произведения писателя регулярно публиковались, кроме чистяковского «Журнала для детей», в известных всей читающей России периодических изданиях — «Северной пчеле», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Семейных вечерах», «Задушевном слове», литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» и других журналах. Книги Чистякова печатались довольно массовыми для того времени тиражами: 5—10—20 тыс. экз. и широко расходились по стране, проникая даже в отдаленные села и деревни. Еще одной отличительной особенностью детских книг Чистякова было их красочное оформление в цвете, начиная с художественной обложки и кончая иллюстрациями и заставками в тексте. Недаром коллекции чистяковских изданий хранятся в крупнейших библиотеках России в фондах редкой книги.

Литературные критики и читатели постоянно отмечали, что *«выдающимся достоинством литературных произведений Чистякова следует признать необыкновенную простоту и ясность изложения»*[9]. Все художественные произведения Михаила Борисовича отличались высокой нравственной и патриотической направленностью, содержали богатейшую информацию для образования детства и юношества, были занимательны и увлекательны, написаны языком образным, эмоциональным.

В 1885 г. столичная дума в ознаменование заслуг педагога присвоила Чистякову звание почетного гражданина Санкт-Петербурга, а 24 сентября того же года его не стало: он умер в усадьбе своей дочери в местечке Лышенцы, а похоронен был на Волковом кладбище в Петербурге. Протоиерей Розанов, выступая на панихиде по покойному, воздал должное человеку — *«редкому по уму, образованию и честности»*. Русское образованное общество признало, что в лице Чистякова оно потеряло одного из *«последних представителей философски образованной старой генерации педагогических деятелей — ряда Грановского, Пирогова, Ушинского, понимавших просвещение широко и гуманно, как самое светлое патриотическое дело страны»*[10].

На смерть Чистякова откликнулись обширными некрологами почти все литературно-художественные и общественно-политические журналы, а также многие петербургские и московские газеты. Анонимный автор некролога в «Историческом вестнике», скорбя об утрате выдающегося педагога и писателя, писал о чистоте идеалов Чистякова, пронесшего любовь к детству и детям через всю жизнь. Лучшим памятником этому благородному идеалисту признавались созданные им «Журнал для детей» и целая библиотека произведений для подрастающего поколения[11].

На родине писателя в селе Воскресенск в ознаменование его юбилея планируется установить памятный знак.

[1] ГАКО. Ф.33. Оп. 1. Д. 796. Л.1—2.

[2] Там же. Д.3575. Л.3.

[3] Пчела: Русская иллюстрация. 1875. №7. С.89—92.

[4] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.Стлб. 635, 638, 646; Дурново Н. Иерархия Всероссийской церкви. Ч.1. М.,1892. С.89.

[5] *См.:* Гурьянов В.П., Сорокин В.В. Биографический словарь университетских товарищей Белинского // Лит. наследство. Т.56. Белинский. Кн. 2. М.,1950. С.422—436.

[6] Чистяков Михаил Борисович //Русский биографический словарь. Т.22. СПб, 1905. С.432.

[7] *См.:* Русская периодическая печать (1702 — 1894): Справочник. М., 1959. С.325 — 326; Медведева Н.Б. Журналы детские и юношеские // Педагогическая энциклопедия. Т.2. М., 1965. Стлб. 32 — 37.

[8] Наиболее полную библиографию изданий педагогических и художественных произведений М.Б.Чистякова *см.:* Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, умерших в 1885г. Вып.5. СПб., 1889. С. 144 — 147.

[9] Чистяков М.Б. (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения.1885. Кн. 11. С.122 — 123.

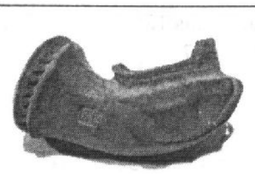
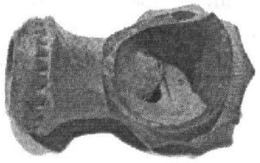
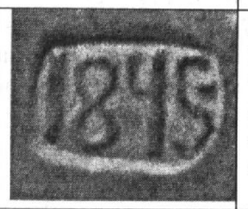
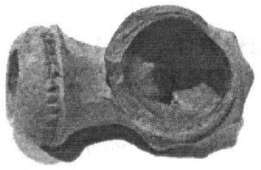
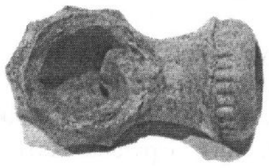
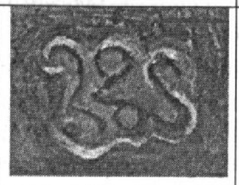
[10] Чистяков М.Б. (некролог) // Воспитание и обучение.1885. Кн.3. С.1 — 7.

[11] Исторический вестник.1885. Кн. 11. С.481; *см.:* Федоров-Давыдов А.А Кто за детей: Галерея писателей для детей. М., 1906.

ДАТИРОВАННАЯ ГЛИНЯНАЯ КУРИТЕЛЬНАЯ ТАБАЧНАЯ ТРУБКА ИЗ КАЛУГИ

***Л.И. Федорова**, заслуженный работник культуры РФ, дир., **В.А. Ткаченко**, зам. дир., Музей ремесла, архитектуры и быта*

Запасы глины различных структур в окрестностях Калуги способствовали здесь в период нового времени полному развитию всевозможных керамических производств, начиная от производства кирпичей и другой строительной керамики до производства керамических курительных табачных трубок и глиняных игрушек. Активное строительство в центральной части города привело к сносу старой застройки, где частыми массовыми находками были курительные табачные трубки. Это одна из самых неизученных страниц ремесленной истории нашего города. Найденные при земляных работах глиняные изделия составляют основу частных коллекций глиняных курительных трубок. В течение 18 лет мы, по возможности, старались изучить эти коллекции. За эти годы удалось зафиксировать более 200 трубок. Чуть более ста из них были с клеймами. В период 1992—93 гг. в коллекцию одного из музеев было продано 24 глиняных курительных трубки с клеймами отличной сохранности. Подробно изучить и сфотографировать курительные трубки и клейма из этой коллекции не удалось. В этот же период был найден при сносе одного из домов медный сосуд объемом около ведра, заполненный обломками голландских трубок, среди которых было не менее трех в идеальном состоянии. Проследить судьбу находки и изучить трубки не представилось возможности. 180 экземпляров глиняных курительных трубок из частных коллекций удалось описать и сфотографировать. Из них 80 штук клеймены различными клеймами. Чашечки 11 трубок изготовлены в виде антропоморфных личин. В изученном материале преобладают поздние формы красноглиняных «турецких» курительных трубок второй половины XVIII—XIX веков. В России только с 1697 года официально было разрешено продавать и курить табак русским людям. Лишь старообрядцы придерживались правил отрицания табакокурения. Но Калуга, как окраинный город, постоянно подвергалась влиянию с запада, что ярко отражалось и в традиции курения табака, т.к. «литовские люди» были основным источником «чертова ладана» в те времена. Кроме того, договор Петра I с Карматеном (соглашение о поставках табака в Россию) дал возможность Карлу Гутфелю, агенту английской табачной компании, в 1701—02 годах развернуть свою деятельность в трех регионах Русского государства: Смоленском, Калужском, включая Мещовский и Козельский уезды, Брянском [1]. Найденная в 2007 году около старой калужской переправы, напротив храма Казанской божьей матери, полуформа для изготовления глиняных курительных трубок позволяет утверждать, что в Калуге имело место их изготовление. Трубка, изготовленная в этой глиняной форме, имела гладкую поверхность, не имела орнамента. Орнамент, в данном случае, наносился позднее, по сырой глине с помощью специальных штампов. Большинство бытовавших в Калуге глиняных трубок имеют орнамент, нанесенный разнообразными торцовыми штампами в виде полупальпеток, треугольных пирамидок, солнечных розеток, оттиска кольцевого штампа «каури», прокатки штампом-зубчатым колесом. Большая часть изученного материала представлены фасоном «тахта-чубук». Это красноглиняные трубки, изготовленные в 2-х полуформах, а затем орнаментированы. Нами было высказано предположение, что часть трубок изготавливалась в мастерских, где формовались круглые глиняные игрушки-погремушки, которые были орнаментированы штампами, характерными для трубок[2]. Кроме того, была изучена достаточно большая группа курительных трубок

№	Вид сбоку	Вид сверху	Клеймо	
1				Красноглиняная трубка, фасон «полунарцис»
2				Красноглиняная трубка, фасон «полунарцис»
3				Красноглиняная трубка, фасон «полунарцис»

Ил. 1. Фотографии глиняных курительных трубок и клейма.

фасона «полунарцис». В коллекциях были выявлены несколько групп таких трубок, изготовленных в одной форме, причем среди них были трубки, находившиеся в употреблении и совершенно новые. Три глиняные курительные трубки, имеющие одинаковые формы, заслуживают особого внимания, т.к. одна из них датирована 1845 годом. Это красноглиняная трубка, фасон «полунарцис», изготовленная в двух полуформах. Трубка не была в употреблении. Основным составляющим трубки является втулка с килем и валиком, чашечка и венчик. Втулка восьмигранная, валик не имеет выраженного выделения с внешней стороны втулки, но разделен орнаментированным треугольниками желобком со стороны самой втулки. В нижней части втулки имеется киль, проходящий по нижней уплощенной части чашечки, выделенный прокатом широкого колесика. Справа сначала более узкая полоса колесика, переходящая в широкую, слева — равномерно широкая. Чашечка отделена от венчика семигранным валиком и прокаткой широкого колесика по окружности. Венчик почти отсутствует, но видно, что он гладкий и орнаментирован двумя узкими полосками, прочерченными по сырой глине и широким колесиком. На втулке справа имеется клеймо в виде овала с цифрами «1845».

Вторая трубка сформирована в такой же форме, но была в употреблении. Отличается от вышеописанной лишь отсутствием орнамента колесиком выше двух полосок, прочерченных по сырой глине. На втулке справа фигурное клеймо с непонятной надписью буквовидными знаками.

Анализ внешних признаков третьей трубки позволяет предположительно утверждать об ее изготовлении в единой для трех трубок форме; она также, как и первая, не была в употреблении, но у нее полностью отсутствует венчик, хотя видна широкая полоса колесиком, отделяющая чашечку от венчика. И фигурное клеймо, похожее на клеймо второй трубки, находится на втулке не справа, а на втулке слева. По словам хозяина коллекции, найдены все три трубки при сносе одного строения в городе в центральной части Калуги. Таким образом, вероятнее всего, все три глиняные курительные табачные трубки можно датировать 1845 годом. Нельзя исключать предположения, что и другие глиняные курительные трубки фасона «полунарцис», бытовавшие в Калуге, датируются серединой XIX века.

Литература

1. Кондратенко А. Золотой век конопли. Орел, 1998. С.48—49.

2. Комплексный подход к изучению производства глиняных курительных трубок XVIII—XIX вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008.

ОН ЖИЛ НЕ ДЛЯ СЕБЯ, А ДЛЯ СЛУЖЕНИЯ БОГУ И ЛЮДЯМ. (О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПРОТОИЕРЕЯ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ)

***Е.В. Метальникова**, г. Калуга*

Народная память и исследования краеведов увековечили для истории и потомков много имен благотворителей земли Калужской. Но далеко не обо всех случаях пожертвований и безвозмездной помощи сохранились сведения до наших дней. Тем интереснее и значительнее становятся вновь открывшиеся факты, подтвержденные документами. Особенно, если речь идет о таких известных всей России личностях, как протоиерей отец Иоанн Ильич Сергиев-Кронштадтский, представленный в 1990 году русской православной церковью к лику святых за его великие дела во славу Божью.

Молитвенная и материальная помощь кронштадтского батюшки приходила в разные уголки России. В свое время существенно помогал он и Калужской Епархии, направляя средства в храмы, церковные Братства, попечительства и Работный Дом, на освящение закладки которого в 1895 году приезжал кронштадтский благодетель. Будучи инициатором и самым щедрым жертвователем, отец Иоанн был почетным членом попечительства этого благотворительного учреждения.

Вскоре после приезда кронштадтского батюшки в Калугу, в том же, 1895 году, в типографии Губернского Правления была издана брошюра «Кронштадтский протоиерей отец Иоанн Сергиев в Калуге. Издано в пользу Калужского Работного Дома». Благодаря этому поддерживаемое им учреждение получило дополнительные деньги для помощи бедным. В этой брошюре содержится информация и о том, что калужские мастеровые и служащие железнодорожных мастерских передали гостю из Кронштадта 150 рублей: свою скромную лепту на благотворительные цели. Как указывалось: «И эти немногие деньги найдут свое применение, и еще одна слеза обездоленных будет осушена!». Всем сердцем принимая завещание Апостолов, которые не только располагали христиан к благотворительности, но и сами собирали милостыню в пользу церквей, отец Иоанн жертвовал большие суммы на разные цели: постройку храмов, ремонт и благоукрашение их, устройство иконостасов и причтовых помещений, печей, и пр.

В официальной части Калужских Епархиальных Ведомостей (в дальнейшем — КЕВ) № 7 от 15 апреля 1893 года было помещено воззвание Калужской Духовной Консистории к причтам и церковным старостам Калужской Епархии о сборе посильных пожертвований на построение в с. Кременском Медынского уезда храма (вместо сгоревшего). Деревянное здание с таковою же колокольнею было обшито тесом в 1848 году по причине ветхости. На некоторое время этого было достаточно, но по прошествию определенного периода колокольня покосилась. Согласно указа Калужской Духовной Консистории от 6 октября 1888 года за № 6076 было предписано не пользоваться колокольней. Все было выполнено: колокола сняли и повесили на столбах. Но верующих прихода из 10 деревень ждало новое испытание: храм сгорел. Так описывалась в воззвании необходимость пожертвований. Для поступления денежных средств в воззвании был указан адрес: на станцию Мятлево железной дороги, отцу благочинному села Костина,священнику Петру Малинину, для передачи священнику с. Кременского. Уже 15 июля КЕВ помещают рапорт отца благочинного о пожертвованиях на построение нового каменного храма вместо сгоревшего. Данный рапорт за № 366 был заслушан 8 июня в КДК. К большой радости жителей с.Кременского первый взнос был получен от настоятепя Андреевского храма г. Кронштадта протоиерея И.И.Сергиева. Взнос составлял 100 рублей. Далее была получена такая же сумма от О.К.Гончаровой. Им было объявлено архипастырское благословение. После этих пожертвований последовали другие. В то трудное для прихода Воскресенского храма время был очень важен сам факт первого взноса на построение нового каменного храма именно от протоиерея отца Иоанна Сергиева.

Также еще до приезда кронштадтского батюшки в г.Калугу. были облагодетельствованы им и другие сельские храмы Калужской епархии. В этот период были пожертвованы им 100 рублей на нужды церкви с. Покровского Козельского уезда, 100 рублей на благоустройство храма с.Стрельны Мещовского уезда. И в церковь с.Стрельны было перечислено им 100 рублей в 1900 году, а в 1901 году туда же 100 рублей на приобретение колокола.

В 1895 году, но уже после посещения г. Калуги, благодетель из Кронштадта пожертвовал 100 рублей храму во имя Архистратига Михаила-Архангела с.Заболотья Перемышльского уезда для устройства причтовых помещений. Связь его с этим храмом не прерывалась и в дальнейшем. В связи с тем, что храм был деревянным, освященным в 1756 году, была необходимость построения каменного. Отец Иоанн не только откликнулся на нужды прихода с.Заболотья личным денежным взносом, но и склонил к благотворительности других отзывчивых православных верующих. Это подтверждается КЕВ, где публиковалась благодарность епархиального начальства кронштадтской гражданке Елизавете Яковлевне Подосиновой и пр.

Интересен другой пример душевной заботы отца И.И.Сергиева о сельских храмах Калужской Епархии. Это храм Покрова при Угре Медынского уезда. Впервые отец Иоанн пожертвовал 100 рублей на построение нового каменного храма в 1895 году. Как сказал уже при освящении построенного храма его настоятель: *«Сон свершился наяву»*. Дело в том, что после практически законченного возведения церковного здания в 1893 году наступили трудные времена: были израсходованы все средства.

Не впадая в уныние, покровский батюшка написал в разные города и селения Российской империи о бедственном положении, создавшемся в его приходе. Вот как он писал позднее о том, каков был результат: *«На десятое, а когда и на двадцатое свое послание получаю 1, 2, 3, 5, а когда и 10 рублей, а известнейший всей России кронштадтский пастырь за два раза пожертвовал 200 рублей...»*.

Еще много храмов были воздвигнуты в Калужской Епархии с помощью благотворителя из Кронштадта. Пожертвования в сумме 100 рублей поступали от отца И.И.Сергиева в 1897 году на построение Успенской церкви в г. Малоярославце, во имя Николая-Чудотворца в с.Уруге Мещовского уезда. Столько же средств было передано в 1899 г. протоиереем Андреевского собора г. Кронштадта на строительство каменного храма в с. Дегонка Мосальского уезда. В этом же году ему была объявлена на страницах КЕВ благодарность епархиального начальства за пожертвование 200 рублей на достроение храма с.Мойлова Жиздринского уезда.

Что касается привлечения храмоздателей для замены старого деревянного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы в с. Дегонке, то в этом случае было опубликовано воззвание с просьбой о помощи. Ведь построен он был в 1756 году из материалов, которые остались от упраздненного деревянного храма в с. Капорье Мещоского уезда. В воззвании для подтверждения ветхости здания описывался такой факт: когда производился последний ремонт, не потребовались плотницкие инструменты, чтобы увеличить размер окон, так как *«гнилость стен ... покорялась свободно действию даже обезоруженных рук»*. Указывался адрес для пожертвований: станция Сильковичи Мосальского уезда, отцу председателю Дегонского церковно-приходского попечительства.

На смену XIX веку пришел полный событиями двадцатый. Многое менялось, но традиции благотворительности отца Иоанна Кронштадтского Калужской Епархии сохранились.

В 1901 году кронштадтский пастырь жертвует средства на строительство нового каменного храма в с.Андреевском Калужского уезда, в 1902 году — 100 рублей для тех же целей в с.Кудрявцево Жиздринского уезда. В 1903 году такая же сумма передана для построения каменного храма в с. Капустниках Медынского уезда на смену старому деревянному. В 1904 году оказывалась помощь двум строящимся каменным храмам в разных уездах Калужской губернии: Рождества при Угре Медынского уезда и во имя Вознесения Господня в с. Каменке Калужского уезда.

Старый храм Рождества при Угре был построен в 1733 году тщанием прихожан. Соответственно нужда в замене здания была очевидна. Новый храм был построен по предложению и ходатайствам местного иерея Комарова и освящен 16 октября 1906 года. Именно в этом храме хранился в то время прославленный образ Ломовской иконы Божьей Матери.

Что касается храма в с.Каменке, то он был деревянным, требовал замены, т. к. ремонтом нельзя было исправить ситуацию. По отчету отца благочинного от 22 января 1890 года, хранящемуся в ГАКО, храм оценивался как один из наиболее ветхих. В этом источнике мы находим следующие сведения: *«Особенно скудна во всех отношениях церковь с. Каменки ...»*.

Иконам и использованию намоленных образов в ходе православного богослужения кронштадтский пастырь уделял особое значение: *«Иконы в храмах необходимы для успеха*

молитвы...». С этой целью оказывалась помощь многим храмам: в 1897г. Николаевскому с.Плющан Мещовского уезда, с. Ферзикова Калужского уезда, в 1898 г. Рождественскому перемышльскому, в 1899 г. с. Полюдова Жиздринского уезда и с. Аграфенино Боровского уезда, в 1900 г. с. Солопенок Тарусского уезда, в 1901 г. Никольскому с. Русиново Боровского уезда и Крестовоздвиженскому г.Боровска, в 1902 г. с.Клыково Козельского уезда, в 1904г. Христорождественскому г. Боровска.

Устройство иконостаса в церкви с. Костешево Козельского уезда тоже не оставило равнодушным кронштадтского батюшку в 1897 году. Для этого он пожертвовал 100 рублей, как и каждому из уже перечисленных храмов. Но для благоукрашения Покровского храма с.Тинькова Тарусского уезда была выделена большая сумма — 200 рублей.

Невозможно представить себе православные храмы без колоколов. Уже упоминалось о пожертвовании на приобретение колокола Казанской церкви с.Стрельни Мещовского уезда в 1900 г. В 1903 году отец Иоанн Кронштадтский помог в приобретении колоколов Крестовоздвиженской церкви с.Новоселок Мещовского уезда и Михайло-Архангельской с. Кутепова Малоярославецкого уезда. Каждому храму было перечислено по 100 рублей.

Оказывалась материальная помощь и на другие цели: усторойство и исправление церковных печей: в придельной части храма с.Бабынино Перемышльского уезда, в алтаре церкви с.Рождества на Суходрове Калужского уезда (написание «Суходров» — из первоисточника). Последнему из названных храмов были выделены средства и на ремонт пола в алтаре. Не скупился отец Иоанн на пожертвования и в том случае, когда старые храмы нуждались в более чем серьезном ремонте. Примером этого могут служить храмы с. Любыши Жиздринского уезда (1897 г.), Воскресенский с. Олопова Перемышльского уезда (1902 г.).

Зачастую кронштадтский батюшка жертвовал средства на храмы с учетом пожеланий причта и прихожан. В этом случае просто указывалась сумма, которая перечислялась на нужды храма. Можно привести следующие примеры таких пожертвовний: Тарусский Воскресенский, с. Передоли Малоярославского уезда (1897 г.), Рождества Христова с. Лычина Мещовского уезда, Борисоглебский кладбищенский Мосальского уезда (1897 г. и 1898 г.), с. Говоренок Лихвинского уезда и с. Кузнецова Калужского уезда (1899 г.), с. Кутьково Лихвинского уезда, с.Овсорок Жиздринского уезда, с. Георгия наЕче, с. Брыни, с. Серебрина и еще раз с. Лычина Мещовского уезда и с. Матюкова Перемышльского уезда (1900г.), с.Кузовов Медынского уезда (1901г.) — каждому по 100 рублей, а с. Волкова и Озерска Тарусского уезда — каждому по 200 рублей.

В случае необходимости отец Иоанн Кронштадтский оказывал помощь сельским храмам Калужской Епархии для устройства церковной ограды. В частности, можно назвать следующие церкви: Казанскую с. Сергиевского Мещовского уезда (1901г.), Благовещенскую с. Лысой Горы Тарусского уезда (1905г.).

Как видно из перечисленных выше сведений, благодеяния отца Иоанна Кронштадтского распространялись на сельские церкви всех уездов Калужской губернии. По статистике это будет выглядеть следующим образом (по числу случаев оказания помощи и по уездам): Боровский — 6, Калужский — 8, Козельский — 5, Лихвинский — 3, Малоярославецкий — 4, Медынский — 9, Мосальский — 4, Мещовский — 14, Перемышльский — 7, Тарусский — 10.

Но это не значит, что церкви г. Калуги совсем не получали от него помощи. В 1899 году праздновалось двадцатипятилетие Богоявленского Братства одноименной калужской церкви. Был дан адрес для иногородних благотворителей: г.Калуга, настоятелю церкви Богоявления или членам попечителям Братства, Екатерине Ивановне и Александру Ивановичу Кологривовым — г.Калуга, собственный дом. Это воззвание было опубликовано в конце 1899 года, а в мае 1900 году КЕВ в № 9 объявляет признательность епархиального начальства Кронштадтскому протоиерею Иоанну Сергиеву за пожертвование в калужскую Богоявленскую церковь 100 рублей. Пожертвование в этот храм не было единичным. В кратком отчете Калужского Богоявленского Братства за 1907—1908 год (КЦОВ. 1907. № 35.С. 12) говорится о трудном периоде 1900—1903 годов: *«... Были сравнительно крупные единовременные пожертвования отца протоиерея Иоанна Кронштадтского»*.

Направлялись средства и в помощь калужской мужской гимназии, которая впоследствии по Монаршей милости получила право называться Николаевской. Летом 1901 года отцом Иоанном было пожертвовано 100 рублей на сооружение при этой гимназии храма во имя

Николая-Чудотворца, который будет освящен 6 мая 1903 года. Таким образом, кронштадтский батюшка помог двум городским калужским и пятидесяти двум храмам разных уездов. Следует отметить, что некоторым из последних благотворительная помощь оказывалась многоразово.

Что касается перечисления средств в пользу строительства школ, то можно рассказать еще об одном факте благотворительности отца Иоанна. Идея открытия этой школы в д. Конской (приход церкви с. Беклемищева Мещовского уезда) принадлежала лично настоятелю этой церкви Василию Васильевичу Казанскому. При крайней скудости средств отец Василий решился обратиться к досточтимому им протоиерею кронштадтского собора Иоанну Ильичу Сергиеву. Именно благодаря помощи из Кронштадта школа была открыта в 1904 г.

Это далеко не единичный случай помощи отца Иоанна Кронштадтского для устройства церковно-приходской школы. Благодаря и его благотворительной деятельности были построены школы в с. Хордове Мещовского уезда, д. Покровской Калужского уезда, с. Шуяхе Мосальского уезда. Во все эти школы пожертвования поступили в 1901 году, по 100 рублей каждой. Когда в Спасо-деменской церковноприходской школе возникла необходимость в ремонте, помощь пришла из Кронштадта. Отец Иоанн перечислил 100 рублей, за что ему была объявлена благодарность Епархиального начальства в январе 1902 года.

Многие церковно-приходские попечительства при храмах Калужской епархии тоже были обязаны помощи кронштадтского благотворителя. Во-первых, это Козельское Николаевское попечительство. В 1892 году протоиерею отцу Иоанну Сергиеву было преподано архипастырское благословение Его Преосвященста за пожертвование 100 рублей в пользу этого попечительства. В 1899 году на нужды церковно — приходского попечительства при христорождественском храме с. Рождества при Угре Медынского уезда отец Иоанн перечислил, как и в предыдущем случае, 100 рублей. В этом же году были перечислены 100 рублей церковному попечительству при храме с. Любыши Жиздринского уезда, которому ранее. В 1899 году было создано церковно-приходское попечительство при малоярославецком соборе. Этому вновь открывшемуся попечительству тоже поступила помощь из Кронштадта в сумме 100 рублей.

В 1900 году помощь была оказана двум церковно-приходским попечительствам в Калужской губернии: при церкви с. Кривозерова Тарусского уезда и при церкви с. Ильинского Малоярославецкого уезда. Каждому было выделено по 100 рублей. Церковное попечительство с. Сторожни Калужского уезда в 1901 году тоже с благодарностью приняло поступление 100 рублей от кронштадтского благотворителя.

С разрешения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Вениамина, епископа Калужского и Боровского 21 ноября 1901 года состоялось открытие Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мещовского духовного училища . На день открытия общества собрано было только 219 рублей. Учитывая благородство целей и задач мещовского общества вспомоществования нуждающимся ученикам, его создатели предложили присутствующим избрать почетным членом протоиерея отца Иоанна Кронштадтского, известного своей благотворительностью. Что и было принято с ликованием. Известно, что в 1902 году от отца Иоанна поступило в общество пожертвование в 100 рублей, за что Его Преосвященство сам письменно его благодарил.

Общество во имя преподобного Тихона Калужского для вспомоществования бедным воспитанникам Калужской духовной семинарии было учреждено в 1906 году, хотя устав был утвержден Начальником Главного Управления по делам местного хозяйства С. Гербелем и завизирован Управляющим Отделом народного здравия и общественного призрения Н.Пшеградским 26 октября 1904 года, а был опубликован в декабре 1904 года. Ко времени открытия общества был создан оборотный и неприкосновенный капитал. Именно в неприкосновенный капитал пожертвовал 100 рублей протоиерей И.И.Сергиев-Кронштадский.

Вполне вероятно, что были восстановлены не все случаи пожертвований отца Иоанна, но и названные примеры являются подтверждением его благотворительной деятельности в Калужской епархии.

КЕВ. 1893. № 13. Ч. о. С. 195.
КЕВ. 1902. № 9. Ч. н. С. 223.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 928. Л.6.

КЕВ. 1905. № 5 Ч. н. С. 150.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 2142. Лл.157, 161, 183, 249, 271.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. Лл. 200, 204, 238, 328, 358.
ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1625. Лл. 328, 358.
КЕВ. 1900. № 5. С. 24.
КЕВ. 1902. № 1 Ч. н. С. 189.
КЕВ. 1900. № 4. Ч. н. С. 41.
КЕВ. 1903. № 10. Ч. н. С. 241.
КЕВ. 1900. № 11. Ч. о. С. 134.
КЕВ. 1904. № 8. Ч. о. С. 132.
КЦОВ. 1912. № 19. С. 10.
КЕВ. 1901. № 6 — 7. Ч. о. С. 85.
КЕВ. 1902. № 2. Ч. н. С. 36.
КЕВ. 1902. № 11. Ч. о., С. 189.
КЕВ. 1903. № 10. Ч. о. С. 189.
КЕВ. 1904. Ч. н. С. 777.
КЦОВ. 1908. № 14. С. 9.

КНИЖНАЯ ГРАФИКА XIX—НАЧАЛА XX ВВ. В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ[1]

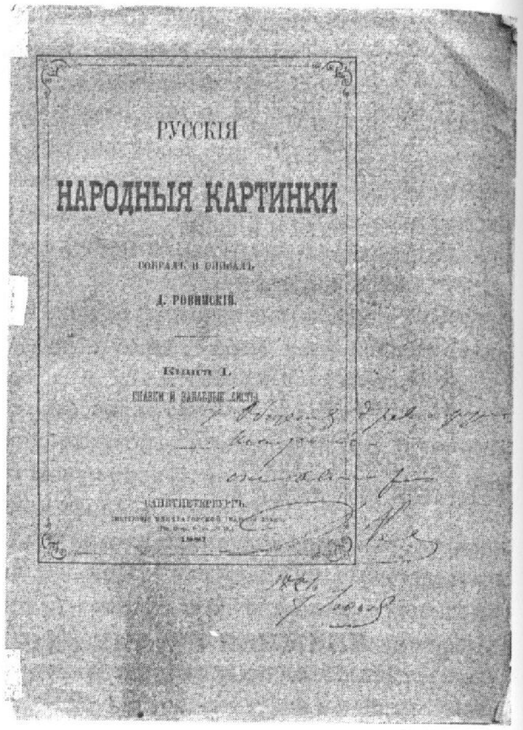
***М.В. Зверева**, к. культурологии, зав. отд., Калужский областной художественный музей*

В Калужском областном художественном музее хранится обширная коллекция книжной графики XVI—XX в., включающая произведения мастеров России и Западной Европы. Видное место в ней занимает графика XIX—XX вв., в состав которой входят книги с гравюрами, альбомы и отдельные листы, исполненные для различных изданий.

История книги тесно связана с историей изобразительного искусства и графики, поскольку именно художникам принадлежала значительная роль в создании рукописных книг. Они были творцами и шрифта, и украшений, и рисунков. Художник средствами изобразительного искусства создавал художественно-декоративный облик книги. С течением времени техника книгопечатания значительно возросла, что обусловило новые требования к книжной иллюстрации. В XIX в. на первое место выдвигается *картинка*, связанная с текстом книги. *Украшение книги — из всех искусств, может быть, самое современное... Книжная графика по психическому воздействию как-то особенно близка нашему балованному веку... На свете не перевелись еще добрые феи. Одна из них стала художницей от жалости к слишком трезвому человечеству, и с тех пор ее волшебная палочка превращает мир в графические сказки*[2]. Изменения в облике иллюстрированной книги были в значительной степени обусловлены появлением литографии. Первые образцы новой техники, разработанной И.А. Зенефельдером (1771—1841), вызвали переворот в книгоиздательском деле. Литография, обладающая богатыми изобразительными возможностями, существенно облегчила работу художника, позволила ему вносить необходимые поправки и переделки, невозможные в других видах гравюры. Дешевизна исполнения литографии способствовала ее широкому применению, заставив отойти на второй план гравюру на меди. Одно из первых мест в русской книжной иллюстрации по праву принадлежит крупнейшему художнику-литографу В. Ф. Тимму (1820 — 1895). В *Русском художественном листке* Тимм отражал все, что происходило в области культуры и общественной жизни России. С художественно-графической стороны этот журнал-хроника представляет собой памятник выдающегося значения, не имеющий аналогов в других странах. *Русский художественный листок* издавался одиннадцать лет, в год выходило тридцать шесть номеров большого формата, с пояснительным текстом. Тимм привлек к участию в Листке таких известных художников, как Г. Г. Гагарин, К. Н. Филиппов, Адольф и Иосиф Шарлемани и многих других. В калужском художественном музее хранится целый ряд экземпляров этого замечательного издания: выпуски 1853, 1855, 1857, 1858 и 1859 гг.[3]

Ярким событием явилось появление в 1881 г. знаменитого труда Д. А. Ровинского (1824—

1895) *Русские народные картинки*, в котором русская народная гравюра (лубок) была воспроизведена литографией с раскраской от руки. В фонде музея имеется первое издание *Русских народных картинок* с авторской надписью на обложке I тома: *Въ Общество древнерусского искусства от автора. Д. Ровинский 1881 г. 7 Іюля*[4] (ил. 1).

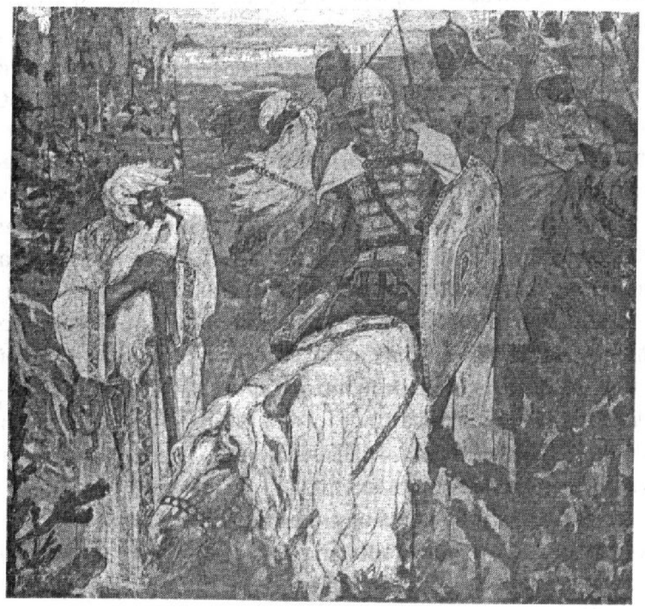

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ
СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ
Д. РОВИНСКІЙ.
Выпускъ I.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ил. 1. Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. I. Обложка. КОХМ, инв. К-87.

Начиная с 1860-х гг. грань между иллюстрацией и станковым рисунком постепенно стирается, иллюстрация стремится стать самостоятельным произведением. Возрастает влияние станковой живописи. Широкое распространение получают журнальная и альбомная иллюстрации, виды русской природы, типы разных народностей, бытовые сцены. В 1860—1880-е гг. в России выходит ряд интересных изданий на литературные темы. Среди них — серии иллюстраций к произведениям русских писателей. В. М. Васнецов (1848—1926) для юбилейного издания 1899 г. *Песни о вещем Олеге* А.С.Пушкина исполнил сюиту иллюстраций в своеобразной декоративной манере, восходящей к традициям украшения древнерусских рукописных книг. В музее хранится один из этюдов художника, изображающий встречу князя с волхвом[5] (ил. 2).

Сравнивая этот лист с окончательным вариантом, выбранным Васнецовым для книги (ил. 3), нельзя не заметить, что все персонажи здесь обладают ярко выраженными индивидуальными чертами, в то время как в издании они представлены в стилизованной, обобщенной манере, характерной для мастера, который стремился воплотить в жизнь *неясные исторические и сказочные грезы*.

В собрании музея имеется целый ряд произведений оригинальной графики, иллюстрирующих литературные произведения: рисунок А.Ф. Афанасьева (1850—1920) к стихотворению А.К. Толстого[6], два карандашных рисунка А.И. Лебедева (1830—1898) к произведениям Н.А. Некрасова[7], рисунки А.А. Ростиславова (1860—1920) к комедии Н.В. Гоголя *Женитьба*[8].



Ил. 2. В. М. Васнецов. Песнь о вещем Олеге. Бумага на картоне, гуашь, акварель, кисть. КОХМ, инв. Г-1182.

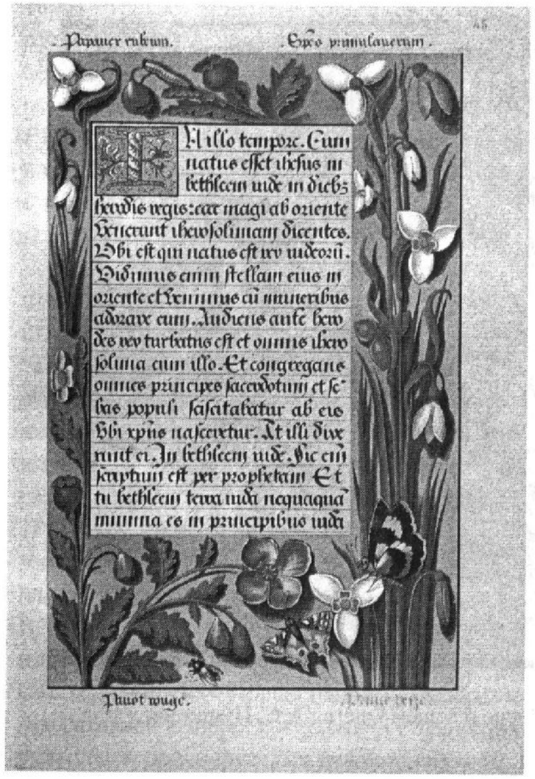
В конце 1890-х гг. в журналах публиковались гравюры и литографии И.И.Шишкина (1832—1898)[9], В.В. Матэ (1856—1917)[10], В. А. Серова (1865—1911)[11]. Вышли в свет альбомы факсимильных репродукций рисунков Г.Г. Гагарина, где акварели художника были воспроизведены многокрасочной хромолитографией[12].

Юбилейное издание *Мертвых душ*, предпринятое в 1901 году А. Ф. Марксом (1838—1904), завершает собой целый этап в истории русской художественной иллюстрации[13]. К

Ил. 3. В.М. Васнецов. Иллюстрация к «Песне о вещем Олеге» А.С. Пушкина

работе было привлечено двенадцать художников, руководил которыми писатель и художник П.П. Гнедич (1855—1925). В книгу вошло триста пятьдесят пять иллюстраций, изготовленных методом автотипии, и десять — методом гелиогравюры. В предисловии от издателя было сказано: *Для настоящего издания был собран материал по нашим провинциальным захолустьям, — каждая мелочь, каждая деталь, каждый аксессуар чичиковской эпохи были тщательно проверены, зарисованы и сфотографированы. Предоставить выполнение всех рисунков одному художнику оказалось немыслимым: работа затянулась бы на десятки лет. Кроме того, при значительном количестве иллюстраций появилось бы некоторое однообразие в манере исполнения. Поэтому работа была разделена между несколькими художниками. Пейзаж был предоставлен гг. Бажину и Хохрякову, а жанр гг. Андрееву, Афанасьеву, Быстренину, Далькевичу, Козачинскому, Маньковскому, Пирогову, г-же Самокиш-Судковской и г. Соломко. Общее редактирование этими работами взяли на себя гг. Гнедич и Далькевич. С искренней любовью отнеслись художники к своей задаче. Каждый из них выбрал эпизоды, наиболее подходящие к сущности его дарования, и в течение нескольких лет трудился над иллюстрациями. Рисунки делались и переделывались по многу раз, пока не удовлетворяли самих художников.* Таким образом, издание 1901

Ил. 4. В.Н. Масютин. Взвешивание. Лист из альбома «В городе». Автолитография. КОХМ, инв. Г-2561.



Ил. 5. Книга часов королевы Анны Бретонской. Париж, 1861. Лист № 45. КОХМ, инв. К-59.

года явилось результатом многолетнего коллективного труда художников, каждый из которых внес свою лепту в трактовку облика героев поэмы.

Революционные события 1905 г. объединили художников разных стилей и направлений, внесли в искусство графики драматизм, символику, элементы гротеска. Наиболее ярко это проявилось в графике сатирических журналов («Жупел», «Адская почта», «Зритель», «Гамаюн» и др.), где печатались рисунки И.Я.Билибина (1876—1942)[14], Ю.К.Арцыбушева (1877—1952)[15], С.В.Чехонина (1878—1936)[16], Н.В.Ремизова (Ре-ми) (1887—1975)[17] и других художников.

С начала XX в. в русском искусстве идет процесс поисков новой системы изобразительности. Художник и писатель В.Н. Масютин (1884—1955) в своих офортах, литографиях и гравюрах на дереве прибегает к целой системе психологических и литературных ассоциаций и символов. Он создал серии иллюстраций к произведениям А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, О.де Бальзака и др. Мастер аллегории, Масютин завоевал репутацию *русского Гойи*. В его циклах рисунков и офортов преобладают странные, фантастические образы (*Семь смертных грехов, Грех, Сумерки, Боль* и др.). По мнению историка искусства Н. И. Романова, *в своих кошмарно-фантастических видениях он выражает мысль о власти рока и чудовищно-стихийных явлений над людьми*. В музее хранится редчайший альбом автолитографий *В городе*, вышедший тиражом всего в тридцать экземпляров[18]. Гротескные, экспрессивные композиции, насыщенные символами и аллегориями, не лишены иронии и мягкого юмора (ил. 4).

Много работал в разнообразных офортных техниках художник-экспериментатор М.А. Добров (1877—1958), творчество которого тесно связано с Калужским краем. В собрании музея имеются не только рисунки, гравюры и офортные доски мастера, но и ряд интереснейших экслибрисов[19].

Западноевропейская книжная графика XIX в. представлена разнообразными изданиями, напечатанными известными типографами. В музее имеется истинный шедевр полиграфического искусства — факсимильное издание иллюминированной рукописной книги начала XVI в.: Le livre d'Heures de la reine Anne de Bretagne, traduit du latin et accompagné de notices inédites par M. l'abbé Delaunay (*Книга часов королевы Анны Бретонской, переведенная с латинского языка и снабженная примечаниями аббата Делоне*)[20] (ил. 5). Книга включает шестьдесят три миниатюры Жана Бурдишона — французского художника эпохи раннего Ренессанса. Согласно желанию королевы, на полях часовника изображены *все цветы ее [королевы] сада, все плоды ее огорода, все злаки ее полей*. Факсимиле часовника, сделанного в 1500—1508 гг. для французской королевы Анны Бретонской (1477—1514), напечатано в 1861 г. знаменитым французским типографом Леоном Кюрмером (1801—1870).

Практически все произведения, «скрытые» под обложками многочисленных альбомов, до сих пор не были изучены. В процессе исследования выявлены работы известных мастеров книжной графики. Так, в собрании музея хранится альбом литографий[21] прославленного французского графика и художника книги Ипполита Сюльписа Гийома Шевалье, известного под псевдонимом Поля Гаварни (1804—1866) (ил. 6). Гаварни известен многочисленными рисунками, литографиями и акварелями на бытовые темы. Начиная с 1830 года, он много публиковался в газетах и журналах: *Мод, Шаривари, Карикатюр, Фигаро, Иллюстрасьон* и

Ил. 6. Поль Гаварни. Лист № 8 из сюиты «Ярмарка любви».
«— Мадемуазель, вот что такое мужчина! — Знаю!»
Литография. КОХМ, инв. Г-2396.

других. Под изображением художник всегда помещал текст, либо в форме диалога, либо в виде фразы, принадлежащей изображенному персонажу. Хранящийся в нашем музее альбом содержит сто двенадцать листов из его поздней серии «Маски и лица». Эта грандиозная серия объединила два десятка сюит, семь из которых представлены в нашем музейном альбоме: «Ужасные родители», «Разлучницы», «Состарившиеся лоретки», «Мужья всегда вызывают у меня смех», «Изречения Тома Вирелока», «Плащ Арлекина», «Ярмарка любви» (ил. 6). Все листы сброшюрованы в альбом, заключенный в переплет темно-зеленого цвета с красными уголками, с красным же корешком, на котором вытиснены золотом название и орнамент. Такие же переплеты имеются у целого ряда альбомов, происходящих из барятинской библиотеки князя Д.С. Горчакова. Кроме литографий, альбом включает статью французского критика Анри де ла Мадлен, опубликованную при жизни Гаварни, в качестве введения к альбому-сюите «Изречения Тома Вирелока» в 1855 г.

Среди западноевропейских изданий XIX—начала XX вв., хранящихся в фонде музея, следует отметить произведения таких авторов, как Огюст Аллонже (1833—1898)[22] (Франция), Жан Батист Арну Старший (1788—?)[23] (Франция), Арман Теофиль Кассань (1823—1907)[24] (Франция), Жюль Жан Антуан Бари (1825/30—1905)[25] (Франция), Леон Жан-Батист Сабатье (?—1887)[26] (Франция), Джузеппе Росси (?—1842)[27] (Италия), Роберт Бейшлаг (1838— 1903)[28] (Германия), Мориц Рец (1779—1857)[29] (Германия), Герман Фридрих Ваэземанн (1813— 1879)[30] (Германия), Август Тиеде (1834—1911)[31] (Германия), Ханс Гризебах (1848—1904)[32] (Германия), Пауль Барфус (1823—1895)[33] (Германия), Уильям Грейтбек (1802—не ранее 1864)[34] (Англия), Томас Райдер (1746—1810)[35] (Англия), Роберт Тью (1758—1802)[36] (Англия), Питер Саймон (1750—1810)[37] (Англия), Уильям Уэстелл (1781—1850)[38] (Англия). Все названные выше западноевропейские издания входили ранее в состав усадебной библиотеки князя Д.С. Горчакова.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Книжная графика XIX—начала XX в. в собрании Калужского областного художественного музея (опыт описания и анализа)» № 09-04-59407а/Ц.

[2] Маковский С. Современная русская графика. 1917. С. XIII.

[3] КОХМ. Инв. Г-2423—2513 .

[4] КОХМ. Инв. К-87.

[5] Васнецов В. М. Песнь о вещем Олеге. Бумага на картоне, гуашь, акварель, кисть. 40,3 х 43. КОХМ. Инв. Г-1182.

[6] Афанасьев А. Ф. Подай оброк. Иллюстрация к стихотворению А. К. Толстого. Бумага, кисть коричневым тоном. КОХМ. Инв. Г-1070.

[7] КОХМ. Инв. Г-1054, Г-1055.

[8] КОХМ. Инв. Г-920, Г-2025.

[9] КОХМ. Инв. Г-1062, Г-1923, Г-1924, Г-1925, Г-1926.
[10] КОХМ. Инв. Г-745.
[11] КОХМ. Инв. Г-1000, Г-1001, Г-1131.
[12] Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. Альбом литографированных репродукций рисунков Г. Г. Гагарина. 1897. КОХМ. Инв. Г-2528—2554 .
[13] Н. В. Гоголь. Похождения Чичикова или Мертвыя души. Поэма. С.-Петербург. Издание А. Ф. Маркса. Дозволено цензурою, 1900 г. 18 декабря. КОХМ. Инв. К-48.
[14] КОХМ. Инв. Г-2347.
[15] КОХМ. Инв. Г-2350, Г-2354.
[16] КОХМ. Инв. Г-2355, Г-2356.
[17] КОХМ. Инв. Г-2349.
[18] КОХМ. Инв. Г-2555—2561 .
[19] КОХМ. Инв. Г-1887—1891.
[20] КОХМ. Инв. К-59.
[21] КОХМ. Инв. Г-2396.
[22] КОХМ. Инв. Г-2581.
[23] КОХМ. Инв. Г-2397.
[24] КОХМ. Инв. Г-2582.
[25] КОХМ. Инв. Г-2399.
[26] КОХМ. Инв. Г-2394.
[27] КОХМ. Инв. Г-2405.
[28] КОХМ. Инв. Г-2416.
[29] КОХМ. Инв. Г-2404, Г-2580.
[30] КОХМ. Инв. Г-2415.
[31] КОХМ. Инв. Г-2422.
[32] КОХМ. Инв. Г-2420.
[33] КОХМ. Инв. Г-331.
[34] КОХМ. Инв. Г-2417.
[35] КОХМ. Инв. Г-309.
[36] КОХМ. Инв. Г-308, Г-310.
[37] КОХМ. Инв. Г-307, Г-311, Г-314.
[38] КОХМ. Инв. Г-315 - 318.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ Е.П. И В.А. ЯРОШЕНКО ИЗ УСАДЬБЫ ПАВЛИЩЕВО*

***И.В. Гужова**, н.с., Калужский областной художественный музей*

Изучение имения Степановское-Павлищево включает несколько вопросов, один из них — художественное собрание Е.П.и В.А Ярошенко из усадьбы Павлищево. История его сложения связана с историей самой усадьбы Павлищево и ее владельцев. Усадьба при деревне Павлищевой была основана П.В.Степановым в 1860-х годах[1]. Он построил первый усадебный дом и украсил его покои произведениями искусства, которые к тому времени приобрел. Позднее, когда владельцами имения стали Е.П. и В.А. Ярошенко, они, построив новый усадебный дом, перенесли в него картины и другие произведения искусства и пополнили семейное художественное собрание своими приобретениями. Лучше всего нам известна та его часть, которая ныне находится в собрании Калужского областного художественного музея. Это коллекция произведений художника Н.А. Ярошенко[2], а также несколько произведений русской и западноевропейской живописи, упомянутых в описи губмузея[3] «Картины из имения Н.А. Ярошенко», которые вывезли из усадьбы в 1919 году[4]. Большинство из перечисленных в описи картин и этюдов поступило в собрание Калужского областного

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Калужской области в рамках научно-исследовательского проекта № 09-04-59408 а/Ц.

художественного музея, но некоторые были утрачены во время оккупации Калуги, местонахождение других неизвестно. Для полной реконструкции художественного собрания из усадьбы Павлищево необходимо обратиться к другим архивным документам и историческим источникам.

На основании архивных документов известно, что в имении было два портрета школы Рембрандта и коллекция индийских миниатюр, которые были вывезены в Москву в августе 1919 г. и переданы в хранилища Национального музейного фонда[5].

Большую ценность для реконструкции собрания из усадьбы Павлищево представляют воспоминания воспитанниц Елизаветы Платоновны — Прасковьи Ивановны Васильевой и Марии Степановны Заболоцкой, впоследствии ставшей женой известного русского поэта М.А. Волошина, живших в усадьбе во времена своего детства.

Мария Степановна Заболоцкая (1887—1976) была одной из воспитанниц Елизаветы Платоновны в 1890-х годах[6]. Она жила в этом имении, будучи маленькой девочкой, и у нее сохранились сбивчивые, фрагментарные воспоминания так, она пишет, что Е.П. Ярошенко была из рода Куратовых, что они были не дворяне, а бояре. Но тем не менее ее детская память сохранила интересные подробности жизни, обстановки усадебного дома и тех картин, которые она видела в доме и которые поразили ее детское воображение. В своих воспоминаниях она пишет: *«Висели большие картины в золоченых рамках, несколько картин Ярошенко — «Извержение Везувия» и еще одна картина — странная: «Авраам приносит в жертву Исаака»*. Среди всех произведений Н.А. Ярошенко, виденных ею в доме, она запомнила только две картины. Благодаря этим воспоминаниям М.С. Волошиной к уже известным произведениям из собрания можно добавить еще одну картину — неизвестного художника — «Авраам приносит в жертву Исаака».

Воспоминания П.И Васильевой (1883 — после 1948), записанные в 1948 г. сотрудницей художественного музея М.Е. Шереметевой, несмотря на значительную временную дистанцию, более обстоятельные, так как она жила в имении в подростковом возрасте. Как всякие воспоминания, воспоминания Прасковьи Ивановны могли содержать ошибки и неточности, ей было уже 65 лет, и она что-то могла забыть, что-то перепутать, и подходить к приведенным в них данным надо критически.

Прасковья Ивановна описывает убранство усадебного дома и упоминает произведения живописи, которые она видела: *«Хороша была гостиная, в которой висели картины художника Мясоедова и знаменитая картина Н.А. Ярошенко «Курсистка». В кабинете Е.П. Ярошенко хранила семейные портреты (родителей Ярошенко, хозяев Степановского, няни и другие). В столовой висела картина «Извержение Этны» и картины иностранных художников»*[7].

Перечисляя семейные портреты, П.И. Васильева упоминает портреты родителей Ярошенко, хозяев Степановского — другой усадьбы в этом имении. Кроме известных нам портретов родителей В.А. Ярошенко в кабинете были и портреты родителей самой Елизаветы Платоновны — Платона Викторовича Степанова и его жены Елизаветы Григорьевны, урожденной Константиновой. Здесь же могли быть портреты ее деда и бабки — Виктора Степановича и Ульяны Васильевны Степановых, хозяев Степановского. Упомянутый в описи «Картины из имения Н.А. Ярошенко» портрет девочки в голубом платье,[8] возможно, был портретом Елизаветы Платоновны в детстве. Судя по воспоминаниям Прасковьи Ивановны, кроме этюда «Горные вершины» в собрании были еще какие-то произведения Г.Г. Мясоедова.

Среди портретов в дворянских собраниях часто встречаются портреты преданных слуг, нянь, часто с детьми. Упомянутый портрет няни, висевший в ее кабинете, был портретом няни семьи Ярошенко, а не учительницы Докукиной, как указано в воспоминаниях Васильевой[9]. То, что этот портрет представляет простую женщину, бывшую няней в барской семье, говорит весь ее облик, особенно ее руки — натруженные руки крестьянки, а не учительницы. Трудно поверить, что такой художник-реалист, как Н.А. Ярошенко, стал бы писать портрет няни с переодетой учительницы. Портрет няни, созданный в 1870-х годах, находился в собрании самого Н.А. Ярошенко[10], а после его смерти перешел в собрание его брата В.А. Ярошенко и находился в усадьбе Павлищево.

Еще одним источником, где упомянуты произведения из собрания Ярошенко, является опись имущества совхоза «Павлищево», в которой зафиксированы предметы обстановки, сохранившиеся в бывшем усадебном доме на 4 апреля 1924 года, на момент составления

описи. Среди них упомянуты некоторые произведения искусства. Это гипсовая скульптура — группа «Лаокоон с сыновьями» и статуя Цирцеи, которые находились в усадебном доме. Также упомянуты уцелевшие произведения декоративно-прикладного искусства: две вазы китайские цветные, две голубые вазы и две мраморные вазы, фарфоровые подсвечники[11].

Еще одним источником могут быть инвентарные книги художественного музея и различные списки произведений, входивших в состав музейного собрания в довоенный период. Произведения, поступившие из усадьбы Павлищево, записаны в инвентарной книге 1938 г. блоками по несколько работ. Первый такой блок включает 11 картин с № 303 по 313. Здесь перечислена коллекция произведений Н.А. Ярошенко и ряд картин, указанных в описи как «Картины из имения Н.А. Ярошенко». На основании близости инвентарных номеров к картинам из собрания Ярошенко можно отнести «Пейзаж с сернами», 1885 г., В.Д. Орловского (№ 208/310), который был утрачен во время войны[12]; картину А.П. Боголюбова «Пейзаж в Нормандии», которая была украдена и сейчас находится в розыске. Другой блок включает четыре картины с № 344 по № 347: среди них к собранию Ярошенко можно отнести картину Я. Воувермана «Мельница» (№ 345, Ж-130), а также «Горный пейзаж» неизвестного художника, указанный под № 356, переданный в декабре 1921 года в клуб на временное хранение и невозвращенный. Он записан рядом с портретом К.Д. Флавицкого «Голова итальянки», который упомянут в вышеуказанной описи. Это, возможно, был один из швейцарских этюдов, упомянутых в описи «Картины из имения Н.А. Ярошенко». И еще одна картина неизвестного художника «Обручение Святой Екатерины» (№188/445, теперь Ж-185), которая входила в блок из трех работ с № 444 по № 446, бесспорно, поступивших из усадьбы Павлищево. К коллекции Ярошенко принадлежали и картины, имевшие инвентарные номера № 309 и № 346, которые входили в вышеуказанные блоки, но в инвентарной книге за 1938 год пропущены: эти работы выбыли из собрания музея еще в 1920-е годы, поэтому их названия и авторов установить по сохранившимся документам не удалось.

Художественное собрание Е.П. и В.А. Ярошенко дает представление о составе и характере традиционного дворянского усадебного собрания, но в нем есть произведения, отражающие художественные вкусы последних владельцев. Здесь, как в каждом дворянском собрании, были портреты членов семьи и родственников, предков; были картины западноевропейских художников, чаще итальянских и голландских, французских. Среди них были картины религиозной живописи, копии античных скульптур.

Среди картин западноевропейских художников значительную группу по количеству работ представляют произведения голландских художников: жанровая картина «В таверне» К. Бега и, возможно, «Мельница» Я. Воувермана. Коллекционирование произведений художников этой школы было традиционно для дворянского собирательства на протяжении XVIII—XIX веков. Особенно престижно было иметь произведения Рембрандта или художников его круга, здесь их было три: копия с портрета матери Рембрандта, портрет неизвестного в черной шапочке, портрет неизвестного в черном берете — все копии с оригиналов Рембрандта и художников его школы, созданные в XVII—XVIII столетиях неизвестными художниками. Два последних вывезены в Москву и поступили в хранилища Национального музейного фонда.

Произведения западноевропейских художников XVIII—XIX веков, художников круга Рембрандта могли быть приобретены не только Е.П. и В.А. Ярошенко, но и Платоном Викторовичем Степановым, который был в Европе и в Константинополе[13]. Произведения русских художников второй половины XIX века были приобретены Е.П. и В.А. Ярошенко.

Выделяет собрание Ярошенко среди подобных дворянских собраний наличие коллекции индийских миниатюр. Интерес к восточным культурам обычно ограничивался у большинства дворянских собирателей китайскими или реже японскими предметами и произведениями искусства (фарфор, предметы мебели, миниатюры и т.д.), которые были в моде и чаще встречались на художественном рынке. Искусство Индии, даже позднего периода — XIX века, представляют большую редкость.

Таким образом, можно, учитывая имеющиеся на данный момент источники, реконструировать художественное собрание Е.П. и В.А. Ярошенко из усадьбы Павлищево, в которое входило пятьдесят два произведения живописи, три скульптуры, не считая произведений декоративно-прикладного искусства.

[1] Гужова И.В. Имение Степановское-Павлищево и его владельцы //Калуга в шести веках. Материалы 7-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2008. (в печати).

[2] Личенко С.И. Николай Александрович Ярошенко. Живопись из собрания Калужского областного художественного музея. Каталог. Калуга, 2008.

[3] Сокращенное название Калужского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы.

[4] Гужова И.В. Новые данные о коллекции В.А. и Е.П. Ярошенко из усадьбы Павлищево//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всерос. науч. конф.Калуга, 2008. С. 275—279.

[5] Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 54. Оп. 1. Д. 295. Л. 78—86. № 1052, № 1053, №№ 1539 (1—6); Ф. 134. Оп. 1. Д. 185. Л. 3. № 3. Зверева М.В. Вывоз из усадеб художественных ценностей в постреволюционный период (на материале Калужской губернии)//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всерос.науч. конф. Калуга, 2005. С. 218—221.

[6] Волошин М.А. История моей души. 1930, запись от 28 мая 1930 г.// Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 312, 313.

[7] Научный архив Калужского областного художественного музея (далее — архив КОХМ). Оп. 3. Д. 10. Л. 3 об.

[8] Архив КОХМ. Оп. 1. Д. 2. Л. 113. Описание ящика № 3, № 2.

[9] Архив КОХМ. Оп. 3. Д. 10. Л. 11.

[10] Поленова И.В. Ярошенко в Петербурге. Л.: Лениздат, 1983. С. 67.

[11] ГАКО. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 176. Л. 129 об, №№ 259, 263, 268.

[12] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 15. Калужский областной художественный музей. М.,2006. С.36, № 27.

[13] Российский государственный архив древних актов. Ф. 1484. Оп. 1. Д. 242. Л.10—12.

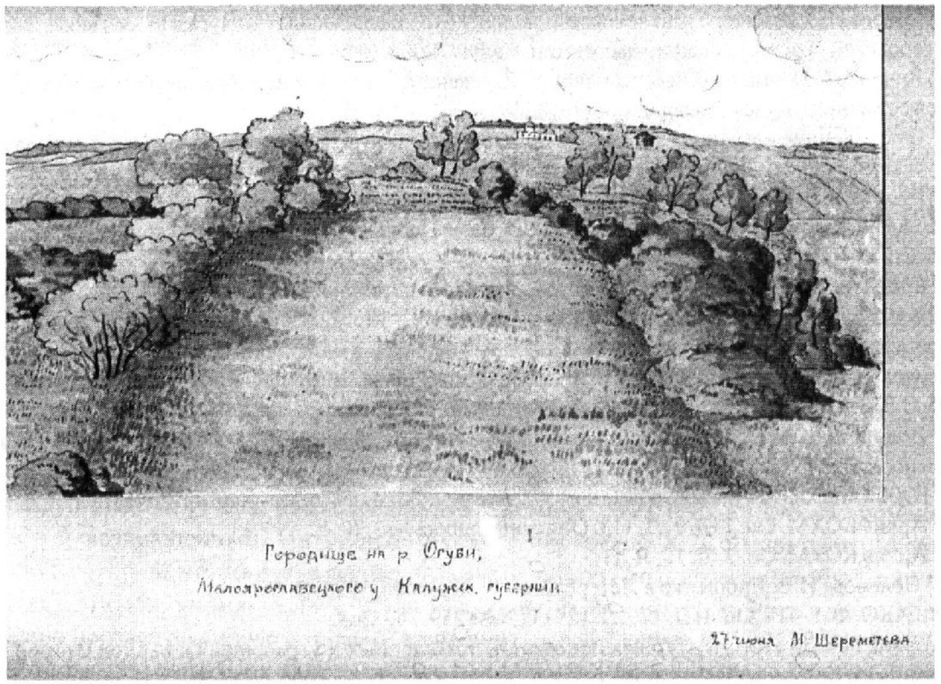
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ РИСУНКИ ЭТНОГРАФА М.Е. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

***Г.Б. Сафонова**, зав. сектором, Калужский областной краеведческий музей*

В многообразии искусства графики, представленного произведениями как профессиональных художников, так и любителей, особо выделяются немногочисленные графические работы ученых-исследователей, как правило, создававшиеся в полевых условиях в карандаше и чуть позже дорабатывавшиеся пером и тушью, акварелью или гуашью. К этой группе произведений графики не применимы законы художественной критики, как ко всем остальным произведениям искусства. Их нужно рассматривать как один из методов исследовательской работы, способов фиксации добытых в полевых условиях научных данных. Этот метод не потерял своего значения и в наши дни, когда портативный цифровой фотоаппарат с цветным изображением, на первый взгляд, может совершать чудеса. Но рисунок остался незаменим для исследовательской работы этнографа: покрой костюма, конструкцию его деталей довольно трудно рассмотреть на самом совершенном фотоснимке. Не менее важен рисунок при фиксации результатов археологических раскопок.

Экспедиционные рисунки первой четверти XX в. вызывают особый интерес. В это время заметно активизировалось внимание и стремление к изучению региональной истории и культуры, велась активная полевая деятельность, вырабатывались методологические принципы исследовательской работы. Изучению локальной традиции была посвящена деятельность М.Е. Шереметевой (1886—1963), работавшей научным сотрудником в Калужском краеведческом музее с 1921 г., удостоенной в 1928 г. Серебряной медали Русского Географического общества за этнографическое изучение Калужского края.

Среди ее научного наследия и собранной для Калужского краеведческого музея этнографической коллекции[1] находятся 21 графическая работа, созданные в 1923—1927 гг., семь из которых выполнены в 1923 г. во время участия в раскопках Огубского городища проводившихся в Малоярославецком уезде В.А. Городцовым при содействии Калужского Общества истории и древностей, членом которого была М.Е. Шереметева. Еще 11 работ — результат этнографического исследования калужской «Гамаюнщины» в 1924—1925 гг.;

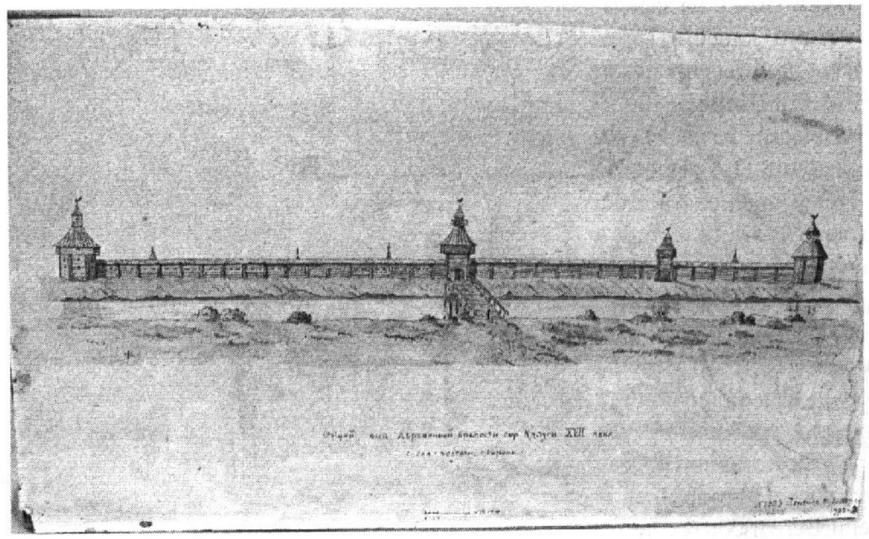


Ил. 1. М.Е. Шереметева. Городище на р. Огуби Малоярославецкого уезда Калужской губ. 27.06. 1923 г. 19,1 х 30,5 см. Бумага, акварель.

некоторые из них выполнены членами экспедиции М.Е. Шереметевой. Тематически выделяются еще три авторские работы этого периода, созданные по заказу музея для оформления экспозиции исторического отдела. Кроме того, в учетной документации музея сохранились сведения еще о четырех графических работах, также сделанных на основе полевых зарисовок, с изображениями орудий труда, бытовавших в «Гамаюнщине», которые *«по заказу музея исполнила М.Е. Шереметева»* для оформления экспозиции, но в 1959 г. они были списаны. Все эти работы никогда не публиковались.

В собирательской работе М.Е. Шереметевой метод графических зарисовок предметов традиционной культуры удачно сочетался с их фотографированием. Сохранилось 18 фотографий, поступивших от нее в 1926—1929 годах, кроме того, ряд фотографий известен только по публикациям в работах исследователя; оригиналы их, по всей видимости, утрачены. В зависимости от обстоятельств применялись различные виды фотосъемки. В одном случае это была стационарная пересъемка приобретенных для музея предметов, или фотографирование крестьянки в костюме в одном из фотоателье Калуги, в другом — пересъемка производственных процессов кустарных промыслов в местах их бытования. Калужский фотограф, член Общества изучения местного края А.Г. Макаров снимал кустарные промыслы в Пятовской волости Калужского уезда, в Перемышле, в д. Большие Сушки Перемышльского уезда. Несколько снимков в селениях Перемышльского уезда в 1926 г. сделал член этнографической секции Калужского Общества истории и древностей врач В.Г. Попов. При обследовании «Гамаюнщины» были применены оба метода фиксации полевых научных данных: несколько снимков свадебного обряда сделал известный калужский фотограф В.Н. Ченцов, а зарисовки жилища и орудий труда делали помощники М.Е. Шереметевой. Такая же методика была применена при изучении обряда «закликание весны» в д. Большие Козлы Калужского уезда в 1927 г. Помощниками этнографа-исследователя были фотограф А.Г. Макаров и калужский художник В.П. Любимов (1907—1993), зарисовавший один из эпизодов обряда. В то время это был двадцатилетний молодой человек, впоследствии известный художник.

Наиболее ранние графические работы М.Е. Шереметевой датируются июнем 1923 г. и оказались связаны не с этнографическими исследованиями, а с археологическими, когда она участвовала в раскопках, проводившихся В.А. Городцовым на Огубском городище на реке Протве в Малоярославецком уезде Калужской губ. совместно с Калужским Обществом



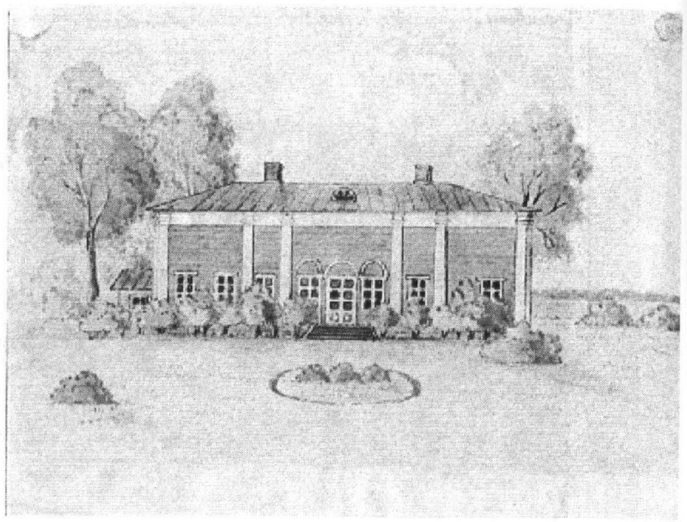
Ил. 2. М.Е. Шереметева. Общий вид деревянной крепости г. Калуги XVII в. с северо-восточной стороны. 1923 г. 36 х 63,5. Бумага, акварель.

истории и древностей. Об этой ее работе известно лишь по краткому упоминанию темы отчета об участии КОИД в раскопках в протоколах заседании этого научного общества. А шесть акварельных рисунков заняли место в экспозиции Калужского краеведческого музея [2]. Это несколько видов местности, где расположено городище и два больших планшета (49 х 44,5 см.) с зарисовками 63 находок — глиняных, костяных и металлических изделий, которые организаторами раскопок были переданы в Москву; в Калужском музее остались только рисунки. В этой группе акварелей три произведения подписные — в правом нижнем углу паспарту двух видов городища — надписи пером черной тушью в одну строку: *«26-го июня 1923 г. М. Шереметева»* или *«27 июня. М.Шереметева»* (ил. 1). В акварели «Тип дославянского жилища» (47,5 х 34,5 см.), выполненной с указанием масштаба, было проведено сравнение типов жилища на основе раскопок городища у с. Городец Спасского уезда Рязанской губернии и Огубского. В этой работе авторская подпись также в правом нижнем углу: *«Рисов. М.Шереметева»*. Совершенно очевидно, что все шесть акварелей этой серии, в том числе и неподписные, были выполнены одним автором и предназначались для экспозиции музея: каждый рисунок снабжен названием, написанным черной тушью на паспарту или в нижней части листа.

Также для оформления экспозиции музея были предназначены еще две авторские работы М.Е. Шереметевой, выполненные в 1923 г., которые иллюстрировали историю Калуги XVII в. Одна из акварелей с названием «Общий вид деревянной крепости города Калуги XVII в. с северо-восточной стороны» (36 х 63,5 см.), написанным пером черной тушью в нижней части листа, тоже подписная (ил. 2). В правом нижнем углу листа надпись тушью: *«Чертила М.Е. Шереметева. 1923 г.»* и слева — *«масштаб 10 сажен»*. Нам неизвестно, на основе каких источников была предпринята попытка реконструкции и поэтому дискутировать об ее исторической достоверности, видимо, не стоит. Гораздо важнее, что такая попытка была сделана, о чем свидетельствует вторая работа из этой серии — коричневая акварель под названием «Реконструкция деревянных укреплений Калужского острога» (24,5 х 30 см.), на которой изображено два вида укреплений в масштабе и с поясняющим текстом. В инвентарных книгах музея 1930-х годов отмечено, что это работа М.Е. Шереметевой — в этом не оставляет сомнения и стилистическое сравнение двух акварелей этой тематики. Данные графические работы имеют музееведческое значение и дают представление о том, как оформлялась экспозиция по истории Калуги в краеведческом музее, переехавшем к 7 ноября 1922 г. в предоставленное ему здание городской усадьбы нач. XIX в. на улице Пушкина.

Специфика работы научного сотрудника провинциального музея 1920-х годов, многоплановость поставленных задач, для выполнения которых требовалась немалая эрудиция, отражалась и в методике работы, в данном случае в тематике графических произведений.

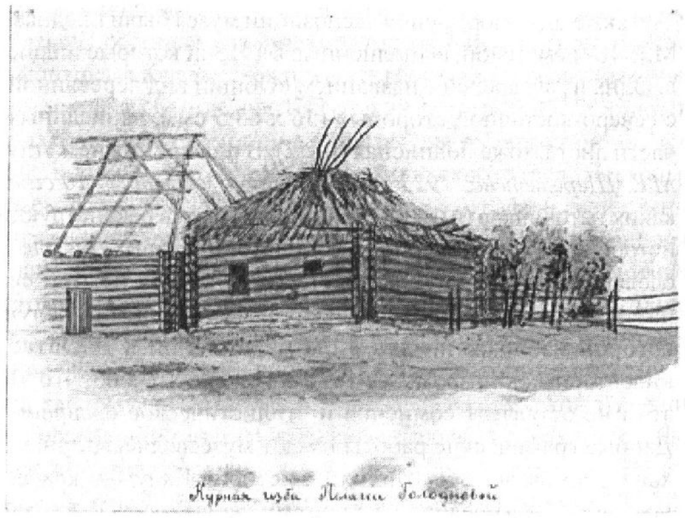
19 октября 1924 г. на заседании Калужского Общества Истории и Древностей был прочитан доклад М.Е. Шереметевой «Село Никольское на р. Серене, бывшее имение П.А. Кропоткина». Этому предшествовала поездка летом того же года в село Никольское Мещовского уезда, где был осмотрен усадебный дом[3], расположенный на высоком левом берегу р. Серены и выполнен его акварельный рисунок с натуры (ил. 3).Через несколько лет оставшийся без присмотра дом разрушился и единственное его изображение — это произведение, выполненное не профессиональным художником, а научным сотрудником музея.



Ил. 3. М.Е. Шереметева. Дом П.А. Кропоткина в с. Никольское Мещовского уезда Калужской губ. 1924 г. 22х28 см. Бумага, акварель.

С мая 1925 г. несколько полевых сезонов по инициативе М.Е. Шереметевой были посвящены обследованию и изучению «Гамаюнщины» — локальной этнической группы, состоящей из 17 селений, расположенных на правом берегу р. Оки недалеко от Калуги[4]. Она наметила программу и методику работы[5], которая проводилась группой из 10 человек, в составе которой были члены этнографической секции КОИД и 6 учащихся педагогического техникума. В общей программе по изучению жилища и хозяйственных построек, одежды и украшений, семейного быта, праздников и суеверий всей «Гамаюнщины» был сделан правильный акцент на детальное, стационарное обследование одного селения этого района. Была выбрана д. Верховая в 6 км от Калуги и — для сравнительного анализа — недалеко расположенная д. Квань. Всего за лето 1925 г. было совершено 27, скорее всего, пешеходных однодневных посещений «Гамаюнщины».

Эта работа нашла свое отражение в 7 графических листах с зарисовками типов крестьянского жилища «Гамаюнщины», все они были сделаны с натуры[6] и датируются маем—июнем 1925 г. на основании отчета о проведенных полевых исследованиях. Одна из акварелей этой группы, подписанная как «Курная изба Пелагеи Голодновой» (20,5 х 27,5 см.) выполнена в д. Верховой (ил. 4). По данным инвентарной книги музея 1930-х годов это произведение — работа М.Е.Шереметевой.



Ил. 4. М.Е. Шереметева. Курная изба Пелагеи Голодновой в д. Верховой Калужского уезда. 1925 г. 20,5х27,5 см. Бумага

В д. Квань зарисовки крестьянского жилища были сделаны помощниками М.Е. Шереметевой. Три графические работы, выполненные кистью коричневой и черной тушью с изображением курной избы — подписные. Справа внизу каждого листа подпись художника: «В. Степанов» и дата — «2/V.25» (ил. 5). Эта же подпись стоит еще на одной графической работе с названием «Ямки — холодильники для

Ил. 5. В. Степанов. Курная изба. Деревня Квань. 1925 г. 22,1 х 33,5 см. Бумага, коричневая тушь, кисть.

молока, дер. Кукареки Калужской губернии, Калужского уезда», написанном тушью от руки в правом верхнем углу листа. Работа выполнена пером и тушью по карандашному эскизу (25,5 х 32,5 см.), с изображением двух каркасных построек из жердей над помещенными в земляные углубления ларями для хранения продуктов. На рисунке даны текстовые пояснения и шкала масштаба в два аршина. Под подписью художника «Вл. Степанов» обозначена дата — «5/X—24». Очевидно, рисунок, сделанный с натуры в карандаше, чуть позже дорабатывался пером и тушью. К сожалению, поиски информации об исполнителе этих четырех работ результатов пока не дали. Среди профессиональных художников 1920-х годов имя Вл. Степанова не значится; возможно, что это любительские зарисовки.

Во время обследования «Гамаюнщины» летом 1925 г. зарисовки крестьянского жилища делал еще один помощник М.Е. Шереметевой. Сохранилось три рисунка, выполненных гуашью, с видами печи и сеней в избе бедняка д. Верховой Калужского уезда, с подписью «М. Соловьев» и датой — «1925 г.» в правом нижнем углу листа. В инвентарной книге музея 1930-х годов отмечено, что эти работы были выполнены одним из учеников Калужского педагогического техникума, с группой однокурсников принимавшим участие в работе М.Е.Шереметевой в «Гамаюнщине». Любительский, ученический характер этих работ не вызывает сомнения. В той же местности летом 1925 г. были сделаны зарисовки традиционных орудий труда — сохи и бороны — «суковатки». Выполненные пером и тушью рисунки не подписаны, а датируются на основании отчета о полевых исследованиях в «Гамаюнщине». Уровень их исполнения явно не ученический. Кроме того, сохранились сведения еще о двух рисунках тушью и пером, один из них изображал ручной гончарный круг, другой — с зарисовкой орудия труда: мотыги-«цапки», которые исполнила М.Е. Шереметева по заказу для иллюстрации экспозиции музея, но в 1959 г. они были списаны. Возможно, что рисунки сохи и бороны-«суковатки» относятся к этой же серии изображений орудий труда.

С исследовательской работой М.Е. Шереметевой по изучению народных верований, реликтов поклонения водяным источникам связана акварель, выполненная в 1927 г. во время посещения почитаемого местным населением Громового колодца близ села Борщевка Калужского района[7]. Во время этой поездки был не только сделан рисунок с натуры, изображавший могучий дуб у почитаемого источника с развешенными на соседних деревьях

63 Зак. 2219

молитвенными приношениями — детскими рубашками. В музей поступили собранные около источника предметы детской одежды как отражение в материальных предметах начала XX в. архаических народных верований. В коричневой акварели с изображением Громового колодца интересна подпись, сделанная карандашом в правом нижнем углу листа: *«б школа. Т. Шереметева»*. Выполненная дочерью М.Е. Шереметевой — Татьяной — акварель, наклеенная на паспарту и снабженная названием, также предназначалась для экспозиции музея.

Среди графических материалов, связанных с полевыми исследованиями М.Е. Шереметевой, необходимо отметить еще 7 рисунков-чертежей покроя женского крестьянского костюма, которые делались в масштабе одновременно с записями сведений информантов осенью 1926 г. в «Монастырщине» Перемышльского уезда[8].Они были опубликованы в ее работе по костюму этой местности. Здесь же были сделаны зарисовки-планы типов крестьянских жилищ, но они не сохранились.

Все ранее неизвестные графические работы 1920-х годов, которые были выявлены в собрании Калужского областного краеведческого музея, отражают активную исследовательскую и полевую деятельность, которая проводилась в это время в Калужском крае очень немногочисленными силами сотрудников музея и местной интеллигенции. Они являются существенным дополнением к поступившим в эти же годы в музей коллекциям и вместе с ними сразу же предназначались для размещения в экспозиции. Кроме того, относящиеся к этой же группе произведений графики 11 авторских работ М.Е. Шереметевой — новая немаловажная черта творческой биографии исследовательницы, заложившей основы этнографической коллекции Калужского областного краеведческого музея.

[1]Сафонова Г.Б. Этнографическая коллекция М.Е. Шереметевой: история формирования и воссоздания // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 6.Калуга, 2008. С. 263—277.

[2]Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского госмузея. Сост. Извеков В.И., Шереметева М.Е. Калуга. 1929. С. 11.

[3]Научный архив КОКМ. Р- 2878. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л.2.

[4]Шереметева М. Этнографическая секция при Калужском Обществе истории и древностей за 1925 г. // Этнография, 1926, № 1—2. С. 288—290.

[5]Научный архив КОКМ. Р-2878. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 43—44.

[6]Шереметева М. Этнографический отдел в Калужском государственном областном музее// Этнография, 1926, №1—2. С. 287.

[7]Шереметева М. Работа по археологии и этнографии в Калуге за 1935 — 1936 гг.//Советская этнография, 1936. № 6. С. 137.

[8] Шереметева М.Е. Краткая информация об этнографической работе в Калуге в 1926—1927 г. // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы).М., 1929. С. 174.

КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ В 1922—1924 гг.

***М.В. Кислицына**, н.с., Калужский областной краеведческий музей*

Мало кто знает о том, что профессиональной подготовкой театральных деятелей в Калуге занимались еще в начале XX века. В 1919 году в здании бывшей аптеки «на стрелке» на ул. Ленина, 32 (ныне ул. Театральная, 34) сначала была открыта государственная театральная школа, затем ее реформировали в театральный техникум (ГАКО. Ф.Р-36. Оп.1. Д.1. С.2.).

Публикаций о деятельности Калужского государственного театрального техникума в краеведческой литературе не встречается кроме, как в книге К.Б. Бедлинского «Калужский театр» (Тула, 1977. С. 121—122). Однако сведения Кирилла Борисовича Бедлинского не совпадают с данными, исследованными мной в Калужском государственном архиве области. К.Б. Бедлинский дает дату открытия техникума 1920 год, в архивных же материалах (ГАКО. Ф. Р-36. Оп.1. Д.1) дата открытия — 1922 год.

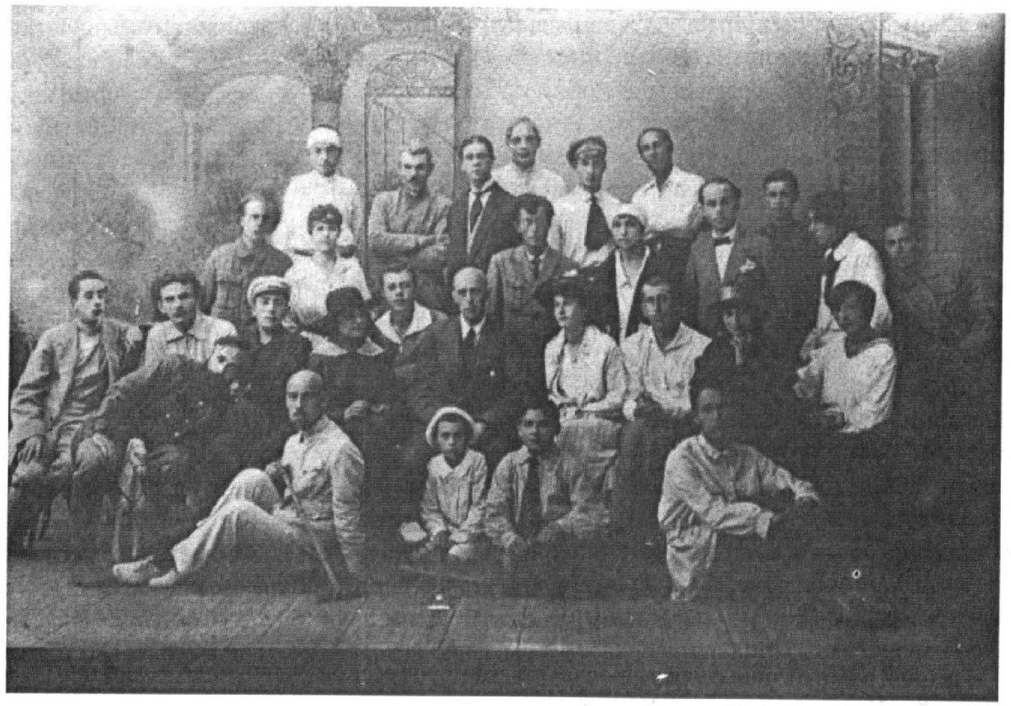
Ил.1. Здание, в котором в 1922 г. был открыт Калужский государственный театральный техникум. Почтовая открытка начала XX в.

В данной работе я попыталась проследить ход профессиональной подготовки театральных деятелей в Калуге в начале XX века.

В 1918—1919 годах в Калуге перестраивается система театрального и музыкального образования. Для искусства нужны были новые кадры, воспитанные в советской школе, кадры из числа талантливых представителей народа. Театральными делами в тот период в Калуге занимался Подотдел искусств губернского отдела народного образования, который считал, что открытие техникума *«является первым шагом к созданию в Калуге в будущем хорошего профессионального театра и к повышению театральной культуры в губернии. Время, когда актер был развлекателем праздной, скучающей публики, прошло, и теперь актеру — профессиональному специалисту следует занять достойное место в рядах деятелей просвещения»*.

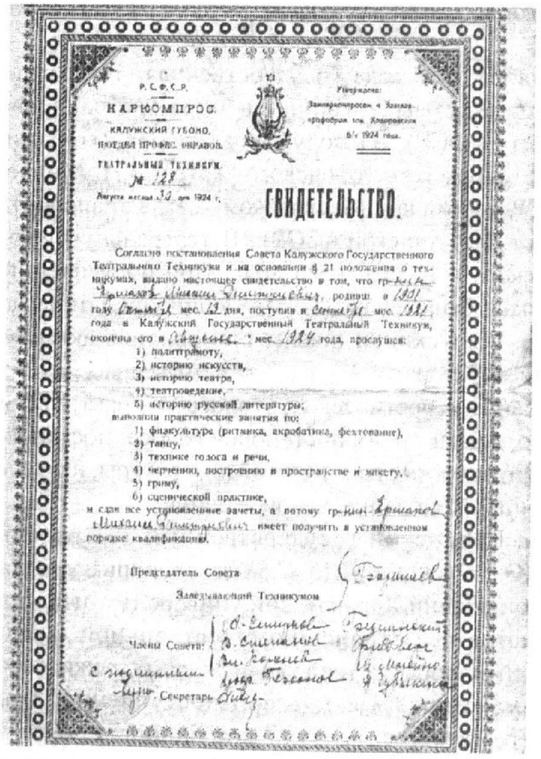
В Калуге сначала была открыта 10 октября 1919 года Государственная театральная школа (ГАКО. Ф. Р-36. Оп.1. Д.1. С.4). Директором школы был назначен Фома Александрович Строганов (впоследствии заслуженный артист РСФСР). В школу были подобраны опытные преподаватели. Среди них ведущие актеры Калужского городского театра: З.Н. Минаева (впоследствии заслуженная артистка РСФСР, работала в Московском театре транспорта), Г.Ф. Мартини (впоследствии народный артист Дагестанской АССР). В театральную школу было принято 29 человек: 12 человек мужского и 17 женского пола. При поступлении в школу требовалось 5 классов гимназии. В школе было несколько отделений: драматическое, хореографическое, научное и практическое. Выпускники школы становились актерами, помощниками режиссеров, театральными инструкторами. Курс обучения был рассчитан на три года. Занятия первого курса были в основном теоретические, второго — практические. Преподавали следующие предметы: дикцию, декламацию, постановку голоса, постановку театральных пьес, историю русского театра, античного театра, русской литературы, искусств, костюма, импровизацию, грим, пластику, танцы, фехтование, хоровое пение.

Реформирование театральной школы в Калужский государственный театральный техникум произошло 15 июля 1922 года (ГАКО. Р-36. Оп. 1. Д.15. С.5). Заведующим учебным заведением становится А.Л. Богданович, окончивший Харьковский университет и высшие педагогические курсы. Выпуск специалистов по сравнению с театральной школой расширился. Техникум занимался подготовкой актеров средней квалификации, режиссеров, и разного рода деятельности (суфлеров, макетчиков) и т.д. При поступлении были определенные требования — хорошая грамотность, физическое здоровье, а также одаренность в театральном отношении. Продолжительность обучения была также три года, однако занятия проходили в вечернее время. В техникуме имелась костюмерная, сцена с бутафорной и библиотека, состоящая из 282 наименований.



Ил. 2. Труппа «Театра революционной сатиры». 1922 г. В первом ряду первый слева режиссер театра Б.В. Бедлинский, преподававший в техникуме основы режиссуры.

Преподавателями театрального техникума в числе 20 человек были не только квалифицированные специалисты, но и известные люди в Калуге (ГАКО. Ф.Р-36. Оп. 1.Д. 15.С.49). Б.В. Бедлинский преподавал основы режиссуры. Борис Викторович в феврале 1921 года создал в Калуге «Театр революционной сатиры» (Теревсат), в котором он же был директором и актером театра. Задачей Теревсата было создание и постановка современных агитационных пьес.



Р. С. Ф. С. Р.

НАРКОМПРОС

КАЛУЖСКИЙ ГУБОНО.

ПОДОТДЕЛ ПРОФЕС. ОБРАЗОВ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТЕХНИКУМ.

№ 129

Выдано сего 30 дня 1924 г.

Утверждено:
Заведующий Губполитпросветом и Заведующий
профсекцией тов. Хлопотовским
6/V 1924 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Согласно постановления Совета Калужского Государственного Театрального Техникума и на основании § 21 положения о техникумах, выдано настоящее свидетельство в том, что гр-ин [illegible], родился в 1901 году [illegible] мес. 23 дня, поступив в [illegible] мес. 1921 года в Калужский Государственный Театральный Техникум, окончил его в [illegible] мес. 1924 года, прослушав:

1) политграмоту,
2) историю искусств,
3) историю театра,
4) театроведение,
5) историю русской литературы;

выполнил практические занятия по:

1) физкультура (ритмика, акробатика, фехтование),
2) танцу,
3) технике голоса и речи,
4) черчению, построению в пространстве и макету,
5) гриму,
6) сценической практике,

и сдав все установленные зачеты, а потому гр-ин [illegible] имеет получить в установленном порядке квалификацию.

Председатель Совета

Заведывающий Техникумом

Члены Совета:

Секретарь

Ил.3. Свидетельство об окончании театрального техникума. 1924 г.

С.В.Бессонов преподавал историю изобразительного искусства. Сергею Васильевичу принадлежат исследования по памятникам архитектуры Калуги: «Калужский деревянный ампир» (1928 г.), «Калужский Гостиный двор» (1929 г.), «Дом исторического музея» (1929г.), «Калужский купеческий ампир» (1930 г.) и др.

Г.Ф. Мартини — актер Калужского городского театра преподавал в техникуме дикцию. Это был очень яркий и одаренный актер в то время. По своему амплуа в театре герой (впоследствии народный артист Дагестанской АССР).

Ф.Г. Строганов — режиссер Калужского городского театра — вел декламацию. Калужский театр Фома Александрович возглавлял с осени 1920 по 1922 гг. В период его руководства театр был ориентирован на классику, ставились «Последняя жертва», «Таланты и поклонники» А. Островского, «Дети Ванюшина» С. Найденова, «Идиот» Ф.Достоевского, «На дне», «Враги» М. Горького и др., всего 24 названия пьес в течение двух сезонов (Бедлинский К.Б. «Калужский театр». Тула, 1977. С. 124). Калужская газета «Коммуна» в тот период отмечала, что *«...театр живет полной жизнью и делает отличные успехи, отличается художественностью. Театр в нынешнем году находится в руках опытного режиссера Ф.Г. Строганова»* («Коммуна», 1921, 6 февраля).

Ил.4. Г.Ф. Мартини — актер театра, преподаватель дикции в театральном техникуме.

В алфавитном списке учащихся техникума на 1922 год значилось 48 человек. В нем были указаны следующие данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, место рождения, сословие, у кого на иждивении. При переводе на следующий курс имеется краткая характеристика каждого учащегося. Например: *«очень способна, подает большие надежды», «старательна и способна, хорошо танцует, декламирует», «ленив, небрежен, мало работает», «способна, но почти не бывает на занятиях»* и т.д. Спектр городов и губерний поступивших достаточно разнообразный: Калуга, Жидринский уезд, Нижний Новгород, Москва, Киев, Петроград, Пензенская, Смоленская, Рязанская губернии, Дагестан. Из сказанного следует, что Калужский театральный техникум готовил кадры не только для Калуги, но для всего Советского государства. Учащиеся техникума были из самых разных сословий: дворян, купцов, мещан, рабочих, крестьян, служащих.

На первом курсе техникума изучали историю искусств, выразительное чтение, историю античного театра, политграмоту, историю драматического театра, сценические упражнения, постановку голоса, танцы, дикцию, театроведение, физкультуру (ГАКО. Ф. 36. Оп.1. Д.20. С. 45, 1922). В 1923 году на втором курсе был принят Устав коллектива, в котором были установлены права и обязанности учащихся и администрации техникума. В частности, в нем отмечалось: учащиеся техникума на втором курсе имеют практические занятия, то есть участвуют в спектаклях, которые ставится не реже одного раза в неделю. Весь сбор от спектаклей распределяется следующим образом: 50% поступают директору на хозяйственные нужды, а 50% делятся между всеми членами коллектива с включением режиссера. Каждый студент из полученной суммы должен отчислять 5% на нужды коллектива. Играли учащиеся в спектаклях «Василиса Мелентьева», «Не было ни гроша» А. Островского, «Маскарад» М. Лермонтова, «Бабьи слезы» Гольдони, «Дети Ванюшина» С. Найденова. В техникуме была создана из пяти человек Джаз-банда, которая исполняла разные произведения, в том числе марш, вальс, кук-уон и т.д. (ГАКО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 25. С. 5, 1923).

Кроме того, учащиеся активно участвовали в подготовке различных мероприятий не только техникума, но и города.

9 ноября 1922 года в день 5-ой годовщины Октябрьской революции был дан в помещении техникума вечер революционного содержания. Программа вечера была следующая: 1) пение Интернационала; 2) пение гимна театрального техникума; 3) речь учащегося II курса С.Перекашина на тему «Октябрь, революция и театральное искусство»; 4) поэма «Двенадцать» А. Блока; 5) «Сказка о Красной шапочке» В. Маяковского и т.д.

Учащиеся техникума участвовали в антирелигиозной постановке, приуроченной к Пасхальным праздникам, к 1-му Мая. Устраивали литературные вечера, в частности, посвященный Валерию Брюсову, импровизации на тему «Старый и Новый год» (ГАКО. Ф.Р-36. Оп.1. Д.30. С.3, 1923). По просьбе Губкоммола 8 апреля 1923 года в Народном доме была поставлена драма «Жрец Тарквиний» Помванова (ГАКО. Ф.Р-36. Оп. 1. Д. 30. С. 8, 1923).

В отзыве 1923 года о деятельности Государственного театрального техникума Калужским губернским комитетом Российской коммунистической партии говорилось, что работа его является продуктивной и полезной не только с точки зрения культурно-художественной, но и партийной и ГК РКП(б) считает дальнейшее существование театрального техникума в

Ил.5. Выпускники театрального техникума. Калуга. 1924 г.

Калуге весьма желательным, имея в виду незначительность расходов Центра на его содержание и полезную работу в его агитационно-пропагандистком отношении.

Профессиональная подготовка актеров была продолжена после Великой Отечественной войны. В 1945 году при театре в здании клуба им. Андреева была организована театральная студия под руководством художественного руководителя театра В. Торского. Выпускниками студии были Л. Марецкий, Т. Антонова, Л. Дромберг, В. Богатырев и др.

В 1997 году был набран первый в истории Калужского театра курс Российской академии театрального искусства (РАТИ) из пятнадцати человек под руководством профессора, заслуженного деятеля искусств РФ Д.Г. Ливнева, педагогов курса: заслуженного артиста РФ В.И. Романовского, главного режиссера А.Б. Плетнева и заслуженной артистки РФ Н.В. Ефременко. Выпускниками РАТИ стали 13 актеров: Л. Рогачев, К. Солдатов, П.Савчук, В. Прудников, Д. Кузнецова, Н. Машков, Д. Григорьева, З. Машненков, Л. Фанаскова, Л. Берая, Д. Денисов, Е. Клейменова, И. Якубенко.

В августе 2001 года в театре состоялся второй набор актерского курса РАТИ из 15 человек под руководством профессора, заслуженного деятеля искусств Д.Г. Ливнева. Выпускниками этого курса стали: И. Корнилов, Г. Иванец, Н. Каверин, С. Ляхова, С. Мацвей, Е. Макаркина, С. Путинцев, А. Семесенко, А. Сорокина, Д. Юшечкин, Д. Чинилин, Д. Войде, П. Абраменков, Г. Стадникова, Е. Лахина.

Государственная театральная школа, открытая в Калуге в 1919 году, затем преобразованная в государственный театральный техникум, в 1922 году дала начало профессиональной подготовке театральных деятелей. Необходимость в подготовке актеров для нашего театра возникла в середине и в конце XX века, также, как и в начале XXI века.

ОБРАЗ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАЛУЖСКИХ ХУДОЖНИКОВ — СОВРЕМЕННИКОВ УЧЕНОГО

***Е.А.Тимошенкова**, заслуженный работник культуры РФ, зав.отд., Дом-музей К.Э.Циолковского*

Калуга — город, многими нитями связанный с именем великого русского ученого

Константина Эдуардовича Циолковского. Поэтому образ Циолковского, изображение памятных мест, тесно связанных с его именем, всегда были для калужских художников и скульпторов одними из наиболее интересных и привлекательных.

В данной работе делается попытка обобщить и проанализировать историю создания образа К.Э. Циолковского в работах тех калужских художников и скульпторов, которые лично знали ученого или имели возможность делать наброски с натуры, позднее воплотив их в своих работах. К сожалению, их немного.

Одним из самых ярких представителей этой группы являлся художник Владимир Петрович Любимов. Как только заходила речь о Владимире Петровиче, кто-нибудь обязательно упоминал: «Это тот, кто рисует Циолковского». И хотя за долгие годы творчества было у Любимова множество других интересных работ, все знали, что именно ему принадлежит первый живописный портрет ученого.

Много лет спустя он вспоминал, как впервые увидел Циолковского. Это было в художественном музее, куда он пришел к своему учителю, директору музея В.Н. Левандовскому, показать этюды. В это время и вошел Циолковский. Он поздоровался с Всеволодом Николаевичем, а тот познакомил с ним Любимова. Константин Эдуардович интересовался, что нового удалось приобрести для музея, интересовался то одним, то другим произведением, хотел больше узнать о том или ином художнике и все расспрашивал, расспрашивал…

После его ухода Левандовский сказал Любимову: «Вот кого напиши, Володя!». Он предложил пойти к Циолковскому и попросить его позировать.

Владимир Петрович вспоминал: «Вскоре мы пошли к Циолковскому. Нас приветливо встретили, предупредили Константина Эдуардовича и пригласили подняться в его кабинет. И вот мы в знаменитой светелке. Циолковский сидит в своем любимом старом кресле у письменного стола, на коленях плед. Встает нам навстречу. Сетует на нездоровье и просит извинить его — он будет опять сидеть, укрыв ноги теплым платком. Левандовский напомнил о встрече в музее и передал мое желание написать портрет.

Циолковский как-то недовольно покачал головой и сказал: «К чему это? Да и куда я гожусь! Я и позировать совсем не умею, да и не высижу».

Все это ученый говорил по-стариковски ворчливо. Потом помолчал, повернул голову и, видно, рассмотрев выражение крайнего отчаяния на лице художника, сказал: «Раз уж вы этого хотите, если так надо, то вы уж попробуйте передать в картине не мою теперешнюю немощь, а мои мечты, мои идеи. И это будет правильно. А стану чувствовать себя получше, приходите, рисуйте. Только я буду работать…

Далее художник вспоминал: «Мы пили чай, а я вглядывался в облик удивительного человека и мысленно переносил на воображаемый лист бумаги и этот скульптурной лепки лоб, и нос с горбинкой, и веки, меж которых то оживленно блестели, то подергивались усталостью глаза. Он говорил о своей работе. Один раз встал, подошел к полке, отодвинул занавеску, кивнул на кипу рукописей и озабоченно сказал: «Сколько еще надо сделать! Не успею — другие доделают. Есть кому!».

Таким я запомнил его — одержимым, верящим в нужность своей работы».

Позднее художник приходил уже в новый дом, который подарило семье Циолковского правительство. Свои наброски уже очень больному ученому показывать не решился. Но их видела и одобряла дочь, Мария Константиновна.

В сентябре 1935, в ночь смерти Циолковского, Любимову пришлось разыскивать Константина Баскакова, форматора со скульптурной фабрики, и художника Леонида Евгеньевича Межекова. Им поручили снимать гипсовую маску с лица умершего. Тогда же Любимову пришлось срочно рисовать «сухой кистью» на бязи портрет ученого для траурного зала (к сожалению, нам он неизвестен).

На набросках, которые позднее и легли в основу его первой картины ученого, привлекали внимание умные усталые глаза, проницательный взгляд, тяжелые кисти рук, ладонь на ладони. Это был великий труженик, великий провидец. В настоящее время портрет хранится в Государственном музее истории космонавтики…

Но была у Любимова еще одна мечта. Величавая внешность К.Э. Циолковского, выделяющаяся среди окружающих, когда он проходил по улицам Калуги, так врезалась в память художника, что он давно мечтал нарисовать ученого идущим по Каменному мосту.

Именно здесь Владимир Петрович увидел его впервые: «Он шел, нет, не шел, а как будто плыл. В руке зонт, котелок, а на плечах знаменитая крылатка с застежками в виде львиных голов. И все, в том числе и я, не могли не обернуться, не задержать своего внимания на этом большом человеке. А он медленно двигался, высокий, большой, глядя куда-то поверх голов, как-то весь в себе, в своих думах». Еще в первую встречу с Циолковским Любимов, краснея от смущения, спросил: «Константин Эдуардович, простите художника за любопытство: чем вам так полюбилась крылатка?». Циолковский ответил быстро и весело: «Проще с нею. Накинул, скинул — вся недолга. А в пальто одних пуговиц сколько. Вот зачем человеку крылатка», — и лукаво усмехнулся.

Но задуманный Любимовым «Циолковский в крылатке» — так первоначально обозначил эту картину Владимир Петрович, родился только через десяток лет. Когда Владимир Петрович окончательно «созрел» для написания давно задуманного портрета, он столкнулся с проблемой — нужно было достать крылатку Циолковского. Пришел к Циолковским. Но Мария Константиновна призналась, что крылатки больше не существует. Где же можно достать крылатку?.. Тогда кто-то из старых калужан посоветовал обратиться в церковь. Там-то и увидел Владимир Петрович монашку в черной накидке хорошего качества с тонким блеском. С трудом уговорил дать ему эту одежду до вечера.

Прибежав домой, сразу накинул эту крылатку на себя и посмотрел в зеркало — необходимо было уловить и передать на картине блеск очень дорогого благородного материала. Хватило получаса для набросков. Они и помогли созданию важной детали знаменитой картины. Любимов однажды рассказал: «Я писал картину «Циолковский на Каменном мосту» летом в мастерской на улице Баумана. Окна были открыты. Когда я заканчивал картину, то сзади себя услышал голос: «Батюшки, как живой!». Я оборачиваюсь, стоит какой-то гражданин и смотрит мою картину. И это, как выяснилось, сказал человек, который хорошо знал Циолковского. Как автору, мне было очень приятно».

Надо сказать, что многие представители творческой интеллигенции критиковали картину, считая, что образ великого ученого очень упрощен, не видно выдающейся личности, великого ученого. Тем не менее, картина «Циолковский на Каменном мосту» стала поистине хрестоматийной. Она имела большой успех, тиражировалась в открытках и календарях, экспонировалась на выставке в Третьяковской галерее.

Неоднократно работал Любимов над образом Циолковского в живописи. Когда его спрашивали, почему он так часто пишет Циолковского, художник отвечал: «Я считаю, что это огромный образ — для художников, скульпторов, писателей. Они будут еще очень долго обращаться к его образу.

Исторически считается, что автором первого живописного портрета великого ученого был Владимир Петрович Любимов. Но так ли это? Существует еще один портрет ученого, правда, написанный художником-любителем.

История его такова. День похорон К.Э. Циолковского. В многотысячной траурной процессии по улицам города шли члены правительства, представители авиационной общественности Москвы, многие калужане. Многочисленной была колонна калужских железнодорожников. Делегация паровозного депо вместе с красным знаменем, обрамленным крепом, несла портрет Константина Эдуардовича.

Этот необычный портрет был выполнен маслом на большом листе фанеры деповским художником Алексеем Ивановичем Мартыновым. Уже позже Алексей Иванович рассказал, что был знаком с ученым и первые наброски делал с натуры. После окончания грустного ритуала группа железнодорожников зашла в дом мастера железнодорожного депо Георгия Константиновича Скаткина, который жил недалеко от Загородного сада, где и оставила портрет. О портрете вскоре забыли. Георгий Константинович уехал на Дальний Восток. Когда началась Великая отечественная война, Скаткин написал в Калугу и попросил мать спрятать портрет знаменитого земляка, боясь, что он может быть уничтожен, Ольга Николаевна прибила портрет к стене и заклеила обоями.

Прошло более тридцати лет. Не стало Ольги Николаевны. Вернулся в Калугу Георгий Константинович и снова начал работать на железной дороге. А портрет ученого все висел, спрятанный за обоями старого дома. В середине 60-х годов прошлого века старый дом должен был пойти под снос. И тогда Скаткин, давно проживавший по другому адресу,

вспомнил о замурованном портрете. Он прибежал в свой старый дом, который уже готовились разбирать, и обнаружил реликвию на старом месте.

Тогда же этот прижизненный портрет великого ученого стал экспонатом Государственного музея истории космонавтики.

Образ великого ученого заинтересовал и известный калужского художника и искусствоведа Михаила Михайловича Днепровского. Он неплохо знал Циолковского, но за отражение его образа не взялся. Тем не менее, вскоре после смерти Константина Эдуардовича решил посвятить его памяти несколько рисунков, изображающих места, связанные с его жизнью и деятельностью. Для этого познакомился с его семьей, жившей в доме, подаренном ему калужанами.

При первом же визите Мария Константиновна, средняя дочь ученого, встретившая его с большим радушием и вниманием, поручила своему сыну Алеше, тогда еще мальчику 7—8 лет, пройти со мной по усадьбе дома и показать различные ее уголки. Алеша провел художника в сад, где показал небольшую, увитую диким виноградом беседку, в которой Константин Эдуардович любил отдыхать. Сделав карандашный рисунок беседки, Днепровский вместе с Алешей направился к старому дому Циолковского. В то время художник увлекался рисованием тушью на тонированной бумаге с применением белил, что придавало рисункам сходство с цветными гравюрами на дереве. Поэтому дома все зарисовки переработал, пользуясь полюбившимися приемами. Рисунок веранды был исполнен на темной серовато-синей бумаге, которая навела его на мысль изобразить ее в лунную ночь. Этому листу было дано название «Колыбель звездоплавания» (в те годы было принято космонавтику называть звездоплаванием).

В начале 1936 года художнику пришла в голову мысль послать что-либо из своих рисунков, посвященных К.Э. Циолковскому, известному популяризатору физико-математических наук Якову Исидоровичу Перельману, который был популяризатором и идей ученого. Михаил Михайлович отобрал два рисунка, в том числе «Колыбель звездоплавания», и отправил их Перельману в Ленинград с письмом, в котором просил принять подарок в благодарность за удовольствие, доставленное его книгами. А вскоре художник получил от Перельмана предложение взять на себя иллюстрирование книги о жизни и деятельности Циолковского, которую он задумал написать.

Это предложение очень смутило художника. Иметь дело с издательствами ему еще не приходилось, и опыта иллюстрирования книг не было. Все же он решил принять это предложение. Но, не будучи портретистом, договорился с художником В.П. Любимовым, что он возьмет на себя исполнение портретов, которые могут понадобиться для этой книги.

Вскоре Перельман и Днепровский встретились в Москве, где окончательно договорились о работе. Организация ее представляла некоторые трудности, так как их разделяло большое расстояние: один жил в Ленинграде, другой в Калуге. Чтобы дать художнику возможность приступить к работе, не ожидая окончания книги, Перельман обещал присылать в Калугу отдельные главы ее, по мере того, как они будут выходить из-под его пера. После выполнения рисунков рукопись возвращалась автору. Всего намечалось свыше 50 рисунков.

Художник приступил к работе. Решив отразить в своих рисунках скромный быт ученого, он широко использовал в качестве мотивов предметы обстановки его дома, которые в какой-то степени характеризовали строгость и простоту его жизни. И грубо сколоченный стеллаж для книг с ситцевой занавеской, и фигурная керосиновая лампа…, все, вплоть до простого молотка и рубанка, было использовано в рисунках…

Другую группу мотивов дали различные уголки города, связанные с жизнью ученого. Хуже обстояло дело с главой «Технические идеи». Здесь надо было давать технику. Пришлось в одном случае рыться в книгах, в других напрягать свою фантазию и рисовать различные ракеты на фоне звездного неба, лунные пейзажи и прочее.

Когда в 1947 году книга Перельмана с рисунками Днепровского и Любимова вышла в свет, художник выразил Якову Исидоровичу благодарность за совместную работу и проявленное им внимание ко мне. В ответном письме писатель сообщил, что сам должен благодарить — именно рисунки Днепровского навели его на мысль написать книгу о Циолковском…

Первый в истории скульптурный портрет ученого был сделан молодым московским

65 Зак. 2219

художником Иосифом Архиповым в 1927 г. Он должен был открывать «Мировую выставку моделей межпланетных аппаратов и механизмов…» в Москве. Инициатором выставки стала группа молодых энтузиастов, последователей и почитателей Циолковского,

Особый же интерес для калужан представляет работа калужского скульптора Анатолия Николаевича Реброва. Бюст Циолковского был заказан ему для экспозиции открывающегося в Калуге Дома-музея ученого в 1936 году. Скульптор не раз видал Циолковского, какое-то время даже учился у него в высшем начальном училище. Консультировали Реброва вдова ученого, Варвара Евграфовна, и его дочери Любовь и Мария. Бюст был сделан в классическом стиле и, по мнению внука ученого, А.В. Костина, напоминал чем-то героев из школьного учебника по истории древнего мира. Первоначально существовало две копии этой работы. Одна из них находилась в экспозиции Дома-музея, вторая копия была подарена семье ученого. В 1939 году Ребров делает новый бюст ученого. Надо отметить, что родные Циолковского дали высокую оценку этой работе. У родственников Реброва сохранился уникальный документ. В нем говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся члены семьи К.Э. Циолковского, находим, что бюст, сделанный скульптором Анатолием Николаевичем Ребровым, имеет большое сходство с покойным, и поэтому может быть принят организациями как воплощенный в нем образ Константина Эдуардовича Циолковского. 17.X1.1939 г.

Жена Конст. Эдуард. — Циолковская. Дочь Любовь Циолковская. Дочь Мария Константиновна Костина-Циолковская.

Подпись рук семьи К.Э. Циолковского: жены Варвары Евграфовны, дочерей Любови Константиновны и Марии Константиновны Циолковских Домом-музеем К.Э. Циолковского подтверждается и со своей стороны к мнению семьи о бюсте присоединяется.

Директор Дома-музея К.Э. Циолковского Рыжичкин. 20/X-39 г.»

В 1957 году семья передала ее музею Циолковского, который создали учащиеся школы №9, носящей имя ученого.

Все вышеназванные работы, как было отмечено ранее, особенно интересны тем, что их авторами были художники и скульпторы, знавшие ученого. Несколько позднее над образом ученого будут работать Л.А. Климентовская, А.И. Котельников, Л.Н.Казакевич, А.И. Соломатин и многие другие. Будет много и других творческих работ. Но самыми жизненными, самыми трогательными навсегда останутся работы современников ученого, тех, кто жил в той же атмосфере, что и он, также любил свою Калугу.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ К.Э.ЦИОЛКОВСКОГО В ОБЛАСТЯХ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНОГО)

***Л.П. Майорова**, зав.сектором, Дом-музей К.Э.Циолковского*

Изучение жизненного и творческого пути основоположника теоретической космонавтики К.Э.Циолковского, на наш взгляд, невозможно без знания, учета и анализа многочисленных контактов ученого. Эпистолярное наследие К.Э.Циолковского огромно и уникально по своему научно-историческому потенциалу, многогранности и достоверности. Для Циолковского, проведшего большую часть своей жизни в Калуге, общение со своими современниками, в основном, было через переписку и встречи в калужском доме ученого. Выявление круга общения ученого позволяет рассмотреть вопрос о распространении К.Э.Циолковским своих научных трудов среди его многочисленных корреспондентов и посетителей, дает возможность понять отношение к нему его современников, проживавших в различных регионах России.

Цель данного исследования: реконструировать, по возможности, во всей полноте круг общения К.Э.Циолковского и распространение им научных трудов в областях Верхнего Поочья: Тульской, Орловской, Рязанской. Поставленная цель определила и задачи исследования: выявление и изучение архивных документов и других источников, содержащих сведения о корреспондентах и посетителях К.Э.Циолковского, проживавших в данном регионе;

систематизация собранного материала; введение в научный оборот неизвестных архивных материалов и документов. Основной круг источников, использованных при составлении списка лиц, входивших в круг общения ученого, включает в себя записные книжки ученого, материалы переписки, научные труды, воспоминания современников. Большая часть этих документальных материалов представлена архивными источниками, отложившимися в Архиве Российской Академии Наук (АРАН), Государственном музее истории космонавтики им. К.Э.Циолковского (ГМИК).

Для К.Э.Циолковского переписка, отвечавшая его потребности в общении с внешним миром, с самыми разными людьми, являлась настоятельной необходимостью. В ходе работы выявлено девятнадцать корреспондентов из данного региона, материалы переписки с которыми сохранились [1—18]. Сохранилось одно письмо ученого, адресованное В.Н.Гулину [19], и самодельный конверт с адресом Г.Орлова, надписанным рукой ученого [20]. Значатся также в списках корреспондентов Циолковского, но материалы переписки отсутствуют: И.Г.Алексеев, г. Богородецк [21. Л.9; 22. Л.2], Николай Былеев, г. Одоев [23. Л.10; 24. Л.20об.; 22. Л.2об.], Андрей Ксенофонтович Карцев, г. Тула [25. Л.8; 26. Л.6], Солодков, г. Лихвин [27. л.9], Е.Тебенихин, г. Тула [25. Л.17]. Посетили ученого в Калуге: Виктор Иванович Алексеев, г. Тула, не ранее 4 марта—не п. 2 июля 1932г. [25. Л.1об.; 21,л.13; 26. Л. 12об.], Б.Болденков, г. Тула, июнь 1934г. [28], Константин Дмитриевич Толстов, г. Тула, не ранее 2 июля — не позднее 7 сентября 1932г. [25. Л.17; 26. Л.16; 29. л.5], В.Н.Гулин, 14 июня 1933г. [29. Л.2; 30. Л.7]. Всего выявлены контакты ученого с двадцатью семью лицами, проживавшими в Тульской, Орловской и Рязанской областях. При этом нельзя не отметить географическую широту связей Циолковского в регионе Верхнего Поочья — девять населенных пунктов: гг. Тула — 13 человек, Богородецк, Одоев, Плавск, Белев, Лихвин (Тульской обл.) — по 1 человеку; Орел — 4 человека, Рязань — 4 человека, Ряжск (Рязанской обл.) — 1 человек. Это представляет значительный интерес для понимания стремления ученого из Калуги познакомить как можно большее число людей со своими научными работами и отражает большой интерес к его трудам жителей данных областей. В круг общения ученого входили представители разных профессиональных групп: инженерно-технические работники — 3 человека, изобретатели — 2 человека, научные работники — 2 человека, педагоги (физик, математик, музыкальная школа) — 3 человека, бухгалтер — 1 человек, ветеринар — 1 человек, школьник — 1; без указания профессиональной принадлежности — 14 человек.

По дате самое раннее из выявленных писем принадлежит В.Галицкому и относится к [15 февраля 1917г.] [2]. С 26 октября 1924г. начинает свою переписку с ученым Владимир Николаевич Гулин [4]; 15 марта 1928г. датировано письмо Г.Морозова [7]. Остальные письма относятся к 1930—1935гг. [1, 3—6; 8—18], где особенно надо выделить 1934г. как год наиболее интенсивной переписки ученого с корреспондентами данного региона — 12 человек. Из приведенных сведений видно, что круг его корреспондентов и интенсивность контактов с ученым возросли в 1930-е годы, когда имя Циолковского обрело известность и популярность, причем инициатива письменного знакомства, как правило, исходила не от него. Тематика писем была очень разнообразной. Прежде всего, это интерес к научному творчеству ученого. «Много лет я интересуюсь теорией дирижаблестроения и реактивного движения… я хочу быть действительным учеником Ваших научных работ» (Н.А.Родионов) [10. Л.1]; «крайне заинтересованный содержанием этой книги» (Васильев А.А.) [1. Л.1]; «всей душой интересуясь и сочувствуя идее межпланетных сообщений, я заинтересовал и несколько своих знакомых. Мы собираемся по вечерам и читаем Ваши сочинения» [4. Л.2, 5], — так писали корреспонденты в Калугу. В своих письмах они также анализировали труды ученого, выражали свое мнение по тем или иным проблемам, спрашивали совета: «хочу поделиться с Вами мыслями, которые возникали у меня во время чтения Ваших трудов…в моем мнении Вы стоите на громадной высоте. Я вижу по Вашим книгам, как Вы стремитесь к истине, во что бы то ни стало, и пусть моя правдивость будет выражением моего уважения к Вам» (В.Н.Гулин) [4. Л.5об.]; «мы много спорим по всем вопросам. Сейчас наш коллектив занимает вопрос о будущем Земли и человечества,… мы надеемся, что Вы поможете нам разобраться, как следует в этих вопросах» (Е.С.Минаев) [6. Л.1—1об.]. «Прочитав Вашу книгу «Монизм Вселенной», я уже третий день нахожусь под впечатлением. Сжато и образно написанный «Монизм» читается с захватывающим интересом», — писал Г.М.Орлов [8. Л.1]. Ознакомившись с присланным

отзывом, Циолковский делает помету: «в ответ послано Ощущение, жизнь и смерть» [8. Л.2об.]. С присланными ученым материалами Орлов познакомил своих товарищей, в числе которых был и А.М.Филиппов, который внес определенный вклад в распространение идей Циолковского среди туляков. В своем письме от 3 ноября 1934г. он писал в Калугу: «В ответ на письмо Г.Орлова Вы прислали ему статью «Ощущение, жизнь и смерть», при чем в письме Вы указали условие получения следующей статьи. Желая получить новую статью, Орлов попросил меня напечатать присланную Вами ему статью в 5 экземплярах. Исполнив это, я посылаю один экземпляр Вам с просьбой выслать нам новую статью: мы очень желаем ознакомиться с Вашими трудами. Что делать с остающимися у нас 2 экземплярами Вашей статьи? Раздать Вашим друзьям или еще кому?» [12. Л.3]. Оставленная Константином Эдуардовичем помета: «Отвеч [ено] Есть ли бог» свидетельствует об отправке им в Тулу еще одной своей статьи [12. Л.4]. «Благодарю за присланную Вами статью «Есть ли бог?». Перепечатал, 1 экземпляр посылаю Вам, один дам Орлову, остальные, наверное, возьмут товарищи… прислать Вам статью «Ощущение жизнь и смерть» не могу, забрали их у меня товарищи», писал Филиппов в ответном письме. [12. Л.5—5об.]. Факт распространения своих статей ученый отметил пометами: «друзьям» [12. Л.6]. «Благодарю за статьи. Очень интересные. Их нужно бы Вам издать целым сборником. Ваши статьи я перепечатал и посылаю 1 экз. Вам, другой — г. Орлову, остальные товарищам. Не разобрал два слова на статье. Пришлите второй вариант «Есть ли бог?» и «Есть ли духи», — информировал корреспондент в следующем письме [12. Л.7]. И вновь помета Циолковского: «Отвечен» [Л.8]. В своих письмах корреспонденты знакомили Циолковского со своими творческими планами и своими изобретениями, просили дать им оценку. В.Н.Гулин просил написать «краткую критику» на статью «Путешествие на Луну» (сборник русской и иностранной литературы 33, 1913г.)», прислал «набросок электронно-магнитной пушки с объяснением ее действия прошу рассмотреть этот проект как средство, облегчающее подъем и удаление от Земли «ракеты» [4. Л.2,16—17об.]. «По совету друзей обращаюсь к Вам с просьбой, в чем я уверен, что мне не откажете. Я прошу Вашего разрешения прислать для оценки пригодности машины, над которой я работаю», сообщал Я.Л.Киркель [5. Л.1]. «Прошу Вас дать мне практический совет пути изобретательской деятельности. Мне сейчас двадцать лет… два года назад окончил ветеринарный техникум,… а теперь учусь в Орле на подготовительных курсах в ПедВУЗ», — писал В.М.Трояновский [11. Л.1]. Корреспонденты просили сообщить интересующие их сведения, адреса третьих лиц. А.В.Преображенский спрашивал, почему не вышел еще фильм «Космический рейс», в создании которого принимал участие ученый [9. Л.11—11об.]. «Какая причина задерживает постройку дирижабля Вашей системы?», — интересовался А.М.Филиппов [12. Л.1]. «Сообщите мне… точный адрес А.Б.Шершевского», просил В.Н.Гулин [4. Л.1об.]. И, судя по письмам и пометам ученого на конвертах, на все вопросы и просьбы Константин Эдуардович стремился ответить. Несмотря на большой объем переписки, ученый непременно сам просматривал все письма, часто делая на них разнообразные пометы и проводя правку для будущих публикаций отзывов своих корреспондентов.

В большинстве писем, адресованных ученому, содержится просьба его корреспондентов о высылке им научных работ: Васильев А.А. просит «Монизм Вселенной» [1. Л.1], «Вне Земли» — Г.Морозов [7. Л.3]. «Прошу выслать мне наложенным платежом экземпляр Вашей брошюры «Исследование мировых пространств реактивными приборами», — писал В.Галицкий [2. Л.1]. «Интересуясь реактивными аппаратами, я искал и ищу нужную литературу», — обращался Н.Галкин из Белева [3. Л.1]. Преображенский просил прислать повесть «Вне Земли» [9. Л.11—11об.]. И такие просьбы Константин Эдуардович не оставлял без внимания: жители региона Верхнего Поочья получили от него труды различной научной тематики: «Монизм Вселенной» (1931) — А.А.Васильев [1. Л.1], «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1914) — В.Галицкий [2. Л.4], «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926), «Космическая ракета. Опытная подготовка» (1927), «Монизм Вселенной» (1925), «Нирвана» (1914), «Горе и гений» (1916), «Научная этика» (1930), «Причина космоса» (1925), «Диржабли» (1931), «Реактивный аэроплан» (1931) — В.Н.Гулин [3. Л.2,3; 24. Л.4; 31. Л.2]; «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» (1928), «Монизм Вселенной» (1931) [5. Л.7—7об.]; «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926), «Космическая ракета. Опытная подготовка» (1927), «Цели

звездоплавания» (1929), «Монизм Вселенной» (1931), «Растение будущего. Животное Космоса. Самозарождение» (1929), «Изданные труды К.Э.Циолковского» (1929) — Е.С.Минаев [6. Л.2]; «книги о монизме», «Изданные труды К.Э.Циолковского» (1927) — Г.Морозов [7. Л.1,4]; «Моя пишущая машина. Двигатели прогресса. Новое о моем дирижабле и последние отзывы о нем. Мелочи» (1928) — А.М.Филиппов [12. Л.2]; «Давление на плоскость при ее нормальном движении в воздухе» (1930), — Былеев Н., 22 февраля 1930г. [24. Л.10]. Но не всегда удается установить, какие издания были получены корреспондентами и посетителями ученого. Так получателями трудов неустановленных наименований были — Алексеев В.И. («Гость все») [24. Л.1об.]; Болденков Б. [28]. Письма корреспондентов наполнены не только словами благодарности за присланные труды, но и, что было особенно ценно для автора, они часто содержали отзывы о прочитанном: «в Вас я вижу действительного борца за овладение мировым пространством» — Н.Галкин [3. Л.3]; «горжусь получением лично от Вас самого автора книги «Монизм Вселенной» — Л.Киркель [5. Л.7об.]. «Прочтя первый раз Ваши книги, я был поражен прочитанным и не мог, как следует разобраться в проводимых Вами идеях. Я читал Ваши книги девять раз, и каждый раз казалось, что я читаю их заново.… Только теперь, когда мозг не удивляется более, а воспринимает здраво все прочитанное, мне стала ясна вся глубина Вашей мысли и я во многом с Вами согласен. Я пробовал проводить эту мысль среди своих товарищей, но в большинстве встречал насмешку, но многие, прочтя Ваши книги (я им давал) изменили свое мнение» — Морозов Г. [7. Л.1—1об.]. Корреспондент полемизирует с ученым: «в некоторых моментах я с Вами не согласен» [7. Л.1об.—3]. Судя по оставленной ученым помете на конверте от письма, он посчитал его аргументы интересными: «Крит. Монизма Георг. Морозов Часть можно перепечатать» [7. Л.4].

В мае 1934г. К.Э.Циолковский через газету «Известия» обратился ко всем людям, которые стали свидетелями полета яркого болида в Подмосковье 14 мая 1934г. Открытки и конверты, рисунки, схематически изображающие падение болида, письма учителей и школьников, врачей, рабочих, служащих приходили в Калугу. В архиве Академии наук сохранилось более 220 такого рода писем, в т.ч. и от семи жителей Верхнего Поочья. «Считаю своим долгом сообщить, что я вышеупомянутый болид видел. 14 мая в 10 часов вечера, идя с работы, я и несколько товарищей вдруг заметили необычайно ярки свет на небосводе, и первое впечатление было падающей ракеты, которая действительно падала по направлению запада», — писал С.С.Винокуров из Плавска [14. Л.1]. Присланные письма и открытки имеют пометы Циолковского. В большинстве случаев это предельно краткий комментарий ученого. Циолковский записывает главное в содержании письма: профессия или адрес его автора, определенные детали описания: «В Рязани на Сев.-Зап. голубой болид 2—3 сек. чистое небо. Неб. оранжевый хвост» [13. Л.2]; «Тула 60 Преп. физ и матем» [15. Л.3]; «2—3 сек Тула 45—50 на запад груша яркий синий, зеленый, оранжевый» [16. Л.2]; «Орел инжен. хвост 30» [17. Л.2]. В своем письме Филипповский и В.Мельгунов сообщили об увиденном болиде: первый, находясь в командировке, наблюдал его на ст. Малаховка Московско—Казанской железной дороги, второй — в Рязани [18. Л.1]. На этом письме ученый оставил помету: «В Рязани и за 55 верст от Москвы». Одним из свидетелей этого явления стал ученик десятого класса из Тулы Андрей Преображенский [9. Л.1]. Позднее он вспоминал: «Конечно же, я сразу подробно написал ему о своих наблюдениях. Представьте мою радость и удивление, когда через месяц получил от Циолковского посылку. Там оказалась одна из его самых известных работ «Монизм Вселенной». Более того: Константин Эдуардович просил меня дать отзыв на эту книгу. Естественно, я тут же прочитал её и с юношеской смелостью и непосредственностью выдал ему рецензию» [32]. В сохранившемся письме от 4 июля 1934г. школьник с благодарностью за присланную брошюру и отзывом о ней имеет правку ученого [9. Л.2—3], а на конверте сохранились пометки ученого: «Отвеч Отзыв Этика Изслед. Благодарит всегда уведомляет. Это в центре Космос Вселенная» [9. Л.4—4об.]. Так известный на весь мир учёный и десятиклассник из Тулы стали переписываться регулярно. В письме от 16 июля 1934г. юный корреспондент благодарил за присланные книги, делился своими впечатлениями [9. Л.5—6]. Помета ученого: «Ответ на 1-ый вопрос (Воля). На 2-ой: возможно» [9. Л.6об.]. В другом письме Преображенский писал: «Присланные Вами книги так заинтересовали моих знакомых и товарищей, что за

66 Зак. 2219

ними создана очередь. Многие согласны с Вами» [9. Л.9]. Пометы ученого на конверте от письма служат доказательством его глубокого уважения к туляку: «Отзыв Отвеч. Было: Мон, Н. эт., Воля Послать еще фил — все и атлас» [9. Л.10]. Как сообщал Преображенский в письме от 5 января 1935г. он получил от ученого девять брошюр: «Монизм Вселенной» (1931), «Научная этика» (1930), «Воля Вселенной» (1928), «Современное состояние Земли» (1929), «Прошедшее Земли» (1928), «Будущее Земли» (1928), «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» (1929), «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» (1928), «Атлас дирижабля из волнистой стали» (1931) [9. Л.11—11об.]. «Чтобы Циолковский меньше тратился, посылая мне книги, я как-то набрался храбрости и с очередным письмом отправил ему три рубля,— вспоминал Преображенский. — В ответ от Константина Эдуардовича пришло сразу пять книг и приписка: «Ничего не продаю. Не возвращаю Вам три рубля, чтобы Вас не обидеть» [32]. На конверте письма сохранились пометы ученого: 3 рубля назад (последнее слово зачеркнуто) Есть ли бог Друзьям» [9. Л.12]. «Если Вы сочувствуете новым мыслям (или старым, лишь бы они были полезны людям), то принесите маленькую жертву: отдайте переписать их (труды) на машине и в доказательство пришлите мне один экземпляр вместо полученного Вами», — просил Константин Эдуардович своего корреспондента [32]. Получив статью «Есть ли бог?» школьник перепечатал ее и с письмом от 31 января 1935г отправил одну копию ученому [9. Л.13]. Последнее письмо из Тулы датируется 18 июля 1935г. В нем автор сообщал, что «недавно прочел о Вашей болезни, пишу Вам с надеждой, что под заботливым уходом Вы скоро поправитесь, и будете продолжать свои работы»; сообщал о желании «иметь «Вашу статью о теории относительности Эйнштейна» [9. Л.15]. Судя по помете на конверте «Джинс и Эйнштейн Отвеч» [9. Л.16] в Тулу ушел ожидаемый ответ. В одном из писем Андрею Владимировичу учёный подчеркнул: «Ваши отзывы на мои труды доказали, что вы понимаете их. Вы молоды и, может быть, сумеете и успеете передать их людям после моей смерти или ещё при жизни. Так они не пропадут, а принесут добрые плоды» [32].

А.В.Преображенский, выпускник ВВМУ им. Фрунзе, участник Великой Отечественной войны, кавалер более чем 20 орденов и медалей, капитан 1-го ранга, хранил как дорогие реликвии материалы своей переписки с К.Э.Циолковским: «пожелтевшие листки писем, статей и 14 тоненьких книжечек с автографами автора» [33].

Рассмотренные в данной работе архивные документы еще раз свидетельствуют о незаурядности, исключительности личности Циолковского, о его внимательности и заинтересованности к своим корреспондентам, о его стремлении быть полезным людям, о его высоком чувстве уважения к другим, умении поддерживать добрые отношения с многочисленными корреспондентами и посетителями. С исключительной пунктуальностью он подходил к рассмотрению всех просьб, несмотря на свою чрезмерную занятость, он всегда находил время ответить на полученные письма, послать свои как опубликованные, так и неопубликованные работы, что, безусловно, играло положительную роль в распространении идей ученого. В каждом из них он видел единомышленника, популяризатора и продолжателя своих идей. Результаты исследования могут способствовать активизации краеведческой и научно-исследовательской работы в указанных областях по выявлению новых фактов контактов К.Э.Циолковского на их территории.

Источники

1. Письмо Васильева А.А. Циолковскому К.Э. 20 июля 1934г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.136. Л.1.
2. Письмо Галицкого В. Циолковскому К.Э. [15 февраля 1917г.], г. Орел //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.165. Лл.1—2.
3. Письма Галкина Н. Циолковскому К.Э. 20 февраля — 2 марта 1935г., г. Белев //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.166. Лл.1—6.
4. Письма Гулина В.Н. Циолковскому К.Э. 26 октября 1924г. — 15 марта 1931г., г. Ряжск //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.193. Лл.1—18.
5. Письма Киркеля Я.Л. Циолковскому К.Э. 14 апреля — 7 марта 1935г., г. Орел //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.282. Лл.1—7.
6. Письмо Минаева Е.С. Циолковскому К.Э. 30 декабря 1934г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.413. Лл.1—2.
7. Письмо Морозова Г. Циолковскому К.Э. 15 марта 1928г., г. Рязань //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.428. Лл.1—4.
8. Письмо Орлова Г.М. Циолковскому К.Э. 8 декабря 1934г., г.Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.466. Лл.1—3.
9. Письма Преображенского А.В. Циолковскому К.Э. 21 июля 1934г. — 18 июля 1935г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.498. Лл.1—18.

10. Письмо Родионова Н.А. Циолковскому К.Э. 3 февраля 1933г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.527. Л.1.
11. Письмо Трояновского В.М. Циолковскому К.Э. 28 июля 1935г., г. Орел //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.631. Лл.1—3.
12. Письма Филиппова А.М. Циолковскому К.Э. 3 ноября 1934г. — 11 марта 1935г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.647. Лл.1—12.
13. Письмо Белозерского Е.И. Циолковскому К.Э. 23 июля 1934г., г. Рязань //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.755. Лл.1—2.
14. Письмо Винокурова С.С. Циолковскому К.Э. 23 июля 1934г., г. Плавск //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.763. Лл.1—2.
15. Письмо Пархоменко Г.И. Циолковскому К.Э. 25 июля 1934г., г.Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.875. Лл.1—3.
16. Письмо Сазонова Г.В. Циолковскому К.Э. 23 июля 1934г., г. Тула //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.895. Лл.1—2.
17. Письмо Сазонова Л.А. Циолковскому К.Э. 26 июля 1934г., г. Орел //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.896. Лл.1—2.
18. Письмо Филипповского и Мельгунова В. Циолковскому К.Э. 23 июля 1934г., г. Рязань //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.755. Л.1.
19. Письмо Циолковского К.Э. Гулину В.Н. 15 марта 1931г. //АРАН. Ф.555. Оп.4. Ед.9. Лл.1—2.
20. Самодельный конверт с надписанным рукой К.Э.Циолковского адресом Г.М.Орлова, г. Тула // ГМИК. Ф.1. Оп.3. Ед.86. Л.1.
21. Циолковский К.Э. Адреса редакций журналов, учреждений и отдельных лиц, 5 марта 1928г. — 14 марта 1932г. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.48. Лл.1—15.
22. Циолковский К.Э.Пометы в тетрадях, записи посетителей, 1932—1935гг. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.53. Лл.1—17.
23. Циолковский К.Э.Адреса отдельных лиц и учреждений, выписки из писем, списки отосланных писем, 21 апреля 1927г. — 3 августа 1928г. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.47. Лл.1—22.
24. Циолковский К.Э. «Запись отправок». Сведения об отосланных работах, адреса посетителей и корреспондентов, 3 ноября 1925г. — 24 марта 1934г. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.45. Лл.1—19.
25. Записная книжка с адресами корреспондентов К.Э.Циолковского в алфавитном порядке // ГМИК. Ф.1. Оп.3. Ед.24. Л.1—24.
26. Циолковский К.Э. «Адреса посетителей К.Э.Циолковского», 23 сентября 1930г. — 17 ноября 1932г. // АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.49. Лл.1—18.
27. Записная книжка с адресами корреспондентов К.Э.Циолковского в алфавитном порядке // ГМИК. Ф.1. Оп.3. Ед.23. Л.1—19.
28. Болденков Б. Незабываемая встреча //Коммунар. 1982. 17 сентября.
29. Циолковский К.Э. Пометы в тетрадях, записи посетителей, 1932 — 1935гг. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.52. Лл.1—21.
30. Циолковский К.Э. Записи о прочтенных книгах, о работах. О состоянии здоровья; адреса учреждений, посетителей, корреспондентов и т.д., 7 апреля 1932г. — 22 августа 1935г. //АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.51. Лл.1—24.
31. Циолковский К.Э. Заметки и мысли. Расчеты, связанные с построением модели дирижабля, список иностранных научных учреждений, адреса посетителей и др., 1 января 1931г. — 18 августа 1933г. // АРАН. Ф.555. Оп.2. Ед.50. Лл.1—13.
32. Данилевич Е. «А. Преображенскому — от Циолковского» //Аргументы и факты С-Петербурга. 2007. 11 апреля.
33. Данилевич Е. Виртуальный друг гения //Аргументы и факты. 2007. 19 сентября.

К ВОПРОСУ О ПСЕВДОНИМАХ Д.И.МАЛИНИНА

***А.В. Лион**, преподаватель, Калужская воспитательная колония,*
***Ю.Н. Фетисова**, педагог-психолог, МОУ №87 «Прогимназия»*

Обратившись к историко-литературному наследию выдающегося калужского краеведа Д.И.Малинина, мы обнаружили, что значительная часть (около 40%) известных на сегодняшний день его публикаций в периодической печати, в основном калужской, была осуществлена под псевдонимами, либо без подписи. До сих пор многие считают Дмитрия Ивановича автором только одной крупной работы, «Путеводителя» (1912), недооценивая его вклад в калужскую историко-культурную традицию. Важность получения объективного и, по возможности, цельного представления о творчестве Малинина для всех интересующихся прошлым Калужского края не только ставит в повестку дня вопрос о публикации его рукописей (к счастью, уже начавший получать свое разрешение), но и делает актуальной задачу выявления и учета публикаций краеведа, вышедших анонимно и под псевдонимами. Отсюда перед исследователем возникает проблема атрибуции печатных работ историка и, в

частности, изучения его псевдонимов. Целью данного исследования было представить широкому кругу читателей сведения об известных нам «ложных именах» Д.И.Малинина. На пути к достижению этой цели потребовалось решить ряд задач. Во-первых, необходимо было познакомиться с основами современных научных представлений о явлении псевдонимии в библиографии, литературоведении и лингвистике; во-вторых, — обозначить круг основных источников, содержащих информацию о русских литературных псевдонимах; в-третьих, — выявить псевдонимы Д.И.Малинина и уточнить их орфографию; в-четвертых, — провести первичный количественный и качественный анализ данной категории антропонимов, принадлежащих калужскому краеведу; в-пятых, — составить предварительный перечень «ложных имен» Дмитрия Ивановича. В ходе исследования были применены системный и функциональный методы, а также историко-библиографический, эвристический, книговедческий и статистический методы анализа.

Вопрос о псевдонимах носит междисциплинарный характер и изучается библиографами, литературоведами, лингвистами и представителями других областей знания. В России псевдонимы возникли в XVIII в., получили широкое распространение в XIX, а наиболее интенсивно псевдонимизация проявилась в конце XIX—первой четверти XX в. Явление псевдонимии и его история — немаловажный компонент в развитии русской общественной жизни и мысли.

Слово «псевдоним» имеет греческое происхождение и состоит из двух основ: ψευδος («ложный») и ονυμ («имя»). До сих пор не существует единого определения этого термина.

Одни исследователи определяют псевдоним как всякую подпись под произведением, не соответствующую действительной фамилии автора. Другие полагают, что псевдоним — общее название для вымышленных или измененных имени и фамилии, заменивших в подписи настоящие. Псевдонимом называют также выдуманное имя или условный знак, которым автор подписывает свое произведение. Одно из новейших научных определений: псевдоним — это антропоним с ограниченной сферой употребления, выполняющий специфические функции, являющийся результатом самоименования автора и предполагающий наличие истинных фамилии, имени, отчества [1: С.22].

Значительное число псевдонимов дореволюционных (да и советских) авторов до сих пор остаются нераскрытыми. На сегодняшний день основным сводом русских вымышленных имен является «Словарь псевдонимов» И.Ф.Масанова [2], насчитывающий свыше 50 тыс. онимов, принадлежащих более чем 20 тыс. отечественных авторов. Определенные сведения о «ложных именах» содержатся также в работах Ю.И.Масанова [3], В.Г.Дмитриева [4; 5], Б.-О.Унбегауна [6] и др.

Основными источниками о псевдонимах выступают архивы (государственные, научных учреждений и частные), сообщения самих авторов, редакторов, разного рода библиографии, мемуары и т.п. Соответственно к методам и способам атрибуции вымышленных имен относятся: а) поиск указаний авторов, их друзей, коллег, знакомых, современников; б) выявление документальных источников и их критическая проверка; в) историко-литературные и биографические изыскания; г) текстологический анализ произведений.

Исследователи всегда стремились выяснить причины, побудившие автора сохранять инкогнито. На мотивацию выбора или создания вымышленного имени влияли сфера деятельности субъекта, причем мотивы сокрытия настоящего имени могли быть весьма разнообразными. Существовавшие в России цензурные условия зачастую вынуждали представителей разных социальных слоев и профессий, не имевших отношения к литературе, высказывать свои идеи и взгляды, скрыв подлинное имя. Авторы стремились утаить собственные имена в подпольной печати, избежать преследований за сочинения обличительного характера. Опасение гонений по национальному признаку и желание сделать свои произведения более привлекательными приводили к использованию псевдонимов русского типа. Важным движущим мотивом в литературной среде выступала борьба за право быть опубликованным. Вымышленные имена привлекали, испытывая неуверенность в успехе. К использованию псевдонима порой подталкивало неодобрение родными занятий творчеством. «Ложные имена» рождались и в тех случаях, когда собственная фамилия была обыденной, неблагозвучной, трудно произносимой или плохо запоминавшейся. Наличие

однофамильцев также вынуждало скрывать истинное имя. Использование вымышленного имени объяснялось подчас намерением подчеркнуть свою профессию, национальность, место рождения, главную черту своего характера или направление творчества, выразить в подписи отношение к жизни. Обращение к псевдониму могло иметь целью мистифицировать читателя или замаскировать количество авторов. Прибегали к вымышленным именам, чтобы получить возможность чаще публиковаться. Мотивом рождения «ложного имени» нередко являлось намерение затеять игру, вступить в спор, вызвать у читателя определенные ассоциации, сформировать образ автора. Иногда псевдоним появлялся по требованию редактора, издателя, по совету коллег или наставников. Прибегали к вымышленному имени также из желания разграничить частную и общественную жизнь. Употребление псевдонимов нередко служило данью моде или традиции. Встречались и другие мотивы псевдонимной номинации.

Калужский краевед Д.И.Малинин неоднократно прибегал к псевдонимам. Библиографические разыскания позволили нам установить несколько источников сведений о его вымышленных именах. В первую очередь следует назвать «Словарь псевдонимов» И.Ф.Масанова [2]. На страницах самого полного собрания русских псевдонимов расшифрованы 8 малининских подписей: *Д.М.*; *Д-ин*; *Д.-ин*; *Димский*; *Н-н, М.Л.*; *Олин, И.Д.*; *Подъельский, Н.*; *Покоев, П.* [2: Т.1. С.316, 323, 341; Т.2. С.243, 295, 367, 368; Т.4. С.298—299.]. Указанные псевдонимы, по сведениям составителя словаря, были сообщены ему автором, т.е. самим Дмитрием Ивановичем. Надо отметить, что калужский краевед раскрыл Масанову некоторые вымышленные имена 18-ти авторов, публиковавших свои произведения в Калуге в период с конца 1880-х по 1920-е гг.: А.Е.Горчаковой (*Кось-Кнаегорский*); В.В.Дурасова (*Дуду*); В.М.Кашкарова (*Весленев, В.М.*); А.П.Козловского (*Граф Мухин-Старосельский*); В.В.Кузьмина (*Капитан Лягушкин*); Н.И.Куркина (*Калужский, Арх.*); Лобанова (*Володарский, С.*); Лукьянова, М.А. (*Вексель*); М.В.Ляпичева (*Емеля Бледный*); М.А.Медведева (*Миронов*); Д.М.Неклюдова (*Кайсаров, Д.*; *Монатовский*); А.И.Пульхерова (*Стрекоза*); Д.В.Разломалина (*Дмитрий Р.*); А.И.Редина (*Дед Мазай*); А.А.Ростиславова (*Р-в, А.*); С.Срединского (*Барон фон Нидерс; Фон Нидерс*); И.О.Утянского (*Колчак*); А.И.Шалаева (*А.*) [2: Т.1. С.28, 146, 233, 237, 250, 302, 335, 343, 352, 370; Т.2. С.49, 51, 53, 68, 74, 189, 198; Т.3. С.14, 142, 206.]. Т.е., Малинин сообщил подлинные фамилии четверти упомянутых в «Словаре» «калужских» авторов.

Другим важным источником информации о малининских псевдонимах явилась «Биография Д.И.Малинина», составленная Ю.А.Вусовичем. Она представляет собой краткий биографический очерк, к которому приложены список печатных трудов Малинина и список его научных, информационных и отчетных докладов и сообщений. Мы располагаем машинописным вариантом с авторской правкой [7] и машинописной копией [8]. Они отличаются форматом листа, способом размещения и некоторыми орфографическими особенностями текста. В тексте биографического очерка упомянуты малининские псевдонимы: *обыватель; Д.М.; Д.М-н; М.Л. Н-н; М.Л-ин; М.Л.Н.; П-ев; П.Покоев; №№; И.Д.Олин; Димский; Непосторонний; Неархеолог; Губархив* [7: С.20 (1-я паг.); 8: С.10]. В списке печатных трудов машинописного варианта помимо названных «ложных имен» указаны также: *Д.-ин; Д-.ин; М.-л-.ин; П-ев.-; Н.Под"ельский; Н.Подельский; Оса.* Кроме того, приведена другая орфография псевдонимов: *обыватель; И.Д.Олин; №№*: соответственно, — *Обыватель; И.Д.ОЛИН; N.N.* [7: 1—17 (2-я паг.)]. В машинописной копии список печатных трудов содержит также псевдонимы: *Д-ин* и *Н.Подъельский* [8: 13—20]. Возможно, различия в орфографии объясняются наличием неточностей и опечаток.

Еще одним источником информации о вымышленных именах Малинина стали материалы архивов Д.И.Малинина и Ю.А.Вусовича, частично сохранившиеся в частных собраниях. Материалы эти представляют собой подборки вырезок статей краеведа, опубликованных псевдонимно в калужских периодических изданиях 1900—1930 гг. На газетных полях рукой Малинина подписаны названия и номера изданий, а также даты выхода их из печати, в некоторых случаях подписи под статьями сопровождаются авторскими пометами. Так, письмо в редакцию газеты «Калужский курьер» (1915. №80) подписано «*Н.И.Громов*», рядом с подписью имеется помета — «*Д.Малинин*». А подпись под статьей «Перемышль» (Коммуна. 1929. №222) «*Н.Подсельский*» исправлена рукой Дмитрия Ивановича на: «*Н.Подъельский*».

Уточнение указанных Ю.А.Вусовичем «ложных имен» по публикациям в периодике (*de visu*) позволило выявить некоторые неточности в его перечне. Мы не обнаружили псевдонимы *М.-л-.ин, М.Л.Н., П-ев.-, Н.Подельский*, а также уточнили орфографию подписей: *Непосторонний*

(надо — *Не посторонний*) и *Неархеолог* (надо — *Не-археолог*). Кроме того, нами установлены неучтенные псевдонимы краеведа:

— *М.Л.Н-к* (Великие князья Константин Николаевич и Константин Константинович и Лаврентьев монастырь//Калужский церковно-общественный вестник [далее: КЦОВ]. 1915. №23; Когда принесен в Калугу чудотворный Казанский образ Богоматери? (Критикохронологическая заметка)//КЦОВ. 1917. №24—25);

— *М.Л.М-н* (Отклики на современные темы. I. Учредительное собрание//КЦОВ. №14);

— *Н.Н-ий* ([Рец. на книгу] В.Евгеньев-Максимов. Очерк истории новейшей русской литературы. Этюды и характеристики. Л.-М. 1925//Коммуна. 1925. №114.);

— *ДМ* ([Рец. на книгу] Ф.Ф.Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917г. Л.-М., 1925// Коммуна. 1925. №137);

— *К.Подзельский* (Ошибки, вопиющие об исправлении. [Рец. на книгу «Калужский округ и его районы»]//Коммуна. 1929. №257).

Хронологические рамки псевдонимных публикаций Д.И.Малинина охватывают период с 1900 по 1930 г. Литературные работы краеведа, опубликованные в периодике под вымышленными именами, распределяются по годам следующим образом: в 1900 г. — 1 статья; 1903г. — 1; 1912—1916г. — 19; 1917г. — 21; 1918—1930 гг. — 17. Таким образом, публикации, подписанные псевдонимами, составляли около 60% всех его вышедших из печати работ периода 1910—1916 гг. В 1917г. 95%, а с 1918 по 1932 — немногим более 15% публикаций были псевдонимными. Причем наиболее часто употреблялись псевдонимы *М.Л.Н-н* (11 случаев) и *Д.-ин* (7 случаев, а с учетом вариантов этой подписи — *Д-.ин, Д-ин* — насчитывается 13 случаев). В то же время 16 вымышленных имен применялись автором однократно (*ДМ, Обыватель, Не посторонний, Не-археолог, Д-.ин* (?), *Д-н, Н.И.Громов, П.-ев, N.N., И.Д.Олин, М.Л.М-н, Подъельский, Димский, Оса, Н.Н-ий, К.Подзельский*).

Мы можем лишь предполагать, какими мотивами руководствовался Дмитрий Иванович, прибегая к использованию псевдонимов. Очевидно, что на разных этапах жизни и творчества сокрытие им своего авторства можно объяснить различными соображениями. Первые литературные опыты на страницах «Калужских губернских ведомостей» (1900—1903 гг.) Малинин не подписал настоящей фамилией, скорее всего потому, что вначале являлся семинаристом (до 1902г.), а затем — студентом-первокурсником университета. Учащимся средних и высших учебных заведений запрещалось без особого на то разрешения администрации сотрудничать с прессой, в противном случае им угрожали кары и преследования. Первая значительная литературная работа юрьевского универсанта («Что читать по русской литературе XIX века? Опыт литературно-критического указателя к произведениям русской литературы XIX века Д.И.Малинина». Юрьев, 1906.) продемонстрировала хорошую осведомленность автора о псевдонимах русских писателей. Еще на семинарской скамье, будучи лидером нелегального семинарского кружка самообразования, Д.Малинин познакомился с подпольными произведениями, авторы которых во избежание репрессий со стороны царских властей утаивали свои подлинные имена. Этот опыт был использован им впоследствии. В 1910-е гг. (до 1917), когда началась активная историко-краеведческая и библиографическая работа ученого, две из трех публикаций Дмитрия Ивановича появлялись в периодической печати под вымышленными именами. Будучи преподавателем реального училища, он не имел официального отношения к литературному поприщу, и, следовательно, его открытое и частое появление на страницах газет и журналов не могло быть одобрено существовавшим общественным мнением и не приветствовалось властями. Если тематика и содержание малининских статей в определенной степени соответствовали «новому курсу» консервативного КЦОВ [9: С.74—77], поместившего в 1912—1916 гг. на своих страницах 18 работ краеведа (из них 10 без указания настоящего имени), то более либеральный «Калужский курьер» [9: С.79—83] мало подходил для открытых публикаций училищного наставника и выходца из семьи потомственного священнослужителя (все статьи и заметки Малинина за тот же период вышли под псевдонимами). Кроме того, псевдонимность публикаций была отчасти своеобразной данью моде.

Особо следует выделить публикации 1917 г. Характер и острота событий в стране с одной стороны способствовали активизации малининского литературного творчества, с другой — присущая ученому способность проникать в суть событий и предвидеть их возможные последствия побуждали его к сдержанности и осторожности. Ни одну из 22 статей и листовок,

увидевших тогда свет, он не подписал настоящим именем (одна листовка вышла анонимно). Вымышленные имена (21 псевдоним за указанный год!) позволяли помещать в одном и том же номере периодического издания несколько публикаций сразу (например, по две статьи в №14, 15, 17, 18, 19 КЦОВ), а также одновременно сотрудничать в разных периодических изданиях (КЦОВ, «Голосе Калуги», «Калужской жизни», «Калужском республиканце»). Вместе с выше сказанным следует учесть вероятность того, что ученый желал свою частную жизнь разграничить от общественной.

В трудном 1918г., в условиях гражданской войны и разрухи, ученому приходилось думать прежде всего о выживании своей семьи. Но, несмотря на заботы о куске хлеба, Дмитрия Ивановича волновала судьба историко-культурного наследия родного края. Он много сил и времени отдавал спасению художественных ценностей и организации архивного дела в Калужской губернии, работе по созданию Общества истории и охраны художественных произведений, а также строительству новой, советской, школы. За весь 1918г. известна только одна публикация ученого (Обновление школы//Коммуна. 1918. №139), которая вышла в свет под псевдонимом.

С 1919 по 1925 г. из 90 малининских публикаций 11 вышли под псевдонимами, основная же часть работ, главным образом историко-краеведческого плана, была подписана подлинной фамилией автора. Итак, в советский период использование псевдонимов Малининым резко уменьшилось. Деятельность Дмитрия Ивановича на различных ответственных постах, которые он занимал в эти годы, не являясь членом партии большевиков, видимо, не вызывала особого беспокойства у советских и партийных чиновников. Широкая известность калужского краеведа за пределами губернии и авторитет среди научных работников СССР служили своеобразной гарантией его неприкосновенности. К тому же, тематика печатных работ Малинина 1919—1925 гг. затрагивала в основном вопросы истории рабочего, крестьянского и революционного движения в Калужском крае, касалась истории местной промышленности и периодической печати, проблем сохранения архивных документов и пр., не навлекая на автора огня резкой критики.

По причине болезни в 1926—1927 гг. в печати не появилось ни одной работы Дмитрия Ивановича, хотя, несмотря на тяжелое состояние здоровья и личные утраты, он продолжал заниматься научно-исследовательской деятельностью. Двухлетнее молчание было прервано в 1928г. До 1932г. включительно вышло 13 работ, из которых под псевдонимами было помещено 5 статей и в 2 изданиях краевед участвовал анонимно. В конце 1920-х—начале 1930-х гг. коренным образом изменилась общественно-политическая ситуация в СССР. Произошло полное подчинение культурных процессов задачам строительства материально-технической базы социализма. История страны выхолащивалась, а историческое краеведение было объявлено ненужным советскому человеку. Тот факт, что Малинин в последние годы жизни вновь стал активно обращаться к псевдонимам, объяснялся не только кардинальными переменами в стране: в 1928г. Дмитрий Иванович вышел на пенсию и не всегда мог открыто появляться в печати.

Подчеркнем, что к псевдонимам Д.И.Малинин прибегал исключительно в периодических изданиях, подписывая ими серии очерков, статьи, некрологи, рецензии и мелкие заметки.

Если говорить о простейшей классификации малининских псевдонимов, их можно разделить на две группы. К первой относятся инициалы, сокращения и другие варианты подписей, так или иначе связанные с настоящими именем и фамилией краеведа (их насчитывается 11), ко второй — псевдонимы, никак не связанные с его именованием (их 18).

Краевед использовал псевдонимы различных типов: характеризовавшие его как автора, служившие ему литературной маской, обеспечивавшие инкогнито. Подчас он вводил читателя в заблуждение (мистифицировал), подписывая свои работы чужими фамилиями (*Н.И.Громов, П.Покоев*). Следует отметить, что отдельные вымышленные имена Дмитрия Ивановича имели отношение к содержанию публикаций, носивших критический или дискуссионный характер (*Оса, Не посторонний*).

Д.И.Малинин прибегал к псевдонимам, которыми подписывались и другие авторы. Таких псевдонимов установлено четыре. Случайным совпадением было употребление псевдонима Д.М., представлявшего собой инициалы краеведа; таким же псевдонимом, по сведениям И.Ф.Масанова, воспользовались еще 27 лиц [2: Т.1. С.316—317]. Латинскими буквами N.N., кроме Малинина подписывались еще 94 автора [2: Т.3. С.322—325]. 29 человек использовали вымышленное имя *Обыватель* [2: Т.2. С.288—289] и 10 авторов — *Оса* [2: Т.2. С.302].

Псевдонимы *Д.М-н* и *Н.Н-ий* зафиксированы еще у двоих его литературных двойников [2: Т.2. С.165, 241]. Более 20 малининских псевдонимов являются уникальными.

При образовании вымышленных имен Д.И.Малинин применял различные способы. Морфологическим способом, в частности, были образованы псевдонимы: *Димский, Не-археолог* (аффиксация); *Д.М., ДМ* (основосложение, вариант аббревиации); *Д.М-н, П.-ев* (усечение); лексико-семантическим — *Оса, Губархив, Не посторонний* (онимизация), *П.Покоев, Н.И.Громов* (псевдонимизации), *И.Д.Олин* (трансонимизация осложнена суффиксацией и аббревиацией, ср. Оля), *К.Подзельский* (паронимия; ср. «козельский»). При создании «ложных имен» краевед применял приемы игры с формой написания псевдонимов. Так, он использовал ординарный и двойной апострофы (*Н.Под'ельский* и *Н.Под''ельский*), прием пропуска гласных и согласных букв в сочетании с дефисным написанием (*М.Л.Н-н, Д.-ин*), а также латинскую графику (*N.N.* — «*nomen nescio*» — «имени не знаю»). Вообще Дмитрий Иванович обычно предпочитал одновременное сочетание нескольких способов: *Д-ин, Н.Н-ий* и др.

Во всех известных нам случаях применения псевдонимов Д.И.Малинин располагал их после текста, т.е. в позиции финального графического выдвижения.

Псевдонимы Малинина имели своим источником как его собственные имя и фамилию (что более всего соответствовало русской псевдонимной традиции), так и неожиданные семантико-морфологические вариации, а также определенные события его личной и общественной жизни, содержание его публикаций. При псевдонимообразовании краевед использовал существовавшую систему моделей и норм в соответствии с особенностями современной ему эпохи, характером периодического издания, в котором помещал публикацию, и жанром произведения. Вместе с тем к созданию псевдонима Малинин подходил творчески. Более 50% его подписей относились к числу единовременных или редко употребляемых, а главного или единственного псевдонима он так и не завел.

Псевдонимы Д.И.Малинина одной из целей преследовали активизацию знаний, личного и исторического опыта читателей, а также их чувств и эмоций и являются своеобразными ключами к пониманию малининских текстов.

Перечень псевдонимов Д.И.Малинина

Громов, Н.И.; Губархив; Д М; Д.М.; Д-н; Д-ин; Д.-ин; Д-.ин (?); Димский; М-н, Д.; М-н, М.Л.; Н-ий, Н.; Н-к, М.Л.; Н-н, М.Л.; Не-археолог; Не посторонний; Обыватель; Олин, И.Д.; Оса; П.-ев; Под'ельский, Н.; Под''ельский, Н. (?); Подзельский, К.; Подсельский, Н.; Подъельский; Подъельский, Н.; Покоев, П.; N.N.

Источники и литература

1. *Мочалкина К.С.* Псевдонимы в системе современной русской антропонимии. Дис.на соискание уч. степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2004. На правах рукописи.
2. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. I—IV. М., 1956—1960.
3. *Масанов Ю.И.* В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963.
4. *Дмитриев В.Г.* Замаскированная литература. М., 1973.
5. *Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя. М., 1977.
6. *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М., 1995.
7. *Вусович Ю.А.* Биография Д.И.Малинина (26.X.1879г.—16.XI.1933г.). Калуга, 1934. Тит.л., 24+21с. Машинописный вариант с авторской правкой.
8. *Вусович Ю.А.* Биография Д.И.Малинина. Калуга, 1934. Тит.л., 22 с. Современная машинописная копия.
9. *Бауэр А.А.* Калужская периодическая печать XIX—XX вв. Вып.1. 1804—1917 гг. Аннотированный справочник. Калуга, 2006.

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДИЛЛИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА

***Е.А. Балашова**, к.ф.н., доц., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Поскольку смысл категории «хронотоп» постепенно размывается, уточним для начала,

что мы искали действительно формулу, которая вбирала бы в себя именно пространственно-временные характеристики, пронизывающие друг друга и входящие в определение друг друга. Для идиллии весьма подошло бы «удаленное пространство» (хронологическая отдаленность). Идеально в этом смысле название цикла К.Случевского «Уголок»: добровольная пространственная изоляция («уголок») в имении с названием Уголок поддерживается отдаленностью, мотивируемой временем, — старостью, «последними днями».

Как же эта «хронологическая отдаленность» реализуется в лирике XX вв.? На наш взгляд, в современной идиллической поэзии можно выделить две магистральные линии. Одна — примеры мы нашли преимущественно в литературе 1960—70-х гг. — указывает на *возможность* существования идиллии — достижимой, получаемой, и тогда идиллическое времяпространство определяется уединением в лесной избе, как у А. Яшина («На Бобришном Угоре»), В. Тушновой («Лес был темный, северный…», «Дом в лесу»), Н. Рубцова «Добрый Филя», в стих. Г. Горбовского «А человеку много ль надо?..»; в старой сакле, как у М. Дудина в «Письме Кайсыну» («Кайсын, мне хочется в Ченгем…»), необжитом пространстве севера, как в стих. «Ледин» М. Дудина или «Северная быль» Ю. Кузнецова. Авторы эксплуатируют идиллические мотивы, веря в то, что идиллия — реальна.

Другой путь осторожничающий. Он демонстрирует рефлексию современника (1980—2000-е гг.), у которого есть опасность лишиться серьезности и доверия читателя, поскольку узость и неправдоподобная успокоенность внутренне подтачивают идеальный тип пейзажа, заставляя вспомнить пушкинское «тошней идиллии…». Для авторов, представляющих этот тип, идиллический хронотоп уже недостижим. Несмотря на то, что чаще всего в данных текстах хронотоп маркирован как «здесь» и «сейчас», всё-таки до заветного места почти всегда не достать рукой (например, желаемое пространство помещается за закрытым забором, и радоваться можно, посмотрев на него только сквозь щели), как в стихотворении В. Солоухина «Забор, старик и я»; это может быть альтернатива современной неустроенности, реализуемая только в мечтах («Я на руки взял тебя и на кровать…» Н. Глазкова), это может быть сон, как у В.Тушновой («Осчастливь меня однажды…»), у нее же — пример метафорического идиллического пространства, представленного внутренним миром (=домом) любимого («Я, сердце друга отомкнув с трудом…»). Тушнова как раз реализует в своей лирике чисто пасторальный хронотоп — изъятие из времени.

Авторы текущей литературы всё чаще предлагают компромиссный вариант существования идиллии. Во-первых, это вариант *разомкнутого в будущем* идиллического пространства. Так — в стихотворении с весьма значимым названием «Пророчество» у Бродского: свой мир, который закрыт от «чужого» высокой дамбой и защищаем со всех сторон, однажды будет нарушен изнутри — решением выросшего ребенка покинуть замкнутое пространство.

Во-вторых, есть еще один компромисс относительно идиллического хронотопа — *«срединное пространство»*. Так, героя стих. В.Высоцкого «Здесь лапы у елей дрожат на весу…» изначально тяготит невозможность осуществления идиллии: «терем с дворцом кто-то занял». Между идиллическим «светлым теремом с балконом на море» и реальным «тревожным» миром, «укрытым от света», есть «рай в шалаше». Он противопоставлен обоим пространствам и он единственный вариант для обретения счастья: «соглашайся хотя бы…». Современный человек считает себя обреченным только на промежуточные формы: счастлив можешь быть только тогда, когда примиришься с «срединностью», когда реальное — заканчивается, а от условного идиллического мира ты заранее отказываешься!

Любопытно, что в современной литературе, в отличие от классической, немного примеров *воспоминания* идиллического прошлого (А.Дидуров «На заброшенной даче»: «Здесь когда-то малина была, / А теперь всё репей да крапива...»), «Золотой век. Идиллия» Э.Лимонова).

Есть тексты, в которых идиллическое время и пространство только ожидается. Таков хронотоп идиллии у Б. Рыжего — с узкой локализацией остановленных примет времени. В стих. «Нежная сказка для Ирины» используются глаголы будущего времени: «пойдем», «построим», «оставим открытой дверь», «возьмем»…

Однако названная *проекция вперед* может предстать загробным миром. Угадывается подобная перспектива — в небытие — во второй части стихотворения Б.Рыжего «Родная, мы будем жить здесь…». Реальную жизнь с превалирующим чувством вины заменяет выстраивание и проживание другой жизни, мыслящейся как переход в священное

времяпространство. Отсюда идиллическая несбыточность всего, о чем говорится. А в стихотворении А. Кушнера «Замечтаться в саду…» поэтика несбыточного строится на использовании инфинитивов.

Таким образом, превалирующей линией изображения идиллии в современной литературе становится хронотоп чаемого, но неопределенного времяпространства.

Но наряду с текстами, так или иначе поддерживающими *традицию* идиллического текста, есть стихотворения с намечающимся преодолением идиллического хронотопа. Это путь *антиидиллии*, когда идиллический пейзаж вводится с целью его развенчания (Глазков «В недрах соответствующего строя…»), это путь *пародии* («Лесная идиллия» Бродского травестийный текст, в котором он издевается над «колхозной» Аркадией (текст пародирует советские штампы)), это *ироническое «остранение»*, как у Кибирова. Но все это — варианты рассматриваемого жанра. В текстах, ориентированных на традиционалистскую поэтику, стремящихся всерьез воспроизвести идиллический мир, наблюдается особое преодоление идиллического хронотопа. Там используется интериоризация, которая, по Гаспарову, осуществляется в пределах текста пейзажной (дескриптивной в целом) лирики. Поскольку ла лирики осуществляется интериоризация (от ла стихотворные идиллии обязательно содержат картины природы, то в пределах текста может наблюдаться переход от внеличного плана изображения к внутреннему и психологическому плану.

Непременно ли интериоризация характерна для любого идиллического стихотворения, в котором есть картины природы? Нет. Есть тексты, не нуждающиеся в интериоризации, поскольку сразу и прямо выражают состояние субъекта по поводу восприятия объекта (здесь идиллического пейзажа). К примеру, у Ю. Левитанского картины идиллической жизни начинаются с определения собственного чувства: «С деревянным домом живу в ладу…», или «Небо памяти, ты с годами всё идилличнее…». И эти фразы — первые в стихотворениях, сильные позиции текста, диктующие с самого начала состояния субъекта лирического высказывания.

Тексты именно с интериоризацией непосредственно изображают мир природы — но в любом случае в конечном итоге «сворачивают» на состояние видящего это субъекта. Если речь идет об «идеальной» интериоризации, то после описания пейзажа будет высказано мнение о нем. Однако анализ изображенных картин природы в идиллиях XX в. доказывает, что могут существовать другие модели психологизации изображаемого пространства. Речь идет о так называемой косвенной интериоризации, которая подготавливается опосредованно, тонкими авторскими ходами. Текстуально никаких слов, подобных «я люблю», «природа навеяла мысли о», «и вот я понимаю», здесь нет. Настроение говорящего прорастает сквозь текст, чувствуется читателем, но нигде не указывается прямо. Способов воплощения косвенной интериоризации немало. Из языковых приемов назовем тропеичность, устойчивость синтаксических устойчивых конструкций (если—то, тогда—когда), восклицательно-вопросительные конструкции.

Среди синтаксических способов в идиллии заметно обращение. Так, стихотворение Рыжего начинается с обращения: «Родная, мы будем жить здесь…», а «Эклога» Кибирова начинается с обращения «Мой друг, мой нежный друг…», призывающего предаться идиллическому времяпрепровождению.Почти все строфы «Послания к Ленке» Кибирова содержат обращение к жене, начиная с самой первой строчки: «Леночка, будем мещанами!..».

А в стихотворении К. Некрасовой перед читателем — высшая форма параллелизма, метаморфоза, приводящая к полному отождествлению человека и природы:

И стоит под кленами скамейка,
на скамье небес не замечая,
юноша, как тонкий дождик,
пальцы милой женщины руками,
словно струны, тихо задевает.
А в ладонях у нее сирени,
у плеча кружевная пена,
и средь тишайших ресниц
обетованная земля, —
на прозрачных лугах
ни забот, ни тревог,—
одно сердце поет
в берестяной рожок
о свершенной любви.

Вроде бы есть «место» (скамейка под кленами), вроде бы есть «портрет» (ладони, плечи), но при том как бы их и нет. Ничего не «дробится», ничто не становится «перечнем». Вещи, предметы из описываемого мира вытесняются, остаются только те, которые слиты с ним, с ней: кружевная пена, дух сирени. Здесь ничего нельзя разъять на части, как нельзя разделить, где природное, а где — человеческое. Начинается стихотворение как будто с картины природы, но на самом деле весь природный ряд — метафорическое изображение человеческого состояния. Обетованная земля, прозрачные луга — на самом деле описание ее взгляда, ее глаз. «Одно сердце поет», «общее», «одно на двоих» (иначе откуда взяться идиллическому мотиву?). Берестяной рожок среди лугов тоже не картинка, а развернутая метафора чувства.

К экстралингвистическим приемам можно отнести пространство композиции (сужение поля видения, движение взгляда).

Наряду с перечисленными примерами об одном скажем особо. Идиллический хронотоп может преодолеваться за счет читательского хронотопа. Одна из возможностей оживления идиллического пейзажа — перенесение из пространственного восприятия во временное. Это предельная психологизация: место превращается во время, а время сжимается в один-единственный миг, когда душа способна прикоснуться к идеалу, воспринять его в природе. Пейзаж предстает не как статическая данность, но как гармоническое переживание природы лирическим героем, как состояние его души. В этой связи о пейзаже говорится уже не «где», а «когда». Тем самым пейзаж резко субъективируется, вступает в зависимость от того, как и когда он воспринимается лирическим «я». По сути, дается не пейзаж, а процесс сотворения идеального пейзажа из элементов душевного опыта. Очень важно: не изображение пейзажа, а выражение переживания мной этого пейзажа.

Любой интериоризированный текст осваивает временные отношения. Именно это дает ощущение субъекта. Попробуем показать, как это происходит, только «двигаться» будем от противного. Есть такое явление в лирике — экфрасис. Он требует *отсутствия временных отношений*, это чисто описание картины, скульптуры или, как в стихотворении «Золотой век. Идиллия» Э.Лимонова, фотографии.

В отличие от экфрасиса, в интериоризированных текстах обязательно задействовано время. Во-первых, даже там, где осваивается пространство (а в идиллическом мире это перечисление примет места), всё равно есть преодоление примет статики за счет движения взгляда наблюдающего по неподвижному миру, и на переключение взгляда с предмета на предмет требуется время:

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока...

(А.Яшин, «Обнова»).

При этом для интериоризации важен не «временной сдвиг» как таковой, но прежде всего — ощущение этого движения в речи субъекта-наблюдателя. Крайне актуальны дейктические средства языка, которые подчеркивают, что перед нами не «картина природы», но сиюминутное восприятия индивидом такой картины.

Во-вторых, на проявление временных характеристик «работает» ощущение повторяемости: А *утром снова* сквозь глазок / продутый / Увидишь мир… Н. Грибачев «Зима, лесник и негры»). Или — пример из ст. Кибирова «Послание Ленке»:

А мы будем квасить капусту,
будем варенье варить из крыжовника в тазике медном,
вкусную пенку снимая, назойливых ос отгоняя,
пот утирая блаженный, и банки закручивать будем,
и заставлять антресоли, чтоб вечером зимним, крещенским
долго чаи распивать под уютное ходиков пенье,
под завыванье за окнами блоковской вьюги.

Как видим, пространственная перспектива оттеняется движением читательского времени. Оказывается, что больше всего именно тех идиллических текстов, в которых нет интериоризации.

Пейзаж сразу вписан в ощущение субъекта; переключения с природных картин на внутреннее состояние не происходит. Причин может быть несколько. Первая — та, что человек и природа в идиллическом мире неразделимы, перед нами — «слипшийся комок» человеческого и природного, переходов от одного к другому нет. Другую причину мы видим в том, что чувства наблюдающего идиллическую картину заранее спрогнозированы, читатель не нуждается в переключении с пейзажа на чувство, потому как это — знакомый пейзаж, теплимый опытом, генной памятью поколений.

Если же идиллический текст интериоризирован, то интериоризация открывает путь к постижению другого «я» субъекта — преодолевающего идиллический хронотоп, избегающего идеализации пейзажа.

«ЗВЕЗДОЙ ЗАТЕПЛИВШИСЬ ВДАЛИ»: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО И. ЛЯЛЕЧКИНА

***А.П. Черников**, д.ф.н., проф.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Имя Ивана Лялечкина (1870—1895) известно сегодня лишь узкому кругу специалистов, занимающихся историей русской поэзии. А в 90-е годы XIX века это была довольно яркая фигура, пользовавшаяся уважением в литературных кругах Петербурга и Москвы. Начинающий литератор был хорошо знаком с поэтической элитой той эпохи: Д. Мережковским, А. Коринфским, Н. Минским, О. Чюминой, К. Фофановым, К. Льдовым, М. Лохвицкой и другими. Лялечкина радушно привечали в редакции популярных периодических изданий. С ним переписывались И.А. Бунин и В.Я. Брюсов. Их переписка, хранящаяся в различных архивохранилищах страны, помогает реконструировать многие факты жизненной и творческой биографии И. Лялечкина.

Иван Осипович Лялечкин родился 1 (13) апреля 1870 года в Пензе в семье бедного чиновника. Через несколько лет Лялечкины переехали в г. Сызрань, где юноша окончил реальное училище и в 1890 году поступил учиться в Петербургский лесной институт. К этому времени относится первая публикация начинающего поэта: в 13-м номере Петербургского журнала «Звезда» за 1890-й год был напечатано его стихотворение «Весна».

Материальные лишения побудили Лялечкина оставить после второго курса учёбу и поступить на службу в департамент государственных имуществ. Однако прогрессировавший туберкулёз лёгких вынудил его оставить и это занятие и посвятить себя литературному труду. С 1891 года его имя часто появляется на страницах журналов и газет «Труд», «Север», «Русская жизнь», «Звезда», «Петербургская жизнь», «Свет», «Новое время», «Книжки «Недели», где печатаются его стихотворения, святочный рассказ «Арфа», драма «Юродивый».

Несмотря на близкое знакомство с широким кругом петербургских поэтов, И. Лялечкин чувствует себя одиноким. «Вы спрашиваете, как наш «кружок» и как наша «компания»?» — пишет он И.А. Бунину 3 ноября 1893 года. — Я должен Вам, как хорошему знакомому, сказать откровенно, что у нас нет ни кружка, ни компании (если не считать «С.-Петербургского драматического кружка» — в память Н.В. Гоголя). У нас есть только иллюзии. Все мы живём врозь. Если мы где и встречаемся, то разве только на улице. И то, встретясь, стараемся друг друга не увидеть или не узнать, или разбежаться в разные стороны. И в этом все наше общение» [1].

До глубины души возмущало впечатлительного юношу торжество пошлости, лицемерия, крушение благородных идеалов. С чувством острой душевной боли он признается Бунину: «Я <...> говорю, не стыдясь, всем и везде, что живя в этом пошлом свете, среди пошлых людишек, среди огорчений, невежества, зверства, неблагодарностей и нищеты, я на каждом шагу падаю духом и скорблю» [2].

Не принимая существующей действительности, страдая от несовершенства человеческих отношений, поэт стремится создать свой мир любви и красоты, который пробуждает в человеке эстетические эмоции, обогащает внутренний мир, позволяет возвыситься над пошлой

обыденностью. Своё эстетическое кредо он провозгласил в стихотворении «Символическое»:

Прочь бездушная действительность!..
Я хочу лучистых грёз,
Мотыльков, весёлых ласточек,
Белых ландышей и роз!..

Центральное место в поэзии И. Лялечкина занимает любовная лирика. В его стихотворениях «Свидание», «Мне не жаль, что ночь минула скоро...», «Серенада», «Ожидание» и других ярко переданы психологические состояния лирического героя: радости встреч, горечь предстоящих разлук, ожидание счастья. Доминирующий объект изображения в них — внутренний мир влюблённого молодого человека, его эмоциональные ощущения, душевные порывы и переживания. Лирический герой этих произведений — эмоциональная, беспокойная личность, живущая напряженной духовной жизнью. На первом плане в них оказываются мысли и чувства субъекта речи, который сосредоточен на своём внутреннем мире. Примером может служить стихотворение «Ожидание», в котором предметом изображения оказывается эмоционально-психологическое состояние героя перед его встречей с возлюбленной:

Незабудки, васильки —
Васильки и незабудки...
Жду я в поле у реки, —
Нет и нет моей малютки.

Мелодичность, песенный лад, умение автора передать искренность, глубину и непосредственность чувств — отличительные черты многих стихотворений Лялечкина. Их лирический герой — человек благородной души, чуткий и верный рыцарь. Свою возлюбленную он ласково называет «моя ненаглядная», «моя радость», «моя малютка», «красавица моя» и т.п. В представлении героя его любимая — добрая, весёлая, ласковая, душевно богатая девушка, его радость и счастье.

Особую группу любовной лирики И. Лялечкина составляют стихотворения «Летом», «Из Катулла Мендеса», «Allegro» и др., в которых в лирическом сюжете изображается не только «он», но и «она». Герой предупредительно и нежно обращается к возлюбленной с вопросами, в которых звучит неподдельная забота и внимание: «Скажи, мой друг, ты хочешь песен? // Скажи, мой друг, ты не грустишь?» Он не мыслит себя отдельно от своей подруги, и это для влюблённых венец счастья:

Дай руку, побежим в аллеи
Вечерней влагой подышать;

Там песни птиц, без слов, названья,
В груди у нас разбудят вновь —
И позабытые желанья.
И позабытую любовь.

Жанровый репертуар любовной лирики И. Лялечкина довольно разнообразен. В основном это элегии: «Вот опять мы одни...», «Серенада», «Не вчера ли в тени, меж зелёных ветвей...» и др.

Молодой поэт продолжил также русскую романсную традицию: «Мне не жаль, что ночь минула скоро...», «Говорят, что порой полуночной...», «Северная мелодия», «В аллеях увядшего сада...».

Образцом мадригала можно назвать стихотворение «В альбом N-ой» с его восхитившей В. Брюсова финальной строфой:

Пусть дальше он хранит от ядовитых жал
И ваши символические глазки,
И ваших уст застенчивый коралл.

Пробовал себя Лялечкин и в такой жанрово-строфической форме, как сонет. Черты творческой индивидуальности несёт в себе его сонет «Полночные тени, пугливые тени...», герой которого бежит в природу «от лжи беспредельной». Основные размеры сонетов в русской поэзии — пяти- и шестистопный ямб. Сонет Лялечкина написан амфибрахием, и это явилось новым словом в отечественной традиции данного жанра.

Столь же многообразна пейзажная лирика И. Лялечкина. В стихотворениях «Рассвет», «Летом», «Весна», «Канун Купала», «Весенний карнавал», «Октябрь» и других он доносит до читателя и свежее дыхание весеннего ветра, и зной летнего дня, и грусть осеннего увядания природы. Особенно выразительны у поэта картины весенней природы. В них — радость обновления жизни, ожидание счастья. Очень часто картины природы сопрягаются

69 Зак. 2219

в стихотворениях с изображением любовного чувства, образуя сложное природно-духовное единство, передающее разнообразные психологические состояния лирического героя:

Когда Нева застонет, словно вьюга,
И хоры птиц умчатся вновь на юг, —
Вздыхая о тепле пленительного юга,
Я о тебе грущу, далёкий, милый друг...

(«Северная мелодия»)

Философская лирика занимает в творчестве И. Лялечкина не столь большое место в сравнении со стихотворениями о любви и русской природе. Но она привлекает внимание стремлением автора осмыслить движение времени и человеческой души, понять смысл бытия, поэтически обнажить свои раздумья о противоречиях и сложностях жизни:

Что нас ждёт: тепло ль участья,
Иль, как листья под дождём,
Не найдём себе мы счастья
И покоя не найдём?

(«Длинный путь»)

Философские стихотворения поэта — это чаще всего лирические размышления и признания, но в силу их искренности и полноты чувств они приобретают не только частный, но и национальный, порою общечеловеческий характер. В них — и сомнение, и вера автора в наступление долгожданного счастья: «Года идут, а мы всё ждём //Желанной радостной победы. // И верим, что минуя беды, //Мы к тихой пристани придем», — пишет он в стихотворении «Мятежным вихрем суеты...». Завершается же произведение восклицанием, в котором звучит и сомнение, и надежда: «О человек, как ты силён // В своём терпеньи вековечном!» Это пограничное состояние между верой и неверием в людей и в достижимость счастья ещё отчётливее звучит в стихотворении «Говорят, что порой полуночной...»:

Не хочу я с собой лицемерить
И твержу, что я счастлив, — и лгу;
И пытаюсь я людям не верить,
И не верить никак не могу.

Исповедальная искренность автора этих строк не вызывает сомнений. Как несомненен вывод, что в конечном счёте поэт верит людям и в людей.

Читаешь стихотворения Ивана Лялечкина и не верится, что их писал безнадёжно больной человек. Он не позволял себе ни душевного надрыва и пессимизма, не заигрывал со смертью и не стремился вызвать к себе со стороны читателей жалостливое сочувствие.

В конце своей жизни поэт приходит к осознанию необходимости смирения и покаяния, к вере и надежде на Спасителя. Эта онтологическая надежда проникновенно прозвучала в одном из последних, созданном в Калуге в феврале 1895 года, стихотворении И. Лялечкина «Сонет»:

Покинем вертепы докучной тревоги,
Покинем с мечтою о мире ином, —
И к мирному храму не в блещущей тоге,
А в рубище ветхом — пойдем!
Пойдем, чтобы слышать о свете, о Боге
Нетленного духа священный псалом;
И встанем, как мытарь, в дверях на пороге,
С поникшим смиренно челом!
На торжище шумном, где душно, как в склепе,
Оставим злых помыслов бренный цепи
На торжище буйном людской суеты, —
И к храму снесем покаянье, —и в храме
К престолу положим дарами
Души покаянной мечты!

Таково было напутствие и поэтическое завещание Ивана Лялечкина читателям. Это произведение наглядно свидетельствует о его спасительном приходе к Православию, в лоно Церкви.

Занимался И. Лялечкин и переводческой деятельностью. Известны, в частности, его поэтические переводы стихотворений К. Мендеса и А. Шопенгауэра. Вместе с поэтом Н.Соколовым он принимал участие в подготовке переводов на русский язык сонетов Петрарки. Стихотворные опыты этих поэтов использовались им для решения собственных

задач. Так, в переводе стихотворения Катулла Мендеса Лялечкин подчёркивает факт любовной подчинённости лирического героя своей избраннице и в то же время осознанную самостоятельность в выборе решений: *«Проснулось утро... Светлый бог взошёл!.. // Ты молвила: «Приди!» — и я пришел. // Спустя немного ты сказала: «Пой!» — И долго пел я пред тобой. //Но ночь пришла, ночь неги и тревог... // «Уйди!» — сказала ты. Но я не мог...»*

Второй, после поэзии, страстью И. Лялечкина был театр. Ещё будучи студентом он часто играл в любительских спектаклях. «Теперь бросить сцену мне так же трудно, как бросить писать стихи, —признавался он Бунину в письме от 25 июля 1893 года. — С сентября этого года я буду уже играть не любителем, а настоящим актёром в Ново-Охтинском театре, в Петербурге. С антрепренёром этого театра я подписал контракт на весь будущий сезон — с начала этого месяца. Конечно, актёрство моё нисколько не помогает заниматься лесными науками» [3].

Перу Лялечкина принадлежит несколько драм, комедий и водевилей: «Любовь на выдумки хитра», «Воинственные жёны», «Юродивый» и др. Выступал он и в качестве театрального критика под псевдонимами «Нарцисс-Сызранский», «Лесной», «И. Л-кин».

Осенью 1894 года Иван Лялечкин приехал в Калугу. Точную цель его приезда в наш город установить пока не удалось. Существует мнение, что Лялечкина пригласили его калужские друзья, чтобы он, хотя бы на время, сменил суровый петербургский климат на более мягкий средней полосы России.

Как бы там ни было, но поэт активно работает в Калуге над созданием стихотворений и страстно желает установить творческие контакты с каким-либо творческим объединением. Именно в это время в России возникает и постепенно набирает силу символизм. В начале апреля 1894 года по инициативе и при активном участии В.Я. Брюсова в Москве вышел из печати второй сборник «Русские символисты» (первый был опубликован 1—8 марта того же года). Лялечкин усмотрел в стихотворениях сборника нечто ему близкое, прежде всего настойчивые поиски новых приёмов и способов художественного изображения и обратился в ноябре 1894 года к Брюсову с письмом, в котором сообщал, что «от души желает примкнуть» к новому течению русской поэзии.

Брюсов к тому времени уже обратил внимание на творчество своего адресата: год назад, после выхода из печати августовского номера журнала «Север» он переписал оттуда понравившееся ему стихотворение Лялечкина «Ожидание». Высокую оценку он даст затем и его стихотворениям «Символическое», «Прочь, бездушная действительность», «В альбом N-ой», «Из Катулла Мендеса» и некоторым другим. Позднее в письме к критику П. Перцову, вспоминая Лялечкина, В. Брюсов подчеркнёт: «Мне случалось получать от него стихотворения <...> То были прелестные вещи» [4].

Произведения Лялечкина привели мэтра русского символизма к однозначному выводу: в России появился многообещающий поэт, творческие искания которого, по его мнению, «созвучны новой русской поэзии». Узнав из очередного письма Лялечкина, что тот намеревается в конце февраля—начале марта 1895 года отправиться из Калуги в Петербург, Брюсов назначает встречу в Москве, у себя на квартире. В ответном письме от 17 января 1895 года И. Лялечкин, поблагодарив за приглашение, сообщил, что заехать к Брюсову он, к сожалению, не сможет по причине участившегося кровохарканья и просил о встрече на Киевском вокзале. «Я буду, — писал он Брюсову, — в простом чёрном пальто с барашковым воротником, в суконной шапочке и — главный признак — со мною будет подушка, завёрнутая в тигровое одеяло» [5].

Увы, встреча поэтов не состоялась. 27 февраля (11 марта) 1895 года Иван Лялечкин скончался в Калуге, не дожив и до 25-ти лет.

На безвременную смерть молодого, подававшего надежды поэта, сочувственно откликнулись многие газеты и журналы. Проникновенный некролог для газеты «Свет», в которой некоторое время Лялечкин был сотрудником, написал И.А. Бунин. Однако редакция уже перепечатала к тому времени некролог из «Нового времени», и материал Бунина остался неопубликованным [6].

Глубоко пережил кончину И. Лялечкина В. Брюсов. Памяти собрата по перу он посвятил стихотворение «На смерть И.Л.», вошедшее в Брюсовский сборник «Tertia vigilia» (1900). В нём воссоздан возвышенный образ поэта с безвременно оторевшей судьбой, короткой, как жизнь стремительно падающей звезды:

Милый брат! Ты звездой серебристой

Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.
Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне.

Критик П. Перцов вспоминал: «Лялечкин возбуждал особые ожидания в Брюсове. Жалуясь в письмах ко мне на безнадёжность всей новой поэзии, он делал исключения только для Бальмонта и ещё для Лялечкина» [7].

В одном письме к Перцову Брюсов писал: «Надеюсь, друзья Лялечкина издадут посмертный сборник стихов» [8]. Этого, к сожалению, не случилось. Произведения Ивана Лялечкина ещё предстоит собрать и опубликовать. Единственная подборка 20-ти его стихотворений напечатана в изданном в 1972 году сборнике «Поэты 1880—1890 гг.» [9].

Талант И.О. Лялечкина так и не успел раскрыться во всей полноте своих сил и потенциальных возможностей. Проживи он ещё хотя бы 10—15 лет, мы, несомненно, имели бы в России ещё одного крупного поэта. Но история, увы, не терпит сослагательного наклонения.

Примечания

1. Орловский государственный литературный музей им. И.С. Тургенева. Фонд 14.
2. Там же.
3. Там же.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 380. Карт. 93. Ед. хр. 12.
5. Там же.
6. Литературное наследство. Иван Бунин. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 477.
7. Перцов П. Литературные воспоминания. 1890 —1902. М.- Л., 1933. С. 173.
8. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894—1896. М., 1927. С. 10.
9. Поэты 1800 — 1890 гг. Л., 1972.

АЛЬБОМ ГРАВЮР И.Н. ПАВЛОВА В МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОМ ЦЕНТРЕ

***Е.С.Мешкова**, уч.секр., Малоярославецкий музейно-выставочный центр*

Иван Николаевич Павлов (5 марта 1872 года, деревня Поповка Каширского уезда Тульской губернии — 30 августа 1951 года, Москва) — русский и советский гравёр и художник, народный художник РСФСР (1943), действительный член Академии художеств СССР (1947), член Ассоциации художников революционной России (АХРР) с 1925 года, действительный член Академии художеств СССР с 1947 года.

Иван Николаевич Павлов сыграл выдающуюся роль в освобождении гравюры из подчинённого положения — от репродукции к независимому станковому творчеству. Произведения И. Н. Павлова — это реалистические гравюры, в которых нашли выражение чувства и мысли художника. Завоёвывая имя на конкурсах, выполняя заказы по гравированию в иллюстрированных журналах, И.Н. Павлов получил необходимую художественную и техническую культуру. Это помогло ему в дальнейшем перейти на оригинальную творческую гравюру [1]. На Всероссийской выставке печатного дела, открытой в 1895 году, И.Н. Павлов впервые демонстрировал свои гравюры не в порядке обычного журнального воспроизведения, а в подлинных ручных оттисках. Выставка была началом легализации гравюры как самостоятельного вида искусства [2].

В 1902—1903 гг. гравёрам становилось всё труднее найти работу в журналах из-за появления цинкографического способа печати иллюстраций. Золотой век журнальной гравюры на дереве кончался. Перспектив на работу по специальности у гравёров не было и большинство из них перешло работать в цинкографии — разгравировывать цинковые клише [3].

В продолжение тяжёлых для гравюры лет Павлов без наличия заказчиков выпускал

гравюрные издания, пропагандируя искусство ксилографии и линогравюры. Он одним из первых ввёл в России линолеум для резьбы и показал виртуозное мастерство техники в линогравюре.

В одиночестве Павлов пробивал путь станковой гравюре, стараясь пробудить в публике любовь и уважение к этому виду искусства [4].

Постепенное овладение техникой цветной станковой гравюры и показ работ на выставках заставили Павлова поставить перед собой вопрос о темах для оригинальных произведений. Выступая самостоятельным художником-гравёром, Павлов хотел быть оригинальным не только в технике, но и в мотивах своего творчества. В гравюрных композициях ему был близок пейзаж, причём насыщенный памятниками архитектуры [5]. Материал для гравюр Павлов обычно собирал летом, используя отпуск для поездок по провинции. Так началась работа Павлова в области станковой и цветной гравюры, уведшая его от старой ксилографии журнального типа [6].

Павлов решил пропагандировать гравюру путём выпуска специальных альбомов, и ему пришлось стать пионером в этой области. Он выпускал свои гравюры отдельными листами, наклеенными на паспарту, вложенными в папку. Несмотря на большую стоимость альбомов, все издания мгновенно расходились и становились библиографической редкостью [7].

Были изданы альбомы гравюр И.Н. Павлова: «Уходящая Русь» (1914), «Уходящая Москва» (1915, 1916), «Московские дворики» (1916) , «Уголки Москвы» (1919), «Старая провинция» (1916), «Останкино» (1909, 1917), «Пейзажи в цветных гравюрах на дереве», «Старая Москва» (1917, 1924—1925, 1944—1947), «Провинция» (1925), «Мотивы родного пейзажа в гравюрах» (1947).

В Малоярославецком музейно-выставочном центре экспонируется альбом гравюр Ивана Николаевича Павлова «Старая провинция», подаренный центру в середине 2006 года Игорем Алексеевичем Солдатенковым (24.10.1934—30.01.2009). Альбом представляет собой папку с вложенными в неё 15 листами.

Папка имеет размеры 80 х 60 см и выполнена из толстого картона. На лицевой стороне папки вверху напечатано: «*И.Павловъ*». Ниже располагается рисунок, изображающий городской пейзаж, на котором внизу чернилами написано: «*Торжок*». Под рисунком напечатано: «*Старая провинція*». Нижнюю часть лицевой стороны папки украшает орнамент. На середине лицевой стороны папки слева находится хорошо сохранившаяся надпись, выполненная чернилами: *«№ 4*

И.Н. Павлов

916»

Вверху справа листа выполнена теми же чернилами и тем же почерком полустёртая надпись:

«Михаилу Тимофеевичу Соловьёву

автор»

Таким образом, в Малоярославецком музейно-выставочном центре находится 4-й авторский оттиск гравюр, составляющих альбом «Старая провинция». Альбом был напечатан в 1916 году в количестве 50 экземпляров [8] и подарен И.Н.Павловым Михаилу Тимофеевичу Соловьёву.

М.Т. Соловьёв происходил из мещан города Дмитрова и с юных лет работал в литографии Ивана Дмитриевича Сытина. Михаилу Тимофеевичу удалось разбогатеть и завести своё издательское дело. Позднее Сытин купил дело Соловьёва и назначил его заведующим художественного отдела своей фабрики [9].

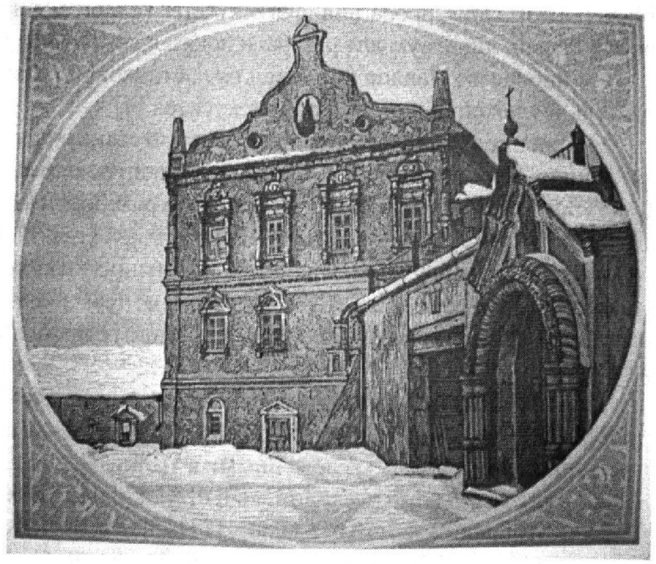
Папка альбома «Старая провинция» содержит титульный лист и 14 пронумерованных листов-паспарту из тонкого картона. Размер каждого листа 70 х 54,5 см.

На титульном листе напечатаны фамилия автора, название альбома, перечень гравюр и год издания альбома. На листах-паспарту наклеены оттиски линогравюр с видами Рязани, Мурома, Павлова Посада, Касимова, Гороховца, Нижнего Новгорода, Ростова, Сергиева Посада, Торжка и села Черкизово.

Остановимся на истории создания и описании гравюр с видами городов Нижнего Поочья: Рязани, Касимова, Павлова Посада и Мурома.

В 1915 году И.Н. Павлов совершил путешествие на пароходах по реке Оке: *«Со мной был только фотографический аппарат, альбома я умышленно не взял. К этому времени у меня вообще уже сложилась своя система работы: сначала надо проехать определёнными местами, хорошо их осмотреть, как говориться, до краёв наполнить себя впечатлениями, наметить*

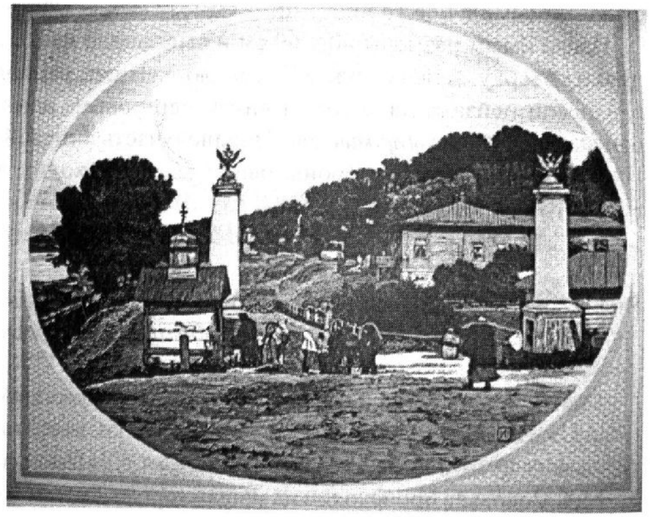
пейзажные точки, и только после этого, в последующую поездку, приступать к работе. ...Большие масштабы меня не привлекали. Я стремился к отбору «уголков» и свои гравюры предполагал видеть как реальные пейзажи настроения... Я шёл от непосредственных реальных ощущений, которые давала натура со всеми своими деталями и настроением, но всё это я сейчас же перекладывал на язык гравюры, с её линейностью и условностями цвета» [10].



Ил. 1. Павлов И.Н. Город Рязань. Терем Олега.

На гравюре И.Н. Павлова «Город Рязань. Терем Олега» изображены Архиерейские палаты — самое большое гражданское здание Рязанского Кремля. Помимо жилых покоев, в здании размещалась домовая церковь архиереев и хозяйственные помещения. Здание исстари известно как «дворец Олега», на его фронтоне помещено изображение рязанского князя Олега Ивановича (?—1402 г.), который в 1394 году *«ходил ратью к Любутску и со многим полоном возвратился восвояси»* [11].

Прямоугольное в плане каменное трехэтажное здание возводилось поэтапно: первые два этажа (архитектор Ю.К. Ершов) — в середине XVII в., третий этаж (архитектор Г.Л.Мазухин) — в конце XVII в. Позднее (1778—1780 гг.) архитектор Я.Шнейдер сделал пристройку к восточной стороне, увеличив длину здания до 94 метров [12].

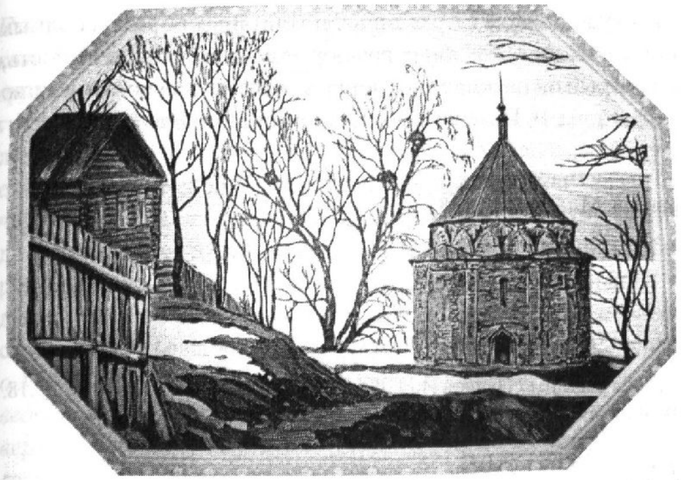


Ил. 2. Павлов И.Н. Город Касимов. Въезд в Касимов.

И.Н.Павлов вспоминает: *«В Рязани я остановился для специального осмотра её древностей — этот старый русский город так богат историческими памятниками... я пленился видом дворца Олега Рязанского. Этот исторический памятник дорог своей замечательной архитектурой XVII века, с барочным фронтоном и теремными окнами; входное крыльцо сбоку придаёт ему необычайную живописность и удачно дополняет общее впечатление глубокой и как бы застывшей старины. В моей гравюре дворец Олега передан в зимнем пейзаже: мне казалось, что это выгоднее подчёркивает старинную архитектуру»* [13].

Пейзаж, выполненный в оттенках коричневого и чёрного цветов, располагается внутри овала, вписанного в прямоугольную рамку размерами 50х43см. Пространство между рамкой прямоугольника и рамкой овала заполнено орнаментом.

На гравюре И.Н. Павлова «Город Касимов. Въезд в Касимов», выполненной также в оттенках коричневого и чёрных цветов, изображён спуск к Оке со старинной заставой, с двумя высокими каменными ампирными колоннами, увенчанными чугунными шарами с двуглавыми орлами. Между колоннами мостик с перилами. К маленькой деревянной часовенке перед левой колонной направляются три женщины в платках и длинных одеждах.



Ил. 3. Павлов И.Н. Город Муром. Церковь Косьмы и Дамиана.

Около женщин стоят три лошади, запряжённые в телеги. К заставе по направлению к городу по дороге идёт женщина, несущая при помощи коромысла груз. За правой колонной заставы располагаются дома, на склоне горы дома выглядывают из-за деревьев. Пейзаж помещён в овал, вписанный в прямоугольник размерами 55 х 44 см. Пространство между рамкой прямоугольника и рамкой овала заполнено декоративными штрихами.

Застава на старом въезде в город со стороны Оки была возведена по проекту уроженца Касимова Ивана Сергеевича Гагина (1767—1844).

В смутные времена история Касимова переплелась с историей Калуги.

В Калуге Касимовского царя Ураз-Махмета (Ур-Мамета) осенью 1610 года собственноручно убил Лжедмитрий II, а затем крещёный татарин князь Петр Урусов, мстивший за смерть царя, в декабре того же года убил Лжедмитрия II во время охоты. Тушинский вор нашёл свой бесславный конец или «за Окой» [15] или «за Яченкою на горе у креста» [16].

И.Н. Павлов вспоминает: *«После Касимова Павлово, безусловно, интереснейшее место на Оке для художника. Громадное село всё потонуло в оврагах. Домики кустарей разбросались по отвесной береговой горе в самых причудливых позах. Для речных городов это очень типично. Груды булыжника, песку, глины, остатки свай, заборы, сараи — всё это играло на солнце и сливалось с зеленью деревьев, травы и серым цветом зданий. Я посвятил Павлову несколько своих гравюр с этой береговой темой и не раз варьировал их цвета... Касимов и Павлово заставили меня подчеркнуть провинциальную строительную неразбериху, причудливую живописность речных берегов»* [17].

Гравюра И.Н. Павлова «Павлов Посад. Уголки Посада» имеет прямоугольную форму и размеры 50 х 36 см. Гравюра не оформлена рамкой и решена в оттенках чёрного цвета.

На гравюре «Город Муром. Церковь Косьмы и Дамиана» изображены деревья с голыми ветками и гнёздами птиц, лежащий местами снег. Слева на высокой горке бревенчатый домик с маленькими окошками и двухскатной крышей, окружённый заборами, на заднем плане — река Ока. Справа на гравюре расположена церковь Косьмы и Дамиана — двух братьев, христианских святых мучеников, живших близ Рима во второй половине III века. *«[Церковь Косьмы и Дамиана] стоит на левом, высоком берегу реки Оки. Построение ее связывается с походом Ивана Грозного на Казань и относится к 1556—1565 гг. Представляет собой талантливую реплику знаменитых московских шатровых храмов — Вознесения в Коломенском и Покрова «на рву» (Василия Блаженного). Наличие ступенчатых тромпов (вместо парусов) позволяет предполагать авторство Посника Яковлева, одного из создателей храма Покрова «на рву». Переплетающиеся («готические») кокошники, декорирующие восьмерик, а также ребристый шатер храма (не сохранился) делают памятник уникальным. Особенностью композиции является очень массивная и сильно выступающая апсида, что несколько противоречит изящным формам храма»* [18].

Гравюра «Город Муром. Церковь Косьмы и Дамиана» выполнена в оттенках чёрного цвета, оформлена декоративной рамкой и имеет восьмиугольную форму 55 х 38 см.

Осмотрев города Нижнего Поочья, И.Н. Павлов совершил поездку по верховьям Волги. Он посетил Нижний Новгород, Тверь, Плёс, Кострому, Ярославль. Закончилась поездка в Кимрах. В Торжке Павлову пришлось быть уже зимой. По впечатлениям от этих путешествий и был создан альбом гравюр «Старая провинция».

«Большие монументальные листы гравюр «Старая провинция» относятся к лучшим произведениям, созданным Павловым в области цветной пейзажной гравюры… Вся эта

провинциальная Русь запечатлелась художником в правдивых и типичных образах, полных национального своеобразия… В павловских пейзажных гравюрах всегда есть интимность, тот трепет внутреннего состояния, который он научился воплощать через пейзажное искусство передвижников — А. Саврасова, И. Левитана, В. Поленова, Ил. Остроухова, Ап. Васнецова» [19].

Примечания

1. *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравёра. М., 1963. С. 158.
2. *Там же.* С. 153.
3. *Там же.* С. 158.
4. *Там же.* С. 176.
5. *Там же.* С. 177.
6. *Там же.* С. 176.
7. *Там же.* С. 191.
8. *Сокольников М.П.* Ветеран советской гравюры// Павлов И.Н. Жизнь русского гравёра. М., 1963. С.18.
9. *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравёра. М., 1963. С. 216, 206.
10. *Там же.* С. 181, 182.
11. *Полное собрание русских летописей.* 1897. Т. XI. С.156.
12. *Михайловский Е.В., Ильенко И.В.* Рязань. Касимов. М., 1969. С. 87, 88.
13. *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравёра. М., 1963. С.182.
14. *Михайловский Е.В., Ильенко И.В.* Рязань. Касимов. М., 1969. С. 219—222.
15. *Костомаров Н.И.* Русская история в живописаниях её главнейших деятелей. М., 2005. С. 331.
16. *Малинин Д.И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. 2004. С. 36.
17. *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравёра. М., 1963. С. 185, 189.
18. *Вагнер Г.К.* Старые русские города. «Искусство». М. 1980.
19. *Сокольников М.П.* Ветеран советской гравюры//Павлов И.Н. Жизнь русского гравёра. М., 1963. С. 19.

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В НОВЕЛЛИСТИКЕ З.ГИППИУС

***С.А.Щербакова**, учитель, МОУ «Лицей №36» г.Калуги*

Ни для кого не является секретом, что истоки творчества любого писателя кроются в его детстве, в том уголке малой родины, где он родился. Верхнее Поочье — родные пенаты ярчайшей представительницы русского символизма – Зинаиды Николаевны Гиппиус. *«Я родилась в Белеве Тульской губернии в конце…1869г. 8-го ноября»*, — вспоминает писательница в автобиографической заметке [1].

Еще в автобиографических сведениях не раз замечаем упоминание писательницей образа из детства — *«зеленой бабушкиной лампадки»*. С него и начинается понимание философско-эстетической концепции бытия Гиппиус: познание Бога как духовной первоосновы мира. Гиппиус считала необходимым возродить слово евангельского Христа о жизни. Церковь нужна как лик религии евангельской, христианской, *«религии плоти и крови»*.

На религиозно-философском собрании З.Н.Гиппиус провозгласила: *«Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос был в жизни». Но как это сделать? Этот вопрос часто задавала себе З.Н.Гиппиус. И все ее надежды конкретизировались в формуле «Святая плоть»: «есть грешная плоть, но есть и святая плоть, иначе слово не стало бы плотью»* [2].

Итак, преобладающим для З.Н.Гиппиус в этот период является решение вопроса об отношении христианства к жизни в ее различных проявлениях: биологическом, социальном, культурном. Все творчество Гиппиус на данном этапе пронизано стремлением постичь некую краеугольную истину мира и своего в нем предназначения.

Попытка постижения мира может оказаться трагической, если ты не чувствуешь рядом подобных себе людей с теми же стремлениями к высшим знаниям. Трагически заканчивается рассказ «Все к худу» (1903г.). Это рассказ об одиночестве человека среди людей, о трагическом одиночестве, так как рассказ заканчивается самоубийством главного героя Николая Павловича Дементьева. Об этом пишет и Н.И.Осьмакова в послесловии к тульскому изданию избранных произведений З.Н.Гиппиус. Она пишет: *«Это рассказ об одиночестве человека среди людей, о трагическом одиночестве, так как он кончается самоубийством…*

Потребность общаться — потребность первоначальная, с нею человек родиться… И у каждого есть непобедимое стремление «выявить» свою душу, сделать ее доступной для другого, отдать ее в мир» [3]. Дементьев убил свою жену, но он не может покаяться за свой грех, так как он не чувствует *«сообщения»* между людьми и говорит, что всякая жизнь в любом случае *«идет к худу»*. Но и между монахами, чему радуется о.Мефодий *«сообщение самое малое»*. Каждый, как и в миру, и спасается, и гибнет сам по себе. И между ними черта обособления, разделения, непонимания. В этом царстве всеобщей душевной глухоты до неприкаянной души Дементьева никому нет дела. Сердобольный отец казначей, по житейски расположенный к нему (Дементьеву), тоже его не слышит. Он не может заглянуть к нему в душу, увидеть всю муку, всю глубину отчаяния этого человека и подталкивает его к гибели. На слова Дементьева: *«Уходить некуда… не к чему… и жить здесь — тоже не к чему. Тебе я, о.Мефодий, пожалуй, скажу, потому, что мне все равно: повеситься задумал…Все равно ведь, никакого сообщения между людьми нету»*, о.Мефодий *«оживившись»* отвечает: *«Это, верно, нету…я и сам думал, еще когда в миру жил, лавка у отца в городе. Никакого сообщения…а между человеками нет издавна сообщения. Мне думалось, Дьявол сетки везде натянул»*.

Отец Мефодий лишь подтверждает тот приговор, который Дементьев уготовил сам себе. Дементьев мается по высшей истине, по святой плоти. Он знает, что он должен испытывать раскаяние, но раскаяния нет. Его мучения от собственной нераскаянности — это крик человеческой совести в нем. Так его совесть творит свой суд. Но Дементьев считает, что он не человек, он исчадие ада и ему не место среди людей. И когда с горькой усмешкой он спрашивает О.Мефодия: *«Я, может, и сам не настоящий. Может, дьявольское марево?»*, а монах вместо ответа съежился и странно посмотрел на него. Дементьев лучше всяких слов понимает его молчание, которое и является тем подтверждением его приговора самому себе, и осталось только привести его в исполнение. Здесь монах, человек духовного сана толкает другого человека еще к большему, чем он совершил. Да, Дементьев нарушил заповедь «не убий», но он мучился, стремился к постижению краеугольной истины мира и своего места в нем, но самоубийство — это самый страшный грех, к которому Дементьева подталкивает О.Мефодий, служитель церкви, который должен неукоснительно исполнять назначение церкви – творить дело мира и единения людей. В этом Гиппиус критикует церковь и ставит ей в вину то, что между людьми *«сообщения нет»* и всякая жизнь идет *«к худу»*.

Раздумья о греховной и святой плоти Гиппиус продолжает и в рассказе «Святая плоть». Героиня рассказа Серафима (прием «значащей фамилии», христианское имя — «жгучая, огненная») воплощает в себе сконцентрированные раздумья человека о грешности плоти и святости духа. Серафима вроде бы и верит, привычно ходит в церковь, привычно молится. Она жалеет свою сестру, которой Бог разума не дал, приобщив к блаженным, привычно ухаживает за ней. Но мысль о возможном счастье с любимым человеком дает истинную цену и ее вере, и ее любви к сестре, которая стала помехой ее счастью. Серафима не хочет счастья, построенного на убийстве, но как отмечает в своем послесловии к тульскому изданию избранных произведений З.Н.Гиппиус Н.И.Осьмакова *«…злоба навалилась и придавила душу, неся с собой соблазн ясности: если разума не имеет, значит, и души нет, «одна плоть поганая»* [4]. Она размышляет, глядя на убогую сестру Лизу: *«Разве это человек? Без разума, без языка, вся больная. Девка кровь с молоком, только что разума ни крошки, хуже, чем у какой твари. У эдаких-то и души нет. За такую Богу не отвечать»* [5].

Для Серафимы, влюбленной в молодого доктора Дунина, убогая сестра Лиза становится тяжким крестом. Греховные мысли не покидают Серафиму и гложут ее душу. Желание избавится от сестры все возрастает. Она терзается размышлениями, глядя на окружающий мир: *«У травинки под стеной вон нет разума. Наклонилась, — и не сорвала ее, пожалела, дотронулась до нежного стебелька. «Нет души – а радуется. Лиза…Лиза… Травка моя неразумная…»*.

Чуть не совершенный Серафимой грех вызывает в ней такое сострадание, в котором сгорает все, что, могло прельстить ее. Страдание возносится на такую высоту, где оно превращается в любовь, которой для себя ничего не надо, для которой свята всякая жизнь, и разумная и неразумная. Серафима отказывается от своей прежней любви, ради ее настоящей ценности, открывшейся ей в очистительном огне страдания: *«Разве я ради любви*

хотела? Разве можно тебя? Ради любви? Ради любви — любить, хранить тебя...Разве я для любви моей убить хотела? Души нет...а как мы знаем? В травинке, вон, нет души, а разве она плоть поганая? В ней моя радость. И в Лизе — радость. Это я мою радость убить хотела, чтобы замуж пойти!».

На Серафиму нисходит высшая истина, она приносит в душу девушки долгожданный покой и благодать. *«Ну и не пойду замуж, — думала Серафима, засыпая и вся отдыхая. – А радость моя при мне. В радости моей страха нет, и печали не боюсь. Мамаша говорила...печалью и радость дорога...Господи...».*

Серафима поняла, что истина в святости и чистоте душевной и окружающий мир подтверждал эту истину: *«А небо и земля вокруг них были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нет на свете, кроме чистоты, тишины и счастья».*

Мотив «святого духа» получает свое развитие в другом рассказе З.Н.Гиппиус «Сокатил». Героиня — деревенская молодая девушка Дарьюшка вместе с другими жителями деревни участвует в Радениях, которые представляют собой ничто иное, как картину свального греха: *«Когда празднички удавались, когда много радели, много пророчествовали, пьянели от святого «пивушка», — случалось и «грех истреблять грехом»; Дарьюшка со всеми, изнеможенная, падала на пол и, когда гасили свечи, — принимала жениха, «какого дух укажет».* Принимала просто, просто веруя, что так надо…что это «святой грех».

Но вот она на очередных Радениях почувствовала вдруг: *«...кто-то один обнял ее, крепко, властно, как еще никогда не обнимал. И она сразу поняла и почувствовала, что это — он; ее первый и единственный жених, тот, кого Дух указал. И все растопилось в ней как от солнечного луча, и она отдалась жениху, ни о чем не думая и ничего не зная — этому тайному, вечному, навеки единственному суженому, по господнему указанию...».* Но вот после этого она начала мучаться вопросом: *«Не грех ведь, а святость, осияние, полнота Духа святого облекла ее. Указал ей Дух святой жениха. Указал... А кого? Кто он?...Всех она братьев знает. Кто ж был? Романушка? Никитушка? Иль, может, Батюшка Семен Дорофеич?...Грех-то, Господи? Иль не грех?...Не может она не хотеть знать. Вот он, грех-то смрадный, страшный...дух указал, и надо духу верной быть».*

Дарьюшке пришло понимание всей греховности и кощунственности происходящего на Радениях, и она приняла для себя единственно правильное решение: *«Одно знала она, что на Радения ни за что не пойдет теперь,...хоть убей ее... не пойдет».*

Главную драму религиозного сознания в его отношениях с церковью Гиппиус видела в сохранении ею разрыва духовной и мирской плоскостей человеческого бытия, при жажде их единства в человеке. Освещая мир духовных устремлений, церковь отсекает, выводя из своего внимания, вопрос о «плоти» мира — культуре, общественной, брачной, половой, семейной жизни, отказывая им в религиозном смысле. И люди, не могущие заглушить в себе их жизненной остроты, обречены или жить подавленными собственной греховностью, или вообще отпадать от церкви, теряя веру.

Гиппиус верила в светлое радостное христианство, которое пронизывает все проявления жизни. Если обед сольется с трапезой, из насыщения плоти он превратиться в религиозно освященный акт и, повторяясь ежедневно, каждый раз будет единственным. Даже бытовые рутинные подробности жизни, наполняясь религиозным содержанием, присутствием Бога, высветляют быт, преображая его из бытослужения в богослужения. Речь идет не о ритуале, а о том, чтобы каждое движение человека, каждое его действие было наполнено связью с Богом. *«Надо соединить жизнь и религию*, — писала Гиппиус в статье «Хлеб жизни» (1901г.). — *Надо освятить жизнь. Надо религию сделать жизненной»* [6]. Только в слиянии жизни и религии достижима высшая для человека свобода. Новая религия, которую провозгласила Гиппиус, — это религия не одиночества, а общение, соединение людей. Религия для Гиппиус была живым волеизъявлением духа, творческим восхождением, в котором идет дальнейшее творение себя и мира. Ее критика традиционной, исторической церкви направлена против «*омертвения творческого духа церкви, против поселившегося в ней духа тяжести и неподвижности»*. На смену такому христианству должно прийти «новое», для воплощения которого необходима «новая церковь».

Обличением традиционного и «неподвижного» христианства наполнен рассказ «Странничек» (1904). Само появление странника-богомольца производит мрачное впечатление: *«На дворе черный*

сентябрьский вечер. Что осенняя грязь на деревенской улице, что небо над нею — одна чернота, и если все перевернулось вверх дном — глаз не заметил бы перемены. Тепло, тихо-претихо, верно тучи низко. Дождя нет. Из этой ровной черноты, в тот вечер вынырнул странничек...».

В этом рассказе идея греховности человека перед богом получает новое, особое освещение. Гиппиус вкладывает ее в уста богомольца, «смиренного Памфилия». Спиридон и Мавра рассказывает ему о постигшем их горе: *«Дети не стоят у нас...в пятницу мальчонку к попу свели. Четвертый это уж у нас...Васютка-то... завертело-завертело, мучился еще сколько...покою ему сколько ден не было...».*

В ответ на невосполнимую утрату родителей богомолец не облегчает их душевной боли, не залечивает раны, а обвиняет родителей в смерти ребенка: *«Крест ваш несите, по грехам вашим...Вы что? Сказано: не любите мира, ни того, что в мире: похоть плоти...А вы что? К образу мира сего прилепились, и наказует вас Господь за дела ваши...».*

Жестокость и несправедливость этих слов, душевную черствость не может простить «смиренному Памфилию» Мавра, ее душа негодует, сердце готово выпрыгнуть из груди: *«Вон иди, вот что...Вон из избы, совуситель!...А ты ровно проклятый, со грехами своими. Иди сейчас... О мученьях твои молитвы все, не надо твоих молитв! Вон сейчас, пока руками тебя не разорвала...».*

В рассказе «Странничек» Гиппиус оспаривает традиционное религиозное представление об отсечении церковью всего круга земных интересов человека, вынуждающей его постоянно жить с сознанием собственной греховности.

Надежда на «новое христианство», на то, что жизнь наполнится присутствием Бога звучит в рассказе «Ниниш» (1903).Главный герой рассказа, от имени которого ведется повествование, любит сидеть в Летнем саду, садится на скамейку на «круглой площадке, возле памятника Крылову», и смотрит на детей.

На этой площадке часто играет *«маленькая, толстенькая девочка лет пяти-шести»*, которая приходит туда со своей гувернанткой, старой француженкой. Гувернантка называет девочку Ниниш. Вот однажды девочка подошла к повествователю и разговорилась с ним, а потом задала с недетской горячей тоской вопрос: *«А Христос? Он когда придет? Вы думаете, что он скоро придет? На что повествователь, посмотрев прямо в глаза девочки, твердо сказал: «Он непременно придет, Ниниш, — и думаю, что — скоро».* У девочки *«все лицо улыбнулось»*, и глаза засияли надеждой, надеждой на то, что Христос наполнит земную жизнь смыслом и, по Гиппиус, придет «новое» христианство.

Примечания

1. *Гиппиус З.Н.* Сочинения: Стихотворения. Проза. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С.6.
2. *Савельев С.Н.* Жанна д` Арк русской религиозной мысли: Интеллектуальный профиль З.Гиппиус. М.: О-во знание России,1992. С.431.
3. *См.:* Гиппиус З.Н. Стихи и проза : Избранные произведения. Воспоминания / Комментарии и послесловие Н.И.Осьмаковой. Тула: Приок. кн. изд-во,1992 .
4. *Там же.* С.420.
5. *Там же.* С.420.
6. *Гиппиус З.Н.*Сочинения: Стихотворения; Проза. Л.:Худож.лит.,1991. С. 31.

РОЛЬ КАЛУЖСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ)

***Е.В. Петухова**, гл. архивист, МУ «Муниципальный архив г. Калуги»*

Изучением истории Калужского театра занимались многие историки, театроведы и публицисты Калуги и России[1]. Наиболее полно путь, пройденный Калужским театром с первых шагов (1777 г.) до 1977 г., представлен в работе К.Б. Бедлинского «Калужский театр»[2]. Но после 1977 г. обобщающих работ по истории тетра не выходило.

Мы предприняли попытку изучить влияние Калужского драматического театра на

социально-культурную жизнь города с 1977 до настоящего времени. Источником для изучения данной темы послужили периодические издания: местная и центральная пресса.

Итак, в 1977 году театр был определен как живой организм, постоянно откликающийся на проблемы современности[3]. Основная задача театра — ярко и образно решать спектакли классического репертуара, использовать богатое наследие русского театра и создавать спектакли значительные, правдиво отражающие современную действительность, зовущие людей к активному участию и построению коммунистического общества[4].

Главная функция театра — воспитательная[5]. Изучая периодические издания, мы определили, что одной из важных сфер деятельности Калужского театра была работа для юного зрителя. Это недели «Театр и дети», дни старшеклассника, дни сельского школьника, в рамках которых ребята обсуждали спектакли, участвовали в зрительских конференциях.

Театр оказывал помощь театральной самодеятельности[6], осуществлял выездные гастроли за пределы области и вел работу на селе[7]. Главный результат работы на селе — область приучена к театру.

Но, несмотря на высокие достижения, в прессе появляются заметки о том, что театр теряет зрительское внимание, и предлагаются способы повышения интереса зрителей к театру. Так, театровед Е. Арсеньев предлагает театру запустить театральную рекламу, повысить уровень работы со зрительской аудиторией, расширить круг своих друзей и помощников в учреждениях, на предприятиях города, на селе, создать театральный музей, сократить число бытовых пьес и увеличить количество высоких, классических трагедий[8].

В 205 сезоне директором театра стал Ю.Н. Логвинов. Он отмечает, что «театр.... должен давать работу для сердца и ума. Он призван помочь духовно постигнуть процессы, происходящие в обществе, средствами художественного обобщения раскрыть героический характер советского человека, способствовать формированию активной жизненной позиции»[9].

22 марта 1985 г. в Калужском театре открылась Малая сцена, которая, по мнению директора театра Ю. Логвинова, призвана стать экспериментальной площадкой, представляющей возможность создавать спектакли новых форм, активнее занимать актеров труппы[10].

Особое внимание следует уделить театру в эпоху перемен. Главная задача работников театра в это непростое время — доступными средствами участвовать в созидательной работе по преобразованию социально-экономической жизни общества[11].

19 апреля 1986 г. состоялось совещание театральных деятелей, на котором было отмечено, что повышению эффективности театрального дела будет способствовать комплексный эксперимент, направленный на расширение прав, самостоятельности и усиления ответственности театральных коллективов за идейно-художественный уровень сценических произведений[12].

В 210-ом сезоне директором театра стал Б.Я. Томбак.

В прессе было замечено, что большинство спектаклей Калужского театра — комедии с разной жанровой окраской, а по результатам анкетирования зрителей стало известно, что в особом почете у калужан — драма[13].

Театроведом Е. Арсеньевым был составлен «коллективный» портрет калужского зрителя: две трети аудитории составляют женщины, одну треть — мужчины: возраст в основном молодой, жизненно активный — от 23 до 33 лет[14].

Важным событием в истории театра стало создание театрального музея. Основу музейной экспозиции составило собрание материалов К.Б. Бедлинского по истории калужской сцены, программки, афиши, проспекты театра с XIX в., рукописи видных деятелей театра, их портреты, снимки сцен и постановок[15].

В 1987 г. главным режиссером театра был назначен Г.Д. Кириллов, а в 1988 г. — заслуженный деятель искусств РСФСР В.И. Чертков. Главное для театра, по его мнению, — совпасть со временем[16].

Как отмечает театровед А. Шуркина, при новом главном режиссере у театра наметилось свое репертуарное идейно-эстетическое лицо. Стремление открыть людям глаза на то, что происходило и происходит вокруг, определило и репертуар театра, и режиссерский почерк, и манеру актерской игры[17].

С 1 апреля 1989 г. Калужский театр перешел на новые условия хозяйствования, когда плановые показатели устанавливались не сверху, а непосредственно в коллективе. Из фонда социального развития часть средств передали на финансирование театров[18].

По мнению главного режиссера В. Черткова, рыночная стихия внесла в жизнь театра ажиотажную гонку за заработком по законам, совсем не свойственным и даже противоестественным искусству[19].

Немало критических статей появилось в прессе в 1990-е гг. XX в., когда театр находился в творческом кризисе.

В это время на калужской сцене показывали серьезные спектакли: «Свалка», «Торможение в небесах», «Звезды на утреннем небе» и др. — это был, как отметил главный режиссер театра, честный разговор со зрителем о трудных явлениях жизни, о непростых судьбах человеческих[20].

Но, между тем, в прессе отмечалось, что все эти спектакли затрагивали острые темы о бремени и яде власти, о демократии и демагогии, о «дедовщине в армии», о приспособленцах и несломленных, а таких проблем хватает и в повседневной жизни. Ощущалась тоска по красивому и светлому[21]. Высказывалось мнение, что выход из сложившихся репертуарных проблем — это обращение к классике[22]. Проблему зрителя стали сводить к трудному, неразвлекательному репертуару. В театре обозначился конфликт между главным режиссером и директором театра, а затем и раскол труппы[23].

В 1992 г. в Калужском театре была введена должность художественного руководителя и по итогам театральных выборов ее заняла В.А. Михайлина. Также было создано художественное правление, в которое вошли три актера.

Но, не 216-й, не 217-й театральные сезоны значительных достижений не принесли. Заслуженная артистка России Л.А. Кремнева говорит о «двух бесплодных сезонах, когда театр, живущий теперь не сборами, а дотацией учредителей, перестал вести борьбу за качество спектаклей. Театр стал неуправляемым, растерявшимся организмом, не производящим никаких творческих ценностей»[24]. Л. Кремнева осуждает новую структуру, при которой «...театр не знает, что такое спланированный репертуар, какие пьесы будет ставить, и с какой режиссурой будет работать в ближайшее время...»[25].

Летом были отменены театральные гастроли.

219 сезон театр открыл в строительных муках. Функционировала только малая сцена, но в ней было всего 80 зрительских мест. Предлагались пути выхода из творческого кризиса. Так А. Сотник в своей статье «С верой и надеждой» отмечает, что «театру необходим мастер, воспитатель актеров, тот, кто определяет сверхзадачу коллектива — главный режиссер. Это должен быть не очередной профессионал, а человек, который сможет открыть какое-то новое направление в творчестве калужского театра.

Мы верим в театр и надеемся, что он не погибнет...»[26].

А пока театр был закрыт на ремонт.

Как видим, тяжелая политическая и экономическая обстановка в стране не могли не сказаться на театральном искусстве в целом и в Калуге в частности. Была в театре и проблема зрителя, и проблема репертуара, и не всегда хватало средств на капитальный ремонт здания и летние гастроли, но нельзя забывать, что именно в это время театр был необходим своему зрителю. Калужане верили, что театр выживет. И он выжил!

Творческий кризис был успешно преодолен и сегодня Калужский театр живет и радует калужан. На его сцене идут лучшие произведения отечественной и зарубежной драматургии, а в зрительном зале всегда аншлаг. Здесь — и заядлые театралы, и молодые любители «храма Мельпомены», для которых театр стал маленьким праздником.

Задача работников театра — сделать пребывание зрителей в театре комфортным, интересным и насыщенным. «Нам очень хочется, чтобы уходя из нашего театра, вы вынесли тепло, энергетику и любовь, которую мы попытались вложить в ваши сердца. Хочется, чтобы театр стал для вас вторым домом, каковым он является для нас», — отмечает директор театра А.А. Кривовичев.

С 1997 г. главным режиссером театра является А.Б. Плетнев. При подборе репертуара театр не ставил задачу показать спектакли на злобу дня. «...Сегодня одно злободневно, завтра — другое, и театру за этим просто не успеть. Что касается пьес, то они должны быть просто хорошими», — считает А. Плетнев[27].

В 1997 г. Калужский театр впервые осуществил набор студентов для обучения в Российской Академии Театрального Искусства (РАТИ), а с 2000 по 2004 гг. обучался второй курс РАТИ. Весь состав выпускников был зачислен в штат Калужского театра.

В последние годы Калужский театр занимает призовые места на фестивалях, он стал организатором Всероссийского фестиваля «Старейшие театры России в Калуге», который проходил в Калуге уже три раза. А для многих калужан театр действительно стал «вторым домом». Не случайно лозунгом Калужского драматического театра стали слова: «Мы Вас любим и ждем!»

[1] *Малинин Д.И.* Начало театра в Калуге. Калуга, 1912; *Ассонов В.И.* К истории театра в Калуге // Известия Калужской архивной комиссии. вып. XXI. Калуга, 1911; *Луначарский А.В.* Театр и революция. М., 1924; *Ульянов Н.* Театр — это его актеры // На берегах Оки. Тула, 1971; *Алтайский К.* Светлое пятно во мгле // Знамя. 1971. 20 мая; *Алексеева А.* А.Н. Островский в Калужском театре. К столетию со дня рождения великого драматурга // Знамя. 1973. 25 марта; *Пехтерев А.* Живые нити // Знамя. 1976. 29 апреля; *Логвинов Н.* Новое о Калужском театре // Знамя. 1963. 18 сентября; *Он же.* И много раз посещал этот театр // Знамя. 1968. 21 сентября; *Он же.* В шесть часов пополудни… двести лет назад / Знамя. 1977. 21 января.

[2] *Бедлинский К. Б.* Калужский театр. Тула, 1977.

[3] *Аникин Н., Соколов Р.* Вступая в юбилейный год // Знамя. 1976. Октябрь.

[4] *Там же.*

[5] *Там же.*

[6] *Бармак А.* 201-й театральный сезон Калужского театра // Культурно-просветительская работа. 1977. № 4. С. 28.

[7] *Знамя.* 1977. 20 февраля.

[8] *Арсеньев Е.* Навстречу зрителю // Знамя. 1980. 4 октября.

[9] *Логвинов Ю.* Формировать зрителя, учиться у него // Знамя. 1982. 12 октября.

[10] *Он же.* Сезон закончен, работа продолжается // Знамя. 1985. 25 мая.

[11] *Там же.*

[12] *Логвинов Ю.* Время перемен // Знамя. 1986. 27 апреля.

[13] *Арсеньев Е.* Замедление // Знамя. 1987. 5 февраля.

[14] *Он же.* «Коллективный» портрет зрителя // Знамя. 1989. 1 июня.

[15] *Бедлинский К.* Создается музей театра // Знамя. 1987. 1 октября.

[16] *Чертков В.* Впереди – напряженная работа // Знамя. 1989. 1июня.

[17] *Шуркина А.* Языком сценической метафоры // Знамя. 1989. 1 июня.

[18] *Томбак Б.* И даже своя валюта // Знамя. 1989. 9 апреля.

[19] *Чертков В.* Сохранить в театре театр // Знамя. 1991. 2октября.

[20] *Он же.* Впереди – напряженная работа // Знамя. 1989. 1 июня.

[21] *Смирнова Р.* На пути или распутье? // Знамя. 1990. 15 августа.

[22] *Пыжикова Т.* Стало ясно и чисто на душе // Знамя. 1992. 15 февраля.

[23] *Там же.*

[24] *Кремнева Л.* Эксперимент закончился. Забудьте! // Весть. 1994. 17 июня.

[25] *Там же.*

[26] *Сотник А.* С верой и надеждой… // Весть. 1995. 13 июля.

[27] *Театральные новости* // Калужская неделя. 2005. 29 сентября.

ИЗ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. (КАЛУЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ)

***А.Л. Голованов**, г. Москва, **О.В. Семочкина**, г. Калуга*

Из воспоминаний А.Л.Чижевского известно, что в 1920 г. он получил приглашение к совместной работе от директора Нобелевского института, шведского академика, Нобелевского лауреата С.Аррениуса, который изучал проблемы атмосферного электричества. Однако эта командировка не состоялась. Чтобы смягчить ситуацию и дать ученому возможность вернуться в науку, нарком образования А.В.Луначарский предложил ему возглавить в Калуге литературное объединение в должности инструктора литературного отдела Наркомпроса (т.к. литературный отдел Наркомпроса рассылал в разные города своих инструкторов — литературных деятелей, писателей и поэтов). Чижевский вспоминал: *«… дабы продолжить заниматься наукой, я должен был формально преобразиться в литератора. Хотя я был всегда неравнодушен к литературному мастерству и к тонкому искусству поэзии…»* [1. С. 63, 66, 71; 2. С. 111].

Так ученый стал председателем губернского отдела Всероссийского Союза поэтов, что подтверждают удостоверения, выданные в том же 1920 г.: от 18 марта № 23/б, подписанное

членом президиума Н.Зайцевым и секретарем М.Мятковским, о том, что А.Л.Чижевский состоит председателем [3]; от 27 июля № 922, подписанное зам. заведующего Литературным отделом, известным поэтом В.В.Брюсовым, о том, что А.Л.Чижевский *«уполномочен составить план, смету и информировать П/Отдел относительно наличности в гор.Калуге литературных сил и возможности организации филиального Отделения Литературной Студии...»* [4]; от 31 июля № 1899, подписанное Наркомом просвещения А.В.Луначарским, с просьбой оказывать А.Л.Чижевскому *«в виду его научных изысканий и литературных работ полное содействие в смысле немедленного предоставления ему всех необходимых книг и писчебумажных принадлежностей»* [5]; от 6 августа № 1902, подписанное А.В.Луначарским, о том, что А.Л.Чижевский занимается научными изысканиями и литературной деятельностью, и поэтому он и его семья *«ни в коем случае не подлежат выселению из занимаемых ныне помещений в городе Калуге по Троцкой улице в доме № 10. Также квартира тов. Чижевского не подлежит уплотнению, а вещи, книги и прочие научные пособия не подлежат реквизиции»* [6] (после революции, примерно с 1918 г., дом не был в собственности у Чижевских, они лишь были квартиросъемщиками).

Судя по воспоминаниям А.Л.Чижевского, он к своей должности относился чисто формально, так как в его интересах главенствовали наука. Это же подтверждают и заметки в калужской газете «Коммуна», опубликованные летом 1922 г. Начнем по порядку.

21 июня появилась подписанная инициативной группой заметка [7] о том, что из Союза поэтов с начала года выбыли некоторые активные члены, в результате чего их осталось только 4. Но еще 2 человека вернулись из командировок и встал вопрос о необходимости *«расширения круга деятельности союза поэтов»*. Инициативная группа, состоящая из Королева, Переверзевой, Ляпичева и Смирнова, предлагает соединить все литературные силы в одну организацию и выделить секции музыкантов и артистов. Собрание предполагалось провести в театральном техникуме (ул. Ленина, в настоящее время ул. Театральная, 32).

Через несколько дней, 30 июня, появился отчет о проведенном собрании [8], в котором говорилось о длительном бездействии Союза поэтов и о решении *«реорганизовать местный союз по типу московского»*, то есть сделать союз не только поэтов и литераторов, но и всех творческих работников (музыкантов, художников, артистов). Также была объявлена двухнедельная перерегистрация членов союза у В.Королева или В.Фирсова.

Через неделю, 6 июля, А.Л.Чижевский, Н.Зайцев и М.Мятковский опубликовали письмо в редакцию по поводу отчета [9]. Они критиковали *«инициативную группу»* и указывали, что председатель (то есть А.Л.Чижевский) был несколько дней назад в Москве и уже получил там *«соответствующие инструкции по поводу реорганизации»*. Также называли бездействие калужского отдела только кажущимся, так как была произведена регистрация членов, а художественно-научный журнал союза «Искусство и наука» не вышел только из-за технических и финансовых трудностей. Кроме того, они писали, что центральным органом калужского союза поэтов является Всероссийский союз поэтов, а потому *«не может быть и речи ни о каком слиянии ... с ... художническими группировками»*. Поэтому решение собрание они считают не постановлением общего собрания, *«а решением указанного собрания, отнюдь не обязательным для последнего»*. И приглашают членов инициативной группы к сотрудничеству, а также просят их войти в калужское отделение Союза поэтов. Но в то же время члены президиума просят инициативную группу *«ни в коем случае самочинно не присваивать себе вышеозначенного наименования»*.

Реакция членов инициативной группы была немедленной: уже через день, 8 июля, было напечатано письмо-опровержение членов инициативной группы (Вл.Королев, В.Фирсов, К.Смирнов, М.Переверзева, А.Родин) [10]. В нем они писали, что *«гр. Чижевского является беззастенчивой подтасовкой фактов, так как незадолго перед общим собранием 26 июня гр. Чижевский отказался от «председательствования» своего (бывшего сплошной фикцией) в местном союзе поэтов, передал всю официальную часть тов. председ. т. Ляпичеву и уехал в Москву»*, и *«общее собрание 26 июня категорически установило факт бездействия Союза и избран Временный Президиум для реорганизации Союза»*. Что же касается *«инструкций из центра»*, то опять же это минус А.Л.Чижевскому, что центральный президиум оказался незнаком с истинным положением лед в Калуге. Затем авторы письма напоминали: *«К работе ВСП всегда привлекались деятели и других видов искусства: художники, музыканты,*

артисты и т.д., ... гн Чижевский ныне «ратующий» против объединения Союза Поэтов с другими художническими группировками, этой зимою сам предлагал Клубу Ревкультуры влить в этот последний Союз поэтов» (видимо, ученый предлагал это из-за нехватки времен; как уже упоминалось выше, он все-таки в первую очередь ученым). Заканчивается письмо такими словами: *«Исходя из всего вышеизложенного мы от имени Калгуботдела ВСП, объявляем выступление гна Чижевского и двух остальных подписавших «письмо в редакцию» самозваным и предлагаем ему в трехдневный срок сдать все имеющиеся у него дела Союза Врем. Президиума. По истечении указанного срока, Врем. Президиум объявляет себя свободным в своих действиях».*

Чем и когда закончилось противостояние официального президиума и инициативной группы сказать трудно, но можно предположить, что А.Л.Чижевский вскоре после описываемых событий скорей всего был вынужден сложить с себя обязанности председателя, так как в газете «Коммуна» от 9 августа в культурной хронике уже не упоминается имя А.Л.Чижевского, несмотря на то, что там сообщается о вечерах поэзии: калужских поэтов, проводимом 7 августа в здании Командных курсов (сам отец ученого основал эти курсы, а сам Александр на них преподавал); проводимом Калужским отделением Союза поэтов в здании театрального техникума (помещавшегося в то время в здании аптеки «на стрелке» — на ул. Ленина, 34, ныне ул. Театральная, 2), в которых по логике должен бы был участвовать ученый, если он оставался он в прежней должности.

Но, видимо, А.Л.Чижевский еще какое-то время официально оставался председателем Калужского отделения Союза поэтов, так как еще в переписке с иностранными корреспондентами еще в первой половине 1923 г. его называли председателем калужского отделения Союза поэтов [11. Л. 1, 2].

И в заключение хотим немного коснуться истории издания журнала «Искусство и наука», который упоминает в своей заметке А.Л.Чижевский. Для этого обратимся к воспоминаниям ученого [12. Л. 4652]: *«На зимних каникулах 1921—1922 года, будучи в Калуге, я был приглашен принять участие в организации научно-литературного журнала, план которого был разработан калужскими поэтами, писателями и педагогами: Ляпичевым, Мятковским, Зайцевым, Королевым. Я в свою очередь выдвинул кандидатуру К.Э.Циолковского, зная как дорожит он возможностью обнародовать свои научные идеи. Так как он жил в противоположном конце города, и я сразу не мог собраться к нему, я направил письмо с изложением нашего предложения. Через несколько дней от Константина Эдуардовича пришло открытое письмо...*

Однако организация издания журнала встретила на своем пути значительные затруднения. Уже были собраны статьи, стихи и рисунки от ряда авторов, в том числе я отдал для напечатания в первом номере журнала свою статью под заглавием: «Действие отрицательных ионов воздуха на некоторые физиологические функции животных» — вторую свою экспериментальную работу, посвященную выяснению действия искусственных аэроионов на обмен веществ, рост, вес и смертность лабораторных животных. Опубликованию этой работы я также придавал большое значение, ибо, разделяя участь К.Э.Циолковского, получал необоснованные отказы в московских редакциях, отказы, по большей части объяснимые новизной идей и непониманием их значения. Кроме того, немалую роль играли личные вкусы научных редакторов, их связи и знакомства и точки зрения, которых они придерживались, которые не всегда отличались объективностью.

Таким образом, в редакции несуществующего журнала, помещавшейся в кабинете заведующего калужским почтамтом поэта М.В.Ляпичева, собралось к середине 1922 года несколько объемистых папок с рукописями, но дело с изданием журнала не двигалось с места. Наконец, в том же году по моему московскому адресу прибыл пакет, в котором я нашел свою статью и бумажку с извещением: «Рукопись возвращается, журнал издаваться не будет»...

Рукописи были обратно отосланы авторам еще летом 1922 года. Большинство из нас стойко перенесли и «этот удар» и смирились с тем, что в Калуге не будет «своего» журнала. Даже забыли об этом случае. И вдруг калужская газета «Рабочий путь» в сентябре 1923 года напечатала объявление о том, что в «ближайшее время» выходит новый литературно-художественный журнал «Рефлектор» в качестве платного приложения к этой газете. Я написал открытку в редакцию газеты, прося сообщить, почему мы с К.Э.Циолковским остались

«за бортом». Было обидно, и я досадовал на своих земляков. Ответа ни я, ни К.Э.Циолковский не получили, ибо, как потом выяснилось, все три номера журнала были уже в наборе — редакция газеты «Рабочий путь» торопилась «нажить капитал» на этом деле и поступила крайне неэтично по отношению к калужским поэтам, писателям и ученым. Последние дни октября 1923 года принесли нам разгадку этой крайней поспешности в поведении редакции: страницы калужского журнала «Рефлектор» были заняты в основном произведениями московских и иностранных авторов, а калужане, в том числе Константин Эдуардович и автор этих строк были отстранены, как недостойные претенденты на занятие места на страницах этого журнала. Редакция журнала нами пренебрегла по известному библейскому выражению: что может быть доброго из Назарета, а московские соредакторы относились к нам с высокомерием, как к провинциалам, от которых ждать ничего путного нельзя!.. Да простит им Бог!».

Так закончилась эпопея А.Л.Чижевского на посту председателя калужского отделения Союза поэтов. Ученому было тогда всего лишь 25 лет, и его манили другие дали, впереди было более 40 лет, которые вобрали в себя все: успехи и поражения, лагерь и ссылку, возвращение к научной жизни и научное признание. В последние годы жизни Александр Леонидович несколько раз приезжал в Калугу, город своей юности, и при встречах с калужскими литераторами наверняка вспоминал историю становления калужской писательской организации.

Источники

1. Чижевский А.Л. Вся жизнь. М.: Советская Россия, 1974. 208 с.
2. Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания / Сост. Голованов Л.В. М.: Мысль, 1995. 736 с.
3. Всероссийский Союз поэтов. Калужский губернский отдел. Удостоверение № 23 от 18.03.1920.
4. Литературный отдел Наркомпроса. Удостоверение № 922 от 27.07.1920.
5. Народный комиссар по просвещению. Удостоверение № 1899 от 31.07.1920.
6. Народный комиссар по просвещению. Удостоверение № 1902 от 06.08.1920.
7. В союзе поэтов и литераторов // Коммуна. 1922, 21 июня.
8. В союзе поэтов // Коммуна. 1922, 30 июня.
9. Чижевский А., Зайцев Н., Мятковский М. Письмо в редакцию // Коммуна. 1922, 6 июля.
10. Королев В., Фирсов В., Смирнов К., Переверзева М., Родин А. Письмо в редакцию // Коммуна. 1922, 8 июля.
11. Архив Российской Академии наук. Ф.173. Оп.1. Д.299.
12. Архив Российской Академии наук. Ф.173. Оп.1. Д.239.

ПОИСКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ П. РОМАНОВА

***С.С. Семенова**, к.ф.н., доц.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Пантелеймон Сергеевич Романов — писатель необычной творческой судьбы. Большой вклад в литературу он сделал благодаря огромному художественному багажу. Его произведения стали открытием не только для русской, но и для зарубежной литературы.

Истоки творчества Романова во многом связаны с Верхним Поочьем. Родился он 25 июля 1884г. в селе Петровском Одоевского уезда Тульской губернии в семье мелкого чиновника. Детские годы будущего писателя ничем не отличались от жизни деревенских ребят из семей небольшого достатка. Жизнь в деревне, ее быт, люди, картины природы оставили след в сознании Романова, и позже он обратится в своем творчестве к картинам детства. Впервые П. С. Романов пытается писать в 10 лет, его очень увлекает созданный им мир. В последних классах гимназии он делает наброски повести о детстве, которая им будет завершена лишь через семнадцать лет.

Всю свою творческую жизнь П.С. Романов как истинный художник посвятил созданию

«художественной науки о человеке». За несколько лет до смерти он так напишет в своем дневнике о предназначении писателя: *«Именно художник имеет силу потому, что он не смотрит на то, что доступно всем. Он открывает тайну, которую, сами не подозревая, носят в себе его современники, тайну несовершенных* ***поступков****, невысказанных мыслей, переживаний, которые должны были бы совершиться и высказаться в какой-то перспективе, от какого-то толчка, которого не хватает в действительной жизни для их выявления. А художник прозревает их и без толчка, и без реального их выявления»* (26 августа 1934 г.) [1].

Для П.С. Романова *поступок* является своего рода откликом, ответом индивидуального сознания на изменения внешнего мира, поступок, который обнаруживает, выявляет сущность человека, его истинное лицо, некую духовную первооснову. Герой П. Романова рано или поздно совершает такой сущностный поступок, тем самым инициируя *«прорыв в бытие»*. Он выводит свой тип героя, совершающего *«прорыв»* в бытии с помощью *«ответственного поступка»* (М.М. Бахтин).

Совершенно очевидно, что с помощью поступка писатель рассматривает и оценивает *«героя»* своего времени. Подобных персонажей в произведениях писателя немного, причём они весьма своеобразны и не всегда совпадают с традиционным представлением о новом герое русской литературы послереволюционного времени.

«Новый герой» Романова, как правило, интеллигент. Он может быть разного происхождения. Нередко это выходец из крестьян, *«образовавший себя сам»*. Поставленные перед собою цели он открывает в себе, в собственной природе, но они по высоте и направлению совпадают с тем, что требует время. *«Великая эпоха есть великий дар и великая опасность: она ослепляет человека богатством своего содержания, его глаза видят перед собой готовое, данное направление, и он не имеет смелости искать своего направления. Отсюда великая эпоха для многих бывает и великой опустошительницей, так как человек, потеряв способность и смелость собственного отбора, начинает жить на готовом как в богадельне»* [2]. Новый герой раскрывает свою природу и превращает свою жизнь *«в осознанное им целое»*, в отличие от человека, у которого *«природа осталась в бездействии, нерождённой, который может «делать только то, что ему поручили»*, и у которого *«связи между его делом и его природой нет никакой»* [3].

Основные родовые признаки нового человека, по П.С. Романову — культура мысли и чувства. Культура как преобразующая сила внутреннего мира человека непосредственно связана с природой идеального. Она является некой ступенью к достижению высокой, конечной цели, своеобразного абсолюта. Поэтому П. Романов скрупулезно исследует вопрос об идеальном герое, пытается найти положительные свойства, исследует природу закономерного положительного типичного, свойственного русскому человеку. Как правило, положительный персонаж в рассказах Романова — это женский образ: лирические героини из рассказов «Один час», «Без черемухи», «Черные лепешки», «Кошка». При всем этом, главное, что объединяет положительных героинь П. Романова — это стремление к любви, поэтому для писателя основным положительным *«персонажем»* в его рассказах является любовь в ее абсолютном значении: любовь как милосердие, доброта, проявление человечности, сострадания. Любовь является как раз той самой культурой, преобразующей внутренний мир героев. Категория любви, безусловно, является созидающим началом, способным изменить мир, гармонизировать его. П. Романов хорошо понимал значение великой ценности любви как одухотворяющего начала. С необыкновенным даром он умел воссоздать поэзию влюбленности, трепетность, хрупкость чувства.

Особенно интересны романовские рассказы о любви, где повествование ведется от лица женщины. Писатель открывает нам сложный мир душевных переживаний своих героинь, многогранность и хрупкость их чувства. Герои и здесь до предела погружены в быт, опутаны паутиной условностей, предрассудков. Оттого взаимоотношения мужчины и женщины у Романова — всегда проблема морально-этическая, нравственная. Его персонажи попадают в такие нетрадиционные ситуации, когда весь предыдущий опыт их жизни (и даже опыт предшествующих поколений) оказывается бесполезным. Они переживают стресс от новизны происходящего с ними, пытаются вырваться за пределы привычного существования. Такова героиня рассказа «Один час», которой выпало счастье платонической любви к незаконному мужчине. Повествование построено в форме письма к подруге, но по существу это диалог

«перед зеркалом», разговор с собственным сердцем. Романов очень точно обозначает коварный вопрос совести — *«случается это с порядочными женщинами или нет?»* Этим вопросом писатель приглашает читателя к дискуссии.

В монологе-исповеди женщины отчетливо выделяются две главные линии: стремление доказать отсутствие *«пошлой истории»* и попытка убедить себя и окружающих в том, что она имеет право на подобные отношения с мужчинами. Писатель выстраивает повествование, представляющее собой подробнейший отчет о происшедшем событии. Обращает на себя внимание тот факт, что героиня заранее настраивает себя на что-то необычное, яркое, разрывающее тесный круг ее семейного бытия. Для этого она едет в столицу, захваченную суетой военных лет, ощущением возможной катастрофы и близостью смерти. Именно в этой апокалипсической атмосфере, по точному определению героини, *«все сдерживающие скрепы жизни порвались»*.

Обстоятельства знакомства и сближения героини и героя подчеркнуто неоднозначны. И то и другое происходит не случайно, а инициируется героиней. Ей стоит немало усилий убедить незнакомца в невинности своего поведения. Но взаимное соглашение о платонических отношениях становится возможным лишь благодаря глубокому внутреннему убеждению женщины в чистоте собственных помыслов. На самом деле игры и фальши не было, однако, стихийная раздвоенность чувств героини поначалу имеет место. Она словно скользит по грани между духовным и плотским. В дальнейшем она возьмет под контроль свои эмоции и подчинит их строгим рамкам *«двухстороннего договора»*. Тем не менее ощущение *«грани»* сохраняется до самого конца и придает платоническим отношениям необычайную свежесть и остроту.

Читая рассказ Романова, невольно вспоминаешь рассказ И.А. Бунина «Солнечный удар». Произведения П.С. Романова и И.А. Бунина отделяет друг от друга почти десятилетие, но сюжетное время и особенно эмоциональная атмосфера того и другого очень близки. Бунин также пишет о неожиданном, кратковременном всепоглощающем счастье, которое стало возможным вдали от дома, семьи, знакомых, — счастье, украденном у судьбы. Иван Алексеевич как будто полемизирует с Романовым. Его история — гимн страсти.

Обращает на себя внимание перекличка в репликах, схожесть в ощущениях, сознание того, что все происшедшее не может существовать в реальности дольше одного мгновения. При этом положение героинь, с нравственной точки, зрения не одинаково. Бунинская героиня переступила черту, романовская — нашла наслаждение в балансировании на грани. В результате одна получила солнечный удар, другая же открыла мир, ведущий к преодолению человеческого одиночества. Именно поэтому незнакомка из «Солнечного удара» немного смущена, проста, уже рассудительна. Того же мы не можем сказать о героине «Одного часа», которая взволнована, смятенна. *«Моя душа полна до краев,* — говорится в ее письме. — *Я буду сейчас сидеть одна на диване, накинув на плечи шубку и жить этой удивительной встречей»* (217). Страсть опустошает, не пробуждая творческой духовной энергии. Поэтому Бунин ничего не пишет о чувствах своей героини после расставания с офицером, романовская же героиня, напротив, раскрывается в мысленном переживании совершившегося.

При сопоставлении двух рассказов нельзя не отметить того, как меняется расстановка смысловых акцентов в связи с иным распределением ролей между персонажами. У Бунина история дана глазами мужчины, она и в самом деле отличается *«жгучей жизненностью»* (И.А. Бунин). Но в основе своей любовная страсть бунинского персонажа эгоистична, одномерна: мир вокруг поручика вспыхивает всеми красками и гаснет под влиянием мощного инстинкта, уничтожающего гармонию в душе героя. Казалось бы, по общему эмоциональному тону ему ближе романовская героиня, но это не так. Платоническая любовь вызвала у женщины *«цветение души»*, раскрывшейся навстречу всему сущему, а поручик уезжает, *«чувствуя себя постаревшим на десять лет»*.

Наконец, источники духовной энергии у писателей разные. *«В коллизии и в самой идее бунинской темы любви,* — пишет Н.М. Кучеровский, — *выражено общее представление писателя о жизни: катастрофичен мир, катастрофично чувство и сознание человека, радость бытия мгновенна, она — величественна и в то же время ничтожна перед вечной печалью идеи «последней смерти»»* [4].

В рассказе «Без черемухи» автор говорит об утрате любви как великой нравственной ценности. В этом произведении девушка, в отличие от героини из рассказа «Один час»,

переходит грань платонических отношений, но при этом она даже не влюблена, а лишь заинтересована. Однако она одна из немногих, кто совершенно четко понимает и видит правду жизни, она не стесняется размышлять вслух и говорить открыто о чувствах. Для нее любовь не есть физика, как для остальных персонажей, а является все же категорией эстетической. Рассказ представлен как монолог, автор вновь обращается к эпистолярной форме. Героиня делится впечатлениями о происшедшем событии со своей знакомой и как будто со всеми нами: *«Нынешняя весна такая пышная, какой, кажется, еще никогда не было. А мне грустно, милая Верушка...Я буду мужественна и* ***расскажу*** *тебе все»* [5]. Исповедь героини в изложении автора строится на излюбленном для писателя приеме антитезы, где грязь и нищета окружающего внутреннего мира противопоставляется видимой красоте внешнего: *«У нас принято относиться с каким-то молодеческим пренебрежением ко всему красивому, ко всякой опрятности и аккуратности как в одежде, так и в помещении, в котором живешь.*

В общежитии у нас везде грязь, сор, беспорядок, смятые постели. На подоконниках — окурки, перегородки из фанеры, на которой мотаются изодранные плакаты, объявления о собраниях. И никто из нас не пытается украсить наше жилище...

Вообще же нам точно перед кем-то стыдно заниматься такими пустяками, как чистое красивое жилище, свежий здоровый воздух в нем. Не потому, чтобы у нас было серьезное дело, не оставляющее нам ни минуты свободного времени, а потому, что ***все связанное с заботой о красоте мы обязаны презирать. Не знаю, почему обязаны.***

Это тем более странно, что ведь наша власть, нищая, пролетарская власть, затрачивает массу энергии и денег, чтобы сделать именно все красивым: повсюду устроены скверы, цветники...Вся Москва блещет чистотой оштукатуренных домов...» [6].

В этом произведении, как и во многих других рассказах Романова, все сомнения и вопросы, возникающие у героев, определенно рисуют картину не столько конкретного места и времени, сколько психологическую картину закономерных поступков человека.

В поисках своего положительного героя Романов П.С. все время сопоставляет в человеке грани истинного и ложного, внутреннего и внешнего, высшего и низменного. И здесь для писателя важна причина и поступок его героев. Он смотрит в корень проблемы, для него важно не столько *«что»*, сколько *«почему»* так происходит.

Примечания

1. *Романов П.С.* Из дневников и записных книжек // Пантелеймон Романов. Наука зрения. М., 2007. С. 257.
2. *Романов П.С.* Полное собрание сочинений. Т.8. М., 1928. С. 132.
3. *Там же.* С. 74, 90, 91.
4. *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин и его проза (1887—1917). Тула, 1980. С. 209.
5. *Романов П.С.* Избранные произведения. М., 1988. С. 185—186.
6. *Там же.* С.186.

НАШ ЗЕМЛЯК П.М.ГОЛУБИЦКИЙ

В.В.Щербаков*, к.т.н., НЦЛМиТ Института общей физики РАН, г.Таруса*

Имя П.М.Голубицкого (1845—1911 г.г.) широко известно калужанам. В последние годы о нем издано несколько книг. В школах его жизнь и деятельность является одной из тем сочинений. В здании Калужского филиала «ЦентрТелеком» установлен бюст изобретателю. Павлу Михайловичу присвоено звание «Почетный гражданин Калужской области».

П.М.Голубицкий окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета и служил судьей, а в последние годы земским начальником. Службу начал на своей родине в городе Корчева, но большей частью в городе Тарусе. Необходимо отметить, что государева служба не была смыслом его жизни, Павел Михайлович посвятил себя телефонии — передовой в то время области науки и техники.

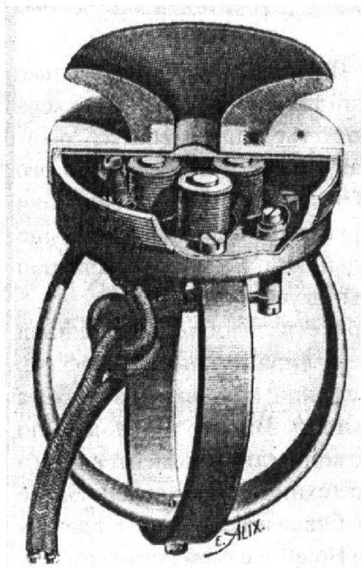
Узнав об изобретении А.Белла, он повторил его телефон, дотошно исследовал и понял причины его некачественной работы. Работая в то время, а это 1876—1881 годы в Бендерах на строительстве железной дороги, он имел возможность изготавливать свои, изобретенные телефоны в железнодорожных мастерских. Так родился его знаменитый многополюсный телефон. Изобретатель в своих патентах защитил семь видов многополюсного телефона (ил. 1) и это его детище до сих пор работает в современных телефонных аппаратах.

Авторство своих новаций Павел Михайлович затвердил патентами российскими, французскими и немецким. Издал пять книг. Довольно часто выступал с докладами, лекциями и демонстрацией своей техники.

Не имея возможности подробно описать все его творения, ограничимся лишь кратким перечислением наиболее существенных. Им изобретены: различные варианты многополюсных телефонов, в том числе и для громкой передачи; телефон-вибратор; телефон-фонограф; микрофон с гребенчатым расположением углей; микрофон с угольным порошком; микрофон-зеркальце; телефонная трубка с телефоном и микрофоном; телефонная головная гарнитура; рычаг переключения телефонного аппарата с вызова на разговор и обратно; поездной телефонный аппарат; железнодорожный сигнальщик на два направления. Вершиной творчества изобретателя является система центральной батареи для питания абонентских телефонных аппаратов, которая позволила упростить и автоматизировать телефонную связь. По этим вопросам имеются подробные документы.

Телефонная техника Голубицкого работала в губернском городе Калуге, в городе Екатеринославле, в г. Харькове и в г.Санкт-Петербурге, а также на Николаевской и Московско-Курской железных дорогах и в других местах.

Павел Михайлович вел большую общественную деятельность. Будучи земским начальником он являлся в различные годы: членом уездного съезда; гласным губернского земского собрания; гласным уездного земского собрания; членом уездного училищного совета; директором тюремного отделения; членом ревизионной комиссии Общества Красного Креста; заместителем председателя уездного Общества народной трезвости; членом уездного по питейным делам присутствия; участковым попечителем уездного комитета попечительства о народной трезвости. В течении нескольких лет был членом церковного братства во имя Божьей Матери «Взыскание погибших» и святых апостолов Петра и Павла.



Ил.1. Многополюсный телефон.

Голубицкий был дружен и оказывал посильную помощь известным историческим личностям — К.Э.Циолковскому, В.Д.Поленову, С.В.Ковалевской.

Поскольку конференция краеведческая, остановимся подробнее на нашей работе по исследованию жизни и деятельности П.М.Голубицкого. Живя в Тарусе, невозможно не заняться Голубицким, ведь у нас многое напоминает о нем.

Прежде всего, это село Почуево, родовое имение Голубицких, где Павел Михайлович создал первую в России мастерскую (по меркам того времени — завод) по изготовлению телефонной техники, где было создано около 100 изделий. Там же была богатая техническая библиотека и исследовательская лаборатория. В городе Тарусе пока еще сохранились несколько зданий, где проживал, работал или часто бывал у своих друзей изобретатель. Деревни, села Похвистнево, Бояково, Сутормино, бывшие во владении у Голубицких, до сих пор существуют.

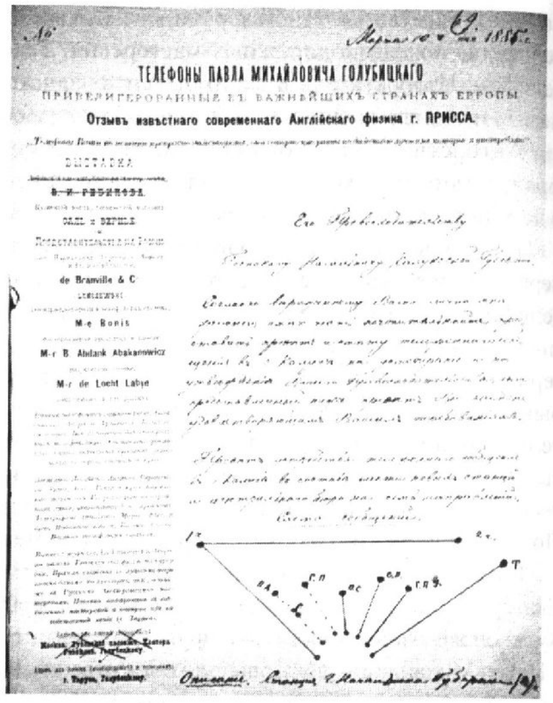
В селе Салтыково, где провела последние годы жизни семья Голубицких, совсем недавно уничтожены последние следы господского дома, но еще сохранился пруд, бывший перед фасадом дома. И могила изобретателя тоже на Тарусской земле, на погосте бывшего Спас-Городца, сейчас под участками дачников города Протвино.

В недавно изданной издательством «Фридгельм» книге вашего покорного слуги, называемой просто «Голубицкий», целая глава посвящена краеведческой работе. Изначально перечислим, что же новое об изобретателе удалось узнать за прошедшие 25 лет работы в архивах Калуги,

74 Зак. 2219

Санкт-Петербурга, Твери и других городов, а также в частных беседах.

В Российском Государственном историческом архиве СПетербурга найдено свидетельство о рождении Павла в городе Корчева (Ф. 1343. Оп. 19. Д. 2856. Л. 28). Удалось узнать чем же занимался П.М.Голубицкий после окончания университета — он работал судьей в своем родном городе Корчева. Установлено имя матери Павла — Александры Павловны Дерюшкиной, известны ее владения в тверской губернии и удалось побывать на месте ее господского дома и даже привезти с этого места мемориальные вещи. Также мемориальные вещи получены от наследников управляющего имением Голубицких в Салтыково и выяснены подробности семейной жизни изобретателя. Известно, какие государственные награды имели дед, отец и Павел Михайлович — всего шесть наград. В ГАКО найдены два уникальных для нас дела — о телефонизации города Калуги (Ф. 32. Оп.1. Д. 1553) и об уходе П.М.Голубицкого на пенсию (Ф. 266. Оп.1. Д. 10953). В первом имеется несколько фирменных бланков Голубицкого как изобретателя телефонной техники (ил.2), и изложена вся история правительственной телефонной связи Калуги. Дело об уходе на пенсию содержит массу принципиально новой информации о Павле Михайловиче и его семье, о его дружественных отношениях с Калужским губернатором С.Д.Горчаковым — ведь они были одновременно земскими начальниками на соседних участках Тарусского уезда. Просмотрено более 100 дел, которые вел Голубицкий, служа земским начальником. Впору на основе этой информации снимать художественный фильм о жизни его и жителей Тарусского уезда.


ТЕЛЕФОНЫ ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ГОЛУБИЦКАГО

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ВЪ ВАЖНЕЙШИХЪ СТРАНАХЪ ЕВРОПЫ

Отзывъ извѣстнаго современнаго Англійскаго физика г. ПРИССА.

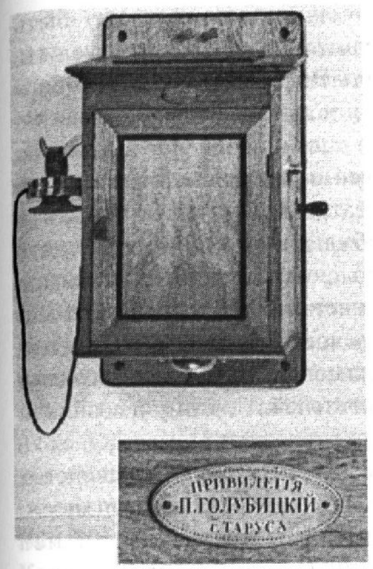
Ил. 2. Фирменный бланк П.М.Голубицкого.

Найдены две, ранее неизвестные исследователям творчества изобретателя книги Голубицкого и несколько статей в журналах. Установлены три вида научно-технической деятельности Голубицкого: переводы статей и даже книг по телефонии; поставка из-за рубежа электро- и телефонной техники; рационализаторская деятельность. Все это ранее не было известно. В различной переписке изобретателя найдено много конкретных моментов по его изобретательской деятельности и проведению испытаний его техники. Установлено более 70-ти лиц, находившихся в родственных связях с Голубицким. Стало известно, где в течении двух лет чета Голубицких проживала в Париже — это отель «Le Hotel» в самом центре города. Известны подробности последних дней, часов жизни изобретателя и многое другое.

С целью популяризации имени Павла Михайловича Голубицкого опубликовано в местной и центральной печати около 60-ти статей и очерков, проведено более 15-ти выставок с демонстрацией его техники. Его именем названы улицы в городе Тарусе и селе Салтыково, последнем месте жительства изобретателя. На здании Тарусского узла связи установлена мемориальная доска, а в здании КФ «ЦентрТелеком» его бюст.

Издан буклет и две книги об изобретателе, причем в последней — «Голубицкий», изданной в 2008 году, приведены полностью его патенты, что очень важно для историков техники и специалистов. Создан и издан Каталог частного собрания документов и вещей по Голубицкому. Изготовлено два макета телефонной техники Голубицкого: настенный телефонный аппарат с микрофоном на угольных стержнях (ил.3), подлинный образец которого хранится в Центральном музее связи Санкт-Петербурга и действующий микрофон-зеркальце на угольном порошке.

Телекомпаниями Калуги и Протвино снято четыре фильма об изобретателе. «ЭЛЕКСом» утвержден «Почетный знак» — настольная памятная медаль Голубицкого, которая ежегодно вручается за производственные достижения связистам и другим лицам и организациям,



Ил. 3. Макет телефонного аппарата, изготовленный в Тарусе.

способствующим развитию корпоративной культуры. Учреждены стипендии и гранты имени Голубицкого студентам ВУЗов. В 2001 году Постановлением Законодательного собрания Калужской области П.М.Голубицкому присвоено звание «Почетный гражданин Калужской области». На берегу реки Протвы, недалеко от могилы изобретателя установлен памятный крест с мемориальной доской.

Главный вопрос — создание постоянно действующей экспозиции об изобретателе, несмотря на многочисленные попытки общественности города Тарусы, не находят отклика у власть имущих. Наилучший вариант — это открытие музея научно-технической мысли в Тарусе. В этом музее можно показать, рассказать о жизни и деятельности П.М.Голубицкого, В.З.Власова, Г.В.Вульфа и современных предприятий СКБ КП ИКИ РАН и ИОФ РАН.

Литература и источники

1. *Яроцкий А.В.* Павел Михайлович Голубицкий. М.: «Наука», 1976.

2. *Голубицкий П.М.* Каталог частного собрания В.В.Щербакова. М.: ЦП «Васиздаст», 2006.

3. *Щербаков В.В.* Голубицкий. Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2008.

4. ГАКО. Ф.30. Оп.6. Д.1814. Д.2053; ф.32. Оп.1. Дд.1553, 2099, 2607. Оп.13. Д.4593. Оп.19. Д.1270; ф.33. Оп.3. Д.1094. Оп.5. Дд.5, 6; ф.43. Оп.2. Д.1262; ф.58. Оп.8. Д.5; ф.62. Оп.5. Д.2151. Оп.15. Дд.1015, 1196, 3215; ф. 66. Оп.2. Дд.2144, 2315, 2322, 2364; ф.86. Оп.5. Д.268; ф.266. Оп.1. Дд.37, 2038, 5717, 9092, 10953; ф.490. Оп.1. Д.1; ф.505. Оп.1. Д.1; ф.642. Оп.1. Д.1; ф.Р-10. Оп.1. Д.19; ф.Р-3562. Оп.1. Дд.43, 168.

5. Российский Государственный исторический архив в г. С-Петербурге. Ф.577. Оп.13. Дд.2517,2518; ф.1289. Оп.2. Д.416; ф.1291. Оп.30. Д. IIВ. Гр.31; ф.1343. Оп.19. Д.2856.

6. Центральный Государственный исторический архив С-Петербурга. Ф.14. Оп.5. Д.2951; ф.381. Оп.2. Д.1. Оп.3. Д.1. Оп.6. Д.4. Оп.13. Д.3062.

7. Государственный архив Тверской области. Ф.11. Оп.1. Д.502; ф.20. Оп.1. Д.3811.

8. Государственный архив города Кимры. Ф.202. Д.12.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКОНОВ МАРКЕТИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

***К.В. Обухова**, н.с., Калужский областной художественный музей*

В наше время музейное дело как в нашей стране, так и за рубежом, проходит период существенных изменений. Традиционно музей, возникнув как существенная часть реализации концепции, выдвинутой философами-просветителями XVIII века, позиционировался как храм искусств, как неприкосновенная сокровищница лучших произведений человеческой культуры. Музей должен был не развлекать, а обучать — обучать искусству, истории.

В постиндустриальном обществе в связи с небывалыми доселе возможностями распространения информации особое значение получает индустрия развлечений. Массовая культура, бывшая в предыдущие века уделом черни, к концу XX века начинает доминировать и превращается в индустрию, становится частью рынка услуг. Музеи сейчас так или иначе постепенно становятся частью рынка услуг.

Богатства, хранящиеся в музеях, в представлении большинства перестают быть самоценными. Людей все больше привлекают не столько сами по себе товары и услуги, сколько их символическое значение. Зачастую оно даже начинает затмевать по значимости сами товары и услуги. Поэтому в конце XX века возникает и получает большое развитие философия постмодернизма с ее понятием симулякра[1] и доведения игрового начала человеческой деятельности до абсолюта. Большинство людей, приходящих, например, в театр, мало разбираются в театральном искусстве. В театр ходить престижно, это возможность красиво одеться, «на других посмотреть и себя показать». В музей ходить непрестижно, это традиционно место, где простому обывателю просто скучно. Ему и раньше было скучно. Но долгие годы существовало устойчивое представление: это обязательно надо сделать, чтобы считаться образованным и культурным человеком. Сейчас это уходит. В сложившейся ситуации назрела необходимость формирования нового, позитивного имиджа музея и более активного, нежели прежде, привлечения посетителей. Поэтому и возникло понятие музейного маркетинга.

О музейном маркетинге сейчас говорят очень много. И не только говорят. Большинство ведущих музеев применяет законы маркетинга на практике. Исключением не стал и наш музей.

Что же такое маркетинг и насколько его принципы применимы к музейной работе? Маркетинг — понятие сугубо рыночное. Музейный маркетинг (когда речь идет о музее государственном) — понятие достаточно расплывчатое. Хотя определений маркетинга в целом существует несколько сотен, четкого определения музейного маркетинга нет.

В начале 1980-х годов маркетолог Мак-Картни выдвинул ставшую популярной концепцию «Четыре Пи» маркетинга: *product* (планирование товарного ассортимента), *price* (формирование ценовой политики), *place* (определение рынков сбыта) и *promoting* (продвижение товара)[2]. Но, пожалуй, наиболее точно сущность маркетинга определяет американец Б.Ф. Гудрич: «Маркетинг — это процесс определения, предсказания и создания потребительских потребностей и желаний и организации всех ресурсов компании для удовлетворения их с большей прибылью для компании и потребителя»[3].

Говоря кратко, маркетинг — это исследование спроса, выпуск продукта, удовлетворяющего этому спросу, и его продвижение, т.е. рекламная и PR-кампании.

Под музейным маркетингом обычно подразумевают применение маркетинговых принципов в музейной деятельности. Однако не совсем понятно, каковы характерные особенности музейного маркетинга. Ведь музей — это государственное учреждение со своей спецификой. И особенности должны быть.

Итак, одна из составляющих маркетинга — наличие продукта. Какой продукт может предложить музей? Несомненно, свое собрание. Собрание Калужского областного художественного музея привлекательно для зрителей. Оно насчитывает более десяти тысяч единиц хранения, среди которых уникальные произведения древнерусского, русского и западноевропейского искусства XVI—XXI веков. Постоянная экспозиция дает представление об основных направлениях русской живописи второй половины XVIII—XX веков. Коллекция западноевропейской живописи и графики более отрывочна, но зато представлена такими именами, как Веронезе, Рубенс, Ватто, Доменикино, Корреджо, Буше… Экспонатом можно назвать и само здание музея — одно из красивейших в городе, принадлежащее к лучшим образцам так называемого купеческого ампира начала XIX века.

Итак, первая особенность музейного маркетинга в том, что основной продукт уже есть. Мы можем предложить только музей и только уже имеющуюся коллекцию. И строить маркетинговую политику должны исключительно на приобщении к тому, что имеем.

Наш музей находится в непростой для всех музеев ситуации отсутствия разработанного туристического маршрута. В данный момент ему приходится строить свою маркетинговую политику, рассчитывая преимущественно на местных жителей.

А для этого надо постоянно привлекать к себе внимание, создавая информационные поводы. Что это могут быть за поводы? В первую очередь, это, конечно же, выставки. Причем необходимо, чтобы выставочные проекты были направлены на определенную целевую аудиторию, с которой бы проводилась целенаправленная работа по привлечению на выставку. А для этого зачастую нужно (особенно когда целевая аудитория — дети), чтобы выставка сопровождалась интерактивными акциями.

Получается, есть продукты, которые музей может создавать. И здесь уже можно и даже необходимо ориентироваться на потенциальных потребителей продукта, проводить опросы и выявлять потребности. Калужский художественный музей провел в 2008 году такой опрос. В нем приняло участие 252 человека, посетители выставки «Возрожденные шедевры. Живопись, графика и скульптура из фондов музея». В числе прочего посетителям предлагалось высказать свои предложения для сотрудников музея. Среди них 40 % составили предложения по выставкам. Все они сводились к пожеланиям чаще видеть выставки из фондов музея и из других музеев, как старых мастеров, так и современных художников.

Успех гарантирован почти всем выставкам из фондов. Ведь в понимании многих это единственный шанс увидеть необыкновенные богатства, хранящиеся в недрах музея. А Калужскому художественному музею есть что показать. Ведь из-за катастрофической нехватки выставочных площадей многие действительно ценные и уникальные в свом роде произведения искусства постоянно хранятся в фондах. Единственная возможность показать их калужанам и гостям города — устроить выставку работ из фондов. В 2008, юбилейном для музея, году таких выставок было три: «Возрожденные шедевры», «Николай Ярошенко. Образы эпохи» и «Слово и образ. Библейские сюжеты глазами художников разных эпох». Выставкой «Великие и забытые. Западноевропейское искусство XVI—XIX веков из собраний Калужского областного художественного музея и Тульского музея изобразительных искусств» открылся в 2008 году долгоиграющий совместный проект с тульскими коллегами. Рассчитан он на несколько лет, в течение которых и калужане, и туляки смогут посмотреть также живопись русских мастеров, произведения декоративно-прикладного искусства.

Все перечисленные проекты состоялись в рамках празднования музеем девяностолетия. Юбилей — очень хороший информационный повод. Он создает дополнительные возможности для развития, информационные и финансовые. И поэтому в юбилейный год мы решили показать все самое лучшее, что есть в нашем музее. Все то, чем он по праву гордится. В 2008 году удалось реализовать разные проекты. Впервые прошли виртуальные выставки на сайте музея. На средства спонсоров был снят фильм о музее «Храм и форум». Появилась новая услуга — аудиогид. Музей принял участие в международной акции «Ночь музеев» и в ежегодном фестивале «Интермузей».

Эффективный маркетинг невозможен без привлечения СМИ. Музей создает информационные поводы, которые привлекают журналистов, которые, в свою очередь, создают ему рекламу. Музей активно сотрудничает с телекомпаниями «ГТРК «Калуга» и «Ника ТВ», с областным радио, с печатными изданиями: «Газета Калужской области «Весть», «Калужский перекресток», «Знамя», «Жить хорошо», «Телесемь», «МК в Калуге», а также с московскими изданиями: «Мир музея», «Музей», «Наше наследие» и другими, англоязычным журналом «Russia Profile». Все наши проекты освещаются в областных средствах массовой информации. Музей постоянно работает с информационным агентством «Рейтерс». На Областном радио, на ГТРК «Калуга» и в газете «Весть» в 2008 году состоялась серия сюжетов, посвященных истории музея, его коллекции и работе сотрудников. Информация о нескольких выставках прошла в «Афише» телекомпании «Культура». Фильм «Храм и форум» музей подарил областной телекомпании «Ника ТВ», которая неоднократно передавала его в эфире. Сюжеты о праздновании юбилея, а также об участии музея в межрегиональном проекте «Европейская история», были показаны в вечерних «Новостях» с Владиславом Флярковским на телеканале «Культура».

В 2008 году о выставках и иных мероприятиях музея вышло более пятидесяти публикаций как в калужских, так и во всероссийских и даже международных СМИ. Словосочетание «Калужский художественный музей» было упомянуто в сети «Интернет» 157 000 раз. Это и пресс-релизы мероприятий, разосланные во все основные электронные СМИ, и электронные версии статей, новостных выпусков, и информация о книжной продукции музея и т.д.

Музейный маркетинг мало отличается от маркетинга обычного. И в современной ситуации, когда музей вынужден конкурировать на рынке развлечений, без маркетинга ему не обойтись. И в нашем музее проводятся социальные исследования, выпускается продукт, удовлетворяющий потребительскому спросу, и организуется его продвижение. Однако все же главная особенность музейного маркетинга должна находиться в сфере этики. Она связана с этической составляющей музейной деятельности. Музей не может работать лишь на

75 Зак. 2219

прибыль, привлекая клиентов любой ценой. Привлекая посетителей, музей должен оставаться храмом искусства.

Примечания

[1] О понятии «симулякр», одном из центральных для философии постмодернизма, см.: *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2007.

[2] *Котлер Ф.* Маркетинг. Менеджмент. Анализ, планирование, внедрение, контроль. СПб., 2000. С.12.

[3] *Потапов Д.* Маркетинг продаж. М., 2007. С. 21.

ПРОБЛЕМА ОЦИФРОВКИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

***Н.И.Маилова**, н.с., Калужский областной художественный музей*

В фондах музеев хранится большое количество уникальных собраний культурных и художественных ценностей. Основная задача музеев — обеспечить их сохранность и доступность. Однако, сохранность и доступность — это противоречивые задачи, так как для доступности фондов надо увеличивать обращение к ним, а для сохранности необходимо ограничивать доступ к оригиналам и не тревожить их в специализированных хранилищах. Решение такой противоречивой задачи возможно только через оцифровку музейных предметов и коллекций с последующим архивированием массивов графических образов[1]. Сведения об уникальных фондах, коллекциях и редких изданиях бережно передаются музейными работниками из поколения в поколение и накапливаются в музейных документах. Сегодня эту бесценную информацию необходимо сохранить, обеспечить ее оперативную доступность и удобство использования.

Инвестиции в оцифровку без соответствующей стратегии сохранения цифровых ресурсов могут оказаться потерянными. Проблема сохранения цифровых ресурсов является жизненно важной для информационного общества, в котором объем ресурсов растет, а ресурсы становятся все более и более динамическими. Серьезным фактором является скорость технологического прогресса и быстрое моральное старение оборудования, технологий и носителей. Сохранение цифрового материала требует также новых методов работы и переподготовки персонала. Реальная стоимость долговременного сохранения цифровых информационных ресурсов неясна. Однако, очевидно, что в силу ограниченности финансовых средств необходим отбор материала, который должен быть сохранен. До сих пор научные исследования в области сохранения цифрового наследия носили ограниченный характер. Основная задача — сделать эту деятельность экономически эффективной и доступной. Другая задача — развивать исследования и разработки в области сохранения больших объемов быстро изменяющейся информации. Прогресс в связанных с этим областях обеспечит доступность информации и возможность ее последующего использования[2].

Специализированные комплексы высококачественного сканирования позволяют переводить в цифровой вид документы любых форматов и типов: от 35мм слайдов до полотен А0. Бесконтактная технология сканирования, а также отсутствие инфракрасного и ультрафиолетового излучения обеспечивает сохранность оригинала. Возможна оцифровка объемных объектов: картин (без извлечения из толстой рамы), медалей, печатей, тиснений, композиций предметов. Точно воспроизводятся все особенности объекта, включая характер и внешний вид, визуальные особенности текста и иллюстраций, следы времени, пользования и др. Полученные высококачественные изображения могут быть записаны на оптических дисках в виде иллюстрированных каталогов, использованы для дальнейшей полиграфической печати.

Эффективно решать проблемы сохранности библиотечных фондов, исторических и культурных памятников письменной и печатной культуры возможно только при объединении

усилий фондохранителей и специалистов в области разработки и поставки специализированного оборудования и современных технологий реставрации и консервации бумажных документов. Реставрация исторических ценностей требует не только высокой квалификации от работников музеев и реставрационных мастерских, но и качественного специализированного оборудования, которое, в сочетании с опытом реставраторов, продлит жизнь старинным экспонатам[3]. Очень большое внимание уделяется оцифровке именно для нужд реставратора. Файлы должны быть наилучшего качества.

Процесс архивации цифровых изображений и других цифровых форматов не до конца изучен. К сожалению, на данный момент очень отличается качество производимых оптических носителей. На дешёвых CD и DVD матрицах записанная информация, скорее всего, будет храниться не дольше 2—3 лет; были случаи, когда при хранении в домашних условиях и вблизи электромагнитных волн, уже через 1 год стал крошиться защитный слой матрицы[4]. В свою очередь, дорогие CD и DVD матрицы уже смогли себя зарекомендовать и обеспечить сохранение данных в течение большего времени. Интересен ещё тот факт, что приобретая носители оптической информации, необходимо уделять внимание не столь марке производителя, сколько определённому заводу, который производит носитель информации. Так как качество одной и той же марки произведённой на разных заводах может сильно отличаться. При организации хранения CD и DVD должны быть выделенные хранилища, специальные помещения, мониторинг и контроль условий хранения, количественные оценки фондов CD и DVD. Поскольку повышенная влажность резко сокращает срок службы оптических дисков и микроорганизмы в условиях повышенной влажности воздуха разрушают оптические диски. Есть и плюсы: световое излучение в области видимого спектра и ближнего УФ не оказывают отрицательного влияния на читабельность информации, записанной на CD, DVD. Диски обладают вибростойкостью, ударопрочностью, стойкостью к истиранию рабочей поверхности.

Каким бы образом цветное изображение ни попало в компьютер, ему обязательно придется пройти стадию оцифровки. Этот процесс выполняется сканером при вводе отпечатанных фотографий или слайдов. Он же имеет место в наисовременнейших профессиональных цифровых фотокамерах. Сложный реальный цвет в компьютере (как и при печати) составляется из нескольких основных цветов. Эти основные цвета образуют цветовую модель, которая чаще всего и называется сокращенно по их первым буквам. Так, в модели RGB все цвета являются производными от сложения трех основных — красного (Red), зеленого (Green) и синего (Blue). Именно эта модель используется большинством устройств ввода изображений при считывании реальной картинки, то есть составляющие ее цвета раскладываются на некоторые доли красного, зеленого и синего. После ввода изображения в компьютер, то есть его оцифровки, сразу же следует проверить, насколько качественно были сняты основные цвета, или каналы[5]. Средства редактирования цифровых изображений вносят точность в процесс настройки цвета для вывода на печать. Цифровые инструментальные средства позволяют согласовать цвета высококачественных оригиналов или добиться максимального улучшения не слишком хороших изображений.

С момента появления настольных компьютерных технологий началась демократизация процесса редактирования изображений, что привело к опасной неоднозначности терминологии. Так, мы употребляем термин «коррекция цвета» с легкостью, которая заставляет вздрогнуть опытных профессионалов в области цветоделения. Появление расплывчатой терминологии связано с увеличением открытости этой области деятельности. С технической точки зрения цифровую настройку цвета можно разделить на два основных вида: балансирование цвета и коррекция цвета.

Балансирование цвета имеет отношение ко всем настройкам, которые можно делать в цветовом пространстве RGB или CMYK, используя кривые, уровни и другие инструментальные средства, позволяющие управлять уровнями тонов методом «канал за каналом». Методы балансирования цвета изменяют отдельные цвета, но таким способом, который воздействуют и на другие цвета в изображении. Конечно, перераспределение само по себе творит чудеса, позволяя скрывать нежелательный цвет, пряча его в тоновые диапазоны, где он не так заметен, или концентрируя его в тех областях, где его присутствие дает наибольшую выгоду.

Коррекция цвета относится только к манипуляциям, которые изменяют цвет без воздействия

на другие цвета — например, фактическое удаление красного, зеленого или желтого цветов из изображения. Такую корректировку можно сделать только в цветовых моделях, базирующихся на световом определении цвета, как, например, HLS, или с использованием средств, которые моделируют корректировки типа HLS (функции Hue/Saturation, Replace Color или Selective Color в Adobe Photoshop)[6].

В настоящее время существует огромное количество различных графических форматов. Каждый тип файлов имеет свои достоинства, знание которых может сильно облегчить работу. Рассмотрим 3 из них: JPEG-файлы являются наиболее эффективными с точки зрения использования дискового пространства. Их можно сохранить с несколькими степенями качества, зависящими от использованного коэффициента сжатия. Существует возможность использовать файлы маленького размера, в которых не сохраняются детали, или файлы большого размера, содержащие максимум информации об исходном файле[7]. Изображения в TIFF-формате при сжатии не теряют и бита информации. Это самый распространенный на сегодняшний день в издательском деле графический формат. Изображения в RAW-формате имеют следующие особенности: при сохранении данных применяются алгоритмы сжатия, не приводящие (в отличие от сжатия в формате JPEG) к потере качества изображения; размер файла, как правило, превышает размер аналогичного изображения, сохраненного в формате JPEG, но оказывается меньше, чем при сохранении в несжатом формате, например, TIFF; данные об изображении хранятся отдельно от параметров его обработки, например, данных о коррекции цвета или подавлении шумов.

Слово RAW можно перевести с английского как «сырье» или «исходный материал», что довольно точно передает смысл использования этого формата. Для обработки изображений в формате RAW потребуется программа, способная преобразовать изображение в формат, распознаваемый другими программами, в том числе и графическими редакторами[8].

Конечно, в условиях обычного провинциального музея сложно выстроить систему оцифровки предметов на высоком уровне. Однако, можно создать условия для формирования банка изображений, полученных с помощью того оборудования, которое имеется в данном музее.

[1] http://www.adit.ru/rus/pulication/web/paper.asp?nomer=%c02001026.

[2] Браккер Н.В., Куйбышев Л. Оцифровка культурного и научного наследия//Оцифровка, доступ и сохранение цифрового культурного и научного наследия: новые инициативы Европейской комиссии.

[3] http://www.artstor.ru/muz/uslugi_02.shtm.

[4] http:// photo-element.ru/analysis/archives/archives.html. Дмитрий Мокеев. Автор является старшим экспертом аудио и фото отдела Латвийского государственного кинофотофонодокументного архива

[5] http://www.woweb.ru/publ/22-1-0-106/.

[6] http://ppress.narod.ru/color3.html.

[7] Буш Д. Цифровая фотография. М.:Эксмо, 2007. 480 с.

[8] http://www.fotodi.ru/books-obzor.php?id=43. *См.:* Солоницын Ю.А. Формат RAW — новые возможности коррекции фотоизображений.

РЕБЕНОК В МУЗЕЕ. ЦЕЛЕВЫЕ МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ СЕМЕЙНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ САДОВ. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

***А.Н. Бурылева**, зав.отд., Калужский областной художественный музей*

Музеи обладают бесценными коллекциями. Это национальное богатство, которое должно быть доступно каждому. Сохраняя свою изначальную функцию — хранилища культурных и материальных ценностей, музей становится общественно-значимым учреждением, культурным, образовательным центром для любой аудитории посетителей. Осуществляя просветительскую и образовательную деятельность, Калужский областной художественный музей стремится

Уроки мастерства в музее.

к расширению музейной аудитории через новые просветительные и интерактивные программы.

В сложившейся практике наша аудитория делится на следующие группы: дошкольники, младшие школьники, средний и старший школьный возраст, студенты, взрослые. Я поделюсь опытом работы с такими категориями, как родители с детьми и дошкольники — воспитанники детских садов.

В ритме современной жизни у родителей не остается времени для общения с ребенком; некоторые из них не успевают заметить, как он растет, развивается, чем интересуется. Многие родители осознают эту проблему и стремятся исправить положение. Проведение совместных занятий с детьми и их родителями в залах нашего музея — это еще одна попытка создать ситуацию для их тесного духовного, творческого общения.

Для привлечения данной категории посетителей в музей мы используем метод целевых социальных проектов с использованием интерактивных программ.

На период новогодних праздников музей предлагает калужанам рождественские экскурсии. «Рождественские экскурсии в музее» — это социальный музейный проект, адресованный семейным посетителям и ставший традиционным. Впервые проект был реализован в нашем музее в 2007 году и вызвал интерес у калужан. Рождественские экскурсии 2008 года вновь собрали большую аудиторию, и поэтому для сотрудников Калужского областного художественного музея новогодние дни стали временем напряженной работы. Со 2 по 6 января организуются 4 сеанса экскурсий для семейных посетителей. К этому проекту сотрудники музея готовят специальные экскурсии, ориентированные, прежде всего на разновозрастные семейные группы. Проект создает повод для общения родителей с детьми на основе знакомства с музеем, художественными произведениями. Кроме экскурсий для взрослых и детей предлагаются интерактивные программы. В 2007 году взрослые приняли участие в конкурсе на самый интересный экспонат в постоянной экспозиции, а дети — в творческом конкурсе. Новогодние открытки с названиями произведений, наиболее интересных для зрителей, украсили рождественскую елку.

В первый раз в конкурсе детского рисунка, объявленного после «Рождественских экскурсий» и посвященного нашему художественному музею, участвовали ребята от 3 до 17 лет. 46 творческих работ были представлены на выставке в день детского праздника. Конечно, все участники и победители конкурса получили дипломы и подарки. Во время праздника сотрудники музея провели интересную викторину на знание истории художественного музея, видов и жанров изобразительного искусства. Родители и дети неплохо с нею справились. Участников и гостей праздника поздравляли детские коллективы музыкально-эстетической студии «Созвездие».

В 2008 году в новогодние дни родители с детьми посетили нашу фондовую выставку «Возрожденные шедевры». Посетив ее, они стали участниками акции «Купи билет — спаси музейный предмет» и тем самым внесли свой личный вклад в возрождение произведения искусства. Им стал портрет Трубецкой работы неизвестного художника XVIII века. На экскурсиях по выставке зрители не только получали информацию о возрожденных экспонатах из фондов музея, но и участвовали в интерактивных программах. Детям предлагался листок с творческим заданием. Оно выполнялось ребятами с большим интересом. А взрослые посетители определяли лучшие, на их взгляд, произведения, которые могут быть помещены в постоянную экспозицию музея на юбилейный для музея 2008 год. Нужно отметить, что в этом конкурсе с удовольствием приняли участие и дети, так что очень часто выбирали эти произведения

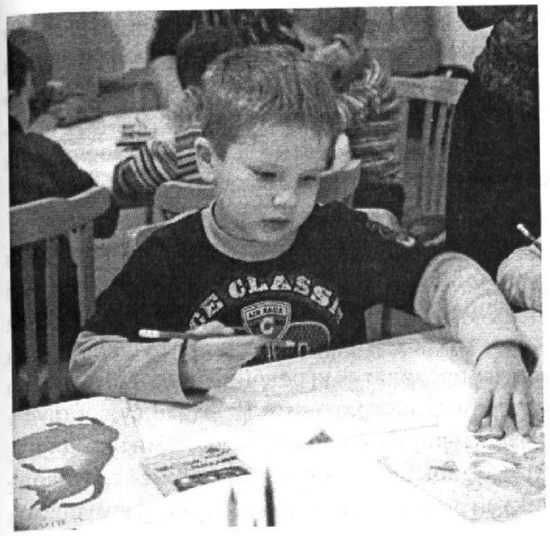
всей семьей. Новогодняя елка, на которой экскурсанты вешали фигурные открытки с написанными на них названиями картин, еще задолго до Рождества обрела нарядный вид.

Юным экскурсантам, которые пришли на эти экскурсии с родителями, было предложено поучаствовать в конкурсе на создание лучшего рисунка. В этот раз на конкурс поступило 109 рисунков 85 авторов. Это вдвое больше, чем в 2007 году. Конкурс закончился необычной выставкой. В течение месяца детские работы были размещены на сайте музея. Желающие могли познакомиться с рисунками всех авторов и принять участие в электронном голосовании. А на подведении итогов, детском празднике состоялась демонстрация слайд-шоу. Работы-победители вошли в экспозицию 8-ой международной выставки «Учитель и ученики. Живопись, графика, скульптура, архитектурные объекты, декоративно-прикладное искусство из собрания Музея искусств — московской студии «Колор», которую посетили в Международный день музеев и родители с детьми, и воспитанники детских домов, интернатов. Участников конкурса и гостей на празднике поздравляли учащиеся детской школы искусств №2 им. С.С. Туликова. Музыкальные поздравления юным художникам от юных музыкантов пришлись по душе и взрослым и детям. По их отзывам такие праздники в музее надолго остаются в памяти взрослых и детей, им есть о чем поговорить и обсудить дома. Проведение праздников и совместных занятий родителей с детьми — это еще одна попытка создать ситуацию для их тесного духовного и творческого общения. Музей становится духовной объединяющей средой, где воплощается важнейший для ребенка процесс общения — диалог с самым близким человеком — мамой или папой. Повод для творческого общения родителей с детьми создали уроки мастерства по рисунку и лепке по выходным дням во время работы выставки «Тарусская картинная галерея в Калуге», где были представлены произведения скульптора-анималиста В.А Ватагина. Эти занятия проводили профессиональные художники. Пока дети находились в творческом процессе, взрослые могли посмотреть фильм о Тарусе, об известных людях, связанных с нею. Но многие родители присоединялись к творческому процессу своих детей и с большим удовольствием рисовали и лепили вместе с ними. Некоторые из них приходили на эти занятия не один раз. После каждого такого занятия творческие работы детей экспонировались в нашем выставочном зале. А в конце работы выставки лучшие рисунки пополнили музейный фонд детского творчества.

Интерактивные программы для семейной аудитории были составной частью многих выставочных проектов 2007—2008 годов. Так, например, во время выставки «Гобелены и живопись Ирины и Александра Полежаевых» посетители с детьми смогли попробовать свои силы в изготовлении гобелена. На время работы выставки в выставочном зале был установлен ткацкий станок, и по выходным дням художники проводили для них мастер-классы. Эта коллективная работа получила название «Зимняя аллея» и теперь находится в фондах музея. На выставке «Родное, близкое, свое…», которая представила современное народное творчество Калужского края, художники, чьи работы были представлены на выставке, провели уроки мастерства по традиционным видам ремесел нашего края. По выходным дням в определенное время их посещали родители с детьми. Такое тесное общение лучше помогает родителям узнать своего ребенка, сближает с ним, а в результате происходит взаимное духовное обогащение родителей и детей.

В залах художественного музея все чаще и чаще раздаются голоса самых маленьких посетителей — воспитанников детских садов. Дети, по словам К.Д. Ушинского, «мыслят образами, формами, красками, звуками и ощущениями вообще». И чем раньше ребенок знакомится с изобразительным искусством, тем понятнее ему его язык. Интерес к красоте окружающего мира появляется уже у детей 3—4 лет. Они выделяют красивые, яркие игрушки, могут радоваться изображению знакомых предметов, узнавая и выявляя элементарные эстетические качества. Ребенок с удовольствием рассматривает иллюстрации в книгах. Ему нравятся: скульптура малых форм, мелкая пластика. Он способен различать холодные и теплые цвета. К 5 годам ребенок уходит от простого перечисления предметов изображения и пробует объяснить увиденное. В 6—7 лет у него появляется систематическое рассматривание предмета, возникает устойчивость внимания. В этом возрасте дети способны эмоционально переживать события и образы, запечатленные в произведениях искусства, разумеется, в пределах их собственного жизненного опыта[1].

Занятия с дошкольниками создают для нас определенные трудности, ибо требуют



Воспитанники детских садов на уроках мастерства.

специального подхода, выбора соответствующих форм работы. В этом возрасте невозможно ознакомление детей с историей искусства и художественным анализом памятника, а потому главным является сохранение и развитие у ребенка способности целостного впечатления от встреч с искусством. Необходимое условие для занятий в музее — непосредственное общение с подлинником.

Нами разработан цикл занятий, адресованный воспитанникам детских садов. Встречи в музее проходят не от случая к случаю, а плавно перетекают одна в другую. С дошкольным учреждением заключается договор о творческом сотрудничестве. Очень важна для детей первая встреча с музеем, где мы даем доступное понятие о музее, где хранятся красивые вещи, о здании, музейных залах (интерьере), помогаем освоиться в музейном пространстве, прививаем первоначальные навыки поведения в музее. В ходе экскурсии дается элементарное понятие о картине и скульптуре и их разнице. Дети знакомятся с новыми понятиями и терминами: художественный музей, архитектор, скульптор, реставратор («художник» воспринимается ими сразу). На второй экскурсии дети узнают о живописных произведениях разных жанров, при этом не употребляется специальная терминология. Важно, чтобы дети почувствовали богатство и многообразие содержания искусства. Так, дошкольники младшей группы воспринимают изображение на уровне узнавания. Опознание крупных и ярких, полностью видимых в картине предметов доставляет ребенку удовольствие. У дошкольников средней возрастной группы в процессе зрительного восприятия начинает активно осуществляться познавательная деятельность: ребенок самостоятельно или с помощью взрослых уже способен сделать акцент на выделении значимых признаков, по которым опознается объект. В отличие от живописи произведения скульптуры привлекают детей своей объемностью, материальностью, ощущением реального существования в пространстве. Способности к ассоциативному видению в детях 5—7 лет безусловны, однако, им часто не достает умения скомпоновать, выразить свои наблюдения, свои мысли.

Не всегда уроки и занятия проводятся в самом музее. Применяется и такая форма, как выездные лекции-беседы. Большое значение имеют тематика и специфика зрительного ряда этих занятий. Эти темы определяются кругом жизненных интересов детей и соответствуют уровню понимания воспринимаемого материала. Например, это тема, связанная с отражением в искусстве жизни природы — беседа «Родная природа в творчестве русских художников». Мы отвечаем на вопросы: почему художники обращаются к жанру пейзажа, что они выражают в нем? Как, какими средствами передают настроение, состояние и т.п.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что специфика художественного развития детей-дошкольников заключается в их большей ориентированности на собственное изобразительное творчество, чем на восприятие искусства. Речь идет о самостоятельных рисунках и творческих заданиях[2].

Беседа «Родная природа в творчестве русских художников» заканчивается творческим заданием: нарисовать свой пейзаж (любимое время года). К следующему занятию дети приносят свои творческие работы. Естественно, что на занятиях мы вместе с детьми рассматриваем эти рисунки, отмечая при этом, чем интересна та или иная работа.

Беседа «Герои сказок в произведениях русских художников» поможет детям в дальнейшем в восприятии реальных событий, изображенных на исторических картинах. В начале занятия выясняем, какие сказки дети помнят, какие художники их иллюстрировали. Ведем разговор об их содержании, о смысле, о героях. Почему они совершают те или иные поступки? Кому какие герои понравились и почему?

Эта беседа также заканчивается творческим заданием для детей. Они делают рисунки на темы своих любимых сказок, сказочных героев. Надо сказать, что детские произведения удивляют своей эмоциональностью, содержательностью, образностью, декоративностью. Вспомним слова известного художника П. Пикассо: «Будучи ребенком, я мог рисовать как Рафаэль, но всю жизнь потратил на то, чтобы научиться рисовать как дети». Творческие работы дошкольников участвовали в конкурсах рисунков и детских выставках, а лучшие из них поступили в музейный фонд детского творчества.

Беседа-занятие «Русская глиняная игрушка» раскрывает яркий красочный мир народной игрушки. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что среди предметов народного творчества дети обычно радостно отмечают игрушки: они близки детским душам. На этом занятии дошкольники узнают, что для народных мастеров, изготовляющих игрушки, это не только забава для детей, а искусство. Эти беседы проходят в игровой форме, дети могут увидеть изделия, созданные настоящими мастерами, поиграть ими (в музее существует специальный методический фонд для этого). Именно при знакомстве с предметами народного творчества в суждениях ребят чуть ли не впервые возникает оценочная категория «красиво».

Накопленный опыт в работе с дошкольниками убедил нас в том, что по-настоящему эффективной работа с ними может быть только в том случае, если не только в детском саду, музее, но и дома внимание детей обращается на интересные явления в природе и окружающей жизни. В этом отношении чрезвычайно важна помощь родителей. Музей старается искать различные пути вовлечения родителей в процесс творческого развития детей, о чем мы говорили выше. Нам важно, чтобы родители учились наблюдать за своими детьми, помогали им творчески видеть окружающий мир, и как можно чаще посещали вместе с ними музей.

Таким образом, Калужский областной художественный музей в своей просветительской деятельности стремится стать ближе к своей аудитории, пытаясь учитывать ее особенности и потребности, а особенно к детям, у которых посещение музея должно вызвать эмоциональный отклик в душе, зажечь, а не потушить искру интереса. Вот один из отзывов, который ярко выражает отношение посетителей к нашей работе: «Были в музее с сыном, очень понравилось. Ребенок сказал, что завораживающе! Огромное спасибо. Мама и сын Купреевы».

[1] *См.*: Столяров Б.А. Музейная педагогика. М., 2004. С. 149.
[2] *См.*: Столяров Б.А. Музейная педагогика. М., 2004. С. 150—151.

ЦЕЛЕВЫЕ МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ В КАЛУЖСКОМ ОБЛАСТНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ

***С.Л. Клепова**, н.с., Калужский областной художественный музей*

Школьники — традиционная и самая многочисленная музейная аудитория, поэтому работа с ней всегда была важнейшей частью просветительской деятельности музея. Образовательные и учебные программы, предназначенные для школьников — проверенная временем форма работы научно-просветительского отдела художественного музея. За долгие годы разработана тематика экскурсий, бесед и лекций для всех классов с учётом психолого-возрастных особенностей восприятия детей и требований школьных программ. Многие поколения калужских школьников и студентов прошли через наш школьный лекторий. А в такие трудные для музея годы как 1989—1997, когда здание музея было закрыто на ремонт и постоянная экспозиция была недоступна широкой публике, выездные лекции стали основной формой работы музея со школьниками.

Востребованы они и сейчас, например, цикл занятий для младших школьников «Путешествие за красотой» с удовольствием заказывают учителя начальной школы. Кроме того, ученики 1—5 классов обязательно раз в год посещают музей с обзорной экскурсией. А вот посещаемость

музея средними и старшими школьниками в последние годы падает. Почти не заказываются циклы лекций по истории русского и зарубежного искусства, призванные дополнить школьные курсы истории, литературы, мировой художественной культуры. Незнание истории культуры обедняет картину мира, которая складывается в сознании ребёнка, облегчает подмену истинной культуры её суррогатами. Всё это в полной мере относится к изобразительному искусству.

Почему старшеклассники всё реже и реже посещают музей?

Причины этой проблемы указываются во многих исследованиях: это и дефицит свободного времени школьников вследствие загруженности в школе, и интенсивный информационный поток, формирующий через СМИ (пропагандирующие прежде всего поп-культуру) внутренний мир личности, падение интереса к классической культуре, и даже отмечаемый современными психологами «кризис внимания», т.е. ухудшение способности современного человека, привыкшего к технологиям подвижного изображения (от кинематографа до компьютерного виртуального мира) наблюдать неподвижные объекты и картины[1].

Стремление противостоять этой тенденции, сделать посещение музея не случайным эпизодом в жизни школьника привело нас на путь, которым уже идут многие музеи в мире и в России. Образовательная деятельность современного музея основывается на сочетании программ и проектов. Образовательные и учебные программы нацелены на поэтапное осуществление периодически повторяющихся циклов музейно-педагогической работы. Проекты предполагают реализацию уникального замысла (плана), имеющего социально-культурную ценность и рассчитанного на достижение целей в определённый период. Единство программной и проектной деятельности отражает способность музейной педагогики планомерно формировать перспективные изменения в реальной и потенциальной аудитории посетителей и вместе с тем творчески реагировать на актуальные запросы среды[2].

В последние годы и наш музей перешёл на работу проектным методом. Целевые школьные проекты можно отнести к области социокультурных проектов, сущность которых состоит в том, что для привлечения внимания к общественно-значимой культурно-образовательной задаче и для частичного её решения объединяются усилия различных социальных институтов и сил: музея, школы, власти, учреждений культуры, бизнеса и т.д.

Работа над целевым школьным музейным проектом начинается с выделения в качестве целевой конкретной возрастной аудитории и определения целей и задач работы с ней на проекте. Выделим основополагающие для подобных проектов цели:

— формирование у подрастающего поколения устойчивой потребности в общении с классическим культурным наследием;

— приобщение детской и молодёжной аудитории к музейным ценностям;

— развитие творческого потенциала личности;

— обеспечение стабильной посещаемости выставок и постоянных экспозиций музея.

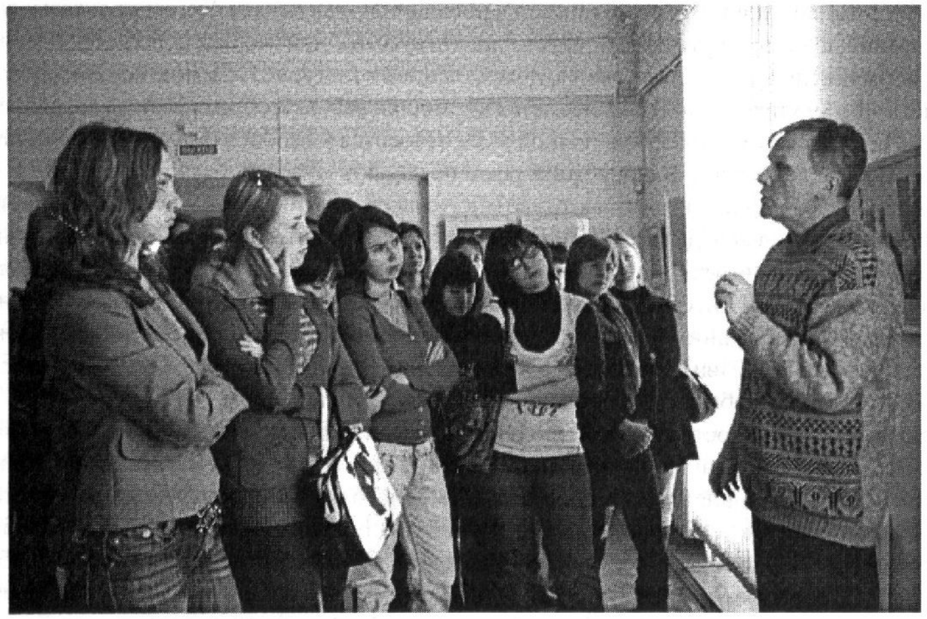
Эти общие цели в каждом проекте дополняются более конкретными целями и задачами, например: знакомство с темой «Образ К.Э.Циолковского в изобразительном искусстве» (проект «Циолковский — это целый мир», 2007 г.); привлечение внимания к проблеме сохранения и возрождения культурных ценностей (проект «Возрождённые шедевры»); формирование у школьников интереса к христианской (в т.ч. православной) культуре и активизация роли музея в деле духовно-нравственного воспитания (проект «Слово и Образ», 2008—2009 г.) и т.д.

Далее просветительская служба музея определяет целевую аудиторию проекта, т.е. ту возрастную или социальную группу школьников, с которой будем работать на проекте. Как правило, на этот выбор влияют: учёт психолого-возрастных особенностей детского восприятия, интеллектуального уровня и потребностей, тематика и содержательная сторона визуального ряда, соответствие визуального и содержательного материала школьным программам.

Так, например, целевой аудиторией проекта «Возрождённые шедевры» стали школьники 5—9 классов (средний школьный возраст); проекта «Территория СССР» — старшеклассники и студенты; проекта «Слово и Образ» — школьники, изучающие курсы «Основы православной культуры» и «Основы религиоведения».

Понятно, что подобные проекты немыслимы без сотрудничества с партнёрами. В данном случае нашим многолетним и заинтересованным партнёром выступает Управление образования г. Калуги. С ним заключён Договор о сотрудничестве, где прописаны обязанности обеих

77 Зак. 2219



Экскурсию по выставке «Территория СССР» ведёт В. М. Обухов.

сторон по «совместному сотрудничеству в сфере эстетического воспитания и творческого развития учащихся школ г. Калуги средствами изобразительного искусства». Это важный момент для организационного привлечения аудитории. С каждой школой составляется индивидуальный график экскурсий или лекций, что облегчает педагогам поиск «свободного окна» в плотном школьном расписании. Отдельные учителя, методисты и завучи по воспитательной работе, педагоги дополнительного образования также являются нашими партнёрами. С ними сотрудники просветительного отдела музея встречаются ещё на стадии разработки проектов, а также перед началом учебного года — на традиционных методических совещаниях. Рассказываем о том, что предлагает музей в будущем учебном году, раздаём информационные листовки и буклеты и т.п.

Важным этапом подготовки целевого школьного музейного проекта является разработка методики работы с адресной аудиторией. Вот уже в нескольких проектах подряд мы используем интерактивные методики. Они активизируют визуальное восприятие и мышление, внимание и память; провоцируют деятельностный подход к усвоению детьми художественной культуры, помогают лучше ориентироваться в выставочном пространстве. Формы интерактива (букв. — взаимодействия со своей аудиторией) могут быть различными: например, социально направленными: участие посетителей в решении каких-либо музейных проблем, их помощь музею. Так, на проекте «Возрождённые шедевры» проводилась акция «Купи билет — спаси музейный предмет», в ней приняли участие и школьники. Их посещение выставки стало реальным вкладом в дело реставрации конкретного музейного экспоната — картины неизвестного русского художника XVIII века «Портрет Трубецкой», а значит — в дело спасения культурных ценностей. Это стало проявлением их гражданской позиции.

Ещё одной формой интерактивных программ, направленной на творческое развитие и которую мы часто используем, является конкурс творческих работ. Это могут быть сочинение, рисунок, поделка на тему выставки или свободную тему, в которых ребёнок может выразить свои впечатления от увиденного в музее. Творческий конкурс рисунков на темы, связанные с космосом проводился на проекте «Циолковский — это целый мир», конкурс сочинений «Моё открытие шедевра» — на проекте «Возрождённые шедевры», в рамках выставки «Радость бытия. Живопись и графика Афанасия Куликова» - конкурс детского рисунка в жанре лубочной картинки. Это можно назвать заданием на дом после посещения музея. А непосредственно в ходе или после экскурсии мы также предлагаем детям выполнить творческие задания — разгадать кроссворд, заполнить листок активности.

Следующим шагом в развитии интерактивных программ является создание детских игровых путеводителей по постоянной экспозиции и временным выставкам. Например, по

Творческие задания на выставке «Возрождённые шедевры».

выставке «Слово и Образ. Библейские сюжеты глазами художников разных эпох» младшие школьники путешествовали, последовательно заполняя листок-путеводитель с заданиями, которые логически соответствовали их экскурсионному маршруту. Дети среднего и старшего школьного возраста, а также родители с детьми получали иллюстрированную брошюру-путеводитель, также включавшую кроссворд и творческие задания.

Подготовлен к изданию детский игровой путеводитель по постоянной экспозиции Калужского областного художественного музея «Путешествие в мир прекрасного» для детей младшего школьного возраста.

Для целевой аудитории мы разрабатываем специальные экскурсии с использованием различных методов активизации детского внимания и мышления, опорой на знания детей, полученные ими ранее на школьных или музейных уроках.

Подведение итогов — завершающий этап проекта. По уже сложившейся традиции, он проходит в форме детского музейного праздника. Приглашаем ребят с родителями и учителями, музыкантов, художников. Награды получают не только победители, призы и сувениры от музея получает практически каждый ребёнок, принимавший участие в конкурсе.

Для детей — это возможность ещё раз побывать в стенах музея, почувствовать атмосферу уважительного отношения к себе как к личности, получить доброжелательную оценку своего творчества. Это обычно вызывает у них всплеск положительных эмоций, стимулирует желание вновь поучаствовать в музейных мероприятиях — следовательно, дети вновь придут к нам!

Музейная статистика подтверждает, что в последние годы растёт посещаемость музея учащимися школ. Во многом это происходит благодаря нашим проектам. Так в 2006 году в музейных программах участвовали 3093, в 2007 году — 3881, а в 2008 — 4225 школьников стали их участниками.

Таким образом, подводя некоторые итоги работы научно-просветительного отдела по этому направлению, следует подчеркнуть, что использование в работе со школьной аудиторией целевых школьных проектов позволяет успешно решать сразу несколько задач: предоставление детям возможности целенаправленно и неоднократно посещать музей; выстраивание системы взаимодействия музея со школой; расширение тематики предлагаемых экскурсий и занятий; использование новых технологий в музейной педагогике; повышение профессионального уровня музейных педагогов.

Нынешним школьникам предстоит строить здание культуры XXI века. Фундамент этого здания заложен предыдущими поколениями и без освоения культурных традиций невозможно продолжить это строительство. Неоценимую помощь призваны оказать в этом произведения искусства и их хранилища — художественные музеи.

[1] Экология визуальности и изобразительное искусство. Методологический сборник.СПб., 2006.

[2] Концепция и программа эстетического воспитания молодёжи в условиях взаимодействия школы и музея/ Авт.-сост.: Б.А. Столяров, А.Г. Бойко.СПб., 2001.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТИ ООПТ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***В.П.Новиков**, к.г.-м.н., ФГУ «Национальный парк «Угра»*

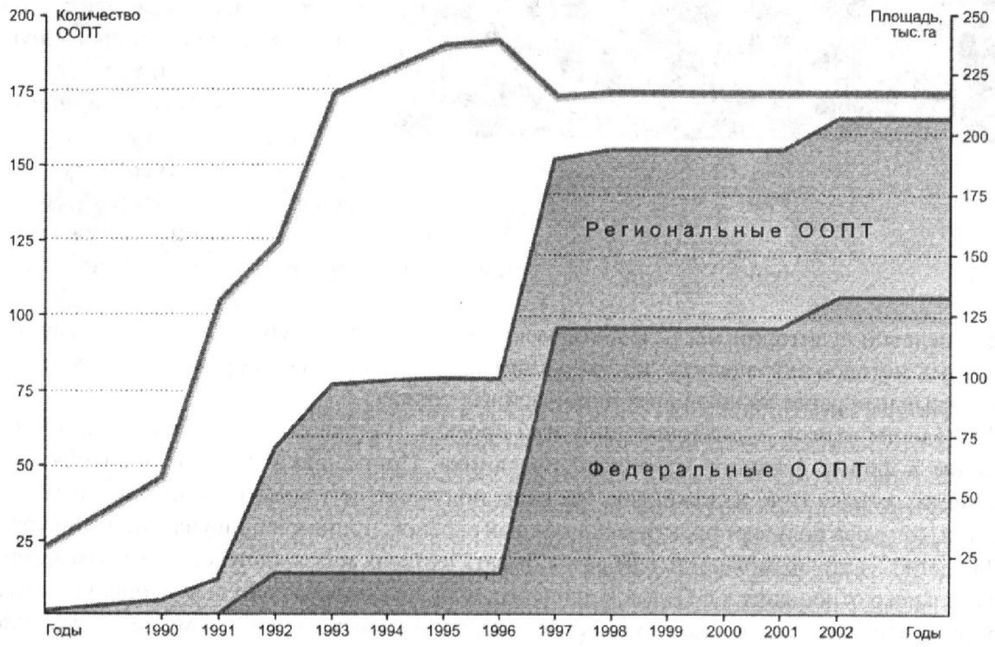


Рис. 1. Особо охраняемые природные территории Калужской области (количество и площадь).

Значение и роль особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в поддержании биоразнообразия и экологического баланса планеты в наши дни трудно переоценить. Принятая большинством стран мира концепция устойчивого развития в значительной степени опирается на существующие сети и системы ООПТ, которые рассматриваются как стабилизирующий фактор в процессах деградации природных экосистем.

Сеть ООПТ в Калужской области, формировавшаяся на протяжении последних десятилетий, на сегодня насчитывает 174 объекта[1]. В истории создания этой сети выделяется несколько периодов, характеризующихся различными предпосылками и условиями её становления.

Выявление и оформление охранного статуса природных и природно-исторических объектов началось в регионе с 1960 года. На волне интереса к историко-культурному наследию первые памятники природы были выделены в составе нескольких усадебных комплексов и мемориальных парков в г. Калуге, Жуковском, Тарусском, Ферзиковском и Юхновском районах. В дальнейшем, при участии областного управления культуры, калужских отделений ВООП и ВООПИК[2], а также ряда вузов, к концу 80-х годов официально были объявлены памятниками природы 24 объекта, среди которых фигурировали городской парк и экзотические деревья в г. Калуге, дендропарк г. Жиздры, роща и сад монастыря Оптина Пустынь, лесное урочище «Чёртово городище» в Козельском районе[3]. Общая площадь, занимаемая этими объектами, составляла 1333,5 га.

Необходимо отметить, что в эти же годы проводилась работа по выявлению новых, ценных в экологическом, научном и культурном отношениях природных комплексов, а также появились печатные работы с перечнями и картами подобных объектов[4]. Так, в списке

К.В. Пашканга и др.[5] насчитывалось 170 достопримечательных мест, из которых 48 к первой половине 90-х годов были зарегистрированы в качестве региональных памятников природы. Кроме того, в 1988 году калужским облисполкомом было принято решение об организации 9 охотничье-видовых государственных заказников в нескольких административных районах на общей площади 103 тыс. га. Видовым среди них, по сути, был только заказник «Каменский» (7,5 тыс. га), предназначавшийся для охраны популяции русской выхухоли в пойме р. Жиздры[6]. Все заказники создавались на сравнительно короткий срок и находились в ведении Управления охотничьего хозяйства области. Вероятно, именно ведомственная принадлежность и целевое назначение этих территорий не позволили им попасть ни в один официальный перечень региональных ООПТ. То же самое можно сказать и о заповедно-охотничьем хозяйстве «Барсуки» в Жуковском районе (площадь 60,9 тыс. га), закреплённом в том же году за ЦС Всеармейского военно-охотничьего общества.

Работа по выявлению и регистрации новых ООПТ в Калужской области заметно активизировалась с созданием в 1988 году областного комитета по экологии и рациональному использованию природных ресурсов. Сотрудники комитета предприняли немало усилий по вовлечению в эту деятельность районных экологов, представителей муниципальных образований, а также специалистов, прежде всего из числа преподавателей вузов и краеведов. Была налажена процедура научных обоснований о необходимости охраны тех или иных объектов, учёта и оформления нормативной документации (паспорта памятников, охранные обязательства землепользователей). Решения об учреждении региональных памятников принимались сразу на областном уровне или после соответствующих постановлений районных администраций[7]. Помимо этого в 1990 году облкомитетом по экологии была разработана программа создания федеральных ООПТ в Калужской области, в которую вошли памятник природы «Калужский бор», заповедник «Калужские засеки» и национальный парк «Угра». Эта программа в дальнейшем была одобрена коллегией Госкомитета по экологии и принята к реализации.

Итоги такой бурной деятельности не замедлили сказаться — уже в 1990 году было образовано 22 новых памятника природы регионального значения. В том числе этот статус получили крупные болота в Износковском, Кировском и Спас-Деменском районах, уникальные пойменные озера рр. Жиздры и Оки, пруд Вырка, Залидовские луга на р. Угре. Общая площадь ООПТ области при этом возросла более чем в 4 раза.

Самым рекордным оказался следующий 1991 год, когда возникло сразу 58 новых памятников областного значения, а также первый в регионе федеральный объект — памятник природы «Калужский бор» (площадь 1044 га). К общему списку ООПТ добавились 5 болотных комплексов, 5 родников, более 30 (!) усадебных и городских парков, а также 6 новых памятников в г. Калуге[8]. Вместе с тем в этом ряду впервые появились три геологических объекта, крупный лесной массив «Галкинский лес» в Дзержинском районе и самое большое озеро области Бездон в Барятинском районе. Прирост общей площади ООПТ в регионе при этом составил 8763,6 га.

Не менее продуктивной оказалась деятельность облкомитета по экологии и в 1992 году, когда возникло 18 новых памятников природы, в том числе этот статус получило, с одноименным названием, охотничье хозяйство «Барсуки» (с объявленной площадью памятника 34,6 тыс.га). В целом же в Жуковском районе единовременно было образовано сразу 7 памятников. Но самым главным событием года, конечно же, стало учреждение на площади 18,6 тыс. га государственного природного заповедника «Калужские засеки» в Ульяновском районе, созданного с целью сохранения уникальных старовозрастных широколиственных лесов бывшей Заокской засечной черты Московского государства[9].

Второй пик новообразованных ООПТ мы наблюдаем в 1993 году, когда появилось ещё 50 памятников природы регионального значения, в т.ч., около 10 родников, несколько типичных лесных массивов, два крупных водохранилища, более десятка усадебных парков. Тогда же выделилась новая разновидность охраняемых объектов — ландшафты малых рек в Медынском и Хвастовичском районах (всего 15). Таким образом, общее количество ООПТ Калужской области в рассматриваемый отрезок времени составило уже 174 объекта, а их суммарная площадь приблизилась к 100 тыс. га. В конце этого же года началось проектирование национального парка «Угра», для чего была организована его временная дирекция[10].

78 Зак. 2219

Рост числа региональных памятников, понятно, не мог быть бесконечным, но в последующие три года (1994—96) всё же появилось ещё 18 новых объектов, из них 10 — в Дзержинском районе (в т.ч. ландшафт р. Угры у д. Никола-Ленивец) и 3 — в Людиновском (в т.ч., оз. Ломпадь). Последним из зарегистрированных в области стал памятник природы «Родники на Выпрейке» в Дзержинском районе.

1997 год ознаменовался появлением новой федеральной территории (самой крупной из ныне существующих: на её долю приходится около половины площади ООПТ области) — национального парка «Угра». В состав парка вошли три основных участка в 6 административных районах области: по рекам Угре, Жиздре, Выссе; отдельными (кластерными) участками парка стали также Морозовское болото, оз. Тишь и ур. Чертово городище. Соответственно эти три, а также ещё 17 ранее образованных в границах парка региональных памятников природы потеряли свой статус, что сказалось и на общем количестве охраняемых природных территорий области (рис. 1).

Оценивая в целом период 1990—97 годов, следует, очевидно, подчеркнуть тот необычайный всплеск инициатив и усилий, связанных с созданием сети ООПТ в регионе, составляющих сегодня основу экологического каркаса Калужской области. За этот период возникло более 150 новых ООПТ, а их общая площадь выросла в 142 раза. Это было время своеобразного «экологического ренессанса», сопровождавшегося подчёркнутым вниманием к вопросам охраны природы и проблемам биоразнообразия[11]. В дополнение к сказанному не лишне вспомнить, что в 1996 году в г. Калуге была проведена крупная научно-практическая конференция «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий», в ходе которой обсуждалось состояние работ по созданию сети ООПТ и рассматривались научные основы её совершенствования[12]. Тогда же появились первая карта-схема[13] и печатная публикация с полным списком ООПТ области, в которой предложена классификация региональных памятников природы, учитывающая всё их многообразие и включающая 5 типов (ботанические, зоологические, водные, геологические, комплексные-ландшафтные) и 11 разновидностей[14].

Однако, наряду с положительной оценкой рассматриваемого периода, необходимо отметить и некоторые отрицательные стороны проделанной работы, прежде всего, в отношении памятников природы. Поскольку вся эта работа выполнялась достаточно бессистемно, без заранее составленной программы, в число памятников нередко включались объекты, не обладающие ни природной, ни научно-познавательной ценностью. Это касается, в частности, естественных выходов подземных вод (родников). В то же время по-настоящему уникальные объекты (для родников — Поповский, Ильинский или же Троице-Екатерининские источники) часто оставались без внимания. Представительность некоторых типов памятников оказались очень невысокой: среди геологических и зоологических почётного статуса удостоились лишь пять далеко не лучших объектов. Зато в разновидности историко-природных памятников присутствует около 80 культурных ландшафтов, представляющих усадебные парки и монастырские рощи. С одной стороны, такое внимание к этим объектам вполне объяснимо — они наиболее уязвимы и безвозвратно утрачиваются в ходе хозяйственной деятельности человека, но, с другой, большинство подобных ландшафтов в итоге приобрело двойной статус, являясь одновременно памятниками истории и культуры. Наконец, некоторая спонтанность в деле организации новых охраняемых территорий привела к крайне неравномерному территориальному распределению памятников природы и, соответственно, к весьма различной площадной доле ООПТ в границах тех или иных административных районов[15].

Обратимся теперь к последнему периоду рассматриваемой истории, связанному с коренным реформированием экологической службы страны. Объективно, в первое пятилетие после 1997 года ещё можно отметить какие-то «всплески» деятельности в отношении ООПТ. Так, в 1998 году Постановлением Губернатора Калужской области в Ульяновском и Хвастовичском районах, на площади 3728 га, была утверждена охранная зона смежного с ними национального парка «Орловское полесье». А в 2002 году Постановлением Правительства РФ федеральный статус (в форме заказника — госкомплекса «Таруса») приобрела территория памятника природы «Барсуки» с увеличением его площади до 46,9 тыс. га.

В начале 2003 года был утверждён «Закон об особо охраняемых природных территориях Калужской области», не стимулировавший, однако, создание новых ООПТ регионального и

местного значения в виду громоздкости и затратности процедуры их оформления, а также отсутствия утверждённой схемы развития и размещения ООПТ области. В то же время работы, направленные на выявление перспективных ООПТ и формирование системы охраняемых территорий как природного каркаса, способного поддерживать экологический баланс не только Калужской области, но и соседних регионов, к этому моменту уже в значительной степени были проведены. Их итогом стали проекты 8 новых ООПТ области (природного парка, четырёх заказников и трёх памятников природы) и список из более чем 70 ключевых природных территорий для последующего установления их возможной категории и статуса. Правда, в рассматриваемый период предпринимались попытки более качественной паспортизации (центр «Кадастр») и частичной инвентаризации (ПК «Гео») памятников природы г. Калуги и области, но и они не способствовали оптимизации существующей сети ООПТ, а также созданию полноценного кадастра этих территорий.

Итак, на сегодня в составе ООПТ Калужской области насчитываются четыре федеральных территории (с практически полным набором важнейших категорий — редкий случай!) и 169 региональных памятников природы (ещё одна условная единица — охранная зона НП «Орловское полесье»). Суммарная площадь этих ООПТ — 206 тыс. га, что составляет 6,9% от территории области (к сведению, общероссийский показатель 10—12%). Однако, почти 2/3 указанной площади приходится на федеральные территории (рис. 1). Отсутствие в составе региональных ООПТ объектов большой площади (а именно такие территории поддерживают необходимый уровень биоразнообразия) — безусловный минус сформированной сети[16]. Ещё один недостаток — отсутствие среди региональных объектов иных (кроме памятников) категорий ООПТ, более специализированных и «гибких» по режиму охраны, таких, например, как заказники, природные парки. Поэтому существующая сеть ООПТ, принимаемая как базовая основа, должна ориентироваться, в соответствии с действующим законодательством и современными тенденциями охраны природы, на развитие — постепенное перерастание в научно обоснованную систему охраняемых природных территорий[17], способную обеспечить сохранение экологического равновесия в нашем регионе и максимально возможный социально-экономический эффект.

Примечания

[1]Особо охраняемые природные территории//Атлас Калужской области. Калуга: изд-во Н.Ф. Бочкарёвой, 2005. С. 40—41.

[2]ВООП — Всесоюзное общество охраны природы. ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.

[3]Первые попытки придания охранного статуса этому легендарному урочищу предпринимались первоначально в 20-е, а затем в 40-е годы прошлого столетия. См. подробнее: Урочище Чёртово городище. Калуга: изд-во Н.Ф.Бочкарёвой, 2004. 103 с.

[4] Атлас Калужской области. М.: Гл. Упр. геодезии и картографии при СМ СССР, 1971. 38 с.

[5]Пашканг К.В. и др. Природы рачительный хозяин.Тула: Приокское кн. изд-во, 1979. 160 с.

[6] Марголин В.А., Новиков В.П., Марголин А.В. Русская выхухоль в Калужской области. Калуга: Золотая аллея, 1997. 48 с.

[7]Поскольку до 1995г. (времени появления ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях») формально существовало лишь два статуса ООПТ (местный и федеральный), многие объекты именовались в соответствующих постановлениях и решениях как памятники природы местного значения, хотя в сегодняшний терминологии они, безусловно, отвечают региональному статусу.

[8]Паутова Л.П. Памятники природы г. Калуги // Калуга в шести веках. Калуга, 1997. С. 38—42.

[9]Паутова Л.П. Об истории создания в Калужской области государственного природного заповедника «Калужские засеки» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы VIII регион. науч. конф. Калуга: изд-во Н. Бочкарёвой, 2001. С. 232—235.

[10]Новиков В.П. К истории создания национального парка «Угра» в Калужской области // Природа и история Поугорья. Вып. IV. Калуга: Постскриптум, 2006. С. 8—19.

[11]Примерно то же самое мы видим и в динамике формирования заповедной системы страны: за период 1992—2002гг. было образовано 26 новых заповедников и 19 национальных парков, а их общая площадь увеличилась на 72%. Аналогичные тенденции прослеживаются и в развитии региональных сетей в различных районах России (см. Сводный список особо охраняемых природных территорий Российской Федерации. М.: ВНИИЦлесресурс, 2001. 452 с.).

[12]Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Мат-лы конф.Ч. 1 и 2. Калуга,1996. 167 с. и 164 с.

[13]Новиков В.П., Паутова Л.П., Гарифулина З.А. Памятники природы Калужской области. Калуж. науч. центр, КГПУ. Калуга, 1994 (рукопись).

[14]Новиков В.П. Охраняемые природные территории Калужской области // Вопросы географии и геоэкологии. Вып. 1. Калуга: КГПУ, 1997. С. 52—70.

[15]Новиков В.П., Могильнер А.А. Перспективные особо охраняемые и ключевые природные территории Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы X регион. науч. конф. Калуга: Гриф, 2003. С. 577—585.

[16]Исключение составляют некоторые из ландшафтов малых рек Медынского и Хвастовичского районов, но они, с одной стороны, не намного превышают по площади собственные водоохранные зоны (где изначально устанавливаются определённые ограничения природопользования); с другой стороны, для них более оправдана иная, нежели «памятник», категория ООПТ (например, «охраняемые реки» или «ландшафтные заказники»).

[17]Новиков В.П. К вопросу о развитии сети особо охраняемых природных территорий Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы XII Всерос. науч. конф.Калуга: Полиграф-информ, 2008. С. 365—367.

НЕКОТОРЫЕ АСТРОБЛЕМОВИДНЫЕ ОЗЕРНЫЕ КОТЛОВИНЫ МОСКОВСКОЙ И КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ — СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ, ГЕНЕЗИС*

***М.П. Жидков**, к.г.н, с.н.с,. **Э.А. Лихачева,** д.г.н., зав. лаб., **А.Г. Макаренко**, н.с.,*
Институт географии РАН

Среди более чем двух тысяч озер Московской области встречаются озера, котловины которых сходны с метеоритными кратерами (астроблемами). Мы назвали их астроблемовидными и считаем, что они являются особым типом озерных котловин. В Московской области насчитывается уже более 10 таких котловин. Они расположены преимущественно в Мещере. Одна из них — котловина озера Смердячего — по морфологии котловины и характерным особенностям минералов достаточно уверенно трактуется как метеоритный кратер (Бадюков — http://www.meteorites.ru/menu/encyclopedia/ruscraters_ful/html; Kashkarov and all, 2005).

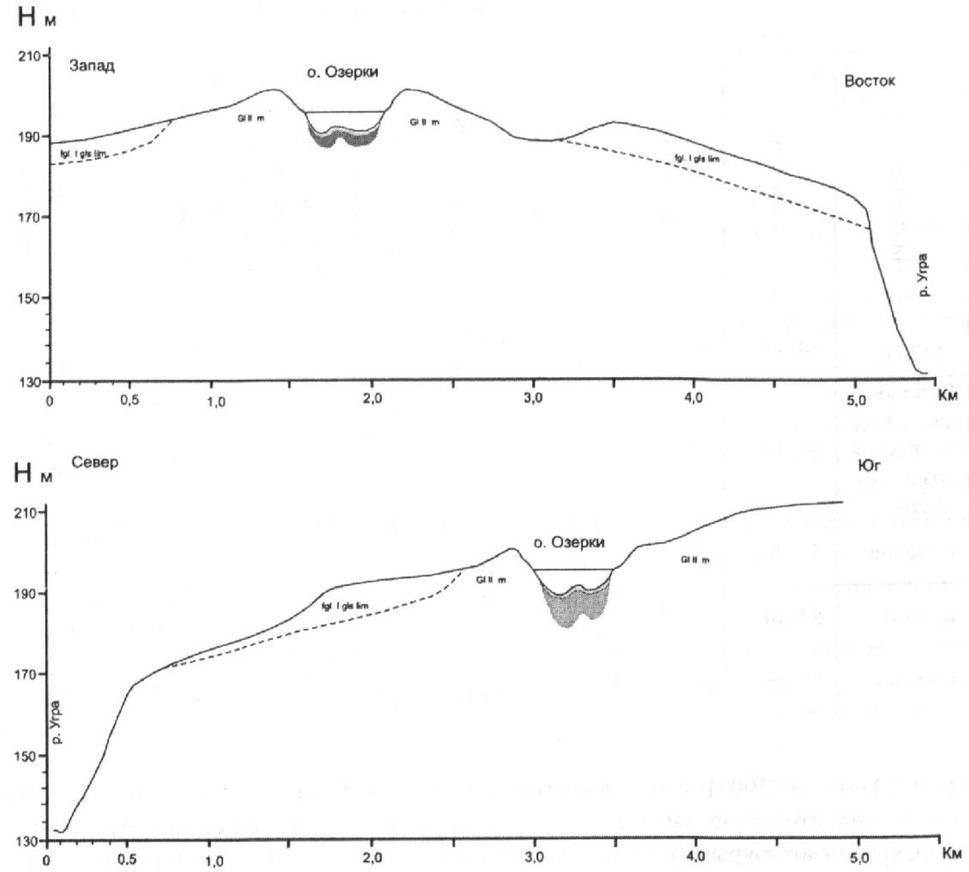
В Калужской области в Юхновском районе известно озеро Озерки, которое имеет ряд признаков метеоритного кратера (Большаков и др., 1999; Бобачев и др., 2001, Новиков, 2003). При анализе картографических материалов и космических снимков были обнаружены еще две котловины, морфологически сходные с метеоритными кратерами: одна небольшая котловина в непосредственной близости от оз. Озерки, другая — озеро Бездон в Мосальском районе.

Озеро Озерки находится примерно в 11 км к востоку от города Юхнов. Оно привлекает к себе внимание, во-первых, своим названием. Озеро одно, а название во множественном числе. Во-вторых, необычной морфологией своей котловины, сходной с метеоритным кратером. Оно округлое и окружено невысокими холмами, образующими валообразное поднятие.

Множественное число названия может объясняться тем, что в прошлом уровень озера был метров на 5 м ниже современного, и в котловине было два или три небольших отдельных озерка. Косвенным подтверждением иного, меньшего, уровня воды в озере в прошлом служит карта Смоленской губернии середины XIX века, на которой озеро имеет контуры, соответствующие уровню воды, метра на 2 меньше современного. С метеоритным происхождением котловины гораздо сложнее. Имеются параметры морфологии и геологического строения, как подтверждающие, так и противоречащие метеоритной гипотезе происхождения котловины озера.

Озеро Озерки расположено на правом коренном берегу реки Угры, на абсолютных

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №№ 07-05-00163, 09-05-00156а)



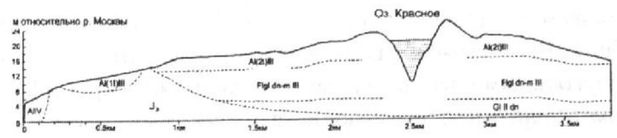


Рис. 1. Профили через озера Озерки и Красное.
Границы геологических слоев и их индексация показаны предположительно, по аналогии с разрезами, расположенными в нескольких километрах от озер. На профилях оз. Озерки показаны озерные отложения по Бобачеву и др. (2001): дно озера выстилает слой сапропелевых илов мощностью около метра (светло-серый цвет), ниже залегают консолидированные осадки — предположительно обводненные пески с небольшой примесью глинистого материала (темно-серый цвет).

высотах около 200 м или почти 70 м над урезом р. Угры (рис.1). Озеро округлое, диаметром 450—550 м и глубиною до 6,5 м. Обрамляющий вал представлен серией невысоких, слабовыраженных в рельефе поднятий на западе, северо-востоке и юго-востоке озера. К озеру они обращены крутыми склонами, а к периферии снижаются плавно. Приблизительный диаметр котловины по гребню вала 700—800 м. Современный урез озера около 197 м. Рек и ручьев, впадающих в озеро, нет. Высоты прилегающей пологоволнистой слаборасчлененной моренной равнины московского оледенения 190—210 м. Он сменяется на меньших высотах, ближе к долине Угры, флювиогляциальной равниной.

Таблица. Координаты и морфометрические характеристики некоторых астроблемовидных озерных котловин Московского региона и Калужской области.

Название озера	Широта	Долгота	Размеры водного зеркала (м)	Размеры котловины по гребню вала (м)	Глубина озера (м)	Высота вала над окружающими равнинами (м)	Глубина котловины от гребня вала до дна(м)	Урез озера (м)	Высота окружающей равнины (м)
Озерки	54°44′	35°23′	450—500	800—900	6,5		11,5	197	190—210
Обвалованная депрессия возле оз. Озерки	54°44′	35°23′		300		0—2		199	199—200
Красное	55°28′	38°15′	300—340	450—470	10	2—5	10	127	125—126
Бездон	54°30′	35°27′	450—850	900—1400	35	2—20	55	218	220—226
Светлое	55°53′	38°41′	200—300	500—700	22	3—9	34	129	131—135

По В.Г. Петрову (2003) основная московская морена (*gIIms*) оставлена ледником, который покрывал значительную часть Калужской области. Морена представлена суглинками бурыми, красновато-бурыми грубопесчанистыми с гравием, галькой и валунами с прослоями песков, глин, супесей и гравийно-галечного материала мощностью 15—30 м, иногда до 40 м. Под ними почти повсеместно залегают более древние флювиогляциальные и гляциальные отложения. Четвертичные отложения подстилаются каменноугольными карбонатными толщами. По данным геофизических исследований (Бобачев и др., 2001) под озером Озерки коренные породы залегают на глубинах 10—14 м ниже уреза озера и образованы раздробленными известняками, вероятно, каменноугольными, что в сочетании с данными о проницаемости дна и наличием карстовых форм в окрестностях, говорит в пользу карстовой гипотезы происхождения котловины. Однако, наличие валов, окружающих котловину, и положение на водораздельной линии не характерны для карстовых провалов.

Дно озера выстилает слой сапропелевых илов мощностью около метра, ниже которых до глубин 10—14 м от уреза воды залегают консолидированные осадки — предположительно обводненные пески с небольшой примесью глинистого материала (Бобачев и др., 2001). Общая максимальная мощность озерных отложений достигает примерно 7—8 м. Возможная глубина озерной котловины от гребня вала до дна (без озерных отложений) —менее 20 м (рис.1).

Известны характерные пропорции размеров отдельных элементов взрывных метеоритных кратеров (Мелош, 1994; Бадюков — http://www.meteorites.ru/menu/encyclopedia/ruscraters_ful/htm; Вишневский, 2001). При диаметре кратера 700—800 м глубина от гребня вала до дна котловины должна быть 70—80 м, высота вала — около 30 м, а ширина — около 200 м., то есть глубина котловины от исходной поверхности должна составлять 40—50 м. Ширина вала оз. Озерки примерно соответствует предполагаемой для метеоритного кратера, а высота гораздо меньше. Очевидно, что вал котловины озера в значительной мере был разрушен эрозионными процессами. Глубина котловины установлена по результатам малоглубинных геофизических исследований. Вполне можно предполагать, что на глубине 14 м находятся не трещиноватые известняки коренных пород, а известковые озерные сапропели. То есть глубина залегания коренных пород пока не установлена.

Наличие центрального поднятия, установленного в котловине оз. Озерки (Бобачев и др., 2001) — это признак метеоритного происхождения. Оно может встречаться как у небольших 50-метровых кратеров, так и крупных 50-километровых, а причины образования центральной горки пока неясны (Хрянина, 1997). В то же время, центральное поднятие оз. Озерки имеет не очень характерные для метеоритных кратеров положение и очертания.

По Г. Мелошу (1994) метеоритное вещество при взрыве превращается в пар и вылетает из кратера, взрыв выносит породы из кратера, образует вал, деформирует окружающие кратер породы, поднимает поверхность под валом и деформирует породы под кратером. Соответственно, слоистые породы под валом метеоритного кратера имеют падение от кратера. Такую картину мы видим на фрагменте профиля прилегающего к оз. Озерки в работе А.А. Бобачева и соавторов (2001, рис. 4Б). К сожалению, геофизические профили практически не выходят за акваторию озера.

Примерно в полукилометре к северо-западу от озера Озерки, уже за внешним скатом вала, в лесочке есть небольшая заболоченная округлая котловина, окруженная валообразным поднятием, четко читаемом на топокарте масштаба 1:100 000. В прошлом котловина, вероятно, была глубже и заполнена водой. Наличие неподалеку второй астроблемовидной котловины делает картину сходной с известными астроблемами (Эльгыгытгын на Чукотке, Мораско в Польше, Каали в Эстонии и др.), где основной кратер сопровождается одним или несколькими кратерами меньших размеров. Однако наличие валов в сочетании с незначительной глубиной и небольшим диаметром котловины характерны и для таких реликтовых криогенных форм рельефа, как разрушившиеся булгуняхи или пинго.

Реликтовые криогенные формы рельефа центральной части Русской равнины типичны для зоны пониженного рельефа, где имела место значительная льдистость пород. Здесь отмечаются кольцеобразные формы в виде единичных слабовыраженных кольцеобразных валов диаметром 75 м и более, которые являются вероятными остатками бугров пучения (пинго) (Величко и др., 1996).

Оз. Озерки и соседняя с ним обвалованная котловина находятся в зоне распространения моренных ландшафтов, где криогенные формы практически не встречаются, потому что моренные отложения характеризуются слабой водонасыщенностью. Кроме того, размеры даже малой котловины втрое больше обычных размеров реликтовых разрушившихся пинго.

Оз. Озерки морфологически сходно с озерами Красным и Боровым, расположенными в Московской области. Оз. Боровое (в Павлово-Посадском районе) имеет близкую по размерам и очертаниям котловину, невысокие и не очень выразительные валы (как и оз. Озерки, см. табл.), но большие глубины. В отличие от оз. Озерки, Боровое расположено на низкой первой надпойменной террасе реки Шерны (левом притоке Клязьмы). Известняки здесь залегают на небольшой глубине, сопоставимой с глубиной озерной котловины и карстовые процессы здесь могут иметь место, но наличие валов, окружающих озеро, должно было бы препятствовать их развитию.

Озеро Красное находится в Раменском районе. Оно расположено на II надпойменной террасе р. Москвы, на высоте около 20 м над урезом реки. Высота самой террасы достигает здесь 17—20 м. Как и оз. Озерки, оз. Красное располагается в водораздельной зоне (рис.1). Озеро имеет округлые очертания, вытянуто с севера на юг на 340 м, с запада на восток на 300 м. Озерная котловина напоминает своей формой пологий кратер на распластанном конусе. Внутренний склон котловины более крутой, внешний более широкий и пологий. Высота вала, окружающего озеро, составляет 2—5 м при диаметре 450—470 м. Ширина вала — до 250 м. На юге вал почти разорван, а западная его часть менее выразительна, чем восточная. С поверхности вал сложен мелким желтым песком, покрытым россыпью щебня. В неглубоких шурфах на гребне западной части под слоем почвы мощностью до 30 см до глубины 70 см обнаружен чистый мелкий желтый рыхлый песок крупнокомковатой структуры. Рассматривались гипотезы криогенного и метеоритного происхождения котловины оз. Красного. Пока ни одна, ни другая не имеет бесспорных аргументов и обе имеют право на существование.

Третье астроблемовидное озеро Калужской области — озеро Бездон. Оно пока знакомо нам лишь по картографическим и литературным материалам, а также космическим снимкам. Оно расположено в верховьях реки Вороны (правый приток Угры) среди заболоченных равнин. Озеро округлых плавных очертаний, вытянуто в СЗС направлении примерно на 840 м

при ширине 450 м. Урез озера 218 м. Оно окружено валообразным поднятием с высотами до 20 м над урезом воды и 10 м над окружающими равнинами, имеющими высоты 220—226 м (по данным космических изображений Google). Максимальные высоты и выразительность вала — к востоку от озера, минимальные — на север, где в озеро впадает ручей и начинается р. Ворона. Глубина озера может достигать 35 м. Предполагаемая глубина котловины от гребня вала до современного дна 55 м. По морфометрическим показателям котловина оз. Бездон ближе к метеоритным кратерам, чем оз. Озерки.

По Петрову (2004) в верховьях р. Вороны распространены озерные отложения, которые приурочены к понижениям предвалдайского рельефа, древним озерным котловинам и межхолмовым понижениям. Они залегают на московской морене, надморенных, водно-ледниковых и микулинских отложениях, перекрываются голоценовыми аллювиальными и болотными образованиями. Мощность озерной толщи от 2—4 до 10 м. Четвертичные отложения лежат на меловых кварцево-глауконитовых песках (альбский и сеноманский ярусы), которые подстилаются нижнекаменноугольными известняками. Судя по топографическим картам в нескольких километрах к югу от озера Бездон широко распространены карстовые процессы, что свидетельствует о возможности их участия и в формирование котловины оз. Бездон.

Озеро Бездон сходно с оз. Светлым Московской области, превосходя его по всем размерам, в том числе и размерам валов, примерно в 2 раза (табл.). Вероятно, сходен и разрез четвертичных пород, в которых образовались котловины озер, что в сочетании с морфологическим сходством свидетельствует в пользу их генетического единства.

Заключение

По некоторым оценкам (Фельдман, 1999) на территории России и сопредельных стран должно быть не менее тысячи астроблем диаметром более 1 км и возрастом не более 1 млн. лет. Соответственно, кратеры меньшего диаметра должны быть еще более многочисленны. В то же время, в каталоге метеоритных кратеров России (Бадюков) всего 18 объектов. Среди них и Калужская астроблема, которая датируется средним девоном (Селивановская, 1980). Она находится вблизи Калуги, имеет диаметр примерно 15 км, погребена четвертичными, мезозойскими и верхнепалеозойскими отложениями; в современном рельефе проявляется слабо. Метеоритное происхождение Калужской структуры отрицается В.Г. Петровым (2003), который относит ее к вулканогенным образованьям, и В.П. Есиповым (2008), рассматривающим ее как вулкано-тектоническую структуру.

То есть, метеоритные кратеры — не столь редкие объекты и их нахождение в Калужской и Московской областях вполне реально. Пока определенно сказать, как возникли рассматриваемые котловины, невозможно. В дальнейшем необходимо уточнить натурными измерениями наличие и морфологию окружающих котловины валов (принадлежность трех озерных котловин Калужской области к астроблемовидным) и провести их геоморфологическое обследование.

По имеющимся данным соотношения глубин рассматриваемых котловин от гребня вала до дна, ширина котловин по гребню вала и ширина валов не противоречат таковым для метеоритных кратеров. Положение астроблемовидных котловин в краевой зоне московского и перигляциальной зоне валдайского оледенений дает возможность рассматривать их как реликтовые криогенные формы. Другие гипотезы происхождения озерных котловин имеются, но пока не рассматривались, потому что менее вероятны.

Время образования озер пока неясно, хотя можно указать его нижний предел — возраст отложений, в которых они сформировались. В случае криогенного генезиса их возраст может лежать в интервале 17—23 тыс. лет.

Наиболее надежным доказательством метеоритного происхождения кратера может служить присутствие метеоритного вещества в его субстрате. Химический анализ нескольких образцов вещества валов озер Красного и Светлого не показал следов присутствия материала железного метеорита, хотя следует отметить, что число проанализированных образцов было незначительно. Для обнаружения следов каменного метеорита необходим минералогический анализ образцов, который еще не проведен.

Окончательное решение вопроса происхождения озер и окружающих их валов возможно при дальнейших, более детальных, исследованиях.

Литература

Бобачев А.А., Большаков Д.Е., Еременко А.В., Калишева М.В., Кац С.Е., Модин И.Н. Строение верхней части оз. Озерки по данным малоглубинной геофизики // Разведка и охрана недр. № 3. 2001. С. 21—34.

Большаков Д.Е., Калишева М.В., Бобачев А.А., Модин И.Н. Геологическое строение озера озера Озерки в Калужской облати по геофизическим данным // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой, 1999. С. 13—14.

Величко А.А., Морозова Т.Д., Нечаев В.П., Порожнякова О.М. Палеокриогенез, почвенный покров и земледелие. М.: Наука, 1996. 150 с.

Вишневский С.А. Астроблемы. Новосибирск: ООО «Нонпарель», 2007. 288 с.

Есипов В.П. Калужский кратер // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Региональной научной конференции. Калуга, 3—5 апреля 2007 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2008. С. 371—374.

Мелош Г. Образование ударных кратеров: геологический процесс. М.: Мир, 1994. 336 с.

Новиков В.П. Примечательные геологические объекты в долине реки Угры// Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Вып. 3. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф.Бочкаревой, 2003. С. 13—16.

Петров В.Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга: ИД «Эйдос», 2003. 440 с.

Селивановская Т.В. Калужская астроблема // Геология астроблем. Л.: Недра, 1980. С. 44—50.

Фельдман В.И. Астроблемы — звездные раны Земли // Соросовский образовательный журнал. 1999. № 9. С. 67—74.

Хрянина Л.П. Метеоритные кратеры на Земле. М.: Недра, 1987. 112 с.

Kashkarov L.L., Badjukov D.D., Ivlev A.I., Kalinina G.V., Nazarov M.A. The Smerdyacheye lake: new evidence for impact origin and formation age // Lunar and Planetary Science, v. XXXVI. 2005.

*http://*www.meteorites.ru/menu/encyclopedia/ruscraters_ful/html.

ИСТОЧНИКИ ПОДЗЕМНЫХ ВОД В ДОЛИНЕ РЕКИ УГРЫ (ТЕРРИТОРИЯ НП «УГРА»)

В.П.Новиков**, к.г.-м.н., **Т.А.Гордеева, В.В.Супрычев,
ФГУ «Национальный парк «Угра»

Специальные работы по изучению естественных выходов подземных вод в долине р. Угры не проводились. Исключение составляют результаты опробования отдельных родников в калужской части долины реки в процессе геолого-съёмочных работ 1:50000 масштаба (1975—86гг.), а также описания 2—3-х наиболее известных источников, сделанные во второй половине 90-х годов при участии сотрудников национального парка (НП) «Угра» [1—4]. Наконец, отдельного упоминания заслуживает одна из первых для всего калужского региона обстоятельная работа В.Г.Хименкова, посвященная изучению Троица-Екатерининских источников на р.Ече [5].

В течение летнего сезона 2008 года силами НП «Угра», при поддержке гранта WWF—CocaCola, проведено целенаправленное обследование Угорского участка парка, в ходе которого зафиксировано около 100 выходов подземных вод. Детально описано с замерами температуры и дебита (мерной ёмкостью или поплавковым методом), а также опробованием на физико-химический и бактериологический анализы (всего 18 компонентов) 60 родников. Анализы выполнялись в лаборатории по качеству пищевых продуктов, продовольственного сырья и экологии г. Калуги (рук. И.Н.Лыков).

Распределение источников на территории рассматриваемого участка относительно равномерное. Большее их количество отмечается от устья р. Вори до устья р. Рессы и от начала Плюсковской «петли» до п. Товарково (рис. 1). Заметные «сгущения» наблюдаются на субмеридиональных отрезках меандр (с. Беляево, Плюсковская «петля»), а также между д. Новая жизнь и Товарковским водозабором. Практически повсеместно, за исключением нижнего течения реки (ниже Товарково), незначительно преобладают правобережные выходы. Гипсометрически источники располагаются от уреза воды в реках до 60—70 м по

80 Зак. 2219

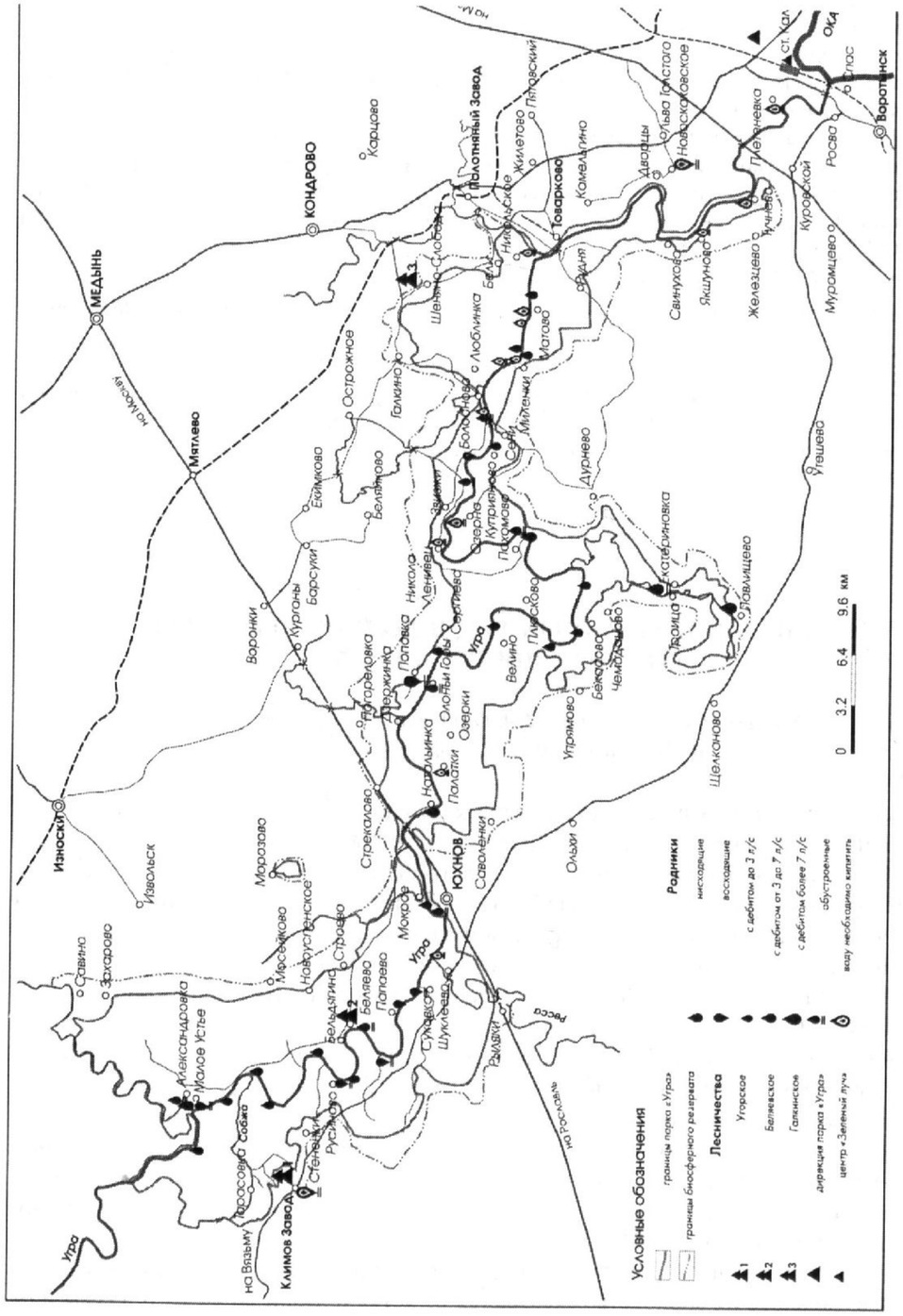


Рис. 1. Схема расположения родников на Угорском участке НП «Угра» (обозначены только опробованные источники).

превышению с максимальным удалением от русла Угры (в контурах обследованной территории) до 6 км. Родники выходят на склонах речных долин и оврагов, т.е. являются эрозионными, возникшими благодаря размывающей деятельности поверхностных вод. Среди них преобладают нисходящие (безнапорные), фильтрационные в рыхлых отложениях, реже встречаются жильные в карбонатных породах, в т.ч., восходящие (напорные).

Водоносные горизонты

Для обследованных родников предполагается их связь с следующими известными и достаточно хорошо изученными (главным образом, по скважинам) водоносными горизонтами региона [6]:

в четвертичных отложениях:
современный аллювиальный
средне-верхнечетвертичный аллювиально-флювиогляциальный
среднечетвертичный, аллювиально-делювиальный
московский водно-ледниковый
в неогеновых отложениях:
миоценовый
в каменноугольных отложениях:
алексинско-тарусский
бобриковско-тульский
упинский

Современный аллювиальный горизонт приурочен к пойменным (включая высокую пойму) отложениям в широких участках долины р. Угры. По сути является горизонтом грунтовых вод, поскольку располагается выше первого от поверхности водоупора (чаще глинистого). Водовмещающие породы — пески, супеси, суглинки. Относительно редкие родники, часто ниже уреза воды в реке. Отмечены в прирусловой части Угры, по обоим берегам, между дд. Папаево и Суковка, а также в приустьевой части р. Ремеж (д. Шуклеево). Характеризуются малым дебитом (в среднем 0,19 л/с) и достаточно прогретой водой (8,8°С).

Средне-верхнечетвертичный аллювиально-флювиогляциальный горизонт приурочен к отложениям надпойменных террас р. Угры. Стратиграфически относится в основном к верхнему звену неоплейстоцена (валдайский надгоризонт). Пески с прослоями и линзами супесей, суглинков и глин. Выдержанного водоупора в подошве не имеет, подстилается четвертичными или каменноугольными отложениями. Воды горизонта также грунтовые (за счёт инфильтрации атмосферных осадков, паводковых вод или перелива из нижележащих водоносных горизонтов). Многочисленные родники, как правило, нисходящие, в единичных случаях — слабо напорные. Расход воды источников в среднем более высокий, нежели у предыдущего горизонта — 0,41 (до 1 л/с). Родники располагаются в основном в среднем течении р. Угры: от р. Вори до г. Юхнова (дд. Александровка, Мокрое, ур. Хохловка, Косая Гора, Павлово, Русиново) и на участке Плюсковской «петли» (ур. Красное Утро, дд. Велино, Коптево, Бекасово, Свобода, Пахомово).

Среднечетвертичный аллювиально-делювиальный горизонт связан с делювиальными отложениями склонов древних балок (покровные суглинки и супеси). Довольно редкие и малодебитные (до 0,1 л/с) выходы с повышенной температурой воды (ур. Городец, дд. Олоньи Горы, Дубрава, Никольское на р. Шане).

Московский водно-ледниковый горизонт приурочен к краевым водно-ледниковым образованиям Московского оледенения, слагающим зандры (пески, суглинки с прослоями гравийно-галечного материала). Источники, иногда слабо восходящие, отмечены в районе д. Малое Устье (дебит до 1 л/с, средняя температура 7,1°С).

Миоценовый горизонт развит локально в пределах древних долин, выполненных разнозернистыми песками с прослоями глин и залегающих на каменноугольных известняках. Единственный нисходящий выход отмечен в д. Батино.

Алексинско-тарусский горизонт приурочен к терригенно-карбонатным отложениям алексинского и михайловского горизонтов нижнего карбона (визе). На описываемой территории отчасти может захватывать веневские отложения; выходы верхнего, тарусского горизонта в долинной части Угры отсутствуют. Общим водоупором служат нижележащие тульские отложения; местами возможно появление локальных глинистых водоупоров внутри

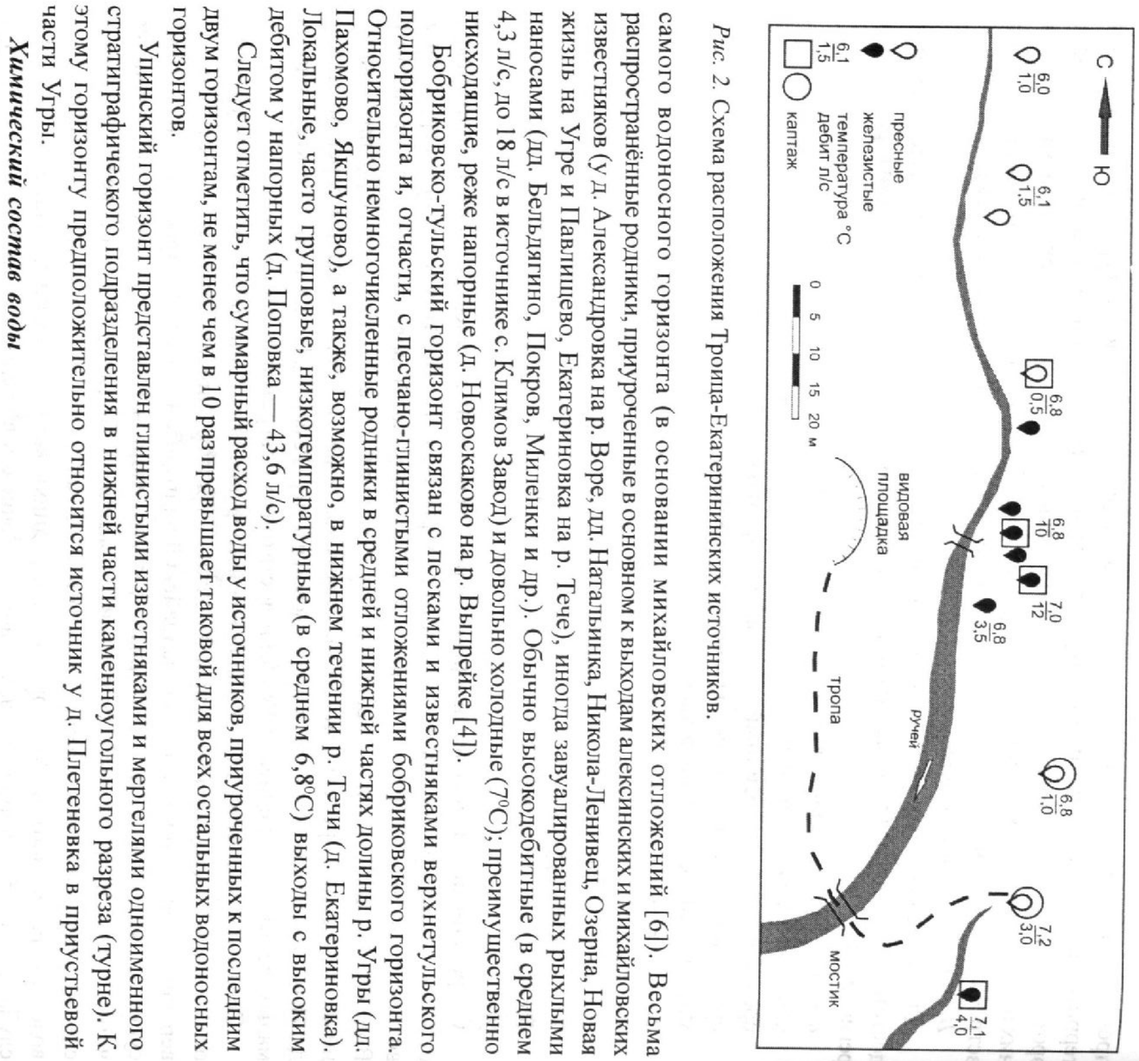


Рис. 2. Схема расположения Троица-Екатерининских источников.

самого водоносного горизонта (в основании михайловских отложений [6]). Весьма распространённые родники, приуроченные в основном к выходам алексинских и михайловских известняков (у д. Александровка на р. Воре, дд. Натальинка, Никола-Ленивец, Озерна, Новая жизнь на Угре и Павлищево, Екатериновка на р. Тече), иногда завуалированных рыхлыми наносами (дд. Бельдягино, Покров, Миленки и др.). Обычно высокодебитные (в среднем 4,3 л/с, до 18 л/с в источнике с. Климов Завод) и довольно холодные (7°С); преимущественно нисходящие, реже напорные (д. Новоскаково на р. Выпрейке [4]).

Бобриковско-тульский горизонт связан с песками и известняками верхнетульского подгоризонта и, отчасти, с песчано-глинистыми отложениями бобриковского горизонта. Относительно немногочисленные родники в средней и нижней частях долины р. Угры (дд. Пахомово, Якшуново), а также, возможно, в нижнем течении р. Течи (д. Екатериновка). Локальные, часто групповые, низкотемпературные (в среднем 6,8°С) выходы с высоким дебитом у напорных (д. Поповка — 43,6 л/с).

Следует отметить, что суммарный расход воды у источников, приуроченных к последним двум горизонтам, не менее чем в 10 раз превышает таковой для всех остальных водоносных горизонтов.

Упинский горизонт представлен глинистыми известняками и мергелями одноименного стратиграфического подразделения в нижней части каменноугольного разреза (турне). К этому горизонту предположительно относится источник у д. Плетеневка в приустьевой части Угры.

Химический состав воды

Воды родников в четвертичных отложениях преимущественно нейтральные, с некоторой тенденцией к кислой реакции у аллювиально-делювиального и щелочной (для отдельных выходов) аллювиально-флювиогляциального горизонтов (табл. 1). Преобладающий химический тип воды — гидрокарбонатный группы кальция, за исключением аллювиально-делювиального горизонта, для которого отмечаются воды с кальциево-магниевой специализацией. Общая минерализация воды различна: достаточно высокая (до 446 и 540 мг/л) в водно-ледниковых и аллювиально-флювиогляциальных горизонтах (соответственно у них повышенная жесткость: 4,8 и 4,5 мг·экв/дм^3) и весьма низкая (130 мг/л) — в аллювиально-делювиальных (жесткость 1,1 мг·экв/дм^3). В источниках водно-ледникового горизонта эпизодически фиксируется повышенное содержание железа — до 1,5 мг/дм^3, что превышает предельно допустимые концентрации (ПДК — 0,3 мг/дм^3). В целом по железу наблюдается увеличение его содержаний стратиграфически от верхних к нижним водоносным горизонтам четвертичных отложений.

Единственный родник миоценового горизонта отличается повышенной общей минерализацией (520 мг/л) и жесткостью воды (6,1 мг·экв/дм^3).

Источники алексинского-тарусского горизонта исключительно гидрокарбонатно-кальциевые, с умеренной минерализацией (лишь в выходе у с. Павлищево — 568 мг/л) и жесткостью. В целом вода родников нейтральная (pH 7,61), но иногда слабо щелочная (8,19 у д. Бельдягино). Концентрации основных катионов и анионов достаточно выдержаны и не испытывают значительных колебаний (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика водоносных горизонтов.

Водоносный горизонт	Кол-во родников	Дебит, л/с	Температура воды, °С	Химический тип воды	pH	Минерализация мг/л	Жесткость мг·экв/дм^3	$\frac{HCO_3 \cdot SO_4}{Ca \cdot Mg \cdot Na}$ мг/дм^3	Fe, мг/дм^3
В четвертичных отложениях									
Современный аллювиальный	3	0,04–0,38* 0,19	8,5–9,0 8,8	Гидрокарбонатный кальциевый	7,33–7,58 7,47	288 – 293 291	3,0 – 3,5 3,2	162,7 · 16,7 51,6·7,2·15,2	0,05–0,12 0,08
Средне-верхнечетвертичный аллювиально-флювиогляциальный	16	0,02–1,0 0,41	6,8–13,2 8,8	Гидрокарбонатный кальциевый	6,71–8,17 7,68	280 – 540 391	2,9–6,4 4,5	252,7 · 12,0 71,2·11,3·13,3	0,01–0,52 0,14
Среднечетвертичный аллювиально-делювиальный	4	0,05–0,12 0,09	8,5–11,4 10,0	Гидрокарбонатный кальциевый и кальциево-магниевый	6,25–6,50 6,35	100 – 167 130	0,99–1,3 1,1	52,9 · 9,2 13,2·5,2·16,0	0,06–0,55 0,29
Московский водно-ледниковый	2	0,75 – 1,0 0,88	6,6–7,6 7,1	Гидрокарбонатный кальциевый	7,23–7,27 7,25	420 – 446 433	4,5–5,0 4,8	277,6 · 14,0 72,5·13,5·36,5	0,04–1,5 0,77
В неогеновых отложениях									
Миоценовый	1	0,3	8,0	Гидрокарбонатный кальциевый	7,50	520	6,1	256,2 · 56,8 95,2·16,9·21,0	0,05
В каменноугольных отложениях									
Алексинско-тарусский	23	0,07–18,0 4,3	6,4–8,4 7,0	Гидрокарбонатный кальциевый	7,32–8,19 7,61	315 – 568 416	3,1–6,0 4,5	263,5 · 15,7 74,8·9,1·22,4	0,007–0,4 0,08
Бобриковско-тульский	10	0,66–43,6 12,6	6,2–7,4 6,8	Гидрокарбонатный кальциевый	7,14–7,98 7,58	371–510 452	3,9–5,5 4,8	292,8 · 18,5 72,4·14,1·22,8	0,24–2,7 0,9
Упинский	1	2,5	–	Гидрокарбонатно-сульфатный кальциевый	7,22	878	9,2	286,0 · 247,0 138,9·27,7·80,0	0,09

Примечание: * здесь и далее в числителе дроби указываются крайние значения, а в знаменателе — средние.

*Таблица 2.*Санитарная характеристика вод.

Водоносный горизонт	Количество родников	Окисляемость, мгО$_2$/ дм^3 (ПДК: 5–7)	Количество проб с превышением ПДК МАФАМ	Количество проб с превышением ПДК БГКП
В четвертичных отложениях				
Современный аллювиальный	3	0,6–1,2 / 1,1	1 (1)*	3
Средне-верхнечетвертичный аллювиально-флювиогляциальный	16	0,54 – 3,8 / 1,52	3 (4)	9
Среднечетвертичный аллювиально-делювиальный	4	2,3–6,9 / 4,1	1	3
Московский водно-ледниковый	2	1,8–2,2 / 2,0	1	1
В неогеновых отложениях				
Миоценовый	1	1,4	0	0
В каменноугольных отложениях				
Алексинско-тарусский	20	0,54–2,1 / 1,3	8 (1)	12
Бобриковско-тульский	5	0,54–2,2 / 1,32	1	3
Упинский	1	13,9	0	1

Примечания: МАФАМ – мезофильные аэробные факультативные анаэробные микроорганизмы (количество бактерий в 1 мл; ПДК – 100); БКГП – бактерии группы кишечной палочки (количество бактерий в 100мл; ПДК – 0); * – в скобках указано количество проб со значениями, приближающимися к предельно допустимым концентрациям (ПДК).

Воды родников, приуроченных к бобриковско-тульскому горизонту, преимущественно гидрокарбонатно-кальциевые, средней жесткости (4,8 мг.экв/дм^3). Однако они отличаются повышенным содержанием железа (среднее 0,9 мг/дм^3), что позволяет в отдельных случаях относить их к разряду минерализованных и минеральных. Таковыми являются уникальные (каждый по-своему) Поповский и Троица-Екатерининские источники. В Поповском содержание железа достигает 3,3 мг/дм^3, что вместе с повышенным количеством кремния (9—12 мг/дм^3) создаёт в родниковом пруду благоприятную среду для обильных диатомовых водорослей и поселяющихся на них железобактерий [3]. В группе Троица-Екатерининских источников чередуются выходы безнапорных пресных и железистых вод с общим дебитом более 50 л/сек (рис. 2). Не исключено,что железистые выходы обязаны своим происхождением подтоку вод из кровли бобриковско-тульского горизонта, хотя пресные однозначно связаны с алексинскими известняками (другой вариант объяснения столь редкого явления — наличие локальных водоупоров в подошве алексинско-тарусского водоносного горизонта). Содержание железа в Троица-Екатерининских источниках достигает 8—12 мг/дм^3 [3], что позволило в своё время высказать мнение о сходстве их с липецкой минеральной водой [5].

Вода единственного родника из упинского горизонта относится к гидрокарбонатно-

сульфатному типу группы кальция. Эту воду отличает повышенное содержание натрия, высокая минерализация (878 мг/л) и жесткость (9,2 мг.экв/дм^3).

Санитарная характеристика вод

Для оценки качества родниковой воды для питьевых целей анализировались содержания хлоридов, калия, а также преимущественно биогенных азотистых и фосфатных соединений. Превышение предельно допустимых концентраций по этим компонентам нигде не отмечено. Кроме того, учитывались показатели перманганатной окисляемости, но основное внимание уделялось содержанию микроорганизмов и бактерий группы кишечной палочки (табл. 2).

Родниковые воды четвертичных отложений характеризуются сравнительно низкой окисляемостью, за исключением аллювиально-делювиального горизонта. По микробиологическим показателям около половины источников в каждом горизонте являются неблагополучными из-за повышенного общего содержания микроорганизмов (МАФАМ), а по кишечной палочке — более половины. Практически не отвечают санитарным нормам, предъявляемым к питьевой воде, родники современного аллювия и в значительной степени — аллювиально-делювиальные источники. Воду таких родников необходимо кипятить перед употреблением (рис. 1). В целом наилучшим (но не абсолютным) качеством по всем признакам обладают выходы аллювиально-флювиогляциального горизонта.

Родники в каменноугольных отложениях по степени окисляемости и общему содержанию микроорганизмов, могут считаться относительно благополучными (в первую очередь это касается выходов бобриковско-тульского горизонта, но ни в коей мере не относится к упинскому горизонту). Однако более половины проб, взятых из этих «благополучных» источников, как правило, содержат кишечную палочку (табл. 2). Таким образом, по общей санитарной характеристике воды каменноугольных горизонтов мало превосходят таковые из четвертичных отложений — они также нередко нуждаются в кипячении.

Но, в отличие от стратиграфических, гораздо более очевидны географические, территориальные особенности загрязнения родников. Количество таких источников в целом увеличивается сверху вниз по течению реки, от Юхновского к Дзержинскому району, что объясняется большей хозяйственной освоенностью последнего, высокой плотностью застройки и увеличением общего антропогенного воздействия на окружающую среду. Ухудшение качества воды в родниках обычно отмечается при приближении к населённым пунктам (особенно в связи со стихийными свалками в оврагах), к местам выгона скота и массового летнего отдыха, а также вблизи автодорог.

Использование родников

Виды использования родников и их значение в жизни людей с течением времени неизбежно меняются. Не исчезает, вероятно, лишь главная их функция в качестве источников питьевой воды.

Вместе с тем в долине Угры известны родники, которые до недавнего времени использовались для различных хозяйственных и промышленных нужд. Так, мощный источник в д. Поповка был окружен земляным валом и на сливе возникшего таким образом пруда (40х70 м) долгое время успешно работала мельница [3]. У источника вблизи с. Климов Завод сохранился канал-водовод протяженностью в несколько сотен метров, по которому родниковая вода поступала в село и использовалась на местном кирпичном заводе. Троица-Екатерининские источники одно время служили своеобразным холодильником для молочной продукции здешнего колхоза. Намечавшееся же в начале 20-го столетия бальнеологическое использование этих источников [5], по-видимому, так и осталось нереализованным. Какое-то время для подобных целей использовался ныне угасший Резванский источник при слиянии Угры и Оки. Но питавший его водоносный горизонт с сульфатной магниево-кальциевой минерализацией связан с более древними верхнедевонскими отложениями [1].

Некоторые из ныне существующих источников подземных вод представляют не только историческую, но и определённую этнокультурную ценность. Так, с рядом родников до сих пор связаны интересные легенды и поверья. Сохранилась, например, легенда о том, как появился сегодняшний Пахомовский родник (здесь и далее сведения по Дзержинскому району предоставлены М.И.Тропиной). Ранее он находился в деревне, но, когда в православный праздник женщины стали полоскать в нём бельё, родник с грохотом переместился на противоположный берег Угры и занял новое место на опушке леса. Происхождение некоторых источников, именуемых сегодня или ранее «гремячими», «гремучими» (тот же Пахомовский,

или один из ключей Троица-Екатерининской группы) объяснялось ударами «огненных стрел» Ильи Пророка (т.е., молнии), вследствие чего они считались святыми. На них ставили кресты, устраивали часовни (прежде была на Поповском роднике). Освященные таким образом родники иногда называли «серебряными» (б.м. отсюда и идёт поверье, что вода святых источников всегда содержит серебро?). В частности, это название издавна сохраняется за родником у д. Миленки, а в наши дни так стали именовать святой Пахомовский источник. В противовес целительной, как считалось, силе святых родников указывались и источники с плохой, или «мёртвой» водой. Так, в 400 м ниже Пахомовского, на берегу Угры, имеется небольшой и заросший ключ, называемый поныне «Мертвым» (справедливости ради укажем, что вода в нём действительно не лучшего качества, но отнюдь не ядовита).

Безусловный интерес представляют источники, за которыми закреплены имена людей, впервые занявшихся их обустройством. Таковым, например, является Ходыкинский родник у д. Новая жизнь. Прежде эта деревня называлась Ходыкино по имени монаха Тихоновой Пустыни, поселившегося здесь до Октябрьской революции. У д. Куприяново находится источник «Баранов колодец», названный так по фамилии человека, служившего у местной барыни. Он углубил этот родник, выложил камнем и использовал для хранения свежевыловленной рыбы.

Современное использование родников Поугорья сводится в основном к потреблению их воды в качестве питьевой, реже — для хозяйственно-бытовых целей. В частности, ручей от родников на Выпрейке (д. Новоскаково) по-прежнему используется для полоскания белья (т.н. «портомойка»). Правда, дебит этих родников заметно поубавился после начала откачки питающего их горизонта соседним заводом по розливу воды «Окололуга». Родники, объявленные государственным памятником природы в 1996 году, по этой причине постепенно заиливаются и зарастают.

В сегодняшнем использовании источников подземных вод есть как положительные, так и негативные примеры, связанные прежде всего с их обустройством — каптажом. Лишь небольшая часть обследованных родников благоустроена для общего пользования (дд. Батино, Олоньи Горы, Озерна, Сени, Новая жизнь, Якшуново и ряд ругих). Частично обустроены бетонными кольцами и другими приспособлениями источники в дд. Малое Устье, Дубрава, Никольское, но вода из них откачивается насосами для личных нужд двух-трёх хозяев. Некоторые из благоустроенных родников являются местами экскурсионного посещения (Поповка, Троица-Екатерининские) или религиозного поклонения (Шуклеево, Пахомовский). В культовых целях (особенно в крещенские праздники) используются и ряд других источников, но их благоустройство оставляет желать лучшего.

Обязательное условие сохранения подземных источников, помимо их благоустройства и расчистки от заиливания — соблюдение традиций неразрушающего природопользования. Свалка мусора, захоронения вблизи родников, промышленные и сельскохозяйственные отходы и другие последствия антропогенной деятельности значительно ухудшают качество воды, зачастую делая её непригодной для питья. Нерациональное использование источников может привести к их угасанию и полному исчезновению.

Литература

1. *Новиков В.П., Крюкова Т.В.* Источники подземных вод в долине реки Угры как объекты особой охраны // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Калуга, 1996. С. 22—25.

2. *Новиков В.П., Семенова И.В., Коршунова Л.А.* Геолого-гидрохимическая и микробиологическая характеристика Троица-Екатерининских источников подземных вод // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга, 1999. С. 19—22.

3. *Новиков В.П., Воронкина Н.В., Журавлев С.И., Семенова И.В.* Биолого-гидрохимические особенности Поповского родника // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга, 1999. С. 22—24.

4. *Новиков В.П., Гарифуллина З.А.* Памятник природы «Родники на Выпрейке» // Природа и история Поугорья. Вып. 2. Калуга: Полиграф-информ, 2001. С. 15—16.

5. *Хименков В.Г.* Троица-Екатерининские минеральные источники Мещовского уезда Калужской губернии // Геологический комитет. Материалы по общей и прикладной геологии. Вып. 13. Петроград, 1917. С. 1—19.

6. *Петров В.Г.* Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. Калуга: Эйдос, 2003. 440 с.

К ВОПРОСАМ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ И УЧЕТЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ВЫХОДОВ ПОДЗЕМНЫХ ВОД НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

***В.И. Меленчук**, к.г.н.,*

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Вся история существования человечества показывает, что непременным условием освоения территории была вода. Одним из факторов при выборе поселений могли стать вскрывающиеся естественным образом подземные воды — родники и источники. С ними ещё у славян связаны разнообразные культы и верования. Очень многие из родников и в наши дни служат объектами религиозного поклонения и носят названия Святых. В пределах Калужской области в каждом административном районе найдутся такие родники.

В пределах Калужской области известно множество естественных водопроявлений в виде родников [Меленчук, 2001; Атлас…2005]. Некоторые из них упоминаются ещё в писцовых и платёжных книгах XV—XVI вв.: Шатеевский ключ, Баев (Басов) колодец и некоторые другие. Издавна использование родниковых вод в нашей местности было крайне разнообразно. Иногда остаётся только удивляться природной смекалке и рационализму в использования этих источников, водоёмов и ручьёв нашими предками. Широкую известность получили и минеральные воды области, представленные в Резванском источнике, в Троица-Екатерининских источниках, источниках Козельского района.

На планах городов XIX столетия можно увидеть целый комплекс из водотоков и водоёмов с использованием родниковых вод. На родниковых ручьях устраивали мельницы, при этом использовались «ключистые места, обильные водой» [Меленчук, 2001а; Сафонова, 2005]. Примерами могут служить мельница на родниковом ручье Черноостровского Николаевского монастыря Малоярославца и мельница на Зелёном крупце в Калуге. В долине р. Оки ниже устья р. Упы в середине XIX в. также существовали мельницы. Такой же была мельница на Зелёном Крупце в Калуге, где вода из родника по деревянному желобу направлялась на мельничное колесо, вращавшее две пары жерновов. В долине р. Лужи, на её высоком берегу, недалеко от Малоярославецкого Черноостровского монастыря, в документах 1765 г. упоминалась *«состоящая под монастырём на ключе об одном поставе мельница, коя построена монашеским имением»*. В ней толкли ивовую кору, которую монастырь продавал на московские кожевенные заводы, поэтому она и называлась *«колотовкой»* [Кавелин, 1903].

Широко известно об использовании естественных водопроявлений в виде родников для питьевых и бытовых нужд. Как известно, первый водопровод в Калужской губернии был открыт в Козельске в 1874 г. и воду получал из р. Жиздры. Он был сооружён по проекту техника-инженера губернской Земской управы И.И. Лилье [Фридгельм, 1998]. Первый же водопровод на основе родниковой воды был торжественно открыт 6 января 1887 г. в Калуге. В нём использовалась вода из Зелёного Крупца. Она поступала в водонапорную башню и систему трубопроводов, имевшую две каменные и шесть деревянных водозаборных будок, 30 запорных и 78 пожарных кранов. Годом позже в Малоярославецком Черноостровском Николаевском монастыре архимандрит о. Пафнутий *«устроил по всем монастырским службам, гостинице и конному двору водопровод из ключа в овраге, что ниже конного двора — над ним сделан круглый деревянный, крытый деревом, шатёр, где ходит лошадь для водокачки, а для резервуара с водою устроена на горе близ Святых ворот, около часовни, между нею и гостиницею круглообразная каменная тёплая башня, вышиною 12 аршин, крыта железом и окрашена медянкою; в ней 1 печь, 6 окон и 1 дверь; на это израсходовано 5 000 рублей»*.

Использовалась вода и в так называемых портомойках (платьемойках). До наших дней дошли подобные сооружения не только в сельской местности, но даже в городах — Малоярославце, Тарусе. Предки наши при возведении бань также учитывали наличие естественных выходов подземных вод. Так появилась баня на Зелёном Крупце в Калуге, и так называемая «Старая баня» в Малоярославце.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Калужской области (грант №09-05-97518).

Отдельно стоит упомянуть и об использовании родниковых ручьёв. Издавна их подпружали и использовали для разведения рыбы, особенно при монастырях (рыбные сажалки). Родниковые водоёмы, обязанные своим происхождением массовому вскрытию подземных вод, служили и прудами-холодильниками. В Мосальском районе один из таких прудов служил холодильником молочной фермы вплоть до 1990-х годов. В Ферзиковском районе родниковый пруд использовался для снабжения паровозной тяги водой. Ещё один родниковый пруд сохранился под Малоярославцем в районе так называемой «Засолочной». Здесь был пункт по засаливанию грибов и огурцов, просуществовавший до начала 1970-х годов. В Малоярославце родниковые водоёмы использовались и как пожарные пруды, а в зимний период один из них служил ещё и городским катком. В предвоенные годы на родниковых ручьях было построено и несколько миниГЭС.

Интерес к промышленному использованию подземных вод был представлен сооружением на их базе хлебопекарен, цехов по производству безалкогольных напитков, морса, патоки. На основе родников были организованы некоторые водозаборы ферм. В смутные 1990-е годы были попытки производить на основе родниковых вод даже пиво, но дело не пошло. В наши дни на основе естественных водопроявлений были созданы предприятия по розливу питьевых вод в Жиздринском (Белый колодец), в Думиничском (Цветной колодец) и Барятинском (Сельцовский родник) районах.

В современном мире одними из важнейших глобальных проблем человечества являются экологическая и проблема обеспеченность населения качественной пресной водой. Мировой опыт изучения естественных выходов подземных вод в основном связан с повышенным интересом к этим проблемам в Западной и Восточной Европе. Уже в XIX веке проводились интенсивные исследования, направленные на изучение родников Франции, Германии, Болгарии. В конце XIX—начале XX вв. большой вклад в изучение естественных выходов подземных вод внесли немецкие учёные Холлер-Реутер, Губер, Мейнцер, Дитцель [Кампе, 1937; Принц, 1937]. Они исследовали механизмы функционирования родников, их пригодность для водоснабжения. При ограниченности ресурсов питьевой воды уже в XX в. были выявлены и учтены основные естественные водные источники, проводились дальнейшие наблюдения за ними.

В современных условиях при повышающемся интересе к рациональному использованию ресурсов большую роль отводят исследованию родников не только как источников доступного водоснабжения (иногда резервного, изредка и промышленного), но и как элементов естественных природных ландшафтов, своеобразных индикаторов самочувствия окружающей природной среды.

С каждым годом возрастает интерес к родникам как к составляющей естественных и антропогенно изменённых ландшафтов. Ряд исследований был проведён с оценкой подземного питания рек в пределах Калужской области [Семёнов, Семёнова, 2002]. Опубликованы отдельные работы, выполненные по результатам исследования родников в Томской области [Назаров, Вертман, 2004], на Среднем Урале в Свердловской и Челябинской областях [Елохина, Юркин, 2007], в Оренбургской области [Сивохип, 2005], в Поволжском регионе (Волгоградская область); есть работы и по родникам Москвы и Московской области [Швец, Лисенков, Кучаев, 1998]. Поднимаются вопросы и о проблемах присвоения родникам статуса памятников природы [Дерягин, Мочалова, 2005].

Передовой опыт в исследовании родников большим коллективом учёных принадлежит Уральскому региону. Здесь была создана централизованная база данных по родникам на основе ГИС-технологий. В её в основу положены материалы наблюдений за естественными выходами подземных вод в регионе, проводящиеся с перерывами на протяжении более 40 лет. Наблюдением охвачены и составляют основу базы данных боле 1 500 родников.

Много говорится и о рекреационном (бальнеологическом) использовании родниковых вод. Опыт использования до ВОВ Резванского источника под Калугой служит об этом напоминанием. С каждым годом возрастает интерес к источникам, служащим объектами религиозного поклонения; паломничество, связанное и с их посещением, приобретает всё больший размах. Однако неутешительны результаты отбора проб родниковой воды по химическому и бактериологическому загрязнению, особенно в пределах крупных населённых пунктов, оказывающих негативное влияние на подземные воды.

Несомненно, исследования, проводившиеся ранее и осуществляемые ныне в пределах

Калужской области с использованием мирового и передового отечественного опыта позволят:

— создать детальную базу данных о родниках Калужской области;

— закартировать родники Калужской области на сводной карте и создать единую ГИС систему по ним;

— выявить и закрепить сеть пунктов наблюдений для создания рядов данных по некоторым параметрам геоэкологического состояния родников, в том числе и защищённости от негативных воздействий;

— продолжить изучение родниковой составляющей в питании рек, озёр, болот;

— уточнить список родников-памятников природы местного и регионального значения;

— дать конкретные рекомендации по охране и сохранению родников как уникального природного наследия Калужской области.

Позиционная точность информации в базе данных обеспечивается использованием приборов GPS Garmin 60, а надёжность данных по родникам и родниковым ручьям возможна при комплексном использовании следующих источников информации: архивных сведений, материалов фондов и отчётов, литературных данных, картографических материалов различного времени, масштабов и тематики, данных полевых и экспедиционных исследований, фотографической информации, данных лабораторных исследований.

Для формирования базы данных используется лицензионный программный продукт MapInfo. Используются топографические основы масштабов 1:200 000 и 1:50 000. Визуализация информации в базе данных по родникам Калужской области может быть представлена в следующих тематических слоях:

— распределение естественных выходов подземных вод по административным районам;

— распределение естественных выходов подземных вод по бассейнам рек;

— классификация источников по дебиту;

— химический состав родниковых вод;

— геология естественных выходов подземных вод;

— защищённость основных водоносных горизонтов питающих родники;

— ландшафтная характеристика родников;

— использование естественных выходов подземных вод;

— экологические риски и возможность безопасного использования родниковых вод;

— санитарно-техническое состояние родников и родниковых водоёмов;

— участие родников в питании поверхностных водоёмов;

— родники и родниковые водоёмы — памятники природы;

— оценка состояния родников и родниковых ручьёв городских территорий Калужской области.

Для рационального управления ресурсами необходима детальная информация об их наличии, качестве, возможности и перспективности дальнейшей эксплуатации. Поэтому создание базы данных по родникам имеет исключительно практическую направленность. Использование современных технологий позволит проводить постоянное пополнение базы новой информацией, поддерживая на современном уровне, уточняя и расширяя её содержание.

Литература

Атлас Калужской области. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкарёвой, 2005. 48 с.: карт., ил.

Дерягин В.В., Мочалова С.А. Некоторые проблемы присвоения родникам статуса памятника природы на территории Челябинской области // Матер. Междунар. Симпоз. «Чистая вода России—2005». Екатеринбург: ФГУП РосНИИВХ, 2005. С 128—129.

Елохина С.Н., Юркин А.С. Современное состояние родникового стока на территории Уральского гидрогеологического массива (Средний Урал) // Водные ресурсы. Т. 34, 2007. № 5. С. 631—640.

Кавелин Л.А. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. СПб., 1903. С. 37, 125.

Меленчук В.И. Родники городов и пригородов. К вопросу о естественных выходах подземных вод в бассейне Верхней Оки. Малоярославец, 2001. С. 183—206.

Меленчук В.И. Распределение, использование и гидроэкологическое состояние естественных выходов подземных вод в бассейне Верхней Оки // Автореф. дис. канд. геогр. наук. Калуга, 2001. 24 с.

Назаров А.Д., Вертман Е.Г. Родники города Томска — ландшафтно-родниковое районирование городской территории //Актуальные проблемы биологии, медицины и экологии. Т. 3, 2004. № 4.С. 44—49.

Принц Е., Кампе Р. Гидрогеология. Т.2. Источники. М.: Сельхозгиз, 1937. 312 с.

Сафонова Г.Б. Мельницы Верхней Оки: природная среда и традиционное производство // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: МатериалыXI Всерос. науч. конф. 5—7 апреля 2005 г. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2005. С. 89—91.

Семёнов В.А., Семёнова И.В. Водные ресурсы и гидроэкология Калужской области. Обнинск: НПЦ «Технограф», 2002. 255 с.

Сивохип Ж.Т. Родниковое районирование и использование его результатов при оценке рекреационного потенциала территории (на примере Оренбургской области)//Поволжский экологический журнал, 2005. № 2. С. 158—166.

Фридгельм Е. Калуга и калужане. Быт и нравы жителей губернского города (конца XIX—начала XX вв.). Калуга: Золотая аллея, 1998. 160 с.

Швец В.М., Лисенков А.Б., Кучаев В.Л., Попов Е.В, Головин В.В. Формирование родникового стока на территории Москвы // Водные ресурсы. Т. 25, 1998. № 6. С. 652—660.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУСЛА ВЕРХНЕЙ ОКИ: ИСЧЕРПАН ЛИ ПОТЕНЦИАЛ САМОВОССТАНОВЛЕНИЯ?

***К.М.Беркович**, д.г.н., **Л.В.Злотина**, к.г.н., **Л.А.Турыкин**, к.г.н.,*
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Физико-географические условия

Ока — второй по величине правый приток Волги, берет начало в окрестностях д. Александровки Глазуновского района Орловской области. Площадь бассейна составляет 245 000 км^2. Длина реки — около 1500 км. Уклон реки уменьшается от верховьев к устью, составляя в среднем 0,11 ‰. Среднемноголетний расход воды в Орле — 76,4 м^3/с, в Калуге — 300 м^3/с, в устье — 1300 м^3/с, что соответствует годовому объему стока 41 км^3. Годовая амплитуда уровней воды в верхнем течении реки (до впадения р. Москвы) составляет в среднем 7—8 м, максимальное значение достигает 12 м.

Бассейн Оки расположен на границе двух природно-климатических зон — лесной и лесостепной. В пределах бассейна выпадает ежегодно 700—600 мм атмосферных осадков. Питание реки преимущественно снеговое (60%); дождевое и грунтовое питание составляют соответственно 23% и 17% [1]. Тип водного режима — восточно-европейский с высоким половодьем, низкой летней и зимней меженью, повышенным стоком осенью.

Строение долины и русла

От впадения Угры до впадения Москвы Ока пересекает северный склон Средне-Русской возвышенности и имеет относительно узкую долину, ширина которой колеблется от 0,4 до 3 км. Борта долины имеют приблизительно одинаковую крутизну. При этом правый коренной берег в среднем на 20—30 м выше, чем левый — их высота над меженным уровнем воды составляет соответственно 80—100 м и 60—70 м. Река слабоизвилистая (коэффициент извилистости от Калуги до Коломны — 1,4. Для сравнения: на участке: Касимов—Елатьма коэффициент извилистости — 3, в районе Горбатова — 4; на всем протяжении участка течет поочередно вдоль одного из коренных берегов, образуя пологие излучины, разделенные относительно прямолинейными участками. В местах сужения долины коренные склоны подходят к реке по обоим берегам. Пойма в основном односторонняя, т.е. располагается попеременно на одном из берегов в виде обособленных массивов сегментной формы. Высота ее составляет 5—8 м, ширина редко превышает 1,5 км. Наибольшая ширина поймы — около 2,5 км, отмечается у гг. Серпухов и Озеры. Уступы пойменных берегов сложены в основном супесчано-суглинистым материалом, что определяет их достаточно большую устойчивость к размыву. Коренные склоны сложены преимущественно моренными суглинками днепровского оледенения, на участке между г. Алексин (1 035 км) и устьем Протвы (987 км) в береговых обрывах обнажаются известняки визейского яруса нижнего карбона.

Русловые отложения (аллювий) Оки на этом участке имеет среднюю мощность 8—10 м при наибольшем значении около 18 м. Разрез русловых отложений включает чередующиеся пачки песков и песчано-гравийно-галечной смеси. Русловые отложения подстилаются

коренными породами — известняками нижнего и среднего карбона, юрскими глинами, ледниковыми отложениями днепровского возраста — моренными суглинками и глинами. Коренные породы местами выходят на поверхность дна. Руслообразующие наносы, слагающие верхний (активный) горизонт аллювия, представлены разнозернистыми песками, гравием, мелкой галькой, илами. Иногда встречаются рыхлые скопления современных речных моллюсков. На отрезках бытового русла (то есть там, где антропогенное воздействие сводится только к путевым работам на перекатах, а влияние русловых карьеров проявляется лишь косвенно), пески покрывают примерно 76,5% поверхности русла, илы — 9%, гравийно-галечные отложения и коренные породы — 14,5%

Ширина меженного русла на отрезке от Калуги до Белых Колодезей изменяется разнонаправлено в интервале от 180 до 250 м; ниже по течению к устью р.Москвы Ока расширяется до 400 м. Местами наблюдаются резкие сужения реки до 100 м (например, в районе Дугны, Алексина, Велигожа).

По длине реки происходит чередование глубоководных и мелководных участков — плесов и перекатов. Нормальная глубина плесов на верхней Оке составляет 3—5 м, на перекатах наибольшие глубины русла уменьшаются до 1—1,7 м. На участке от Калуги до Серпухова длиной 130 км общая протяженность перекатов в настоящее время составляет 48 км (37%), плесов — 50 км (38%). Остальная часть русла длиной 32 км (25%) занята русловыми карьерами. На участке от Серпухова до Коломны протяженность перекатов составляет 61 км, плесов — 30 км, русловых карьеров — 29 км.

Главные факторы антропогенной нагрузки и их воздействие на русловой режим

Ока, протекая по самой густонаселенной территории России, подвержена интенсивному антропогенному воздействию. Основными его факторами в настоящее время выступают сельскохозяйственное освоение территории, городское строительство, деятельность промышленных предприятий, добыча полезных ископаемых по берегам, водозабор для промышленного, коммунального и сельскохозяйственного водоснабжения, дноуглубительные работы для нужд судоходства и, наконец, добыча строительных материалов — песчано-гравийной смеси (ПГМ) в русле реки.

Сведение лесов и распашка территории водосборных бассейнов всегда приводит к увеличению поверхностного стока воды и его неравномерности, а это способствует развитию эрозии, росту овражной сети и усилению стока наносов в реки. В настоящее время леса покрывают 20—30 % площади окского бассейна. Современная распаханность территории составляет 30—50% (в верховьях бассейна — до 75%). Модули стока наносов со склонов в верховьях бассейна превышают 50 т/км^2/год; вниз по течению они уменьшаются, составляя в Калуге 19 т/км^2, в Муроме — 7,5 т/км^2/год [2]. Малые реки оказываются не в состоянии переносить поступающие в них наносы, заиливаются и отмирают. Кроме избыточного поступления наносов к исчезновению малых рек в последние десятилетие приводит их искусственная засыпка в процессе коттеджного строительства и так называемого «ландшафтного дизайна».

Ока снабжает водой такие крупные города, как Орел, Тула, Калуга, Серпухов, многочисленные промышленные предприятия, сельскохозяйственные предприятия, прежде всего расположенные в пойме Оки. Водозабор из реки на различные нужды достигает к створу Каширы около 3,5 км^3 в год (1/3 годового стока воды). При этом безвозвратные потери для створа Каширы можно оценить в 0,5—0,6 км^3, что составляет около 5% годового стока воды.

Судоходство на верхней Оке началось с 1858 года. Осуществлялось оно от г. Чекалина, правда, только при высоких горизонтах воды. С 30-х до начала 90-х годов XX века судоходные условия поддерживались на участке ниже Калуги. В 1994 г. верхняя Ока была исключена из федеральной программы гарантированных габаритов водных путей, что означало конец судоходства. Однако с 2007 г. верхняя Ока снова включена в данную программу. На верхней Оке уже с начала XX века судоходные условия поддерживались исключительно за счет русловыправительных и дноуглубительных работ, объемы которых из года в год нарастали. В начале 1990-х гг средний годовой объем дноуглубления на одном км переката составлял на разных участках реки от 10 до 20 тыс.м^3.

В начале 50-х годов на Оке появился новый мощный фактор техногенного воздействия — добыча строительных материалов (ПГМ) непосредственно из русла реки. Это наиболее дешевый способ получения строительного материала, сочетающий технологическую

83 Зак. 2219

простоту производства, высокое качество продукта и удобство доставки его потребителю. Спрос на строительный материал был обусловлен потребностями послевоенного восстановления народного хозяйства и последующего массового жилищного строительства. Объемы добычи постоянно нарастали, и в начале 1990-х гг достигали в среднем 4 млн.м³ в год руслового песчано-гравийного материала. Подсчеты показывают, что к началу 90-х годов из русла реки между Калугой и Коломной безвозвратно извлечено более 50 млн.м³ [3].

Русловые карьеры разработаны в пределах русловых месторождений в районе Калуги, Алексина, Серпухова, Каширы, Коломны. Всего на верхней Оке разведано 26 русловых месторождений. Большинство карьеров разработано от берега до берега на глубину 12—15 м. Длина одиночных карьеров может сильно различаться, как правило, она лежит в интервале от 0,5 до 1,5 км. На некоторых месторождениях отдельные русловые карьеры в процессе многолетней добычи сливались в единый протяженный карьерный участок со сложным подводным техногенным рельефом. Такие гигантские карьеры в 1991—92 годах располагались ниже Калуги — Криушинский (длина 4 км); система старых карьеров в городской черте Алексина (длина 3 км); ниже Алексина — Колосовская высыпка (5,5 км); у д. Бунырево (3 км); сплошной карьерный участок у Каширы — от Соколовой Пустыни до Белопесоцкого переката (длина около 10 км).

Из всех видов локального техногенного воздействия на речное русло (строительство мостов, водозаборов, подводных переходов магистральных трубопроводов, дноуглубительные и русловыправительные работы и т.п.) разработка русловых карьеров строительных материалов представляет собой наиболее мощный фактор. Это связано с некоторыми особенностями технологии добычи ПГМ: 1 — высокой скоростью процесса, в сотни раз превышающей естественные темпы врезания реки; 2 — значительными объемами единовременного изъятия материала, которые могут в десятки раз превосходить сток руслообразующих наносов и 3 — безвозвратным характером изъятия.

Влияние карьера на речное русло обусловлено двумя основными причинами — изменением морфометрических параметров русла и перехватом части твердого стока реки. Разработка карьера проводит к резкому приращению объема русла на отрезке разработки за счет увеличения площади его живого сечения, что способствует понижению уровня воды, уменьшению уклона водной поверхности и соответственному снижению скоростей течения в пределах карьера. При этом выше карьера уклоны воды и вместе с ними скорости течения, напротив, достаточно резко увеличиваются (формируется «кривая спада»), что приводит к понижению уровня воды и на этом участке. Понижению уровня выше карьера также способствует усиливающаяся вслед за скоростями течения глубинная эрозия.

Перехват части или всего стока руслообразущих наносов карьером приводит к их дефициту ниже по течению. Восполнение дефицита руслообразующих наносов до величины транспортирующей способности ниже карьера осуществляется за счет размыва ложа реки, т.е. усиления глубинной эрозии. Следовательно, ниже карьера также имеет место понижение уровней воды. Таким образом, главным следствием разработки руслового карьера является постепенное понижение равнообеспеченных уровней водной поверхности (посадка уровней) как в границах самого карьера, так и на сопряженных с ним отрезках русла. Величина посадки уровня и пределы ее распространения выше и ниже руслового карьера полностью зависит от его размера. Как правило влияние крупного руслового карьера проявляется расстоянии 10—20 км вверх и вниз по течению.

Негативные последствия разработки русловых карьеров в полной мере проявились на участке от Калуги до Каширы. Посадка минимальных меженных уровней с начала 50-х годов до конца 90-х составила 1,5—2 м. Сформировался ярко выраженный ступенчатый продольный профиль русла. Ступени (пологие участки продольного профиля) наблюдаются в местах расположения карьерных участков — в районе Алексина, Серпухова и Каширы. Выше подобных ступеней сформировались крутые участки продольного профиля. На участках русловых карьеров нарушено естественное распределение русловых отложений — в карьерах повсеместно залегают илы либо заиленный тонкозернистый песок, местами встречаются залежи ракушек и выходы коренные породы.

Самовосстановление русла

Река, как и большинство природных комплексов, является самоорганизующейся открытой

системой, одно из важных свойств которой — способность к самовосстановлению нарушенных внешним воздействием функций. Понятно, что наиболее опасным для некоторой системы внешним воздействием будет то, которое затрагивает ее управляющий параметр. Движущей силой (управляющим параметром) речного (руслового) комплекса выступает направленное движение водной массы под действием разности потенциалов силы тяжести на начальном и конечном створах некоторого отрезка реки. Следовательно, наиболее чувствительным для речного комплекса внешним воздействием представляются техногенные мероприятия, создающие сложности для движения водного потока. Очевидно, самым катастрофичным для жизнедеятельности реки является сооружение плотины, что полностью меняет тип природной системы в верхнем бьефе — река преобразуется в водохранилище.

Воздействие русловой добычи ПГМ на русловой комплекс менее очевидно, растянуто во времени, но также затрагивает его управляющий фактор, формируя протяженные участки реки с практически нулевым уклоном и соответственно отсутствием течения. Участки без течения разделяются перемычками мелководья с высокими скоростями течения и очень устойчивым к врезанию руслом. На Оке к таким участкам мелководья, относится, например, перекат Хрящи в районе Велигожа.

В речном комплексе заложен механизм восстановления русла за счет транспорта руслообразующих наносов, которые откладываются потоком на участках уменьшения влекущей силы потока. Это приводит, в частности, к постепенному занесению карьеров. Подсчитано, что на верхней Оке сток руслообразующих наносов — песка и гравия, составляет около 200 тыс куб. м в год [4]. Весь этот твердый сток откладывается в карьерах. Простая арифметика показывает, что на восполнение 50 млн куб.м изъятых грунтов потребуется 250 лет. В реальности же полное занесение карьеров невозможно вследствие дефицита руслообразующих наносов, сформировавшегося на отрезке Калуга—Щурово.

Выводы

1. На верхней Оке сформирован техногенный тип русла, способствующий постепенной деградации речного комплекса — обмелению русла, заилению карьерных участков, размыву песчаных отложений, посадке уровня воды.

2. В современных условиях возможности верхней Оки к самовосстановлению русла исчерпаны.

3. Для поддержания речного русла необходим комплекс мероприятий. В частности, положительный эффект для экологии имело бы регулярное проведение дноуглубительных работ на перекатах.

4. Добыча ПГМ на верхней Оке в настоящее время недопустима.

Литература

1. *Львович М.И.* Реки СССР. М.: Мысль, 1971.

2. *Голосов В.Н.* Влияние антропогенных факторов на сток наносов рек бассейна Оки. География и природные ресурсы. 1989. № 3.

3. *Беркович К.М.* Русловые процессы и русловые карьеры. М., 2005.

4. *Беркович К.М., Злотина Л.В., Турыкин Л.А.* Вертикальные русловые деформации Верхней и Средней Оки и их связь с хозяйственной деятельностью. Труды Академии водохоз. наук. 1995. Вып.1.

О МИКРОКЛИМАТЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Г. Давыдова, Е.Я. Жмакин*, к.г.-м.н.,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Общеизвестным является понятие климата как многолетнего режима погоды какой-нибудь местности, являющийся одной из ее географических характеристик. Зависит от целого ряда причин, среди которых географическая широта, близость акватории мирового океана

или континентальность местности, господствующие ветра в регионе, рельеф местности, ее подстилающая поверхность и др.

Микроклимат — это особенности климата на небольшом участке земной поверхности в пределах определенного ландшафта, складке местности, небольшого города или части города, участке с несколько иной подстилающей поверхностью. Эти особенности проявляются в небольших изменениях температуры (плюсовых или минусовых) приземных слоев воздуха по сравнению с окружающей местностью, направлениях и силе ветра, влажности воздуха и почвы.

Территория Калужской области в значительной степени подвержена микроклиматическим изменениям. Связано это с тем, что она расположена в переходной от лесной к лесостепной зоне, а значит, для нее характерна частая изменчивость ландшафтов и разнообразие почв. Восточные и южные ее части покрыты песчаными и супесчаными почвообразующими породами и почвами легкого механического состава. В отличие от них северо-западная часть области на 2/3 площади покрыта породами и почвами тяжелого механического состава. На крайнем северо-западе отмечается повышенная увлажненность почв и даже заболоченность.

В пределах Барятинско-Сухиничского района и Калужско-Тарусской территории и их обрамлении отмечается повышенная расчленность местности и активное развитие современных экзогенных процессов (оврагов, балок, оползней, суффозий, карстов).

Все эти особенности дают нам основание говорить о частых микроклиматических изменениях на территории области. Анализ опубликованных материалов [1,3,4] и данных единичных наблюдений авторов (в пределах города Калуги), позволяет констатировать, что в летние ясные дни температура приземных слоев воздуха на склонах южной и юго-западной экспозиции («теплых» экспозициях) примерно на 1°С выше, чем температура на площади расположения ближайшей метеорологической станции или ближайшего метеорологического пункта. На склонах северной и северо-восточной экспозиций наоборот — предположительно показания температуры воздуха примерно на 1°С ниже показателей ближайших метеорологических станций и пунктов.

Повышение показателей температуры воздуха отмечается на территориях, покрытых породами легкого механического состава, в отличие от территорий, покрытых породами тяжелого механического состава и породами повышенной влажности и на заболоченных территориях. Однако на территориях, покрытых породами легкого механического состава, будет более резкий перепад температур в дневное и ночное время, что повышает ее «морозобойность».

Предварительное наложение данных на карту Калужской области дает основание говорить о том, что более теплый микроклимат отмечается почти на всей восточной части области (примерно 1/3 ее площади). Кроме того, склоны с «теплыми экспозициями» характерны для левобережий р.р. Протвы, Лужи, Шани, Угры, Серены, Жиздры и верхнего течения Болвы. Для Оки «теплыми» экспозициями в пределах течения в границах Калужской области до впадения в нее Угры являются правобережные склоны, после впадения Угры — левобережные склоны.

Территория у крайней северо-западной границы области должна характеризоваться пониженными показателями температуры приземной части воздуха, поскольку здесь отмечается повышенная влажность почв и даже их заболоченность. Аналогичное явление ожидается наблюдать в поймах рек и в районе озер и водоемов.

В дальнейшем нами намечается провести более детальные наблюдения с учетом всех показателей, влияющих на микроклимат местности.

Литература

1. *Агроклиматический справочник по Калужской области*/Под ред. А.И. Виноградского. Л.: Гидрометеоиздат, 1958. 127с.
2. *Атлас Калужской области*. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н.Ф. Бочкаревой, 2005. 48с.
3. *Климат Калуги* / Под ред. Ц.А. Швер, А.И. Неушкиной. Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 127с.
4. *Хромов С.П.* Метеорология и климатология. М.: Изд-во МГУ, 1994. 520с.
5. *Шерстюков Б.Г., Булыгина О.Н., Разуваев В.Н.* Современное состояние климатических условий Калужской области и их возможные изменения в условиях глобального потепления. Обнинск: Издательство ВНИИГМИ-МЦД, 2001. 229с.

ЛАНДШАФТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛКИНО, КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)*

Ю.С. Галкин, В.А. Низовцев**, к.г.н., **Т.Ю. Рудницкая, С.Ю. Самсонова,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Длительная история взаимодействия человека и природы, складывавшиеся веками формы ведения и территориальная структура хозяйства обусловили образование специфических ландшафтно-культурных комплексов, в настоящее время представляющих собой памятники духовной и материальной культуры. Ландшафт здесь несет на себе отпечаток историко-культурного наследия прошлого, которое, в свою очередь, во многом определяет его современное состояние и облик. Структура усадебного природно-культурного комплекса (ПКК) во многом обусловлена его размещением в ландшафте, особенностями внутриландшафтного устройства. Однотипные местоположения в разных ландшафтах накладывают сходный отпечаток на структуру, функционирование и развитие ПКК усадебных комплексов. Многогранность понятия «усадьба» подразумевает применение разнообразных методов исследования. Сегодня усадебные комплексы не являются элементом социальной среды, в которой они возникли и сформировались. Утратив исторически присущую им роль, они приобрели черты архитектурно-ландшафтных фрагментов, отражающих ушедшее время. Техническая и социальная революция изменила методы хозяйственного помещичьего и крестьянского земле- и природопользования. Это не могло не отразиться на принципах организации ландшафта и системе организации русских усадебных комплексов. Исчезло множество усадеб и парков, а современные методы ведения хозяйства нарушили пропорции исторических угодий, сформировавшихся с эпохи средневековья и в которых, чаще всего, с середины XVIII в. создавались усадьбы. В течение последних десятилетий многие усадебные комплексы находятся на грани уничтожения, деградируя как ансамбли, теряя свою целостность, художественную ценность, разрушаясь физически и морально.

Авторами были проанализированы ландшафтные условия и планировочные особенности размещения усадебных комплексов Москвы и Московской области, «Щелыково» Костромской обл., «Белкино» Калужской обл., «Хмелита» Смоленской обл. Особое внимание в выполняемых исследованиях уделялось двум аспектам. Первый аспект предполагает изучение усадебных комплексов как образцов гармонизованных культурных ландшафтов, наиболее широко отражающих эстетический потенциал природных комплексов. Человек создает новые ландшафтные элементы: каскады запруд, террасы на склонах, насыпные горки и др.; вносит новую растительность, несвойственную этому району, усиливая тем самым биологическое и пейзажное разнообразие территории. Наличие усадебного парка делает неповторимым любой, даже самый непривлекательный, ландшафт. Второй аспект включает анализ влияния природных особенностей территории на устройство усадеб. Усадебные комплексы в пределах одного ландшафта имеют общие структурные черты независимо от времени возникновения, состояния и художественного вкуса их владельцев.

Значительное место при исследовании такого рода уделяется изучению свойств усадебного комплекса как ландшафтного объекта, его взаимосвязи с ландшафтной структурой территории, динамике усадебного природно-культурного комплекса при его функционировании и последующем запустении, а также способам восстановления структуры усадебных комплексов: изучению эколого-эдафических условий территории, выявлению современных антропогенных нагрузок и степени антропогенной измененности ландшафтов. Основной задачей ландшафтного картографирования являлось выявление морфологической структуры ландшафта и картографирование его составных (морфологических) частей (рис.«Морфологическая структура восстановленного рельефа»), а также изучение их природных особенностей, внутренних и внешних взаимосвязей, истории развития, хода современных природных процессов, изменений, внесенных в природную обстановку человеком.

Характерным памятником русского усадебного строительства является усадебный

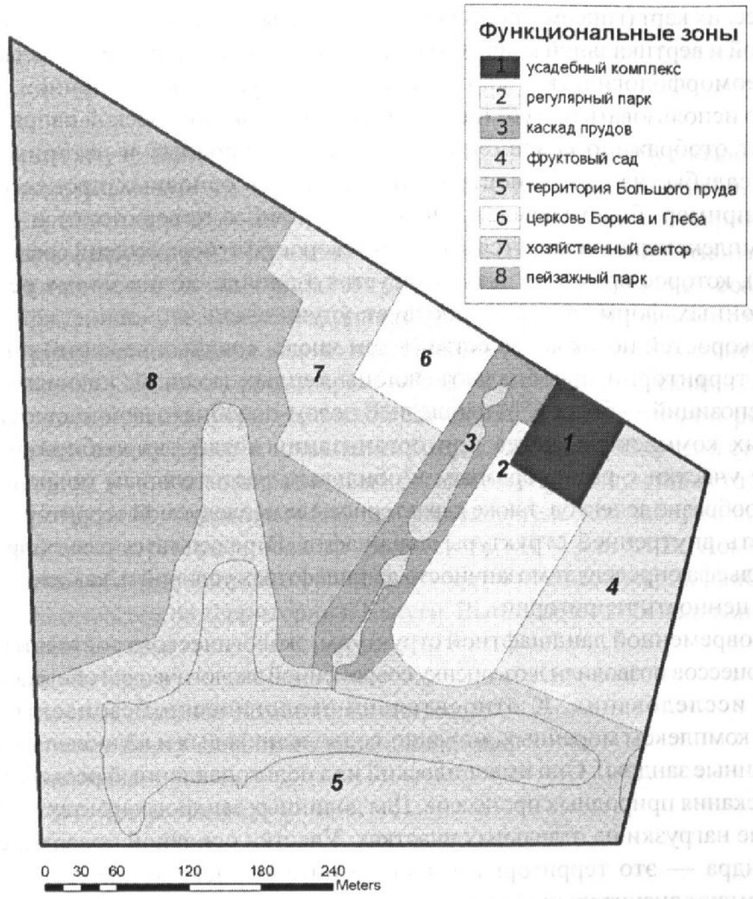
*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-05-00923).

Морфологическая структура восстановленного рельефа

Территория усадьбы "Белкино"

1	Моренно-камовые всхолмления, слабо выпуклые, плосковершинные, относительно хорошо дренируемые
2	Вторичная моренная равнина, пологонаклонная и слабоволнистая, замедленно дренируемая
3	Вторичная моренная равнина, плоская, плохо дренируемая
4	Моренно-водноледниковые равнины, плосконаклонные, приречные, замедленно дренируемые
5	Приводосборные понижения, пологовогнутые, расплывчатой, лощинообразной формы, сложного генезиса, сырые
6	Высокий долинный зандр, плоская основная поверхность, замедленно дренируемая
7	Высокий долинный зандр, пологонаклонная, местами покатонаклонная поверхность, относительно хорошо дренируемая
8	Коренные склоны долин, покатонаклонные, местами крутые, сложного профиля, рассечены короткими береговыми оврагами и балками, хорошо дренируемые
9	Приводосборные понижения, западинно-балочнообразные, преимущественно термокарстового и эрозионного происхождения, пологовогнутые и наклонные, плохо дренируемые
10	Плоское днище, местами мелкобугристое, долина ручья балочного типа
11	Пойма (плоское днище), долина малой реки
12	Малые эрозионные формы, лощины и балки

Функциональное зонирование территории (согласно Генеральному плану)



комплекс «Белкино», расположенный в 100 км к юго-западу от Москвы, в Калужской области, на северо-западной окраине г. Обнинска. Зарождение села Белкино относится к XVI в. Об этом свидетельствует упоминание в Писцовой книге за 1588 г. В это время усадьбой владели Белкины. Сейчас это сравнительно хорошо сохранившийся природно-культурный и исторический памятник второй половины XVIII в. общей площадью 15,2 га. Усадебный комплекс «Белкино» — настоящая жемчужина в ожерелье природно-культурных драгоценностей, украшающих Калужскую землю. Важнейшая особенность «Белкино» заключается еще и в том, что вся усадьба и ее памятники удачно сочетаются с окружающей природой, гармонично вписаны в среднерусские ландшафты и образуют с ними единое целое.

Ландшафтно-экологические исследования, проведенные на территории усадьбы, позволили выявить особенности структуры современного культурно-исторического ландшафта, особенности исходной ландшафтной структуры. Место расположения усадьбы было выбрано не случайно. Застройка началась вдоль определенной ландшафтной доминанты — покатого склона большого оврага, по дну которого протекает глубокий ручей, впадающий в Протву. Для хозяйственных целей ручей перегородили плотинами, устроив два больших пруда. Позже правый склон оврага был террасирован, и на каждой из пологих террас были устроены небольшие пруды, а на верхней террасе, на господствующей высоте, был построен господский дом. Пейзажный парк был отделен от окрестностей рвами и невысокими валами, остатки которых в некоторых участках сохранились и до нашего времени. Изменения рельефа были тесно связаны и с изменением гидросети на территории усадьбы. Создание усадьбы в корне изменило водную систему и режим увлажнения на данной территории [1].

Впервые в ландшафтно-исторических исследованиях были построены электронные карты и цифровые модели рельефа на территорию парка-усадьбы «Белкино». Была апробирована и скорректирована методика построения электронных карт и цифровых моделей рельефа

эколого-геоморфологической и экологической направленности. Важным этапом проведения исследований стало создание цифровой модели рельефа на территорию самой усадьбы и ее окрестностей в масштабе 1:5000. Данные цифровой модели легли в основу построения серии морфометрических карт (гипсометрических уровней рельефа, крутизны и экспозиции склонов, горизонтальной и вертикальной кривизны). На основе анализа морфометрических карт была составлена геоморфологическая карта окрестностей усадьбы «Белкино». Полученные данные можно использовать при составлении серии карт экологической направленности, на которых будет отображено современное состояние природных и историко-культурных комплексов усадьбы, направленность и интенсивность основных процессов и потоков вещества. Например, было выявлено, что междуречные поверхности и прилегающий склоновый комплекс характеризуются высокими скоростями перемещения вещества (водные и литопотоки), которое временно аккумулируется в днищах долин малых рек и в днищах малых эрозионных форм, что способствует улучшению экологической обстановки, увеличению скоростей потоков вещества (в том числе, вредных веществ) по склонам. На исследуемой территории преобладают склоны теплых (южной, юго-западной и юго-восточной) экспозиций — более 65% площади. В целом подобная закономерность характерна для усадебных комплексов, когда при организации хозяйства выбираются наиболее прогреваемые участки с разнообразным и обильным растительным покровом. С другой стороны, разнообразие аспектов, также характерное для исследуемой территории, определяет неоднородность внутренней структуры ландшафта. В результате, разнообразие мезо- и микроформ рельефа определяет мозаичность ландшафтных условий и, как следствие, особую эстетическую ценность территории.

Изучение современной ландшафтной структуры, экологического состояния территории, природных процессов позволили дать оценку современной экологической обстановке основных ПТК района исследования. К относительно экологически безопасным относятся ландшафтные комплексы моренных, моренно-водноледниковых и водноледниковых равнин (высокие долинные зандры). Они имеет плоский или пологонаклонный рельеф, замедленный характер протекания природных процессов. Для долинных зандров характерны повышенные рекреационные нагрузки на отдельных участках. Участки основной поверхности высокого долинного зандра — это территория давнего и интенсивного хозяйственного освоения. Поэтому они имеют значительную степень антропогенной трансформации, касающейся не только биогенных компонентов, но и почвы и литогенной основы (рельефа и почвообразующих пород). Для них характерны интенсивные рекреационные нагрузки, а местами процесс плоскостной и линейной эрозии.

В соответствии с исторически сложившимися особенностями территории усадебный комплекс можно условно разделить на девять ландшафтно-функциональных зон, что позволяет дать более полную характеристику планировки, выявить ее основные композиционные черты, а также степень сохранности усадебных ландшафтных комплексов по отношению к периоду расцвета. Ландшафтно-экологический подход к организации охраняемой территории демонстрирует рисунок идеального территориального плана, который обеспечивает экологический баланс территории. Составлены схемы и программа геоэкологического мониторинга. Это один из первых опытов организации мониторинга на особо охраняемых территориях историко-культурного назначения. Предлагается выделить комплексный геоэкологический, геохимический, геоморфологический и геоботанический мониторинги. Базой для организации любого вида мониторинга является ландшафтная карта, отражающая структуру усадебного комплекса.

Включение усадьбы «Белкино» в состав современного индустриального города усугубило проблемы сохранения усадьбы. От того, как они будут решены, зависит дальнейшая судьба этого уникального места.

Литература

1. *Низовцев В.А., Рудницкая Т.Ю., Самсонова С.Ю.* Ландшафтно-экологические исследования усадебного комплекса «Белкино» (Калужская область)//Музей-заповедник: экология и культура. Вешенская, 2008. С. 63—65.

2. *Ларина Т.Ю.* Обнинск. История города и края с древнейших времен до наших дней. Обнинск, 2001. С. 55—60.

3. *ГКОА. Оп. 4. Ф. 43.* Белкино село с поселком графа А.И.Воронцова.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НЕКОТОРЫХ ОВРАЖНО-БАЛОЧНЫХ СИСТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КАЛУГИ

***В.Р.Беляев**, к.г.н.,*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Необходимость изучения овражно-балочных систем в городах обусловлена их ведущей ролью в перераспределении стока воды и наносов с водосборов в реки. Поступление загрязненных талых и ливневых стоков и наносов с урбанизированных территорий является одним из ведущих факторов ухудшения экологического состояния рек. Развитие эрозионных и склоновых процессов в оврагах и балках в пределах городов может создавать угрозу нормальному функционированию коммуникаций и сооружений, а в некоторых случаях приводить к их разрушению. Также велико и их влияние на экологическую ситуацию в самих городских поселениях. С одной стороны, овражно-балочные системы с ареалами сохранившейся древесной растительности внутри городской застройки имеют большой рекреационный потенциал и играют важную роль в сохранении биоразнообразия. С другой стороны, они же зачастую становятся зоной свалки различных бытовых и промышленных отходов.

В июле 2006 г. группой сотрудников Научно-исследовательской лаборатории эрозии почв и русловых процессов географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова было выполнено полевое обследование экологического состояние нескольких наиболее крупных овражно-балочных систем на территории г. Калуги. Выполнялось обследование следующих овражно-балочных систем:

— Березуевский овраг;
— овраги в лесном массиве Комсомольская роща;
— овраги на левом борту Яченского водохранилища;
— овраг Жировский;
— овраги в бассейне р. Киевка;
— овраги Заокского района.

Краткие сведения по отдельным объектам по состоянию на июль 2006 г.

Березуевский овраг

На борту оврага идет новый размыв из-за сброса вод и по лотку, и со склонового водосбора. Борта оврага оползневые. Один из крупных оползней располагается недалеко от моста на правом борту оврага, в настоящее время он относительно стабилен, но возможна его вторичная активизация в случае изменения режима поверхностного и подземного стока на прилегающем водосборном склоне. На этом же борту ближе к устью ведется строительство коттеджа, от которого организован сброс воды в виде водопада. На этом участке требуется более квалифицированное укрепление крутой части склона. Коллектор, собирающий сток с левого борта, полностью забит наносами. Засыпанная верхняя часть оврага (ул. Марата) представляет собой экологически опасный участок.

Лесной массив Комсомольская роща

В районе ул. Телевизионной расположен овраг с водотоком и растущими отвершками. Он завален бытовым и техническим мусором. Днище оврага заросло хвощем и папоротником, в нем имеются признаки роста в глубину — ступени высотой 0,5—0,6 м. В устьевой части левый склон оползневой и осложнен большим количеством мелких оврагов, в днище идет активное развитие вторичного вреза, усиленное сбросом осветленных вод из очистных сооружений. Западнее этого оврага расположена серия некрупных оврагов с циркообразными вершинами. Овражная система, тянущаяся вдоль пер. Чичерина и Кооперативной улицы, имеет значительный по глубине и ширине донный врез. В месте слияния основного оврага и его отвершка имеется коллектор. Размывы днища на этом участке позволяют предполагать, что во время паводков и снеготаяния сток идет поверх трубы коллектора.

85 Зак. 2219

Овраги на левом борту Яченского водохранилища

Склон водохранилища оползневой, осложнен серией линейных эрозионных форм, как залесенных, так и свежих промоин. По Овражной ул. идет сток загрязненных вод от помойки и из-под гаражей. В Яченском пер. есть угроза домам, построенным вплотную к современной бровке оврага. На склоне под бровкой имеются оплывины. Сток из-под гаражей размывает склон. Параллельно ул. Овражной расположен овраг с широкой привершинной частью глубиной около 7 метров. Она уже завалена стихийной свалкой бытовых отходов; постепенно загрязненная зона смещается к устью.

Овраг Жировский

Это развивающаяся эрозионная форма со свежими оползнями, наблюдающимися, например, в Старообрядческом пер. под автостоянкой и под «Шиномонтажом». Поперек оврага имеется пешеходная дорожка, которая на правом борту размывается, поскольку часть стока не попадает в водоотводящий лоток. Вершинная часть оврага имеет потенциал роста, поскольку вода с значительной по площади прилегающей части водосбора поступает в разъем бордюрного камня на противоположной стороны улицы, где уже образовалась промоина в пределах жилой застройки.

Овраги в бассейне р. Киевки

Овражно-балочная система с водотоком, с оползневыми задернованными склонами. В нижних крутых частях склонов наблюдается карст. Эрозионные процессы выражены слабо. Однако по обеим сторонам автодорожного моста через р. Киевку наблюдаются линейные размывы, связанные с отсутствием противоэрозионной организации стока вдоль дороги (защищенные водосбросы, рассекатели стока). Вся пойма речки от ул. Хрустальной до ул. 40 лет Октября находится в антисанитарном состоянии и захламлена бытовым мусором. В конце ул. Хрустальной тропинка размывается и заваливается стихийной свалкой бытовых отходов. Другая стихийная свалка расположена в конце ул. Чапаева и второго Стекольного переулка, где до сих пор нет ни водопровода, ни вывоза мусора (по опросу местных жителей).

Овраги Заокского района

Правее крупного Можайского оврага развивается типичный склоновый овраг глубиной порядка 10 метров. Вдоль шоссе на Тулу тянутся линейные размывы. Это шоссе пересекает овраги около улиц Вишневая и Шоссейная. Борта оврагов обвально-осыпные. Асфальтовое полотно дороги на дамбах, пересекающих овраги, сужено из-за размывов и провалов.

Выводы

Как показало проведенное обследование, все перечисленные объекты являются не только активными эрозионными формами, но и представляют определенную экологическую опасность. Сбрасываемый в овражно-балочные системы мусор разлагается и отравляет воду и воздух. Развитие оврагов может нанести ощутимый финансовый ущерб при нарушении равновесия склонов и активизации склоновых и эрозионно-аккумулятивных процессов в результате строительства в непосредственной близости от их бровок. Рост обследованных оврагов в длину и глубину наблюдается как в основной эрозионной форме, так и в отвершках. Картина существенно осложняется развитием на склонах активных оползневых и карстовых процессов.

Как правило, линейные эрозионные формы в населенных пунктах образуются по пешеходным тропинкам, служащим путями стока дождевых и талых вод, а также при сборе этих вод по лоткам или трубопроводам на участки склонов, не защищенных специальными мероприятиями. Современная застройка водосборных склонов вблизи бровок крупных эрозионных форм частными домами и гаражами неоднозначно влияет на процессы эрозии. С одной стороны, при проведении частными владельцами укрепительных мероприятий развитие эрозии приостанавливается. С другой стороны, неорганизованный или сконцентрированный сброс воды усиливает линейную эрозию и провоцирует образование рытвин, промоин и т.д.

Повсеместно наблюдается использование оврагов в качестве мест свалки бытовых, строительных и других отходов. Особую опасность представляют свалки тары из-под различных химических веществ строительного назначения, для обслуживания автотехники,

моющих средств и т.п.. Поскольку во всех обследованных оврагах существуют, по крайней мере временные, а нередко и постоянные, водотоки, наличие таких свалок зачастую приводит к загрязнению воды тяжелыми металлами и другими токсичными веществами. Причем поскольку в условиях преобладания карстующихся известняков в составе подстилающих коренных пород существует интенсивный водообмен между поверхностным стоком, грунтовыми и подземными водами, загрязнению подвергаются не только поверхностные воды, но и, потенциально, подземные водоносные горизонты, которые используются для муниципальных водозаборов. Это связано с тем, что в скальных породах (к которым относятся известняки) овраги закладываются по ослабленным зонам повышенной трещиноватости, вертикальный водообмен по которым наиболее интенсивен.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Ю.А. ОРЛОВА

***И.В. Новиков**, к.г.-м.н., **Н.П. Счастливцева**,*
Палеонтологический музей им. Ю.А. Орлова

Палеонтологический музей им. Ю.А. Орлова является неотъемлемой частью Учреждения Российской академии наук Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН и по праву входит в тройку крупнейших естественноисторических музеев мира. Экспозиция Музея посвящена эволюции органического мира Земли. Уникальный музейный ансамбль не имеет аналогов в мировой практике. Общий объем здания составляет 64 тыс. куб. м, его площадь — 9936 кв. м, а экспозиционная площадь — 4805 кв.м.

Четыре экспозиционные зоны Музея размером 18 х 54 метра каждая включают в себя шесть залов. В каждом зале представлены не только характерные для определенного геологического времени группы организмов, но и наиболее интересные фаунистические комплексы. Экспозиция открывается вводным залом, рассказывающим о предмете и задачах палеонтологии, ее истории, основных разделах, месте среди других наук и практическом значении. Второй зал — зал докембрия и раннего палеозоя — знакомит с самыми первыми жителями Земли, а также с огромным разнообразием беспозвоночных животных и растений. Небольшой третий зал посвящен геологической истории Подмосковья. В четвертом зале представлены древнейшие позвоночные и фауны позднего палеозоя — начала мезозоя. Пятый зал — зал мезозоя — знакомит с сообществами водоемов юры и мела, с уникальными коллекциями динозавров и птиц. В последнем, шестом, зале Музея демонстрируются разнообразные млекопитающие и неповторимые фауны кайнозоя. В целом в экспозиции представлены 5470 палеонтологических объектов, а также живопись, графика, скульптура, предметы археологии, документы и редкие книги.

Современное здание Палеонтологического музея им. Ю.А. Орлова приняло своих первых посетителей в 1987 г. За прошедшие более чем два десятилетия здесь сформировался один из крупнейших научных и учебно-просветительских центров России. Активное участие ведущих ученых Института в музейной деятельности позволяет поддерживать высочайший научный и дидактический уровень экспозиции.

В Музее хранятся раритеты, являющиеся национальным достоянием России, поэтому учетно-хранительской деятельности всегда предавалось огромное значение. Уже в первые дни работы Музея его сотрудники приступили к созданию баз данных. Первоначально была создана база данных натурных материалов на бумажных носителях, а затем и на электронных. В настоящее время в эти базы занесены все экспонаты: как натурные объекты, так и художественные произведения, представленные в экспозиции. В полном порядке и в соответствии с инструкциями находится Книга поступлений, Инвентарные книги и другие учетно-хранительские документы.

За последние годы была усилена охрана Музея, установлена современная сигнализация, усилена противопожарная безопасность; для посетителей открыты буфет, киоски; в залах

размещена удобная мебель эксклюзивного дизайна; установлены экраны ограждений крупной экспонатуры из безопасного стекла, позволяющие предотвратить мелкие хищения и порчу экспонатов.

С момента открытия Музея в новом здании неустанно проводилась работа по совершенствованию экспозиции. Новые научные данные и открытия ученых сразу находили место в экспозиции Музея. Постоянно изменялись «научная начинка» витрин, тексты и этикетки, создавались новые разделы экспозиции. За последние годы наши посетители увидели и принципиально новые витрины («Янтарь», «Происхождение четвероногих», «Петалодонты и эвгениодонты», «Конодонты» и др.), а также новые экспонаты — плиту с докембрийскими организмами, бактериальный мат, следовую дорожку парейазавроподобных животных и уникальную коллекцию Севских мамонтов.

Совершенствуется и информационная система экспозиции. В последние годы отработана и применяется на практике система изъятия материала из экспозиции для выставок, реставрации и научной работы сотрудников. Строгий учет движения экспонатов и открытость информации (благодаря заместительным карточкам) позволяет любому посетителю узнать, где в настоящее время находится тот или иной экспонат, почему он изъят из экспозиции и когда его снова можно будет увидеть в залах Музея. В холле помещена схема Музея, которая позволяет легко ориентироваться в залах, а в каждом зале — пояснительные тексты с информацией о его тематике.

Наши посетители независимо от своего возраста и образовательного уровня чувствуют себя желанными гостями в Музее. Из года в год посещаемость Музея растет. Только за 2008 год Музей посетило около 170 тыс. чел. Особым вниманием окружены юные посетители. Для детей разного возраста разработаны обзорные и восемь тематических экскурсий с учетом школьных программ. Со многими педагогами, классами и школами Музей сотрудничает на долгосрочной основе. Для старшеклассников разработаны интегрированные уроки «Экологические проблемы настоящего и прошлого». Совместно с Российской Академией образования и рядом московских школ успешно продолжается начатая в 2004 году апробация практикума для школ «Изучаем экологические кризисы». Ежемесячно проводятся благотворительные экскурсии для социально незащищенных категорий населения. Огромной популярностью в последнее время стали пользоваться индивидуальные и семейные экскурсии, их число за последние три года выросло в пять раз.

Для детей, проявляющих особый интерес к палеонтологии, работает бесплатный палеонтологический кружок. Ежегодно проводятся городские конкурсы и фестивали среди школьников, школьные научные конференции с привлечением учащихся палеонтологических кружков «Марьино» и «Ясенево», а также конкурсы детского творчества на разнообразные темы: «Природа и мы», «Миллионы лет до нашей эры», «Музей XXI века» и др. Регулярно реализуются на благотворительной основе творческие и образовательные программы в больницах, детских домах и интернатах, проводятся презентации научно-популярных фильмов (например, «Прогулки с динозаврами») и пресс-конференции с участием научных, музейных работников и журналистов.

В помощь преподавателям биологии, географии, экологии в Музее на постоянной основе проводятся научно-практические конференции по методике преподавания ряда разделов естественноисторического цикла и лекторий. Учителя могут послушать лекции ведущих ученых Института по актуальным проблемам палеонтологии, получить ответы на интересующие их вопросы. Так, например, организован городской годичный лекторий на тему «Эволюция биосферы». В рамках этого мероприятия был прочитан цикл лекций, который оказался полезен и интересен не только школьным работникам, но и сотрудникам некоторых естественноисторических музеев и вузов г. Москвы. Заключены договоры с окружным Методическим центром ЮЗАО г. Москвы и Центром внешкольной работы «Ясенево» с целью реализации концепции непрерывного экологического образования и решения образовательных задач; а также организации на базе Музея программы дополнительного образования «Палеонтология для школьников». Осуществляется сотрудничество с окружным Департаментом образования, Московским институтом повышения квалификации работников образования, Ассоциацией музейных педагогов Московского института развития образовательных проблем по программе «Музей и культура».

Музей является уникальной базой для подготовки специалистов естественноисторического и музеологического направлений. Он поддерживает традиционные связи с кафедрой палеонтологии МГУ, здесь проводятся занятия со студентами биологического и географического факультетов МГУ, Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, Московской ветеринарной академии им. К.И. Скрябина, Московской государственной геологоразведочной Академии. Мы активно участвуем в подготовке и переподготовке музейных работников совместно с преподавателями Академии повышения квалификации работников культуры и искусства.

Издательско-просветительская деятельность Музея также успешно развивается. За два последних десятилетия были опубликованы десятки статей, посвященных различным аспектам деятельности Музея, принципам построения экспозиции, особенностям дидактики, музейного оформления, организации информационного пространства (журналы «Архитектура и строительство» и «Мир музея», альманах «Музеи РАН»), учебно-просветительской работе (журналы «Лицейское и гимназическое образование», «Москвоведение» и др.). Многие публикации ориентированы прежде всего на детскую аудиторию (журналы «Кот и пес», «Юный техник», «Природа»; справочники «Москва—детям», «Вся Москва», «Школы Москвы»; газеты «Мой зверь», «Каникулы», «Биология в школе» и др.). На основании материалов Музея издано или подготовлено к печати несколько путеводителей (в том числе на английском языке), а также брошюра «Мир древних животных и растений». В настоящее время проводится работа над созданием большого путеводителя по Музею с подробным описанием всех залов, каждой витрины и всех крупных и наиболее значимых экспонатов.

Одним из важнейших направлений музейной работы является организация и проведение передвижных выставок в России и за рубежом. Коллекции Палеонтологического института и его Музея демонстрировались в Японии, США, Канаде, Германии, Австралии, Финляндии, Швеции, Южной Корее, Италии, на Кипре, Тайване и других странах. Участие сотрудников Музея в зарубежных выставках позволяет непосредственно ознакомиться с принципами построения экспозиции ведущих зарубежных музеев, методологией работы с посетителями, провести исследование программ дополнительного образования, обменяться опытом с коллегами-музейщиками. Кроме того, они сами непосредственно участвуют в образовательных программах принимающей стороны, читая лекции и проводя экскурсии, на которых пропагандируют последние достижения отечественной палеонтологии.

Огромное значение для популяризации палеонтологии и повышения образовательного уровня населения имеют и передвижные палеонтологические выставки внутри России. В настоящее время подготовлены три тематические передвижные палеонтологические выставки («Завоеватели Земли», «Путешествие в страну динозавров» и «На заре жизни»), которые с неизменным успехом демонстрируются во многих музеях и выставочных залах Центральной России. В рамках выставок успешно реализовываются образовательные программы для детей и молодежи, способствующие повышению интереса к естествознанию, изучению закономерностей эволюции, истории родного края. За последние три года была организована и успешно осуществляется новая форма выставочной активности — выставка одного экспоната.

Особое место в работе Музея занимает природоохранная деятельность. Палеонтологический институт и его музей проводят активную работу по взаимодействию с органами местной власти, региональными комитетами по охране природы и музеями, направленную на организацию реальной охраны палеонтологических местонахождений и привлечение внимания общественности к проблеме сохранения палеонтологического наследия России. В настоящее время заключены договоры о сотрудничестве с рядом ведущих региональных естественноисторических музеев, а также с администрацией некоторых регионов, главными целями которых являются организация охраны, систематического наблюдения и совместного изучения находящихся в том или ином регионе местонахождений, а также культурно-просветительская деятельность, способствующая воспитанию у местного населения бережного отношения к природно-культурному наследию родного края.

Межмузейное сотрудничество в деятельности нашего Музея является одним из приоритетных направлений. Многим российским музеям предоставлялись методические консультации, натуральные образцы и слепки для создания новых и развития уже имеющихся

86 Зак. 2219

экспозиций по естественной истории. С некоторыми российскими музеями подписаны договоры о сотрудничестве и осуществляются совместные проекты. Ведущие сотрудники нашего Музея являются членами Ученых советов ряда из них.

Палеонтологический музей всегда открыт для общения и сотрудничества, поиска новых и интересных форм музейной работы.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЮРСКИХ АММОНИТОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Т.И. Дудина**, н.с., Калужский областной краеведческий музей*

Аммониты (Отряд Ammonitida) — вымершие головоногие моллюски с мономорфными, реже гетероморфными, раковинами и аммонитовой лопастной линией, трехраздельной на боковой стороне.

История документально подтвержденных находок и изучения юрских аммонитов Калужской области насчитывает около двух столетий. Первые сообщения о находках на территории Калужской губернии юрских аммонитов мы находим в XIX веке.

В это время в области геологии выдвигаются новые задачи. С одной стороны, окаменелые остатки организмов сделались предметом такого же внимания и изучения, как ныне существующие животные и растения. С другой стороны, сложную серию осадочных пластов стали рассматривать, как отложения нескольких отдельных эпох, из которых каждая характеризуется особыми формами жизни.

В 1841 году горные инженеры Г. П. Гельмерсен и А. И. Оливьери были командированы в Тульскую, Калужскую и соседние губернии для *«определения формаций и для изыскания каменного угля»* [1]. Оливьери еще до этой командировки совершал поездку по Калужской губернии, вдоль Оки, в этом же 1841 году, сопровождая известного английского геолога Мурчисона.

У села Каменского в Башиловском овраге (р. Нара) над известняковыми плитами с *Productus comoides* Оливьери наблюдал темные глины с *Ammonites striatus*.

В 1844 году были сообщены некоторые новые данные относительно Калужской губернии А. Фаренколем [2]. Фаренколь посетил известный среди геологов своими многочисленными палеонтологическими находками разрез около села Карова (ныне Кольцово) Калужского уезда, расположенного на р. Оке. В этом месте Фаренколь нашел *Ammonites anulatus* Schlot. Вот что пишет по этому поводу Н. Н. Боголюбов: *«...Честь открытия мезозойских слоев в этой местности должна принадлежать Фаренколю; на берегу Оки он нашел аммонит...»* [3].

Он нашел перисфинктообразную форму с ребрами, разделяющимися на двое с боковой стороны. *«Я считаю возможным предположить, что он нашел одну из форм, описанных Богословским под именем олькостефанов и перисфинатов из Рязанской губернии в XVIII томе «Материалов для геологии России»* [4].

В 1845 г. совершает поездку в Тульскую и Калужскую губернию известный русский естествоиспытатель К.Ф. Рулье. В частности, посещает он и село Карово Калужской губернии и совершает там ряд ценных наблюдений. Особой статьи об этой поездке, кстати, совершенной вместе с Фаренколем, Рулье не написал. Однако он упоминает об этих наблюдениях в «Coupe geologique» [5]. Там он пишет, что в 1845 году совершает экскурсии по окрестностям села Богородска Московской губернии. В правом берегу Клязьмы, у деревни Доможировой, Рулье наблюдал, что пласт красного железистого песчаника, обыкновенно залегающий над первым юрским ярусом с *Ammonites catenulatus*, занимает место ниже выхода *«черноватосерой юрской почвы третьего яруса с Ammonites carines»*[6]. Это явление было замечено им и в соседних губерниях. Из некоторых высказываний мы можем понять, что Рулье в частности имеет ввиду свое посещение разреза около села Карова.

В 1852 г. производил геологические исследования в Тульской губернии Н. Барбот де Марни [7]. Он сделал несколько экскурсий и в Калужскую губернию. Их г. Алексина Барбот де Марни направился в с. Подмоклово и исследовал его окрестности. Неподалеку от этого села он открыл юру с *Ammonites polygyratus*.

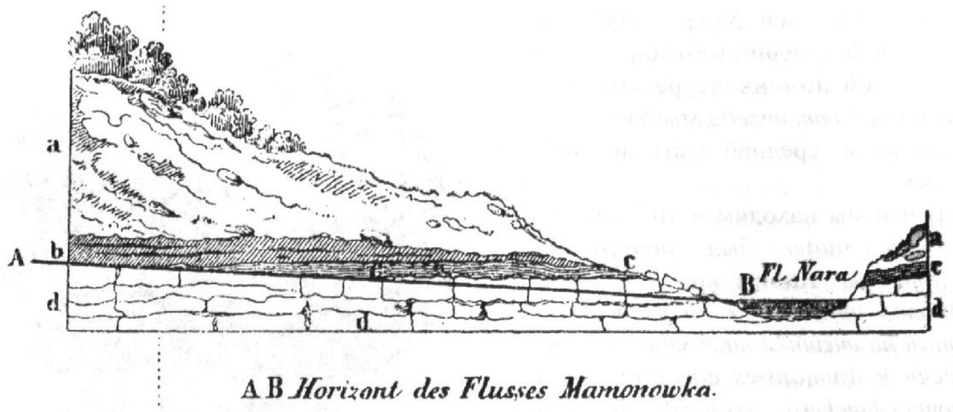


Рис. 1. Разрез около д. Мельниково на р. Наре (по Романовскому).

В начале пятидесятых годов XIX века начал производить исследования в Калужской губернии Г.Д. Романовский. По берегам Нары Романовский встретил четыре юрских бассейна. Наиболее ясно юрские отложения представлены в третьем бассейне считая от Оки между Нарой и двумя небольшими речками Мамоновкой и Малаховкой; большая часть этого бассейна относится к Калужской губернии. На берегах первой речки близ дер. Мельниково находится обнажение где выходят следующие слои (рис.1):

а) песчаный нанос;

в) черный и черновато-бурый глинистый мергель в котором содержатся кругляки известняка железистый «стяжения» и тонкие короткие прожилки угля. Общая толщина слоев мергеля от 1 до 3 дюймов (от 2,5 см до 7,6 см). *«В нем находятся ... Ammonites cordatus Sow. и Ammonites virgatus Buch»* [8]. Основанием для черного мергеля служит красный (c) и известняк (d). Залегание каменного угля вместе с белемнитами и аммонитами указывает на его юрский возраст.

На р. Малаховке близ с. Слизнева Романовский нашел черный мергель *«вполне подобный предыдущему. Он содержит остатки растений, аммониты и белемниты»* [9]. Романовский указывал, что у него есть из с. Кременского и с р. Нары из д. Слизневой и д. Мельникова прекрасные юрские окаменелости в том числе *Ammonites catenulatus* [10].

Во втором томе трудов академика Эйхвальда мы находим ряд указаний на нахождение некоторых мезозойских форм в Калужской губернии [11]. Частью они происходят из мест, где и раннее были известны мезозойские отложения, например, с. Карово, частью из других новых местностей. *«В настоящее время трудно решить, насколько правильны те или иные определения Эйхвальда. Но вместе с тем, едва ли справедливо относиться к его указаниям отрицательно. Нужно иметь в виду, что вообще мезозойные отложения выступают в Калужской губернии в виде отдельных островов, иногда очень небольших размеров»* [12]. Эйхвальдом указываются следующие формы:

Ammonites cordatus Sow. — Боровск, на Протве (оксфордский известняк).

Amm. chamusseti d'Orb. — берега Оки в Калужской губернии (келловейский ярус).

Amm. virgatus. L. Buch — мергелистый железистый известняк из д. Манино (Жиздринский уезд) вместе *Amm. astierianus* (очень сдавленный). В настоящее время эти аммониты хранятся в Штутгартском музее.

В коллекциях Тюбингенского университета Эйхвальд видел *Ammonites ornatus*, найденный в *«бурой юре окрестностей Калуги»* [13].

В 1869 напечатаны исследования князя П. Кропоткина и Г. А. Траутшольда, касающиеся Мещовского уезда Калужской губернии [14].

В десяти верстах к северо-западу от г. Мещовска на почтовой дороге в Мосальск у с. Шалова, что на р. Переходке, Кропоткиным была открыта юра. По его описанию юра *«состоит из мягкого светло-серого мергеля, с черными пятнами. Отсюда были извлечены ископаемые,... в том числе и Ammonites alternans»* [15]. Далее Кропоткин указывает, что аммониты в мергеле редки.

Герман Траутшольд в 1857 г. публикует заметку в журнале Московского общества

естествоиспытателей (№ 4) о найденном в Калужской губернии аммоните. По современной номенклатуре этот вид называется *Chamoussetia stuckenbergii* и происходит из средней части нижнего келловея.

Вот что мы находим в этой статье: *«Недавно мною был обнаружен аммонит из Калужской губернии, предположительно с берега Оки, который по внешнем виду может быть отнесен к Ammonites cordatus или к Ammonites Lamberti, ...он найден был не в том слое, в каком их обычно находят».* Далее следует детальное описание найденного Траутшольдом аммонита. В конце свой статьи Траутшольд делает вывод: *«Из всего вышесказанного, мы считаем, что наш аммонит можно определить, как Ammonites Lamberti»* (рис. 2).

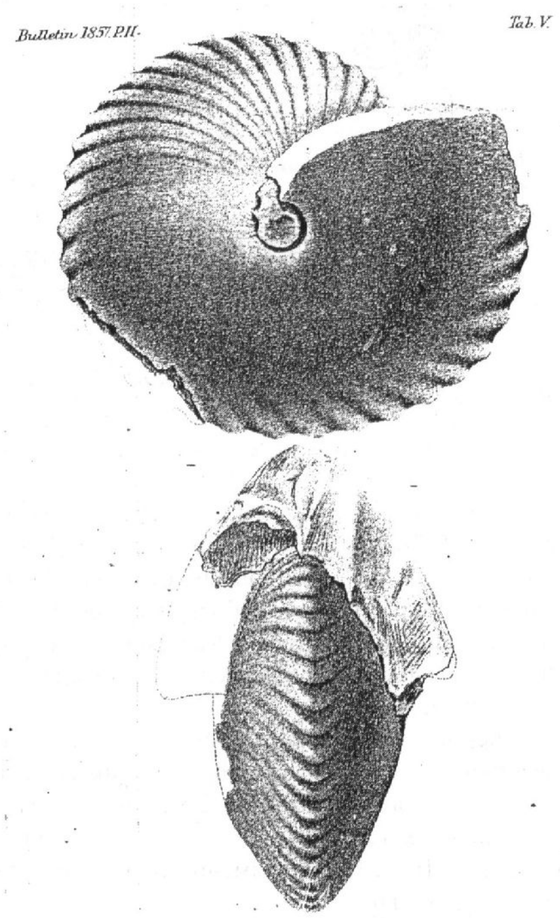


Рис. 2. Ammonites Lamberti (= *Chamoussetia stuckenbergii*).

В конце 80-х гг. XIX века производили исследования железных руд в Калужской губернии П.А. Земятченский и И.С.Кудрявцев. Обширное исследование Земятченского «Железные руды централь-ной части Европейской России» появилось в 1889 г. [16].

В с. Карове Земятчинский открыл обнажение рядом с волостным правлением по берегам речки Подъячевой. Здесь он наблюдал *«темнозеленый песок с более плотной прослойкой темного цвета песчаника, где...попадаются аммониты из группы Cosmoceras, извлечь которых целиком положительно невозможно вследствие способности породы легко рассыпаться на мелкие кусочки»* [17]. Мощность этого песка им не была определена, вследствие осыпей; но Земятчинский указывает, что этот песок выходит на высоте трех саженей над уровнем речки.

Значение открытого Земятчинским горизонта глауконитового песка было вскоре разъяснено С.Н. Никитиным [18]. Он заинтересовался сообщенными Земятчинским данными и постарался ознакомится с его коллекцией. Он мог из нее определить: *Hoplites rjazanensis* Lah., и обломки аммонитов с ребрами дихотомирующими по виргатитовому типу.

«Таким образом, это оказался тот же самый горизонт с Hoplites rjazanensis, который пользуется таким широкий распространением в Рязанской губернии» [19]. Почти в то же время этот горизонт был открыт в ближайших окрестностях Москвы. Тем не менее, указание на существование в Карове горизонта, содержащего аммониты, мы находим еще у Фаренколя; как сказано выше, он упоминает *Ammonites anulatus* Schlot.; *«вероятно, это одна из форм так называемого «рязанского горизонта»* [20].

Горизонт с *Hoplites rjazanensis* видел Н. Н. Боголюбов к северу от с. Карова *«у верховья овражка, в том пункте, где начинаются пашни»* [21].

В 1889 г. в Калужской губернии производил геологические исследования И. С. Кудрявцев [22]. В трех верстах к западу от Рессетинского завода, вдоль правого притока р. Рессеты, по направлению к дер. Колодязцы, в ямах он видел выходы синей и черной глины с аммонитами.

На р. Болве Кудрявцев видел выходы сизовато-голубоватой глины, которую он считает келловейской. Заложенная близ Болвы когда-то буровая скважина прошла *«мощную толщу черно-синих глин с ... аммонитами»* [23].

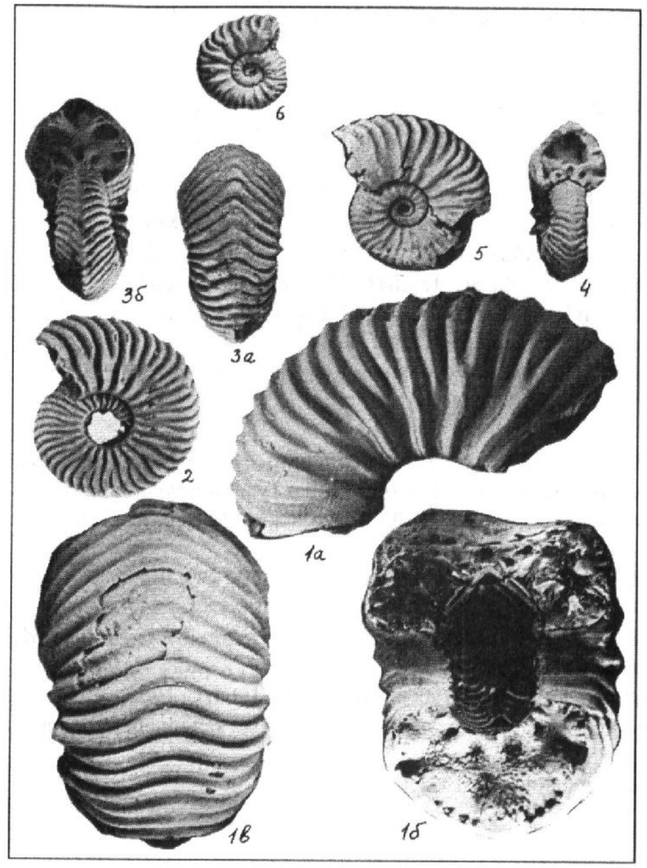


Рис. 3. Quenstedtoceras mariae (d'Orb.).

В сочинении Кудрявцева мы находим ряд геологических сведений относительно Калужской губернии, которые он извлек из «Калужских Губернских Ведомостей» за старые годы.

В «Калужских Губернских Ведомостях» за 1862 г., № 9, приводятся геологические данные о Мосальском уезде, который вообще очень мало посещался геологами. *«Западная часть уезда отличается преимущественно песчаными почвами. Подпочва состоит из рухляков или черной глины, где часто встречаются ... аммониты»* [24].

Часть Боровского уезда, проходящая на границе с Московской губернией и в северо-западном углу Калужской, была исследована С.Н.Никитиным и описана им в «57 листе общей геологической карты Европейской России», напечатанном в 1890 г. [25].

Выше с. Кременского (р. Лужа Медынского уезда) левый берег р.Лужи представляет по Никитину: *«...главную массу береговых обвалов образует черная глина, очень богатая колчеданом с ... Perisphinctes из группы plicatilis»* [26].

В «Геологии СССР», т. IV, мы находим описания юрских отложений, в том числе и Калужской области, по материалам многолетних (с 1925 г.) личных исследований П.А.Герасимова. В разных областях центральной России в разные годы ГГП «Центргеология» и «Гидроспецгеология» были пробурены скважины. Описания керна и определения фауны из скважин сделаны П.А. Герасимовым.

Например, скважиной (1959 г.) у д. Белоусово Жуковского района (на водоразделе) под темной глиной (в нижней части песчанистой), среднего оксфорда была вскрыта с глубины 18,5 м черная сланцеватая глина. В ней были найдены: *Quenstedtoceras cf. henrici* R. Douv., *Q. mariae* (d'Orb.), *Q. sp. juv.*, *Cylindroteuthis puzosiana* (d'Orb.), *C. beaumontiana* (d'Orb.). (рис. 3) [27].

Согласно современным представлениям, на территории Московской и прилегающих к ней областей распространены в большей или меньшей полнотой морские (келловейский, оксфордский, кимериджский, волжский ярусы) и континентальные (бат, местами нижний келловей) образования юрской системы [28].

Литература

1.*Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 74.

2. *Bemerkungen uber einige Fossilien des Moscowischen und Kalugaischen Gouvernements von A. Fahrenkohl.* Bull. de la Soc. Imp. des Natural de Moscou. 1844.

3. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 91.

4. *Там же.* С. 93.

5. *Coupe geologique.. par Rouiller et Frears.* Bul. Soc. Nat. Mos. 1846.

6.*Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 95.

7. *Barbeaut de Marny.* Geognostische Bemerkungen aus einer Reise im Gouvern. Tula. Verhandlung. d. Mineralog. Gesellschaft zu S. Petersb. 1852. 52.

87 Зак. 2219

8. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 104.
9. *Там же.* С. 110.
10. *Горный Журнал.* 1861. Ч. I. С. 71.
11. Lethaea rossica. Periode moyenne Stuttgard. 1865—68.
12. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 117.
13. *Там же.*
14. *Geognostisches* uber den Kreis Mjesctschowskim Gouvernement Kaluga vom Fursten P. Kropotkin nebst palaontologichem Beitrag von H. Trautschold. Bulletin de la Soc. Imp. des Natur. de Moscou 1869.
15. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 142.
16. *Железные руды центральной части Европейской России.* Труды СПб. Общ. естествоиспыт. Т. XX.
17. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 180.
18. *Никитин С.* Из исследований 1890—91 г. Изв. Геол. Ком. 1891.
19. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 181.
20. *Там же.* С. 181.
21. *Там же.*
22. *Геологический очерк бассейнов Десны, Жиздры и Болвы.* Рудные и каменноугольные месторождения в пограничной полосе Смоленской, Орловской, Калужской и Тульской губернии, уезды: Брянский, Жиздринский, Мосальский, Мещовский, Козельский и Болховский. Матер. для геологии России. Т. XIV. 189г.
23. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 192.
24. *Там же.* С. 197.
25. *Труды Геологического Комитета.* Т. V. № I. Общая геологическая карта России. Лист 57. Москва, Корчева, Юрьев, Боровск, Егорьевск. СПб. 1890.
26. *Боголюбов Н. Н.* Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С. 196.
27. *Герасимов П.А., Митта В.В., Кочанова М.Д., Тесакова Е.М.* Ископаемые келловейского яруса Центральной России. М., 1996.
28. *Геология СССР.* Т. IV: геологическое описание. М., 1971.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ АНАЛИЗЕ ГЕРБАРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ. (НА ПРИМЕРЕ ГЕРБАРИЯ КГПУ ИМ. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО)

***А.В. Понизов**, студент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского,
***А.В. Рогуленко**, к.б.н., Национальный парк «Угра»*

Геоинформационные системы — одна из самых перспективных информационных технологий, основанная на современных достижения компьютерной техники, новейших программных разработках в области картографии, нетрадиционных подходах представления информации. ГИС-технология, по сути, объединяет в себе цифровую обработку изображений с технологией баз данных. Это позволяет исследователю или практику выполнять широкий спектр действий, связанных с получением, обработкой, хранением и анализом информации. С помощью геоинформационных методов могут решаться и такие сложные и многоаспектные научные и производственные задачи, связанные с биологическим разнообразием, как выделение территорий наибольшего и наименьшего биоразнообразия, проведение анализа биоразнообразия по видовому, ценотическому, структурному, генетическому показателям и разнообразию организмов и экосистем (Берлянт, 1997; География и мониторинг.., 2002). Такие технологии отличаются высокой гибкостью и доступностью для различных объектов изучения.

Например, гербарий нередко является единственным достоверным свидетельством произрастания растений на той или иной территории в данный период времени. Однако поиски и анализ такого материала очень трудоемки, если эти сведения не помещены в электронную базу данных.

Гербарий КГПУ собирался с 1949 г. Гербарные листы разложены в нем по видам согласно системе А. Энглера. Основной источник пополнения гербария — это коллекции, собранные

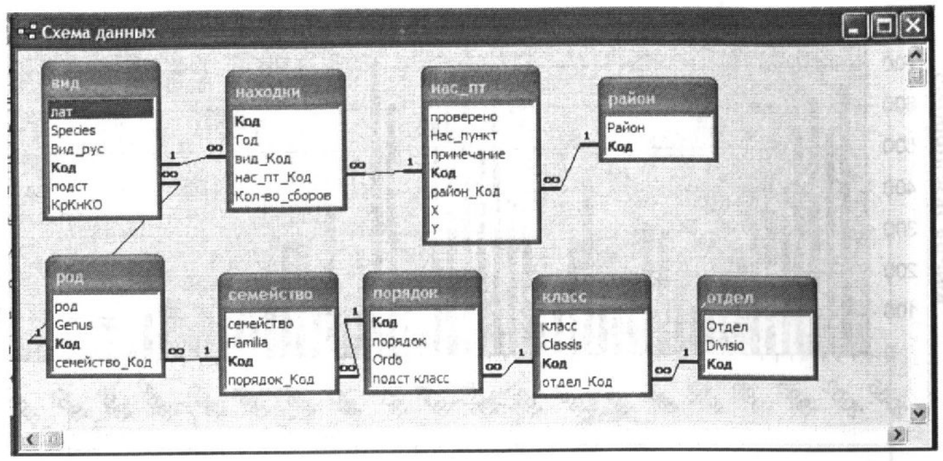


Рис. 1. Схема базы данных гербария.

сотрудниками кафедры и студентами во время летних полевых практик, экскурсий, экспедиций, а также студенческие сборы во время самостоятельных флористических исследований при выполнении курсовых и дипломных работ.

Большой вклад в развитие и создание гербария внесли И.Л. Зеленецкая, Л.А. Сергеев, Л.И. Куракина, С.Н. Воронин, Л.Ф. Волоснова, Л.А. Соколова, Н.В. Воронкина, Р.А. Романова, А.А. Шмытов, Е.Л. Константинов, А.В. Крылов (Воронкина и др., 2005). Весь гербарный материал снабжен этикетками с указанием мест сбора образцов, эта географическая привязка и послужила мостом для интеграции гербарных данных в геоинформационную систему.

Для анализа гербария КГПУ им. К.Э.Циолковского нами была создана база данных в среде MS Access. За основу было взята электронная таблица, составленная в результате ревизии гербария в 2005 г. Н.В. Воронкиной, А.А. Шмытовым, Н.М. Решетниковой и А.В. Крыловым. В таблице перечислялись виды, хранящиеся в гербарии КГПУ, с указанием мест сбора, с уточнением по годам и количеству собранных образцов.

Для систематизации этой информации была заполнена таблица с полями: вид, год сбора, количество листов в гербарии, населенный пункт, в окрестностях которого собранно растение, примечание и район, к которому относится населенный пункт.

В основу созданной базы данных вошло 9 таблиц, связанных между собой отношениями как один-ко-многим, так и многие-ко-многим. Шесть из них дают возможности таксономического анализа гербария, две — географической привязки находок и одна — хранения информации о времени и количестве образцов, помещенных в гербарий (рис. 1.).

Созданная база данных показывает, что в гербарии КГПУ хранятся 854 вида растений, относящихся к 424 родам, 103 семействам, 45 порядкам, 8 классам из 5 отделов (табл. 1), представленных на 14 032 гербарных листах.

Таблица 1. Таксономический анализ гербария.

отдел	класс	порядок	семейство	род	вид
Папоротнико-образные	Полиподиевидные	1	6	10	13
	Сальвиниевидные	1	1	1	1
	Ужовниковые	1	1	2	3
Хвощеобразные	Хвощевидные	1	1	1	6
Плаунообразные	Плауновидные	1	1	3	5
Голосемянные	Хвойные	1	2	5	6
Покрытосемянные	Двудольные	29	75	321	625
	Однодольные	10	16	81	195

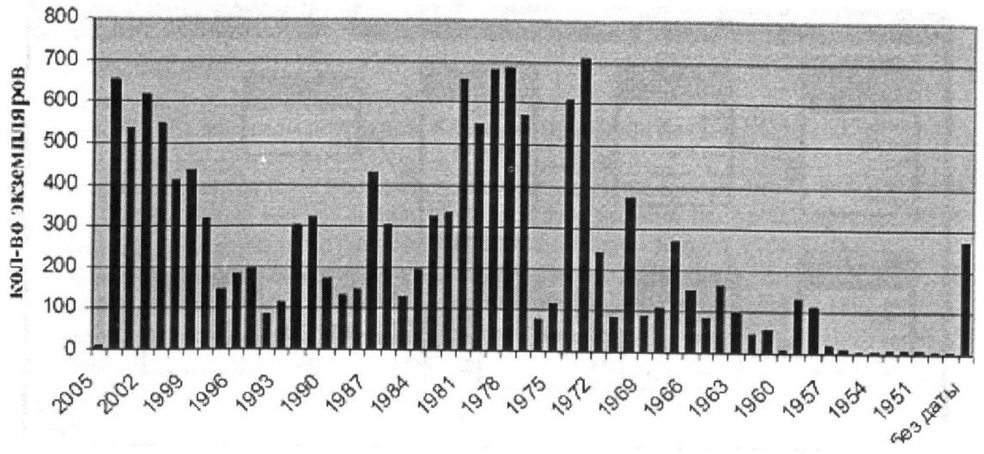


Рис. 2. Диаграмма интенсивности пополнения гербария КГПУ по годам

В базу помещен материал, собранный в период с 1949 по 2005 гг. Наиболее активными были сборы в 1973—74 гг. — 1300 экз, 1977—81 гг. — 3132 экз., 1999—2004 гг. — 3193 экз. 272 экз. не идентифицированы по времени сбора (рис. 2).

В гербарии представлены находки со всех районов области. Наиболее хорошо изучены окрестности Калуги. Сборы проводились на протяжении практически всего проанализированного периода. За 55 лет было найдено 652 вида растений, представленных в гербарии 7697 экз., собранными в окрестностях 44 населенных пунктов. Также наиболее длительное изучение велось в Дзержинском, Перемышльском, Козельском районах. Меньше всего в гербарии представлен Хвастовичский район (табл.2).

Таблица 2. Представленность флоры Калужской области в гербарии КГПУ.

Район	Кол-во лет	Кол-во видов	Кол-во нас.пт	Кол-во экз.	Район	Кол-во лет	Кол-во видов	Кол-во нас.пт	Кол-во экз.
Бабынинский	17	52	16	58	Медынский	6	26	10	43
Барятинский	8	43	11	54	Мещовский	9	53	11	63
Боровский	15	70	7	92	Мосальский	8	67	12	94
Дзержинский	45	509	63	2642	Окрестности Калуги	55	652	44	7697
Думиничский	5	27	5	32	Перемышль-ский	41	241	31	604
Жиздринский	5	11	4	12	Спас-Деменский	8	49	11	109
Жуковский	12	55	22	75	Сухиничский	13	39	10	47
Износковский	11	54	12	92	Тарусский	7	34	10	48
Кировский	9	25	8	40	Ульяновский	15	99	17	159
Козельский	40	416	45	1230	Ферзиковс-кий	25	165	20	268
Куйбышевский	10	65	17	96	Хвастович-ский	3	6	2	6
Людиновский	5	17	9	21	Юхновский	12	144	26	283
Малоярослa-вецкий	21	116	23	166					

Для отображения гербарных сборов на карте мы использовали координаты центроидов населенных пунктов, в окрестностях которых те были сделаны. К сожалению, из 448 географических привязок, указанных на гербарных этикетках, удалось нанести на карту лишь 398. Среди не нанесенных на карту оказались 24 реки, 3 совхоза, 2 лесничества, 1 болото и 10 указаний района без указания места сбора. Ненанесенными также оказались10

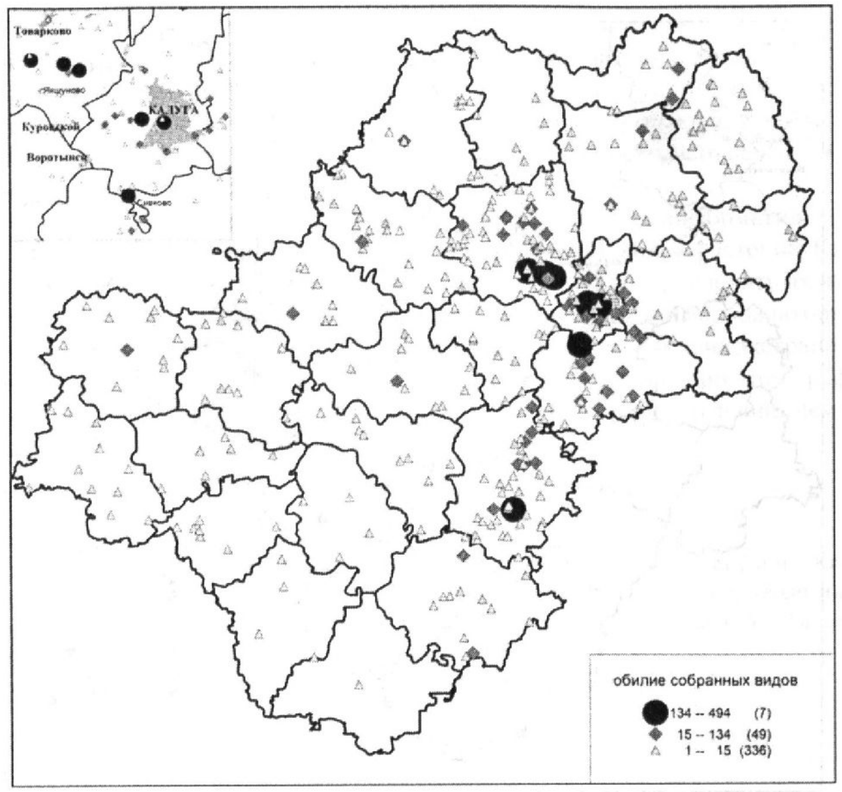


Рис. 3. Места сборов образцов растений для гербария с указанием зафиксированного видового обилия.

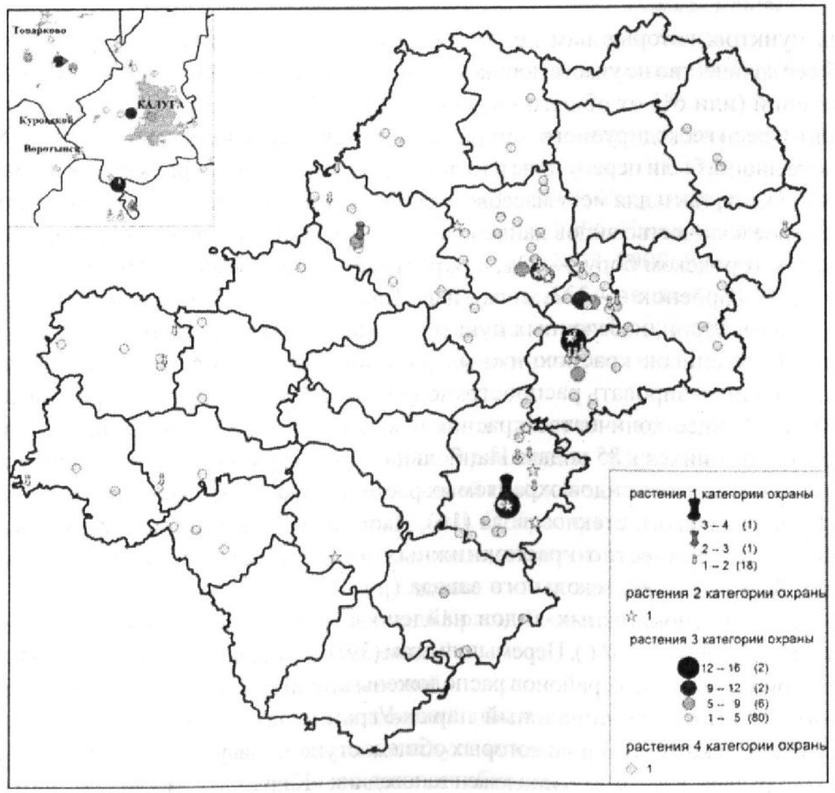


Рис. 4. Находки краснокнижных видов растений по данным гербария.

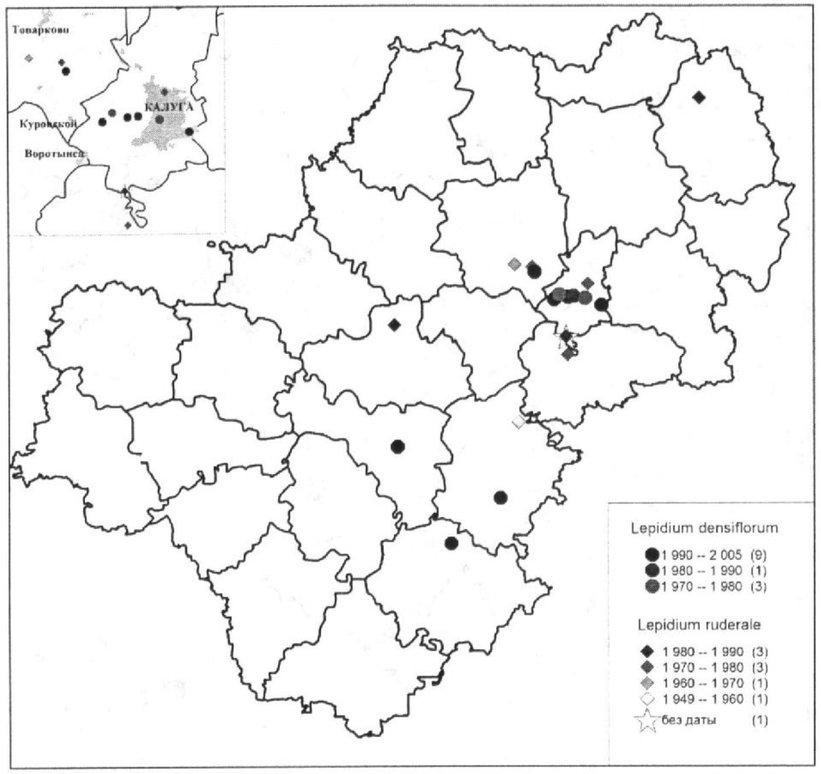


Рис. 5. Распространение клоповников мусорного и густкоцветкового по данным гербария.

населенных пунктов, которые нам не удалось найти на имеющихся у нас картах. Таким образом, общее количество не участвующих в картографическом анализе материалов составило 52 вида растений (или 6% от общего числа видов) с 470 гербарных листов (3% от общего числа листов). Среди геокодируемого материала встречались опечатки в названии населенных пунктов, также иногда были перепутаны названия районов как для пограничено расположенных населенных пунктов, так и для мест массового сбора. Данные ошибки были нами исправлены.

Максимальное количество видов найдено в окрестностях Сивково — 494 вида, в Калуге — 405, Калужском городском бору — 331, в окрестностях Березичского стеклозавода — 290, Дворцов — 275, Горбенок — 233, села Льва Толстого — 134. В окрестностях прочих, упоминаемых в гербарии, населенных пунктов — менее 100 видов (рис. 3).

Добавив в базу список краснокнижных растений Калужской области, мы получили возможность проанализировать распространение охраняемых растений, представленных в гербарии КГПУ. Общее количество краснокнижных растений в гербарии составило 616 экземпляров, относящихся к 85 видам. Наибольшее число краснокнижных видов относится к 3 категории. Больше всего видов охраняемых растений 3 категории найдено в окрестностях Сивково (16), Березичского стеклозавода (16), Дворцов (11), в Калужском городском бору (10). Наибольшее количество краснокнижных видов 1 категории охраны найдено в окрестностях Березичского стекольного завода (рис.4).

Больше всего краснокнижных видов найдено в окрестностях Калуги (101 встреча), Козельском (68), Дзержинском (66), Перемышльском (39) и Юхновском (22) районах. Интересно, что на территории именно этих районов расположены крупные особо охраняемые территории федерального значения: национальный парк «Угра» и памятник природы «Калужский городской бор», вход на территорию которых общедоступен. Малую представленность сведений из Ульяновского района, в котором расположен заповедник «Калужские засеки», можно объяснить малым количеством сборов с территории этого района, а также труднодоступностью изучения территории заповедника для студентов в связи с особо строгим режимом охраны.

Также одной из возможностей ГИС-анализа является возможность добавления временного фактора к пространственному анализу. Так, рисунок 5 демонстрирует, как по данным гербария КГПУ мусорный клоповник (*Lepidium ruderale* L.) заменяется густкоцветковым (*Lepidium densiflorum* Schrad.). Хорошо видно, что мусорный клоповник находили на территории Калужской области лишь до 1990 года, в то время как густкоцветковый, отмеченный впервые в 70-х годах, находили до 2005 года.

Таким образом, помещая с помощью созданного ГИС-проекта информативные данные на карту, можно уловить характер распределения различных видов растений Калужской области, отображенных в гербарии КГПУ им. К.Э. Циолковского, проследить их изменение в пространстве и во времени. Добавляя и сопоставляя различные данные, можно обнаружить вызывающие и сопутствующие процессы. Сделав выводы, позволяющие экстраполировать данные, — создать математическую модель изучаемой территории. При этом графическое представление данных, помещенных на карту, воспринимается намного лучше, чем большое количество различных графиков и диаграмм.

Литература

Берлянт А.М. Геоинформационное картографирование. М., 1997. 64 с.

Воронкина Н.В., Крылов А.В., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. О гербарии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского// Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. 5—7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.331—334.

География и мониторинг биоразнообразия. М.: Изд-во НУМЦ, 2002.432 с.

К КРАСНОЙ КНИГЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСУДИСТЫЕ РАСТЕНИЯ

***А.В. Крылов**, к.б.н., ст. преп.,*
Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского, Институт естествознания
***Н.М. Решетникова**, к.б.н., н.с., Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН*

С момента составления первоначального списка редких и нуждающихся в охране сосудистых растений Калужской области прошло уже 10 лет. За этот период накоплен дополнительный флористический материал (Скворцов, 2005; Сосудистые..., 2005; Скворцов и др., 2006; Воронкина и др., 2006; Решетникова, Крылов, 2006; Крылов, Решетникова, 2007; Решетникова и др., 2007а, 2007б; Решетникова, Крылов, 2007, 2008; Крылов, Решетникова, 2008; Попченко, 2008; Решетникова и др., 2009), который позволяет: 1) уточнить статус редкости ряда видов, включенных в Красную книгу Калужской области; 2) предложить для включения новые виды и 3) исключить широко распространенные растения, ошибочно указанные и адвентивные виды.

1. В «Решении межведомственной комиссии по редким и находящимся под угрозой исчезновения животным, растениям и особо охраняемым природным территориям при Государственном комитете по охране окружающей среды Калужской области от 15 декабря 1999 г.» указано 226 видов сосудистых растений. В Красную книгу Калужской области в 2006 г. было включено 205 видов — 21 вид «исключен» из первоначального перечня по результатам последующих полевых работ. Однако из этого перечня (Кр. книга..., 2006), на наш взгляд, было бы целесообразно оставить в Красной книге Калужской области два вида:

Falcaria vulgaris L. — Резак обыкновенный

Lycopus exaltatus L. fil. — Зюзник высокий.

2. По результатам полевых исследований последнего десятилетия и обобщения литературных данных 14 видов, вероятно, следует исключить из Красной книги Калужской области (2006). Среди них 3 вида — это явно ошибочные указания:

Silene chlorantha (Willd.) Ehrh. — Смолёвка зеленоцветковая

Hypericum elegans Steph. ex Willd. — Зверобой изящный

Pyrola media Swartz — Грушанка средняя

Гербарные материалы, подтверждающие эти находки, нам не известны.

Также необходимо исключить ряд адвентивных видов, которые преднамеренно или непреднамеренно были занесены на территорию Калужской области в результате хозяйственной деятельности человека:

Onobrychis arenaria (Kit.) DC. — Эспарцет песчаный

Petasites hybridus (L.) Gaertner, Meyer et Scherb. — Белокопытник гибридный

Исключить виды, известные в регионе по единичным экземплярам в нарушенных местообитаниях (возможно, заносные):

Senecio sylvaticus L. — Крестовник лесной

Filago minima (Smith) Person — Жабник малый.

Не нуждаются в охране виды, широко распространенные на территории региона. Так, в результате полевых работ было выявлено довольно широкое распространение некоторых растений, включенных в Красную книгу Калужской области (2006):

Digitaria ischaemum (Schreb.) Muehl. — Росичка обыкновенная

Dactylorhiza fuchsii (Druce) Soo — Пальчатокоренник Фукса

Dactylorhiza incarnata (L.) Soo — Пальчатокоренник мясо-красный

Dactylorhiza maculata (L.) Soo — Пальчатокоренник пятнистый

Stellaria uliginosa Murr. — Звездчатка топяная

Agrimonia procera Willd. — Репешок высокий

Daphne mezereum L. — Волчеягодник обыкновенный.

3. Современные флористические данные позволяют уточнить категории статуса редкости и уязвимости ряда видов, включенных в Красную книгу Калужской области (2006). Для характеристики уязвимости за основу была взята шкала категорий статуса редкости растений, принятая в Красной книги растений РФ (2008). Данная шкала, с некоторыми изменениями, принята и во многих других региональных Красных книгах, что позволяет легко сравнивать состояние видов в разных регионах. Однако в Красной книге Калужской области отсутствует нулевая категория, характеризующая таксоны, сведения о находках особей которых в природе имеют 50-летнюю давность. На наш взгляд целесообразно ввести нулевую категорию для отражения динамики численности редких видов и учета уже утраченных (длительное время незарегистрированных).

3.1. Несомненно, что к нулевой категории относятся виды, чьи находки были сделаны коло века назад (год последней находки или указания приведен в скобках):

Carex chordorrhiza Ehrh. — Осока струнокоренная 1→0 категория (1931 г.)

Potentilla recta L. — Лапчатка прямая 1→0 категория (1895 г.)

Находки некоторых видов не удается повторить уже 30-50 лет:

Botrychium matricariifolium A. Braun ex Koch — Гроздовник ромашколистный 1→1(0) категория (1960-е гг.)

Festuca filiformis Pourr. — Овсяница нитевидная 1→1(0) категория (1970 г.)

Salix lapponum L. — Ива лопарская 3→1(0) категория (1963 г.)

Salix myrtilloides L. — Ива черничная 2→1(0) категория (1965 г.)

Betula humilis Schrank — Берёза приземистая 2→1(0) категория (1965 г.)

Aconitum nemorosum Bieb. ex Reichenb. — Борец дубравный 3→1(0) категория (1971г.)

Ranunculus polyphyllus Waldst.et Kit. exWilld. — Лютик многолистный. 1→1(0) категория (1974 г.)

Pedicularis sceptrum-carolinum L. — Мытник скипетровидный 2→1(0) категория (1965 г.)

3.2. Ряд видов на территории области являются более уязвимыми и редкими, чем это считалось ранее:

Delphinium cuneatum Stev. ex DC. — Живокость клиновидная 3→1 категория

Sempervivum ruthenicum Schnittsp. et C. B. Lehm. — Семпервивум русский 3→1 категория

Armeria vulgaris Willd. — Армерия обыкновенная 3→1 категория

Salvia glutinosa L. — Шалфей клейкий 3→1 категория

Aster amellus L. — Астра ромашковая 3→1 категория

Cinna latifolia (Trev.) Griseb. — Цинна широколистная 2→1 категория

Fritillaria meleagris L. — Рябчик шахматный 2→1 категория

Dianthus superbus Bieb. — Гвоздика пышная 2→1 категория

Viola selkirkii Pursh ex Goldie — Фиалка Селькирка 2→1 категория

Pyrethrum corymbosum (L.) Scop. — Пиретрум щитковый 2→1 категория

Lycopodium complanatum L. — Плаун сплюснутый 3→2 категория

Gentiana amarella L. — Горечавка горьковатая 3→2 категория

Gentiana pneumonanthe L. — Горечавка легочная 3→2 категория

3.3. Для некоторых, так называемых криптических видов, однозначно установить их статус (адвентивный или аборигенный) на территории Калужской области довольно сложно и, вероятно, такие растения целесообразнее относить к 4-ой категории — к «видам с неопределенным статусом»:

Equisetum variegatum Schleich. ex Web. et Mohr — Хвощ пёстрый 1→4 категория

Viola odorata L. — Фиалка душистая 1→4 категория

Phyteuma spicatum L. — Кольник колосистый 1→4 категория

Lilium martagon L. — Лилия саранка 2→4 категория

Triglochin maritimum L. — Триостренник приморский 1→4(0) категория

Если меры охраны по отношению к многолетним видам, древесным растениям и кустарничкам более или менее очевидны — сохранение местообитаний (сообществ, территорий), на которых произрастают их популяции, то организация охраны и мониторинга однолетних видов и видов, приуроченных к участкам с регулярными естественными нарушениями растительного покрова, вызывает целый ряд вопросов. В зависимости от погодных условий их численность год от года существенно меняется, а при отсутствии нарушений и естественном зарастании местообитаний их численность сокращается:

Radiola linoides Roth — Радиола льняная 1→4 категория

Centunculus minimus L. — Низмянка малая 1→4 категория

Lycopodiella inundata (L.) Holub — Плаунок топяной 2→4 категория

Уточнения распространения требуют некоторые гибриды и сложные в таксономическом отношении группы:

Dactylorhiza russowii (Klinge) Holub [*D. traunsteinei* (Saut.) Soo var. *russowii* (Klinge) Aver.]— Пальчатокоренник Руссова 1→4 категория

Dactylorhiza majalis (Reichenb.) Hunt. et Sumerhayes 1→4 категория

Drosera × *obovata* Mert. et Koch — Росянка обратнояйцевидная 1→4 категория

Hierochloe repens (Host) P. Beauv. — Зубровка степная 3→4 категория

3.4. Для некоторых видов в 1999 году при составлении перечня редких и исчезающих растений Калужской области сведений для точной характеристики их статуса было недостаточно. Современные флористические данные позволяют уточнить категории редкости видов Красной книги Калужской области (2006) с неопределенным статусом (4-я категория). Последние находки некоторых из них имеют более чем вековую давность:

Melica transsilvanica Schur. — Перловник трансильванский 4→0 категория (1912 г.)

Carex colchica J. Gay — Осока колхидская 4→0 категория (1895 г.)

Carex distans L. — Осока расставленная 4→0 категория (1895 г.)

Herminium monorchis (L.) R. Br. — Бровник одноклубневый 4→0 категория (1912 г.)

Liparis loeselii (L.) Rich. — Липарис Лезеля 4→0 категория (1912 г.)

Elatine alsinastrum L. — Повойничек мокричный 4→0 категория (1886 г.)

Melampyrum cristatum L. — Марьянник гребенчатый 4→0 категория (1913 г.)

Некоторые из них не были зарегистрированы уже 30-50 лет:

Sparganium glomeratum (Laest. ex Beurl.) L. Neum. — Ежеголовник скученный 4→1(0) категория (1975 г.)

Botrychium virginianum (L.) Sw. — Гроздовник виргинский 4→1(0) категория (1968г.)

Juncus atratus Krocker — Ситник черный 4→4(0) категория (1964 г.)

Для ряда видов, перечисленных ниже, известны лишь единичные современные местообитания и они, несомненно, в настоящее время, характеризуются 1-ой и 2-ой категориями редкости и уязвимости:

89 Зак. 2219

Melica altissima L. — Перловник высокий 4→1 категория
Carex paniculata L. — Осока метельчатая 4→1 категория
Cypripedium calceolus L. — Венерин башмачок обыкновенный 4→1 категория
Adenophora lilifolia (L.) A. DC. — Бубенчик лилиелистный 4→1 категория
Vicia tenuifolia Roth — Горошек тонколистный 4→2 категория

На основании современных флористических данных ряд видов можно отнести к 3 категории редкости:

Potamogeton acutifolius Link — Рдест остролистный 4→3 категория
Potamogeton gramineus L. — Рдест злаковый 4→3 категория
Elytrigia intermedia (Host) Nevski — Пырей промежуточный 4→3 категория
Glyceria nemoralis (Uechtr.) Uechtr. et Koern. — Манник дубравный 4→3 категория
Carex brizoides L. — Осока трясунковидная 4→3 категория
Euphorbia semivillosa Prokh. — Молочай полумохнатый 4→3 категория
Thymus serpyllum L. — Тимьян обыкновенный 4→3 категория

Длительно не были зарегистрированы (возможно, адвентивные):

Scorzonera purpurea L. — Козелец пурпуровый 4→4(0) категория (1965 г.)
Senecio erucifolius L. — Крестовник эруколистный 4→4(0) категория (1955 г.)

Требует дополнительных наблюдений:

Cirsium rivulare (Jacq.) All. — Бодяк приречный 4→4(1) категория

3.5. Некоторые виды в настоящее время на территории области распространенны шире, чем это представлялось в 1999 году. Вероятно, это больше связано с накоплением флористических данных, чем с реальным восстановлением их численности:

Koeleria delavignei Czern. ex Domin — Келерия Делявиня 1→3 категория
Epipactis palustris (Mill.) Crantz — Дремлик болотный 1→3 категория
Goodyera repens (L.) R. Br. — Гудайера ползучая 1→3 категория
Malaxis monophyllos (L.) Swartz — Мякотница однолистная 1→3 категория
Hypericum hirsutum L. — Зверобой волосистый 1→3 категория
Laserpitium latifolium L. — Гладыш широколистный 1→3 категория
Omphalodes scorpioides (Haenke) Schrank — Пупочник завитой 1→3 категория
Veronica incana L. — Вероника седая 1→3 категория
Calamagrostis neglecta (Ehrh.) Gaertn., Mey. et Scherb. — Вейник незамеченный 2→3 категория
Koeleria cristata (L.) Pers. — Келерия гребенчатая 2→3 категория
Silene borysthenica (Gruner) Walt. — Смолёвка днепровская 2→3 категория
Corydalis intermedia (L.) Merat — Хохлатка промежуточная 2→3 категория
Viola montana L. — Фиалка горная. 2→3 категория

4. По нашим данным 43 вида необходимо включить в Красную книгу Калужской области.

В перечне редких и исчезающих растений региона не были учтены некоторые сборы конца XIX—начала XX века, которые хранятся в гербарии Московского университета (MW) и в коллекции В.Д. Луганского (КОКМ) Калужского краеведческого музея (Решетникова и др., 2007б). К сожалению, эти находки уже длительное время не удается подтвердить:

Pycreus flavescens (L.) P. Beauv. — Ситовник желтоватый 0 категория
Cephalanthera rubra (L.) L. C. Rich. — Пыльцеголовник красный 0 категория
Orchis ustulata L. — Ятрышник обожжённый, или опалённый 0 категория
Allium angulosum L. — Лук угловатый, или ребристый 1(0) категория

После выхода Красной книги Калужской области (2006) были сделаны находки ранее неизвестных в регионе видов. Кроме того, численность некоторых растений, по нашим данным, сокращается по сравнению с материалами второй половины XX века. Современное состояние популяций 39 видов, не включенных в региональную Красную книгу (2006), по нашим данным, вызывает серьезные опасения. Нуждаются в охране современные популяции очень редких и уязвимых видов Калужской области:

Scolochloa festucacea (Willd.) Link — Тростянка овсяницевая — 1 категория
Trisetum sibiricum Rupr. — Трищетинник сибирский — 1 категория

Carex disticha Huds. — Осока двурядная — 1 категория
Carex hartmanii A. Cajand — Осока Гартмана — 1 категория
Carex umbrosa Host — Осока теневая — 1 категория
Dianthus armeria L. — Гвоздика армериевидная — 1 категория
Cardamine trifida (Poir.) B. M. G. Jones — Сердечник трехнадрезанный — 1 категория
Rubus chamaemorus L. — Морошка — 1 категория
Vicia dumetorum L. — Горошек зарослевый — 1 категория
Vicia pisiformis L. — Горошек гороховидный — 1 категория
Elatine triandra Schkuhr — Повойничек трёхтычинковый — 1 категория
Kadenia dubia (Schkuhr) Lavrova et Tichoirov — Кадения сомнительная — 1 категория
Potentilla heptaphylla L. — Лапчатка семилисточковая — 1 категория
Stachis recta L. — Чистец прямой — 1 категория
Arctium nemorosum Lej. — Лопух лесной — 1 категория
Carex loliacea L. — Осока плевельная — 2 категория
Cuscuta lupuliformis Krocker — Повилика хмелевидная — 2 категория
Symphytum officinale L. — Окопник лекарственный — 2 категория
Pedicularis palustris L. — Мытник болотный — 2 категория
Poa bulbosa L. — Мятлик луковичный — 3 категория
Blysmus compressus (L.) Panz. ex Link — Блисмус сжатый — 3 категория
Carex aquatilis Wahlenb. — Осока водная — 3 категория
Carex muricata L. — Осока колючковатая — 3 категория
Parnassia palustris L. — Белозор болотный — 3 категория
Carex remota L. — Осока раздвинутая — 3 категория
Dactylorhiza cruenta (O. F. Muell.) Soo — Пальчатокоренник кровавый — 3 категория
Vicia cassubica L. — Горошек кашубский — 3 категория
Androsace elongata L. — Проломник удлинённый — 3 категория
Gentiana cruciata L. — Горечавка крестовидная — 3 категория
Lithospermum officinale L. — Воробейник лекарственный — 3 категория
Phlomis tuberosa L. — Зопник клубненосный — 3 категория
Salvia verticillata L. — Шалфей мутовчатый — 3 категория
Crepis praemorsa Tausch — Скерда тупоконечная — 3 категория
Eleocharis uniglumis (Link) Schult. — Болотница одночешуйная — 4(1) категория
Thesium arvense Horvat. — Ленец полевой — 4(1) категория
Primula vulgaris L. — Первоцвет обыкновенный — 4(1) категория
Verbascum densiflorum Bertol. — Коровяк густоцветковый — 4(1) категория
Achillea ptarmica L. — Тысячелистник птармика — 4(1) категория
Thymus marschallianus Willd. — Чабрец Маршалла — 4 категория

Таким образом, предлагаемый список наиболее редких и уязвимых растений Калужской области включает 236 видов, что составляет 18% от флоры региона в целом и 23% от видов аборигенной (без учета адвентивных растений) фракции флоры.

5. Составлен предварительный мониторинговый список растений, куда внесены виды, которым пока, возможно, ничего не угрожает, но чья численность в области нуждается в постоянном контроле. Среди них декоративные и пищевые растения природной флоры, подвергающиеся массовому сбору, и некоторые виды со стабильной численностью популяций, приуроченных к специфическим местообитаниям. В мониторинговый список включены также виды, для которых установить их статус (адвентивный или аборигенный) на территории Калужской области пока довольно сложно и редкие виды, которые в последние годы встречаются чаще:

Zannichellia palustris L. — Занникеллия болотная
Caulinia minor (All.) Coss. et Germ. — Каулиния малая
Alisma gramineum Lej. — Частуха злаковая
Alisma lanceolatum With. — Частуха ланцетная
Beckmannia eruciformis (L.) Host — Бекмания обыкновенная
Bromopsis benekenii (Lange) Holub — Кострец Бенекена
Elymus fibrosus (Schrenk) Tzvel. — Пырейник волокнистый

Helictotrichon pubescens (Huds.) Pilg. — Овсец опушенный.
Koeleria sabuletorum (Domin) Klok. — Келерия песколюбивая
Poa remota Forsell. — Мятлик расставленный
Sieglingia decumbens (L.) Bernh. — Трехзубка распростертая
Lemna gibba L. — Ряска горбатая
Bolboschoenus maritimus (L.) Palla — Клубнекамыш приморский
Bolboschoenus planiculmis (F. Schmidt) Egor. — Клубнекамыш плоскостебельный
Carex appropinquata Schum. — Осока сближенная
Carex atherodes Spreng. — Осока прямоколосая
Carex diandra Schrank — Осока двухтычинковая
Carex juncella (Fries) Th. Fries — Осока ситничек
Juncus ambiguus Guss. — Ситник лягушачий
Juncus nastantus V. Kresz. et Gontsch. — Ситник скученноцветковый
Allium ursinum L. — Лук медвежий, Черемша
Veratrum lobelianum Bernh. — Чемерица Лобеля
Iris aphylla L. — Ирис безлистный
Dactylorhiza fuchsii (Druce) Soo — Пальчатокоренник Фукса
Dactylorhiza incarnata (L.) Soo — Пальчатокоренник мясо-красный
Dactylorhiza maculata (L.) Soo — Пальчатокоренник пятнистый
Epipactis helleborine (L.) Crantz — Дремлик широколистный
Listera ovata (L.) R. Br. — Тайник яйцевидный
Thesium ebracteatum Hayne — Ленец бесприцветничковый
Stellaria longifolia Muehl. ex Willd. — Звездчатка длиннолистная
Ceratophyllum submersum L. — Роголистник полупогруженный
Arabis pendula L. — Резуха висячая
Ribes spicatum Robson — Смородина колосистая
Potentilla alba L. — Лапчатка белая
Trifolium spadiceum L. — Клевер каштановый
Vicia biennis L. — Горошек двулетний
Daphne mezereum L. — Волчник обыкновенный
Lythrum virgatum L. — Дербенник прутьевидный
Cenolophium denudatum (Hornem.) — Пусторебрышник обнаженный
Torilis japonica (Houtt.) DC. — Пупырник японский
Myosotis suaveolens Waldst. et Kit. — Незабудка душистая
Salvia pratensis L. — Шалфей луговой
Scutellaria hastifolia L. — Шлемник копьелистный
Thymus loevyanus Opiz — Чабрец Леви
Thymus pulegioides L. — Чабрец блошиный
Campanula cervicaria L. — Колокольчик жестковолосистый
Artemisia abrotanum L. — Полынь лечебная
Inula hirta L. — Девясил шершавый.

Благодарим: *Н.В. Воронкину* и *А.А. Шмытова* за обсуждение статуса редкости растений Красной книги Калужской области и особенностей их распространения в регионе; *С.Р. Майорова* и *Р.А. Романову* за консультации и любезно предоставленные материалы по флоре Калужской области; *В.В. Телеганову, М.И. Попченко, Н.В. Воронкину, Е.Л. Константинова, Н.Ю. Степанову, С.А. Полуэктова, В.П. Есипова, М.Н. Сионову* и *С.К. Алексеева* за организацию полевых работ и совместные полевые исследования.

Литература

Воронкина Н.В., Крылов А.В., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. О редких растениях Калужской области, сборы которых хранятся в гербарии Калужского государственного педагогического университета// Бюлл. Московского общ-ва испытателей природы. Отдел биол.Т. 111. Вып. 3. 2006. С. 59—61.

Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая Аллея, 2006. 608 с.: ил.

Красная книга Российской Федерации (растения и грибы)/Мин-во природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общ-во; МГУ им. М.В. Ломоносова; Гл. редколл.: Ю.П. Трутнев и др.; Сост. Р.В. Камелин и др. М., 2008. 855 с.

Крылов А.В., Решетникова Н.М. Дополнения 2006 года к флоре Калужской области//Бюлл. Московского общ-ва испытателей природы (далее — МОИП). Отд. биол. Т. 112. Вып. 3. 2007. С.68—72.

Крылов А.В., Решетникова Н.М. Дополнение 2007 г. к флоре Калужской области//Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 113. Вып. 6. 2008. С. 64—67.

Попченко М.И. Находки новых и редких видов растений в долине реки Протвы (Калужская область, Жуковский район)//Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2008. Т. 113. Вып. 6. С. 67—68.

Решетникова Н.М., Крылов А.В. Новые данные по флоре Калужской области//Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 111. Вып. 6. 2006. С. 68—71.

Решетникова Н.М., Крылов А.В. Об «Окской флоре» Калужской области//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всеросс. науч. конф.3—5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 421—425.

Решетникова Н.М., Крылов А.В. Орхидеи отвалов известняковых карьеров Калужской области// Материалы VIII Международной конф.«Охрана и культивирование орхидей» и IV Международного совещания по динамике популяций орхидных (Тверь, 5—10 июня 2007). Тверь, 2007. С. 111—115.

Решетникова Н.М., Крылов А.В., Майоров С.Р., Шмытов А.А. Дополнения и поправки к «Флоре…» П.Ф. Маевского (2006) по Калужской области // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 112. Вып. 6. 2007а. С. 58—59.

*Решетникова Н.М., Крылов А.В., Шмытов А.А.*Дополнения к флоре Калужской области из гербария В.Д. Луганского (Калужский областной краеведческий музей)//Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 112. Вып. 6, 2007б. С. 44—46.

Решетникова Н.М., Майоров С.Р., Скворцов А.К., Шмытов А.А., Крылов А.В. К флоре Калужской области: покрытосеменные (двудольные раздельнолепестные)//Бюлл. Главного ботанического сада РАН (далее — ГБС РАН), 2009 *(в печати)*.

Скворцов А.К. Материалы к флоре Калужской области // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2005.Т. 110. Вып. 2. С. 73—80.

Скворцов А.К., Майоров С.Р., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. К флоре Калужской области: папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные)//Бюл. ГБС РАН, М., 2006. Вып. 192. С. 49—76.

Сосудистые растения национального парка «Угра»: (Аннотированный список видов). Решетникова Н.М., Скворцов А.К., Майоров С.Р., Воронкина Н.В. М., 2005. 143 с. (Флора и фауна национальных парков, Вып. 6.).

К ВЕДЕНИЮ КРАСНОЙ КНИГИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: РАЗДЕЛ МОХООБРАЗНЫЕ

***В.В. Телеганова**, Национальный парк «Угра»*

Изученность Калужской области в бриологическом отношении до недавнего времени оставалась крайне низкой. Имеющиеся в литературе сведения носили фрагментарный характер и относились лишь к отдельным урочищам и природным объектам.

Наибольшее внимание еще с начала XX века привлекало широко известное в краеведческой литературе место в юго-восточной части Калужской области — Чертово Городище (Козельский р-н). В 1928 г. А.Е. Жадовский в работе о популяции папоротника-многоножки, обнаруженной им на скалистых выходах песчаников, приводит также список из 22 видов бриофитов [1]. Среди них много редких, представляющих интерес в ботанико-географическом отношении. Их произрастание в Чертовом Городище в настоящее время неоднократно подтверждено современными данными [2, 3].

В 20-х. гг. в связи с интенсивной разработкой болот активизируются исследования растительного покрова наиболее крупных торфяных объектов области. Т.А. Работнов (1929) в работе по болотам западных районов Калужской области приводит 12 видов мхов, среди них редкие, в настоящее время исчезнувшие в большинстве областей средней части европейской России или находящиеся в критическом состоянии в связи с осушением и мелиорацией болот [4]. В 1924 г. Д.А. Герасимов в работе о геоботаническом исследовании торфяных болот северо-западной части области также упоминает некоторые редкие в

90 Зак. 2219

настоящее время виды мхов [5]. Около 10 наиболее обычных напочвенных мхов указывает Б.В. Гроздов (1950) для лесов Козельского лесхоза [6].

Наиболее полно все известные материалы и сборы по Калужской области были обобщены Г.И. Пешковой [7, 8, 9]. Значительная часть неопубликованных данных и сборов Пешковой из большинства районов области, а также сборы С.Р. Майорова из Козельского района и О.В Смирновой из заповедника «Калужские Засеки» (Ульяновский р-н) была обработана Н.Н. Поповой. Эти данные, а также результаты собственных исследований, проведенных в Козельском, Ульяновском и Хвастовичском р-нах, обобщены ею в ряде публикаций, где для Калужской области в целом приводится около 200 видов мхов и печеночников. Однако точные местонахождения видов, к сожалению, не указаны; это затрудняет их локализацию на территории области, что особенно важно в отношении редких видов. Некоторые интересные сведения по биологии и распространению 11 нечастых в регионе видов мхов и печеночников приводятся С.Р. Майоровым для Козельского р-на [10].

Целенаправленные исследования бриофлоры Калужской области проводятся нами с 2005 г. В настоящее время на территории области выявлено 259 видов мохообразных (227 видов мхов, 31 вид печеночников и 1 вид антоцеротовых). Обследовано около 90 пунктов, среди них — сохранившиеся в регионе естественные местообитания: коренные малонарушенные участки зональных типов лесов в юго-западной и юго-восточной частях области, долины наиболее крупных рек (Оки, Угры, Жиздры), где сосредоточено основное биоразнообразие, а также болотные массивы различных типов, являющиеся местообитанием комплекса специфических видов, не встречающихся в других сообществах. Около 60 пунктов указывается в литературе (в основном это болотные массивы западных и северо-западных районов).

Особенности географического распространения мохообразных таковы, что они имеют весьма обширные ареалы, поэтому доля эндемиков среди них невелика и даже некоторые богатые во флористическом отношении регионы оказываются мало своеобразными. Прочие же районы (в том числе — центральная часть европейской России) имеют еще менее специфичные флоры. В Калужской области выявлено около 10 специфичных видов, не отмеченных в сопредельных областях.

Как отмечает Н.Н. Попова [11], при составлении региональных Красных книг областей центральной России целесообразна разработка такого списка охраняемых видов мхов региона, который репрезентативно отражал бы флористическое разнообразие всех его ландшафтных комплексов. Категории редких видов, разработанные МСОП, применительно к бриофитам требуют корректировки и регионального подхода. Чаще всего объединяют угрожаемые и сокращающиеся виды, т.к. их разграничение требует многолетних наблюдений за состоянием популяций, темпы же бриологических исследований и охват ими территории продолжают оставаться недостаточными. Кроме того, для оценки категорий редкости видов необходим ретроспективный анализ исторических материалов. К сожалению, для Калужской области такие материалы, позволяющие оценивать произошедшие изменения в состоянии популяций за какой-либо значимый промежуток времени, отсутствуют. Поэтому, для большинства видов, отнесенных здесь к угрожаемым или сокращающимся, оценка их состояния на территории области и разграничение на эти две категории проведены на основе данных, имеющихся из других регионов центральной России.

В идеальном варианте списки охраняемых бриофитов должны включать:

1) виды с редкой встречаемостью, обусловленной антропогенными причинами;

2) виды, представляющие ботанико-географический интерес (эндемики, реликты, виды близ границ ареала и т.п.);

3) стенотопные виды;

4) характерные виды зональных сообществ.

Причины, обусловливающие исчезновение и сокращение видового разнообразия мохообразных, носят общий характер: разрушение среды обитания, фрагментация и преобразование естественных ландшафтов, чрезмерная эксплуатация биологических ресурсов, загрязнение среды. Однако, учитывая произрастание мхов в микроместообитаниях, можно рассчитывать на сохранение редких видов в небольших по площади ООПТ [11].

Из 227 видов мхов (сведения о печеночниках собраны в основном по литературе, поэтому их распространение нами не оценивалось) примерно 90 видов встречены в 1—4 местонахождениях,

т.е. около 40% видового состава бриофитов имеют редкую встречаемость. Однако малое количество местонахождений не должно служить единственным основанием для внесения вида в региональную Красную книгу. Необходим анализ общего распространения вида и особенностей его произрастания в пределах региона.

При разработке списка видов мхов, рекомендуемых к внесению в Красную книгу, учитывались разработанные Н.Н. Поповой методологические подходы к сохранению биоразнообразия. Группы вероятно исчезнувших (Ex, категория 0) и угрожаемых (Cr, категория 1) видов представлены преимущественно видами минеротрофных болот и заболачивающихся местообитаний с богатым минеральным питанием. Группу сокращающихся в численности видов (En, категория 2) составляют в основном виды базифильного эпифитного комплекса. Группа редких видов (Vu, категория 3) наиболее разнородна: сюда относятся болотные (сфагны), лесоболотные (*Dicranum majus, Pseudobryum cinclidioides*) виды, неморальные эпифиты (*Isothecium alopecuroides, Pterigynandrum filiforme, Myrinia pulvinata*), стенотопные виды — кальцефильные (*Orthotrichum anomalum, Gyroweissia tenuis*) и ацидофильные эпилиты (*Paraleucobryum longifolium, Hedwigia ciliata*), а также виды, находящиеся на границах ареалов: южные (*Aloina rigida, Encalypta vulgaris*), северные (*Palustriella decipiens*), западные (*Leucobryum glaucum*), или изолированные от основных ареалов (*Pohlia elongata, Hymenostylium recurvirostre, Schistidium crassipilum*).

Наибольшую бриологическую ценность в Калужской области представляют следующие территории и урочища: ур. Чертово Городище (Козельский р-н, НП «Угра») с наиболее крупным в области комплексом выходов песчаников и редкими ацидофильными видами (*Hedwigia ciliata, Paraleucobryum longifolium, Pohlia elongata*), неморальными эпифитами (*Dicranum viride, Leucodon sciuroides, Anomodon attenuatus, Anomodon longifolius, Anomodon viticulosus, Neckera pennata*), и рядом других редких видов (*Pseudobryum cinclidioides, Dicranum bonjeanii, Philonotis caespitosa*). Карбонатные склоны речных долин с выходами известняков и облигатными или факультативными кальцефитами, распространенными в более южных районах европейской России (*Encalypta vulgaris, Gyroweisia tenuis, Tortula modica, Weissia brachycarpa, Orthotrichum anomalum, Didymodon rigidulus, Brachythecium glareosum*): в долине р. Угры у д. Звизжи (Дзержинский р-н, НП «Угра»), в долине р. Серены у д. Сбелево (Козельский р-н). Широколиственные леса с комплексом неморальных эпифитов (*Dicranum viride, Leucodon sciuroides, Anomodon attenuatus, Anomodon longifolius, Anomodon viticulosus, Neckera pennata*): пойменные с характерными только для них эпифитами (*Myrinia pulvinata, Pterigynandrum filiforme*): на левобережье р. Жиздры у с. Волконское (Козельский р-н, НП «Угра»), на левобережье р. Болвы у с. Улемль (Жиздринский р-н), на левобережье р. Снопот у ур. Кр. Воин (Людиновский р-н); водораздельные (*Isothecium alopecuroides, Dicranum flagellare*): участок Козельских засек (Козельский р-н, НП «Угра»), ГПЗ «Калужские засеки» (Ульяновский р-н); на карбонатных склонах речных долин с выходами известняков с кальцефитами (*Seligeria spp., Fissidens gracilifolius, Taxiphyllum wissgrillii, Homomalium incurvatum*): в долине р. Жиздры у д. Подборки (Козельский р-н, НП «Угра»), в долине р. Угры у пос. Товарково (Дзержинский р-н, НП «Угра»), Калужско-Алексинский участок долины р. Оки (Перемышльский и Ферзиковский р-ны). Болота: олиготрофные: Игнатовский Мох (Спас-Деменский р-н) (*Sphagnum tenellum, S. papillosum, S. majus, S. fuscum, S. jensenii, Scorpidium cossonii*); мезоолиготрофные с участками сплавин: у д. Галкино (Дзержинский р-н, НП «Угра»), у д. Озерки (Юхновский р-н, НП «Угра») (*Straminergon stramineum, Sphagnum fuscum*); низинные травяно-гипновые, в настоящее время представляющие собой зарастающие торфоразработки: Шатино болото (Барятинский р-н) (*Calliergon giganteum, Helodium blandowii*). Заболачивающиеся отвалы и днища известняковых карьеров с видами болот с богатым минеральным питанием (*Campylium stellatum, Campylium protensum, Drepanocladus polygamus*): у д. Акатово (Джержинский р-н); у ж/д ст. Садовая в г. Калуге.

В списке рекомендуемых видов указаны: статус в Калужской обл., в скобках — число местонахождений. Номенклатура таксонов приводится по Ignatov & al. [12]; авторы таксонов опущены; семейства мхов расположены по алфавиту.

Список видов

Amblystegiaceae: *Tomentypnum nitens* — Ex (1), *Drepanocladus polygamus* — Cr (4),

Campylium stellatum — Cr (5), *Myrinia pulvinata* — Vu (2), *Palustriella decipiens* — Vu (1), *Hygroamblystegium tenax* — Vu (3)

Anomodontaceae: *Anomodon attenuanus* — En (19), *Anomodon longifolius* — En (23), *Anomodon viticulosus* — En (14)

Bartramiaceae: *Philonotis caespitosa* — DD (2)

Brachytheciaceae: *Brachythecium glareosum* — Vu (2), *Rhynchostegium riparioides* — Vu (1)

Calliergonaceae: *Calliergon giganteum* — Cr (2), *Straminergon stramineum* — DD (4)

Dicranaceae: *Dicranum bonjeanii* — Cr (2), *Dicranum viride* — En (8), *Dicranum majus* — Vu (1), *Dicranum flagellare* — Vu (2), *Dicranodontium denudatum* — Vu (1), *Paraleucobryum longifolium* — Vu (1)

Encalyptaceae: *Encalypta vulgaris* — Vu (3)

Fissidentaceae: *Fissidens adiantoides* — DD (1), *Fissidens exiguus* — DD (2)

Grimmiaceae: *Schistidium crassipilum* — Vu (2)

Hedwigiaceae: *Hedwigia ciliata* — Vu (1)

Lembophyllaceae: *Isothecium alopecuroides* — Vu (1)

Leucobriaceae: *Leucobryum glaucum* — Vu (1)

Leucodontaceae: *Leucodon sciuroides* — En (12)

Mielichhoferiaceae: *Pohlia elongata* — Vu (1)

Mniaceae: *Pseudobryum cinclidioides* — Vu (3)

Neckeraceae: *Neckera pennata* — En (14)

Orthotrichaceae: *Orthotrichum anomalum* — Vu (2), *Ulota crispa* — Vu (1)

Plagiotheciaceae: *Plagiothecium latebricola* — Vu (1)

Pottiaceae: *Aloina rigida* — Vu (1), *Hymenostylium recurvirostre* — Vu (1), *Tortula modica* — Vu (1), *Gyroweissia tenuis* — Vu (2), *Seligeria calcarea* — Vu (1), *Gymnostomum calcareum* — Vu (1)

Pterigynandraceae: *Pterigynandrum filiforme* — Vu (2)

Pylaisiaceae: *Breidleria pratensis* — Ex (1), *Homomalium incurvatum* — Vu (10)

Scorpidiaceae: *Scorpidium cossonii* — Ex (1), *Hamatocaulis vernicosus* — Cr (3)

Sphagnaceae: *Sphagnum papillosum* — Vu (1), *Sphagnum tenellum* — Vu (2)

Thuidiaceae: *Helodium blandowii* — En (5)

Timmiaceae: *Timmia megapolitana* — Vu (4)

Литература

1. Жадовский А.Е. Реликтовая колония *Polypodium vulgare* в Калужской губернии и необходимость ее охраны // Охрана природы, №3. М., 1928. С.5—13.

2. Попова Н.Н. Бриофлора Среднерусской возвышенности.I // Arctoa 11. М.: КМК, 2002. С. 101—169.

3. Телеганова В.В. Бриофлора урочища «Чертово Городище» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. XI конф. 5—7 апреля 2005 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С.327—331.

4. Работнов Т.А. О болотах Калужской губернии. Торфяное дело, 1929, № 1. С. 29—30

5. Герасимов Д.А. Научные и практические выводы при геоботаническом исследовании торфяных болот. Торфяное дело, 1924, № 12. С. 1—7

6. Гроздов Б.В. Типы леса Брянской, Калужской и Смоленской областей. Брянск, 1950.

7. Пешкова Г. И. Материалы к бриофлоре Калужской области. Сфагновые мхи // Биол. науки, 1975 (8) — С. 66—72.

8. Пешкова Г.И. Материалы к бриофлоре Калужской области. Бриевые мхи из окр. Тарусы // Биол. науки, 1977 (5).—С. 90—93.

9. Пешкова Г.И. К флоре печеночных мхов Калужской области // Новости сист. низш. раст., 1990. С. 144 — 157.

10. Майоров С.Р. Данные к бриофлоре Козельского района Калужской области // Флористические исследования в Центральной России на рубеже веков: Материалы научного совещания (Рязань, 29—31 января 2001 г.) /Под ред. В.С. Новикова и С.Р. Майорова. М.: Изд. Ботанич. Сада Моск. ун-та, 2001. С.87—89.

11. Попова Н.Н. Перспективы ведения раздела «Мохообразные в региональных Красных книгах Центральной и Южной России // Флористические исследования в Средней России: Мат-лы VI совещания по флоре Средней России, 15—16 апреля 2006 г.Тверь. М., 2006. С. 120—126.

12. [Ignatov M.S. & al.] Игнатов М.С. и др. Список мхов Восточной Европы и Северной Азии [Check—list of mosses of East Europe and North Asia] // Arctoa 15. М., 2006. С. 1—131.

РЕДКИЕ И НУЖДАЮЩИЕСЯ В ОХРАНЕ ВИДЫ РАСТЕНИЙ, ОТМЕЧЕННЫЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

М.И. Попченко,

Российский Государственный Аграрный Университет — МСХА им. К.А. Тимирязева

В современном мире сохранение биоразнообразия как основы биосферы и составляющих ее экосистем — одна из основ устойчивого развития человечества. Важными документами, призванными содействовать сохранению биоразнообразия, являются Красные книги. В 2006 г. была издана Красная книга Калужской области. Анализ представленных в ней материалов показал относительно слабую изученность северо-восточной части области.

В рамках изучения флоры Калужской области проведены флористические исследования в Жуковском р-не с 2004 г., в Тарусском р-не — с 2007 г., в Ферзиковском р-не — с 2008 г. Представляется целесообразным проанализировать собранный флористический материал с точки зрения охраны редких и исчезающих видов. В этой статье представлены данные о местонахождении редких и исчезающих видов, не вошедших в Красную книгу Калужской области или уточненных в ходе исследований.

***Lycopodium complanatum* L. (Плаун сплюснутый)**. Найден в Жуковском р-не, в сухих сосновых борах, в 2 км западнее д. Грибовки и в 1 км юго-восточнее д. Воронцовка.

***Glyceria nemoralis* (Uechtr.) Uechtr. et Koern. (Манник дубравный)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 0,5 км севернее д. Сутормино, по берегам ручья на закустаренном склоне речной долины.

***Carex montana* L. (Осока горная)**. Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, по открытым склонам и светлым лесам, спорадически от г. Тарусы до д. Залужье, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское.

***Fritillaria meleagris* L. (Рябчик шахматный)**. Найден в Жуковском р-не, в 1 км севернее пос. Кременки, в пойме лесного ручья — притока р. Боровны. Наблюдавшаяся популяция произрастает по обе стороны от шоссе Кременки—Екатериновка и в момент наблюдения цвело не менее 300 особей (Попченко, 2008).

***Iris sibirica* L. (Ирис сибирский)**. Найден в Жуковском р-не, в 1 км южнее д. Воронцовки, в пойме лесного ручья и в 0,5 км западнее пос. Кременки, на сырой опушке смешанного леса.

***Dactylophiza incarnata* (L.) Soo (Пальчатокоренник мясо-красный)**. Найден в местах выхода ключей: в Тарусском р-не, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, в Жуковском р-не, в 2 км севернее д. Грибовки и в 1,5 км северо-западнее д. Ореховки, а также на заболоченном лугу, в пойме р. Аложи, в окрестностях д. Грибовки.

***Dactylophiza maculata* (L.) Soo (Пальчатокоренник пятнистый)**. Найден в местах выхода ключей: в Тарусском р-не, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, в Жуковском р-не, в 2 км севернее д. Грибовки и в 1,5 км северо-западнее д. Ореховки, а также на сыром лугу, в окрестностях д. Черная Грязь.

***Dactylorhiza baltica* (Klinge) Orlova (Пальчатокоренник балтийский)**. Найден в местах выхода ключей: в Жуковском р-не, в 2 км севернее д. Грибовки и в 1,5 км северо-западнее д. Ореховки, в Тарусском р-не, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки.

***Dactylophiza fuchsii* (Druce) Soo (Пальчатокоренник Фукса)**. Найден в Жуковском, Тарусском и Ферзиковском р-нах: спорадически по смешанным лесам, на плакорных участках в междуречьях Оки — Тарусы, Тарусы — Протвы и Протвы — Нары.

***Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (Кокушник длиннорогий)**. Найден в Жуковском р-не, в 2 км (в статье 2008 г. ошибочно указано в «5 км») севернее д. Грибовки, на газопроводе, в месте выхода ключей.

***Goodyera repens* (L.) R. Br. (Гудайера ползучая)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по хвойным лесам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовки, где встречается спорадически.

***Malaxis monophyllos* (L.) Sw. (Мякотница однолистная)**. Найдена в Жуковском р-не, в 5 км севернее дер. Грибовки, на правом берегу р. Аложи, в сосняке с березой и елью.

***Neottianthe cucullata* (L.) Schlechter (Неоттианта клобучковая)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовки, где встречается спорадически. Занесена в Красную книгу РФ (2008).

***Platanthera chlorantha* (Custer) Reichenb. (Любка зеленоцветковая)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Aristolochia clematitis* L. (Кирказон обыкновенный)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по тенистым, реже светлым лесам, на склоне речной долины, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, в 1 км южнее д. Лодыжино и в 1,5 км юго-восточнее д. Парсуково.

***Stellaria uliginosa* Murr. (Звездчатка топяная)**. Найдена в Тарусском р-не, на переходном болоте, в 1,5 км юго-восточнее д. Сурнево и в Ферзиковском р-не, на сыром участке еловых посадок, в 4 км северо-восточнее д. Андреевское.

***Anemone sylvestris* L. (Ветреница лесная)**. Найдена на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 2 км юго-восточнее д. Черная Грязь, на правом берегу р. Аложи, в 2 км юго-западнее д. Трояново и на левом берегу р. Боровны, в 0,5 км севернее пос. Кременки.

***Clematis recta* L. (Ломонос прямой)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, а также на лугу в пойме р. Песчаной, в 1,5 км северо-восточнее д. Почуево.

***Delphinium elatum* L. (Живокость высокая)**. Найдена в Жуковском р-не, в долине р. Аложи, в 2 км западнее д. Макарово, на пойменных лугах, по обеим сторонам реки, и в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, в тенистой дубраве на склоне речной долины, на выходах известняков.

***Hepatica nobilis* Mill. (Печеночница благородная)**. Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, юго-восточнее г. Тарусы, по склонам коренного берега и в широколиственном лесу на плакоре.

***Ranunculus lingua* L. (Лютик длиннолистый)**. Найден в Жуковском р-не, на низинном болоте, в 2 км восточнее д. Щиглево.

***Corydalis marschalliana* (Pall.) Pers. (Хохлатка Маршалла).** Найдена в Тарусском р-не, юго-восточнее г. Тарусы, в широколиственном лесу на левом берегу р. Оки.

***Sisymbrium strictissimum* L. (Гулявник прямой)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, в разреженной светлой дубраве.

***Drosera rotundifolia* L. (Росянка круглолистная)**. Найдена в Жуковском р-не, на верховом болоте, в 3 км севернее д. Высокиничи.

***Jovibarba sobolifera* (J. Sims) Opiz (Молодило побегоносное)**. Найдено в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам на склоне речной долины, южнее д. Черная Грязь.

***Agrimonia procera* Wallr. (Репешок высокий)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь, в Тарусском р-не, спорадически на левом берегу р. Тарусы, в ее нижнем течении и на левом берегу р. Оки, в окрестностях д. Волковское.

***Lathyrus niger* (L.) Bernh. (Чина черная).** Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на крутом склоне речной долины, в дубраве с подростом из лещины, и в Ферзиковском р-не, в 2 км юго-восточнее д. Андреевское, на опушке березняка.

***Euphorbia semivillosa* Prokh. (Молочай полумохнатый)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на крутом склоне речной долины, в дубраве.

***Rhamnus cathartica* L. (Жостер слабительный).** Найден на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 2 км юго-восточнее д. Черная Грязь.

***Hypericum hirsutum* L. (Зверобой волосистый).** Найден на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, спорадически по обеим берегам р. Тарусы, по смешанным, реже широколиственным лесам, от г. Тарусы до д. Лопатино и в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 1 км южнее д. Черная Грязь.

***Viola montana* L. (Фиалка горная)**. Найдена в нижней трети склонов речных долин, в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 1 км западнее д. Черная Грязь и на правом берегу р. Аложи, в 3 км севернее д. Грибовка.

***Daphne mezereum* L. (Волчеягодник обыкновенный)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, от д. Черная Грязь до пос. Кременки, по смешанным лесам, где встречается спорадически, и в Тарусском р-не, по обеим берегам р. Тарусы, по широколиственным лесам, от г. Тарусы до д. Лопатино.

***Sanicula europaea* L. (Подлесник европейский)**. Найден в Жуковском р-не, в ельниках, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Филипповка; в Тарусском р-не, в смешанном лесу, в 1,5 км юго-восточнее д. Сурнево и в широколиственном лесу, в 2 км юго-восточнее д. Большуново.

***Moneses uniflora* (L.) A. Gray (Одноцветка крупноцветковая)**. Найдена в Жуковском р-не, в ельнике на окраине верхового болота, в 3 км севернее д. Высокиничи.

***Chimaphilla umbellata* (L.) Barton (Зимолюбка зонтичная)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовка, где встречается спорадически.

***Andromeda polifolia* L. (Подбел обыкновенный)**. Найден в Жуковском р-не, на верховых болотах, в 3 км северо-восточнее д. Черная Грязь и в 1 км восточнее д. Щиглево.

***Vincetoxicum hirundinaria* Medic. (Ластовень ласточкин)**. Найден по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь; в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и в 1 км северо-восточнее д. Похвиснево.

***Pulmonaria angustifolia* L. (Медуница узколистная).** Найдена в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино.

***Omphalodes scorpioides* (Haenke) Schrank (Пупочник ползучий)**. Найден в тенистых лесах на склонах речных долин, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь и в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, в 0,5 км севернее г. Тарусы, в тенистом лесу на склоне речной долины.

***Dracocephalum ruyschiana* L. (Змееголовник Рюйша)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Nepeta pannonica* L. (Котовник венгерский)**. Найден в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино.

***Linnaea borealis* L. (Линнея северная).** Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовка, где встречается спорадически.

***Scabiosa ochroleuca* L. (Скабиоза желтая)**. Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, а также на пойменных лугах, в 1,5 км юго-восточнее д. Парсуково.

***Crepis sibirica* L. (Скерда сибирская).** Найдена в Тарусском р-не, на правом берегу р. Тарусы, по опушкам широколиственных лесов и берегам ручьев, между г. Тарусой и д. Романовкой и в 1 км севернее д. Исаково.

***Scorzonera humilis* L. (Козелец приземистый).** Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Serratula tinctoria* L. (Серпуха красильная).** Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, в 0,5 км севернее д. Щиглево, в светлом березняке и в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и в 1 км северо-восточнее д. Похвиснево, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское.

Необходимо упомянуть о находке ряда видов, не вошедших в Красную книгу Калужской области (2006), которые представляют особый интерес и нуждаются в охране.

***Iris aphylla* L. (Ирис безлистный).** Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы,

***Platanthera chlorantha* (Custer) Reichenb. (Любка зеленоцветковая)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Aristolochia clematitis* L. (Кирказон обыкновенный)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по тенистым, реже светлым лесам, на склоне речной долины, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, в 1 км южнее д. Лодыжино и в 1,5 км юго-восточнее д. Парсуково.

***Stellaria uliginosa* Murr. (Звездчатка топяная)**. Найдена в Тарусском р-не, на переходном болоте, в 1,5 км юго-восточнее д. Сурнево и в Ферзиковском р-не, на сыром участке еловых посадок, в 4 км северо-восточнее д. Андреевское.

***Anemone sylvestris* L. (Ветреница лесная)**. Найдена на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 2 км юго-восточнее д. Черная Грязь, на правом берегу р. Аложи, в 2 км юго-западнее д. Трояново и на левом берегу р. Боровны, в 0,5 км севернее пос. Кременки.

***Clematis recta* L. (Ломонос прямой)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, а также на лугу в пойме р. Песчаной, в 1,5 км северо-восточнее д. Почуево.

***Delphinium elatum* L. (Живокость высокая)**. Найдена в Жуковском р-не, в долине р. Аложи, в 2 км западнее д. Макарово, на пойменных лугах, по обеим сторонам реки, и в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, в тенистой дубраве на склоне речной долины, на выходах известняков.

***Hepatica nobilis* Mill. (Печеночница благородная)**. Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, юго-восточнее г. Тарусы, по склонам коренного берега и в широколиственном лесу на плакоре.

***Ranunculus lingua* L. (Лютик длиннолистый)**. Найден в Жуковском р-не, на низинном болоте, в 2 км восточнее д. Щиглево.

***Corydalis marschalliana* (Pall.) Pers. (Хохлатка Маршалла).** Найдена в Тарусском р-не, юго-восточнее г. Тарусы, в широколиственном лесу на левом берегу р. Оки.

***Sisymbrium strictissimum* L. (Гулявник прямой)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, в разреженной светлой дубраве.

***Drosera rotundifolia* L. (Росянка круглолистная)**. Найдена в Жуковском р-не, на верховом болоте, в 3 км севернее д. Высокиничи.

***Jovibarba sobolifera* (J. Sims) Opiz (Молодило побегоносное)**. Найдено в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам на склоне речной долины, южнее д. Черная Грязь.

***Agrimonia procera* Wallr. (Репешок высокий)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь, в Тарусском р-не, спорадически на левом берегу р. Тарусы, в ее нижнем течении и на левом берегу р. Оки, в окрестностях д. Волковское.

***Lathyrus niger* (L.) Bernh. (Чина черная).** Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на крутом склоне речной долины, в дубраве с подростом из лещины, и в Ферзиковском р-не, в 2 км юго-восточнее д. Андреевское, на опушке березняка.

***Euphorbia semivillosa* Prokh. (Молочай полумохнатый)**. Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на крутом склоне речной долины, в дубраве.

***Rhamnus cathartica* L. (Жостер слабительный).** Найден на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и 1,5 км юго-восточнее д. Подборки, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 2 км юго-восточнее д. Черная Грязь.

***Hypericum hirsutum* L. (Зверобой волосистый).** Найден на склонах речных долин, на выходах известняков: в Тарусском р-не, спорадически по обеим берегам р. Тарусы, по смешанным, реже широколиственным лесам, от г. Тарусы до д. Лопатино и в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 1 км южнее д. Черная Грязь.

***Viola montana* L. (Фиалка горная)**. Найдена в нижней трети склонов речных долин, в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в 1 км западнее д. Черная Грязь и на правом берегу р. Аложи, в 3 км севернее д. Грибовка.

***Daphne mezereum* L. (Волчеягодник обыкновенный)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, от д. Черная Грязь до пос. Кременки, по смешанным лесам, где встречается спорадически, и в Тарусском р-не, по обеим берегам р. Тарусы, по широколиственным лесам, от г. Тарусы до д. Лопатино.

***Sanicula europaea* L. (Подлесник европейский)**. Найден в Жуковском р-не, в ельниках, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Филипповка; в Тарусском р-не, в смешанном лесу, в 1,5 км юго-восточнее д. Сурнево и в широколиственном лесу, в 2 км юго-восточнее д. Больсуново.

***Moneses uniflora* (L.) A. Gray (Одноцветка крупноцветковая)**. Найдена в Жуковском р-не, в ельнике на окраине верхового болота, в 3 км севернее д. Высокиничи.

***Chimaphilla umbellata* (L.) Barton (Зимолюбка зонтичная)**. Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовка, где встречается спорадически.

***Andromeda polifolia* L. (Подбел обыкновенный)**. Найден в Жуковском р-не, на верховых болотах, в 3 км северо-восточнее д. Черная Грязь и в 1 км восточнее д. Щиглево.

***Vincetoxicum hirundinaria* Medic. (Ластовень ласточкин)**. Найден по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь; в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и в 1 км северо-восточнее д. Похвиснево.

***Pulmonaria angustifolia* L. (Медуница узколистная).** Найдена в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино.

***Omphalodes scorpioides* (Haenke) Schrank (Пупочник ползучий)**. Найден в тенистых лесах на склонах речных долин, в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, в окрестностях д. Черная Грязь и в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, в 0,5 км севернее г. Тарусы, в тенистом лесу на склоне речной долины.

***Dracocephalum ruyschiana* L. (Змееголовник Рюйша)**. Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Nepeta pannonica* L. (Котовник венгерский)**. Найден в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское, в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское и в 1 км южнее д. Лодыжино.

***Linnaea borealis* L. (Линнея северная).** Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы, по соснякам, в окрестностях д. Черная Грязь и д. Грибовка, где встречается спорадически.

***Scabiosa ochroleuca* L. (Скабиоза желтая)**. Найдена в Тарусском р-не, на левом берегу р. Оки, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское, а также на пойменных лугах, в 1,5 км юго-восточнее д. Парсуково.

***Crepis sibirica* L. (Скерда сибирская).** Найдена в Тарусском р-не, на правом берегу р. Тарусы, по опушкам широколиственных лесов и берегам ручьев, между г. Тарусой и д. Романовкой и в 1 км севернее д. Исаково.

***Scorzonera humilis* L. (Козелец приземистый).** Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, на опушке сосняка, в 1,5 км юго-восточнее д. Макарово.

***Serratula tinctoria* L. (Серпуха красильная).** Найдена в Жуковском р-не, на левом берегу р. Аложи, в 0,5 км севернее д. Щиглево, в светлом березняке и в Тарусском р-не, по открытым склонам или светлым лесам на склонах, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее дер. Лысая Гора и в 1 км северо-восточнее д. Похвиснево, на левом берегу р. Оки, в 2 км юго-восточнее д. Волковское и в 1 км юго-восточнее д. Игнатовское.

Необходимо упомянуть о находке ряда видов, не вошедших в Красную книгу Калужской области (2006), которые представляют особый интерес и нуждаются в охране.

***Iris aphylla* L. (Ирис безлистный).** Найден в Жуковском р-не, на левом берегу р. Протвы,

в 1,5 км южнее д. Черная Грязь, на сухом лугу в притеррасной части поймы р. Протвы. Занесен в Красную книгу РФ.

***Vicia pisiformis* L. (Горошек горохолистный).** Найден в Тарусском р-не, на левом берегу р. Тарусы, в 1 км севернее д. Лысая Гора, в разреженной светлой дубраве, и в 0,5 км севернее д. Сутормино, на опушке широколиственного леса.

***Verbascum* biebersteinii Bess. (Коровяк Биберштейна).** Найден в Тарусском р-не, в 0,5 км к востоку от д. Пименово, где растет на пологих склонах речной долины в большом числе. Вид впервые отмечен не только для Калужской области, но и для территории европейской части России. На территории бывшего СССР был известен только на Украине.

***Achillea ptarmica* L. (Тысячелистник птармика).** Найден в Ферзиковском р-не, на краю осушительной канавы в поле, в 1 км северо-восточнее д. Андреевское и на сыром лугу, в 3 км северо-восточнее д. Андреевское.

Благодарю за помощь в работе *Н.М. Решетникову* (ГБС им. Н.В. Цицина РАН), *С. Р. Майорова* (МГУ им. М.В. Ломоносова), *Н.В. Воронкину* и *А.В. Крылова* (КГПУ им. К.Э. Циолковского), *А.В. Чичева* и *С.Н. Фатина* (РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева).

Литература

Иванина Л.И. Коровяк — Verbascum L. //Флора европейской части СССР. Т. V. Л.: Наука, 1981. С. 210—220.

Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая Аллея, 2006. 608 с.

Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М., 2008. 855 с.

Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 10-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2000. 600 с.

Попченко М. И. Находки новых и редких видов растений в долине реки Протвы (Калужская область, Жуковский район) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2008. Т. 113. Вып. 6. С. 67—68.

ОБРАЗОВАНИЕ БОЛОТ В КАРСТОВЫХ И КАРСТОВО-СУФФОЗИОННЫХ ДЕПРЕССИЯХ ПРИОКСКОЙ ЧАСТИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

***Е.М. Волкова**, к.б.н., доц.,*
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
***Д.В. Вислогузова**, н.с., Объединение «Тульский объединенный историко-архитекутрный и литературный музей»*

Возникновение депрессий, связанных с растворением карбонатсодержащих пород и сопровождающееся механическим выносом частиц осадочного происхождение грунтовыми водами, достаточно широко распространено на территории Тульской области. Такие формы рельефа называют карстовыми или карстово-суффозионными по происхождению. Интенсивность их образования зависит не только от свойств и глубины залегания карстующихся и перекрывающих их пород, но и от растительности: в таежной или широколиственнолесной зонах этот процесс протекает активнее, что связано с образованием опада, разложение которого увеличивает кислотность грунтовых вод и ускоряет карстование (Гвоздецкий, 1981). По этой причине наибольшее количество таких депрессий в Тульской области приурочено к лесной полосе, где они формируются на склонах водоразделов или в балках.

Образующиеся в ходе карстования и суффозии формы рельефа могут быть различны, но чаще они представлены глубокими (до 15—20 м) конусообразными воронками или плоскими «блюдцами» (глубина 1—3 м), которые, при наличии водоупора (обычно в виде глинистого слоя, выстилающего дно) способны заболачиваться.

Карстовые формы рельефа различаются не только по глубине, но и по плотности размещения, что связано с геологическими особенностями территории и распространением тектонических процессов. Наиболее частая встречаемость свойственна карстовым воронкам, которые приурочены к тектоническим трещинам и сосредоточены близ д. Ломинцево — п. Скуратовский — д. Ливенское (Ленинский район) и дд. Дедилово — Морковщино (Киреевский район) (рис. 1). В

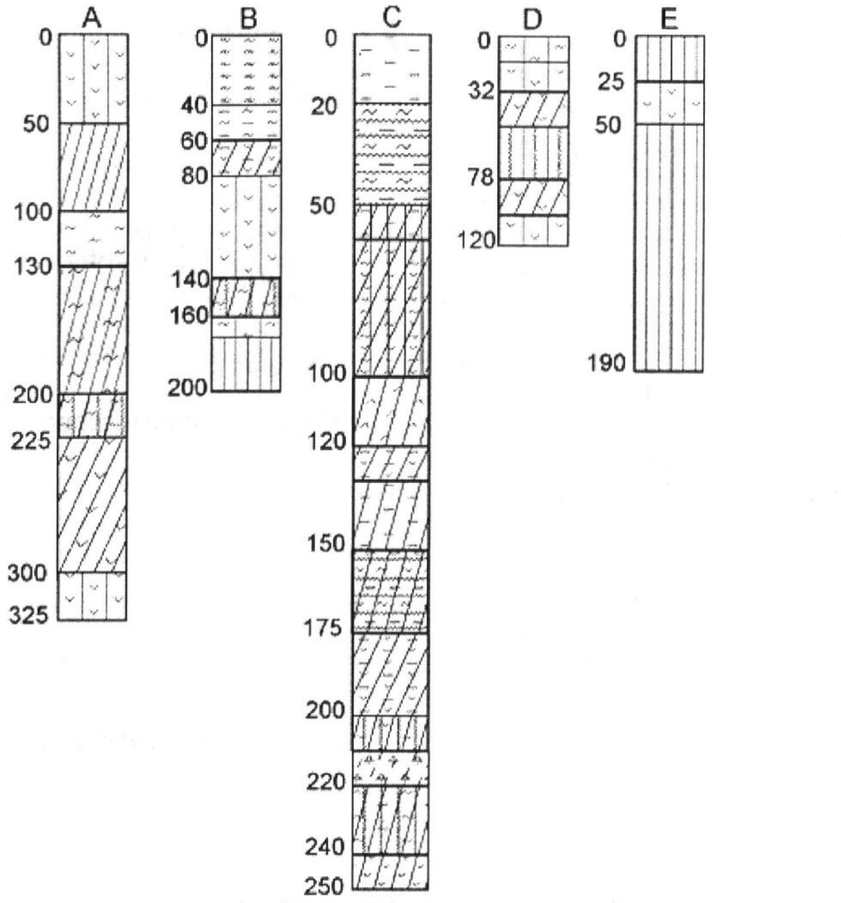
Рис. 1. Распространение карстовых и карстово-суффозионных болот на территории Тульской области.

этой части области плотность провалов (в т.ч. заболоченных) составляет 50—100 шт/км^2 (Чикишев, 1978). Именно здесь находятся крупные комплексы карстовых болот, известные как Тихвинские и Фалдинские болота, а также болота у Дедилово и Быковки (Крубер, 1900; Рождественский, 1912; Розен, 1916). Такие болота имеют линейное расположение, небольшую площадь (0,07—1 га) и глубину до 10 и более метров. Растительный покров может быть представлен как эвтрофными, так и мезо- и олиготрофными фитоценозами. Торфяные отложения чаще имеют вид сплавины (толщина 1—3 м) различного генезиса.

Вне тектонически активных зон формируются карстово-суффозионные депрессии глубиной не более 3-х метров. Они встречаются разреженно как в широколиственнолесной, так и в хвойно-широколиственной (приокской) частях области, где их плотность составляет 0,3 шт/км^2 (Чикишев, 1978). Депрессии могут иметь вид воронок или более обширных пологих «блюдцев», способных заболачиваться.

Особенности водораздельных болот приокской части Тульской области изучены при детальном обследовании Белевского района. Объектами исследования явились заболоченные депрессии у д. Мощены, между дд. Челюстино и Ивановка, дд. Кураково и Хутора (Володьковское лесничество). Среди обследованных болот следует различать одиночные заболоченные провалы и их комплексы, которые характеризуются не только групповым размещением депрессий, но перекрытием некоторых из них общей торфяной залежью. В последнем случае можно говорить о существовании болотных массивов, имеющих несколько центров заболачивания. Особенности развития таких объектов рассмотрим на примере болота Чекорек (д. Мощены) и болота Лесное (дд. Челюстино — Ивановка).

Болото Чекорек (1,5 га) имеет 3 центра возникновения: обширное карстово-суффозионное понижение и 2 карстовых провала воронковидной формы. Растительный покров болота эвтрофного типа. Гигрофильными ивово-травяными (*Salix cinerea — Naumburgia thyrsiflora* +



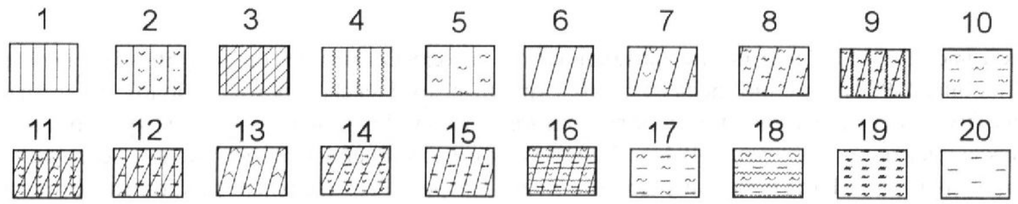


Рис. 2. Стратиграфические разрезы торфяных отложений болот: Чекорек (А), Лесное (В), Клюква, гряда (С), Омшара (D), Воронка (Е).

Условные обозначения торфа: Низинные виды торфа: 1 — древесный; 2 — древесно-травяной; 3— древесно-осоковый; 4 — древесно-тростниковый; 5 — древесно-сфагновый; 6 — осоковый; 7 — травяной; 8 — осоково-сфагновый; 9 —травяно-сфагновый; 10 — сфагновый. Переходные виды торфа: 11 — древесно-травяной; 12 — древесно-сфагновый; 13 — травяной; 14 — травяно-сфагновый; 15 — осоково-сфагновый; 16 — пушицево-сфагновый; 17 — сфагновый. Верховые виды торфа: 18 — пушицево-сфагновый; 19 — сфагновый-узколистный; 20 — сфагновый-

Solanum dulcamara) сообществами сформирована растительность карстовых воронок, что связано с высокой обводненностью (УБВ = + 30 см). Центральная часть болота характеризуется березово-вахтово-сфагновым (*Betula pubescens — Menyanthes trifoliata — Sphagnum centrale + S. squarrosum*) фитоценозом.

Глубина торфяных отложений в указанных центрах заболачивания составляет 3 м. Отбор образцов торфа в карстовой воронке и в центре пологого понижения (рис. 2А) показал, что начальные этапы заболачивания этих депрессий сходны, поскольку придонные образцы торфа образованы древесным (береза, ива) и древесно-травяным низинными торфами, которые

затем сменяются травяным низинным торфом, образовавшимся в результате увеличения увлажнения при стекании поверхностных вод. Однако последующие этапы болотообразовательного процесса в рассматриваемых карстовых депрессиях различаются. В залежи центрального понижения постепенно появляются сфагновые мхи, которые формируют травяно-сфагновый, осоково-сфагновый, а затем — сфагновый низинные виды торфа. Вертикальный прирост торфяных отложений обеспечил внедрение березы, что способствовало формированию березово-травяного торфа, слагающего верхний корнеобитаемый слой (0—0,5 м) торфяной залежи.

Продолжающееся заболачивание карстовой воронки, напротив, не сопровождалось поселением сфагновых мхов, поскольку травяной торф в залеже сменяется древесно-травяным (что диагностирует внедрение ивы). Такое строение залежи свидетельствует о наиболее стабильных (постоянное увлажнение) условиях в ходе заболачивания этой части современного болота.

Вертикальный и горизонтальный рост торфяных отложений, расположенных в непосредственной близости депрессий, способствовал их «объединению» общей торфяной залежью и образованию единого болотного массива, имеющего 3 центра заболачивания.

Болото Лесное образовалось в карстово-суффозионном провале глубиной 2 м и примыкающем к нему пологом понижении глубиной 1,2 м. Болотообразовательный процесс начался 6600 лет назад в наиболее глубокой части, а затем распространился по дну примыкающего понижения. Строение торфяных отложений в разных частях болота свидетельствует о «суходольном» заболачивании, поскольку придонные слои торфа образованы древесным (березовым) торфом (рис. 2Б). По мере увеличения обводнения в сообщества начали внедряться сфагновые мхи и травы, что обеспечило появление древесно-травяных (древесно-сфагновых), а затем — травяных и травяно-сфагновых торфов. Эвтрофный характер этих сообществ сохранялся благодаря питанию богатыми поверхностными водами. По мере прироста залежи в питании растений увеличивалась доля атмосферных осадков, что обусловило внедрение более олиготрофных *Sphagnum angustifolium* и *S. balticum* и формирование травяно-сфагнового и сфагнового переходных торфов в более глубокой депрессии (помимо указанных видов присутствуют остатки вахты, камыша, осоки вздутой, гипновых мхов, *S. subsecundum*). С глубины 40 см доля олиготрофных сфагнов увеличивается, появляется *Eriophorum vaginatum* — образуется сфагновый верховой торф, слагающий залежь до поверхности. В пологом понижении низинные торфа только на глубине 50 см сменяются сфагновым переходным торфом.

В современном растительном покрове такие различия в генезисе находят отражение. В наиболее глубокой части болота сформировано олиготрофное пушицево-сфагновое (*Eriophorum vaginatum — Sphagnum angustifolium*) сообщество с березой (*Betula alba*). На кочках встречается *Sphagnum magellanicum, Polytrichum strictum* и *Pleurozium schreberi*. Примыкающая обводненная мезотрофная осоково-сфагновая (*Carex rostrata — Sphagnum angustifolium*) топь с участием *Calamagrostis canescens, Menyanthes trifoliata* и *Comarum palustre* образована в пологом понижении глубиной 0,7—1,2 м. По окрайкам болота сформированы ивово-травяные ценозы, а также имеются сильно обводненные участки, зарастающие вахтово-осоковыми и сабельниковыми сообществами, либо *Sparganium minimum* и *Riccia fluitans*.

В отличие от предыдущих болота Клюква (дд. Кураково — Хутора), Омшары и Воронка (д. Мощены) образовались в одиночных депрессиях. Уникальное для региона олиготрофное грядово-мочажинное болото Клюква (1 га) образовалось в понижении глубиной 2,5 м. Строение залежи свидетельствует о том, что заболачивание началось с формирования травянистых сообществ с участием сосны (рис. 2В). Постепенно низинные торфа сменяются переходными (на глубине 2,0 м), а затем на глубине 50 см — пушицево-сфагновым и сфагновым верховыми. В мочажине строение залежи сходно, однако отмечается более ранний переход к олиготрофной стадии развития, поскольку сфагновый торф на глубине 80 см сменяется пушицево-сфагновым верховым.

В растительном покрове различия между грядой и мочажиной более отчетливые: на грядах сформированы сосново-пушицево-сфагновые (*Pinus sylvestris — Eriophorum vaginatum — Sphagnum magellanicum + S. angustifolium*) и сосново-кустарничково-пушицево-сфагновые (*Pinus sylvestris — Oxycoccus palustris + Eriophorum vaginatum — Sphagnum magellanicum + S. angustifolium*) фитоценозы, а в мочажинах — пушицево-сфагновые (*Eriophorum vaginatum —*

Sphagnum angustifolium) и кустарничково(клюквенно)-сфагновые (*Oxycoccus palustris — Sphagnum angustifolium*) ценозы.

Болото Омшара также сформировано в обособленном пологом понижении с максимальной глубиной 1,2 м (рис. 2D). Анализ строения торфяных отложений свидетельствует о том, что заболачивание началось с поселения древесных и некоторых травянистых растений в условиях богатого водно-минерального питания поверхностными водами. Этим сообществам соответствует древесно-травяной низинный торф. Продолжающееся увлажнение и его застойный характер способствовали снижению обилия древесных пород и формированию травяных сообществ. Дальнейшие этапы развития болота были связаны с динамикой гидрологических условий, что отражено в чередовании древесно-травяных и травяных низинных видов торфа.

Вертикальный прирост торфяных отложений и обеднение водно-минерального питания корнеобитаемого горизонта обеспечили внедрение сфагновых мхов, растительные остатки которых обнаружены на глубине 0,5 м. Обилие мхов постепенно увеличивалось и на глубине 0—0,15 м залежь образована древесно-сфагновым торфом. Формирующийся на нем современный растительный покров болота представлен эвтрофным березово-сфагновым (*Betula pubescens — Sphagnum centrale + S. wulfianum*) сообществом. В межкочечных понижениях покров формирует *S. squarrosum*. По окрайкам болота представлены осоковые, осоково-тростниковые, тростниковые и тростниково-сфагновые фитоценозы.

Болото Воронка образовалось в одиночном провале воронковидной формы (площадь 0,007 га, глубина торфа — 1,9 м). Залежь образована древесным и древесно-травяным низинными видами торфа (рис. 2E), что свидетельствует о стабильных условиях на всех этапах заболачивания этой воронки. Современный растительный покров болота представлен травяным ивняком.

Таким образом, рассмотренные водораздельные болота приокской части Тульской области имеют карстово-суффозионное происхождение и образуются как в одиночных депрессиях, так и при объединении нескольких понижений общей торфяной залежью. Болота характеризуются разнообразным растительным покровом, что связано с гидрологическими особенностями и продолжительностью болотообразовательного процесса: доминируют эвтрофные сообщества, реже встречаются мезо- и олиготрофные, являющиеся редкими для региона. Отличительными особенностями болот этой территории является их небольшая глубина (до 3 м) и заболачивание по «суходольному» пути, что сопровождается поселением по дну депрессий древесных пород. Выявленный комплекс признаков болот позволяет рассматривать их как своеобразный элемент ландшафта приокской части Тульской области, заслуживающий охраняемого статуса.

Литература

Гвоздецкий Н.А. Карст. М.:Мысль, 1981.

Крубер А.А. О карстовых явлениях в России Землеведение. Кн. IV. М., 1900. С. 21—34.

Рождественский Н.В. Фалдинские и Тихвинские провалы // Изв. Тульского общ-ва любителей естествознания. Вып. 1. Тула, 1912. С. 51—62.

Розен В.В. Список растений, найденных в Тульской губернии до 1916 года // Изв. Тул. о-ва любителей естествознания. Тула, 1916. Вып. 4. С. 1—282.

Чикишев А.Г. Карст Русской равнины. М., 1978.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГРЕБЕННЫХ ТОРФЯНИКАХ БАССЕЙНА РЕКИ ОКИ (ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Д.В. Вислогузова*, н.с., Объединение «Тульский объединенный историко-архитекутрный и литературный музей»*

Е.М. Волкова*, к.б.н., доц.,*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

На формирование современных ландшафтов приокской части Тульской области оказали влияние различные факторы, но в первую очередь следует отметить деятельность Оки и

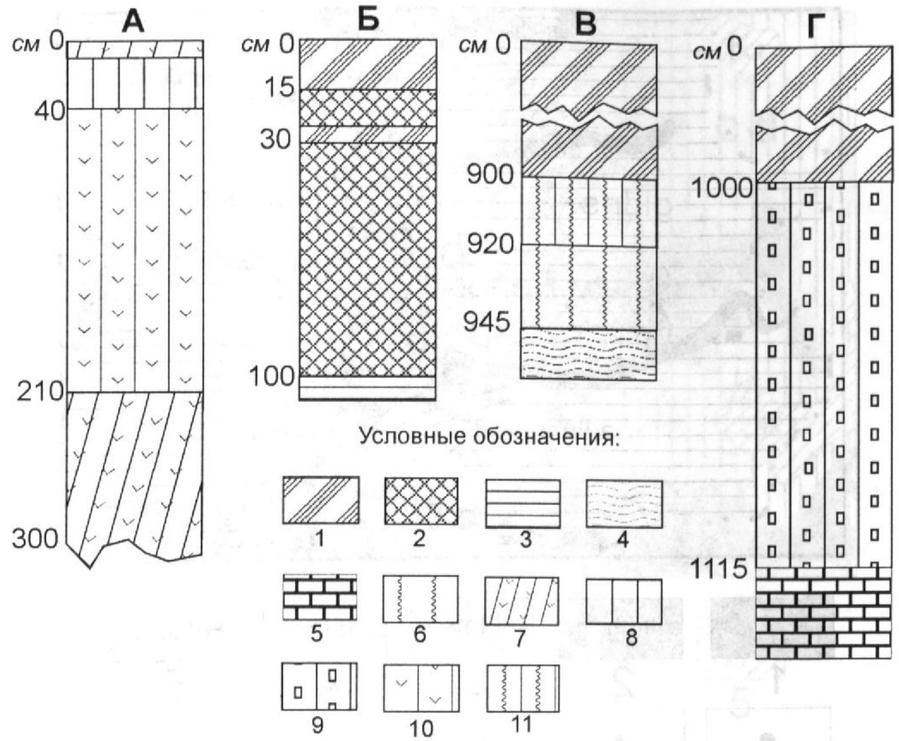


Рис. 1. Стратиграфические профили погребенных торфяников.

А, Б — торфяник у д. Мишенское (Васькова Гора); **В** — торфяник у д. Каменка, **Г** — торфяник близ д. Ретюнь.
1 — отложения, перекрывающие торфяник; 2 — торф, 3 — глина, 4 — песок; 5 — переотложенный органогенный известняк, 6 — тростниковый торф, 7 — травяной; 8 — древесный; 9 — черноольховый; 10 — древесно-травяной; 11 —древесно-тростниковый.

ее притоков (Вырка, Левая и Правая Рука, Бобрик, Веженка и др), благодаря чему пойменный тип местности получил достаточно широкое распространение. Именно к этим территориям приурочены пойменные луга и болота. Другим важным ландшафтообразующим фактором являются результаты действия древних оледенений. Моренные и флювиогляциальные отложения, накопленные в результате таяния ледника и представленные, преимущественно, валунными суглинками, глинами и песками, занимают основные площади на водоразделах и в палеодолине р. Оки и являются материнскими не только для дерново-подзолистых почв, на которых сформированы хвойно-широколиственные леса, но и для ряда болот (Волкова и др., 2008).

Однако воздействие указанных факторов способствовало как формированию новых ландшафтов, так и уничтожению прежних. К примеру, некоторые пойменные болота прекратили свое существование в результате естественного перекрытия их поверхности аллювиальными отложениями (песчанистыми или глинистыми), что привело к образованию «погребенных торфяников», характерных для пойм лесостепи (Пьявченко, 1958). Нами обнаружено несколько таких торфяников на территории Белевского района. Один из них площадью около 70 га расположен в пойме р. Вырка восточнее д. Мишенское. Функционирующее болото было образовано в старице глубиной более 3 м. Ботанический анализ торфа показал, что торфяная залежь болота была образована древесным, древесно-травяным и травяным низинными видами торфа (рис. 1А). В последующее время болото неоднократно затапливалось и существовало в виде старичного озерка, о чем свидетельствуют глинистые слои (с примесью песчанистых частиц), переслаивающие залежь. Подобное явление было обнаружено во время бурения в различных частях торфяника (рис. 1Б). В дальнейшем болото оказалось погребено

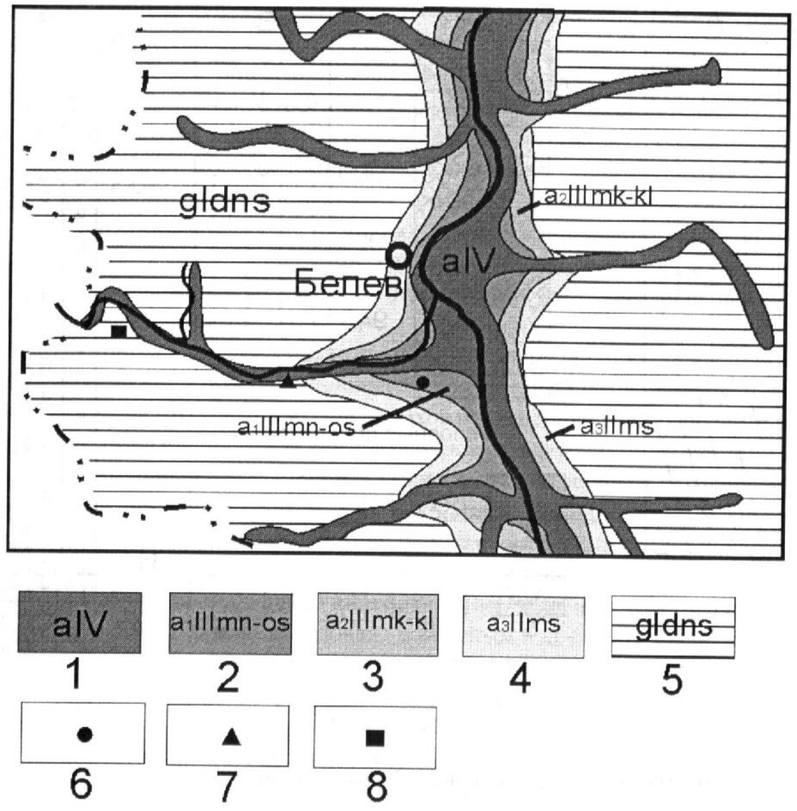


Рис. 2. Схема распространения четвертичных отложений.
1 — аллювиальные отложения; 2 — аллювиальные отложения первой надпойменной террасы; 3 — аллювиальные отложения второй надпойменной террасы; 4 — аллювиальные отложения третьей надпойменной террасы; 5 — ледниковые отложения,
6 — торфяник у д. Мишенское; 7 — торфяник у д. Каменка;
8 — торфяник у д. Ретюнь.

аллювиальными и делювиальными наносами, окончательно перекрывшими торфяные отложения, что остановило рост болота. Анализ геологических карт (рис. 2) и небольшая мощность пород, перекрывающих торфяные отложения, позволяют говорить о том, что возраст этих наносов голоценовый.

В настоящее время данный погребенный торфяник нарушен. Это связано с тем, что аллювиальные наносы, перекрывающие торф, богаты гумусом, азотом и зольными веществами (Пьявченко, 1958), что обусловило использование территории в качестве сельхозугодий. Однако тяжелый механический состав перекрывающих аллювиальных отложений является причиной низкой водопроницаемости, что обуславливает необходимость проведения осушения перед осуществлением сельскохозяйственных мероприятий. По этой причине часть торфяника была осушена сетью каналов (через 50 м) для использования под посевы сельхозкультур. На данный момент посевы и посадки не производятся и на осушенной части торфяника формируются рудеральные сообщества, являющиеся стадией демутации луговой растительности (Волкова, 2006). В наиболее глубокой части погребенного торфяника залежь была вскрыта для торфодобычи. Выработанные карьеры заполнены водой и зарастают с поверхности *Lemna minor, L. trisulca, Ceratophyllum demersum*, а на отвалах торфа произрастают *Sambucus racemosa, Rubus idaeus, Urtica dioica, Cirsium arvense, Anthriscus sylvestris, Leonurus quinquelobatus, Linaria vulgaris*.

В долине Оки обнаружены и более древние торфяники, перекрытые отложениями ледникового происхождения (рис. 2), что в целом характерно для более северных территорий,

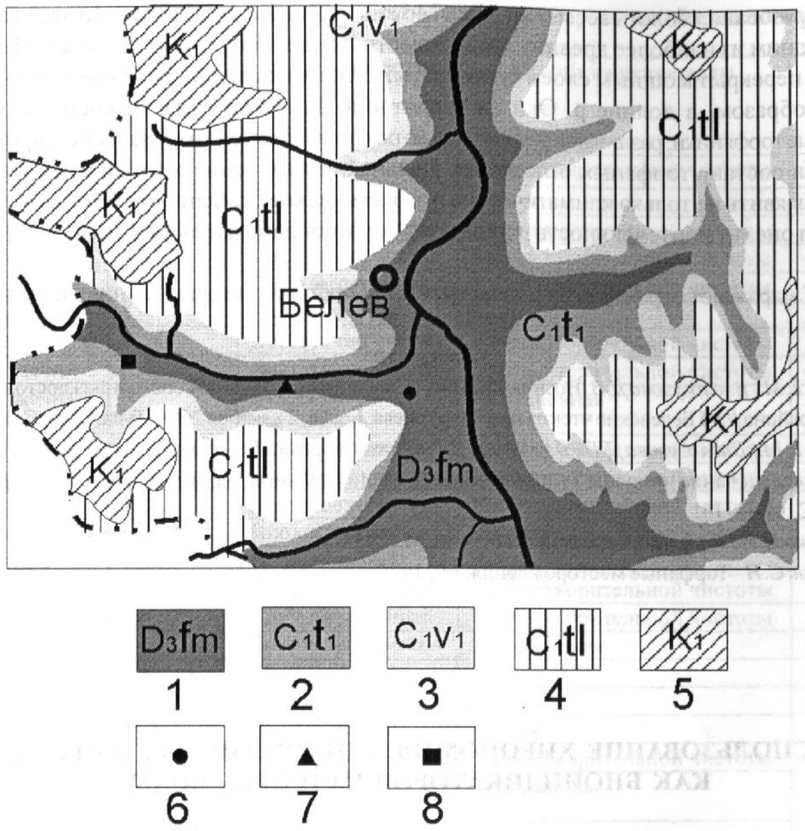


Рис. 3. Схема распространения дочетвертичных отложений.
1 — верхний девон, фаменский ярус; 2 — нижний карбон, нижний визе;
3 — нижний карбон, нижний визе; 4 — нижний карбон, верхний визе;
5 — нижний мел; 6 — торфяник у д. Мишенское; 7 — торфяник у д. Каменка;
8 — торфяник у д. Ретюнь.

находящихся в границах валдайского оледенения (Тюремнов, 1976). Один из таких торфяников находится по правому берегу р. Вырка близ д. Каменка. Торфяные отложения представляют собой «пласт» мощностью 45 см: 10 см — располагается над урезом воды, 35 см — под водой. Отложения представлены древесно-тростниковым (0—20 см от верхней части торфа) и тростниковым (20—45 см) торфом высокой степени разложения (50—60%) и подстилаются песком (рис. 1В). Торф погребен суглинистыми отложениями, формирующими берег реки — высота склонов около 9 м.

Другой погребенный торфяник обнаружен также на правобережье р. Вырки к северо-востоку от д. Ретюнь. Торфяник обнаружен по дну глубокой (до 10 и более м) балки протяженностью около 50 м. Торф вскрыт благодаря деятельности ручья, впадающего в Вырку. Следует указать, что если в верховьях балки торф обнаружен только по дну, то в ее центральной части толщина торфяных отложений достигает более 1 м: над урезом ручья — 30 см и вглубь — 85 см, что подтверждается бурением. Через 10 метров от этой точки (ближе к устью балки) над урезом воды обнаружено 150 см торфа с включениями крупных кусков древесины черной ольхи. Торф по всему изученному профилю черноольховый (степень разложения — 45—65%). Подстилающей породой для этих торфяных отложений является переотложенный органогенный известняк, состоящий преимущественно из кораллов (рис. 1Г). Анализ геологических карт (рис. 2, 3) показывает, что под толщей ледниковых отложений залегают известняки различного возраста (девон — карбон). Однако, поскольку известняк, на котором залегает торф, является переотложенным, установить даже приблизительный

возраст образования болота весьма сложно. Можно лишь говорить о том, что этот торфяник является одним из наиболее древних среди известных нам на территории Тульской области, поскольку перекрыт мощным слоем суглинистых отложений ледникового происхождения.

Таким образом, в долине р. Оки на территории Тульской области впервые описаны погребенные торфяники, различающиеся не только по происхождению и возрасту перекрывающих пород, но и составу торфяных отложений. Дальнейшее изучение этих древних экосистем позволит выявить не только климатические и экологические особенности Поочья в прошлые эпохи, но и оценить интенсивность и динамику болотообразовательного процесса.

Авторы выражают огромную благодарность *Е.Р. Барбашову* за организацию полевых работ.

Литература

Волкова Е.М., Вислогузова Д.В. Возникновение, развитие и современное состояние карстовых болот Белевского района // VI Белевские чтения памяти Бурцева. Белёв, 2 декабря 2006. Тула, 2008. С. 150—157.

Волкова Е.М., Вислогузова Д.В., Барбашов Е.Р. О разнообразии болот Белевского района Тульской области // Исследование природы Тульской области и сопредельных территорий. Сб. науч. тр. Вып. 1. Тула, 2008. С. 149 — 161.

Пьявченко Н.И. Торфяники русской лесостепи. М., 1958.

Тюремнов С.Н. Торфяные месторождения. М., 1976.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХИРОНОМИД (CHIRONOMIDAE, DIPTERA) КАК БИОИНДИКАТОРОВ КАЧЕСТВА ВОДЫ

***Г.В.Голубева**, к.б.н.,*
Калужский филиал Российского государственного аграрного университета — МСХА им.К.А.Тимирязева

В связи с возрастанием антропогенной нагрузки на водные экосистемы особое место приобретает проблема чистой воды, так как поверхностные воды суши оказались наиболее уязвимым звеном природной среды. В реках особенно чувствительны к различным загрязнениям бентосные сообщества, так как концентрация загрязняющих веществ в наибольшей степени происходит в придонном слое воды. Среди различных групп гидробионтов в зообентосе рек наиболее разнообразны личинки двукрылых семейства хирономид (Chironomidae, Diptera).

Высокая ценность хирономид как биоиндикаторов качества воды определяется тем, что каждый вид отличается определенным экологическим спектром, различной приуроченностью к чистым и загрязненным водам. Присутствие определенного комплекса Chironomidae позволяет детализировать оценку качества воды. Возможность индикационного использования хирономид пока еще сильно ограничены тем, что их состав в подавляющем большинстве рек остается неизвестным. Не выяснена индикаторная ценность большинства видов хирономид. По этой причине эта группа насекомых явно недостаточно используются в системе биологического контроля над качеством вод.

Целью нашей работы являлось изучение хирономид рек Центрального региона России для выяснения возможностей более широкого использования личинок этого семейства двукрылых в оценке качества воды при организации мониторинга по биологическим показателям.

В задачи исследования входило:

— определение видового состава хирономид рек бассейнов Волги и Днепра;

— выяснение особенностей экологии массовых форм, их распределения, сезонной динамики численности и биомассы личинок;

— выделение индикаторных видов хирономид и установление их индикационных параметров.

Сборы хирономид проводились на 10 реках в Ярославской, Тверской, Смоленской областях в период с 1973 по 1983 гг. и на 2 реках г. Калуги с 1995 по 2006 гг. Отбор проб производился

Таблица 1. Характеристика качества воды на различных участках исследованных рек.

Створ, река	Расстояние от устья , км	Разряды качества воды	Классы качества воды	Интегральный показатель
1.Селижаровка	0	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	3,7
2.Селижаровка	4	Вполне чистая	Чистая	3,1
3. Песочня	0,5	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	4,1
4. Песочня	3,5	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	4,0
5. Б. Коша	0	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	4,7
6. Б. Коша	3	Вполне чистая	Чистая	3,2
7. М. Коша	0	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	3,8
8. Корожечня	0	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	4,0
9. Корожечня	5	Умеренно загрязненная	Загрязненная	5,9
10. Улейма	0	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	4,9
11. Улейма	0,8	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	3,9
12. Улейма	1,2	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	3,8
13. Улейма	6,2	Вполне чистая	Чистая	3,1
14. Улейма	10,2	Вполне чистая	Чистая	3,4
15. Дубровка	0	Достаточно чистая	Удовлетворительной чистоты	3,7
16. Дубровка	2,0	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	5,3
17. Дубровка	2,6	Сильно загрязненная	Загрязненная	6,7
18. Дубровка	3,1	Вполне чистая	Чистая	3,3
19. Дубровка	9,1	Вполне чистая	Чистая	3,1
20. Дубровка	11,6	Вполне чистая	Чистая	2,9
21. Кисьма	0	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	4,9
22. Кисьма	3	Умеренно загрязненная	Загрязненная	6,4
23. Солоница	2	Вполне чистая	Чистая	2,5
24. Солоница	2,2	Вполне чистая	Чистая	2,6
25. Солоница	9,2	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	3,6
26. Солоница	16,5	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	3,6
27. Солоница	20,5	Вполне чистая	Чистая	2,7
28. Десна	0	Вполне чистая	Чистая	2,5
29. Десна	5	Вполне чистая	Чистая	3,1
30. Десна	15	Вполне чистая	Чистая	3,1
31. Десна	25	Вполне чистая	Чистая	3,2
32. Ока		Умеренно загрязненная	Загрязненная	5,9
33. Угра	0,5	Слабо загрязненная	Удовлетворительной чистоты	4,9

с апреля—мая по октябрь на постоянных створах на реках Солоница, Улейма, Дубровка, Кисьма (Ярославсая область), Селижаровка, Песочня, Б.Коша, М.Коша, Корожечня (Тверская обл.), Десна (Смоленская обл.), и в летнее время (июнь—июль) на рр.Ока, Угра (в пределах г.Калуги).

Краткая характеристика исследованных рек

Исследованные малые реки Тверской области протекают по холмистой местности — отрогам Валдайской возвышенности. Русла рек проходят по размытым моренным грядам, что обусловливает порожистый, каменистый характер дна. Эти реки больше походят на реки предгорий, а не равнин.

Малые реки Ярославского Поволжья расположены в наиболее глубокой части Московской впадины, которая имеет равнинный рельеф. Местами реки образуют перекаты с довольно быстрым течением, местами русла рек расширяются, и течение становится медленным. Реки Корожечня, Дубровка, Кисьма принимают в себя загрязняющие стоки сельскохозяйственных и промышленных предприятий.

Река Десна (в пределах Смоленской области) исследовалась от с. Новоспасского до Десногорска. Участок реки характеризуется крутыми берегами, песчано-илистыми грунтами, встречаются камни, галька, чистый песок, глина.

94 Зак. 2219

Река Ока — самая крупная река Калужской области. В пределах города это многоводная река с хорошо разработанной долиной, широкой поймой (2—3 км). Дно сложено песчано-глинистым материалом, реже каменистым. Река Угра — самый крупный приток Оки, вторая по величине река в пределах области. Русло однорукавное, немеандрирующее с песчаным или глинисто-песчаным дном; берега крутые, обрывистые. Преобладающая глубина р. Угры 2,5—3,0 м.

Для характеристики качества воды рек устанавливались гидрофизические (прозрачность, цветность) и гидрохимические (pH, NH+, NO-, NO-, PO-, содержание растворенного кислорода, окисляемость) показатели. Качество воды оценивали согласно эколого-санитарной классификации (Абакумов, 1983) (табл.1).

Фауна хрономид и ее распределение в исследованных реках

За период исследований было обнаружено 184 вида и формы хирономид, относящихся к подсемействам Tanypodinae, Orthocladiinae, Chironominae. Наиболее богатым по числу встреченных видов было подсемейство Orthocladiinae (87 видов), подсемейство Chironominae представлено 72 видами (50 из трибы Chironomini, и 22 — из трибы Tanytarsini); из подсемейства Tanypodinae было встречено 26 форм. Наибольшее число видов было отмечено для рек Солоницы (131), Дубровки (105), Десны (91); наименьшее — для рек Ока (32), М.Коша (44), Песочня (52), Угра (54), Б. Коша (57) (табл. 2).

Таблица 2.

Подсемейства Трибы	Р е к и											
	Селижаровка	Песочня	Б. Коша	М. Коша	Солоница	Коромжечня	Кисьма	Дубровка	Улейма	Десна	Ока	Угра
Tanypodinae	12	11	8	8	15	11	11	18	10	13	5	9
Orthocladiinae	32	22	26	19	61	27	22	46	30	37	5	24
Chironominae	32	19	23	17	54	24	28	41	25	35	22	21
-Chironomini	22	14	21	15	38	19	21	26	20	24	16	14
-Tanytarsini	10	5	2	2	16	5	7	15	5	11	6	7
Всего:	76	52	57	44	131	62	61	105	65	85	32	54

Среди всех отмеченных видов и форм хирономид 6 впервые описаны для науки (1 — по всем стадиям развития, 5 — по личинке), 20 видов — впервые отмечены для фауны России, 48 — для Бассейна Волги, 20 — для бассейна Днепра. Доминируют по численности в изученных реках представители родов *Cricotopus, Orthocladius, Corynoneura, Eukiefferiella, Thienemanniella, Polypedilum.* Наибольшим числом видов представлены роды: *Cricotopus* (15 видов), *Eukiefferiella* (10 видов). В р. Солоница богаты видами роды *Metriocnemus* (9 видов), и *Limnophyes* (8 видов).

Многолетний анализ состава, распределения и численности личинок хирономид в основных биоценозах исследованных рек позволил выделить массовые их формы (доминантные и субдоминантные), наиболее характерные для каждой реки. К доминантным относили виды, составляющие не менее 10% численности, к субдоминантным — 4—10 % численности населения хирономид.

Изучение фауны хирономид рек показало, что наибольшее чисо видов, как правило, свойственно участкам рек, не подверженным влиянию загрязняющих стоков (табл. 3). Меньшее число видов отмечено на створах, где реки принимали в себя загрязняющие стоки или находились в зонах ниже их влияния.

Анализируя данные таблицы 3, можно отметить, что численность и биомасса личинок хирономид на створах незагрязненных участков рек варьировала довольно в широких пределах (численность — от 0,6 тыс.экз/м.кв на створе 13 до 11,3 тыс.экз/м кв. на створе 23; биомасса от 0,3 до 12,3 г/м кв. соответственно на створах 13 и 23). Доминирующими видами на незагрязненных участках были виды: *Cricotopus algarum, C. silvestris, Corynoneura celeripes, Thienemanniella flaviforceps, Th. clavicornis, Synorthocladius semivirens.* В число

Таблица 3. Видовое богатство, численность и биомасса личинок хирономид по створам в различных по загрязненности участках рек.

Незагрязненные участки рек									Загрязненные участки рек			Участки, расположенные ниже поступления загрязняющих стоков		
1	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**
1	52	5,2 4,5	11	19	1,7 0,99	25	61	10,5 10,7	9	25	3,9 20,0	8	55	7,6 6,6
2	50	5,9 3,5	12	47	6,3 6,8	26	63	7,7 7,2	17	18	6,0 56,6	15	46	4,5 5,1
3	42	3,2 2,3	13	14	0,6 0,3	27	59	5,4 6,2	22	13	4,6 49,4	16	41	4,0 24,2
4	23	1,7 1,5	14	51	8,2 7,5	28	48	5,8 4,3	32	32	4,1 25,7	18	46	3,6 9,4
5	33	2,3 2,1	19	61	5,1 4,1	29	37	2,5 2,5				21	57	5,8 6,3
6	47	3,6 11,0	20	50	6,1 3,6	30	58	9,2 8,8						
7	44	3,5 4,2	23	60	11,3 12,3	31	52	9,0 10,8						
10	40	5,3 7,4	24	55	5,7 4,5	33	54	6,6 6,1						

Примечание: 1 — номера створов, 2 — число встреченных видов, 3 — численность особей (тыс.экз/м кв.) — верхнее число и биомасса (г/м кв.) — нижнее число.

субдоминантов входили эти же виды и *C. scutellata, Polypedilum convictum, Endochironomus albipennis, Tanytarsus holochlorus, Eukiefferiella coerulescens, E. longicalcar.*

Следует отметить, что фауна хирономид незагрязненных участков рек отличалась высоким таксономическим разнообразием (33—63 вида), и лишь на створах, где в реках отмечались однообразные грунты (песчаные, песчано-каменистые, глинистые) — створы 4, 11, 13 — фауна личинок хирономид была менее богатой в видовом отношении и включала 14—23 таксона. Здесь же отмечены минимальные значения численности и биомассы хирономид. В структуре фауны данных участков наблюдалось значительное преобладание видов из подсемейства Orthocladiinae, которые составили 40—65 % численности населения хирономид; численность таниподин варьировала от 4 до 15 %.

Для загрязненных участков в целом за исследованный период было характерно при относительно невысокой общей численности личинок хирономид возрастание общей биомассы (см. табл. 3). Происходило это в основном за счет крупных личинок из подсемейств Chironominae и Tanypodinae родов *Chironomus, Procladius, Camptochironomus*. Состав руководящего комплекса формировался из *Ch. plumosus, P. choreus, C. tentans*. В составе субдоминантов находились *Psectrotanypus varius, Microtendipes pedellus, Cricotopus silvestris*. Изменения произошли и в структуре фауны, и в распределении видов по подсемействам. В реках, в местах непосредственного поступления загрязняющих стоков, ортокладиины полностью отсутствовали, в небольшом удалении от очага загрязнения их численность составляла 15—20 % и ниже общей численности личинок Численность таниподин и хирономин увеличилась соответственно до 25—35% и 45—75 % . На загрязненных участках фауна хирономид была менее разнообразной и включала 13—32 видов.

На участках рек, расположенных ниже зоны поступления загрязняющих стоков, отмечены колебания общей численности и биомассы личинок хирономид. Видовой состав был довольно разнообразным и включал 41—57 таксонов. В фауне сохранялась тенденция к увеличению числа видов личинок из подсемейства Tanypodinae и Chironominae, которые составляли соответственно 25 и 50 % населения хирономид. Доминировали *Chironomus plumosus, Cricotopus silvestris*. В число субдоминантов входили *C. algarum, Orthocladius gr. saxicola, Camptochironomus tentans, Polypedilum convictum.*

Таблица 4. Индикационные параметры хирономид, рекомендуемых в качестве показателей сапробности.

Виды - индикаторы	S	Сапробная валентность					G	s
		x	o	в	a	p		
Ablabesmyia monilis (Linne)	в	0	2	5	3	0	2	2,13
A. phatta Egg.	в	0	2	5	3	0	2	2,10
Psectrotanypus varius (Fabr.)	а	0	0	2	7	1	3	2,86
Procladius choreus Mg.	а-р	0	0	1	4	5	3	3,45
P. ferrugineus K.	а-р	0	0	2	3	5	3	3,35
Prodiamesa olivacea Mg.	о-в	0	4	5	1	0	2	1,65
Eukiefferiella longicalcar (K.)	о-в	0	7	3	0	0	4	1,35
E. bavarica G.	о-в	1	6	3	0	0	3	1,25
E. brevicalcar K.	о-в	0	7	3	0	0	4	1,33
E. coerulescens K.	о-в	1	6	3	0	0	3	1,25
E. longipes Tshern.	о-в	1	5	4	0	0	3	1,30
E. quadridentata Tshern.	о-в	0	7	3	0	0	4	1,32
Synorthocladius semivirens (K.)	о-в	0	4	5	1	0	3	1,65
Orthocladius gr. saxicola K.	о-в	0	4	5	1	0	3	1,68
Criptochironomus gr.defectus K.	в-а	0	0	3	5	2	2	2,98
Tanytarsus holochlorus Edw.	в	0	2	6	2	0	3	2,05
T. pallidicornis Walk.	в	0	2	6	2	0	3	2,08
T. lestegei Goetgh.	в	0	3	6	1	0	3	1, 83
Paratanytarsus austriacus K.	в	0	4	6	0	0	3	1,68
Micropsectra contracta Reiss	о-в	0	5	5	0	0	3	1,50
Stempellina almi Br.	о	0	8	2	0	0	4	1,20
Stempellinella minor Edw.	о-в	0	5	5	0	0	3	1,55

Примечания: S — сапробность; x,o,в,a,p — соответственно ксеносапробная, олигосапробная, бетамезосапробная, альфамезосапробная, и полисапробная зоны; G — индикаторный вес, s — индикаторная значимость.

Таким образом, приведенные исследования состава и распределения хирономид позволили обнаружить определенные закономерности изменения руководящих форм и групп хирономид по участкам рек, связанные главным образом с изменением качества воды.

Индикационное значение отдельных форм хирономид

В списках индикаторных организмов (Sladecek, 1973) из хирономид приводятся только девять эврибионтных форм, причем лишь для трех из них указывается видовая принадлежность. Однако, стенобионтные виды, как правило, более чувствительные индикаторы условий среды, чем эврибионтные. В списках хирономид-индикаторов сапробности стенобионтные виды до сих пор отсутствовали. Наши исследования позволили выделить 22 новых вида хирономид-индикаторов, по-нашему мнению, весьма перспективных для использования в сапробиологическом анализе (табл. 4)

Выводы

1. Исследованные реки бассейнов Волги и Днепра отличаются количественным богатством и своеобразием видового состава хирономид. Их фауна насчитывает 184 таксона.

2. Под влиянием загрязнения в реках происходит уменьшение видового разнообразия личинок хирономид, изменение структуры фауны, смена руководящего комплекса, увеличение общей биомассы личинок.

3. На основании сапробиологического анализа выделено 22 новых вида хирономид-индикаторов, установлены их индикаторные веса, вычислены индикаторные значимости.

Литература

Абакумов В.А. Гидробиологический анализ поверхностных вод и донных отложений//Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений. Л.: Гидрометеоиздат, 1983. С. 7—21.

Sladecek V. System of water quality from the biological point of view// Ergebnisse der Limnologie. 1973. H.7. Arch. Hydrob., Beicheft, 7. 218 s.

НАСЕЛЕНИЕ ПРЯМОКРЫЛЫХ МЕЗОФИТНЫХ ЛУГОВ КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА

***В.В. Алексанов**, студент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского,
***М.Ю. Баканов**, методист,*
ГОУ ДО «Калужский областной эколого-биологический центр учащихся»

Калужско-Алексинский каньон — участок долины реки Оки между городами Калуга и Алексин — начал изучаться ботаниками и геологами еще в конце XIX века. Стратотипическая, флористическая и фаунистическая важность данной территории отмечается и в работах современных исследователей (Волкова, 1996; Майоров, 2001; Новиков и др., 1996). Однако большинство групп беспозвоночных «каньона» практически не изучены. Среди обитателей травянистых экосистем особое место занимают прямокрылые (Orthoptera). Большая часть их важна в качестве потребителей фитомассы, стабилизирующих экосистемы благодаря интенсификации круговорота веществ, но в отдельных случаях способных вредить растениям. Несмотря на то, что этот отряд можно назвать одним из наиболее изученных среди насекомых, в Калужской области прямокрылые исследованы слабо. Существуют публикации о прямокрылых юго-востока Калужской области и города Калуги (Алексанов, 2004).

Исследования проводились в долине реки Оки в окрестностях д. Михайловка Ферзиковского района и д. Пески Перемышльского района Калужской области. Материал собирался с апреля по октябрь 2007 года стандартным методом почвенных ловушек (Тихомирова, 1975). Было обследовано 6 пробных площадей (ПП) на лугах с разным местоположением и составом растительности (табл. 1). На каждой ПП экспонировалось 10 ловушек, выборка производилась 1—2 раза в месяц. Обилие прямокрылых рассчитывалось в единицах динамической плотности (уловистости) — числе экземпляров на 100 ловушко-суток (экз./ 100 л.-сут.). Для оценки видового разнообразия вычислялся обратный индекс Бергера-Паркера (1/d), индекс полидоминантности (S_3) и индекс выравненности E через показатель Макинтоша (Лебедева и др., 2004).

Всего на обследованных лугах было обнаружено 19 видов прямокрылых, в т.ч. 8 видов кузнечиковых (Tettigoniidae) и 9 видов саранчовых (Acrididae) (табл. 2). Такое видовое богатство вполне сопоставимо с разнообразием прямокрылых города Калуги. Среди представителей региональной фауны на обследованной территории не найдены «южные» виды, специализированные обитатели болот, а также некоторые редкие виды. Основу населения прямокрылых составляют три вида — коньки изменчивый *Chortippus biguttulus* (27%) и короткокрылый *Ch. parallelus* (31%) и пестрый кузнечик *Decticus verrucivorus* (18%). К субдоминантам можно отнести *Ch. apricarius, Om. haemorrhoidalis, Eu. brachyptera.* Семь видов являются немногочисленными, но константными. Шесть видов прямокрылых (*P. intermedius,*

Таблица 1. Характеристика пробных площадей.

Обозначение	Местоположение	Координаты (WGS 84)	Экспозиция	Название растительной ассоциации
ППМ	плакор	С.Ш. 54°24'51,5" В.Д. 36°37'39,9"	северная	*Festuca vallesiaca — Agrostis tenuis — Galium mollugo*
ПСМ	склон	С.Ш. 54°25'18,3" В.Д. 36°37'59,1"		*Agrostis tenuis Sibth — Dactylis glomerata— Festuca vallesiaca*
ППОЙМ	пойма	С.Ш. 54°25'31,1" В.Д. 36°38'13,6		*Bromopsis inermis — Dactylis glomerata — Lysimachia nummularia*
МПМ	плакор	С.Ш. 54°25′ 54.4" В.Д. 36°37′15.4"	южная	*Briza media — Dactylis glomerata— Centaurea jacea*
МСМ	склон	С.Ш. 54°25′40.8" В.Д.36 °37′07.1"		*Fragaria viridis. —Phleum pretense— Scabiosa ochroleuca*
МПОЙМ	пойма	С.Ш. 54°25′22.3" В. Д. 36 °37′23.1"		*Festuca vallesiaca—Echinops sphaerocephalus — Dactylis glomerata*

Таблица 2. Видовое разнообразие и состав населения прямокрылых (в %) мезофитных лугов Калужско-Алексинского каньона.

Таксон	Доля, %					
	МПМ	МСМ	МПОЙМ	ППМ	ПСМ	ППОЙМ
Tettigoniidae						
Poecilimon intermedius Fieb.	0,00	0,33	0,00	0,00	0,00	0,00
Conocephalus discolor Thnb.	0,29	0,22	0,00	0,04	0,00	0,00
Decticus verrucivorus L.	18,95	12,16	1,85	28,79	14,25	15,83
Tetttigonia cantans Fuess.	0,00	0,00	0,00	0,08	0,42	0,00
Metrioptera brachyptera L.	0,29	0,33	0,26	1,00	0,70	0,00
Bicolorana bicolor Phil.	0,87	2,63	0,00	1,30	4,33	0,72
Roeseliana roeseli Hag.	0,58	0,00	0,13	0,29	0,56	0,00
Pholidoptera cinerea L.	0,00	0,00	0,00	0,04	0,00	0,00
Tetrigidae						
Tetrix subulata L.	0,00	0,11	1,19	0,00	0,14	0,72
Tetrix tenuicornis Sahlb.	0,00	0,27	1,06	0,04	0,00	0,00
Acrididae						
Chortippus biguttulus L.	2,92	32,55	85,45	11,30	17,18	19,42
Chortippus parallelus Zett.	50,44	28,22	6,08	35,77	35,61	36,69
Chortippus apricarius L.	2,92	2,52	1,98	3,89	8,66	2,88
Chortippus dorsatus Zett.	3,50	3,95	0,26	0,46	1,40	2,16
Chortippus spp. larvae	0,00	4,33	0,93	3,26	12,43	0,00
Omocestus haemorrhoidalis Ch.	0,87	2,63	0,13	11,92	1,96	15,83
Omocestus viridilus L.	4,37	1,64	0,40	1,13	0,28	4,32
Stenobothrus lineatus Panz.	3,21	1,53	0,00	0,54	0,42	0,00
Euthystira brachyptera Osk.	8,16	6,30	0,26	0,13	1,26	0,72
Chrysochraon dispar Germ.	2,62	0,27	0,00	0,00	0,42	0,72
Суммарная уловистость	19,83	105,49	43,70	138,15	41,39	8,03
Число видов	13	16	12	16	15	10
Индекс 1/d	1,98	3,07	1,17	2,80	2,81	2,73
Индекс полидоминантности S_λ	3,75	4,93	1,37	4,25	5,48	8,64
Выравненность E	0,62	0,72	0,20	0,68	0,74	0,77

C. discolor, T. cantans, Ph. cinerea, T. tenuicornis) на данных лугах оказываются добавочными и случайными.

Видовое разнообразие прямокрылых распределено по лугам достаточно равномерно. Наибольшее видовое богатство отмечено на склоне южной экспозиции и плакорном лугу северной экспозиции. Наименьшее число видов приходится на пойменный луг на правом берегу. Напротив, наиболее полидоминантным сообществом является ортоптероценоз пойменного луга на правом берегу. В целом наименьшее видовое разнообразие характерно для пойменного луга на левом берегу Оки.

Связь видового разнообразия прямокрылых с видовым богатством сосудистых растений не установлена. Однако между видовым богатством саранчовых, которые являются фитофагами, преимущественно консументами злаков, и видовым богатством злаков наблюдается высокая корреляция (r=0,98).

В отличие от видового разнообразия, численное обилие прямокрылых на разных лугах варьирует до 17 раз. Однозначной корреляции уловистости прямокрылых с экспозицией, местоположением и растительностью лугов установить не удалось. Наивысшее обилие приходится на плакорный луг правого берега и склон южной экспозиции. Самое низкое обилие прямокрылых характерно для пойменного луга на правом берегу.

Существенные различия между ортоптероценозами обнаруживаются при анализе спектра жизненных форм (рис. 1). В целом на лугах преобладают представители трех жизненных форм: герпетобионты (обитатели поверхности почвы), основную часть которых составляет *D. verrucivorus*, настоящие хортобионты, среди которых доминирует *Ch. parallelus*, и

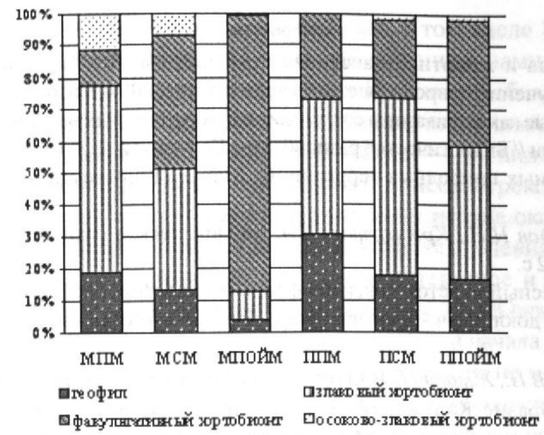


Рис. 1. Спектр жизненных форм прямокрылых лугов

факультативные хортобионты, среди которых наиболее многочислен *Ch. biguttulus*. Роющие и норные формы на пробных площадях не обнаружены. На плакорных лугах (МПМ, ППМ) и склоне северной экспозиции (ПСМ) доминируют настоящие хортобионты — специализированные обитатели злаковников, проводящие большую часть времени на растениях. На пойменном лугу южной экспозиции (МПОЙМ) наблюдается супердоминирование *Ch. biguttulus*, который менее тесно связан со злаковым травостоем, менее специализирован в питании и значительное время проводит на поверхности почвы между растениями. На прочих лугах наблюдается равное соотношение факультативных и злаковых хортобионтов. Плакорный луг южной экспозиции, кроме того, характеризуется значительным участием гигрофильных осоково-злаковых хортобионтов *Chrysochraon dispar* и *Eu. brachyptera*. Наиболее высокая доля и обилие герпетобионтов приходится на плакорный луг северной экспозиции (ППМ), что можно связать с относительно низким проективным покрытием и задернованностью. В то же время здесь наблюдается и наивысшее обилие большинства злаковых хортобионтов.

Отдельные виды прямокрылых также неравномерно распределены по изучаемым лугам. Так, *Eu. brachyptera* приурочен к ассоциациям с участием осок (ППМ, МСМ), *Ch. parallelus* тяготеет к ассоциациям с доминированием овсяницы валлийской, полевицы тонкой и тимофеевки луговой (МСМ, ППМ), избегая пойменных ассоциаций с преобладанием ежи сборной (ППОЙМ, МПОЙМ). Примечательно, что наибольшая уловистость и доля бурого конька *Ch. apricarius* была зарегистрирована на придорожных участках (ППМ, ПСМ), что подтверждает индикаторное значение этого рудерального вида.

В результате кластерного анализа была установлено, что все луга на правом берегу реки (северная экспозиция) схожи по населению прямокрылых, в то время как на левом берегу ортоптероценозы глубоко дифференцированы (рис.2). Наибольшей специфичностью характеризуется пойменный луг на участке южной экспозиции (МПОЙМ), отличающийся супердоминированием *Ch. biguttulus*.

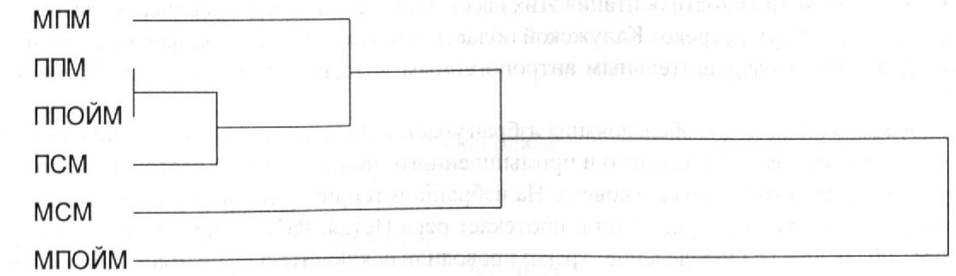


Рис. 2. Кластерный анализ населения прямокрылых лугов Калужско-Алексинского каньона (индекс Жаккара с учетом обилия, метод дальнего соседа).

Литература

Алексанов В.В. Фауна и животное население прямокрылых (Orthoptera) г. Калуги//Известия Калужского общества изучения природы местного края. Калуга, 2004. Кн. 6. С. 18—21.

Волкова Л.Б. Насекомые как индикаторы сохранности лугово-степных и лесных сообществ Калужско-Алексинского каньона Оки // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий: Мат-лы Калужской науч.-практич. конф. Ч. 1. Калуга, 1996. С. 92—101.

Лебедева Н.В., Дроздов Н.Н., Криволуцкий Д.А. Биологическое разнообразие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 432 с.

Майоров С.Р. Интересный участок «окской» флоры в окрестностях Калуги // Изучение природы бассейна реки Оки. Тез. докл. науч.-практич. конф. «Река Ока-третье тысячелетие». Калуга: Изд-во КГПУ, 2001. С. 51—53.

Новиков С.П., Есипов В.П., Жмакин Е.Я. О геологических памятниках природы Калужской области // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий: Мат-лы Калужской науч.-практич. конф. Ч. 1. Калуга, 1996. С.26—32.

Тихомирова А.Л. Учет напочвенных беспозвоночных // Методы почвенно-зоологических исследований. М.: Наука, 1975. С. 73—81.

СТРЕКОЗЫ (ODONATA) В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ФАУНА И ИНДИКАТОРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

***Г.И. Рязанова**, д.б.н., с.н.с., **В.В. Устинова**, студентка,*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
***В.В. Булеза**, к.б.н., с.н.с.,*
Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцева РАН

Изучение энтомофауны отдельных районов России фрагментарно. Долгое время круг объектов фаунистических работ ограничивали частными задачами защиты культурных растений. Стрекозы (Odonata), как массовые хищники беспозвоночных животных, играют значительную роль в жизни пресноводной биоты, влияя на численность многих представителей макробентоса и перифитона. Их обилие и разнообразие может служить показателем экологической чистоты водоемов. Однако последняя и единственная публикация о фауне стрекоз Калужской области вышла в свет около 90 лет назад (Артоболевский, 1923). Стрекозы были описаны Г.В. Артоболевским по сборам А.П. Чернышова в окрестностях г. Калуги. Приводимый Г.В. Артоболевским список содержит 24 вида стрекоз.

Расширение фаунистических исследований в последнее время обусловлено развитием экологических направлений, определяемых природоохранными задачами, а также развернувшимся изучением биоразнообразия и условий его сохранения, базирующимся на инвентаризации фауны. Наша работа по фауне стрекоз Калужской области выполнена в рамках изучения возможности обитания этих насекомых в условиях мегаполиса, в частности, города Москвы. Фауна стрекоз Калужской области послужила эталоном фауны водоемов, не подвергавшихся разрушительным антропогенным воздействиям (Рязанова, Устинова, 2009).

В Калужской области для обследования избран участок Жуковского района, земли которого свободны от сельскохозяйственного и промышленного производства. Участок расположен на территории Машковского сельсовета. На избранной территории расположены 8 прудов разного размера и уровня сукцессии и протекает река Истья. Работа проведена в июне—сентябре 2007 и 2008 гг. Определение стрекоз проводили исключительно по имаго, аналогично работе в Москве. Выборочное определение отдельных экземпляров, нередко дистантное, что возможно для этих крупных насекомых, позволяет обойтись без травматического вмешательства в жизнь водных сообществ, определяемого методиками сбора бентоса.

За два года нами зарегистрированы 23 вида стрекоз, в том числе 10 новых для области. Список Г.В. Артоболевского включает 13 видов, отмеченных нами, и 11 видов, нами не обнаруженных. Таким образом в целом на сегодня в Калужской области зарегистрированы 34 вида стрекоз. В областях Европейской части России, изученных наилучшим образом, отмечено сходное число видов Odonata: Смоленская — 44 вида, Московская — 45, Ленинградская — 46. Можно полагать, что полный список стрекоз Калужской области включает такое же количество видов и вероятно нахождение еще около 10 редких видов.

Расхождение нашего списка и списка Г.В. Артоболевского, очевидно, нельзя отнести на счет изменений фауны за прошедшие 90 лет, хотя в литературе и отмечено, что фауна стрекоз подвержена значительным изменениям во времени. Для Южного Урала (Харитонов и др., 2007) при сравнении видового состава фауны начала XX и начала XXI века коэффициент фаунистического сходства П. Жаккара составил лишь 39%. Тем не менее, такие изменения маловероятны в нашем случае. 11 видов списка 1923 года, не обнаруженных нами, известны сегодня для соседней Московской области. Причины различий следует искать в ограниченности обследованной территории и кратковременности сборов. 45 видов Московской области составлены сборами автора за 8 лет и данными предшествующих исследователей (Колесов, 1930). Теоретически возможное исчезновение и появление видов на определенных территориях проходит, по-видимому, стадию малой численности и для определения направления изменения фауны необходимы количественные исследования.

Список стрекоз Калужской области

Zygoptera

Calopterygidae

1. *Calopteryx splendens* (Harr.)
2. *C. virgo* (L.)*

Lestidae

3. *Lestes sponsa* (Hans.)
4. *L. dryas* (Kirby)*
5. *Sympecma paedisca* (Brauer)**

Platycnemididae

6. *Platycnemis pennipes* (Pall.)

Coenagrionidae

7. *Coenagrion armatum* (Charp.)*
8. *Coen. hastulatum* (Charp.)
9. *Coen. puella* L.
10. *Coen. pulchellum* (V.d.Lind.)*
11. *Enallagma cyathigerum* (Charp.)
12. *Erythromma najas* (Hans.)**
13. *Ischnura elegans* (V.d. Lind.)**
14. *Pyrrhosoma nymphula* (Sulz.)**

Anisoptera

Aeshnidae

15. *Aeshna grandis* (L.)**
16. *Ae. juncea* (L.)*
17. *Ae. cyanea* (Mull.)
18. *Anax imperator* Leach.**

Gomphidae

19. *Gomphus vulgatissimus* (L.)
20. *G. flavipes* (Charp.)*
21. *Ophyogomphus cecilia* (Geoffr.)*

Corduliidae

22. *Cordulia aenea* (L.)**
23. *Epitheca bimaculata* (Charp.)*
24. *Somatochlora metallica* (V.d. Lind.)

96 Зак. 2219

Libellulidae

25. *Libellula depressa* L.*
26. *L. quadrimaculata* (L.)
27. *Orthetrum cancellatum* (L.) **
28. *Sympetrum danae* (Sulz.)
29. *S. flaveolum* (L.)
30. *S. pedemontanum* (Allioni)*
31. *S. sanguineum* (Mull.) **
32. *S. vulgatum* (L.)
33. *Luecorrhinia pectoralis* (Charp.)**
34. *L. rubicunda* (L.)*

* — виды, найденные только Г.В.Артоболевским, ** — виды, найденные только нами.

Известно, что при воздействии на экологическую систему возмущающих факторов сокращается видовое разнообразие (Федоров, 2004). На этой закономерности, в частности, основан широко используемый во всем мире EPT-тест определения экологического состояния реки. Тест предполагает определение числа таксонов поденок, веснянок и ручейников — его увеличение соответствует уменьшению антропогенного воздействия. Первая реакция популяции на воздействие неблагоприятных факторов — сокращение численности, затем следует элиминации вида. Широко распространено в прикладной экологии при оценке действия возмущающих факторов на систему учитывать снижение видового разнообразия в пределах трофической группировки (Федоров, 2004). Упрощение таксономической структуры ценозов рек на урбанизированнных территориях описано, в частности, работе Т.А. Шараповой (2007).

Многие авторы предлагают использовать стрекоз как тест-объекты для определения здоровья всей биоты водоема (Schultz at al., 2003; Chovanec at al., 2004; Corbet, 2004; Lee Foote, Rice Hornung, 2005; Angelibert, 2006). Такие предложения основаны на очевидном удобстве оценки фауны стрекоз водоема по сравнительно легко определяющимся имаго. Даже если авторы предлагают группу индикаторных объектов для определения качества водоемов, Odonata обычно присутствуют в ее составе (Auderset Joye at al., 2004; Perrottet, 2004). Многочисленными исследованиями показано, что на видовое разнообразие стрекоз экологически чистого водоема более всего влияет его общий размер (Corbet, 2004). Видимо, сравнивая близкие по этим показателям водоемы одного региона, по сходству и различию видового разнообразия стрекоз можно судить о степени экологических нарушений.

Видовое разнообразие наиболее полно изучено нами для пруда в д. Пантелеевка, размеры которого 250x100 м. В пруду обитает 21 вид стрекоз. Автохтонность видов устанавливали, регистрируя репродуктивное поведение (включая откладку яиц) или экзувии на прибрежных растениях. В сходных водоемах Москвы только в Серебряном бору зарегистрировано подобное число видов — 23. Во всех других районах города число видов стрекоз в водоемах такого типа (более 40) не превышало 7—10. Лишь в Строгино отмечено 15 видов и в пойме реки Каменка — 14. Сравнение полученных данных по Калужской области и Москве позволяет, как нам кажется, говорить о благополучном состоянии водоемов в изучаемом районе.

Много менее разнообразно население реки Истья. Однако это закономерно, так как виды стрекоз, при широкой толерантности, все же четко делятся на реофильные и лентические. Число последних гораздо больше, чем первых. В связи с этим оценка экологического состояния реки по числу видов стрекоз кажется нам не столь перспективной, как оценка состояния стоячих водоемов.

Литература

Артоболевский Г.В. Стрекозы Калужской губернии// Фауна насекомых Калужской губернии. Вып.1. Калуга, Станция защиты растений при Калужском Губ. Зем. Управлении. 1923. С.18—20.

Колесов В.Г. Экология Odonata Московской губернии // Записки биол.станции Общества любителей естеств., антропол. и этногр. в Болошеве Московской губернии. 1930. Вып. 4. С. 59—128.

Рязанова Г.И., Устинова В.В. Стрекозы (Insecta, Odonata) в мегаполисе, на примере Москвы // Бюллетень Моск. Об-ва испытателей природы. Отд. биол. 2009. Т. 114, вып. 1.

Федоров В.Д. Изменения в природных биологических системах. М., 2004. 366 с.

Харитонов А.Ю., Борисов С.Н., Попова О.Н. Одонатологические исследования в России // Евразиатский энтомол. журнал. Т. 6. № 2. С. 143—156.

Шарапова Т.А. Зооперифитон внутренних водоемов Западной Сибири. Новосибирск, 2007. 166 с.

Angelibert S., Whitfield M., Williams P., Biggs J. The impact of anthropogenic stresses on macroinvertebrate assemblages: a comparison of minimally impaired and variably degraded ponds in the United Kingdom// Conservation of pond biodiversity in a changing European Landscape. Abstract book. Toulouse, 2006. P. 12.

Auderset Joye D., Oertli B., Lehmann A., Juge R., Lachavanne J-B. Local and regional variables driving pond biodiversity//Conservation and monitoring of pond biodiversity. 1st European pond workshop.Abstracts. Genive, 2004. P. 3.

Chovanec A., Waringer J., Raab R., Laister G. Lateral connectivity of a fragmented large river system: assessment on a macroscale by dragonfly surveys (Insecta: Odonata)// Aquatic Conservation: marine and freshwater ecosystems. 2004. Vol. 14. P. 163—178.

Corbet P.S. Dragonflies. Behavior and ecology of Odonata. Ithaca, 2004. 829 p.

Lee Foote A., Rice Hornung C.L. Odonates as biological indicators of grazing effects on Canadian prairie wetlands// Ecological Entomology. 2005. Vol. 30. P. 273—283.

Perrottet N., Sager L., Oertli B., Lachavanne J-B. Is a multimetric index suitable to assess the ecological status of ponds? //Conservation and monitoring of pond biodiversity. 1st European pond workshop.Abstracts. Genive, 2004. P. 30.

Schultz H., Waringer J.A., Chovanec A. Assessment of the ecological status of Danubian floodplains at Fulln (Lower Austria) based on the Odonata Habitat Index (OHI)// Odonatologica. 2003. Vol.32, N 4. P. 355—370.

ЖУКИ-ГРИБОВИКИ (COLEOPTERA: EROTYLIDAE) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***С.К. Алексеев**, к.б.н.,*
ГОУ ДО «Калужский областной эколого-биологический центр учащихся»,
***В.В. Перов**, МОУ «Средняя общеобразовательная школа №10 г. Калуги»*

Грибовики — облигатные мицетофаги, в своем развитии тесно связаны с базидиальными и некоторыми др. грибами (Никитский, Компанцев, 1995; Никитский и др., 1996). Жуки-грибовики — преимущественно тропическая группа, насчитывающая в мире более 2000 видов. В бывшем СССР их насчитывалось около 50 видов (Крыжановский, 1965). В Калужской области изучалась в начале прошлого века А.П. Чернышовым (1930). К сожалению, его сборы и сведения были утеряны, остался лишь список, насчитывающий восемь видов этого семейства (по современной систематике). Из соседних регионов эта группа жуков наиболее изучена в Московской области благодаря исследованиям Николая Борисовича Никитского и его учеников (1996). Ими для Московской области отмечено не менее восьми видов.

Первые сборы авторов этой группы начаты в 1971 году, но наиболее активно эта группа собиралась, начиная с 2004 года. Помимо ручных сборов (на грибах, под корой мертвых деревьев и т.п.) использованы материалы, собранные модифицированными ловушками Барбера в самых разных биотопах. Но наиболее полный и массовый материал был собран с помощью «барьерных ловушек» в 2005—08 гг. на территории северного участка заповедника «Калужские засеки», Жиздринского участка НП «Угра» и в окрестностях г. Калуги (близ д. Мужачи Перемышельского р-на).

В результате этих исследований было учтено более тысячи экз. данного семейства, относящихся к 10 видам из четырех родов.

1. *Tritoma bipustulata* Fabricius, 1775. Барьерными ловушками наиболее часто отлавливался в ельниках и смешанных лесах (с преобладанием ели). Кроме того, отмечен для широколиственных лесов, в черноольшаниках и на опушке сосняка. Отлавливался на трутовике *Funalia trogii*, на осине. Лётная активность по учетам барьерными ловушками приходится на конец мая — середину сентября (пик в июне). В наших сборах немногочисленный вид (в ловушках 48 экз.)

2. *Tritoma subbasalis* (Reitter, 1896). (=*jakowlewi* (Semenov, 1898). В барьерные ловушки попадал редко (всего 9 экз.). Тем не менее, в смешанном лесу близ д. Мужачи на *Funalia trogii* совместно с незначительной «примесью» предыдущего вида отлавливался в массе (более сотни экз.). Отмечен также в широколиственных и сосновых лесах. Лётная активность с конца апреля по июнь (по литературным источникам до августа (Никитский и др., 1996).

3. *Triplax aenea* (Schaller, 1783). Один из самых массовых в сборах ловушками видов. Обычен на вешенках (*Pleurotus pulmonarius, P. ostreatus, P. alyptratus*) и *Crepidoptus autochtonus*. Отмечен практически во всех типах лесов, но наиболее массово летел в ловушки в сосняках и ельниках. Лётная активность с апреля по начало сентября с пиком в конце мая.

4. *Triplax russica* (Linnaeus, 1758). Один из самых обычный в сборах ловушками вид. Имаго отмечены на вешенках и крепидоптусах. По литературным источникам личинка обитает преимущественно на чаге (Никитский и др., 1996). Отмечен во всех типах лесов, кроме черноольшаника. Максимальная уловистость характерна для смешанных сильно нарушенных лесов. Лётная активность с середины апреля по начало октября, максимум приходится на июнь—июль.

5. *Triplax collaris* (Schaller, 1783). Обычный на юго-востоке Калужской области вид. В других районах пока не отмечен. В барьерные ловушки наиболее массово шел в широколиственных «засечных» леса заповедника и национального парка. Кроме того, отмечен в сосняке неморальном и в старовозрастном березняке на месте вырубленного 50—60 лет назад широколиственного леса. Имаго собирались на *Crepidoptus autochtonus* и *Pleurotus ostreatus* в тех же широколиственных лесах. Пик лётной активности приходится на июнь. Жуки летят с конца апреля по начало октября.

6. *Triplax scutellaris* Charpentier, 1825. В наших сборах ловушками единичен (сев. уч. ГПЗ «Калужские засеки», 43 кв. 20—29.07.2008 г., ясенник дубо-кленовник снытево-черемшовый). Кроме того, там же в широколиственных лесах пять экз. имаго отловлено на *Crepidoptus autochtonus* (07.07.2007 г.). По сведениям Н.Б. Никитского и др. (1996), этот вид отмечается на вешенках с июня до сентября. В списке А.П. Чернышова (1930) есть указания о находках этого вида на территории Калужской области в мае—июле.

7. *Triplax rufipes* (Fabricius, 1781). Обычный в сборах ловушками и вручную вид. Учтен во всех типах леса, при максимальной уловистости в смешанных и сосновых лесах, где активно ведутся «санитарные» рубки. Довольно часто попадается в ловушки в ельниках. Вручную собирался на Crepidoptus autochtonus и Pleurotus ostreatus. Максимальная лётная активность характерна для июня—июля. Начинается лет с конца апреля и заканчивается в начале октября (по погоде).

8. *Dacne bipustulata* (Thunberg, 1781). Один из самых массовых в сборах ловушками видов. Чаще отмечается в нарушенных лесах. По литературным источникам развивается на многих трутовых, так и агариковых грибах. Широко распространен на территории Калужской области. Вручную обычно собирался на трутовике серно-желтом (*Laetiporus sulphureus*). Лётная активность с конца апреля по начало октября, пик приходится на июнь.

9. *Dacne rufifrons* (Fabricius, 1781). Единично учтенный ловушками вид (Сев. уч. ГПЗ «Калужские засеки», 33 кв. 12—24.06. 2008 г., дубо-липо-кленарник с ясенем снытево-черемшовый). Кроме того, три имаго собраны на трутовике серно-жёлтом (08.07.2007 г.) в широколиственном лесу Северного участка заповедника. В списке А.П. Чернышова есть указания на сбор этого вида на территории, прилегающей к Березическому лесничеству Жиздринского участка НП «Угра» (25.V. Грязна).

10. *Combocerus glaber* (Schaller, 1783). По указаниям Н.Б. Никитского с соавт. (1996) вид характерен для открытых мест, опушек, своим развитием связан с почвенными грибами или дейтеромицетами. Нам известен по одному экз., отловленному 01—15.09.1998 г. ловушками Барбера на материковом суходольном лугу в 2-х км. к сев. от д. Сорокино Ульяновского района («Мызин луг»).

Авторы выражают свою искреннюю признательность *А.В. Рогуленко* (НП «Угра») и *М.Ю. Баканову* (ГПЗ «Калужские засеки) за помощи в изготовлении и обслуживании барьерных ловушек, а также *Н.Б. Никитскому* (Зоологический музей МГУ) за проверку правильности определения материалов и ценные советы.

Литература

Крыжановский О.Л. Сем. Erotylidae — Грибовики // Определитель насекомых европейской части СССР. Т. 2: Жесткокрылые и веерокрылые. М.- Л., 1965. С. 316—317.

Никитский Н.Б., Компанцев А.В. Новые виды жуков-грибовиков (Coleoptera: Erotylidae) с Дальнего Востока России с замечаниями по распространению и биологии других видов // Зоол. журн. 1995. Т. 74. Вып. 6. С. 83—92.

Никитский Н.Б., Осипов И.Н., Чемерис М.В., Семёнов В.Б., Гусаков А.А. Жесткокрылые-ксилобионты, мицетобионты и пластинчатоусые Приокско-Террасного биосферного заповедника (с обзором фауны этих групп Московской области). (Исследования по фауне) / Под ред. А.В. Свиридова. М.: Изд-во МГУ, 1996. 197 с.

Чернышов А.П. Список жуков б. Калужской губернии // Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Калуга, 1930. Вып.2. С.5—16.

ЖУКИ-ПЛЕСНЕЕДЫ (COLEOPTERA: ENDOMYCHIDAE) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***С.К. Алексеев**, к.б.н.,*
ГОУ ДО «Калужский областной эколого-биологический центр учащихся»,
***В.В. Перов**, МОУ «Средняя общеобразовательная школа №10 г. Калуги»*

В мире насчитывается более 1000 видов жуков-плеснеедов, обитающих преимущественно в тропических странах. В бывшем СССР насчитывается более 50 видов. Жуки и личинки питаются на дождевиках, плесневых и древесных грибах (Крыжановский, 1965). Для Калужской области первые сведения относятся к работе А.П. Чернышова (1930), где упоминаются шесть видов. Для соседней, наиболее хорошо изученной, Московской области указывается шесть видов плеснеедов (Никитский и др., 1996; Никитский, Семенов, 2001).

Наши сборы этой группы жуков проводились Калужской области одновременно со сбором других жуков (см. статью «Жуки-грибовики…» в этом же сборнике) и теми же методами.

Всего за время исследований было учтено около 450 экз., относящихся к пяти видам.

1. *Mycetea subterranea* (Fabricius, 1801) (=*hirta* (Marsham, 1802). Нами этот вид с территории области не учтён. В тоже время он есть в списке А.П. Ченышова без точного указания места сборов и обилия, с пометкой «VI»; как следует из списка, это означает, что вид собран в июне. По указаниям для Московской области имаго также отмечается в июне и июле. В своем развитии вид связан с разрушающем древесные пиломатериалы грибом — *Serpula lacrymans* (Никитский и др., 1996 со ссылкой на Burakowski et al., 1986). В лесах Московской области по сведениям тех же авторов редок.

2. *Leistes seminigra* (Gyllenhal, 1808). По сведениям Н.Б. Никитского с соавт. (1996) личинка в белой древесной гнили, образующейся при поражении деревьев трутовиками *Fomes fomentarius* (Трутовик настоящий) и *Piptoporus betulinus* (Трутовик березовый). В барьерные ловушки отлавливался во всех типах леса, но наивысшая уловистость связана с со смешанными лесами с преобладанием ели и в ельниках. Наблюдается очевидное увеличение уловистости в сильно нарушенных лесах. Первые взрослые жуки отмечаются с середины апреля (17.04.2005 на спиле сваленной зимой сосны, Перемышельский р-н, д. Мужачи), последние — в октябре. Пик летной активности растянут на май—июль. Период лёта с апреля по октябрь.

3. *Dapsa denticollis* (Germar, 1817). Вид отмечен в списке А.П. Чернышова с указанием числа и месяца сбора («5.VII»). Нами этот вид не отлавливался. По сведениям Н.Б. Никитского и В.Б. Семенова (2001) этот вид распространен на территории бывшего СССР от Курской области на севере до Молдавии на юге

4. *Dapsa horvathi* Csiki, 1901 (=*roddiana* Semenov, 1905). Нами собран единственный экземпляр в долине р. Вытебеть близ устья р Песочны (Ульяновский р-н, пос. Заречье) на пойменном кочкарном сыром лугу в ловушки Барбера (15—30.08.1998 г.). Этот вид в Московской области известен по нескольким экз. (Никитский, Семенов, 2001).

5. *Lycoperdina succincta* (Linnaeus, 1767). В наших сборах нечастый вид. В барьерные ловушки не отлавливался. Нам известен по ручным сборам и из ловушек Барбера с лугов. Так же единично отловлен в горелом сосняке (с. Трубецкое, Тарусский р-н, 07.07.2004 г., в ловушки Барбера). Взрослые жуки встречаются (по нашим данным и согласно списку А.П. Чернышова) с начала апреля по июль. По вышеуказанным литературным источникам связан с грибами-дождевиками.

6. *Mycetina cruciata* (Schaller, 1783). Самый массовый в сборах барьерными ловушками вид. Обычен во всех типах леса кроме сырых черноольшаников, но в хвойных лесах уловистость вдвое выше, чем в лиственных. Отмечается в ловушках Барбера и под корой мертвых деревьев (особенно сосен). Известно, что личинки питаются на участках, лишённых коры и заражённых грибами *Coniophora puteana* и *C. olivacea*. Лётная активность с конца апреля по конец сентября, пик растянут с июня по август.

7. *Endomychus coccineus* (Linnaeus, 1758). Обычный в большинстве лесных биотопов вид. По данным из барьерных ловушек чаще встречается в рубленных смешанных и сосновых лесах, особенно захламленных остатками деревьев и ветками. Это, видимо, связано с обитанием личинок на грибе *Chondrostereum purpureum*, которого достаточно много на вырубках. Зимой собирался под корой валежника. Лётная активность начинается с середины апреля и заканчивается в октябре. Пик лётной активности растянутый при максимуме в июне.

Литература

Крыжановский О.Л. Сем. Endomychidae — Плеснееды // Определитель насекомых европейской части СССР. Т. 2: Жесткокрылые и веерокрылые. М.- Л., 1965. С. 317—319.

Никитский Н.Б., Осипов И.Н., Чемерис М.В., Семёнов В.Б., Гусаков А.А. Жесткокрылые-ксилобионты, мицетобионты и пластинчатоусые Приокско-Террасного биосферного заповедника (с обзором фауны этих групп Московской области). (Исследования по фауне) / Под ред. А.В. Свиридова. М.: Изд-во МГУ, 1996. 197 с.

Никитский Н.Б., Семенов В.Б. О видах рода *Dapsa* Latreille, 1829 (Coleoptera: Endomychidae) бывшего СССР // Бюл. моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол. 2001. Т. 106. Вып. 6. С.57—70.

Чернышов А.П. Список жуков б. Калужской губернии // Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Калуга, 1930. Вып.2. С.5—16.

НАСЕЛЕНИЕ БОЖЬИХ КОРОВОК (COLEOPTERA, COCCINELLIDAE) ДОЛИНЫ РЕКИ ОКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ КАЛУГИ

***В.В. Алексанов**, студент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Божьи коровки (Coleoptera, Coccinellidae) играют важную роль в биоценозах, регулируя численность тлей; немногие виды этого семейства — мицетофаги и фитофаги. Благодаря обилию в травостое, относительной простоте сбора и определения они являются одной из наиболее удобных групп для оценки биологического разнообразия природных территорий. Божьи коровки в долине реки Оки на территории Калужской области ранее специально не изучались. Фауна коровок Калужской области выявлена достаточно полно (Чернышев, 1923, 1930). Распределение коровок на лугах исследовано в долине р. Вытебети на территории Ульяновского района Калужской области (Алексанов, 2008а) и в городе Калуге (Алексанов, 2008б).

Материалом послужили сборы 2001 г. методом энтомологического кошения. В июне, июле и августе на каждой пробной площади проводилось по 1000 взмахов. Для уточнения фауны привлекались также сборы 2002 г. Пробные площади располагались на левом берегу р. Оки вблизи близ д. Новолоки Ферзиковского р-на примерно в 20 км ниже г. Калуги по течению реки (Калужско-Алексинский каньон).

Обследовано шесть пробных площадей (ПП):

— мезоксерофитный луг 1-й террасы;

— опушка леса, граничащая с лугом на террасе;

— смешанный лес;

— остепненный разнотравный луг на склоне 1-й террасы;

— высокотравный мезофитный луг на склоне 1-й террасы;

— разреженная ассоциация на песчаном берегу реки.

Сведения об обилии приведены в показателях уловистости — числе особей на 100 взмахов (экз./100 взм.). Для измерения биоразнообразия были использованы распространенные индексы (Лебедева и др., 2004). Альфа-разнообразие оценивалось при помощи индекса видового богатства Маргалефа D_{Mg}, индекса полидоминантности S_λ, обратного индекса Бергера—Паркера 1/d и показателя выравненности E, вычисленного через индекс Макинтоша. Для сравнения группировок применялся индекс Жаккара с учетом обилия Kj.

Состав группировок. В долине р. Оки найдено 13 видов божьих коровок (табл.). Однако основу населения составляют семь константных видов (*Subcoccinella vigintiquatuorpunctata, Tytthaspis sedecimpunctata, Coccinella septempunctata, C. quinquipunctata, Coccinula quatuordecimpustulata, Psyllobora vigintiduopunctata, Propylea quatuordecimpunctata*), прочие виды являются добавочными и случайными. По типу ареала большинство видов коровок относятся к транспалеарктическим элементам. В трофическом отношении абсолютное большинство коровок составляют неспециализированные хищники тлей, однако достаточно велика доля фитофага *Subcoccinella vigintiquatuorpunctata* (15%) и мицетофагов (9,5%), представленных *T. sedecimpunctata* и *P. vigintiduopunctata*. По ярусному преферендуму подавляющее большинство населения коровок (85%) облигатно нуждается для своего развития в травянистой растительности. Только такие экологически пластичные виды, как *P.*

Таблица. Распределение уловистости (экз./100 взм.) и биоразнообразия божьих коровок по биотопам долины р. Оки.

Таксон	Биотопы					
	1	2	3	4	5	6
Subcoccinella vigintiquatuorpunctata L.	1,83	1,93	0,73	0,43	0,17	0,07
Platynaspis luteorubra Gz.	0,13	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Hippodamia tredecimpunctata L.	0,00	0,00	0,00	0,03	0,03	0,07
Adonia variegata Gz.	0,07	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Semiadalia notata Laich.	0,10	0,07	0,00	0,07	0,23	0,00
Tytthaspis sedecimpunctata L.	0,60	0,27	0,00	0,03	0,03	0,00
Coccinella quinquepunctata L.	0,07	0,00	0,03	0,10	0,23	0,10
Coccinella septempunctata L.	0,33	0,07	0,00	0,10	0,30	0,13
Coccinella magnifica Redt.	0,07	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Coccinula quatuordecimpustulata L.	11,77	3,93	0,33	4,10	0,30	0,03
Propylea quatuordecimpunctata L.	0,13	0,10	0,37	0,27	1,60	0,10
Calvia decimguttata L.	0,00	0,17	0,17	0,00	0,00	0,00
Psyllobora vigintiduopunctata L.	0,20	0,57	1,33	0,13	0,03	0,03
Суммарная уловистость	15,30	7,10	2,97	5,27	2,93	0,53
Число видов	11	8	6	9	9	7
Индекс Маргалефа D_{Mg}	1,632	1,306	1,114	1,580	1,787	2,164
Индекс Бергера-Паркера 1/d	1,300	1,805	2,225	1,285	1,833	4,000
Индекс полидоминантности S_λ	1,646	2,585	3,493	1,627	3,058	8,571
Выравненность E	0,315	0,581	0,773	0,322	0,632	0,941

vigintiduopunctata, P. quatuordecimpunctata, способны развиваться в кронах деревьев и кустарников при отсутствии в рационе тлей с травянистых растений. По гигропреферендуму население коровок имеет мезоксерофильный характер. К мезоксерофилам должны быть отнесены такие виды, как *T. sedecimpunctata, A. variegata, C. quatuordecimpustulata, P. luteorubra, C. magnifica*. Суммарно они составляют 63% населения божьих коровок. На втором месте находятся виды, нечувствительные к степени увлажнения, — эвригидробионты. Гигромезофильный вид *P. quatuordecimpunctata* составляет лишь 7,5% населения кокцинеллид. Гигрофилы, представленные на пробных площадях единственным видом *H. tredecimpunctata*, составляют менее 1% коровок. По экологическому составу население коровок исследуемых лугов контрастирует с сообществами коровок на лугах города Калуги, где преобладают гигромезофильные хортодендробионтные виды, а также с сообществами лугов в долине р. Вытебети.

По пробным площадям население божьих коровок распределено весьма неравномерно. Наивысшее обилие жуков приходится на мезоксерофитный луг на террасе. В ассоциации на песчаной косе поймы (луг 6) уловистость в 28 раз ниже. На террасном лугу отмечается и самое высокое видовое богатство (11 видов). Самое низкое видовое богатство приходится на смешанный лес и прибрежную ассоциацию. Видовое богатство распределяется по биотопам более равномерно (CV=21%), чем уловистость (CV=92%). Наибольшая выравненность сообществ приходится на биотопы с минимальным обилием и видовым богатством кокцинеллид (ПП 3, 5, 6), а террасный луг, обладающий наибольшим видовым богатством и численностью коровок, характеризуется супердоминированием *C. quatuordecimpustulata*. Это указывает на то, что луговые сообщества божьих коровок в норме не являются полидоминантными, что необходимо учитывать при биоиндикационных исследованиях.

Большинство видов коровок наиболее многочисленно на террасном лугу. Лишь *P. quatuordecimpunctata* тяготеет к высокотравному лугу и смешанному лесу, а *P. vigintiduopunctata* приурочен к смешанному лесу. Абсолютный доминант на лугах 1, 2 и 4 — *C. quatuordecimpustulata* (79%, 74%, 80%), в число субдоминантов в этих биотопах входит *S. vigintiquatuorpunctata*. На высокотравном лугу №5 преобладает *P. quatuordecimpunctata* (55%), а субдоминантами являются *S. notata* и *C. quinquipunctata* (8%), в то время как мезоксерофильные элементы (прежде всего, *C. quatuordecimpustulata*) немногочисленны. Доля мицетофагов здесь минимальна (2%). Смешанный лес отличается от лугов высокой долей мицетофагов (45%) и дендрохортобионтных форм (63%) и сниженным участием мезоксерофилов. Здесь доминирует *P. vigintiduopunctata* (45%). В прибрежной песчаной ассоциации, которая наименее благоприятна для коровок, преобладает *C. septempunctata*, что можно объяснить высокой миграционной активностью данного вида.

Сезонная динамика биоразнообразия божьих коровок неодинакова в разных биотопах. На лугу №1 все индексы биоразнообразия максимальны в июне и одинаково низки в июле и августе. На лугу №5 показатели выравненности в течение лета заметно возрастают, индексы видового богатства остаются без изменения. На склоновом лугу №4 биоразнообразие максимально в июле и минимально в июне. В лесу показатели выравненности и видового богатства в течение лета стабильны.

Оценка сходства группировок. В целом сообщества божьих коровок долины р. Оки отличаются высокой дифференциацией. Наибольшее сходство наблюдается между террасным лугом №1 и смежной опушкой леса №2 (Kj=0,41). Среди несмежных биотопов наиболее высоко сходство лугов №4 и №5 (0,31), а также луга №4 и опушки №2 (0,6). Наиболее специфичен прибрежный биотоп №6. Коэффициенты сходства сообществ меняются в течение сезона. Наибольшая дифференциация комплексов божьих коровок наблюдается в июне. В это время наиболее сходны луга №1 и 4 (Kj=0,40), в то время как луг №5 весьма обособлен (Kj=0,01). В июле наибольшее сходство отмечается между опушкой №2 и лугом №5 (0,60), опушкой №2 и лугом №4 (0,44). Наибольшее сходство в августе зафиксировано между лугом №1 и опушкой (0,61), опушкой и лугом №4 (0,50), лугом №1 и 4 (0,40). Сходство группировок божьих коровок в долине р. Оки значительно ниже, чем в долине р. Вытебети (Алексанов, 2008а). Это можно объяснить более выработанной морфологией Калужско-Алексинского каньона, с которым связано и большее разнообразие фитоценозов.

Литература

Алексанов В.В. Биоразнообразие и структура группировок модельных групп хортобионтов долины р. Вытебеть // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы XII Всероссийской науч. конф. 3—5 апреля 2007 г. Калуга, 2008а. С. 425—430.

Алексанов В.В. Предварительный эколого-фаунистический анализ божьих коровок (Coleoptera, Coccinellidae) города Калуги // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Калуга: Изд-во КГПУ, 2008б. Кн. 8. С. 112—122.

Лебедева Н.В., Дроздов Н.Н., Криволуцкий Д.А. Биологическое разнообразие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 432 с.

Чернышев А.П. Список листогрызов, божьих коровок и долгоносиков Калужской губернии (Coleoptera Chrysomelidae, Coccinellidae et Curculionidae) // Фауна насекомых Калужской губернии. Вып.1. Калуга, 1923. С.9—14.

Чернышев А.П. Список жуков бывшей Калужской губернии // Фауна насекомых бывшей Калужской губернии. Вып. 2. Калуга, 1930. С. 5—16.

К ВОПРОСУ О ФЕНЕТИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ЖУЖЕЛИЦ РОДА *CARABUS* L. (COLEOPTERA: CARABIDAE) В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.Е. Прохорова,

ГОУ ДО «Калужский областной эколого-биологический центр учащихся»

Получение широкого набора генетических данных о природных популяциях стало возможным после формирования фенетического направления популяционных исследований, основанного на выделении и учёте частоты встречаемости разнообразных дискретных высоконаследственных признаков-маркеров генотипического состава популяции (Тимофеев-Ресовский, 1973).

Цель работы — выявление фенетической изменчивости у *Carabus hortensis* L., *C. granulatus* L., *C. cancellatus* Ill. и *C. nemoralis* Mull. Для этого были выделены и описаны фены у выбранных видов, удобные для фенетических исследований, и проведен популяционно-фенетический анализ различных участков ООПТ с помощью *C. hortensis*. Для анализа предложено четыре вида жужелиц рода *Carabus* как наиболее массовых и обычных видов жужелиц на территории Калужской области, к тому же, легко идентифицируемых.

При сборе материала использовались традиционные методы сбора наземной и почвенной фауны. Материалом для выделения и описания фенов послужили сборы жужелиц *C. hortensis*

Таблица 1. Описание выборок жужелиц рода *Carabus* с территории Калужской области.

Вид	Название выборки	Год	Количество экземпляров
Carabus granulatus	Калуга, ул. Подгорная	2007	42
C. cancellatus	Фелисово, п. Луч	2001	28
	Жировский овраг	2003	35
C. hortensis	Шир.лес, ПН «Угра»	1995	25
	Шир.лес, ПН «Угра»	1996	25
	Ельник, ПН «Угра»	1995	25
	Тайфун 1, ПН «Угра»	1996	25
	Тайфун 1, ПН «Угра»	2004	52
	Тайфун 2, ПН «Угра»	1996	25
	Заповедник, северный участок	1996	25
	Заповедник, южный участок	1996	25
C. nemoralis	Комсомольская роща	2003	34
	Двор эколого-биологического центра учащихся	2007	49

98 Зак. 2219

с юго-востока Калужской области в пределах Жиздринского участка Национального парка «Угра», северного и южного участков заповедника «Калужские засеки» за 1995, 1996 и 2004 гг.; *C. granulatus, C. nemoralis, C. cancellatus* с территории города Калуги. Всего было обработано и проанализировано 415 экземпляров жужелиц четырёх видов (табл. 1).

Фены всегда отражают определённые черты генетической конституции данной особи, а своей частотой — генетическую структуру популяции и других групп особей. Следует отметить, что число признаков фенотипа может быть неограниченно большим, поэтому включению признака в каталог предшествовал строгий отбор (учитывалось точность локализации признака и быстрота подсчета, изображения, понятность описания фенов) (Яблоков, 1980, 1988). Первый этап заключался в выявлении спектра дискретной изменчивости по отдельным комплексам признаков или свойств. На втором этапе проводилась проверка на дальнейшую делимость и правильность выделения фенов на природном материале. Обычно правильно выделенные фены на достаточно разнообразном материале из природных популяций обязательно покажут отдельные тенденции в распространении их в пределах ареала. Для надёжной и полной характеристики всего диапазона внутривидовых группировок учитывалось несколько десятков (3 — группы признаков — ряды ямок, 26 — ряды щетинок на конечностях) признаков. Для выявления изменчивых элементов у каждого вида предварительно просматривалось по нескольку десятков особей, причем обращалось внимание лишь на морфологические признаки. Отмечалась длина тела у каждой особи, число и расположение ямок, число щетинок. Для каждой особи составлялась таблица, в которой указывались признаки особи: пол, число ямок в каждом ряду на правом и левом надкрыльях, число щетинок на бедрах, голенях каждой ноги.

Описание фенов у *C. hortensis, C. granulatus, C. cancellatus* и *C. nemoralis*. У четырех видов выделены сходные группы признаков. Это безусловно возможно предвидеть, исходя из закона гомологических рядов наследственной изменчивости Н.И. Вавилова (1920). Описанные у жужелиц группы признаков (ямки на надкрыльях, щетинки на ногах, узоры щитка) изменяются независимо друг от друга (коэффициент корреляции: число ямок левого надкрылья — число щетинок (A1) левого бедра первой пары — «0,113»; число ямок — число щетинок на левой голени (B1) второй пары — «0,210»; число щетинок бедра и голени — «0,159». Не установлена зависимость признаков от пола (доля самцов и самок, с числом ямок на левом надкрылье равном 32, одинаково в генеральной совокупности и равно по 14%. Также среди особей с 31 ямкой на надкрылье 11% пришлось на самцов, 14% — на самок). Таким образом, в проанализированной генеральной совокупности жужелиц *C. nemoralis*, с равным количеством самцов и самок, отмечены малоямчатые и многоямчатые самцы и самки, с преобладающей долей особей, имеющих 31 и 32 ямки на левом надкрылье. Выявлена невысокая положительная связь между числом ямок (на левом надкрылье) и длиной тела насекомого (коэффициент корреляции (rxy) — 0,383).

Ямки на надкрыльях. У рассматриваемых видов наблюдается полиморфизм по числу ямок в каждой борозде слева и справа. Всего выделено 3 группы признаков. Под группой признаков в данном случае понимается все разнообразие количества ямок в данной борозде надкрылья. Максимальное число ямок приходится на 2 и 3 ряды (считая от шовного края надкрылья). У *C. hortensis* — от 4 до 19. Каждый вариант рассматривался как отдельный фен. Для этого вида выделено 48 вариантов — фенов. Дополнительно учитывался размер ямок (одинарная, двойная или тройная ямка). Каждый тип ямки также можно считать самостоятельным феном. Характер ямок может также служить оценкой разнообразия популяции насекомых. Ямки, расположенные между рядами, их слияния в области шовного угла надкрылья фиксировались в таблицах, но для анализа не использовались. При слиянии ямок образуется большое число узоров, которые также возможно закодировать. Для *C. nemoralis* выделено 42 варианта (от 4 до 17 ямок в ряду), для *C. granulatus* — 33 варианта (от 5 до 15), для *C. cancellatus* — 24 варианта возможных фенов (от 7 до 15).

Щетинки бедер и голеней. На конечностях выбирались ряды щетинок, наиболее удобные для подсчёта. На бёдрах подсчитывались щетинки во всех рядах, на голенях — только в четырех рядах, поскольку у самцов в других рядах щетинки многочисленны и плавно переходят в щёточки. Каждый ряд щетинок получал свой номер в виде буквы (А — на

бедрах, В — на голенях) с цифрой, указывающей номер ряда щетинок (от 1 до 5 на бедрах, от 1 до 4 на голенях). Ряды расположены вдоль бедра, один ряд над другим.

Описание признаков расположения щетинок на бедрах 1, 2 и 3 пары ног.

Ряд А1 — расположен на передней стороне бедра, в нижней части бедра; самый нижний ряд;

Ряд А2 — расположен на передней стороне бедра выше ряда А1 (верхняя часть поверхности бедра);

Ряд А3 — расположен на передней поверхности, в самой верхней части бедра, граничащей с острым направленным вверх ребром бедра, над рядом А2;

Ряд А4 — расположен на задней стороне бедра в его нижней части;

Ряд А5 — расположен на задней поверхности бедра в самой верхней ее части.

На бедрах третьей пары ног щетинок меньше. На передней поверхности сохранен самый нижний ряд —А1 и самый верхний — А3, на задней поверхности бедра — один ряд (в самой верхней части плоскости) А5. На каждой из 4 поверхностей голени имеется до двух рядов щетинок. Причем число их в каждом ряду в 2—3 раза больше, чем в ряду на бедре.

Описание признаков расположения щетинок голеней 1, 2, 3 пары ног.

Ряд В1 — расположен на передней поверхности голени, находится ближе к ее передней стороне у края желобка, оканчивающегося короткой шпорой;

Ряд В2 — расположен на передней стороне голени и идет по переднему краю желобка (сразу после него (ближе к внешней стороне голени) расположен ряд В1);

Ряд В3 — расположен на задней поверхности голени; рядом с ним, ближе к внутренней стороне, находится ряд В4;

Ряд В4 — расположен на протяжении заднего края желобка, оканчивающегося длинной шпорой.

Эта нумерация одинакова для трех пар ног для четырёх видов. Постоянным является расположение рядов щетинок на бедрах и голенях, а не число их в ряду (оно отлично у левых и правых конечностей). Стоит отметить, что максимальное число щетинок на голенях отмечено для *C. nemoralis* — 37 (ряд В3).

Необходимо отметить, что щетинки не только могут отсутствовать, но и сливаться или раздваиваться. Для трех пар ног производится 26 измерений на бедрах и 24 на голенях для каждой особи.

Используя выделенные фены, проведен сравнительный анализ популяционных группировок *C. hortensis*. Сравнивалось 8 выборок в 1995, 1996 и 2004 годах на территории заповедника «Калужские засеки» и Национального парка «Угра». Для характеристики разнообразия популяций *Carabus hortensis* рассчитаны следующие показатели: среднее число фенотипов (морф) «μ» и доля редких морф «h» (Животовский, 1982). Максимальное значение «μ» равно (6,056) для участка широколиственный лес, 1996 г., минимальное — для участка «Тайфун-I», 1996 г. (5,21) Максимальные значения «h» — в выборках широколиственного леса, 1996 г., «Тайфун-I», 2004 г., заповедник, южный участок), минимальное (0,062) — для участка «Тайфун-I», 1996 г.. Выборки с максимальными значениями «μ» и минимальными «h» были сделаны только на участке широколиственного леса в 1995 году.

Для 8 выборок *C. hortensis* была рассчитана доля трёх «классов» ямок (табл. 2). Во всех выборках доминировали жужелицы с тройными ямками, но процентное соотношение менялось не только для разных участков, но и в разные годы.

Таблица 2. Доли одинарных, двойных и тройных ямок в выборках C. hortensis.

Название площадки	% одинарных	% двойных	% тройных
Заповедник, южный участок, 1996 г.	18	28,1	54
Широколиственный лес, 1996 г.	12,5	29,5	58
1995 год	7,8	28,8	63
Заповедник, северный участок, 1996г.	13,5	33,1	53
Широколиственный лес, 1995 г.	17,1	36,9	46
«Тайфун- II», 1996 г.	14,6	35,4	50
«Тайфун- I», 1996 г.	12,8	33,5	54
«Тайфун- I», 2004 г.	31,3	20,9	47,8

Для *C. hortensis* также не было установлено наличие полового диморфизма по числу ямок на надкрыльях. В анализируемых выборках среди самцов и самок преобладали особи с тройными ямками. Причём при увеличении общего числа ямок на надкрыльях, увеличивалась доля тройных ямок, при уменьшении числа ямок, доли тройных и двойных ямок выравнивались.

Выводы

Выявлена сходная фенетическая изменчивость у четырех видов жужелиц. Составлен каталог фенов жужелиц *C. hortensis, C. granulatus, C. nemoralis, C. cancellatus*, включающий количественные признаки: число щетинок на бёдрах и голенях, число ямок в рядах надкрылий. Для проведения популяционно-фенетического анализа наиболее удобными признаками для четырёх видов жужелиц являются число ямок в трёх рядах на надкрыльях, число щетинок в пяти рядах на бёдрах и четырех — на голенях. Результаты сравнительного анализа популяционных группировок *Carabus hortensis* подтвердили возможность использования данного вида и выделенных фенов в фенстических исследованиях.

Литература

Бей-Биенко Г.Я. Общая энтомология. М.: Высшая школа, 1980. 416 с.

Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов наследственной изменчивости//Докл. III Всерос. Съезда селекционеров. Саратов, 1920.

Животовский Л.А. Показатели популяционной изменчивости по полиморфным признакам// Фенетика популяций. М., 1982. С. 38 — 44.

Крыжановский О.Л. Фауна СССР. Жесткокрылые. Т. I. Вып. 2 . Л.: Наука, 1983. 341 с.

Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяциях. М.: Наука, 1973. 278 с.

Яблоков А.В. Фенетика. М.: Наука, 1980. 135 с.

Яблоков А. В. Фенетика природных популяций. М.: Наука, 1988. 208 с.

НАХОДКИ НОВЫХ И РЕДКИХ ВИДОВ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (INSECTA, LEPIDOPTERA) В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

И.В. Шмытова*, к.б.н., зам. ген. дир.,*
Калужский областной краеведческий музей

В статье приведены места находок и в ряде случаев сведения о предыдущих сборах для 18 редких и новых для Калужской области видов чешуекрылых (Lepidoptera: Gracillariidae, Batrachedridae, Cossidae, Geometridae, Sphingidae, Notodontidae, Limantriidae, Noctuidae, Arctiidae, Hesperidae, Papilionidae, Nymphalidae, Satyridae), выявленных после обработки коллекционных сборов автора 2001—09 гг. (хранятся в фондах Калужского областного краеведческого музея). Кроме того, сведения о находках ряда видов (помечены особо) были предоставлены В.А. Новиковым и К.И. Ширяевым, за что автор благодарит их.

Методы сборов: отлов на свет ртутных ламп ДРЛ-250 и -400, отлов в светлое время суток и выведение из гусениц.

1 вид — *Phyllonorycter sagitella* (Bjerkander, 1790) (Gracillariidae) указан впервые для фауны области (отмечен знаком !). 1 вид — *Pararge aegeria* (Linnaeus, 1758) (Satyridae) рекомендован для внесения в новое издание Красной книги Калужской области.

Список видов

!*Phyllonorycter sagitella* (Bjerkander, 1790) (Gracillariidae)

12 км ю-в с. Думиничи, Клинцы, 1 экз., ex larva на осине, 18—24.07.06.

***Batrachedra pinicolella* (Zeller, 1839)** (Batrachedridae) — (Большаков и др., 2008).

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Калужской области (проект № 07-04-96418, 09-04-97537).

17 км с-в г. Хвастовичи, д. Рессета, пр. берег р. Рессеты, опушка хвойно-широколиственного леса, 1экз., 12.07.06.

***Zeuzera pyrina* Linnaeus, 1758** (Cossidae) — (Чернышов, 1919; Шмытова, 2006).

15 км ю-з г. Калуги, у д. Сивково, на опушке хвойно-широколиственного леса, 1экз., на свет, 26.06.2004.

***Ourapteryx sambucaria* (Linnaeus, 1758)** (Geometridae) — (Гагарин, 1914; Чернышов, 1919; Сироткин, 1969, 1986; Шмытова, 2001, 2006; Шмытова и др., 2003).

15 км ю-з г. Калуги, д. Сивково, опушка хвойно-широколиственного леса, 1 экз., на свет, 27.06.04.

***Sphinx ligustri* Linnaeus, 1758** (Sphingidae) — (Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001, 2006; Шмытова и др., 2003).

ж/д. ст. «Тихонова Пустынь», опушка смешанного леса, 3 экз., на свет, 10.06.2009 (В.А.Новиков).

***Odontosia sieversii* (Menetries, 1856)** (Notodontidae) — (Гагарин, 1914; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001, 2006).

15 км ю-з г. Калуги, д. Сивково, опушка хвойно-широколиственного леса, 1 экз., на свет, 07.04.08 (К.И. Ширяев).

***Orgya antiqua* (Linnaeus, 1758)** (Limantriidae) — (Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001).

4 км вост. г. Серпейска, д. Ужать, 1экз., опушка смешанного леса, на свет, 17.07.01.

***Nola aerugula* (Hubner, 1793)** (Noctuidae, Nolinae) (Сироткин, 1986; Шмытова, 2001; Шмытова и др., 2003).

15 км с-з г. Козельска, д. Ниж.Дерягино, 1 экз., лев. берег р. Серёны, мелколиств. лес, сер. VII 2009 г.

***Callopistria juventina* (Stoll, 1782)** (Noctuidae, Eriopinae) — (Сироткин, 1986).

15 км ю-з г. Калуги, д. Сивково, 1экз., на свет, 20.06.02.

***Hecatera bicolorata* (Hufnagel, 1766)** (Noctuidae, Xyleninae) — (Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001).

4 км вост. г. Серпейска, д. Ужать, 1экз., опушка смешанного леса, на свет, 17.07.01.

***Callimorpha dominula* (Linnaeus, 1758)** (Arctiidae) — (Шмытова, 1996; 2001а,б,в,г, 2006; Шмытова и др., 2003).

15 км ю-з г. Калуги, д. Сивково, опушка хвойно-широколиственного леса, 1 экз., на свет, 26.06.04.

***Epicallia villica* (Linnaeus, 1758)** (Arctiidae) (Гагарин, 1914; Филиппов, 1916; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001, 2006).

13 км. с-з г. Мосальска, Раменский, на свет, 1 экз., 20.07.01.

***Rhyparia purpurata* (Linnaeus, 1758)** (Arctiidae) (Гагарин, 1914, Филиппов, 1916; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Шмытова, 2001; Шмытова и др., 2003).

15 км ю-з г. Кондрово, д. Люблинка, 1 экз., на свет, 17.06.08 (Ширяев К.И.).

***Thumatha senex* (Hubner, [1808])** (Arctiidae) (Гагарин, 1914; Шмытова, 2001, 2006; Шмытова и др., 2003).

7 км ю-в с. Ульяново, Красногорье, лев. берег р. Вытебети, опушка дубравы, 1 экз., 28.07.2008.

***Heteropterus morpheus* (Pallas, 1771)** (Hesperidae) — (Сироткин, 1986; Большаков, 1996).

34 км ю-в г. Ельни, 3 км вост.д. Носищево (граница Калужской и Смоленской обл.), лев. берег р. Дёмины, 1 экз., 01.07.2005.

***Parnassius mnemosyne* (Linnaeus, 1758)** (Papilionidae) — (Гагарин, 1914; Филиппов, 1916; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 1996, 2001а,б,д; Шмытова и др., 2003; Большаков и др., 2008).

11 км с-в г. Перемышль, 2 км с-в Желовского леснич., пр. берег р. Желовь, опушка хвойно-широколиственного леса, 16.06.2008.

***Euphydryas maturna* (Linnaeus, 1758)** (Nymphalidae) (Гагарин, 1914; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 1996, 2001а, б; Большаков и др., 2008).

11 км с-в г. Перемышль, 2 км с-в Желовского леснич., лев. берег р. Желовь, 15.06.2008.

***Melitaea didyma* (Esper, 1779)** (Nymphalidae) — (Гагарин, 1914; Чернышов, 1919; Сироткин, 1986; Большаков, 1996, 2001; Шмытова, 1996, 2001а, б; Большаков и др., 2008).

18 км с-в пос. Еленский, д. Супово, лев. берег р. Вытебети, поляны в сосновом редколесье, 22.07.08.

***Pararge aegeria* (Linnaeus, 1758)** — Краеглазка эгерия (Satyridae) — (Чернышов, 1919; Сироткин, 1969, 1986; Большаков и др., 2008).

99 Зак. 2219

Рис. 1. Краеглазка эгерия (*Pararge aegeria* (L., 1758)

Рис. 1. Краеглазка эгерия (*Pararge aegeria* (L., 1758) на ветке дуба.

г. Калуга (д. Анненки), бор неморальный, 9.05., 17.08.06 (К.И. Ширяев); 14 км с-в пос. Ульяново, Новая Деревня, 31.05.08 (К.И.Ширяев); 18 км с-в пос. Еленский, д. Супово, лев. берег р. Вытебети, хвойно-широколиственный лес, 1 экз., 22.07.08; 20 км с-в пос. Еленский, д. Горицы, дубрава, 4 экз., 25.07.08; 22 км с-в пос. Еленский, д. Ржевка, разреженная дубрава, 1 экз., 26.07.08; 7 км ю-в с. Ульяново, Красногорье, лев. берег р. Вытебети, дубрава, 2 экз., 28.07.08; 6 км с-в с. Ульяново, д. Дурнево, ракитник, 1 экз., 30.07.08.

Отмечено, что бабочки летают под пологом леса, садятся на ярко освещенные широколистные растения (например, на сныть), на ветки дубов, где пьют сок (рис.1, 2).

Кормовые растения: злаки и осоки; зимует куколка (Коршунов, 2002).

Вид может быть рекомендован для внесения в Красную книгу Калужской области как редкий и локальный вид, приуроченный к пойменным дубравам р. Вытебети, старовозрастным хвойно-широколиственным и смешанным лесам.

Литература и источники

Большаков Л.В. Угрожаемые т редкитн виды дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) лесных экосистем Окско-Жиздринского водораздела (Козельский р-н Калужской обл.)// Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Материалы науч.-практической конф. Калуга, 1996. Ч. II. С. 134—143.

Большаков Л.В., Андреев С.А., Пискунов В.И. Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области. 1// Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 8. Калуга, 2008, С. 140—187.

Гагарин П.Г. Материалы по энтомологии Калужской губернии. Научн. архив Калужского областного краеведческого музея. № П-9. Калуга, 1914. 110 с.

Коршунов Ю.П. Булавоусые чешуекрылые Северной Азии. М: Тов-во науч. изданий КМК, 2002. 424 с.

Филиппов С. К сведениям о чешуекрылых Калужской губернии//Русск. энтом. обозр. 1916. Вып. XVI. № 3—4. С. 338—342.

Чернышов А.П. Список бабочек Калужского и Перемышльского уездов Калужской губернии. Калуга, 1919. 22 с.

Шмытова И.В. Редкие виды Macrolepidoptera на территории НП «Угра» в Калужской области (1988 — 1995 гг.) // Сб. тез. докл. «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий». Калуга, 1996. Ч. 1. С. 101 — 109.

Шмытова И.В. Аннотированный список чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001а. С. 60—172.

Шмытова И.В. Очерки по экологии редких и исчезающих видов чешуекрылых Калужской области. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001б. 46 с.

Шмытова И.В. Нолиды (Lepidoptera, Nolidae) верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной науч. конф. 17—19 марта 1999 г. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001в. С. 316—318.

Шмытова И.В. Находки редких видов чешуекрылых в бассейне верхней и средней Угры (Смоленская область) — по материалам экспедиций 1997—1998 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной науч. конф. 17—19 марта 1999 г. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001г. С. 308—313.

Шмытова И.В., Алексеев С.К., Перов В.В., Бакланова С.П. Новые находки чешуекрылых в заповеднике «Калужские засеки»// Труды заповедника «Калужские засеки». Вып. 1. Калуга: изд-во «Полиграф—Информ», 2003. С. 130—144.

РЫБОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОЗЕРА ТИШЬ

В.А.Марголин**, к.б.н., доц., **Н.И.Дудковский,
лаборатория зоологического мониторинга
Калужского государственного педагогического университета им.К.Э.Циолковского

Особенности водоема

Озеро Тишь (Желоховское) расположено в долине р.Оки. Его протяженность составляет около 3 км и по этому показателю занимает второе место среди пойменных озер в Калужской области и второе на территории национального парка «Угра». Ширина варьирует в пределах 100—150 м. Общая площадь озера достигала около 50 га, но в настоящее время значительно меньше. Водоем умеренно-загрязненный (Дудковский, 2001), но прозрачность воды незначительная, она гумифицирована, возможно, отчасти за счет сброса с мелиоративных каналов, прорытых в предшествующие годы. Берега пологие. Дно песчано-илистое. Зарастаемость небольшая — прибрежная зона покрыта камышом и телорезом. В восточной части, где производили основные исследования, мелководье густо заросло кубышкой и рдестом. Со временем здесь возможно образование перемычки.

Состав ихтиофауны

По данным исследований, проведенных в 1920—1924 гг., в Желоховском озере было отмечено пять видов рыб: многочисленна уклейка; обычны плотва, елец и ерш; редка щука (Николаев, 1925). Позднее в основной видовой состав входили щука, лещ, густера, плотва, судак, линь, окунь, ерш, вьюн (Кунаков, 1979). По нашим данным, за последние десять лет здесь зарегистрированы следующие виды:

Esox lucius Linnaeus, 1758 — обыкновенная щука;
Abramis brama (Linnaeus, 1758) — лещ;
Alburnus alburnus (Linnaeus, 1758) — уклейка;
Blicca bjoerkna (Linnaeus, 1758) — густера;
Leucaspius delineatus (Heckel, 1843) — обыкновенная верховка;
Leuciscus idus (Linnaeus, 1758) — язь;
Rutilus rutilus (Linnaeus, 1758) — плотва;
Rhodeus sericeus (Pallas, 1776) — горчак;
Carassius auratus (Linnaeus, 1758) — серебряный карась;
Carassius carassius (Linnaeus, 1758) — золотой, или обыкновенный карась;
Tinca tinca (Linnaeus, 1758) — линь;
Misgurnus fossilis (Linnaeus, 1758) — вьюн;
Perca fluviatilis Linnaeus, 1758 — речной окунь;
Stizostedion lucioperca (Linnaeus, 1758) — обыкновенный судак;
Perccottus glenii Dybowski, 1877 — головешка-ротан.

По сравнению с прежними сведениями (Николаев, 1925; Кунаков, 1979), исчезли елец и ерш, но появился, по крайней мере, ротан. Видовой состав зависел от степени зимних заморов и уровня весенних паводков, за счет чего шло восстановление ихтиофауны и населения рыб (рис. 1).

Замор рыбы прежде происходил один раз в 5—6 лет (Кунаков, 1979), но в последние десятилетия — довольно регулярно, особенно сильный зимой 2005—2006 гг., приведший к гибели некарасевого населения рыб, за исключением ротана. После весенних паводков и отсутствия замора ихтиофауна начала восстанавливаться.

Для отлова рыбы 4—5.06.2007 г. нами применялись ставные сети с ячеей от 15 до 50 мм. В результате установлено пребывание 12 видов:

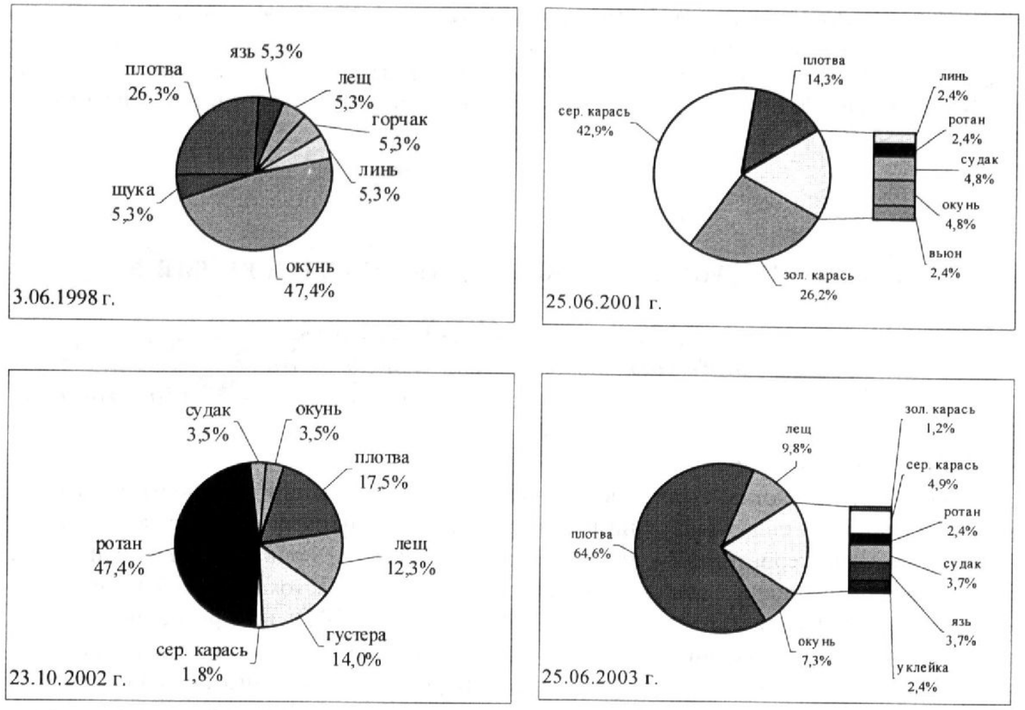


Рис. 1. Динамика видового состава и относительная численности рыб, обитавших в оз.Тишь в начале исследований.

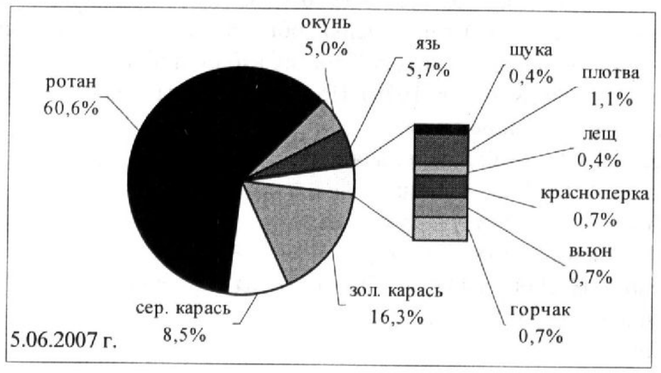


Рис.2. Относительная численность рыб в оз.Тишь.

Esox lucius Linnaeus, 1758 — обыкновенная щука;
Abramis brama (Linnaeus, 1758) — лещ;
Leucaspius delineatus (Heckel, 1843) — обыкновенная верховка;
Leuciscus idus (Linnaeus, 1758) — язь;
Rutilus rutilus (Linnaeus, 1758) — плотва;
Scardinius erythrophthalmus (Linnaeus, 1758) — красноперка;
Rhodeus sericeus (Pallas, 1776) — горчак;
Carassius auratus (Linnaeus, 1758) — серебряный карась;
Carassius carassius (Linnaeus, 1758) — золотой, или обыкновенный, карась;
Misgurnus fossilis (Linnaeus, 1758) — вьюн;
Perca fluviatilis Linnaeus, 1758 — речной окунь;
Perccottus glenii Dybowski, 1877 — головешка-ротан.

Следует отметить, что ихтиофауна богата. Всего за последние десять лет зарегистрировано

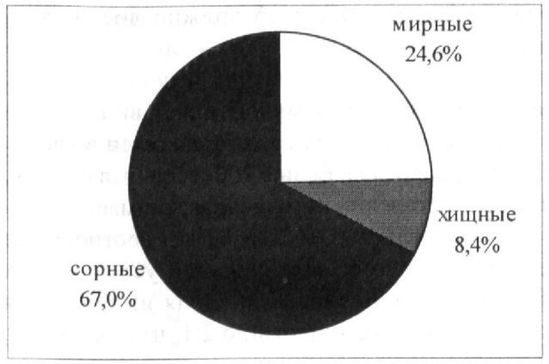


Рис. 3. Относительная биомасса хозяйственно ценных и сорных видов рыб в оз.Тишь в 2007 г.

пребывание 16 видов (рис. 2) и это не предел; но ее состав представлен не полностью. В последнем улове отсутствовали уклейка, густера, линь и судак, но впервые зарегистрирована красноперка.

Рыбохозяйственная оценка

Озеро имело рыбохозяйственное значение. Прежде отлов проводила Калужская рыболовецкая бригада, которая ежегодно вылавливала до 40 центнеров рыбы (Кунаков, 1979). Хозяй-ственно ценные виды представляют мирные рыбы — лещ, густера, плотва, красноперка, язь, серебряный карась, линь и хищные — судак, щука и окунь. В состав малоценных сорных рыб входят ротан, золотой карась, верховка, уклейка, вьюн, горчак. Как было указано выше, некоторые из них в настоящее время не зарегистрированы, их отмечали в отдельные сезоны, как правило, в небольшом количестве, но они могут вновь заселить водоем при высоких весенних паводках.

Хозяйственно ценные:

а) *мирные*:

Лещ. Наибольшей численности достигал в 2002—03 гг., когда был обычен. В настоящее время не имеет промыслового значения, поскольку отмечена единичная особь небольших размеров.

Густера. Была обычна только в сезон 2002 г., но затем не зарегистрирована.

Плотва. Прежде отмечена как многочисленная или обычная, но в последний год стала редка. Вероятно естественное восстановление численности.

Красноперка. Зарегистрирована только в последний сезон, но редка. Поэтому не имеет промыслового значения и может служить в качестве прилова.

Язь. Малочислен, но обитает не регулярно. Очевидно, отсутствовал в 2001—02 гг.

Линь. Если в первые годы нерегулярно отлавливали единичных особей, то в последние его пребывание не выявлено. Очевидно, этот вид вымер во время зимних заморов, а восстановление численности, тем более до промыслового значения, естественным путем невозможно.

Серебряный карась. Единственный вид, имеющий промысловое значение. Был многочислен в 2001 г., но малочислен в 2003 г. В настоящее время стал обычным видом — отмечены разновозрастные особи. Зарегистрировано увеличение его товарной массы. Если средняя навеска сначала составляла около 120 г., то в настоящее время она увеличилась втрое. Однако экологические условия для его обитания плохие. Об этом свидетельствует то, что, как и прежде, поголовье имеет равное соотношение полов.

Таким образом, в настоящее время в озере присутствуют только пять видов из этой группы рыб. Их доля мала и составляла около 15% от общей численности, а по биомассе достигала лишь около 25% (рис. 3), тогда как должно быть не менее 70%. Эти показатели могут несколько возрасти после высоких весенних паводков за счет захода на нерест плотвы, леща и густеры, что далеко недостаточно.

б) *хищные:*

Щука. Редка, нерегулярно присутствовала в уловах и даже поздней осенью 2002 г. Вероятно, практически не заходит на нерест, поскольку при использовании мелкоячеистой сети сеголетки не отмечены.

Речной окунь. Прежде был многочислен, но затем стал малочислен, хотя нерестится регулярно. В последнем улове отмечены годовалые особи. В желудках взрослых рыб обнаружена молодь ротана.

Судак. Регистрировали практически ежегодно, но был малочислен. В желудках находили молодь плотвы и ротана. В последний сезон не отмечен.

Относительная численность этой группы рыб мала и составила 5,4%, а биомасса — около 8% и то за счет крупной щуки, что нехарактерно для водоема, поэтому ее следует

понизить вдвое. Нормальное соотношение этой категории рыб должно достигать в сложившихся условиях 10—15%.

Сорные и малоценные:

Золотой карась. Относится в рыбоводных хозяйствах к малоценным видам из-за пищевой конкуренции с серебряным. Тем не менее, в условиях парка желателен в уловах рыболовов-любителей. Численность этого вида варьировала. Если в 2001 г. он был обычен, то в 2003 г. стал редок, но к последнему сезону восстановил поголовье и занимает второе место в улове. В 2001 г. отмечены мелкие особи средней навеской 80 г и соотношение самцов к самкам составляло 1:2, что свидетельствовало о биологической устойчивости вида. К настоящему времени отлавливали более крупных карасей. Доля их биомассы составила около 27%. Однако соотношение самцов к самкам достигло 2:1, что указывает, как и сокращение высоты тела, на ухудшающиеся условия обитания.

Верховка. Численность колеблется, но в небольших пределах. В последний сезон была весьма многочисленна, поскольку предшествующей зимой замора не было. Она составляет конкуренцию личинкам, малькам и взрослым особям ценных видов рыб и не желательна в водоеме.

Горчак. Не имеет промыслового значения и редок.

Уклейка. Редка и ее встречали только в 2003 г., хотя возможен любительский лов.

Вьюн. Нерегулярно и редко отмечен в уловах. Промыслового значения не имеет.

Ротан. Начал заселять озеро, очевидно, с 1998 г., когда проник с высоким весенним паводком. Если в 2001 г. отмечали единичных средних размеров особей, то на следующий год он стал многочислен. Зарегистрированы разновозрастные особи максимально шестого года жизни (Дудковский, Марголин, 2003). Однако в 2003 г. стал малочислен, но к настоящему времени — самым массовым видом, причем преобладают особи средних и крупных размеров. Присутствие в водоемах ротанов способствует сокращению численности ценных видов рыб. В их желудках встречали моллюсков, которых охотно поедают язи, молодь окуня, плотвы, уклейки и других рыб.

Доля относительной численности этой группы рыб самая большая — 62%, а по биомассе — 67%, при норме около 15—20%, то есть, превосходит ее более чем в 4—3 раза.

Заключение

Таким образом, оз.Тишь богато разнообразными видами, но к настоящему времени здесь сложилась сложная ситуация. При достаточно богатой кормовой базе сильно размножился и вырос головешка-ротан, многочисленна верховка, составляющие конкуренцию молоди всех видов рыб. Поскольку ротан, как и караси, в относительно глубоких водоемах не подвержены заморам, снизить их численность могут только хищные рыбы, доля биомассы которых недостаточна. Большинство других хозяйственно ценных видов малочисленны или редки. На неблагоприятные экологические условия указывает также соотношения полов у карасей.

Рекомендации

Выправление ситуации и неблагоприятного соотношения видов возможно при применении следующих мер:

— запуск из местных водоемов хищников — судака, щуки, а также линя;

— также возможен запуск мальков (но не личинок) леща;

— в летнее время запретить спиннинговое ужение, зимой — блеснение;

— в целях предотвращения зимних заморов целесообразно пропагандировать зимний любительский лов, но пока с запретом отлова крупных хищных рыб;

— стимулировать отлов золотого карася и ротана, для чего обустроить места лова, а главное, установить мостки для подхода к чистой воде;

— для изучения динамики ихтиофауны и ее населения проводить ежегодные контрольные отловы;

— организовать изучение сезонного изменения гидрохомического режима и установить происхождение повышенной гумификации;

— вести мониторинг гидрологического режима в разные сезоны года, проявления заморных явлений и кормовой базы;

— запуск белого амура, белого и пестрого толстолобиков нецелесообразен. Во-первых, для зарыбления ими требуется согласование с рыбнадзором. Во-вторых, белый амур не

перспективен для ужения. В-третьих, при весенних паводках эти виды будут уходить из озера в реку, поскольку отсутствуют специальные гидротехнические сооружения.

Все это будет способствовать наиболее эффективному освоению данной акватории и прилегающей к ней территории, увеличению посещаемости и материальной отдачи от вложенных средств.

Литература

Дудковский Н.И. Состав ихтиофауны и гидробиологическая оценка некоторых пойменных озер среднего течения р.Жиздра национального парка «Угра», 1998 г. // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Козельские краев.чтения. Вып. 3—4. Калуга: Полиграф-Информ, 2001. С. 208—209.

Дудковский Н.И., Марголин В.А. Особенности освоения головешкой-ротаном пойменных озер Оки и Жиздры//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X регион. науч. конф. Калуга: «Гриф», 2003. С. 750—755.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. Тула: Приокское кн. изд-во, 1979. 168 с.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии //Очерки Калужской губернии, раздел 2. Калуга: Изд-во Калужского губернского общества краеведения, 1925. №1. 22 с.

К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЗЕЛЕНЫХ ЛЯГУШЕК НА ЮГО-ВОСТОКЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В.А. Корзиков, *студент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Первые сведения о зеленых лягушках Калужского края приведены в работе В.А. Николаева (1925), где был отмечен один вид лягушка съедобная (*Rana esculenta* Linnaeus, 1758). В прошлом считалось, что все зеленые лягушки относятся к одному виду — лягушка съедобная (Кузьмин,1999). Спустя почти 50 лет М.Е. Кунаковым (1979) были даны краткие сведения о биологии двух видов других зеленых лягушек: озерной (*R. ridibunda* Pallas, 1771) и прудовой (*R. lessonae* Camerano, 1882) — в это время зелеными лягушками считали эти два вида. Наиболее полный список амфибий, включая зеленых лягушек, для Калужской области приводит С.С. Писаренко в 1990 г. В этом списке впервые помимо вышеуказанных видов упоминается о наличии в Калужской области съедобной лягушки, но, к сожалению, в этой работе отсутствуют какие-либо сведения о распространении зеленых лягушек в Калужской области. В работах А.С. Завгороднего с соавторами (2001а,б) для юго-востока

Табл. 1. Местонахождение обследованных биотопов и учетных маршрутов.

№	Биотоп	Место нахождения
1	Пруд	ГПЗ «Калужские засеки», сев. участок, кордон. Новая Деревня
2	Пруд	Ульяновский район, на западе от д. Чернышено, территория бывшего ЛТП
3	Пруды на р. Кумовской	ГПЗ «Калужские засеки», сев. участок, урочище Кумово
4	Пруды на левом притоке р. Трошенки	НП «Угра», Березичское лесничество, южная граница
5	Ручей	НП «Угра», Березичское лесничество, близ базы «Отрада»
6	Ручей	ГПЗ «Калужские засеки», сев. участок, Новая Деревня, долина р. Красной
7	Старица (пойменное озеро)	выше по течению р. Вытебети от впадения р. Песочни, на востоке от д. Слободки
8	Низинное болото	ГПЗ «Калужские засеки», сев. участок, Новая Деревня

Табл. 2. Список видовых различий зеленых лягушек (по С.Л Кузьмину (1999);и А.Б. Ручину, М.К.Рыжову (2006).

Признак / Вид	Резонаторы	Пяточный бугор	Длина	Боковые пятна по бокам и бедрам	Брюхо	Соотношение размеров бедра и голени	Дорсо-медиальная полоса, если имеется
Прудовая лягушка	белые	крупный, короче 1 пальца задней ноги в 0, 81—2,33 раза	до 80-90 мм	желтые	белое, желто-белое, обычно без пятен	голень короче бедра	не доходит до конца морды, также светлые линии на спинно-боковых складках
Съедобная лягушка	серые	высокий, короче 1 пальца задней ноги в 1,73—2, 89 раза	до 100 мм	желтые	светлое, с пятнами	голень примерно равна бедру	промежу-точный вариант
Озерная лягушка	черные	скошенный и низкий, короче 1 пальца задней ноги в 1,36—4,72 раза	до170 мм	черные	серовато-желтое, серовато-белое с мрамор-ным рисун-ком	голень длиннее бедра	имеется по всей длине спины, или доходит до конца морды

Калужской области указываются два вида зеленых лягушек (прудовая и озерная).

Цель исследования — изучение видового состава и распространения зеленых лягушек юго-востока Калужской области на основе новых знаний по систематике зеленых лягушек.

В задачи исследования входили:

1) оценка видового состава зеленых лягушек;

2) оценка биотопической приуроченности зеленых лягушек.

Методы исследования и материал

Учеты земноводных проводилось в Березичском лесничестве национального парка «Угра» (Козельский р-н) и на северном участке заповедника «Калужские засеки» с прилегающими территориями. Нами были выбраны восемь учетных маршрутов, приуроченных к наиболее типичным водоемам и водотокам района исследования (табл. 1). Учеты проводились по трансектам (ширина прохода — 1м, длина — 100м) вдоль берега (Измерение.., 2003).

Учеты проводились в июне—августе в 2008 года. Определение материала проводилась по таблицам С.Л.Кузьмина (1999), А.Б.Ручина, М.К.Рыжова (2006). Видовая принадлежность сложных в идентификации экземпляров была подтверждена А.Б.Ручиным, в связи с чем, пользуясь случаем, хочу выразить ему свою искреннею признательность.

Уловистость (экз./10м²) вычислялась по формуле N= n*10/100, где n — число экземпляров, 100м — длина трансекты.

Для вычисления и построения диаграмм и графиков использована программа Microsoft Excel.

Всего учтено, обработано и определено 214 экз. амфибий двух видов.

Озерная лягушка. Вид, тяготеющий к крупным водоемам и рекам (Кузьмин,1999). В данном регионе вид не обнаружен. Вероятно, это связано с тем, что выборки производились на большом расстоянии от крупных водотоков и водоемов. Для этого района вид указывается в списках А.С. Завгороднего с соавторами (2001а,б). Повторные отловы на реке Вытебеть

в местах сбора А.С. Завгороднего наличие этого вида не подтвердили. По наблюдениям С.К. Алексеева (устное сообщение), озерная лягушка им отмечалась на прудах у д. Волосово-Дудино (Ульяновский р-н) в 1997 г., у д. Хотьково (Думиничский р-н) в 2001 г. и у д. Слобода (Хвастовичский н-н) в 2002 г. Нами эти пруды не обследовались.

Прудовая лягушка. По литературным сведениям обычный околоводный вид небольших водоемов. В анализируемых выборках самый массовый вид; это связано с его предпочтениями к внутрилесным водое-мам. Максимальная длина туловища (L) — 70 мм., минимальная — 36,3 мм. Число самок в 1,5 раза больше числа самцов (табл.2). Наивысшая плотность достигала на болоте (3,6 экз./10м²) и каскаде прудов(3,4 экз./10м²). Наименьшая плотность — на старице (0,5 экз./10м²). Это связано с биотопическими предпочтениями данного вида. По данным А.Б. Ручина (2006) прудовая лягушка предпочитает крупные лесные массивы. В анализируемых выборках прудовая лягушка предпочитает водоемы, достаточно отдаленные от крупных рек и озер.

Табл. 3. Половой состав и размеры туловища (мм) *R.lessonae.*

Самцы (n=76)	Самки (n=117)
50,0 ± 11,7	53,9 ± 10,9

Съедобная лягушка. Систематический статус съедобной лягушки продолжает обсуждаться. Исходя из новых взглядов это клептон — новая категория таксона видовой группы (*R. kl. esculenta*), гибридогенный комплекс (Кузьмин,1999). Польский зоолог Л.Бергер считает, что данный вид не самостоятелен, а является гибридом между *R. ridibunda* и *R. lessonae* и подтверждает свои предположения экспериментально (Бергер, 1970).

Всего поймано пять экземпляров: один самец (L — 61 мм) и четыре самки (L — 68,5 мм). Небольшая численность связана с высокой смертностью данного вида (устное сообщение А.Б. Ручина). Наивысшая плотность наблюдалась на каскаде прудов (0,2 экз./10м²). Данный вид раньше не указывался в списках прошлых исследователей, где *R. esculenta*, скорее всего, определялась как *R. lessonae* из-за внешнего сходства.

Биотопическая приуроченность зеленых лягушек

Анализ наших сборов показал, что наиболее предпочитаемыми по численному обилию земноводных являются и каскады прудов. Наименьшим предпочтением пользовались старица и ручьи (рис.1, табл. 4).

Популяционные комплексы зеленых лягушек

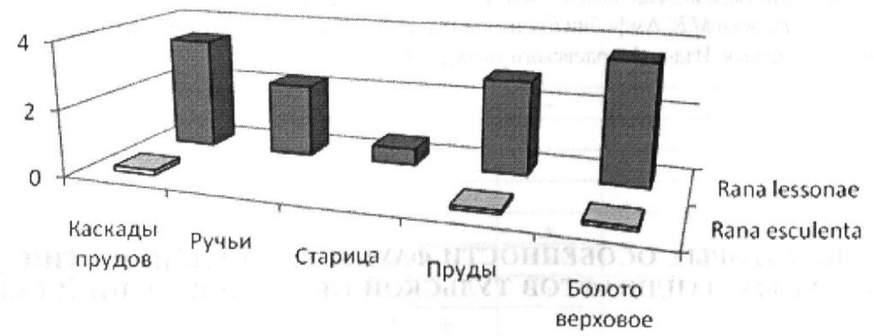


Рис. 1. Биологическая приуроченность земноводных по основным водоемам

В 2008 г. на юго-востоке Калужской области нами отмечены следующие популяционные комплексы: L (*R.lessonae*), LE (*R. lessonae* и *R. esculenta*). Комплекс LE охватывает 4 биотопа, столько и у комплекса L. Морфологическое и фенотипическое разделение *R. lessonae* и *R. esculenta* нуждается в дальнейшем изучении.

Выводы

На малых реках и небольших прудах юго-востока Калужской области в 2008 г. отмечено только два вида зеленых лягушек: *R. lessonae* и *R. esculenta*.

101 Зак 2219

Табл. 4. Динамическая плотность зеленых лягушек на юго-востоке Калужской области в 2008 году (экз. на 10 м^2 прибрежного водного зеркала).

Виды	Каскады прудов	Ручьи	Старица	Пруды	Болото	В среднем по региону
Rana esculenta	0,2	0	0	0,1	0,1	0,1
Rana lessonae	3,4	2,2	0,5	2,8	3,6	2,5
Плотность по водоемам	3,6	2,2	0,5	2,9	3,7	2,6

Впервые для Калужской области отмечено точное место нахождение и биотопы обитания съедобной лягушки, где она является обычным, но немногочисленным видом.

Наиболее населенными зелеными лягушками являются низинные болота и каскады прудов.

По биотопической приуроченности прудовая лягушка предпочитает лесные массивы, не связанные с крупными водоемами; съедобная лягушка — каскады прудов.

Выявлено два популяционных комплекса: L (*R. lessonae*) и LE (*R. lessonae* и *R. esculenta*).

Литература

Алексеев С.К., Рогуленко А.В. Земноводные Среднего и Нижнего Поугорья // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Калуга, 2003. С. 61—64.

Банников А.Г, Денисова М.Н. Очерки по биологии земноводных. М.: Просвещение, 1956. С.1—168.

Бергер Л. Некоторые особенности гибридов внутри комплекса Rana esculenta//Annales Zooloci. Варшава, 1970. С. 374—416.

Завгородний А.С., Алексеев С.К., Стрельцов А.Б. Позвоночные животные заповедника «Калужские засеки»//Флора и фауна заповедников. Вып.98. М., 2001. С.5—9.

Завгородний А.С., Алексеев С.К. Земноводные и пресмыкающиеся Козельского района // Проблемы археологии, истории, культуры, природы Козельского края. Калуга, 2001. С. 211—212.

Измерение и мониторинг биологического разнообразия: стандартные методы для земноводных/ Пер. с англ. М.: Изд-во КМК, 2003. 380 с.

Кузьмин С.Л. Земноводные бывшего СССР. М.: Изд-во КМК, 1999. 298 с.

Писаренко С.С. Новое в систематике земноводных и пресмыкающихся Калужской области//Пятая краевед. конф. Калуж. обл.: Тез. докл. Обнинск, 1990. С. 287—290.

Ручин А.Б., Рыжов М.К. Амфибии и рептилии Мордовии: видовое разнообразие, распространение, численность. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. С. 1—161.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАУНЫ И НАСЕЛЕНИЯ ПТИЦ СЕЛИТЕБНЫХ ЛАНДШАФТОВ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ЗИМНИЙ ПЕРИОД

***О. В. Швец**, к.б.н., доц., Тульский государственный педагогический университет,*
***О.В. Бригадирова**, к.б.н., н.с., научный центр РАЕН «Охрана Биоразнообразия»,*
***И.В. Андрианов**, студент, Тульский государственный педагогический университет*

Основой для обзора послужили материалы наблюдений 1987—2008 гг., проводившихся в гг. Тула, Узловая, Новомосковск, Плавск, Алексин, Белев, Суворов, Венев и их ближайших окрестностях, а также н.п. сельского типа Заокский, Ясная Поляна, Селиваново, Карники, Сенюхино, Николо-Гастунь, Сныхово, Шилово, Мечнянка. Учетные работы с пересчетом данных не единицу площади проводились в гг. Тула, Узловая, Плавск, дд. Сенюхино, Шилово. Понятием «зимний период» ограничен период относительной стабилизации зимней авифауны — с 20 декабря по 20 февраля [1].

Табл. 1. Распределение зимующих видов в пределах населенных пунктов.

виды	г. Тула		городская многоэтажная и смешанная застройка	городские и пригородные парки и скверы	пустыри и окраинные лугово-полевые участки	населенные пункты сельского типа	садовые участки	прочее
	городская многоэтажная и смешанная застройка	частная застройка						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
кряква								+
ястреб-тетеревятник				+				
ястреб-перепелятник	+		+	+		*		
зимняк					*			
сапсан			*			*		
лысуха								*
сизая чайка								*
сизый голубь	+	+	+	+		+	+	
кольчатая горлица	+	+	+	+		+		
белая сова								*
ушастая сова			*	+		+		
домовый сыч						+		
обыкновенная неясыть				+				
большой пестрый дятел		+		+				
средний пестрый дятел				*				
малый пестрый дятел	+	+	+	+	+			
сойка				+				
сорока	+	+	+	+	+	+	+	
галка	+	+	+	+		+	+	
грач	+	+	+	+	+	+		
серая ворона	+	+	+	+	+	+		
ворон				+	+			
свиристель	+	+	+	+			*	
крапивник				*				
желтоголовый королек				+				
рябинник	+	+	+	+			+	
черный дрозд							*	
белобровик							*	
певчий дрозд							*	
ополовник				+				
буроголовая гаичка		+		+	+	+	+	
лазоревка	+	+	+	+		+	+	
большая синица	+	+	+	+	+	+	+	
поползень	+	+	+	+		+		
пищуха	+	+	+	+				
домовый воробей	+	+	+	+	+	+	+	
полевой воробей	+	+	+	+	+	+	+	
зяблик				*		*		
зеленушка	+	+	+	+	+	+	+	
чиж	*	*	*	+	+	+		
щегол	+	+	+	+	+	+	+	
чечетка		*		+				
клест-еловик			*	*				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
снегирь	+	+	+	+	+	+	+	
обыкновенная овсянка		+		+	+	+	+	
пуночка					+	+		

Примечание: + встречается ежегодно; *встречается не ежегодно.

В зимний период на территории Тульской области встречается не менее 74 видов птиц. На протяжении последних 20 лет не менее 49 видов отмечалось в зимний период в пределах населенных пунктов (табл. 1). При этом 11 видов появляются здесь только в осенне-зимний период. Встречи 12 видов носят нерегулярный характер.

Следует отметить значительные различия в составе фауны населенных пунктов различного типа. Максимальным видовым богатством отличается территория г. Тулы, для которого, как и для большинства старых городов, характерна неоднородность застройки и значительная мозаичность местообитаний. В пределах современных административных границ города представлены современные кварталы многоэтажных домов, массивы одноэтажных частных домов с садовыми участками, парки и скверы различной площади, незамерзающие участки водоемов различного происхождения, а также ряд населенных пунктов сельского типа с прилежащими лесополосами и луго-полевыми биоценозами. Здесь за весь период проведения наблюдений отмечено 43 вида птиц [6]. В городах, являющихся районными центрами, отмечено 28—34 вида, населенных пунктах сельского типа — порядка 19—31 видов, в зависимости от размера населенного пункта, характера его биотопического окружения и особенностей конкретного зимнего сезона. При этом отдельные биотопы, входящие в структуру населенного пункта, характеризуются еще меньшим видовым разнообразием (от 10 до 25 видов), однако для большинства из них характерна значительная плотность (500 до 1400 особей/км^2) птичьего населения, существенно превышающая показатели плотности, приводившиеся для естественных типов местообитаний Тульской области [1, 5]. В отличие от последних в населении селитебных ландшафтов присутствует заметная доля голубеобразных (от 0,6% до 12%).

В зимний период в городских кварталах с многоэтажной застройкой встречается 16—18 видов с плотностью населения 800—1400 особей/км^2. При этом максимальными видовым разнообразием (местами до 23 видов) и плотностью птичьего населения отличаются кварталы со смешанной застройкой, представляющие собой чередующиеся участки многоэтажных домов с древесными насаждениями во дворах и около дорог и массивами одноэтажной застройки с садами. Доминирующие виды: домовый воробей, галка, большая синица, грач и сизый голубь. В районах с частной застройкой отмечено 21—23 вида, плотность населения несколько ниже — порядка 550—1200 особей/км^2.

В городских и пригородных парках встречается от 23 до 38 видов с плотностью населения до 700—900 особей/км^2. По составу авифауны парковые ландшафты приближаются к лесным местообитаниям: наряду с воробьинообразными здесь существенна доля дятлообразных (2,3—4%). Состав зимней фауны связан с характером парковых насаждений. Так, в Центральном парке г. Тулы, имеющем участки хвойных пород, ежегодно зимует желтоголовый королек, в других городских парках с лиственными древостоями этот вид не отмечен. Доминируют большая синица и лазоревка, в отдельные годы к ним присоединяются буроголовая гаичка и снегирь.

Минимальным разнообразием характеризуются городские пустыри — 12 видов с плотностью населения 45—85 особей/км^2 и луго-полевые участки по окраинам города — до 15 видов с плотностью 35—56 особей/км^2.

В отдельно взятых населенных пунктах сельского типа встречается до 19—23 видов, плотность населения 450—600 особей/км^2. Доминирующими видами становятся полевой воробей и большая синица.

В лесах по окраинам населенных пунктов отмечено до 28 видов с плотностью населения 90—140 особей/км^2. В подобных участках заметно возрастает численность ряда синантропных видов, что может быть наглядно проиллюстрировано на примере большой синицы, численность которой в глубине лесных массивов не превышает 1—3 особей/км^2, а

вблизи населенных пунктов возрастает до 11—20 особей/км^2. Для подобных участков, а также пригородных парков, отмечены зимние встречи обыкновенной неясыти, ястреба-тетеревятника, домового сыча.

К населенным пунктам в зимний период тяготеет ряд видов хищных птиц. Регулярная зимовка отмечена для ястреба-перепелятника и ушастой совы, причем для населенных пунктов разного типа характерны заметные отличия в их распределении по территории. В мелких населенных пунктах сельского типа эти виды держатся в примыкающих к ним окраинных участках лесных массивов. В крупных поселках и городах птицы чаще располагаются непосредственно в черте города. Здесь они держатся в парках различной площади, при значительной мозаичности ландшафта используются небольшие скверы площадью от 0,5 до 2 га, группы деревьев во дворах жилых массивов, участки речных пойм. В пойменных участках отмечались дневки белой совы (г. Тула 1989/90 г.).

Довольно неравномерно распределяются по территории населенных пунктов серая ворона, галка и грач [1].

Большинство встреч водоплавающих и околоводных видов в зимний период приурочено к территории г. Тулы, отличающейся наличием водно-болотных биотопов. Из регулярно зимующих здесь видов следует отметить крякву, численность которой на городских водоемах в значительной степени коррелирует с температурами ноября и декабря [3]. Птицы держатся как на прудах парков и городских отстойниках (в целом, во второй половине января в разные годы в здесь фиксировалось от 125 до 620 особей), так и по незамерзающим участкам р. Упа и ее притоков (в разные годы от 2—3 до 78 особей на 10 км маршрута) [2, 3]. Нерегулярная зимовка отмечена для лысухи и сизой чайки.

Довольно своеобразный орнитокомплекс формируется в зимнее время на пригородных садовых участках, практически не посещаемых в это время людьми. Здесь встречено 17 видов птиц с общей плотностью населения 590 особей/км^2. В отдельные до 73% всего населения составляет дрозд-рябинник. Отмечены также встречи дроздов белобровика, черного и певчего (окр. г. Тулы; окр. пос. Дубовки Узловского р-на, 1994/95 г.).

Не избегают населенных пунктов и некоторые редкие виды. Средний пестрый дятел — птиц неоднократно наблюдали в январе—феврале 1996 и 1998 гг. в парке на южной окраине г. Тулы. Сапсан — охоту на воробьев наблюдали на окраине д. Мечнянки (Ефремовский р-он, 1991/92 г.) и в жилых кварталах г. Узловая (2002/03 г.).

На протяжении периода наблюдений отмечен ряд изменений в составе и распределении зимней авифауны населенных пунктов. На протяжении последних 8 лет в городах наблюдается ежегодная зимовка рябинника, образующего стаи в 20—100 особей, участились случаи встреч свиристели на протяжении всего зимнего периода. В последние 5—8 лет отмечаются случаи зимовок ушастой совы на небольших группах деревьев в жилых кварталах мелких городов. Увеличилось число встреч пищухи и малого пестрого дятла в городских кварталах. В последние годы в жилых кварталах г. Тулы отмечаются случаи зимовки ястреба-перепелятника, в водно-болотных биотопах начали отмечаться лысуха и сизая чайка.

Выражаем искреннюю благодарность *Склейминой А.В., Маматкуловой О.И., Перекусихиной Н.В.*, в разные годы принимавшим участие в проведении зимних наблюдений и учетов птиц в населенных пунктах Тульской области.

Литература

Боголюбов А.С., Васюкова О.В., Засько Д.Н., Преображенская Е.К. Результаты зимних учетов птиц Европейской части СССР. М., 1990. Вып. 2. 28 с.

Бригадирова О.В., Склеймина А.В., Маматкулова О.И. Водоплавающие и околоводные птицы в г.Туле//Животные в городе: Материалы 2 науч.-практич. конф. М., 2003. С. 50—51.

Бригадирова О.В. Численность и размещение кряквы на водоемах г. Тулы в зимний период // Экологические проблемы урбанизированных территорий. Елец, 2007. С. 64—66.

Фадеева Е.О. Экология гнездования грача (Corvus frugilegus L.) в антропогенных ландшафтах Окско-Донского междуречья. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2007. 200 с.

Швец О.В. Зимняя авифауна естественных и трансформированных ландшафтов Тульской области// Орнитология. М.: Изд-во МГУ, 1998. Вып. 28. С. 231—233.

Швец О.В. Некоторые особенности фауны и населения птиц г. Тулы в пределах ее административных границ // Экологические проблемы урбанизированных территорий. Елец, 2007. С. 161—164.

К РАСПРОСТРАНЕНИЮ БОБРА НА ЮГО-ВОСТОКЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Квасов, *уч., средняя общеобразовательная школа № 2 г. Калуги,*
С.Е. Карпухин, *студент,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского,
С.К. Алексеев, *к.б.н., зав. отд.,*
ГОУ ДО Калужский областной эколого-биологический центр учащихся,
А.В. Рогуленко, *к.б.н., с.н.с., Национальный парк «Угра»*

В начале XX в. бобр находился на грани полного исчезновения. К 1930 г. он сохранился в ничтожном количестве в семи небольших участках в европейской и азиатской частях бывшего СССР. Потребовались экстренные меры по сохранению и размножению этого ценного зверя. Была организована сеть государственных заповедников и сотни заказников местного значения в целях охраны и воспроизводства поголовья бобра. С 1930 г. началась планомерная работа по акклиматизации этого грызуна. К 1972 г. бобр уже обитал в 54 областях, краях и автономных республиках РСФСР. К 1977 году численность бобра в СССР была около 180 тыс. Бобр как вид был спасен (Колосов и др., 1979). К 1992 году численность возросла до 250 тыс. (Охота в России, 1992).

В Калужской области бобра не отмечали уже в начале XIX в. Во всяком случае, в списках млекопитающих Г. Зельницкого (1804) и позже В.А. Николаева (1925) о бобре даже не упоминается. С 50-х годов XX в. началась реакклиматизация бобра в Калужской области. Завозили бобра из Воронежского заповедника и в 1951 г. выпустили 30 особей в реку

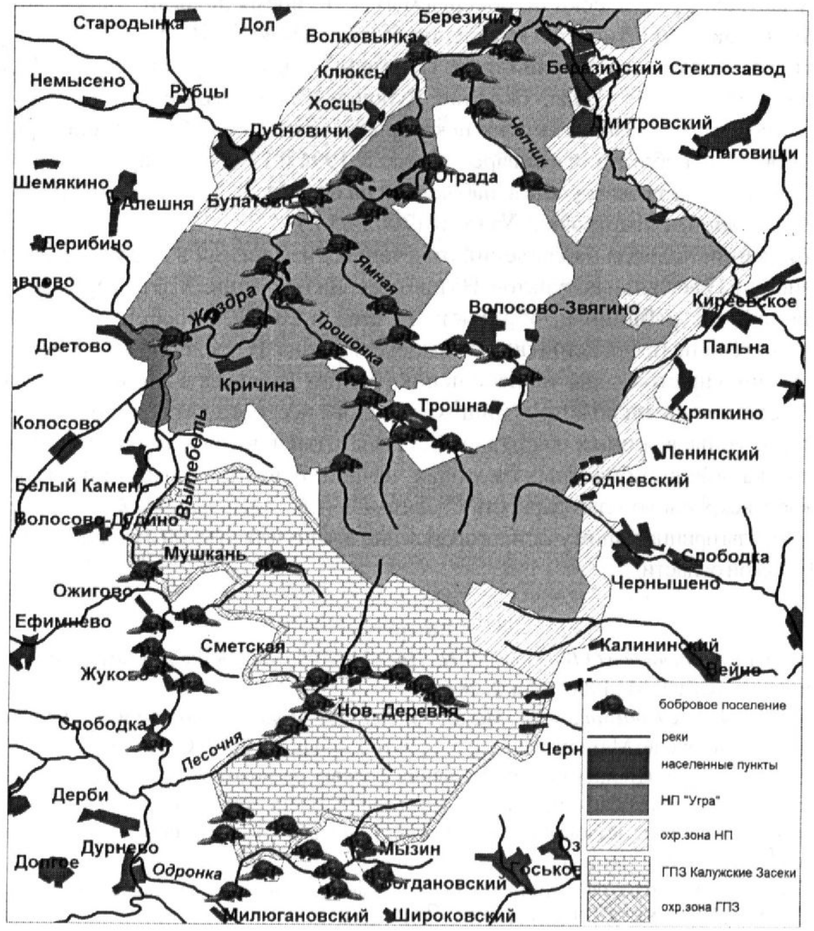


Рис. 1. Расположение бобровых поселений на изучаемом участке.

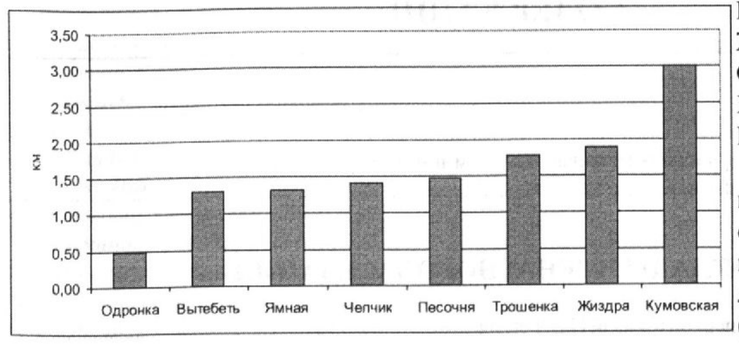


Рис. 2. Средняя протяженность реки в км на одно поселение бобров.

Вытебеть (приток реки Жиздры) на границе Орловской области и Хвастовического района Калужской области.

К 70-м годам численность бобра в Калужской области достигла уровня, позволившего начать его лицензионный промысел (Кунаков, 1979). Но к концу 90-х годов его поголовье несколько сократилось в связи с интенсивным браконьерством (на шкурку и бобровую струю). В последние годы интерес к меху и струе значительно уменьшился, в связи с чем уменьшилось браконьерство, а численность зверя стала расти.

Помимо промысловой ценности, бобр — один из главнейших ценозообразующих видов долин малых рек лесного пояса. Благодаря его деятельности в долинах малых рек происходит периодическое территориальное перераспределение участков растительных формаций и связанных с ними комплексов животных, грибов и др. организмов (Евстигнеев, 2004).

Несмотря на очевидное хозяйственное, экологическое и природоохранное значение бобра, изучение его на территории Калужской области в настоящее время практически не проводится. Последние учеты проводились лишь в 70—80 гг. прошлого века А.А. Ворониным и его учениками (1969—88) в бассейне р. Жиздры и сотрудниками заповедника «Калужские засеки» на своей территории в конце 90-х. Учетами на южном участке заповедника в 2000 и 2004 гг. занимался Галченков Ю.Д.

Нами в период с октября 2008 по февраль 2009 гг. был проведен учет бобра на территории Березичского лесничества НП «Угра», северного участка ГПЗ «Калужские засеки» и прилегающих территорий. Частично или полностью были обследованы следующие реки: Одронка, Кумовская, Песочня, Вытебеть, Трошенка, Ямная, Чепчик, Жиздра. Всего было исследовано 84 км речной сети. Учеты проводились с использованием GPS-навигаторов с картированием свежих следов жизнедеятельности бобров. Всего на реках было учтено 60 поселений (рис. 1). Исходя из методики расчета численности бобра по поселениям (Хлебович, 1938) на обследованной территории обитает 276 бобров. Анализируя распространение бобров по изучаемым рекам можно сказать, что наивысшая плотность поселений наблюдается на р.Одронке, наименьшая — на р.Кумовской, на других же реках показатели встречаемости поселений сходны (рис. 2).

Литература

Галченков Ю.Д., Локтионов Е.Ю. Результаты учета бобра (Castor fiber L.) на Южном участке заповедника «Калужские засеки» в 2004 г. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской науч. конф. 5—7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.368—371.

Евстигнеев О.И. Речной бобр и циклические сукцессии растительности // Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 473—484.

Зельницкий Г. Животный мир Калужской губернии // Урания. Калуга, первая четверть 1804 года.

Колосов А.М., Лавров Н.П., Наумов С.П. Биология промыслово-охотничьих зверей СССР. М.: Высш. шк., 1979. 416 с.

Охота в России / Сост. В.В. Дёжкин. М.: ВиМо, 1992. 576 с.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области// Тула: Приок. кн. изд-во, 1979. 168 с.

Николаев В.А. Животный мир Калужской губернии // Очерки Калужской губернии, раздел 2. Калуга: Изд-во Калужского губернского общества краеведения, 1925. № 1. 22 с.

Хлебович В.К. Итоги по обследованию и количественному учёту бобров в бассейне р. Воронеж в 1934 г. // Тр. Воронеж. гос. заповедника. 1938. Вып. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово к участникам конференции министра культуры Калужской области А.И. Типакова....3

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Роянова Г.И. Калужский период в жизни Н.В. Гоголя....4

Иванов В.А. Калужские чиновники — современники Н.В. Гоголя: социальный и нравственный облик носителей провинциальной власти....11

Черников А.П. Духовные искания Н.В. Гоголя....20

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Савосичев А.Ю. Брачно-семейные связи дьяков и подьячих второй половины XVII века....25

Беспалов Р.А. Опыт исследования «Сказания и крещении мценян в 1415 году» в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья....27

Федотов С.В. Канонизация Пафнутия Боровского и Церковный Собор 1531 года. (К постановке проблемы)....35

Саратовцева Н.А., Абакулов В.И. Верхнее Алопово Перемышльского уезда. История древнего села. XV—нач. XX вв....41

Васильева З.В. Село Белкино. XVII—первая половина XVIII вв. 44

Соснер И.Ю. Городовое сообщество Алексина второй половины XVIII столетия. (По материалам РГАДА)....48

Митрошенкова Л.В. К истории секуляризационной реформы: опись духовных вотчин Малоярославецкого уезда подпоручика А.Дернова....52

Бессонов В.А. Посещение Калуги императрицей Екатериной II в 1775 г....58

Абакулов В.И. Представители древнего дворянского шотландского рода Каров в Калужской губернии. XVIII—перв. пол. XIX вв....65

Штепа А.В., Бессонов В.А. К вопросу о нормативной базе и классификации благотворительной помощи калужан накануне и в период Отечественной войны 1812 года....69

Лебедев А.Г. Благотворительность в отношении заключенных и бывших военнослужащих в Калужской губернии в XVIII—начале XX вв. как фактор социальной стабильности....73

Суворова Е.В. Историко-краеведческая и музейная деятельность Калужского губернского статистического комитета....75

Кащеева А.А. К вопросу о народном образовании в Боровском и Малоярославецком уездах во второй половине XIX—начале XX вв....79

Полежаева Е.А., Андреева В.А. Родословная Полежаевых — текстильных фабрикантов города Боровска Калужской губернии....82

Лошкарева Н.П. Строительство шоссе Боровск—Болобаново по свидетельству очевидца Е.М. Челищева. (К вопросу о проблеме дорог в России рубежа XIX—XX вв.)....88

Рогуленко Е.И. Изучение роли сухопутных дорог в экономическом развитии Калужского края. (По материалам калужских краеведческих изданий постсоветского периода)....92

Демченко В.В. Участие калужского отделения Дворянского земельного банка (КО ДЗБ) в кредитовании сельского хозяйства на землях верхнего Поочья....95

Кожевникова Н.И. Директора Малютинского банка, городские головы города Калуги: к вопросу генеалогии....98

Панасюк В.В. К вопросу об организации внешкольного сельскохозяйственного образования крестьян Калужской губернии в годы Столыпинской аграрной реформы. (По материалам местной печати)....105

Бовкало А.А. Биографии некоторых членов корпорации Калужской духовной семинарии конца XIX—начала XX вв....109

Мурских Л.В. Из истории женского образования в городе Орле в начале XX века....113

Цымбалова О.В. Реклама на страницах газеты «Орловские губернские ведомости» в начале XX века....116

Тихонов А.В. Диалог цивилизаций поневоле. К вопросу о пребывании военнопленных и интернированных турок в Калужской губернии во второй половине XIX—начале XX вв....119

Зубов Д.Ю. К вопросу о направлении крымских татар в Калужское исправительное арестанское отделение в 1976—1879 гг....123

Красин В.М. Шейхи тариката кадирийя в Калуге в 1912—1914 годах....125

Белова И.Б. Калуга на положении чрезвычайной охраны: проблемы обеспечения общественного порядка летом 1915 года....128

Лошманова О.А. Части особого назначения Калужской губернии (1919—1924 гг.). Проблемы формирования....132

Марченкова Н.Н. Проблемы советских и партийных органов в деле аграрной и культурной революции. (К вопросу изучения коллективизации в Калужском крае)....136

Ефимова И.Л. Общественно-политическая жизнь в населенных пунктах, прилегающих к городу Обнинску, в 1920-е годы....138

Бауэр А.А. Территория и население Песоченского района в составе Брянской губернии (1920—1929 гг.)....141

Ульянов А.И. Изучение истории Угодского края в 1929—1953 гг....144

Добычина М.А. Изучение истории и организации архивного дела в Калужской области в 1920—1990-х гг....146

Леонтьев Я.В. Жизнь после ГУЛАГА. (Малоярославецкий период биографии И.К. Каховской)....149

Писаренко И.С. Подготовка кадров массовых производственных профессий для промышленности и сельского хозяйства Калужской области в годы Великой Отечественной войны....154

Коваленко А.С. Образ боевых действий на реке Угре весной 1942 года....160

Герасимов К.В. Обзор фондов документов общественно-политических и общественных организаций, хранящихся в ГУ «Государственный архив документов новейшей истории Калужской области»....163

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Пушков В.П., Пушков Л.В. Книжные покупки жителей Верхнего Поочья в лавке Московского печатного двора в XVII веке. (По архиву Приказа книгопечатного дела)....166

Жердева А.С., Абакулов В.И., Павлишак А.А. Сохранившиеся белокаменные надгробия и закладные доски XV—XVIII вв. на территории Калужской губернии. К составлению свода....168

Пуцко В.Г. Икона Богоматери Казанской, что в Калуге....172

Чугреева Н.Н. Калужская Казанская икона Богоматери: история, иконография, списки....177

Дзиговская Л.Н. К вопросу об иконах Казанской Божией матери в Казанской церкви города Тулы....182

Хохлова Т.М. Посуда и бытовые предметы уральских заводов из собрания Калужского областного краеведческого музея....186

Личенко С.И. Портреты Екатерины II в собрании Калужского областного художественного музея: к проблеме подлинника и копии в русской живописи XVIII века....190

Марченко Н.В. Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод в XVIII—XIX в....196

Мавлиханова Е.А. От исканий послушника к старческому служению: архимандрит Оптинский Моисей. (По письмам в Саровскую Пустынь. 1805—1862 гг.)....202

Лазарева Т.В. Иконостасы сельских церквей в новое время (на примере Орловской, Калужской и Рязанской губерний)....211

Назарян Е.А. Имение дворян Ермолаевых в сельце Горки. (Из истории дворянских усадеб Малоярославецкого уезда)....215

Руднев Б.В. Фотографы Гольдберги в Калуге....219

Бауэр Г.П., Бауэр А.А. Детский писатель и педагог XIX века М.Б. Чистяков — наш выдающийся земляк....228

Федорова Л.И., Ткаченко В.А. Датированная глиняная курительная табачная трубка из Калуги....231

Метальникова Е.В. Он жил не для себя, а для служения Богу и людям. (О благотворительной помощи протоирея отца Иоанна Кронштадского Калужской Епархии) 233

Зверева М.В. Книжная графика XIX—начала XX вв. в собрании Калужского областного художественного музея 237

103 Зак. 2219

Гужова И.В. Реконструкция художественного собрания Е.П. и В.А. Ярошенко из усадьбы Павлищево....242
Сафонова Г.Б. Экспедиционные рисунки этнографа М.Е. Шереметевой....245
Кислицына М.В. Калужский государственный театральный техникум в 1922—1924 гг....250
Тимошенкова Е.А. Образ К.Э. Циолковского в произведениях калужских художников — современников ученого....254
Майорова Л.П. Распространение идей К.Э. Циолковского в областях Верхнего Поочья. (По материалам эпистолярного наследия ученого)....258
Лион А.В., Фетисова Ю.Н. К вопросу о псевдонимах Д.И. Малинина....263
Балашова Е.А. Интериоризация как преодоление идиллического хронотопа....268
Черников А.П. «Звездой затеплившись вдали»: судьба и творчество И.Лялечкина....272
Мешкова Е.С. Альбом гравюр И.Н. Павлова в Малоярославецком музейно-выставочном центре....276
Щербакова С.А. Христианские мотивы в новеллистике З.Гиппиус....280
Петухова Е.В. Роль Калужского драматического театра в социально-культурной жизни провинции в последней трети XX в. (По материалам периодических изданий)....283
Голованов А.Л., Семочкина О.В. Из истории калужской писательской организации. (Калужское отделение Всероссийского Союза поэтов)....286
Семенова С.С. Поиски положительного героя в художественном мире П.Романова....289
Щербаков В.В. Наш земляк П.М. Голубицкий....292
Обухова К.В. Использование законов маркетинга в деятельности Калужского областного художественного музея....295
Маилова Н.И. Проблема оцифровки музейных предметов в условиях художественного музея....298
Бурылева А.Н. Ребенок в музее. Целевые музейные проекты для семейных посетителей и воспитанников детских садов. Из опыта работы Калужского областного художественного музея....300
Клепова С.Л. Целевые музейные проекты для школьников в Калужском областном художественном музее....304

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Новиков В.П. К истории формирования сети ООПТ в Калужской области....308
Жидков М.П., Лихачева Э.А., Макаренко А.Г. Некоторые астроблемовидные озерные котловины Московской и Калужской областей — сходства, различия, генезис....312
Новиков В.П., Гордеева Т.А., Супрычев В.В. Источники подземных вод в долине реки Угры (территория НП «Угра»)....317
Меленчук В.И. К вопросам об использовании и учете естественных выходов подземных вод на территории Калужской области....325
Беркович К.М., Злотина Л.В., Турыкин Л.А. Современное состояние русла верхней Оки: исчерпан ли потенциал самовосстановления?....328
Давыдова Е.Г., Жмакин Е.Я. О микроклимате Калужской области....331
Галкин Ю.С., Низовцев В.А., Рудницкая Т.Ю., Самсонова С.Ю. Ландшафтные особенности русских усадебных комплексов (на примере Белкино, Калужская область)....333
Беляев В.Р. Современное экологическое состояние некоторых овражно-балочных систем на территории города Калуги....337
Новиков И.В., Счастливцева Н.П. Основные направления деятельности Палеонтологического музея им. Ю.А. Орлова....339
Дудина Т.И. История изучения юрских аммонитов Калужской области....342
Понизов А.В., Рогуленко А.В. Возможности использования ГИС-технологий при анализе гербарных коллекций. (На примере гербария КГПУ им. К.Э. Циолковского)....346
Крылов А.В., Решетникова Н.М. К Красной книге Калужской области: сосудистые растения....351
Телеганова В.В. К ведению Красной книги Калужской области: раздел Мохообразные....357
Попченко М.И. Редкие и нуждающиеся в охране виды растений, отмеченные на северо-востоке Калужской области....361
Волкова Е.М., Вислогузова Д.В. Образование болот в карстовых и карстово-суффозионных депрессиях приокской части Тульской области....364
Вислогузова Д.В., Волкова Е.М. Некоторые сведения о погребенных торфяниках бассейна реки Оки (Тульская область)....368

Голубева Г.В. Использование хирономид (Chironomidae, Diptera) как биоиндикаторов качества воды....372
Алексанов В.В., Баканов М.Ю. Население прямокрылых мезофитных лугов Калужско-Алексинского каньона....377
Рязанова Г.И., Устинова В.В., Булеза В.В. Стрекозы (Odonata) в Калужской области: фауна и индикаторное значение....380
Алексеев С.К., Перов В.В. Жуки-грибовики (Coleoptera: Erotylidae) Калужской области....383
Алексеев С.К., Перов В.В. Жуки-плеснееды (Coleotera: Endomychidae) Калужской области....385
Алексанов В.В. Население божьих коровок (Coleoptera: Coccinellidae) долины реки Оки в окрестностях Калуги....386
Прохорова Н.Е. К вопросу о фенетической изменчивости жужелиц *Carabus* L. (Coleoptera: Carabidae) в Калужской области....389
Шмытова И.В. Находки новых и редких видов чешуекрылых (Insecta: Lepidoptera) в Калужской области....392
Марголин В.А., Дудковский Н.И. Рыбохозяйственная характеристика озера Тишь....392
Корзиков В.А. К распространению зеленых лягушек на юго-востоке Калужской области....399
Швец О.В., Бригадирова О.В., Андрианов И.В. Некоторые особенности фауны и населения птиц селитебных ландшафтов Тульской области в зимний период....402
Квасов А.С., Карпухин С.Е., Алексеев С.К., Рогуленко А.В. К распространению бобра на юго-востоке Калужской области....406

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XIII Всероссийской научной конференции 7–9 апреля 2009 г.

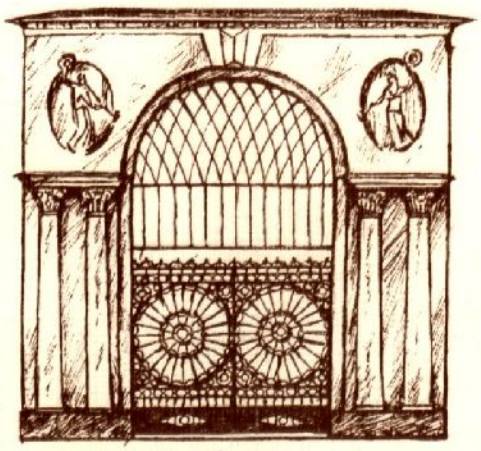
Техническое редактирование и макет *И.В. Шмытовой*

Подписано к печати 25.01.2010 г. Формат 60x84/8.
Объем 51,5 п. л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ №2219

Издательство «Полиграф-Информ» ИД № 01739 от 11.05.2000.

Отпечатано в ООО «Полиграф-Информ»
ПЛД № 42-17 от 16.09.98.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел.: 55-99-31

ISBN 978-5-93999-347-0



Калужский областной краеведческий музей
г. Калуга, ул. Пушкина, 14
www. kokm.ru